

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВИЗАНТИЙСКИЙ
ВРЕМЕННОК

XIV

1958

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

ДК
56
В-42

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННОК

Том XIV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА—1958

30
Г И И Б
ОБМЕН. ФОНД

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

академик *Е. А. Косминский* (отв. редактор), *Б. Т. Горянов*,
член-корреспондент АН СССР *П. В. Ернштедт*,
член-корреспондент АН СССР *В. Н. Лазарев*,
Е. Э. Липшиц, *Г. Г. Литаврин* (отв. секретарь),
член-корреспондент АН СССР *Н. В. Пигулевская*,
Е. Ч. Скржинская, *М. Я. Сюзюмов*,
З. В. Удальцова (зам. отв. редактора)

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР
ПОДАЧЕНО
6 36 58

СТАТЬИ

Г. А. КУРБАТОВ

ВОССТАНИЕ ПРОКОПИЯ

(365—366 гг.)

Наступившая после бурных потрясений III в. известная стабилизация экономической и политической жизни империи оказалась весьма кратковременной. Уже во второй половине IV в. началась полоса нового острого социального кризиса. Развернувшиеся в восточных провинциях народные движения, сливавшиеся на Балканах и в Малой Азии с готскими вторжениями и восстаниями в армии, превратились в последней четверти этого столетия в настоящую народную войну, угрожавшую самому существованию империи.

Первое крупное выступление народных масс восточных провинций, открывшее эту почти непрерывную цепь волнений и восстаний, в течение более четверти века потрясавших империю, связано с восстанием Прокопия. Выступление стремившегося к захвату власти узурпатора всколыхнуло и привело в движение широкие народные массы. В ходе этого движения складывался и креп союз народных низов империи с варварами, а его неудача во многом подготовила тот ожесточенный взрыв классовой борьбы, который привел империю к адрианопольской катастрофе. Причины, побудившие широкие народные массы империи принять участие в восстании Прокопия, определяли их борьбу и в последующие годы.

Поэтому было бы неправильно отрывать восстание Прокопия от событий классовой и социальной борьбы последней четверти IV столетия. Между тем именно такой подход присущ большинству буржуазных исследователей, занимающихся этим периодом. В центре их внимания стоит личность самого Прокопия, и естественно, что и все движение рассматривалось ими только как одна из весьма частых в этот бурный период попыток узурпации, как восстание очередного «тирана»¹. В лучшем случае делались попытки в самой общей форме отметить связь выступления Прокопия с интересами тех или иных кругов господствующего класса².

Естественно, что, рассматривая события 365—366 гг. только как неудачную попытку Прокопия захватить власть, буржуазные историки вообще не уделяли восстанию сколько-нибудь значительного внимания. О нем, правда, так или иначе упоминается во многих общих работах по истории Римской империи и истории Византии, но нет ни одного спе-

¹ O. Seeck. Geschichte des Untergangs d. antiken Welt, Bd. V. Berlin, 1913, S. 45—57; Cambridge Medieval History, I, Oxford, 1924, p. 219—221; E. Stein. Geschichte des Spätromischen Reiches, Bd. I. Wien, 1928, S. 270—271; Histoire Générale, par G. Glotz. Histoire Romaine, t. IV, A. Piganiol. L'Empire Chrétien (325—395). 2-me éd. Paris, 1947, p. 154—155; RE, VII, 2, 1948, col. 2097—2137.

² Histoire Générale, t. IV, p. 154—155; A. Solari. Il Rinnovamento dell'Impero Romano, vol. I. Milano—Genova—Roma—Napoli, 1938, p. 9—10.

циально ему посвященного исследования, за исключением небольших статей Солари по отдельным частным его вопросам, опубликованных в 1931—1934 гг. в журналах «Byzantion» и «Rivista di Filologia...»³.

Между тем это сложное по своему социальному характеру движение, в котором, как в фокусе, отразились многие противоречия, раздиравшие восточноримское общество второй половины IV в., и прежде всего противоречие между народными массами и господствующим классом империи, безусловно заслуживает более пристального внимания.

Советские историки уже сделали первые шаги в изучении некоторых вопросов, связанных с восстанием Прокопия. Так, А. Д. Дмитриев в статье «Восстание вестготов на Дунае» показал подъем народного движения на Балканах, происходивший во время восстания Прокопия⁴. Однако в его задачу не входил анализ причин восстания, его движущих сил и причин поражения. Именно на этих вопросах мы и попытаемся сосредоточить свое внимание в этой статье.

* *

* *

Видимое благополучие империи в первой половине IV в. было результатом крайнего усиления эксплуатации подавляющего большинства ее населения. С начала правления Константина ко второй половине IV в. тяжесть налогов значительно увеличилась. Колоны все более энергично прикрепляются государством к месту своей приписки, чтобы ограничить для них возможности бегства от двойного гнета — своих господ и государства. — 30 октября 332 г. был издан первый эдикт *de fugitivis colonis*⁵, а затем указы о прикреплении колоннов следуют один за другим на протяжении всего IV в. Весьма многочисленные в восточных провинциях мелкие земельные собственники — свободные крестьяне — быстро разоряются под бременем налогов. Уже закон 315 года категорически запрещал чиновникам фиска отбирать у земледельцев в уплату за недоимки рабов и упряжной скот⁶. Описывая положение земледельцев сельской округи Антиохии в середине IV в., Либаний говорит о том, что многие из них вынуждены были бросать свои участки и искать иных способов к существованию⁷. Законодательство IV в. свидетельствует о непрерывном росте *agri deserti*, приисканию новых держателей которых государство уделяло немалое внимание, обещая им трехлетнее освобождение от податей и другие льготы⁸. Все большее число колоннов, мелких земельных собственников и куриалов ищут спасения от поборов фиска у крупных собственников. Уже из эдикта 360 года мы узнаем о переходе под патронат целых общин, перестающих уплачивать государственные налоги⁹. С этого времени борьба против патроната становится одной из важных забот правительства, не желавшего лишаться налогоплательщиков¹⁰. Множество разоренных поборами крестьян, бежавших

³ A. Solari. La rivolta Procopiana a Constantinopoli. Byz. № 7, 1932, p. 143—148; idem. La strategia nel conflitto tra Valente e Procopio. Rivista di Filologia d'istruzione classica. Torino, 1933, № 4, p. 482—486.

⁴ А. Д. Дмитриев. Восстание вестготов на Дунае и революция рабов. ВДИ, № 1, 1950, стр. 67—70.

⁵ Cod. Theod., V, 17, 1.

⁶ Cod. Theod., II, 30, 1.

⁷ Liban., Orationes. Rec. F. Foerster. t. I—XII, Lipsiae, 1906—1924. Orat. XVIII, 289.

⁸ Cod. Theod., V, 11, 8 = Cod. Just., XI, 59, 1.

⁹ Cod. Theod., XI, 24, 1.

¹⁰ Cod. Theod., XI, 24, 1—3.

от своих господ, рабов и колонов ищут спасения в монастырях. Середина IV в. — это время чрезвычайно стремительного развития монастырей, которые, как грибы после дождя, множилось в большинстве восточных провинций. Число нищих, бежавших в монастыри было так велико, что государство вынуждено было предпринять экстренные меры для ограничения роста монастырей и возвращения из них к своим гражданским обязанностям многих бежавших туда. Император Валент с помощью военной силы закрывал многие монастыри, возвращая часть беглецов в их прежнее состояние и пополняя армию за счет способных нести военную службу монахов¹¹. Если одни из бежавших от гнета своих владельцев и государства создавали монастыри или вели отшельнический образ жизни, то множество других объединялись в отряды *latrones*. Источники этого времени говорят о чрезвычайно широком развитии движения *latrones*. Так, по словам Иоанна Златоуста, правительство вынуждено было на всех крупных дорогах держать на небольшом расстоянии друг от друга сильные сторожевые посты для охраны путников¹². Еще более разительно свидетельство Либания, который, правда несколько позже, в 387 г., опасаясь, что в результате вспыхнувших в Антиохии волнений сирийские *latrones* легко смогут захватить и разграбить город¹³.

Значительное количество беглого сельского населения стекалось в города в поисках работы и средств к существованию. Однако и положение городской бедноты, многочисленных в городах восточных провинций мелких свободных ремесленников и торговцев и особенно поденщиков было очень тяжелым. По словам Иоанна Златоуста, как «к земледельцу, так и к торговцу многие приступают со всех сторон, принуждая платить подати и требуя каждый своей доли»¹⁴. После введения в 314 г. хрисаргира, ложившегося основной своей тяжестью на торгово-ремесленную бедноту, положение последней еще более ухудшилось. Так же как и у мелких земледельцев, и у городской бедноты росли недоимки по податям, требование уплаты которых заставляло наименее обеспеченных продавать не только свое имущество и орудия труда, но даже и собственных детей, что и было узаконено уже Константином¹⁵. К хрисаргиру, ложившемуся на всех занятых каким-либо ремеслом, торговлей или промыслом, вплоть до проституции и нищенства, следует добавить все увеличивавшиеся муниципальные поборы и вымогательства куриалов. Среди ремесленников также растет стремление отказаться от своих профессий, иногда даже укрыться под сенью патроната и искать иным путем средства к существованию. Поэтому с 20-х годов IV в. правительство проводит все более жесткую политику прикрепления ремесленников и торговцев к своим профессиям и корпорациям¹⁶.

На почве растущего недовольства народных масс города с середины IV в. становятся все более частыми городские волнения, отмеченные источниками во многих крупных городах восточных провинций: Константинополе, Александрии, Антиохии, Кесарии Каппадокийской и др.¹⁷

Бедствия народных масс восточных провинций усугублялись в первой половине — середине IV в. длительными и в целом неудачными войнами

¹¹ Iohannes Chrysostomos. PG, t. 47, col. 319—328.

¹² Ibid., t. 47, col. 458.

¹³ Liban., Orat., XXXIII, 16.

¹⁴ Ioh. Chrys., PG., t. 47, col. 390. Ср. Zosimus. Historia nova. Ed. L. Mendelssohn. Lipsiae, 1887, II, 38, 2—3.

¹⁵ Cod. Just., IV, 43, 2.

¹⁶ Cod. Theod., XIII, 5. 1—2; X, 20, 1; XIV, 4, 1.

¹⁷ Liban., Orat., XVI, 14; Ep., 1141, 1429.

с Ираном, подготовка к которым сопровождалась новыми тяготами, когда «люди всех классов и всех профессий подвергались всяким поборам: все были обязаны поставлять одежду, оружие и различные изделия, золото и серебро, запасы разнообразного продовольствия и перевозочные средства»¹⁸.

Не улучшилось положение народных масс империи и после вступления на престол Валентиниана и Валента. Валент, которому досталась в управление восточная половина империи, готовясь к новой войне с Ираном, продолжал жесткую податную политику своих предшественников.

Наиболее сильно рост недовольства в это время проявляется в балканских провинциях, особенно во Фракии, где до IV в. значительная часть крестьянства еще сохраняла свою свободу и где как раз в IV в. происходит его массовое закрепощение.

Источники рисуют Фракию как богатую сельскохозяйственную область, где крупное землевладение стало развиваться уже тогда, когда рабовладельческие отношения вступили в стадию своего разложения. Полисный строй здесь так и не получил преобладающего развития. Либаний с презрением отзывается о фракийских городах, говоря, что это скорее большие деревни, чем города¹⁹. В то же время авторы сообщают о больших и богатых селениях — *vici publici*, *κῆραι*²⁰. Здесь широко сохранились общинно-родовые отношения с общим владением землей²¹. И Либаний и Иоанн Златоуст единодушно характеризуют Фракию как «варварскую страну», а фракийцев ставят наряду со «скифами» и другими варварами, населявшими пограничные районы империи²². Правительство высоко ценило военные качества фракийцев. Автор «*Expositio totius mundi*» в середине IV в. пишет: «Фракия... населена рослыми и отважными в битвах людьми, так что отсюда обычно вербуют воинов»²³. Значительную группу населения Фракии составляли военные поселенцы и ветераны, поскольку эта провинция наряду с Иллирией была одним из важных источников пополнения армии. Готовясь к новым войнам, императоры IV в. рекрутировали ядро своей армии во Фракии. Аммиан Марцелин пишет о Констанции, что именно во Фракии он «набирал рекрутов, пополнял крепкими молодыми солдатами легионы, которые пользовались на Востоке славой не за одну выдержанную ими битву»²⁴. Остававшиеся необработанными земли провинции в IV в. заселялись варварами, помещавшимися на положении федератов²⁵. После иранской кампании Констанций, по свидетельству Либания, расселил там пленных, по-видимому, на положении колонов, «сделал территорию Фракии культурной, доставив ей земледельцев»²⁶.

Фракия становится одним из основных сельскохозяйственных районов империи, славившимся своим зерном²⁷. Фракийский хлеб в значительном количестве шел на снабжение столицы.

¹⁸ Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt. Leipzig, 1874—1875, XXI, 6, 5.

¹⁹ Например, в Orat., XI, 207, он пишет „о плохих городах, каких много во Фракии, где несколько хижин составляют город“.

²⁰ Amm. Marc., XXXI, 6, 4—6; Eunap., fr. 42 (FHG, t. IV).

²¹ Г. Цанкова. Население на Источната Римска империя. ИП, 2, 1951, стр. 144.

²² Liban., Orat., XXXIII, 16; Joh. Chrys., t. 50, col. 600.

²³ Expositio totius mundi, § 50, ed. C. Mullerus. Geographi graeci minores, t. 2. Parisiis, 1861.

²⁴ Amm. Marc., XXVII, 29.

²⁵ Amm. Marc., XX, 8.

²⁶ Liban., Orat., LIX, 85.

²⁷ Amm. Marc., XXIV, 40.

Уже со второй половины III в. здесь постепенно развивается крупное землевладение в результате наделения земельными участками жителей провинции, достигших высоких постов на гражданской и особенно военной службе²⁸. Однако особенно ускоряется этот процесс в связи с превращением захудалого фракийского городка Византия в столицу империи — Константинополь, население которого уже через несколько десятилетий исчислялось сотнями тысяч жителей. Огромный город преобразовывал экономическую и политическую жизнь провинции. Константинопольская знать жадно тянулась к лежавшим неподалеку от новой столицы землям, которые им весьма охотно раздавали императоры. Закабаление фракийского крестьянства резко усилилось, так как свободное крестьянство быстро разорялось под бременем налогов. Письмо Юлиана к фракийцам показывает, что за свободным населением провинции задолго до начала его правления накопились большие недоимки по податям, которые были разложены на последующие годы и взимались сверх суммы обычного налога. Незадолго до восстания Прокопия, в 362 г., фракийцы, доведенные до отчаяния невыносимыми поборами, обратились к Юлиану с просьбой освободить их от выплаты задолженности хотя бы за этот год. По-видимому, учитывая действительно крайне тяжелое положение провинции, Юлиан освободил их от уплаты половины задолженности за 362 год²⁹. Во второй половине IV в. многие свободные колонны начинают переходить на положение адскриптициев. Относящийся к 377 г. эдикт Валента свидетельствует уже о значительном распространении этой категории зависимого населения во Фракии³⁰.

Фракийское крестьянство (*agrestes*) упорно отстаивало свою свободу, находя поддержку среди поселенных на границах империи готов-федератов, а близость свободной варварской периферии позволяла им рассчитывать и на поддержку варваров из-за рубежа.

Борьба фракийского крестьянства сливалась с выступлениями многочисленных прикрепленных к своему тяглу ремесленников, государственных рабов, работавших в принадлежавших фиску крупных мастерских, осужденных, трудившихся в рудниках и копях. В связи с превращением Константинополя в экономический и политический центр империи и возросшим военным значением Фракии государство чрезвычайно энергично развивает здесь горные промыслы, добычу и обработку металлов, организует многочисленные государственные мастерские. В балканских районах, например, было сосредоточено 40% всего оружейного производства — 6 из 15 известных в империи крупных оружейных мастерских³¹. Нет нужды приводить данные о постоянном недовольстве государственных ремесленников и работников на рудниках: об этом достаточно убедительно свидетельствуют уже обилие эдиктов об их бегстве и высокие штрафы за укрывательство. Один из таких эдиктов, предписывающий усилить борьбу с бегством металлургов, был издан как раз незадолго до восстания Прокопия³².

Царившее во Фракии недовольство усиливалось грабительством хозяйничавшего в провинции и в Константинополе Петрония, тестя императора Валента. По словам Аммиана Марцеллина, «он сгорал желанием обобрать всех без разбора до нитки, присуждал виновных и невинных после утон-

²⁸ См. рецензию Е. М. Штаерман на M. Pallas e. *Orient et Occident. A propos du colonat romain au Bas-Empire*. Lyon, 1950. BB, VII, 1953, стр. 327.

²⁹ Julian., Ep., 73, p. 428 C—D.

³⁰ Cod. Just., XII, 39, 2.

³¹ Велизар Велков. Селото и градът в Тракия и Дакия през IV—V в. от н. е. ИП, № 4, 1955, стр. 36—37.

³² Cod. Theod., X, 19, 5.

ценных пыток к уплате в четверном размере, разыскивал недоимки с самых давних времен, со времени Аврелиана, и приходил в отчаяние, если ему случалось отпускать кого-нибудь не осудив...; богатея за счет других, он был неумолим, жесток и чрезмерно бессердечен...; горестные события, благодаря Петронию, привели в запустение многие дома как бедные, так и знатные, и ожидание еще более тяжелого положения в будущем глубоко удручало как жителей провинции (*provinciales*), так и солдат (*milites*), стоявших под одинаковым бременем. Все единодушно, хотя, конечно, тайно и без слов, умоляли бога об изменении настоящего положения»³³.

Правительством Валента была недовольна и значительная часть жителей Константинополя³⁴. Об этом, в частности, достаточно явственно говорят события, имевшие место в Константинополе до восстания Прокопия: за полтора года до него в столице произошли крупные народные волнения, когда, по словам Либания, выступили «некоторые презренные и бездомные люди»³⁵.

Напряженная обстановка во Фракии усугублялась и назревавшей войной с готами, с которыми империя почти в течение целого столетия находилась в более или менее дружественных отношениях. За это время связи между Фракией и задунайскими областями, населенными готами, заметно упрочились. Установились постоянные и весьма оживленные торговые отношения, о размерах которых позволяют судить находки в пограничных с готами городах крупных кладов монет времени от Константина до Юлиана (один из кладов, например, содержал несколько тысяч монет)³⁶. Готские купцы свободно торговали на всей территории Фракии, посещали любые города и торговые пункты³⁷. Вывозя вино, масло, соленую рыбу, ткани, оружие, драгоценности, во Фракии они продавали главным образом рабов, спрос на которых заметно увеличился в связи с ростом крупного землевладения. Аммиан Марцеллин сообщает, что при Юлиане готские рабы постоянно продавались на рынках восточной половины империи и, по-видимому, общее их число в империи было весьма значительным³⁸. Подавляющее их большинство, очевидно, оседало во Фракии. Однако, несмотря на внешне дружественные отношения, правительство, обеспокоенное усилением задунайских готов и ростом недовольства народных масс провинции, все возрастающим в ней числом варваров-поселенцев и готских рабов, потенциальных союзников своих соплеменников — задунайских готов, — начиная со второй половины IV в. уделяет все большее внимание укреплению Фракии. Уже Юлиан приводил в порядок укрепления во всех городах Фракии и пограничных крепостях и проявлял особую заботу о снабжении расположенных там гарнизонов оружием, одеждой и продовольствием³⁹. Укрепление пограничной линии по Дунаю было продолжено при Валенте, который начинает все более стеснять свободу торговли с готами, стремясь ограничить ее несколькими пограничными городами и не допускать готских купцов свободно разъезжать по всей территории провинции⁴⁰. Возможно, что уже в это время правительство начинает ограни-

³³ Ам. Марс., XXVI, 6, 7—9.

³⁴ Ам. Марс., XXVI, 6, 17.

³⁵ Liban., Ep., 1429 A—B.

³⁶ Велизар Велков. Сведения на Темистий за Тракия. Българска Академия на науките. Археологически институт. Известия, кн. XIX. София, 1955, стр. 251—252.

³⁷ The mistii orationes. Ed. Dindorf. Lipsiae, 1832. Orat. X, 135 c.

³⁸ Ам. Марс., XXII, 7, 8.

³⁹ Ам. Марс., XXII, 7, 7: „urbis quin etiam per Thraciam omnes cum munitis reparans extimis“.

⁴⁰ Велизар Велков. Ук. соч., стр. 251—254.

чивать продажу готам некоторых видов товаров. Все это, естественно, не могло не обострять противоречий между империей и готами. Локальные конфликты происходили и в связи с грабежами пограничных войск, которым, вероятно, подвергалось не только местное население, но и пограничные готы и готские купцы. Взаимоотношения между готами и империей были настолько напряженными, что Юлиан, по-видимому уже в 362 г., считал неизбежной войну с ними. В письме фракийцам, оправдывая взимавшиеся с них поборы на содержание фракийской армии, он писал им: «Вы сами, конечно, скоро почувствуете, что она охраняет для вас мир и безопасность»⁴¹.

В 364 г. начинаются первые столкновения, и готские отряды вторгаются во Фракию⁴². Народные массы провинции, по-видимому, не оказали сопротивления, а возможно, и поддержали готов, и окрыленные успехом готы начинают подготавливать в 365 г. новое, более крупное нападение. Узнав об этом, Валент вынужден был выделить довольно значительную часть своих сил, собранных для войны с Ираном, для отражения готов.

Таким образом, к 365 г. как внутренняя, так и внешняя обстановка во Фракии была весьма напряженной.

Широкое недовольство царило и в ряде малоазийских провинций, Понте, Вифинии, Каппадокии, где также шел интенсивный процесс разорения и закабаления еще оставшейся свободной части крестьянства, жившего в упоминаемых законодательными памятниками IV в. свободных деревнях и *vici publici*⁴³. Ухудшалось и положение колоннов Азии. Указ 365 г. на имя Клеарха, викария Азии, свидетельствует о дальнейшем разорении колоннов, вынужденных продавать последние остатки своей земельной собственности. Правительство и здесь идет навстречу хозяевам колоннов, запрещая колоннам продавать свои собственные участки без разрешения господина⁴⁴.

Значительная часть обрабатывавшихся земель в провинциях Малой Азии принадлежала императорскому фиску. Надписи IV в. свидетельствуют о том, что крупные казенные имения находились на территории, охваченной впоследствии восстанием Прокопия, в частности около Никеи, Никомидии, Прусы⁴⁵. Положение зависимого населения, рабов и колоннов этих имений также было крайне тяжелым. Управители и арендаторы имений буквально разоряли зависимое от них сельскохозяйственное население, спеша нажиться во время управления ими. Эдикт 365 года прямо предлагает всем ограбленным акторами частных императорских имений без боязни обращаться к судьям с жалобами на грабежи и притеснения акторов⁴⁶. Осуждению грабежей прокураторов посвящен и эдикт 367 г.⁴⁷ Однако реальных результатов от этих постановлений, по-видимому, не было, так как надпись — рескрипт императора Валента от 370 г. о передаче городам

⁴¹ Julian., Ep., 73, p. 428 C—D.

⁴² Amm. Marc., XXVI, 4, 5: „Thraciam diripiebant praedatorii globi Gothorum“.

⁴³ М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории... ВС, 1945, стр. 34—35; И. С. Свенцицкая. Западная Малая Азия в системе Римской империи. ВДИ, № 2, 1955, стр. 24—25. А. Делеаж даже приходит к выводу, что в Малой Азии в IV в. господствовала мелкая крестьянская собственность (A. Déléage. La capitation du Bas-Empire. Mâcon, 1945, p. 163).

⁴⁴ Cod. Theod., V, 19, 1: „Non dubium est colonis arva, quae subigunt, usque adeo alienandi ius non esse, ut, et si qua propria habebant, inconsultus atque ignorantibus patronis in alteros transferre non liceat“.

⁴⁵ L. Robert. Études anatoliennes. Paris, 1937, p. 241—242.

⁴⁶ Cod. Just., III, 26, 9.

⁴⁷ Cod. Theod., X, 2, 1.

Азии земель, входивших ранее в государственные имущества, — сообщает, что в результате хищений управителей в этих имениях произошло резкое снижение их доходности и казна фактически ничего не получала с этих имений. Поэтому они передаются городам провинции, которые, может быть, сумеют поднять их доходность и использовать полученные от их эксплуатации средства на поддержание стен и общественных сооружений городов⁴⁸.

Понятно, что если даже императорская власть признавала себя бессильной ограничить грабительство прокураторов, то как могли реально защитить свои права прикрепленные к этим поместьям земледельцы? По-видимому, их крайне тяжелым положением и было вызвано бегство рабов и колонов из императорских имений, о котором сообщает один из относящихся к этому времени указов⁴⁹.

Тяжелое положение народных масс Малой Азии в эти годы усугублялось рядом стихийных бедствий, обрушившихся на эти провинции, в частности страшным землетрясением 21 июля 365 г., от которого сильно пострадали многие города.

Глухое брожение происходило и в других восточных провинциях. Тяжесть налогового гнета повсеместно усугублялась грабительством чиновников и особенно военных командиров. При Валенте, выдвинутом армией, военная верхушка пользовалась особым влиянием. По словам Аммиана Марцеллина, при нем «всем заправляли военные командиры и влиятельные при дворе лица»⁵⁰. Они беззастенчиво грабили провинциальное население, захватывали земли и имущество куриалов, мелких земельных собственников, обирали земледельцев. Аммиан Марцеллин особенно порицал Валента за то, что он «поднял спесь военного сословия к большому вреду для государства, всемерно возвеличивая их положение; как для государства, так и для частных лиц было губительно то, что он оставлял совершенно безнаказанными военных командиров, которые, чувствуя полную свободу, стали позволять себе невероятные преступления»⁵¹. Отдельные попытки Валента несколько ограничить произвол и грабежи провинциальной администрации и военных командиров, по-видимому, не дали положительных результатов.

Характеризуя положение в провинции в годы правления Валента, Либаний писал: «Всюду бедность, нищенство и слезы, и земледельцам представляется более целесообразным просить милостыню, чем обрабатывать землю; и тот, кто сегодня сам мог дать, завтра нуждается в том, кто подает»⁵². Не удивительно поэтому, что и остальные провинции «жаждали переворота, возмущаясь столь жестоким правлением»⁵³.

Развитие классовых противоречий во второй половине IV в. происходило в условиях дальнейшего ослабления единства господствующего класса, что также было одним из признаков назревания революционной ситуации, когда создается «тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов»⁵⁴.

⁴⁸ De moenibus instaurandis et de redivibus fundorum civitatum Asiae. Fontes Juris Romani Antejustiniani, t. I, p. 511, № 108. Florence, 1940.

⁴⁹ Cod. Just., XI, 67 (68), 3.

⁵⁰ Amm. Marc., XXX, 4, 2.

⁵¹ Amm. Marc., XXVII, 9, 4.

⁵² Liban., Orat., XVIII, 289; cp. Cod. Just., XI, 59, 3: „deserta praedia“.

⁵³ Amm. Marc., XXVI, 8, 14.

⁵⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 189.

В IV в. происходил быстрый рост крупного землевладения за счет поглощения мелкого и среднего, в связи с чем возрастало значение крупных землевладельцев, сенаторского сословия. Однако и среди этой узкой правящей верхушки империи не было прочного единства. В результате реформ Диоклетиана и Константина ее состав значительно пополнился за счет находившихся на службе у империи командиров варварских дружин, выходцев из неаристократических кругов, в частности представителей торговоремесленной верхушки, которые приобретали все возрастающее влияние в управлении. В значительной мере из них состояла командная верхушка армии и рекрутировался состав чиновно-бюрократического аппарата и двора. Эта новая служилая знать, влияние которой возрастало, потеснила старую родовую сенаторскую аристократию, и при всей общности многих основных интересов между ними существовали значительные противоречия.

Новая служилая аристократия активно стремилась к приобретению земельных имуществ, в том числе и за счет владений старой сенаторской аристократии, что безусловно не радовало последнюю. Она была недовольна падением политического значения своего оплота — сената — и ростом власти чиновно-бюрократического аппарата и двора, поддерживавших автократические стремления императорской власти. Она была недовольна тем, что императоры охотно назначали на высшие государственные и военные должности более послушных ей представителей новой знати, оттеснявшей старую сенаторскую аристократию от прибыльных военных и государственных должностей⁵⁵. Требования последней были наиболее определенно сформулированы в конце IV в. Синезием в его речи «О царстве».

Ее недовольство смыкалось с недовольством куриалов. Реформы Диоклетиана и Константина сильно ограничили права муниципального самоуправления и поставили его под жесткий и мелочный контроль чиновной администрации, превратили муниципальную аристократию из второго по своему общественно-политическому значению сословия империи в одно из второстепенных малопривилегированных сословий. Его представители прямо связывали упадок сословия куриалов с деятельностью Диоклетиана и особенно Константина, до которого «курии процветали во всех городах», а со времени которого «разгорелась искра злополучия»⁵⁶. Рост власти чиновно-бюрократического аппарата сводил на нет общественно-политическое значение курий и сословия куриалов, открывал перед чиновниками широкие возможности для активного вмешательства в муниципальную жизнь, расхищения городских и куриальных имуществ. Жалобы представителей муниципальной аристократии на притеснения и насилия чиновников и военных командиров, расхищение их имущества и разорение куриалов можно найти у всех писателей этого времени, принадлежавших к этому сословию или близким к нему кругам.

До последнего времени в научной литературе имела место известная недооценка социально-экономического и общественно-политического значения курий и сословия куриалов в IV в. Многие исследователи считали, что уже со времени Константина первые превращаются полностью в простой придаток чиновно-бюрократического аппарата, а сила сопротивления второго была уже ничтожна. Последние исследования М. В. Левченко и М. Я. Сюзюмова, статья Костера и новые находки эпиграфических

⁵⁵ С. И. Ковалев и Е. М. Штаерман. Очерки истории древнего Рима. М., 1956, стр. 318.

⁵⁶ Liban., Orat., XLIX, 2; LXII, 7—12.

материалов показывают, что в IV в. муниципальная аристократия, хотя и быстро разлагавшаяся, была еще значительной общественной силой и отстаивала свои сословные интересы и прежние привилегии, боролась за свое существование⁵⁷. Она не была заинтересована в бюрократизации империи и стремилась сохранить муниципальное самоуправление, влияние курий, точно так же как многие представители старой сенаторской аристократии — сената (первой курии империи, курии столицы) пытались сохранить известные республиканские традиции. Их объединял римский аристократизм, республиканизм, скрепленный тесными родственными узами, общие культурные традиции и, в известной мере, язычество, сплачивавшие их в неприязни к «низким варварам» и «выскочкам» из неаристократических кругов.

По линии язычества к ним примыкала и еще довольно многочисленная в IV в. языческая интеллигенция, жречество, недовольное установлением господства христианской церкви и преследованием языческих культов, закрытием храмов и передачей их имуществом церкви, усиливавшимся ограничением нецерковного образования.

Политика Констанция, продолжавшего линию Диоклетиана и Константина на укрепление власти бюрократического аппарата и ограничение прав курий, которые, по образному выражению Либания, при нем «походили на отощавших старух, одетых в лохмотья», не могла не усилить недовольство этих кругов господствующего класса⁵⁸.

Они оказались достаточно сильны, чтобы прийти к власти в правление Юлиана, открыто осуждавшего политику своих предшественников и особенно Константина, «новатора и разрушителя старых законов и обычаев»⁵⁹. Множество представителей новой знати было изгнано с важнейших постов в государственном и провинциальном управлении, частично и из армии⁶⁰.

При Юлиане был значительно сокращен штат двора и несколько упало его влияние⁶¹. В то же время Юлиан способствовал подъему значения сената, поощрял его законодательную деятельность и постоянно подчеркивал свое уважение к нему⁶².

Все эти политические перемены сопровождались значительным перемещением имущества. Конфискованное или захваченное в предыдущие правления имущество представителей старой сенаторской и муниципальной аристократии было возвращено прежним собственникам⁶³.

Многое сделал Юлиан и для возрождения муниципального самоуправления и укрепления положения сословия куриалов. Эдиктом 362 г. городам были возвращены все их прежние земельные имущества⁶⁴. О значении этих мероприятий свидетельствует пример Антиохии, которой было воз-

⁵⁷ М. В. Левченко. Синезий в Константинополе. УЗ АГУ, 1951, № 130, стр. 222; он же. Пентаполь по письмам Синезия. ВВ, IX, 1956, стр. 42; М. Я. Сюзюмов. Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-римской империи IV в. УЗ Уральского Гос. ун-та, вып. 11, 1952, стр. 101, 121; С. Н. Coster. Synesius, a curialis of the time of the emperor Arcadius. Byz., XV, 1940—1941, p. 10—33.

⁵⁸ По словам ритора, „получив от отца искру злополучия, он довел ее до полного разгара“. — Liban., Orat., XVIII, 147; ср. Zos., II, 38, 4.

⁵⁹ Amm. Marc., XXI, 10, 8.

⁶⁰ Amm. Marc., XXII, 4, 1—10; Socr. Shol., Historia Ecclesiastica, III, 1; PG, t. 67; Cod. Theod., VI, 24, 1; Liban., Orat., XVIII, 130—132, 158; II, 58.

⁶¹ Amm. Marc., XXII, 3, 11; 7, 6; Liban., Orat., XVIII, 130—132; II, 58; Socr. Shol., Hist. Eccles., III, 1.

⁶² Cod. Theod., IX, 2, 1; XI, 23, 2; Amm. Marc., XXII, 7, 3.

⁶³ Amm., Marc., XXV, 4, 6.

⁶⁴ Cod. Theod., X, 3, 1: „Possessiones publicas civitatibus iubemus restitutas ita, ut iustis aestimationibus lacentur, quo cunctorum possit civitatum reparatio procurari“; ср. Liban., Orat., XVIII, 185; XIII, 45.

вращено несколько тысяч клеров бывшей городской земли, в результате чего земельные владения города стали насчитывать свыше 10 тыс. клеров⁶⁵. Ряд указов этого времени был направлен к дальнейшему укреплению прав городов на их имущество⁶⁶. Кроме земельных владений, городам были возвращены и некоторые из их прежних доходов, отобранные при предшествующих императорах, например часть пошлин с городской торговли⁶⁷.

Значительно облегчено было положение самих куриалов. Юлиан заметно сократил размеры *augur согонатиум*, одновременно сняв недоимки за предшествующие годы⁶⁸. Либаний сообщает, что до Юлиана размеры этого побора быстро возрастали, и он превратился в один из наиболее тяжелых из числа лежавших на куриалах. До Юлиана города должны были подносить императорам венцы стоимостью в 1—2 тыс. номизм и более, а Юлиан ограничил их стоимость 70 номизмами и, в отличие от своих предшественников, твердо придерживался установленных обычаем сроков сбора *augur согонатиум*⁶⁹. Благоприятный для куриалов порядок был установлен и в отношении взимания с них хрисаргира⁷⁰.

Юлиан стремился поднять общественно-политическое значение куриий, оградив их от произвола чиновно-бюрократического аппарата. Еще при жизни Констанция, когда Юлиан в качестве узурпатора двигался с армией к Константинополю, он, по свидетельству Аммиана Марцеллина, уже тогда проявлял к куриалам «особенную благожелательность», выдвигал их и представителей языческой интеллигенции на государственные должности, охотно принимал и выслушивал делегации муниципальных советов⁷¹, а в дальнейшем пытался различными путями поднять авторитет куриий⁷². Эти меры дополнялись энергичным пополнением состава куриий⁷³. Оценивая результаты деятельности Юлиана, Либаний писал, что он «вернул куриям прежние силы» и что при нем «дела куриий процветали во всем... и в размерах их расходов, и в восстановлении их прежнего значения»⁷⁴.

Таким образом, политика Юлиана безусловно способствовала укреплению куриального муниципального строя. Об этом, в частности, свидетельствует изданный его ближайшими преемниками закон, направленный против попыток куриий простираť свою власть на государственное имущество и накладывать повинности на имения фиска⁷⁵. Юлиан также возвратил земли и имущество языческим храмам⁷⁶. Тесно связанное с куриями жрецество и языческая интеллигенция вновь оказались в привилегированном

⁶⁵ Julian., Opera, Ed. Harthein, t. I. Μισοπόρω, 362 с., 370.

⁶⁶ Cod. Just., XI, 70, 1—2.

⁶⁷ Amm. Marc., XXV, 4, 15; Liban., Orat., XVI, 19; Cod. Theod., XV, 1, 8—10.

⁶⁸ Amm. Marc., XXV, 4, 15; Liban., Orat., XVIII, 193; Cod. Theod., XII, 13, 1.

⁶⁹ Liban., Orat., XVIII, 193; Cod. Theod., XII, 3, 1: „Aurum coronarium munus est voluntatis“.

⁷⁰ Cod. Theod., XII, 1, 50.

⁷¹ Amm. Marc., XXI, 12, 23: „maxime municipalium ordinum ad quorum favorem propensior... plures muneribus annectebat“; Zos., III, 10, 4.

⁷² Cod. Theod., XII, 1, 53.

⁷³ Cod. Theod., XII, 1, 49—54; XIII, 1, 4; Julian., Opera, t. II, 1875, p. 475; Liban., Orat., XLVIII, 17—18; 146—148; Amm. Marc., XXV, 4, 21; XII, 9, 8, 12. В Антиохии число куриалов при Юлиане увеличилось с 60 до 200 (Liban., Orat., II, 33; Ep., 722).

⁷⁴ Liban., Orat., XLIX, 3; XVIII, 148.

⁷⁵ Cod. Theod., X, 4, 2.

⁷⁶ Cod. Theod., V, 13, 3; X, 1, 8.

положении⁷⁷. Однако политика Юлиана, консервировавшая разлагавшиеся отношения, хотя, правда, и облегчила несколько положение средних и мелких собственников, но в целом не удовлетворяла большинство крупных землевладельцев, часть муниципальной верхушки и особенно церковь, что и привело к ее неудаче.

Переход власти к проводившему компромиссную политику Иовиану, а затем к Валенту, по существу, означал победу противников юлиановского курса. При Валенте были устранены с важнейших государственных постов многие приверженцы Юлиана. Внутренняя политика Валента носила ярко выраженный «антиюлиановский» характер и была направлена на дальнейшее расширение власти чиновно-бюрократического аппарата⁷⁸. Это особенно заметно в отношении курий, права и несколько возросшая при Юлиане административная и фискальная самостоятельность которых были резко ограничены. Они были вновь поставлены под жесткий контроль чиновной администрации. Если при Юлиане курии сами взыскивали подати с жителей города и его округа и как *exactores*, так и *susceptores* выбирались курией, а правительство не особенно строго взыскивало с куриалов недоимки, то теперь куриалы назначались только в качестве *exactores*, т. е. непосредственных сборщиков податей, а *susceptores* назначались из числа чиновников провинциальной администрации⁷⁹. Сбор ряда поборов вообще был передан провинциальной администрации⁸⁰. За несвоевременный взнос податей при Валенте куриалы стали все чаще подвергаться жестоким телесным наказаниям.

Значительная часть возвращенных Юлианом городам и языческим храмам земель была снова у них отобрана⁸¹. Были уничтожены и все налоговые облегчения, предоставленные им сословию куриалов.

Все это открывало широкие возможности для произвола чиновников. Яркий пример мы находим у Аммиана Марцеллина, который с возмущением описывает оставшийся совершенно безнаказанным произвол правителя Африки Романа в отношении куриалов этой провинции⁸².

Оценивая сложившуюся при Валенте обстановку, Либаний писал, что курии «вернулись к своему прежнему (т. е. бывшему до Юлиана. — Г. К.) положению, скорее, к еще более худшему»⁸³.

Прямым следствием политики Валента явился быстрый рост недовольства среди куриалов и части сенаторской аристократии, недовольной и тем, что Валент слишком энергично выдвигал на первые места в государственном управлении своих родственников и соотечественников-паннонцев⁸⁴. Поэтому некоторые язвительно называли его не «римским», а «паннонским императором» (*ὁ Παιῶν βασιλεύς*)⁸⁵.

Недовольна была Валентом и часть армии. Как известно, при Юлиане привилегированное положение в ней занимали галльские легионы, приведенные им с Запада. С приходом Валента в армии на первое место, естественно, выдвигаются преданные ему паннонские легионы и галльскую командную верхушку все более вытесняет паннонская. Множество воен-

⁷⁷ Cod. Theod., XIII, 3, 5.

⁷⁸ Santo Mazzarino. *Aspetti sociali del quarto secolo*. Roma, 1951, p. 189—190.

⁷⁹ Cod. Theod., XII, 6, 6 и 7; XII, 10, 1; Cod. Just., X, 72, 4.

⁸⁰ Cod. Theod., XII, 6, 6 и 7; XII, 10, 1; XII, 6, 5 и 8.

⁸¹ Cod. Theod., V, 13, 3; X, 1, 8.

⁸² B. H. Warmington. *The career of Romanus, comes Africae*. BZ, 49, 1956, S. 55 f.

⁸³ Liban., Orat., XIV, 44.

⁸⁴ Amm. Marc., XXVI, 1, 6; 4, 4; 5, 2—3; 5, 7; 10, 2. По этому вопросу см. A. Alföldi. *A conflict of ideas in the Later Roman Empire*. Oxford, 1952, p. 17 sq.

⁸⁵ Liban., Orat., XLVI, 30.

ных командиров-галлов было отставлено от службы, а многие сами были вынуждены уйти из армии. Потеря привилегированного положения не могла не вызывать недовольства галльской части армии Валента.

К этому следует присоединить и недовольство значительной части господствующего класса религиозной политикой императора. Ею, естественно, были недовольны не только язычники, лишившиеся всего, чего они достигли при Юлиане, но и множество христиан из-за арианского курса Валента, сопровождавшегося к тому же весьма энергичными преследованиями враждебных ему направлений и прежде всего никейства⁸⁶.

Вся эта оппозиция начинает постепенно группироваться вокруг родственника Юлиана — Прокопия, который для многих из них был знаменем возвращения к старому юлиановскому курсу.

Известно, что при жизни Юлиана Прокопий пользовался расположением императора и играл видную роль при дворе и в армии. Во время войны с Ираном ему было поручено командование крупным отрядом, действовавшим самостоятельно от главных сил армии. Ходили упорные слухи о том, что Юлиан будто бы намечал Прокопия преемником и советовал ему после своей смерти взять власть в свои руки. Вскоре после внезапной смерти Юлиана и избрания нового императора Прокопий, по-видимому не без оснований подозревавшийся в антиправительственной деятельности, вынужден был скрыться и прятаться от ищеек Валента. Прокопий был подходящим для оппозиции кандидатом в императоры благодаря своим связям и влиянию в армии, а слухи о том, что Юлиан намечал его своим преемником, могли явиться для него известным оправданием попытки произвести государственный переворот.

В 365 г. деятельность враждебных Валенту группировок заметно усилилась. Об этом, в частности, свидетельствует широкое распространение различных подметных грамот антиправительственного содержания, заставивших Валента издать специальный закон, угрожавший суровыми карами тем, кто будет уличен в хранении или чтении подобных грамот, и обещавший награду за их передачу властям и поимку распространителей⁸⁷.

В 365 г. Прокопий, скрывавшийся до этого в отдаленных районах империи, переехал поближе к столице, в область Халкидона, где тайно жил у одного из своих сторонников, сенатора Стратегия. Стратегий, о котором очень похвально отзывается идеолог муниципальной аристократии Либаний, принадлежал к старой сенаторской знати и, как можно предполагать из не очень ясного свидетельства Аммиана, по-видимому, как и многие другие сторонники Юлиана, после его смерти был отставлен от службы⁸⁸. Из своего убежища Прокопий часто тайком посещал Константинополь, очевидно, не только собирая слухи, как говорит Аммиан о цели его визитов, но и устанавливая связи со своими сторонниками в столице. В то же время он внимательно изучал и настроения народных масс, посещая людные места, площади и рынки. По словам того же Аммиана Марцеллина, он легко мог убедиться в том, что «многие... поносили Валента»⁸⁹. По-видимому, он и его приверженцы решили использовать в своих интересах широкое недовольство народных масс.

Момент для выступления был выбран чрезвычайно удачный. В конце лета 365 г. Валент вместе с императорской гвардией и двором отправился

⁸⁶ Socr. Schol., *Historia Ecclesiastica*, IV, 2—3; Sozom., *Historia Ecclesiastica*, VI, 7.

⁸⁷ Cod. Theod., IX, 34, 7.

⁸⁸ Amm. Marc., XXVI, 6, 5.

⁸⁹ Amm. Marc., XXVI, 6, 6.

из Константинополя в Сирию, куда уже из всех провинций были стянуты войска для участия в предстоявшей войне с Ираном. Военные силы, оставшиеся в столице и в близлежащих провинциях, были, по-видимому, весьма невелики, так как когда Валент, на пути в Сирию, получил известия о готовившемся набеге готов на Фракию, он вынужден был отправить из своей армии значительную ее часть для усиления фракийской армии. По-видимому, было решено воспользоваться отсутствием императора, двора и преданных Валенту войск и произвести переворот, опираясь на недовольное население города и прямых сторонников Прокопия и заручившись поддержкой посланных против готов легионов, которые должны были иметь двухдневную остановку в Константинополе. Расчет на поддержку этих легионов, как полагал О. Зеек, был обусловлен тем, что это были, вероятно, части, служившие во время предыдущей войны с Ираном под командованием Прокопия, среди состава которых он действительно имел много знакомых и, возможно, сторонников⁹⁰. 25—26 сентября они вступили в Константинополь, а 27 в столицу тайно прибыл Прокопий.

Сразу же после приезда он встретился с евнухом Евгением, незадолго до этого по неизвестным причинам отставленным от службы при дворе, предоставившим в его распоряжение крупные денежные средства (πλοῦτου παρλόλου) для подкупа солдат⁹¹. В тот же день Прокопий заручился поддержкой командного состава, легионов и ночью с 27 на 28, когда он явился в расположение этих частей, они целиком перешли на его сторону.

Первым же действием Прокопия был арест всех его заведомых противников. Фемистий с крайним негодованием рассказывает, как посланные им солдаты «варвары» и «злодеи» среди ночи захватывали представителей высшей знати и волокли их, полуодетых и перепуганных, по улицам столицы в тюрьму⁹². Среди схваченных были высшие чины империи: префект претория Небридий, префект города Кесарий и многие другие. К утру 28 сентября Прокопий уже мог открыто выступить перед константинопольским населением в качестве узурпатора. К этому времени число его сторонников заметно возросло. Кроме солдат, Прокопия и его соучастников поддерживали вооруженные ими рабы (δοῦλοῖς δὲ πρὸς τοῦτοις ὀπλι-σάντες), многие из которых «сами добровольно присоединились к ним»⁹³.

В сопровождении солдат на рассвете Прокопий двинулся к преторию, куда уже стало стекаться возбужденное происшедшими событиями население столицы. Всеобщая ненависть к чиновникам Валента, особенно к беззастенчиво грабившему Фракию и жителей Константинополя тестю императора Петронию, а не страсть к сенсациям, как полагают некоторые буржуазные исследователи⁹⁴, обеспечила ему полное сочувствие городской бедноты, охотно провозгласившей Прокопия императором⁹⁵. В числе слоев городского населения, поддержавших Прокопия, Аммиан Марцеллин упоминает мелких ремесленников и торговцев (cupidiarum vilium mercatores), солдат и находившихся уже на покое ветеранов (qui intra regium apparebant aut parere desierant, quique coetu militarium nexi ad pacatoria vitae discesserant)⁹⁶. По-видимому, на его сторону стали и работники государ-

⁹⁰ О. Seesk. Op. cit., V, p. 48—49; Amm. Marc., XXVI, 6, 12; А. Солари в одной из статей, оказавшейся недоступной для автора настоящей работы, но выводы из которой даны в его монографии „Rinnovamento dell'Impero Romano“ (p. 9) по-видимому, удалось доказать, что это были галльские легионы Юлиана.

⁹¹ Zos., IV, 4.

⁹² Them., Orat., VII, 91.

⁹³ Zos., IV, 5; Them., VII, 91.

⁹⁴ Cambridge Medieval History, t. I, p. 220.

⁹⁵ Amm. Marc., XXVI, 6, 17—18; Socr. Shol., Historia Ecclesiastica, IV, 32.

⁹⁶ Amm. Marc. XXVI, 7, 1; Zos., IV, 4—5; Them., 86 e—d, 87.

ственных мастерских Константинополя, в частности монетарии, которые продолжали свою работу и начали чеканить новые монеты с изображением узурпатора⁹⁷.

Константинопольская верхушка, сенаторы — в массе своей — отнеслись к перевороту враждебно или, в лучшем случае, заняли выжидательную позицию. По-видимому, после удаления Валентом из высшего чиновного и военного аппарата многих приверженцев юлиановского курса среди знати осталось лишь весьма небольшое число сторонников Прокопия. Поэтому не удивительно, что, когда Прокопий после своего провозглашения императором направился в сенат, он нашел его пустым. Множество знати в эти дни бежало из столицы⁹⁸.

Захватив при поддержке населения власть в столице⁹⁹, Прокопий принимает самые энергичные меры для укрепления своего положения. Он быстро организует управление городом, префектом столицы назначает Фронемия, главой двора — Евфрасия — галлов, опытных полководцев, занимавших видные военные посты при Юлиане, а при Валенте находившихся, как и многие другие галльские командиры, в опале¹⁰⁰.

В то же время он весьма энергично ищет сближения со знатью из бывшего окружения Констанция, часть которой при Валенте также оказалась отодвинутой паннонцами. Ему удалось привлечь на свою сторону вдову Констанция Фаустину, которую он держал при своем дворе вместе с малолетней дочерью императора в большом почете¹⁰¹. Командование армией было поручено двум старым полководцам Констанция — Гомоарию и Агилону, возвращенным Прокопием из отставки. Однако основную его опору составляли представители старой сенаторской и муниципальной аристократии, языческой интеллигенции, сторонники юлиановского курса как в социальной, так и в религиозной политике. Это люди типа Гиперетия, ближайшего помощника и друга Прокопия, представителя старой муниципальной знати, происходившего из видной куриальной семьи Анкиры, ученика Либания¹⁰², или Андроника, также представителя муниципальной знати и язычника, назначенного Прокопием правителем Фракии, который был «твердым оплотом» узурпатора, хотя «прекрасно знал, что им предстоит борьба с врагом, значительно превосходящим их силами, и что он принимает участие в малонадежном деле»¹⁰³. Прокопия поддержала и языческая интеллигенция. Когда произошел переворот, Прокопия посетил видный киник Иракий, призвавший его к твердости и решительности в действиях¹⁰⁴.

Дальнейший успех узурпатора во многом зависел от позиции довольно сильной, по сравнению с имевшимися у Прокопия силами, фракийской армии, находившейся поблизости от Константинополя. Однако как армия, так и все население провинции — рабы, колонны, варвары-поселенцы, «стоившие под одинаковым бременем», — целиком перешли на его сторону¹⁰⁵. Так «без пролития крови было приобретено воинственное население Фракии и тем самым получена великая помощь для мятежных действий»¹⁰⁶.

⁹⁷ *Amm. Marc.*, XXVI, 7, 1; V. Grumel. *Numismatique et histoire: L'époque valentinienne. Revue des études Byzantines*, XII, 1954, p. 11.

⁹⁸ *Amm. Marc.*, XXVI, 7, 1.

⁹⁹ *Liban.*, XIX, 15; *Philostorgi Hist. Eccl.*, IX, 5. PG, t. 65, col. 527.

¹⁰⁰ *Amm. Marc.*, XXVI, 7, 4.

¹⁰¹ *Amm. Marc.*, XXVI, 7, 10.

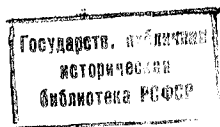
¹⁰² *Amm. Marc.*, XXVI, 8, 5; *Liban.*, Ep., 1267 и 1347.

¹⁰³ *Liban.*, Orat., LXII, 56—61.

¹⁰⁴ *Eunap.*, fr. 31/32. FHG, t. IV.

¹⁰⁵ *Amm. Marc.*, XXVI, 6, 9.

¹⁰⁶ *Amm. Marc.*, XXVI, 7, 5.

Видимо, к ним примкнули и города провинции. Фракия стала центром восстания, доставившим Прокопию значительные военные силы. Зосим говорит, что теперь к нему «присоединились отряды из римлян и множество варваров» (поселенцев)¹⁰⁷. Утвердившись во Фракии, Прокопий мог беспрепятственно вступить в сношения с задунайскими готами. «Тотчас же он отправил некоторых из приближенных к правителю живущих по ту сторону Истра скифов, который послал ему в помощь десять тысяч мужественных воинов»¹⁰⁸. «Начали собираться и другие варварские племена»¹⁰⁹.

Присоединение Фракии сразу укрепило положение Прокопия, и часть занимавшей выжидательную позицию знати из окружения Констанция решила открыто примкнуть к удачливому узурпатору, спеша получить доходные должности. Прокопий безусловно меньше всего думал об интересах народных масс и поэтому охотно продавал должности за деньги тем, кто желал нажиться за счет грабежа населения¹¹⁰. Однако, по-видимому, ему приходилось считаться с настроениями народных масс и в какой-то мере выдвигать на должности и людей «из низов». Во всяком случае Аммиан Марцеллин утверждает, что при нем «люди, принадлежавшие к низам, выдвинулись наверх самым дерзким образом»¹¹¹.

Окрыленный успехом Прокопий тайно направил преданных ему людей в соседний с Фракией Иллирик, также находившийся в состоянии глухого брожения, так как положение здесь было во многом сходным с положением во Фракии. Здесь также происходит интенсивный рост крупного землевладения. «Воинственные иллирийцы», как их называет Аммиан, разорялись и закабалялись крупными землевладельцами и чиновниками провинциального аппарата. Один из эдиктов, относящихся к Иллирику, от 365 г., провозглашает своей задачей защитить население от злоупотреблений чиновников фиска и «тирании» сильных людей (potentes)¹¹². Эдикт 368 года сообщает о том, что чиновники провинциального аппарата Иллирика налагают на земледельцев (rusticani) повинности, как на собственных рабов, отбирают у них упряжной скот и рабов (rusticano... obsequii quasi mancipio sui iuris imponant aut servum eius vel forte bovem in usus proprios necessitatesque converterint)¹¹³. О резком ухудшении положения населения Иллирика в годы, непосредственно предшествующие восстанию, говорит Аммиан Марцеллин. По его словам, при Констанции, в годы пребывания на посту префекта Иллирика Анатолия, провинция находилась в «цветущем состоянии». «Благожелательный и деловитый, он сумел восстановить расстроенную общественную жизнь провинции. Он облегчил тяжелое бремя почтовой повинности, от которой погибло много состояний, и предоставил населению твердую надежду на уменьшение прямых податей»¹¹⁴. Однако в последующие годы, т. е. в 60-е, положение резко изменилось. «Счастливо, не подвергаясь обидам и не производя беспорядков, могло бы жить население той провинции, не имея никаких поводов для жалоб, если бы впоследствии не были придуманы самые возмутительные налоги, возросшие благодаря взаимным распрям между плательщиками и сборщиками... другие считали себя обеспеченными не раньше, чем разорив всех пла-

¹⁰⁷ Zos., IV, 6: Ῥωμαίων τε γὰρ τάγματα καὶ βαρβάρων αὐτῷ πλῆθος προσετίθετο; А. Д. Дмитриев. Ук. соч., стр. 69.

¹⁰⁸ Zos., IV, 7: Ἐστέλλε πρὸς τὸν ἔχοντα τὴν ὑπὲρ τὸν Ἰστρον Σκυθῶν ἐπικράτειαν.

¹⁰⁹ Ibidem: Καὶ ἄλλα δὲ βάρβαρα ἔθνη συνήει.

¹¹⁰ Amm. Marc., XXVI, 7, 6.

¹¹¹ Amm. Marc., XXVI, 7, 7.

¹¹² Cod. Theod., I, 29, 1.

¹¹³ Cod. Just., XI, 55, 2.

¹¹⁴ Amm. Marc., XIX, 11; XXIV, 12.

тельщиков, так что несчастные люди или подвергались изгнанию, или решались на самоубийство»¹¹⁵.

В этом, вероятно, и следует видеть одну из причин, почему иллирийское население вполне могло присоединиться к восстанию, и Прокопий послал туда своих эмиссаров, которые распространяли среди населения золотые монеты с его изображением и убеждали жителей провинции примкнуть к восстанию. Аммиан Марцеллин прямо говорит о том, что целью этих агентов Прокопия было «захватить Иллирик»¹¹⁶. Рассчитывая сделать это с помощью нескольких человек, Прокопий, надо думать, имел какие-то серьезные основания надеяться, что ему удастся поднять восстание в Иллирике. О реальности этих расчетов говорит и тот факт, что администрация Иллирика была чрезвычайно обеспокоена появлением эмиссаров Прокопия и предприняла энергичные меры для их поимки. Они были схвачены вскоре же после появления в пределах провинции и не смогли выполнить свою задачу¹¹⁷. Однако угроза распространения восстания на Иллирик, вероятно, продолжала оставаться весьма реальной, так как военное командование провинции все свои усилия направило на то, чтобы закрыть фрако-иллирийскую границу. Сильными военными отрядами были перекрыты все три горных перевала, связывавших эти провинции. Таким образом, командовавшему иллирийской армией Эквицию удалось предотвратить возможность распространения восстания на северо-западные провинции, в результате чего от Прокопия «ушли огромные военные силы»¹¹⁸.

Теперь восстание могло распространяться только в сторону малоазийских провинций, куда Прокопий и обращает свои основные усилия. Это было тем более необходимо, что к Константинополю подходила основная часть армии, отправленной Валентом еще до переворота на борьбу с готами, состоявшая из пеших и конных отрядов. Среди солдат и военачальников этих легионов также было много недовольных Валентом, и после недолгих переговоров они целиком перешли на сторону Прокопия, у которого теперь образовалась большая регулярная армия, способная бороться против Валента.

Тем временем известие о перевороте дошло до Валента через бежавших из Константинополя придворных. Напуганный быстрым распространением восстания, Валент лишь рассчитывал на то, что ему удастся преградить его распространение на восточные провинции^{118a}. Поэтому он поспешно выступил с армией в Галатию.

В это время Прокопий уже находился в Малой Азии, повсюду встречая поддержку населения. Уже в первые дни восстания в его руках оказался Халкидон. Обладая превосходными, почти неприступными укреплениями, этот город мог бы выдержать любую осаду. Однако его население, как и население многих других городов Вифинии и Геллеспонта, добровольно перешло на сторону узурпатора. Положение торгово-ремесленного населения в этих городах было особенно тяжелым. С расцветом Константинополя эти города приходили во все больший экономический упадок. Ремесленники и купцы были не в состоянии конкурировать с поставленными в привилегированное положение столичными торгово-ремесленными кругами, часть

¹¹⁵ Ам м. Марс., XIX, 11.

¹¹⁶ Ам м. Марс., XXVI, 7, 10.

¹¹⁷ Ibidem.

¹¹⁸ Ам м. Марс., XXVI, 7, 12.

^{118a} Правивший на Западе Валентиниан не мог прийти на помощь Валенту, так как сам вынужден был бросить все свои силы на борьбу с аламаннами. См. N. В. В а у n e s. The Chronology of the campaigns of Valentinian. Byzantines Studies and other Essays. London, 1955, p. 317—320.

которых была связана с императорским двором, находилась под его покровительством и, как показывает эдикт Валента от 364 г., сильно злоупотребляла своими привилегиями¹¹⁹. Кроме того, по-видимому, в этих близлежащих к Константинополю районах особенно остро чувствовалась тяжелая рука византийской столичной администрации. Поэтому неудивительно, что «скорее, чем можно было ожидать», была захвачена Прокопием и «одна из сильнейших крепостей и многолюдный город» Никея и ряд других крупных городов¹²⁰. По-видимому, и здесь его поддержали работники государственных мастерских. Монетные дворы Гераклеи, Кизика и Никомидии стали чеканить монету для узурпатора¹²¹.

Узнав о продвижении Валента в Галатии, Прокопий с одним легионом и наспех собранным ополчением, которое Аммиан называет «смешанной толпой дезертиров» (*desertorum plebs promiscua*), поспешно выступил навстречу императору и вскоре, у Мигда на Сангарии, столкнулся с двумя передовыми легионами Валента, направленными для неожиданного нападения на лагерь Прокопия. И среди этих солдат оказалось множество недовольных «паннонским вырождением», как официально именовал Прокопий императора, и они без боя перешли под знамена узурпатора¹²².

Тем временем основные силы Валента, достигнув Никомидии, двинулись на осаду цитадели восставших в Малой Азии — Халкидона, а один из отрядов был отправлен для захвата Никеи. Однако осада Халкидона оказалась безуспешной. Население города выражало единодушную ненависть к Валенту, и «чрезвычайное упорство его защитников» заставило императора отказаться от продолжения осады¹²³. Его отступление было ускорено тем, что повстанцы, осажденные императорскими войсками в Никее, разгромив осаждавших, двинулись на помощь Халкидону, угрожая выйти в тыл армии Валента. В этих условиях последний вынужден был поспешить со снятием осады и «ускоренным маршем» отступить далеко в глубь Малой Азии, в Анкиру¹²⁴. Так благодаря поддержке населения, в том числе и горожан, в результате первой части кампании вся провинция Вифиния и половина Геллеспонта оказались под властью Прокопия. Вскоре ему удалось овладеть и остальной частью Геллеспонта.

Таковы были успехи Прокопия к зиме 365 г., когда наступил перерыв в военных действиях. Аммиан Марцеллин говорит о всеобщем сочувствии (*concordum assensio*) узурпатору в оставшихся под властью Валента провинциях, на которые «он мог беспрепятственно и свободно распространить свою власть»¹²⁵. Однако здесь-то, очевидно, в полной мере и сказалось то, что Прокопий был не вождем народного восстания, а обыкновенным узурпатором, использовавшим в своих целях народное недовольство, но боявшимся роста народного движения. Поэтому он искал поддержки не у народных масс восточных провинций, а у сочувствовавших ему куриальных кругов, и отказался от решительных действий. Он рассылал послания в города Азии, призывая их перейти на его сторону¹²⁶. Его сторонники из числа куриалов в это время активизировали свою деятельность даже в городах, весьма отдаленных от района восстания, в частности в Антиохии. Так, видного идеолога муниципальной аристократии и ревностного

¹¹⁹ Cod. Just., IV, 63, 1; Н. В. Пигулевская. Византия на путях в Индию. М.—Л., 1951, стр. 57—58.

¹²⁰ Amm. Marc., XXVI, 6, 9; 8, 1.

¹²¹ V. Grumel. Op. cit., p. 11.

¹²² Amm. Marc., XXVI, 7, 13—17.

¹²³ Amm. Marc., XXVI, 8, 3.

¹²⁴ Amm. Marc., XXVI, 8, 4.

¹²⁵ Amm. Marc., XXVI, 8, 14.

¹²⁶ Amm. Marc., XXVI, 8, 14.

защитника интересов сословия куриалов Либания впоследствии, после разгрома восстания, хотели привлечь к суду в качестве соучастника Прокопия. Его обвиняли в том, что, ожидая новых успехов узурпатора и готовясь к его вступлению в Антиохию, Либаний составил в его честь хвалебную речь, содержание которой было, очевидно, известно не только его единомышленникам из числа куриалов¹²⁷. О сочувствии Либания и близких ему кругов восстанию Прокопия говорит и тот факт, что среди сторонников узурпатора оказались многие друзья и ученики ратора¹²⁸.

Зима 365 г., таким образом, ознаменовалась приостановкой военных действий. Но оба противника старались подготовить силы для решающей схватки. Прокопий повсюду набирал опытных «в сражениях» людей¹²⁹. Однако в этих условиях начинало все в большей мере сказываться то, что под властью Валента сохранялись наиболее богатые провинции, дававшие казначейству основную массу доходов. Прокопий, по справедливому выводу Зеека, ощущал все больший недостаток средств, необходимых для содержания армии и оплаты наемных варварских отрядов¹³⁰. Не случайно он так старательно разыскивал «людей, обладавших искусством добывать золото из россыпей»¹³¹.

Он, естественно, не мог увеличить поборы с представителей поддерживавшей его группировки, с сословия куриалов, так как это ослабило бы его социальную базу как в районах восстания, так и в оставшихся под властью Валента провинциях. Усилить налоговый нажим на народные массы, поддерживавшие Прокопия только из недовольства жесткой податной политикой Валента и грабительством его чиновников и надеявшиеся добиться облегчения своего положения, в этот решающий период борьбы также было невозможно. Это окончательно оттолкнуло бы их от Прокопия.

У него оставался один, в любом случае чреватый для него тяжелыми последствиями выход — получить необходимые средства путем конфискации имущества и усиленных поборов с представителей знати, не примкнувших к движению и продолжавших еще занимать выжидательную позицию.

Как мы уже отмечали, ему удалось привлечь на свою сторону часть представителей знати из «партии Констанция». Однако большинство константинопольских сенаторов и во время наибольших успехов узурпатора не примкнули к нему или заняли враждебную позицию. Прокопий вдвое увеличил поборы с их имущества и, по словам константинопольского сенатора Фемистия, буквально разорял тяжкими поборами представителей сенаторской аристократии¹³². Побо­ры особенно усилились зимой 365—366 гг., когда Прокопий вынужден был прибегнуть и к таким крайним мерам, как конфискация имущества наиболее богатых сенаторов, занимавших нейтральную или враждебную позицию. Так, им были захвачены «несметные богатства» сенатора Арбициона, в прошлом одного из крупных военачальников, пользовавшегося большой популярностью в армии¹³³. До этого Прокопий тщательно оберегал его имущество, надеясь привлечь его на свою сторону.

¹²⁷ Liban., *Vicos...*, 163—164; см. также Liban., XI, p. 628: ἐγκώμιον Προκοπίου.

¹²⁸ Liban., *Orat.*, LXII, 56—61.

¹²⁹ *Amm. Marc.*, XXVI, 8, 14.

¹³⁰ O. Seeck. *Op. cit.*, t. V, p. 52—53.

¹³¹ *Amm. Marc.*, XXVI, 8, 14.

¹³² *The m.*, VII, 91: καὶ τὴν μὲν σεμνὴν γερουσίαν εἰσπράσσειτο εἰσφοράς πολυστενάτους οὐκ οἶδ' ὅπως ἐνίστατο...

¹³³ *Amm. Marc.*, XXVI, 8, 13.

Эти действия, естественно, не могли не встретить широкого одобрения среди народных масс и безусловно способствовали усилению народной стороны движения. В то же время они сразу же и окончательно оттолкнули от узурпатора оставшуюся еще нейтральной часть знати и превратили ее в активных сторонников Валента. По-видимому, это углубило разногласия и среди сторонников Прокопия. В пользу этого предположения говорит, в частности, оценка Аммианом Марцеллином конфискаций имущества сенаторов. Как это убедительно обосновал Э. А. Томсон, Аммиан принадлежал к куриальным кругам и являлся, по-видимому, выразителем их интересов¹³⁴. Его возмущение вызывает сам факт «посягательства на чужое имущество», который, по его твердому убеждению, неизбежно должен был привести к «самым тяжелым последствиям» для узурпатора¹³⁵. По-видимому, таково же было отношение к этим действиям Прокопия и со стороны всего сословия куриалов, и Прокопий начинает быстро терять своих сторонников.

Положение Валента значительно облегчалось тем, что он не испытывал недостатка в средствах и людских ресурсах. Кроме того, он умело использовал в своих интересах затруднения, с которыми столкнулся Прокопий, и всячески старался усилить брожение и вызвать раскол среди его сторонников. Он охотно принимал и осыпал милостями представителей знати, бежавших от Прокопия, а главное, на время несколько ослабил жесткую политику, ущемлявшую интересы куриалов и оппозиционных политических группировок, с которыми он теперь искал сближения. Это нашло свое выражение в ряде эдиктов 365 г. и в назначении префектом претория явно компромиссной фигуры — Саллютия, представителя старой знати и язычника, занимавшего этот пост при Юлиане и Иовиане, получившего отставку в начале правления Валента за несогласие с его политикой, человека, которого Либаний всегда очень энергично хвалил за его заботу о городах и о «процветании курий»¹³⁶. Временно были прекращены и религиозные гонения против многочисленных и влиятельных на Востоке приверженцев никейского православия. Церковный историк Сократ Схоластик прямо связывает это с событиями восстания Прокопия¹³⁷.

Таким образом, Валенту удалось к весне 366 г. достигнуть компромисса с оппозиционными кругами.

В начале весны 366 г. с большой армией он двинулся к Пессинунту, расположенному на чрезвычайно важном в стратегическом отношении перекрестке дорог, ведущих в Константинополь и глубинные районы Малой Азии, а затем выступил в Лидию против находившейся там части войск узурпатора, руководимой Гомоарием. Он решил воспользоваться оплошностью Прокопия, который не позаботился собрать воедино свои силы. У Тиатирь произошло первое столкновение Валента с не ожидавшим его появления Гомоарием. Однако, несмотря на неожиданность нападения, Валент встретил «очень упорное сопротивление», вызванное «ожесточением солдат» Прокопия. В ходе сражения армия Валента оказалась перед угрозой поражения, и император вынужден был прибегнуть к другим средствам, чтобы добиться победы. С помощью Арбициона он сумел использовать противоречия в лагере Прокопия и толкнуть на путь измены

¹³⁴ E. A. Thompson. The Historical Work of Ammianus Marcellinus. Cambridge, 1947, p. 2; См. рец. С. В. Поляковой на книгу Э. Томсона в ВВ, IX, 1956.

¹³⁵ Amm. Marc., XXVI, 8, 14.

¹³⁶ Liban., Ep. 1143, 1148, 1224, 1429.

¹³⁷ Socr. Schol., Historia Ecclesiastica, IV, 6; Sozom., Historia Ecclesiastica, VI, 8.

командную верхушку во главе с самим Гомоарием. В ходе сражения последний неожиданно перешел на сторону Валента, что привело к сдаче всей армии¹³⁸.

Окрыленный победой Валент выступил против основных сил восставших, расположенных около Наколии Фригийской. Слухи об измене Гомоария уже достигли лагеря Прокопия, и многие из представителей знати склонялись к мысли последовать этому примеру. И когда дело дошло до решительного сражения, командовавший армией Агелон с «множеством других» действительно перешел на сторону императора¹³⁹. Прокопий с несколькими приближенными бежал, но его спутники вскоре схватили его и выдали Валенту. 27 мая 366 г. он был казнен.

В нашей литературе поражение восстания Прокопия обычно объясняется случайной изменой двух полководцев Прокопия. Так, А. Д. Дмитриев писал: «Войска Валента были разбиты, и только измена двух высших командиров войска Прокопия решила дело в пользу Валента»¹⁴⁰. Е. М. Штаерман также видит причину поражения в «предательстве одного из военачальников Прокопия»¹⁴¹.

Рассмотренный выше материал, как нам представляется, позволяет отказать от объяснения причин поражения Прокопия случайными обстоятельствами. Прокопий был выдвинут оппозиционно настроенными по отношению к Валенту кругами господствующего класса, курналами, рассчитывавшими с его помощью изменить политику правительства в отношении этих кругов. В борьбе за осуществление переворота они решили использовать и назревшее недовольство народных масс империи. Однако в ходе восстания поддержавшие Прокопия круги, напуганные ростом народного движения и недовольные рядом радикальных мер, которые вынужден был предпринять Прокопий, все более отходят от него и склоняются к примирению с правительством. Одним из выражений этого и явился факт измены сторонников узурпатора. Таким образом, основной причиной поражения Прокопия следует считать не измену отдельных полководцев, а утрату им в ходе восстания поддержки тех кругов господствующего класса, которые составляли ранее его опору.

Однако разгромом и казнью Прокопия движение не закончилось. Находившийся в Никее с небольшим отрядом бывший полководец Юлиана Марцелл провозгласил себя императором¹⁴². На его сторону стали Халкидон и почти вся Фракия, куда он направился из Никей, рассчитывая пополнить свой отряд за счет еще продолжавшего борьбу фракийского населения и готов, 3 тыс. которых были несколько ранее направлены в помощь Прокопию готскими вождями и теперь находились на территории Фракии.

Против фракийских повстанцев в это время действовал прибывший из Иллирика Эквиций, который столкнулся здесь с упорным сопротивлением населения. Особенно ожесточенной была осада одного из крупнейших городов провинции — Филиппополя. Его жители защищались с отчаянной решимостью, и Эквиций долго не мог взять город, не овладев которым было рискованно двигаться к столице. Во время осады он получил известие о разгроме и гибели Прокопия и о выступлении Марцелла. Поспешно выделив часть осаждавших Филиппополь отрядов для действий

¹³⁸ Ам. м. Марс., XXVI, 9, 3—4.

¹³⁹ Ам. м. Марс., XXVI, 9, 7.

¹⁴⁰ А. Д. Дмитриев. Восстание вестготов на Дунае. ВДИ, № 1, 1950, стр. 70.

¹⁴¹ С. И. Ковалев и Е. М. Штаерман. Очерки истории древнего Рима. М., 1956, стр. 323.

¹⁴² Ам. м. Марс., XXVI, 10, 3.

против Марцелла, Эквиций успел нанести ему поражение прежде, чем тот смог собрать достаточные силы. Марцелл был схвачен и казнен вместе со своими сторонниками. Однако и после этого в отдельных районах продолжалось упорное сопротивление императорским войскам. Долгое время защищался прекрасно укрепленный Халкидон, который Валент, разгневанный упорством его жителей, поклялся лишить всех оборонительных сооружений¹⁴³.

Дольше всего держался Филиппополь, защитники которого «тогда лишь, и то после продолжительного сопротивления, сдались сами и сдали город, когда увидели голову Прокопия»¹⁴⁴.

Законодательные материалы, относящиеся ко времени подавления восстания, в известной мере позволяют судить о положении провинции во время самого восстания. Рабы и колоны разбежались от своих господ¹⁴⁵. Работники рудников также бросили свою работу, чем, очевидно, и было вызвано то, что Прокопий всюду разыскивал «людей, владевших искусством добывать золото из россыпей»¹⁴⁶. Многие присоединились к находившимся на территории Фракии готским отрядам. Вся Фракия была охвачена народным движением, для усмирения которого пришлось послать специальную карательную экспедицию под командованием двух полководцев Валента — Виктора и Аринфея.

По свидетельству Аммиана, «палач, орудия пыток, кровавые допросы начали свой путь, не разбирая ни пола, ни возраста, ни звания; над людьми всякого состояния и всех слоев общества совершали страшный суд под предлогом умиротворения, и все проклинали эту несчастную победу, более тяжкую, чем самая истребительная война. Множество невинных оказалось в руках карателей, и они погибали под пыткой или ударами срудий палача... не было никакого предела этим страшным бедствиям, пока и сам император и его приближенные не насытились деньгами и кровью»¹⁴⁷.

Захваченные в плен готы из числа посланных задунайскими вождами в помощь Прокопию были, по-видимому, обращены в рабство и проданы в города¹⁴⁸. Множество жителей провинции, рабов, колонов, мелких земледельцев, спасаясь от преследований, бежали к варварам. Однако после подавления движения во Фракии была предпринята карательная экспедиция и против задунайских готов (366—369 гг.), закончившаяся их разгромом.

Одновременно правительство принимает энергичные меры к розыску и возвращению к их господам рабов и колонов, работников рудников и государственных мастерских, угрожая тяжелыми карами за их укрывательство¹⁴⁹.

Подавление восстания сопровождалось расправой и с представителями враждебной Валенту группировки знати, принявшими участие в восстании Прокопия. «Начались на знатных лиц проскрипции, изгнания и другие кары... и не было предела этим ужасным бедствиям»¹⁵⁰.

Сообщая о множестве казненных, Либаний и Аммиан Марцеллин упоминают среди них преимущественно представителей старой сенатор-

¹⁴³ Socr. Schol., Historia Ecclesiastica, IV, 8.

¹⁴⁴ Amm. Marc., XXVI, 10, 6.

¹⁴⁵ Cod. Just., VIII, 50, 19; XI, 47 (48), 8.

¹⁴⁶ Amm. Marc., XXVI, 8, 14.

¹⁴⁷ Amm. Marc., XXVI, 10, 9—14.

¹⁴⁸ Велизар Велков. Сведения на Темистий за Тракия, стр. 246.

¹⁴⁹ Cod. Theod., X, 19, 5; Cod. Just., XI, 47 (48), 8; Cod. Theod., X, 19, 7. Специальный закон 366 г. посвящен вопросу о тех лицах, кто „cum barbaris voluntate fuerit an coactus...“.

¹⁵⁰ Amm. Marc., XXV, 10, 5; XXVI, 6, 5; XXVI, 8, 10.

ской и муниципальной аристократии¹⁵¹. Среди привлеченных к суду было много и куриалов Антиохии, близких друзей и родственников Либания¹⁵². Как уже упоминалось, сам антиохийский ритор чуть не оказался в их числе¹⁵³.

Годы, последовавшие за подавлением восстания, ознаменовались дальнейшим наступлением на основы муниципального самоуправления, на сословие куриалов. Права курий были еще более ограничены. Вместо избравшихся дефенсоры, назначавшиеся центральной властью из числа бывших чиновников, что лишало курии значительной доли их самостоятельности¹⁵⁴. Сословие было поставлено под полный контроль чиновников, получивших широкие права подвергать куриалов телесным наказаниям за малейшее невыполнение муниципальных обязанностей и предписаний провинциальной администрации¹⁵⁵. Известно, что при Валенте впервые стали широко практиковаться казни куриалов за невзнос податей¹⁵⁶. Дальнейшему упадку муниципального землевладения способствовал и сильно ущемивший интересы куриалов закон 376 года, запретивший куриалам аренду городских земель¹⁵⁷. Тем самым к аренде городского имущества широко допускались крупные земельные собственники, служащая знать, что не могло не усилить процесс расхищения городского земельного имущества.

По свидетельству современников, сословие куриалов в результате политики Валентиниана быстро разорялось и приходило в упадок: «Тяжесть податей и многократное увеличение налогов заставляли часть представителей муниципальной знати из страха перед окончательным разорением искать другие места (т. е. спасаться бегством. — Г. К.); другие страдали от жестоких взысканий чиновников и, не будучи в состоянии выполнить их требования, становились обитателями тюрем»¹⁵⁸. Одно из посольств эпитротов к императору сообщало ему, что в городах этой провинции очень многие даже из первых, т. е. наиболее состоятельных, членов курий окончили жизнь самоубийством или погибли под кнутом палача¹⁵⁹. Невыносимое положение толкало куриалов и близкие им круги на организацию заговоров, вроде известного заговора нотариуса Феодора. Однако после подавления восстания Прокопия силы сословия куриалов были окончательно подорваны.

* *
*

Восстание Прокопия было широким и сложным по своему характеру и социальному составу движением, в котором проявились как острые классовые противоречия, обусловившие участие в нем широких народных масс, мечтавших добиться улучшения своего положения, так и весьма сильные противоречия внутри самого господствующего класса. Из раз-

¹⁵¹ *Amm. Marc.*, XXVI, 6, 1—2; XXVI, 10, 2; *Liban.*, *Bios.*..., 163; *Ep.*, 1352; *Zos.*, IV, 10; *Pauli Orosii Historiarum adv. paganos libri VII. Ed. C. Zangeimeister. Lipsiae, 1889.* VII, 32, 4.

¹⁵² *Liban.*, *Orat.*, XXIV, 13—14; LXII, 56—59; *Bios.*..., 163.

¹⁵³ *Liban.*, *Bios.*..., 163—164.

¹⁵⁴ *Cod. Theod.*, I, 29, 1—3.

¹⁵⁵ *Liban.*, *Orat.*, XXVIII, 21; *Cod. Just.*, X, 32, 33; *Cod. Theod.*, IX, 1, 5.

¹⁵⁶ *Amm. Marc.*, XXVII, 7, 6—7.

¹⁵⁷ *Cod. Theod.*, X, 3, 2.

¹⁵⁸ *Amm. Marc.*, XXX, 5, 6.

¹⁵⁹ *Amm. Marc.*, XXX, 5, 10.

личных социальных и политических групп последнего в нем приняли активное участие прежде всего куриалы, часть старой сенаторской аристократии, языческая интеллигенция, наиболее консервативные круги господствующего класса, положение которых несколько упрочилось в годы правления Юлиана.

В правление Валента все эти круги попытались, опираясь на народное движение, снова добиться возвращения к выгодному для них юлиановскому курсу. Восстание было последним решительным сражением, которое дало сословие куриалов, прежде чем окончательно утратить самостоятельное общественно-политическое значение в жизни империи. Переворот Прокопия не удался, но развернувшееся во время восстания народное движение продолжалось. Оно не было задушено даже самыми жестокими репрессиями Валента, вынужденного серьезно посчитаться с фактом широкого недовольства народных масс Фракии. Хотя факты и свидетельствуют о значительно усилившемся закреплении свободного крестьянства, свободных колонов¹⁶⁰, правительство и господствующий класс вынуждены были проявлять известную осторожность. И если не участвовавшие в восстании иллирийские колонны были закрепощены уже в 371 г., то во Фракии это было осуществлено значительно позже, чем во всех остальных провинциях — в середине 90-х годов¹⁶¹. Положение в районах, охваченных восстанием Прокопия, вызывало серьезное беспокойство правительства в годы, следовавшие за его поражением. И Аммиан Марцелин, и видный идеолог сенаторской аристократии Фемистий осуждали впоследствии Прокопия не столько за то, что он решился на государственный переворот, сколько за то, что его предприятие, «затейное столь неосторожно и легкомысленно, разразилось такими скорбными бедствиями для государства», имея в виду развитие народного движения¹⁶². Именно за это ругает Прокопия Фемистий, сравнивая его со Спартаксом¹⁶³. Из этой его речи, относящейся к 368 г., явственно видно, сколько хлопот и неприятностей господствующему классу доставляло развернувшееся в ходе восстания Прокопия народное движение. Seriously обеспокоенный острой социальной противоречий, Фемистий видит теперь единственное спасение в усилении диктатуры и отказывается от своей прежней политико-философской концепции, согласно которой во главе государства должен был стоять император-философ. Теперь он обосновывает новую теорию о том, что лучшим правителем может быть только *ὁ γενναῖος τύραννος*¹⁶⁴.

Не прекращавшееся на Балканах народное движение вспыхнуло с новой силой в 377—378 гг., когда Фракия стала ареной борьбы между империей и готами, поддержанными народным восстанием, борьбы, завершившейся адрианопольской катастрофой, поставившей под угрозу всю восточную половину империи. Современники отмечали прямую связь между восстанием Прокопия и событиями 377—378 гг., рассматривая восстание как своего рода подготовительный этап к событиям 377—378 гг.¹⁶⁵, в ходе которых народные массы использовали приобретенный во время восстания Прокопия опыт борьбы и совместных действий с внешними варварами против империи.

¹⁶⁰ См., например, *Cod. Just.*, XII, 39, 2.

¹⁶¹ *Cod. Just.*, XI, 52, 1.

¹⁶² *Amm. Marc.*, XXVI, 6, 19.

¹⁶³ *Them.*, VII, 86: *ὕπερ τὸν Σπάρτακον ἐδρασανέτο.*

¹⁶⁴ *V. Valdenberg. Discours politiques de Themistius. . .*, Byz., t. I, 1932, p. 127.

¹⁶⁵ *Amm. Marc.*, XXVI, 6, 19.

Э. КОНДУРАКИ

**О НАТУРАЛЬНОМ И ДЕНЕЖНОМ ОБМЕНЕ
В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ IV—V вв.**

Трудно найти в исторической науке вопрос более спорный, чем вопрос о последнем периоде рабовладельческого общества, или (если ставить его уже, но конкретнее) вопрос о падении Римской империи. На протяжении двух веков новая историография античности рисовала печальную картину падения древнего мира, в которую она приносила с большей или меньшей решительностью тревоги, присущие современному обществу. Историки мятежного XVIII в. — века отрицания, подчеркнули разлагающую роль христианской религии, ускорившей процесс распада античного общества. Историки второй половины XIX в., и в первую очередь Отто Зеек, искали общее объяснение причин падения Римской империи в «исчезновении избранных». Кризис европейского империализма в первых десятилетиях XX в. отразился в появлении мнимосоциологических концепций, перекликавшихся со взглядами Освальда Шпенглера, книга которого «Закат Европы» полна тревоги за судьбы капиталистического мира, ожидающего своего конца. Тогда же появились попытки доказать, что никакого упадка общества в начале нашей эры будто бы в действительности не наблюдалось. Эта тенденция и породила работы А. Допша и А. Пиренна, по мнению которых античность существовала неизбежно до эпохи Каролингов или, по крайней мере, до того момента, когда арабские завоевания разорвали единство средиземноморского мира. «Natura non facit saltus», — заявил несколько позже Фердинанд Лот, а Эрнст Штейн в своей книге «Geschichte des spätrömischen Reiches» повторил идею, прежде высказанную Гиббоном, а именно, что Римская империя существовала в греческом обличии еще тысячелетие — вплоть до падения Константинополя¹.

Когда и — в особенности — каким образом произошел переход от античности к средневековью, иными словами, от одной социально-экономической формации к другой, — на этот вопрос можно ответить удовлетворительно, только учтя всю совокупность явлений, составлявших экономический базис и надстройку того и другого общества.

Лишь марксистская историография в состоянии решить проблему перехода от древнего мира к средневековью — разумеется, если она будет

¹ O. Seeck. Geschichte des Untergangs der antiken Welt, Bd. I—II. Stuttgart, 1921; A. Dopsh. Wirtschaftliche und soziale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung, Bd. I—II. Wien, 1923—1924; idem. Naturalwirtschaft in der Weltgeschichte. Wien, 1940; H. Pirenne. Un contraste économique: Mérovingiens et Carolingiens. Revue belge de phil. et d'hist., v. II, 1923, p. 223 sq.; idem. Mahomet et Charlemagne. 3 me éd. Paris—Bruxelles, 1937, p. 96; F. Lot. La fin du monde antique et le début du Moyen âge. Paris, 1927, p. 96; E. Stein. Geschichte des spätrömischen Reiches, Bd. I. Wien, 1928, S. 23.

основываться на всех тех фактах, которые стали доступны в настоящее время. Факты эти нередко установлены благодаря частным исследованиям той самой буржуазной историографии, которая показала себя неспособной дать общее решение этой трудной проблемы. Исходным пунктом марксистской историографии в этом вопросе является анализ производственных отношений, составляющих самую суть римского рабовладения, а не рассмотрение изолированных фактов, сколь бы важны они ни были. Следует отметить, что успехи эпиграфики, а также некоторых других вспомогательных исторических дисциплин заставили даже буржуазных ученых в последнее время несколько расширить предмет исследования и признать, что многие из явлений, которые прежде ошибочно считались характерными только для Рима, имели в действительности более широкое распространение. Как пример можно привести работу Ф. Альтгейма, в которой — правда, уже после трудов советских ученых — отмечено сходство некоторых процессов, происходивших в период кризиса античного мира, с тем, что имело место в истории царства Сасанидов и «поднебесной» Китайской империи². Но Ф. Альтгейм не сделал, вернее сказать, не мог сделать обобщающих выводов о развитии человеческого общества и о переходном периоде от рабовладельческого строя к феодальному.

Из всего сказанного выше становится ясным, почему проблема перехода от античности к средневековью находится в центре внимания советской историографии, давшей за последние пять лет ряд ценных исследований, которыми отныне нельзя будет пренебречь, независимо от того, смогли ли их авторы или нет окончательно разрешить тот или иной вопрос, связанный с последним периодом истории древнего мира. Я имею в виду дискуссию, развернувшуюся с 1953 г. на страницах журнала «Вестник древней истории», в которой приняли участие Е. М. Штаерман, Е. Э. Липшиц, А. Р. Корсунский, А. Г. Гемп, С. И. Ковалев, А. П. Каздан, М. Я. Сюзюмов, Э. В. Удальцова и др.

Как сами статьи, так и предварительные выводы, сделанные редакцией журнала в первом номере за 1956 г.³, показывают, — да это и совершенно естественно, — что в основном советские историки придерживаются общей точки зрения и утверждают, что зарождение первых элементов будущих феодальных производственных отношений имело место в недрах рабовладельческой Римской империи, но в оценке отдельных сторон исторического процесса IV—V вв. они значительно расходятся. Например, пока еще в среде советских историков не нашел единодушного разрешения вопрос о существовании мелкой земельной собственности в Римской империи, и тезису о ее укреплении в IV—V вв. противостоит другой тезис: в эту эпоху имел место рост крупной земельной собственности как в результате захватов владений мелких деревенских собственников, так и за счет земель, принадлежавших городским жителям, в первую очередь декурионам. В таком же положении находится и еще более сложный вопрос о степени созревания феодальных производственных отношений в недрах рабовладельческого общества. Нельзя не признать несколько схематичным и тот классовый анализ римского общества, который мы видим у некоторых советских историков, различающих зависимое крестьянство, очень ограниченное число свободных крестьян, куриалов — единственных рабовладельцев в классическом смысле слова — и, наконец, крупных феодализирующихся земельных собственников. Пока еще также остается недостаточно разработанным вопрос о характере социально-экономических отно-

² F. Altheim. Die Krise der antiken Welt, Bd. I. Berlin, 1943.

³ См. „Проблема падения рабовладельческого строя“, ВДИ, 1956, № 1, стр. 3—13, и указанную там литературу.

шений в варварском мире — вопрос, которому справедливо придавал большое значение Ф. Энгельс. За исключением статьи М. Я. Сюзюмова, этот вопрос — один из основных для истории переходного периода от античности к средним векам — не был нигде рассмотрен во время дискуссии.

К числу проблем, совершенно не затронутых в ходе дискуссии, относятся и намеченный мною для исследования вопрос, который до сих пор вообще не привлекал, за одним исключением⁴, специального внимания историков, а именно вопрос о натуральном и денежном обмене в IV—V вв. н. э.

Прежде чем перейти к изложению вопроса, я считаю необходимым сделать несколько предварительных замечаний, чтобы тем самым точнее определить задачи данной статьи — выводы которой я расцениваю в большинстве случаев как рабочую гипотезу — и ее место в той дискуссии, которая была начата советскими учеными.

Во-первых, нужно сказать об общем значении поставленной проблемы. Беря в качестве исходного пункта своих исследований *обращение* товаров, а не *производство* их, буржуазная историография приходила к выводу, что в общем экономическом процессе существуют только три ступени: натуральное хозяйство, денежное и кредитное. Опровергая эту теорию, которая ошибочно считалась приемлемой для всех эпох, Маркс доказал, что она отрывает друг от друга формы обращения, присущие одному и тому же способу производства, отождествляя в то же время формы, принадлежащие различным способам производства⁵. В античном мире обмен существовал в течение веков рядом с отсталыми формами натурального хозяйства, унаследованными от предшествующей эпохи. И по мере того, как развивалось денежное хозяйство, оно становилось все более и более характерной чертой рабовладельческой экономики. Поэтому большая или меньшая интенсивность денежного обращения является одним из самых ярких показателей того, находится ли экономическая и социальная структура общества, присущая рабовладельческому строю, еще в состоянии расцвета или она уже затронута процессом разложения. С этой точки зрения мы и подойдем в данной статье к исследованию некоторых вопросов, связанных с монетной системой или денежным обращением IV—V вв. Полученные таким образом наблюдения помогут решить, насколько правомерно утверждать, что в этот период еще господствовали отношения, присущие рабовладельческому строю, и в какой степени можно констатировать определенные черты — более или менее четкие — рождающегося феодального строя.

Исследование поставленной нами проблемы имеет значение и для решения еще некоторых других вопросов, поднятых в ходе дискуссии, начатой советскими исследователями. В частности, это исследование может способствовать лучшему пониманию способов, при помощи которых римская рабовладельческая надстройка активно содействовала сохранению форм обращения, присущих рабовладельческому обществу, в противовес таким явлениям, которые означали развитие в недрах Римской империи предпосылок будущего феодального строя.

⁴ Исключение, о котором я упомянул, — это труд S. Mazzarino. *Aspetti sociali del quarto secolo* (Roma, 1951), интересный и тем, как в нем поставлен вопрос, и теми общими социально-политическими выводами, которые там сделаны и к которым нам еще придется вернуться. Это исследование итальянского ученого было упомянуто на X Международном съезде историков в числе важных работ, вышедших за последние годы (см. W. Seston. *Die Constantinische Frage. Relazioni del X Congresso internazionale di scienze storiche*, vol. II. Firenze, 1955, p. 434—436; ср. vol. VI, p. 791).

⁵ См. К. Маркс. *Капитал*, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 121 сл.

После этих предварительных замечаний можно перейти к рассмотрению некоторых важных для нашей цели материалов. Прежде всего нужно ознакомиться с состоянием средств обмена, т. е. с римской монетной системой, в начале IV в. н. э. Тут особенно важен период Диоклетиана, а также и Константина I, завершившего денежную реформу. Золотая монета — *aureus*, — при Диоклетиане составлявшая $\frac{1}{96}$ римского фунта времен Нерона (3,41 г), при Константине весила $\frac{1}{72}$ римского фунта, т. е. 4,55 г (*solidus aureus*). Серебряная монета времен Диоклетиана весила 3,41 г — $\frac{1}{96}$ фунта и называлась *siliqua*, *argenteus minutulus* или *denarius communis*. Серебряные монеты другого типа имели тот же вес (4,55 г), что и *solidus aureus*, и носили название *miliarensis*, *pecunia maior* или *maiorina*; их стали чеканить при Константине I. Что же касается медных монет, их вес изменялся на протяжении всего IV в. (так, уже в эпоху Константина *nummus centenialis* или *centenialis communis* варьировал между 3,55—2,60 г), но еще Диоклетиан установил их соотношение с золотой монетой, а именно золотой фунт равнялся 50 000 *nummi minutuli*. В то время как при Диоклетиане единственное точно установленное соотношение было между золотой и медной монетой, а серебряная монета — по справедливости названная бедной родственницей — находилась в неустойчивом положении, в эпоху Константина и она обретает свое место среди монет, утвержденных и защищаемых законами империи. Соотношение между золотом и серебром устанавливается как 1 : 13,88⁶.

В свете этих данных нам легче будет определить, во-первых, в какой степени состояние наших источников позволяет установить преобладание денежного обращения или же, наоборот, преобладание натурального обмена в империи в IV—V вв.; во-вторых, имеем ли мы действительно дело с такой монетной политикой, целью которой было покровительствовать традиционной римской форме экономической жизни в противовес все более развивающимся формам натурального обмена, отчетливо заметным уже в конце III в. н. э.

Что касается первого вопроса, необходимо напомнить результаты исследований, предпринятых Г. Миквицем, М. Блоком, А. Пиганьолем, Г. ван-Вервеке⁷ и в последнее время Маццарино. Автор данной статьи разработал также некоторые частные вопросы этой проблемы в труде, опубликованном около 20 лет тому назад⁸.

Результаты, к которым пришли все вышеуказанные историки и экономисты, дают нам возможность говорить о том, что в IV—V вв. н. э. имела место своего рода «стабилизация» денег и денежного обращения. Во избежание путаницы или модернизации истории античности, против которых я сам же предостерегал в начале статьи, спешу добавить, что

⁶ E. Babelon. *Traité des monnaies grecques et romaines*, v. I. Paris, 1901, p. 530, 565, 566, 574, 610, 612; K. Pink. *Die Goldprägung des Diokletians und seiner Mitregenten*. Num. Zeitschrift, Bd. LXIV, 1931; idem. *Die Silberprägung der Diokletianischen Tetrarchi*. Ibid., Bd. LXIII, 1930.

⁷ G. Mickwitz. *Geld und Wirtschaft im römischen Reich des vierten Jahrh. n. Chr.* (Societas Scientiarum fennica. Commentationes humanarum litterarum, vol. IV, № 2). Helsingfors—Leipzig, 1932; A. Piganiol, in: *Annales d'histoire sociale*, VII, 1945; idem. *Le problème de l'or dans le monde antique* (ibid., VI, 1935, p. 235); M. Bloch. *Le problème de l'or au moyen âge*. *Annales d'hist. écon. et soc.*, vol. V, 1933; H. van Wervecke. *Économie-nature et économie argent*. Ibid., vol. III, 1931, p. 428; A. Piganiol. *Le problème de l'or au IVe siècle*. *Ann. d'hist. soc.*, 1945, 47.

⁸ E. Condurachi. *La politique financière de l'empereur Julien*. Acad. Roum., Bull. de la sect. hist., vol. XXII, 2, 1941, p. 85 sq. К сожалению, как об этом будет сказано в дальнейшем, эта работа не только устарела в настоящее время, но и с самого начала была основана на неправильных методологических принципах.

в данном случае речь идет об экономическом явлении, соответствовавшем действительности той эпохи и ограниченном во времени и месте специфическими условиями греко-римского рабовладельческого общества. Для большей ясности нужно сказать, что суждения тех ученых, которые считают, что вследствие денежной реформы Диоклетиана и Константина римская монета приобрела не только более твердый курс, чем обесцененная монета III в. н. э., но и более широкое применение в коммерческих сделках того времени, вполне обоснованы. Г. Миквицем приведены убедительнейшие доводы относительно римской Африки; А. Пиганьолем использованы для этой цели многие отрывки из «Кодекса Феодосия». Изучение египетских папирусов римско-византийской эпохи позволило недавно Л. Уэсту и А. Ч. Джонсону внести очень ценные уточнения⁹, хотя общее направление их труда в своей основе ошибочно. Значение всех этих материалов, свидетельствующих о расширении денежных оборотов, становится еще более выразительным, если сопоставить их с красноречивым списком подарков в натуре, которые в III в. получал Валериан (по словам его биографа в *Scriptores Historiae Augustae*), когда он (еще до того, как стал императором) был наместником провинции.

В свете сказанного необходимо расценивать и такие попытки регламентации, более или менее обширные, более или менее действенные, как, например, *Edictum de pretiis rerum venalium* (301 г.) или декрет императора Юлиана (362 г.), сохранившийся на одной из надписей в Тимгаде¹⁰. Речь идет о том, что, скажем, знаменитый «Эдикт о ценах» должен быть использован не только для выяснения ряда деталей экономической жизни империи¹¹, как это давно уже делается историками, но и для решения основной поставленной нами проблемы. Изучая этот и ему подобные документы, надо, следовательно, всегда иметь в виду, что одновременно с денежной реформой, которая ввела в обращение огромные массы денег, правительство и другими средствами стремилось стимулировать ту форму обмена, которая являлась характерной для греко-римского рабовладельческого общества, а именно денежную. В этой связи особенно следует обратить внимание на то, что в императорских законах IV в. именуется *adaeratio*, т. е. на перевод натуральных платежей и повинностей в денежные. Что касается применения *adaeratio* в эпоху императора Юлиана, то в моей упомянутой выше работе я привел об этом некоторые новые сведения¹². Я хочу теперь еще раз вернуться к этому вопросу и напомнить некоторые наиболее важные выводы, полученные мною, чтобы, в частности, отметить, насколько я тогда ошибался в истолковании общих проблем, и показать, как я считаю нужным решать их теперь.

Как и Г. Миквиц, автор этих строк считал тогда, что замена натуральных платежей денежными была таким мероприятием, которое соответствовало интересам населения Римской империи в последние века ее существования, и что такая форма платежа пресекала произвол полчищ финансовых агентов — *exactores* и *actuarii* и защищала плательщиков, в особенности когда речь шла о поставках хлеба, корма, лошадей и новобранцев, не говоря уже об основном налоге — *capitatio-jugatio*. Я стремился даже в этой связи дать объяснение тому мнимому предпочтению, которое, мне

⁹ L. C. West, A. Ch. Johnson. *Currency in Roman and Byzantine Egypt*. Princeton, 1944.

¹⁰ Th. Mommsen. *Ordo salutationis sportularumque sub Imperatore Juliano in provincia Numidia*. *Eph. Epigr.*, 5, 1884, p. 629 sq.

¹¹ Или, точнее говоря, ее восточных провинций, к которым он непосредственно относился, хотя теоретически его распоряжения имели силу на всей территории.

¹² E. Condurachi. *Op. cit.*, p. 134.

казалось, налогоплательщики должны были оказать системе *adaeratio*. Я писал тогда следующее:

«С первого взгляда это может показаться странным. Земельные собственники и колонны были обязаны сдать ежегодно определенное количество продуктов, установленное независимо от урожая; по существу, следовательно, им очень редко приходилось платить одинаковый налог. В высокоурожайные годы, когда цена падала, они должны были вносить как налог определенное количество сельскохозяйственных продуктов. Но тем более страдали они в плохие годы, когда, несмотря на возросшие цены, им приходилось давать такое количество продуктов, стоимость которого превосходила во многом действительную сумму налога, поскольку оценка этих продуктов никогда не производилась в интересах плательщиков.

Ясно, что в таком случае люди предпочитали платить налог в денежной форме, поскольку тем самым устанавливалось более устойчивое и вместе с тем более терпимое соотношение между размерами производства продуктов и налогами. В плохие годы цены на продукты возрастали, и, несмотря на плохой урожай, денег хватало на оплату налогов. В урожайные годы цены падали, но избыток продукции восстанавливал равновесие. Этим объясняется тот факт, что в последние века существования Римской империи население постоянно требовало возвращения к денежной оплате налогов. Кроме того, эта система имела то преимущество, что препятствовала проявлению произвола. Возможность произвола и объясняет, по крайней мере в некоторой степени, сохранение системы натуральной оплаты, которая была выгодна в первую очередь сборщикам налогов и военачальникам, но отнюдь не населению. Продукты, превышавшие личные нужды получателей налогов, или жалованье, выплаченное в натуре, могли быть проданы в подходящий момент, но уже по куда более высокой цене, чем та, по которой они были оценены при сдаче в счет налога»¹³. На самом деле сделанные мною в этой работе ссылки на ряд мер, принятых императором Юлианом для ограничения произвола при применении системы *adaeratio*, т. е. при замене натуральных платежей денежными, отнюдь не обосновывали только что процитированное мое утверждение. В ту пору, когда я писал эти строки, я еще не отдавал себе отчета в позиции того класса, который вдохновлял политику императоров; кроме того, я был неправ, рассматривая налогоплательщиков как единую категорию по отношению к императорскому фиску. Ограниченность идеалистического понимания истории помешала тогда автору увидеть, насколько ошибочна та концепция, которую он разделял, и те выводы, к которым он примкнул. Ясно, что уплата налога в натуре больше соответствует интересам плательщиков, тогда как *adaeratio* ни в каком случае не могла означать снижения фискальных обязанностей, ложившихся на плечи мелких производителей; наоборот, она явилась достаточно ощутимым бременем.

На основании других документов, касающихся эпохи Константина I и его преемников, почти к такому же выводу, а именно, что система *adaeratio* была более обременительна, чем натуральные платежи, пришел и Маццарино. Он привлек для доказательства этой мысли свидетельство анонимного автора книги «*De rebus bellicis*», который утверждал, что бедность (*afflicta paupertas*), в которой пребывают *tenuiores*, побуждает их к мятежу, и подчеркивал, что это положение, ставшее невыносимым, было порождено денежной политикой императора Константина¹⁴. Следует запо-

¹³ E. Condurachi. Op. cit., p. 132.

¹⁴ Cp. E. A. Thompson. A Roman informer and inventor. Oxford, 1952.

мнить объяснение итальянского ученого, согласно которому изобилие медных и бронзовых монет приводило к значительной неустойчивости цен, что ставило *tenuiores* под угрозу полного разорения, так как их доходы и жалованье выплачивались этой монетой, в то время как состояния крупных земельных собственников и кучки городских богачей оставались в полной сохранности, ибо в их основе лежало огромное количество накопленных золотых монет. Мы можем даже пойти еще дальше, чем предполагал итальянский ученый, по указанному им пути. Можно добавить, что разрыв между медной и золотой монетой — одна из внутренних пружин диоклетиановой реформы — все более и более углубляясь в силу двух причин: с одной стороны, благодаря все более и более резким колебаниям курса медной монеты (*nummus centenionalis*), а с другой стороны, в результате роста стоимости золотой монеты на всем протяжении IV и V вв. Это способствовало резкому делению населения городов на привилегированное меньшинство богачей и нищее большинство эксплуатируемых.

Мне приходилось останавливаться на этом явлении в заметке, опубликованной в 1942 г.¹⁵, и этот тезис был подтвержден еще более убедительными данными, привлеченными историком А. Пиганьолем в статье, опубликованной в 1945 г.¹⁶ Не входя в детали, мы позволим себе напомнить полученные нами выводы статистического характера, чтобы тем самым подчеркнуть бессилие буржуазной историографии понять все значение данных, которые она в состоянии установить, но не может правильно интерпретировать. Указом от 19 февраля 397 г.¹⁷ устанавливалось, что один фунт серебра приравнивался к 5 *solidi aurei* вместо 5,54, как это было установлено Константином I в 312 г. Соотношение между золотом и серебром стало, следовательно, не 1 : 13,88, а 1 : 14,40. Это доказывает, что в конце IV в. стоимость золота существенно возросла по сравнению со стоимостью серебра и меди. Через 25 лет, в 422 г., один фунт серебра стоит уже 4 *solidi aurei*¹⁸, т. е. соотношение между золотом и серебром становится 1 : 18. Этот факт весьма многозначителен, и, разумеется, никто из исследователей, занимавшихся этим вопросом, не мог не видеть, насколько ненормальным было соотношение между стоимостью различных металлов и к каким тяжелым последствиям это могло вести.

И хотя Г. Миквиц и М. Блок, А. Пиганьоль и Г. ван-Вервеке единодушно признают разящий контраст между наличием огромного количества золота, что засвидетельствовано многочисленными документами IV—V вв., и ростом цены на золото, они не находят этому удовлетворительного объяснения.

А. Альфёльди, например, объясняет этот контраст (и это объяснение частично принимается и другими современными историками) увеличением льгот, данных солдатам, и растущим обеднением налогоплательщиков¹⁹. Объяснение, данное А. Пиганьолем, состоит в констатации существования двух различных общественных слоев, имевших противоположные интересы. Французский историк считает, что народная масса должна была довольствоваться монетой, выпущенной во время инфляции; богачи же жили в мире других цен, установленных на основе золота²⁰. От

¹⁵ E. Condurachi. Le prix de l'or au début du Ve siècle. *Revue Hist. Sud-Est Eur.*, vol. XIX, 1942, p. 421.

¹⁶ A. Piganiol. *Op. cit.*, p. 2 (отдельный оттиск).

¹⁷ *Cod. Theod.*, XIII, 2.1.

¹⁸ *Cod. Theod.*, VIII, 4.27.

¹⁹ A. Alföldi. *Die Kontorniaten*. Budapest, 1943, S. 40; ср. САН, XXII, p. 220.

²⁰ A. Piganiol. *Op. cit.*, p. 4.

такого положения до признания черной биржи остается один шаг, и Пиганьоль действительно говорит о черной бирже. И не удивительно, что историку, прожившему годы второй мировой войны во Франции, казалось, что он имеет дело с хорошо знакомым по личному опыту явлением. Но, понятно, что обосновать эту модернизацию древней истории нельзя никакой, даже самой «свободной» интерпретацией того или иного отрывка из древнего автора (в данном случае из Авсония)²¹. Идти этим путем нельзя, как нельзя идти и той дорогой, которая считается многими буржуазными историками во главе с У. Сестоном²² более заслуживающей внимания: на нее-то как раз и указал Маццарино. По мнению итальянского ученого, закон спроса и предложения привел бы в конце концов к определенной «устойчивости» в соотношении между золотыми и серебряными монетами, с одной стороны, и медными — с другой, если бы рынок мог сохранить полную свободу от вмешательства римского государства. Воздействие римской «централизованной экономики», подчеркивает Маццарино, имело только разрушительные, «катастрофические» последствия для нормального движения цен и обращения товаров, и лишь так называемая «либеральная экономика» могла обеспечить нормальные экономические условия. Автор не скрывает, что, по его мнению, установлению подобной экономической «стабилизации» должно было бы предшествовать разорение народных масс, болезненное, но необходимое. Политика «планирования хозяйств», якобы примененная финансовыми органами империи, помешала «благоприятным возможностям» такой стабилизации, не предотвратив в то же время разорения тех слоев населения, которых, начиная с правления Септимия Севера, мы встречали в источниках под именем *tenuiores*.

Если я остановился, может быть, и несколько дольше, чем следовало бы, на этих рассуждениях итальянского историка, то это не было сделано лишь из желания познакомить читателя с его «теорией», своеобразно отражающей представления автора о современной экономической действительности и по существу порожденной реакционной позицией его класса (я, конечно, далек и от того, чтобы вовсе отрицать значение работ Маццарино, которые интересны главным образом привлечением, а отчасти и интерпретацией некоторых источников).

Но при всей своей методологической беспомощности работы всех упоминавшихся выше историков содержат значительное количество данных. На основании этих данных, в частности, можно сделать вывод, имеющий для нас сейчас первостепенное значение, а именно, что тогда, когда идет речь о процессе обращения в тех местностях Римской империи, где в IV—V вв. продолжала существовать городская жизнь и присущие ей формы рабовладельческого хозяйства, экономические отношения характеризовались денежным, а не натуральным обменом. Но отсюда в свою очередь, следует, что коль скоро в денежном обращении встречаются явления, противоречащие общим его законам, характерным для данной формации, мы вправе констатировать, что это является признаком разложения не только государственной администрации, но и самой рабовладельческой экономики.

Прежде всего нужно обратить внимание на явление, которое часто встречается в денежном обращении в окраинных провинциях империи (исследователи, однако, не отметили его нигде, если не говорить о Египте). С середины IV в. в этих районах обращалось много монет, которые было

²¹ Ausonius. Ep. Liber XXII, 20.

²² W. Seston. Op. cit., p. 434 sq.

бы правильно называть не императорскими, а мнимоимператорскими, поскольку нельзя считать, что их чеканили в официальных мастерских империи. Варваризованная иконография на лицевой и оборотной стороне монеты, легенда — подчас неразборчивое подражание латинским буквам на императорских монетах — все это доказывает, что данные монеты либо принадлежали вождям варварских племен, обитавших на границах Римской империи, либо чеканились римскими военачальниками из пограничных провинций²³. В эпоху, когда политические затруднения препятствовали регулярной доставке денег из столицы или из ближайшей монетной мастерской, выплата жалованья войскам и варварам-федератам производилась этими монетами, чеканенными по приказу и под наблюдением военачальников. Чаще всего подражали монетам Константина I, пользовавшимся большим доверием. Независимо от мотивов, которые породили такое положение, — будь то затруднения в доставке надлежащей суммы денег или личная инициатива некоторых начальников в придунайских или других периферийных провинциях Римской империи, — во всяком случае мы имеем дело с фактом нарушения императорской регалии, и последствия этого будут заметны в ближайшие века. В некоторых случаях связь между появлением этих мнимоимператорских монет и все более заметным ослаблением центральной власти обнаруживается как будто уже и в V в., например в Египте. Обширные районы в долине Нила превращались фактически в подобие будущих феодальных уделов, где их правители сами собирали доходы, чеканили монету, осуществляли суд и администрацию²⁴.

Анализ кладов, относящихся к периоду с конца IV в., в частности из придунайских провинций, позволит нам констатировать еще один факт, интересный для общих выводов по проблеме, поставленной в данной статье.

Некоторые клады этого времени содержат самые разнообразные бронзовые монеты, чеканенные в очень отдаленных и разбросанных по всей империи мастерских. Так, большой клад, найденный в Плевене (Болгария), содержит бронзовые монеты эпохи Галлиена и Проба, чеканенные в мастерских Рима, Антиохии, Кизика, Лондиния, Сердики, Сисдии и Тарраконы²⁵. Другой клад, найденный во Вранике (Югославия) и относящийся ко времени Константина II — Магненция, содержит монеты, чеканенные в Константинополе, Фессалонике, Аквилее, Никоидии, Иллирике, Косе, Гераклее, Антиохии и Трире²⁶. Несомненно, оба клада как-то были связаны с императорскими войсками, находившимися в этих провинциях. В состав других кладов входит и значительное количество разных бронзовых монет, чеканенных в различных греческих городах задолго до времени, к которому относятся эти клады. Такой их состав уже невозможно объяснить присутствием войск. Мы имеем здесь дело с таким явлением из области монетного обращения, которое проявляется и принимает определенные черты в особенности в Египте в последние века существования Римской империи. Употребление этих монет в эпоху, когда давно уже не существовало независимости греческих городов, не могло, конечно, происходить в точном соответствии с той стоимостью, которую они имели в момент чеканки. По существу это же самое явление «феодалного обращения»²⁷, с более отчетливой формой которого мы встречаемся в V и по-

²³ Ср. E. Condurachi. Fenomene premedievale în circulația monetară romană din regiunea dunăreană. Balcania, vol. VII, 1944, p. 56.

²⁴ G. Milne. Feudal currency in Roman Egypt. Ancient Egypt, 1926, March, p. 8.

²⁵ Н. А. М у ш м о в, в: Известия на Българ. археол. институт, I, 1921—1922, стр. 239.

²⁶ J. Brunsmid. Vjestnik Hrv., II, 1896—1897, p. 1—42.

²⁷ G. Milne. The currency of Egypt in the fifth century. Num. Chron., V, 21, 1926, p. 62—63.

следующие века в Египте, а также и в самих придунайских областях. Суть его заключается в том, что монеты, прежняя ценность которых была забыта, продолжали быть в обращении на правах обыкновенных слитков металла, простых фишек, как их называет английский нумизмат Милн. Только таким путем можно объяснить присутствие в кладах, найденных в Иллирике, бронзовых монет различных императоров, а также различных греческих городов. Во всяком случае находки этих монет нельзя считать доказательством существования торговых связей между этими городами и Иллириком, так как, с одной стороны, греческие города в эти годы уже не чеканили монеты, а с другой — денежные реформы IV в. привели в негодность большую часть монет предыдущих веков, лишившихся доверия, необходимого для широкого обращения.

Самым поучительным с этой точки зрения является большой клад, найденный в Вимиации, близ Белграда. Он содержит более 100 000 монет и является наиболее достоверным отражением экономического положения империи в середине V в. 20 000 монет удалось идентифицировать; самые древние из них относятся к эпохе Калигулы, самые поздние — ко времени Флавия Виктора и Евгения. Мастерские, в которых чеканились эти монеты, находились в самых различных городах: Антиохии, Кизике, Сирмии, Александрии, Никомидии, Гераклее, Трире, Лугдуне, Арелате²⁸. Два факта доказывают, что мы имеем дело с монетами, потерявшими обозначенную на них стоимость, переставшими по существу быть деньгами и обращавшимися в V в. лишь в качестве металлических слитков:

1. Среди монет есть много «*minimi*», похожих на найденные в Египте; их «варварская» чеканка не позволила бы их идентифицировать даже в период, когда они были пущены в обращение.

2. Некоторые из монет разрезаны на две, три или четыре части, что было сделано, вероятно, в момент кризиса мелкой монеты. В отличие от аналогичных фактов, имевших место в Галлии в I в. н. э., в последний период Римской империи разрезанные монеты играли ту же роль, что и египетские «*minimi*»; т. е. являлись простым орудием обмена, не имевшим номинальной стоимости.

В данной статье нас интересует роль, которую играли эти монеты в денежном обращении Иллирика той эпохи, а также своеобразный вид этих орудий обмена, форма и стоимость которых отличали их куда больше от монет предыдущего века, чем от тех, которые были распространены в средние века в Восточной Европе. Эти новые явления денежного обращения в балкано-дунайских областях последних веков Римской империи свидетельствуют, что в пограничных районах империи уже в IV в. были заметны явные признаки экономического распада и что в ходе этого процесса на территории империи появляются новые черты экономической жизни, которые, можно считать, предвещают средние века²⁹.

Оставив в стороне вопрос об императорской политике по отношению к городам, можно сделать следующие три вывода:

1. Критический анализ письменных документов и археологических данных, касающихся денежного обращения в различных районах Римской империи в IV—V вв., позволяет утверждать, что некоторые явления, характерные для рабовладельческого строя в его классической форме, еще сохранились в то время, несмотря на тяжелый кризис, охвативший Римскую империю в конце ее истории.

²⁸ E. Gren. *Der Münzfund von Viminacium. Skrifter Utgivna av K. Vetenskaps Samfundet i Uppsala*, 29 2, 1934.

²⁹ E. Condurachi. *Op. cit.*, p. 62.

2. Императорское правительство стремилось постоянно покровительствовать денежному обмену, укрепляя традиционную для Римской империи хозяйственную основу рабовладельческого государства. С этой точки зрения особенно показательны не только императорские эдикты относительно цен (таковы, например, знаменитый *Edictum de pretiis rerum venalium* Диоклетиана или эдикт Юлиана, сохранный на надписи в Тимгаде), но и возрастание числа штрафов и налогов, установленных в деньгах, а не в натуре.

3. Монетные находки, исследованные историками, позволяют нам проследить шаг за шагом развитие той неизлечимой болезни, от которой страдало римское общество и которая не могла привести к иной экономической и политической форме жизни, нежели та, которая несколько веков спустя стала характерной для Византийской империи.

Р. БРАУНИНГ

**РАБСТВО В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(600—1200 гг.)**

Исследователи экономических и социальных отношений в Византии справедливо стремились сконцентрировать свое внимание на византийском феодализме, его происхождении, характере и развитии¹. Было общепризнано, что рабство играло значительную роль на всем протяжении истории византийского общества, но было мало попыток изучить его основательно, установить его специфические отличия от античного рабства, средневекового западноевропейского рабства и т. д., исследовать изменения, которые оно претерпело, и вскрыть их причины². А между тем

¹ См. вышедшие недавно работы: А. А. Vasiliev. *History of the Byzantine Empire*. Madison, 1952, гл. 8, и G. Ostrogorski. *Pour l'histoire de la féodalité byzantine*. Bruxelles, 1954, обе с подробной библиографией. В общем среди западных ученых имеется тенденция относить установление феодальных экономических и политических отношений в Византии не ранее чем к IX столетию, в то время как советские историки датируют их возникновение значительно более ранним периодом. Отчасти это вопрос терминологии, но здесь скрывается также и действительное различие во взглядах на природу раннего византийского общества. Вопрос о том, к какому времени следует отнести установление феодальных отношений, недавно подробно обсуждался советскими византиноведом и специалистами по древней истории; хотя эти дискуссии и не привели к полному единству мнений, они пролили свет на ряд аспектов проблемы.

² Имеется лишь единственная монография по этому вопросу: A. Hadjinicolaou-Margava. *Recherches sur la vie des esclaves dans le monde byzantin*. Athènes, 1950. Сколь бы ни была она полезной, эта работа страдает чрезмерно идеалистическим подходом к делу и тенденцией смешивать экономические и моральные вопросы. Интересные материалы по занимающей нас проблеме имеются в работе N. A. Constantinescu. *Réforme sociale ou réforme fiscale*. Bulletin de la Section Historique de l'Académie Roumaine, II, 1924, p. 102. Очень отрывочные данные содержатся в труде Ф. Кукулеса (Ph. Koukoules. *Βυζαντινὸν βίος καὶ πολιτισμὸς*, 5 томов с приложением. Афины, 1948—1952). Разочаровывающей в этом отношении является работа Л. Брейе (L. Bréhier. *Le monde byzantin*, vol. I—III. Paris, 1948—1950). Хороши, но очень кратко написанные Г. Острогорским и Ст. Рансиеном главы в „Кембриджской экономической истории Европы“ („The Cambridge Economic History of Europe“, vol. 1, 1941; vol. 2, 1953). Русские византилисты всегда были впереди в области экономической истории; можно много почерпнуть из трудов В. Васильевского и из работ Ф. Успенского, хотя ни тот, ни другой не писали специально по проблеме византийского рабства. То же самое может быть сказано о недавних исследованиях советских ученых М. В. Левченко, Е. Э. Липшиц, А. П. Каждана, Э. В. Удальцовой, М. Я. Сюзюмова и др., опубликованных в томах „Византийского временника“. „Сборник документов по социально-экономической истории Византии“, изданный АН СССР в 1951 г., почти совсем не касается проблемы рабства. Работы А. П. Рудакова „Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии“ (СПб., 1916), А. П. Каждана „Рабы и мистии в Византии IX—XI веков“ (УЗ Тульского государственного педагогического ин-та, вып. 2, 1951) и М. Я. Сюзюмова „О правовом положении рабов в Византии“ (УЗ Свердловского пединститута, II, 1955) я не имел возможности получить.

обстоятельное исследование всех этих вопросов совершенно необходимо, так как без этого нельзя понять многих особенностей византийского феодализма.

Данная статья не ставит своей целью дать такое исчерпывающее исследование, ее задача состоит лишь в том, чтобы дать краткий обзор сведений и в общих чертах наметить проблемы. После предварительных замечаний об исторических источниках и о периодизации мы сосредоточим внимание на следующих двух главных вопросах: как использовались рабы и каковы были источники рабства.

I. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

а) *Юридические источники, включающие имперские кодексы и новеллы императоров*³. В дополнение к обычным трудностям, с которыми всегда сопряжено использование текстов законов как исторических источников, здесь имеются две специальные проблемы. Первая состоит в том, что византийские кодексы обычно стремятся более или менее полно воспроизвести законодательство Юстиниана. Вопрос о том, отражают ли они сколько-нибудь достоверно условия своего времени или представляют собой окаменелости, которые скорее препятствовали, чем способствовали развитию экономических отношений, уже давно обсуждается в науке, и здесь не следует вдаваться в него слишком подробно⁴. Достаточно сказать, что в результате этого обсуждения признано, что те модификации, которым все же подвергались в последующих кодексах многие из положений законодательства Юстиниана, дают некоторую возможность использовать эти кодексы при изучении социально-экономического развития Византии. Вторая трудность — результат того, что нам не всегда ясен характер некоторых текстов. Был ли Земледельческий закон обязателен для судов и если был, то для каких судов? Были ли все новеллы Льва VI действительным законодательством или некоторые из них представляли собой своего рода программу социальных реформ? Вопросы, подобные этим, до сих пор являются спорными для юристов⁵.

б) *Повествовательные источники*, в особенности хроники и истории, а также и автобиографические тексты, такие, как рассказ Иоанна Камениаты о взятии Фессалоники арабами в 904 г. Эти памятники могут содержать отрывочную информацию по нашей теме, хотя главное внимание в них уделяется двору, церкви и армии и они в общем являются скудными источниками для историка, изучающего социально-экономические отношения.

в) *Агиографические тексты*. Они очень разнообразны, и многие из них содержат значительную информацию по социальным и экономическим отношениям. Они являются наиболее ценным источником для нашей темы. Сверхъестественный элемент, сам по себе, не должен смущать нас, так как рассказывавшие о чудесах обычно стремились к правдоподобию в деталях. Однако использовать эти тексты следует с осторожностью. Необходимо, в частности, точно установить дату и обстоятельства составления каждого из этих текстов. Следует также помнить, что предания могут быть перенесены из одной эпохи в другую. Так, например, некоторые уче-

³ Эти источники описываются в следующей работе, располагающей обширной библиографией: L. Wenger, *Die Quellen des römischen Rechts*. Wien, 1953, S. 678—726.

⁴ См. Г. Эверт-Каппесова. BS, XVI, 2, 1955, p. 353.

⁵ Ср. L. Wenger. Op. cit., S. 695, где указывается библиография.

ные полагают, что житие св. Андрея Юродивого, которое якобы рассказывает о событиях, относящихся к царствованию Льва VI (886—912) и написано будто бы современником этих событий, было создано в первоначальном виде намного ранее — возможно, в царствование Льва I (457—474)⁶.

г) *Документы.* От периода до 1200 г. их сохранилось очень немного, кроме документов из византийской Южной Италии. Нельзя, однако, сказать с определенностью, что развитие этой отдаленной и несколько своеобразной пограничной провинции было типичным для Византийской империи в целом. Поэтому итальянские документы должны использоваться с большой осторожностью. Немногочисленные документы этого периода из других частей империи касаются преимущественно вопросов земельного владения.

II. ПЕРИОДИЗАЦИЯ

Не вдаваясь в детали и не предлагая определенной даты начала преобладания феодальных отношений, мы можем разделить наш период на два этапа: первый — так называемые «темные века» — примерно от смерти Ираклия в 641 г. до начала IX столетия и второй — последующее время, отмеченное развитием и окончательным установлением господства крупной земельной собственности. Легко преувеличить упадок цивилизации в «темные века», и это часто делалось. Однако этот упадок существовал в действительности, и нельзя считать, что наше представление о нем является просто результатом малочисленности сохранившихся источников. Среди юридических текстов этой эпохи мы имеем только Эклогу Льва III (717—741 гг.); главными повествовательными источниками являются хроники Феофана и Никифора, обе написанные в самом конце периода; из его сравнительно немногочисленных агиографических текстов, которые можно было бы использовать в наших целях, наиболее ценными являются жития тех, кто подвергся преследованиям во время второго периода иконоборческого движения; они часто содержат важный материал; документов (за исключением некоторых египетских), относящихся к самому началу периода, не имеется.

Ниже следует краткий очерк основных моментов экономического развития в течение всего интересующего нас периода.

«Темные века» характеризовались:

а) Широким распространением свободной крестьянской собственности на землю при наличии некоторого количества участков, находившихся в общем пользовании⁷. В какой степени это было результатом славянского влияния, пока что остается спорным. Крупные славянские по-

⁶ Главное собрание агиографических текстов содержится в Acta Sanctorum Bollandiana, публикация которых началась в 1643 г. и до сих пор еще не закончена. Многие тексты, особенно в ранних томах, были опубликованы только в отрывках, причем иногда издавалась лишь латинская версия греческого оригинала. Это собрание дополнено текстами, опубликованными в Analecta Bollandiana (с 1881 г.). Кроме того, многие жития, часто важные для нашей темы, рассеяны в периодической литературе, иногда в русских и греческих периодических изданиях XIX в., комплекты которых имеют очень немногие библиотеки Западной Европы. Необходимым пособием для всех занимающихся греческими агиографическими текстами, является труд А. Эрхарда (A. Ehrhard. Überlieferung und Bestand der hagiographischen und homiletischen Literatur der griechischen Kirche, 3 Bände. Leipzig, 1936—1951), однако отсутствие указателя к этой работе очень затрудняет пользование ею.

⁷ См. из недавних работ: А. П. К а ж д а н. Византийская община в IX—X веках. УЗ Великолукского пединститута, 1956, стр. 77—102.

селения определенно существовали не только в Европе, но и в Малой Азии.

б) Упадом многих городов и превращением их в аграрные центры. Этот процесс в своем развитии никогда не заходил так далеко, как в Западной Европе, и некоторые из крупнейших городов, такие, как сам Константинополь или Фессалоника, остались крупными городами с процветающим товарным производством. Но не подлежит сомнению, что в других местах товарное производство было сильно сокращено. Осталось мало следов крупных сооружений, относящихся к периоду от Ираклия (610—641 гг.) до Феофила (829—842 гг.). Некоторые античные города исчезли, но, с другой стороны, появились в IX—X вв. на месте некоторых античных деревень византийские города.

в) Соответствующим сокращением обращения монет. Хотя нет ничего подобного почти полному исчезновению монеты, характерному для большей части Западной Европы того времени, однако как клады монет, так и вообще находки на территории всей империи содержат очень мало монет, относящихся к периоду от Ираклия до Феофила⁸.

В первой половине IX столетия началось, как об этом определенно свидетельствуют источники, оживление экономической жизни. Феофил был первым за два столетия императором, имевшим в своем распоряжении большой золотой запас. Нам известно об обширных строительных программах во время его царствования, осуществление которых продолжалось затем в течение целого столетия. Находки кладов и отдельных монет свидетельствуют об увеличении денежного обращения. Все это предполагает возросшую торговлю и товарное производство.

К концу IX в. рост крупных поместий, передававшихся по наследству, шел уже полным ходом. Юридические памятники показывают, что свободные крестьяне и стратиоты сгонялись со своих участков или становились зависимыми. Ряд аграрных восстаний свидетельствует об отчаянном положении большей части крестьянства. Очень характерно, что фамилии крупной феодальной знати более поздних столетий часто ведут свое происхождение как раз от начала IX в. К XI столетию большие поместья или, по крайней мере, крупные владения — независимо от того, образуют ли они единый земельный массив или нет, — стали, по-видимому, господствующей формой землевладения. Но свободные крестьяне никогда не исчезли вполне.

Цены, если не говорить о сезонных и случайных колебаниях, оставались, кажется, довольно постоянными на протяжении всего периода, хотя, конечно, мы не должны забывать, как мало сведений мы имеем. В последние столетия рассматриваемого периода, а возможно также и в ранние, хозяйство носило денежный характер, в том смысле, что рента обычно уплачивалась в деньгах, а правительственные чиновники получали жалованье деньгами, которое в какой-то мере дополнялось подарками из шелковых одежд и т. п., а не участки земли, как это было принято тогда в Западной Европе (а позднее и в византийском и южнославянском мире).

III. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАБОВ

Источники свидетельствуют, что рабы использовались как домашние слуги в ремесленном производстве и в сельском хозяйстве. Рассмотрим каждую из этих форм отдельно.

⁸ Наиболее убедительные доказательства этого приведены в весьма важной статье А. П. Каждана „Византийские города в VII—IX веках“ (СА, 21, 1954, стр. 164—188), которая, возможно, менее хорошо известна византинистам, чем она того заслуживает.

а) Рабов в качестве домашних слуг мы встречаем наиболее часто в наших источниках. На протяжении всего периода большая часть домашней работы — постольку, поскольку она не выполнялась членами семьи, — делалась рабами. Иметь большое число рабов было признаком высокого социального положения. Трудно проследить какие-либо значительные изменения в пределах этого периода в положении рабов — домашних слуг, хотя вполне возможно, что тщательный анализ наших источников обнаружит подобные изменения. Известное представление о конкретной роли рабов как домашних слуг в византийском обществе лучше всего может дать ознакомление с рядом типичных случаев.

Св. Игнатий, будучи в изгнании, находился в сопровождении группы рабов, из которых 22 были взяты в плен и убиты во время нападения русских в 860 г.⁹ Игнатий, как известно, был смещенным патриархом и сыном императора и принадлежал к самой богатой части общества.

Св. Андрей Юродивый, скиф по рождению, был около 900 г. одним из многих рабов византийского военачальника — протоспафария и стратилата, т. е., вероятно, стратига фемы. Хозяин выделил его из числа других своих домашних рабов, обучил священному писанию и греческому языку и сделал своим личным секретарем¹⁰.

Св. Мария Новая, жена военного начальника среднего ранга — он был последовательно друнгарием и турмархом в конце IX столетия, — имела большую группу рабов и рабынь. Известны имена примерно полудюжины из них, но ясно, что их было значительно больше, многие из них выполняли точно определенные функции¹¹.

Мать св. Григория из Агригента, принадлежавшего к состоятельной семье из этого сицилийского города (конец VI столетия), обмывает ноги убогих, находясь в окружении свиты рабынь¹².

Феодор Продром, поэт XI в. (проблема установления авторства «продромовых» поэм в данном случае не имеет отношения к делу), считал себя бедным человеком, каким он в действительности и был в сравнении со многими другими. Однако его семья, состоявшая из троих взрослых и четверых детей, обслуживалась по крайней мере пятью рабами и одной рабыней¹³.

Живший в X в. в лесистом районе Калабрии землевладелец имел обыкновение привозить для исцеления своих больных домашних рабов к могиле св. Ильи Спалаеота. Можно предполагать, что он имел значительное число рабов¹⁴.

Живший в Константинополе в начале X столетия учитель и переписчик, по-видимому, холостой, имел одного домашнего раба, который его обслуживал¹⁵.

Мельник и его жена, в доме которых в Константинополе скрывалась св. Евфросинья Новая (около 870 г.), по-видимому, не имели домашних рабов¹⁶.

⁹ Vita S. Ignatii, PG, t. 105, col. 516 D.

¹⁰ Vita S. Andreae Sali, PG, t. 111, col. 632.

¹¹ Vita S. Mariae Junioris, AASS, Nov., t. IV, p. 696 A sq.

¹² Vita S. Gregorii Agrigentini, PG, t. 116, col. 236 D.

¹³ Théodore Prodrome. Poèmes, éd. et trad. par G. Miller. Rev. Arch., 29, 1875, p. 60; ср. ibid., p. 183—193, 254—261.

¹⁴ Vita S. Eliae Spelaetotae, AASS, Sept., t. III, p. 884 E—F.

¹⁵ British Museum Additional Manuscript 36749, fol. 152 r.

¹⁶ Vita S. Euphrosynae Junioris, AASS, Nov., t. III, p. 863 F sq. Δουλευτής μαγίπου, упомянутый Продромом (Théodore Prodrome. Poèmes. Rev. Arch., 28, 1874, p. 372), мог быть домашним рабом или рабом, занятым в производстве; он мог, конечно, совмещать обе функции.

Многочисленные крестьянские хозяйства, описываемые в житиях святых, не имели домашних рабов. Интересно отметить, что в VIII в. в Каппадокии св. Филарет, крупный землевладелец, разоренный арабскими нашествиями, имел все же одного раба, в то время как окрестные крестьяне и стратиоты не имели ни одного¹⁷. Когда св. Мария Новая жила со своим мужем в деревне, ее благие деяния проявлялись в защите местных крестьян — очевидно, свободных собственников — от сборщика налогов. Но когда они переехали в маленький фракийский городок, она брала под защиту рабов, которых наказывали их хозяева¹⁸.

Подсчитать число домашних рабов, относительное или абсолютное, невозможно. На основе приведенных выше примеров, количество которых можно значительно увеличить, мы, по-видимому, можем сказать, что использование рабов в домашнем хозяйстве ограничивалось городами и сельскими домами (*προῶστεια*) богатых и что даже в городах далеко не все ремесленники имели слуг из рабов.

Эти рабы выполняли в основном неквалифицированную работу, за исключением рабов в богатейших семьях. Каждая женщина могла готовить, прясть, ткать, каждый мужчина мог колоть дрова, приносить воду, носить тяжести, присматривать за лошадьми. В тех случаях, когда в больших домашних хозяйствах имелаась необходимость в специальных профессиях, не приобретали новых рабов, а обучали уже имевшихся.

Многие из этих домашних рабов получали волю. Источники упоминают об освобождении по завещанию (см., например, завещание Евстафия Воилы), при уходе в монастырь, об отпуске старых рабов. Если домашнее хозяйство продолжало существовать, такие вольноотпущенники могли зачастую продолжать жить и трудиться в нем, а не искать неквалифицированной работы на стороне. Они могли по-прежнему иметь пищу и кров, а их личное имущество могло перейти теперь в их полную собственность. Их юридическое, а также, без сомнения, и социальное положение могло измениться, но их экономическое положение могло, по сути дела, остаться тем же в обществе, где не было недостатка в рабочей силе и, следовательно, не существовало конкуренции между нанимателями.

Особый слой домашних рабов составляли евнухи, многие из которых использовались в богатых семьях и особенно при императорском дворе. Евнухи часто получали волю и занимали ответственные должности, включая некоторые из самых высоких в государственном аппарате. Существовала даже целая серия почетных рангов и титулов, предназначенных специально для евнухов. Но если не считать подвергшихся кастрации по причинам династического порядка или с целью более быстрого выдвижения в рядах церковной иерархии, большинство евнухов были когда-то рабами, и, без сомнения, многие из них так и оставались рабами до конца своих дней.

б) Следует особо остановиться на положении рабов-ремесленников, использовавшихся в частных мастерских, и тех, которые были заняты на императорских предприятиях.

О рабах, занятых на частных предприятиях в Константинополе, наиболее подробно нам говорит Книга эпарха, представляющая собой серию изданных Львом VI предписаний, которыми должен был руководствоваться эпарх города. Рабы были заняты во многих ремеслах, например в ювелирном, мыловаренном, в мастерских, изготовлявших свечи, а также в различных отраслях текстильного и швейного ремесла. В неко-

¹⁷ Vita S. Philareti, ed. M. H. Fourny et M. Leroy. Byz., IX, 1934, p. 113—115.

¹⁸ Vita S. Mariae Junioris, AASS, Nov., t. IV, p. 694 B.

торых случаях они могли быть членами коллегии, ведя дело в лавке или мастерской в пользу кого-либо, в других ремеслах это, кажется, запрещалось.

Все эти рабы, очевидно, были искусными работниками. Но, конечно, случалось иногда, что в этих ремеслах использовались также и неквалифицированные рабы, служившие на посылках, на переноске и на другой простой работе. Но обычно менее квалифицированный труд, кажется, должен был выполняться наемными работниками — мистиями. В частности, в источниках мы встречаем группы таких мистиев, используемых в качестве строительных рабочих. Эти неквалифицированные работники рекрутировались из рядов бедных или согнанных с земли крестьян, которые стекались в города, особенно в Константинополь. Агиографические тексты рассказывают о многих из них, жертвах иноземных нашествий, жадности сборщиков налогов или махинаций крупных землевладельцев. В Константинополе, по-видимому, была постоянная безработица и нужда и, следовательно, обильное предложение дешевой неквалифицированной свободной рабочей силы.

Те скудные сведения, которыми мы располагаем о других городах империи, дают нам такие же примеры обилия дешевой рабочей силы и ограниченного числа рабов — обычно искусных ремесленников, работающих бок о бок со свободными наемными работниками и хозяевами мелких предприятий.

С несколько иным образом мы имеем дело в случае с Даниелис (середина IX столетия), богатой вдовой из Патр в Пелопоннесе, находившейся в дружеских отношениях с будущим императором Василием I¹⁹. Из многих тысяч принадлежавших ей рабов часть использовалась в качестве слуг. Таковыми, например, были те 300 рабов, которые несли ее на носилках из Патр в Константинополь, или те 30 *ἀνδράποδα πρὸς ὑπηρεσίαν*, которых она отдала Василию, когда он находился больной в Ахее, или, наконец, та сотня евнухов, которую она подарила ему во время своего посещения Константинополя. Другая часть, как мы увидим ниже, работала в сельском хозяйстве. Но была и третья категория рабов, по-видимому, состоявшая из работников в текстильных мастерских. Среди даров Даниелис Василию была сотня вышивальщиц, или гобеленщиц (*εμβροστριαί*).

Во время своего визита в Константинополь Даниелис привезла с собой большое количество дорогих тканей. По возвращении в Патры она послала Василию огромные ковры, специально сотканые для выстроенной по его приказанию новой церкви. С. Рэнсимен убедительно показывает, что Даниелис играла довольно значительную роль в производстве тканей в Пелопоннесе, используя в качестве сырья продукцию своих собственных поместий и, по крайней мере частично, используя труд рабов. Обычно она должна была посылать свои изделия на продажу в Константинополь и в другие города. Большое количество золотых монет, которым она располагала, представляет, по-видимому, полученный ею доход. Говоря о Даниелис, не следует, конечно, забывать, что у нее, как и у других крупных магнатов Пелопоннеса в IX в., могло быть особенно большое количество рабов, так как именно в это время византийское правительство проводило широкие военные операции против населявших Пелопоннес славян.

¹⁹ Главные источники: Theophanes Continuatus, Bonnae, 1838, p. 226—228, 316—321; Cedrenus (=Skylitzes), II, p. 190—193, 236—237; Zonaras, XVI, 10. Среди недавних исследований наиболее полезными являются: S. Runciman, The Widow Danielis. Etudes dédiées à la mémoire d'André M. Andréadès. Athènes, 1940, p. 425—431; K. A m a n t o s. Ἱστορία τοῦ Βυζαντινοῦ κράτους, vol. II. Athènes, 1947, p. 25—27; A. B o n. Le Péloponnèse byzantin. Paris, 1950, p. 121—123.

При этом тысячи пленных славян превращались в рабов. Но вполне возможно, что в достаточной мере сходные условия могли существовать и в некоторых других частях империи²⁰.

В этой связи необходимо отметить, что развитое текстильное производство продолжало еще существовать значительно позднее в нескольких городах Пелопоннеса и Центральной Греции. Об этом, в частности, говорит тот факт, что норманны, когда они захватили Коринф и Фивы в 1147 г., взяли в плен много текстильных работников. Но нет доказательств, что это были рабы; во всяком случае они были работниками, занятыми в производстве шелковых, а не шерстяных тканей.

Текстильные мастерские Пелопоннеса имели некоторые черты сходства с императорскими предприятиями. Последние редко и только случайно упоминаются в наших источниках²¹. Они занимали монопольное или полумонопольное положение, будучи связаны с производством роскошных тканей, специального вооружения и т. д. Обычно они не производили для рынка или даже вообще не продавали свою продукцию. Они использовали почти исключительно труд рабов²². Мы не в состоянии составить точное представление о масштабах производства в этих, находившихся под покровительством государства, мастерских, но ясно, что там использовался труд многих тысяч рабов. Многие из них должны были быть высококвалифицированными. Обучение таких работников, очевидно, проходило внутри самих мастерских, и они не зависели от набора квалифицированных рабов со стороны. Нам известно о болгарских пленных, которых Василий II послал в мастерские²³, что было, без сомнения, типичным способом рекрутирования такой рабочей силы.

Рабы в императорских мастерских, по-видимому, обычно оставались там на всю жизнь, и весьма вероятно, что они могли иметь семью, в отличие от большинства рабов, находившихся в частной собственности. Это, в частности, нашло отражение в 38-й новелле Льва VI, разрешавшей рабам распоряжаться по завещанию их личным имуществом, которое, по существу, было их собственностью. Искусные работники в этих мастерских должны были быть в основном рабами второго поколения, рожденными и обученными там.

Наличие такой государственной монопольной отрасли, использовавшей труд рабов, часто потомственных, из поколения в поколение, является одной из черт, характерных как для Византийской империи, так и для римского и греческого мира и совершенно отсутствующих в тогдашней Западной Европе и в южных и восточных славянских государствах. Вполне возможно, что именно в этой особенности византийской экономики и надо искать объяснение того сравнительно высокого уровня мастерства, которое характерно для некоторых отраслей византийского производства. Почему оно продолжало существовать так долго и каковы были факторы, которые повели к его конечному упадку, — эти вопросы имеют известное значение и для нашего понимания особенностей развития византийского общества.

Даже при таком беглом, предварительном ознакомлении с материалами об использовании рабов в ремесленном производстве средневековой

²⁰ Выдвинуто предложение, что семья летописца Феофана имела на Эгейских островах крупные предприятия с применением рабского труда. См. S. Runciman, in: Cambridge Economic History of Europe, vol. II, 1953, p. 106.

²¹ Например, Theophanes. Chronographia, ed. C. de Boor, p. 469, 3; Theod. Stud. — PG, t. 99, col. 1249.

²² См. М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X века. ВВ, IV, 1951, стр. 27—29.

²³ См. В. Г. Васильевский. Труды, т. II, стр. 117—119.

Византии бросаются в глаза два момента: во-первых, преобладание квалифицированных работников среди рабов и возможно даже — преобладание рабов среди квалифицированных работников; во-вторых, только в производствах, пользовавшихся специальными привилегиями — частичной или полной независимостью от рынка, свободой от конкуренции, фиксированными ценами, по сути дела бесплатным набором рабочей силы и т. д., — ремесло на основе рабского труда развивалось в значительных масштабах.

в) Прямые свидетельства о наличии рабов в сельском хозяйстве в VII и VIII вв. мы находим главным образом в Земледельческом законе и в некоторых житиях святых. Земледельческий закон отражает условия, существовавшие в общинах крестьян-собственников; в некоторых из этих общин использовались рабы, но основную работу выполняли крестьяне и члены их семей. Однако существовали и другие типы хозяйств. Св. Филарет в благоприятные для него времена имел в Каппадокии 48 поместий с 12 тыс. овец, 800 лошадей, 100 парами волов и множеством рабов. При этом подразумевается, что рабы, так же как и скот, составляли часть имущества его поместий. Цифры, конечно, могут быть преувеличены, но общая картина представляется вероятной²⁴. Даниелис, о которой уже шла речь выше, имела огромные поместья и множество рабов в Пелопоннесе. После ее смерти, в конце IX столетия, ее наследник Лев VI освободил 3 тыс. рабов и поселил их как крестьян в византийской Италии. Они, следовательно, должны были быть сельскими работниками; большинство из них в прошлом, вероятно, было свободными славянскими крестьянами или их потомками. Трактат об обложении, относящийся к X столетию²⁵, перечисляет рабов как часть обычного инвентаря проаствия, и мы часто встречаем упоминание о них в повествовательных и агнографических текстах.

Имелась, пожалуй, известная взаимосвязь между крупным землевладением и рабством в сельском хозяйстве в X в. 5-я новелла Романа Лакапина, опубликованная в 934 г., говорит о *πλήθος τῶν οἰκετῶν* как об одном из средств, используемых династами для разрушения общин бедных крестьян. Ко второй половине X столетия относится сообщение о том, что пленные, взятые Никифором Фокой, были посланы работать на поля²⁶, а 25-я новелла Иоанна Цимисхия упоминает о том, что стратиоты или забирают пленных как рабов на свои военные участки, или продают их местным магнатам, которые, по-видимому, также использовали их в качестве работников в своих поместьях. Повествовательные источники подтверждают, что земельные собственники часто имели большое число рабов в своих поместьях²⁷.

Не исключена также возможность, что и монастырские земли обрабатывались рабами. Строгие правила Студийского монастыря в Константинополе запрещали использование рабов в качестве личных слуг, монастырских слуг или как работников в монастырских поместьях²⁸. Но можно предположить, что в других монастырях были менее строгие порядки.

Хотя рабство в сельском хозяйстве было, несомненно, довольно распространено в X—XI вв., все же из юридических и агнографических источников явствует, что земля в поместьях в основном обрабатывалась

²⁴ В новейшее время некоторые ученые, скептически относясь к житийным данным, считают Филарета скорее богатым крестьянином, чем феодальным помещиком. См. F. Dölger, *Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung*. München, 1927, S. 137; ср. G. Ostrogorsky, in: *BZ*, 1954, S. 4—22.

²⁵ F. Dölger, *Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung*, S. 115; A. Andreades, in: *BZ*, 28, 1928, S. 291—292.

²⁶ Cedrenus, II, p. 341.

²⁷ Например, Cedrenus, II, p. 448; Nicephorus Bryennius, II, 26.

²⁸ Theodori Studitae Testamentum, PG, t. 99, col. 1817.

арендаторами-париками и наемными работниками — мистотами или мистиями²⁹. Последние, по-видимому, использовались на земле, не сдававшейся в аренду; на этой же земле должны были работать и рабы, если вообще применялся их труд в данном землевладении. Для нашего периода невозможно составить определенное представление об относительных размерах земли, сдававшейся и не сдававшейся в аренду. Г. Острогорский в своей недавней работе³⁰ показывает, что в последние столетия существования Византийской империи не сдававшиеся в аренду земли были обычно значительно обширнее, чем земли, которые обрабатывались арендаторами. По-видимому, такое же положение существовало и ранее. Если мы будем иметь в виду преобладание денежной ренты в Византии и очень низкий уровень отработочной ренты в XIV столетии, обычно 12 дней в году и вряд ли значительно больше ранее, то становится ясным, что византийские землевладельцы не могли применять труд своих арендаторов на земле, не сдававшейся в аренду, в таких масштабах, как в Западной Европе. Это было связано с большим использованием ими рабского труда, хотя отнюдь не ясно, что было причиной и что — следствием.

Со временем использование рабского труда в крупных поместьях, пожалуй, должно было уменьшиться. После 1100 г. мы встречаем много указаний на то, что военнопленных поселяли на земле в качестве уплачивающих дань крестьян и воинов, а не продавали землевладельцам как рабов. Так, например, Иоанн II Комнин (1118—1143) поселил многих из своих сербских и печенежских пленников как крестьян или воинов, хотя часть из них он все же продал в рабство³¹. А его преемник Мануил I (1143—1180), подобно своему предшественнику, посадил на землю сербских пленников, но уже не продал никого из них в качестве рабов³². Таким образом, уменьшение использования рабского труда в сельском хозяйстве не было связано с нехваткой рабов. О постепенном исчезновении рабского труда свидетельствуют и некоторые из описей поместий, сохранившихся от последних веков рассматриваемого периода. Так, опись поместья на Патмосе, относящаяся к 1073 г., гласит, что рабов больше не имеется, «так как все они умерли»³³. Подразумевается, что это случилось сравнительно недавно.

Сейчас еще нам не ясно, как конкретно протекал этот процесс перехода от одной формы эксплуатации к другой. Много интересных данных можно найти в документах из Византийской Италии. Сохранилось, в частности, много записей о том, что рабов там сажали на землю в качестве *servi casati* или после юридического или фактического освобождения как арендаторов, уплачивающих ренту и несущих повинности³⁴. Насколько можно судить (при этом следует учитывать, что документы составлялись юристами, не всегда точно отражавшими факты), это изменение не мотивировалось внеэкономическими причинами. Возможно, подобные процессы имели место и на других византийских территориях, хотя, повторяем, было бы опасно проводить слишком близкие параллели.

В отношении рабства в византийском сельском хозяйстве многое еще остается неисследованным. Мы должны в особенности изучить изменения

²⁹ См., например, Jus, III, 266, 24; Vita S. Basilii Junioris, AASS, Mar., t. III, p. 20—32.

³⁰ G. Ostrogorski. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954, p. 297 sq.

³¹ Cinnamus, I, 3; Nicetas Choniata, p. 22.19.

³² Cinnamus, III, 6.

³³ MM, VI, 6: διὰ τῶν δοῦλων οὐδεὶς, διὰ τὸ ἀποθανεῖν τοὺτους.

³⁴ См., например, М. Л. Абрамсон. Крестьянство в византийских областях Южной Италии (IX—X вв.). ВВ, VII, 1953, стр. 161—193, где цитируется относящаяся к этому вопросу литература.

в технике производства, в сельскохозяйственных культурах и т. д. и выяснить, может ли быть установлена какая-либо взаимосвязь между переменами в технике и изменениями в производственных отношениях.

IV. ИСТОЧНИКИ РАБСТВА

Имелось три главных источника рабства: естественный прирост, война и работорговля.

а) *Естественный прирост.* Этого вопроса касаются сборники законов. Постепенное облегчение заключения браков между рабами, без сомнения, способствовало увеличению естественного прироста, поскольку семейные рабы, как правило, не подлежали разлучению. Сборник канонического права, составленный Властарем в 1335 г., касается многих случаев браков между рабами.

Однако в действительности мы имеем мало свидетельств о естественном приросте. *Verbae*, которые так часто упоминаются в римской литературе, почти не встречаются в византийской. Известно, правда, что св. Евфросинья Новая в IX в., когда она бежала из родного дома, была опознана и возвращена назад рабом, родившимся в доме ее родителей³⁵. Но св. Евфросинья была дочерью очень богатого землевладельца, имевшего поместья в Пелопоннесе и Италии и состоявшего в родстве с македонской императорской фамилией. Без сомнения, ее родители имели большое количество домашних рабов. Других таких примеров в литературе мало. Помимо факторов, которые во всех обществах препятствуют естественному приросту числа рабов, в Византийской империи имелись еще особые факторы, ограничивавшие увеличение числа потомственных рабов, а именно, частые случаи отпуска на волю по завещанию или при вступлении в монастырь, а также частые браки между рабами и свободными, потомство от которых было фактически свободным. Мы видели, правда, что многие рабы в императорских мастерских были потомственными рабами, но если брать всю византийскую экономику в целом, придется признать, что основная масса используемых в хозяйстве рабов поступала из других источников, главным образом извне.

б) *Война.* Военнопленные в принципе являлись собственностью тех, кто их взял в плен. О правилах, в соответствии с которыми они распределялись в действительности, говорят военные писатели³⁶: некоторые пленные становились собственностью императора, но большинство оставалось в руках тех, кто их взял в плен, или в руках низших командиров. 25-я новелла Иоанна Цимисхия показывает, что солдаты различным образом распоряжались своими пленниками: дарили или продавали товарищам по оружию, дарили друзьям или родным на родине, продавали на рынке в тех местах, где они стояли, или брали их с собой в свои военные участки³⁷. Попавшие к императору тоже могли быть распределены различным образом. Никифор Фока, например, продал арабских пленных, взятых им на Крите³⁸. Полтора столетия спустя Иоанн Комнин (1118—1143) таким же образом поступил с некоторыми из своих сербских пленных. Пленных могли оставлять в качестве рабов в императорских мастерских; так, кажется, поступили с некоторыми из болгарских пленных, взятых Василием II (976—1025). Часть пленных несомненно включали в состав огромного числа придворных рабов или отправляли в императорские поместья.

³⁵ Vita S. Euphrosynae Junioris, AASS, Nov., t. III, p. 866 C.

³⁶ Например, *Tactica Leonis*, 10.4.

³⁷ Jus, III, p. 301—303.

³⁸ Cedrenus, II, p. 341.

Однако большие державы старались воспрепятствовать превращению своих подданных в рабов за рубежом. Да и независимо от этого граждане соседнего государства, обладавшего сильной армией, не теряли надежды на освобождение и нередко могли быть очень опасными. Поэтому Византия заключала соглашения об обмене или выкупе военнопленных с некоторыми из своих соседей, в особенности с Арабским халифатом или северными эмиратами. Довольно рано, кажется, был выработан традиционный порядок проведения таких обменов³⁹. Имелись, кажется, возможности и для индивидуального выкупа или обмена. Новеллы македонских императоров определяют положение византийских граждан, которые были выкуплены из арабского плена частными лицами, но оказались не в состоянии оплатить своим благодетелям. От начала IX столетия дошло, например, сообщение о том, что родители человека, взятого в плен арабами, просили императорского сакеллария разрешить им приобрести арабского пленного для обмена на своего сына⁴⁰. Как арабские, так и византийские источники сообщают, что арабских пленных обычно оставляли для выкупа или обмена, и поэтому арабы-рабы встречаются редко.

Эта простая и легкая система возвращения пленников нарушалась, когда та или иная сторона захватывала внезапно очень большое число пленных. Так, Иоанн Камениата сообщает, что, когда Лев Триполийский захватил в 904 г. Фессалонику, его войска убили большинство взрослых горожан, а десятки тысяч юношей и девушек взяли в плен и продали их в рабство и лишь небольшое число богатых и знатных граждан, включая самого Иоанна Камениату, было отправлено для обмена или выкупа в Тарс. Продав, как уже упоминалось, тысячи своих арабских пленников и Никифор Фока, после того как он захватил Крит в 961 г.

Другие государства тоже стремились заключить с Византийской империей подобного рода соглашения о взаимном возвращении пленных. Так, еще в правление Льва V (813—820 гг.) такой договор был подписан болгарским ханом Омортагом, стремившимся укрепить свои связи с Византией⁴¹. Соглашения об обмене пленными включены также в русско-византийские договоры 911 и 944 гг. Однако нет доказательств, что эти соглашения действовали регулярно.

В некоторых случаях пленные по тем или иным причинам не могли быть использованы как рабы. Так, например, Василий I предал смерти многих курдских пленных, так как не было возможности доставить их через горную и враждебную страну на византийскую территорию⁴².

Не представляется возможным точно определить роль, которую играл захват пленных в поступлении рабов в то или иное время. Можно только сказать, что в периоды побед и экспансии (например, в последние три четверти X столетия) война была более богатым источником поступления рабов, чем в периоды поражений и территориальных потерь (например, в VII, VIII или в XII в.). Во всяком случае это был нерегулярный источник поступления, эффективность которого нельзя было предвидеть заранее и который нарушал уровень цен и вызывал большие неудобства. Ознакомление с агиографическими текстами и другими источниками

³⁹ См., например, A. A. Vasiliev. *Byzance et les Arabes*, t. I. Bruxelles, 1935, p. 224 sq.

⁴⁰ Vita S. Joannicii, AASS, Nov., t. II, 1, p. 379 A, 425 B—C.

⁴¹ Фрагменты этого договора, который не упоминается византийскими историками, имеются в одной из немногих надписей, сохранившихся от дохристианской Болгарии, в так называемой надписи Сюлейман-Кей. См. В. Н. Златарски. Сюлеманкьойският надпис. Известия на Археологическото Дружество в София, 3, 1912—1913, стр. 131—179.

⁴² Theoph. Cont., p. 283.

приводит к общему заключению, что большинство рабов не были военнопленными или, во всяком случае, не были взяты в плен византийской армией.

в) *Торговля рабами.* Мы знаем о рабском рынке в Константинополе, сооруженном на новом месте Феофилом в порядке осуществления его строительной программы⁴³. Подобно многим другим видам импорта, рабы, возимые на территорию империи в порядке торговли, облагались налогом в размере 5% их стоимости⁴⁴. Имелись три главных источника работорговли: Италия, Болгария и Южная Россия.

Италия. Уже в IX в. византийские города Италии были центрами оживленной торговли рабами как с Византией, так и с арабским миром. Проданные в рабство моравскими властями ученики Кирилла и Мефодия попали к еврейскому торговцу рабами в Венеции, у которого они были куплены и отпущены на волю агентом Василия I. Арабский источник, относящийся к концу IX столетия, упоминает об острове на северо-восток от Сицилии, обитатели которого занимались кастрацией рабов⁴⁵. Среди жителей Калабрии имелись торговцы рабами в середине IX в.⁴⁶ Пример с учениками Кирилла и Мефодия свидетельствует, что рынки рабов в Италии получали свой товар со всех концов Западной и Северной Европы, где, как уже говорилось, был избыток людских ресурсов на протяжении большей части средневековья. После утраты в 1071 г. последних византийских владений в Южной Италии Венеция и Пиза стали главными центрами, через которые проходила торговля рабами.

Болгария. Болгария была, по-видимому, одним из главных непосредственных источников, из которого рабы ввозились в Византийскую империю в IX—X вв. Эти рабы, однако, сами не были болгарами, а поступали из более отдаленных стран.

У южнославянских народов в ранний период их истории рабы не находили широкого использования. Стратегикон Псевдо-Маврикия сообщает, что они только на время удерживали своих военнопленных, а затем или принимали их в свое общество в качестве его свободных членов, или отправляли их на родину⁴⁷. Правда, Прокопий не раз говорит о том, что они захватывали большое количество рабов (один раз он даже точно указывает цифру — 15 тыс.⁴⁸), но нет оснований полагать, что они оставляли их всех у себя. Развивающаяся родовая аристократия могла использовать рабов в производстве и держать их для престижа, но крестьянские общины мало нуждались в них. Интересный, но, к сожалению, недатированный пример использования рабов в сельском хозяйстве в южнославянском обществе содержится в «Чудесах св. Димитрия»⁴⁹. Африканский епископ Киприан по пути в Рим был захвачен в Греции славянами и отдан в рабы хозяину-славянину, который заставлял его носить корзины с навозом. (Возможно, но отнюдь еще не доказано, что это сообщение относится к VII в.).

Положение в Болгарском царстве было, по-видимому, сходным с положением у других южнославянских народов⁵⁰. Ремесленное производство здесь было развито очень слабо, а сельское хозяйство велось мелкими

⁴³ *Scriptores originum Constantinopolitanarum*, II. Leipzig, 1907, ed. Preger, 2.64.

⁴⁴ 25-я новелла Иоанна Цимисхия — *Jus*, III, p. 301—303.

⁴⁵ *Ibn Khordadbeh. Livre des routes et des royaumes*, trad. par Barbier de Meynard, Paris, 1865, p. 482.

⁴⁶ *Vita S. Eliae Spelaeotae*, AASS, Sept., III, p. 855 C.

⁴⁷ *P. s. - Maur.*, 11, 5.

⁴⁸ *Procopius. De bello Gothico*, VI, 38.

⁴⁹ *Acta S. Demetrii*, PG, t. 116, col. 1371 A—B.

⁵⁰ Относительно рабства в Болгарии см. Д. Ангелов. Рабство в средновековна България. ИП, 2, 1945—1946, стр. 129—156.

крестьянами-собственниками. Поэтому, несмотря на то, что царь и бояре имели свиты из рабов, среди которых могли быть и ремесленники и специалисты, в целом в болгарском обществе рабство не было распространено. Так, например, царь Крум поселил на своей территории как свободных людей жителей Девельта и Адрианополя, захваченных в плен⁵¹. Но хотя рабы представляли собой небольшую потребительскую стоимость для самих болгар, последние скоро поняли, что рабы имеют меновую стоимость, и с начала X в. болгары стали активно заниматься работоторговлей. Византийские пленные экспортировались или в Западную Европу, или в арабские страны. Роман Лакапин обвинял царя Симеона в том, что тот продавал византийских пленников язычникам в 20-х годах X в.⁵² И действительно, до нас дошли сведения о том, что Симеон захватил множество рабов во время своего похода в Центральную Грецию в это время⁵³. Позднее, в X в., царь Самуил обратил в рабов все население Лариссы⁵⁴. В Константинополе X в. болгары были хорошо известны как работоторговцы. Иоанн Цимисхий в 25-й новелле употребляет термины «работоторговцы» и «болгары» почти как синонимы. Аль-Масуди сообщает, что в середине X в. болгарские купцы продавали славянских и греческих рабов в Константинополе. Начальная русская летопись говорит о ввозе русских рабов в болгарский город Преславец во второй половине X столетия⁵⁵. Эти рабы, по-видимому, экспортировались дальше в Константинополь или Фессалонику в обмен на византийские предметы роскоши. В этой болгарской торговле русскими рабами печенег, вероятно, часто служили посредниками.

Другие восточноевропейские народы также пытались играть роль поставщика рабов в Византийскую империю. Арабские и византийские источники сообщают, что венгры продавали в Византию как своих собственных подданных славянского происхождения, так и болгарских пленников в обмен на золото, шелковую парчу и т. д. Но в военном и географическом отношении положение болгар было более выгодным. На важность для Болгарии торговли с Византийской империей указывает ее резкая реакция на изгнание болгарских купцов из Константинополя в 894 г. и на концентрацию этой торговли в Фессалонике в руках двух торговцев — протеже Стилиана Заутцы, временщика Льва VI⁵⁶.

После разгрома болгарского государства византийцами в начале XI в. сообщения о болгарских работоторговцах встречаются реже, а о рабах-болгарах — чаще. Так, Феофилакт, охридский архиепископ, в своем письме к епископу Видинскому в конце XI в. упоминает о болгарском ребенке пяти лет, взятом в рабство сборщиками налогов⁵⁷. О фактах подобного рода говорят и новеллы Алексея Комнина, датированные 1095 г. В них рассматривается иск, возбужденный жителями Фессалоники, которые утверждали, что они являются свободнорожденными болгарскими подданными империи, в одном случае попавшими в рабство по воле властей,

⁵¹ Источники цитируются и рассматриваются в следующей работе: В. Н. Златарски. История на Българската държава през средните векове, т. I. София, 1918, стр. 261—277.

⁵² Romani Lacareni Ep. I. Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς Ἑταιρείας τῆς Ἑλλάδος, т. I, 1884, σελ. 658—664.

⁵³ Vita S. Lucae Junioris, PG, t. 111, col. 449 C.

⁵⁴ Сеса и мені Strategicon, „Зап. истор.-филол. ф-та СПб. ун-та“, т. 38, 1896, р. 68.

⁵⁵ Повесть временных лет, М., 1950, т. I, стр. 48.

⁵⁶ В. Н. Златарски. История на Българската държава, ч. II. София, 1927, стр. 282 и сл.; G. I. Bratianu. Le commerce bulgare dans l'Empire byzantin. Сборник в чест на проф. Ников. София, 1940, стр. 30—36.

⁵⁷ PG, t. 126, col. 337 B.

а в другом проданными родителями из-за голода⁵⁸. О получившем широкое распространение обращении болгар в рабов сообщает и Евстафий Фессалоникийский (XII в.). Не подлежит сомнению, что проникновение византийской денежной экономики⁵⁹, византийского землевладения и византийской налоговой системы ускорило распад болгарской свободной крестьянской общины и обеспечило богатый источник рабов у самого порога империи.

Южная Россия. Начиная с X столетия имеется немало сведений о русских работорговцах в Константинополе. Русско-византийский договор 911 года говорит о русских торговцах, прибывающих в Константинополь с рабами, по-видимому, предназначенными для продажи⁶⁰. О русских работорговцах в Константинополе специально упоминает и более поздний договор 944 года⁶¹. Отражение деятельности таких русских работорговцев в столице империи мы встречаем в славянской минее за декабрь, цитируемой М. В. Левченко⁶².

Рабы из России часто проходили через руки печенегов, половцев, кипчаков или других степных кочевых народов или через руки жителей крымских городов. Например, монах Печерского монастыря в Киеве был взят в плен половцами на пути вниз по Днепру в 1096 г. и был продан ими греческому работорговцу в Херсонесе⁶³. Ибн-аль-Атир, арабский писатель конца XII столетия, говорит о рынке в Суроже, в Крыму, где византийские ткани обменивались на рабов и на меха из России. К этому времени произошли уже значительные изменения в характере торговли в восточном Средиземноморье, начало которым было положено пожалованием Венеции торговых привилегий в 992 г., а договор Мануила I с генуэзцами в 1169 г. по сути дела передал им выгодную черноморскую торговлю. Торговцы не всегда дожидались в черноморских портах, пока товары придут к ним из внутренних областей страны. «Греко-готский» купец появляется в Новгороде в 1106 г., и едва ли это было единственным случаем.

Экономической основой широкого движения рабов из Северной Европы в Византию было то, что стоимость рабов возрастала при их перевозке, во-первых, в район с более высоким уровнем производства, во-вторых, в район, настолько удаленный от их родных мест, что не было необходимости охранять раба или заковывать его в цепи, чтобы он не убежал. Именно этот второй момент объясняет, почему так редко упоминаются болгарские рабы в Константинополе, пока существовало болгарское государство и его войско время от времени появлялось у стен самого города.

Дополнительные источники. Случаи, когда люди продавали сами себя в рабство, — хотя это в общем и было запрещено как юстиниановым, так и более поздним византийским законодательством, — спорадически про-

⁵⁸ Jus, III, p. 401—402, 405. См. И. Сакъзов. Една новела на Алексия Комнин за роби болгарии. Сборник в чест на Васил Н. Златарски. София, 1925, стр. 367—387.

⁵⁹ Налоги в Болгарском царстве при царе Самуиле взымались натурой, и эта система была сохранена и Василием II. Ее замена денежными налогами в 1040 г. явилась одним из главных факторов, приведших к восстанию, которое возглавил Петр Делян (Sedgenus, II, 530). В то же самое время многих свободных крестьян стали прикреплять к земле, которая была роздана могущественным землевладельцам в качестве вознаграждения за защиту северных границ. Об этом см. D. Obolensky. The Bogomils. Cambridge, 1948, p. 171—172, где цитируются относящиеся к этому вопросу источники.

⁶⁰ Повесть временных лет, М., 1950, стр. 28.

⁶¹ Там же, стр. 37.

⁶² М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М. 1956, стр. 395, примеч. 1.

⁶³ Патерик Киевского Печерского монастыря. Изд. Археографической комиссии, СПб., 1911, стр. 79.

должали иметь место; с подобными фактами мы встречаемся в XII в.⁶⁴ Такая практика приводила, очевидно, к тяжелым злоупотреблениям.

Продажа детей в случае крайней бедности была открыто разрешена в Эпигаме 920 г. Более ранние римские и византийские законы запрещали ее⁶⁵, хотя на практике всегда могли быть исключения⁶⁶. До нас дошли сведения, что они действительно имели место в византийской Болгарии и в других местах⁶⁷.

Отдельные случаи похищения довольно часто упоминаются в наших источниках. Св. Павла Латрского (IX в.) предупреждают, чтобы он не отправлялся в путешествие с незнакомым монахом, так как последний может продать его⁶⁸. Когда св. Власий из Амория в начале X в. ехал вместе с другим монахом через болгарскую территорию, направляясь в Рим, он был продан своим спутником болгарам. Позднее, будучи уже главой монастыря в Риме, тот же св. Власий продал одного из своих учеников, чтобы испытать его послушание, богатому монаху⁶⁹. В XI в. св. Лазарь совершал путешествие в Иерусалим с одним спутником; когда они достигли порта Атталлии, попутчик святого договорился о продаже Лазаря с капитаном армянского судна, но сговор был своевременно раскрыт одним из членов команды корабля⁷⁰.

Рабами, принадлежащими государству, становились и лица, осужденные за некоторые преступления; они использовались в рудниках, каменоломнях и т. д. У нас нет данных об их числе. Нет также оснований полагать, что они продавались государством другим собственникам. Поскольку рабы подобного типа существовали также в соседних государствах, таких, как Болгария⁷¹, рабы-каторжники могли попадать в Византию и из-за границы при посредстве работорговли.

V. СТОИМОСТЬ РАБОВ И УРОВЕНЬ ЦЕН НА НИХ

Хотя могли происходить периодические колебания от внезапного наплыва пленных, цены на рабов оставались, пожалуй, довольно постоянными на всем протяжении рассматриваемого периода. Закон Юстиниана об оценке рабов при разделе наследства (Cod. Just., 6, 43, 3 — от 531) продолжал повторяться в последующих византийских кодексах⁷². Им были установлены такие цены:

Обычный раб	20 номисм
Ремесленник	30 "
Нотариус	50 "
Врач	60 "
Евнух	50 "
Евнух-ремесленник	70 "

⁶⁴ См., например, Cinnamus, VI, 8.

⁶⁵ См., например, Cod. Just., VII, 16; Basil., XLVIII, 20, 36; Procheiron auctum. Paratit. 22; J. et P. Zepos. Jus Graeco-Romanum, p. 344.

⁶⁶ См., например, W. W. Buckland. Roman Law of Slavery. Cambridge, 1908, p. 420—421.

⁶⁷ Jus, III, p. 401—402; Cedrenus, II, p. 503.

⁶⁸ Vita S. Pauli Junioris, AB, XI, 1892, p. 23.

⁶⁹ Vita S. Blasii Amoriensis, AASS, Nov., t. IV, p. 660. E—661. A, p. 665. D—F.

⁷⁰ Vita S. Lazari in monte Galesio. AASS, Nov., t. III, p. 511 F.

⁷¹ См., например, «Закон Судный Людем», 6, 7, 8, 11, 16, 28.

⁷² Basil., XLVIII, 14, 4, 5; Epanagoge, XXXVII, 8; Procheiron, 34, 11; J. et P. Zepos. Op. cit., II, p. 200; Пира, in: Jus., I, 134.

Едва ли это могло быть одним из лишенных смысла повторений устарелого закона, которые встречаются иногда в византийских кодексах, так как этот закон имел дело с ситуацией, возникавшей ежедневно, и должен был быть обязательным для судов, разбивавших такие дела. Следовательно, приведенные цифры должны были в какой-то степени соответствовать реальным ценам. Этот вывод подтверждается теми немногочисленными сведениями о ценах на рабов, которые имеются в источниках. Так, например, мы знаем, что в начале VII в. в Иерусалиме за одного домашнего раба (который был, по сути дела, свободным человеком) было уплачено 30 номисм⁷³. Русско-византийский договор 911 года устанавливает цену на рабов, привозимых из России, в 20 номисм, а в договоре 944 года было признано, что величина выкупа за молодых пленников должна равняться 10 номисмам⁷⁴. Такая стабильность цен на рабов не должна удивлять нас, поскольку, как уже упоминалось, вообще цены в Византийской империи в период между VI и XII вв. изменились очень мало.

До нас не дошло никаких прямых сведений о размерах доходов, которые получали византийские рабовладельцы от эксплуатации своих рабов. Однако некоторые косвенные данные имеются. В этой связи особенно интересна 100-я новелла Льва VI, которая регулирует браки между рабами и свободными лицами. Новелла устанавливает, что если свободный супруг (супруга) не в состоянии сразу уплатить выкупную цену за супругу (супруга), находящуюся в рабстве, то он должен работать у рабовладельца до тех пор, пока не будет уплачена вся цена полностью; при этом его работа должна оцениваться в 2 номисмы в год. В сопоставлении с приведенными уже выше ценами на рабов эта сумма — 2 номисмы — соответствует 10% цены обычных рабов, а для рабов-ремесленников — $6\frac{2}{3}\%$ и т. д. или несколько менее, если принять во внимание амортизацию раба. В античном обществе, где рабство играло в производстве неизмеримо большую роль, норма прибыли на затраченные на приобретение рабов средства была значительно выше: 15—20%, если учесть, что в V в. до н. э. средняя цена равнялась 200—300 драхмам, а ежедневная *апофора* раба, не работающего на своего хозяина, — одному оболу. Такая разница слишком велика, чтобы быть случайной. Рабство просто не приносило в средние века таких высоких доходов, как в античном мире. Нет поэтому ничего удивительного в том, что рабство сохранилось, как мы видели, в наибольшей степени в таких областях хозяйственной жизни, в которых низкая доходность рабовладения или не ощущалась непосредственно (обслуживание домашнего хозяйства), или же компенсировалась монопольным или полумонопольным положением данного производства (императорские мастерские или мастерские крупных магнатов, перерабатывавших продукцию своих собственных поместий, и т. п.). В сельскохозяйственном производстве, где нельзя было избежать влияния рынка, рабство вымерло. Если это так, то должны были существовать внеэкономические обстоятельства, такие, как престиж, традиция и огромная инерция давно сложившегося классового общества, которые способствовали столь длительному сохранению рабства в покровительствуемых государством отраслях византийской экономики.

Таковы в общих чертах сведения, которыми мы обладаем по некоторым вопросам истории византийского рабства. Если на этих страницах больше проблем, чем решений, то это лишь является мерой объема ра-

⁷³ Leontios von Neapolis. Leben des Heiligen Johannes des Barmherzigen, Erzbischofs von Alexandrien, ed. H. Gelzer. Freiburg i. B. und Leipzig, 1893, S. 44.10—17.

⁷⁴ Повесть временных лет, стр. 28, 37.

боты, которую еще предстоит проделать. Источники столь обширны, что ни один человек не может надеяться прочесть их все, не говоря уже о том, чтобы дать им оценку. Это является задачей для коллектива исследователей. К тому же некоторые важные аспекты проблемы умышленно не затрагиваются в этой статье, например роль Византийской империи как посредника в торговле рабами между Северной и Западной Европой и мусульманским миром, позиция церкви по отношению к рабству⁷⁵, восстания рабов и участие рабов в борьбе других эксплуатируемых классов.

Исследование византийского рабства представляет интерес не только для специалистов по истории Византийской империи, но проливает определенный свет и на социальную и экономическую историю южнославянских стран, Киевской Руси, Италии, арабского мира, а возможно, и более отдаленных районов.

⁷⁵ Типичным образцом сложности этой позиции является контраст между отказом св. Илви Спилеота молиться за спасение души умершего работоторговца и культом св. Феодора из Евхаитов, который считался защитником рабовладельцев и будто бы открывал тем из них, кто спал около его могилы, вероятное местонахождение бежавших рабов (Miracula S. Theodori Euchaitensis, AASS, Nov., t. IV, p. 69. A, 79. D—F).

Перевод с английского Л. А. Волчковой

А. П. КАЖДАН

ВАСИЛИКИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Историк, изучающий социально-экономические отношения в Византии конца IX в., постоянно оказывается перед лицом больших, иной раз почти непреодолимых трудностей, заключающихся прежде всего в скудости наличных исторических источников. Действительно, ему приходится обращаться по преимуществу к нарративным памятникам, по самой своей природе дающим неполное и одностороннее отображение экономической жизни; к тому же число и этих памятников сравнительно невелико.

Высказанное здесь положение может на первый взгляд показаться ошибочным, чрезмерно пессимистическим. Ведь именно в конце IX в. были изданы три обширных законодательных памятника: Прохирон, Эпанагога и Василики. Последний, в частности, представляет собой сборник, состоящий из 60 книг, охватывающих самые различные стороны уголовного, гражданского и государственного права. Возникает естественный вопрос, не можем ли мы найти в этих памятниках материал для характеристики общественного строя Византии IX в.?

Прохирон¹, составленный в 870—879 гг., рассматривает главным образом вопросы гражданского оборота, брачного и наследственного права. Его составители отвергли законодательство иконоборцев; в подавляющем большинстве случаев нормы Прохирона восходят к римскому праву, что позволило В. Сокольскому считать их более древними, нежели нормы иконоборческой Эклоги². Другой исследователь — М. Бенеманский — подчеркивает, что составители Прохирона работали механически и находились в рабской зависимости от своих источников³. Лишь в некоторые титулы Прохирона были включены постановления императора Василия I (867—886), из которых особенно важны два: воспрещение взимания процента (XVI, 14) и разрешение отпуска на волю рабов, принадлежавших лицам, умершим без завещания (XXXIV, 17). Остальные затрагивают частные вопросы (о четвертом браке и конкубинате — IV, 25—26, о числе свидетелей при составлении завещания — XXI, 16, о лишении права наследования — XXXIII, 30—32 и некоторые другие) и к тому же сплошь да рядом представляют собой комментарий к юстинианову праву (например, XIV, 11).

Эпанагога⁴ была составлена несколько позднее, по-видимому, в 884—

¹ *Ἐπιφυλάγιος νόμος*, ed. C. Zachariae a Lingenthal. Heidelberg, 1837; J. et P. Zepos. *Jus Graecoromanum*, vol. II, p. 114 sq. См. М. Бенеманский. *Ἐπιφυλάγιος νόμος*. Сергиев-Посад, 1906.

² В. Сокольский. Византийское право. Новый Энциклопедический словарь т. X, стр. 499.

³ М. Бенеманский. Ук. соч., стр. 109 и сл.

⁴ C. E. Zachariae a Lingenthal. *Collectio librorum juris Graeco-Romani ineditorum*. Lipsiae, 1852; J. et P. Zepos. *Op. cit.*, vol. II, p. 236 sq. См. В. Со-

886 г. Как и Прохирон, Эпанагога осуждает законодательство иконоборцев, но в отличие от Прохирона она содержит значительные уступки исаврийской Эклоге, особенно ярко проступающие в XIX титуле. В то же время Эпанагога включает ряд новых титулов, касающихся различных сторон византийского права.

Новые параграфы Эпанагоги затрагивают вопросы государственного (II, 1—5) и церковного права (III, 1—11, VIII, 1—2, 7—11, IX, 13—16, X, 6, XI, 11, 14, XXXVIII, 20), судеоустройства (XI, 1—9, XII, 18) и долгового права (XXVIII, 1—2, 4), семейных, имущественных и наследственных отношений, уголовного права. Некоторые из этих параграфов восходят к новеллам византийских императоров (например, XXI, 4, XXVIII, 4⁵ и, видимо, XXVIII, 2), другие же представляют собой комментарии к юстинианову праву⁶.

Некоторые из параграфов Эпанагоги действительно являются существенным источником для истории социальных и политических отношений в Византии того времени. Таковы в первую очередь III, 1—11 (регламентация прав патриарха), XI, 1—9 (характеристика судебных ведомств), XXIII, 19 (запрещение архонтам приобретать земельные владения от подчиненных им лиц как в форме пожалования, так и путем покупки), XXVIII, 2 (запрещение взимать процент), XXXIII, 23 (признание взаимонаследования стратиотов). Однако эти постановления затрагивают лишь отдельные стороны общественных отношений в Византии.

Гораздо более сложным является вопрос о наиболее обширном сборнике законов — о *Василиках*⁷, по материалам которых, если судить по их содержанию, казалось бы, можно нарисовать всестороннюю картину правовых отношений в империи.

Василики были составлены в начале правления императора Льва VI (886—912): они были завершены примерно в 890 г. В предисловии к компендиуму X в. Эпитоме говорится, что император Лев при помощи прото-сафария Симватия и других мужей собрал «почти все законы» из XII таблиц, Дигест Юстиниана, Институций и Новелл и изложил их в шестидесяти книгах⁸.

Вопрос о том, в какой мере Василики соответствовали византийским условиям периода их составления, по-разному решается в исторической литературе. К. А. Бек утверждал, что Василики отбросили устаревшие нормы римского права и сохранили только те законы, которые продолжали применяться⁹. Близкое к этому суждение высказывал и А. Террассон, который видел в *Василиках* смещение юстинианова права с византийским, причем он считал, что византийское право преобладало в *Василиках* над римским¹⁰. Таким образом, и Бек и Террассон рассматривали *Василики* как сборник действующего права, отвечающего условиям IX в. Против этой

кольский. О характере и значении Эпанагоги (BB, I, 1894); Ф. Дельгер (F. Dölger, BZ, 39, 1939, S. 523 f. Ср. также BZ, 36, 1936, S. 273) утверждал, что Эпанагога не является официальным памятником византийского законодательства. Ср. J. Scharf, Photios und die Epanagoge, BZ, 49, 1956.

⁵ Соответствующий параграф в Прохироне — XVI, 14.

⁶ Например, XII, 7 или XVI, 5. Последний параграф представляет собой просто вариант Эпанагоги, XVI, 4 (ср. Basil., XXVIII, 4, 14).

⁷ Basilicorum libri LX, ed. G. E. Heimbach, t. I—VI. Lipsiae, 1833—1870; C. E. Zachariae a Lingenthal, Supplementum editionis Basilicorum Heimbachianae. Lipsiae, 1846; Basilicorum libri LX, vol. VII, ed. E. C. Ferrini et J. Mercati. Lipsiae, 1897. В 1953 г. голландский ученый Х. Шелтема начал новое издание *Василик* и схоллий к ним.

⁸ Jus, II, p. 280. 21.

⁹ C. A. Beck. De novellis Leonis augusti et philosophi. Halae, 1779, p. 24 sq.

¹⁰ A. Terrasson. Histoire de la jurisprudence Romaine. Paris, 1750, p. 359.

точки зрения решительно высказался К. Витте, который оценивал юридические памятники времен Василия I и Льва VI как документы, повторяющие старые нормы и полностью игнорирующие новое право¹¹.

Оба эти взгляда, сложившиеся в конце XVIII и начале XIX в., сохраняются и в современной исторической литературе. Так, Р. С. Лопес считает невозможным рассматривать Василики только как памятник римского права и надеется найти в них материал для истории права VI—X вв.¹² По словам М. Я. Сюзюмова, «на Василики следует смотреть не как на некое литературное изложение старинных законов, а как на действовавшее в X в. право»¹³, а по мнению Е. Э. Гранстрем, в Василиках «отражен процесс разорения и закрепощения крестьянства»¹⁴. Гораздо более скептически относится к юридическим памятникам Ф. Дэльгер, который подчеркивает, что антикизирующие тенденции источников этого рода делают их в большинстве случаев мало применимыми для изучения действительных отношений времени их издания¹⁵. По мнению Г. Каппесовой, было бы рискованно положить в основу исследования юридические источники, поскольку они сплошь да рядом отражают такое состояние дел, которое было весьма далеким от действительного¹⁶. Точно так же Б. Зиноговиц указывает, что, встречая в византийских правовых книгах ту или иную норму, мы должны ставить перед собой вопрос, соответствовала она действительности или же существовала только на бумаге¹⁷.

Столь противоречивая оценка этого памятника объясняется двойственностью самого источника, тем, что часть юридических норм, включенных в него, устарела уже к моменту его составления, другие же могли применяться и в это время. Поэтому для правильного решения вопроса о значении Василик как исторического источника необходимо по возможности точно определить, какой *круг вопросов*, затронутых в Василиках, соответствовал реальной действительности Византии IX в. и какой не соответствовал. Эту задачу и ставит перед собой данная статья.

Василики дошли до нас в скверной рукописной традиции: нет ни одной рукописи, которая содержала бы полный текст, а отдельные книги (например, XIX, XXXI—XXXIV, XXXVI, XXXVII) не сохранились и восстанавливаются лишь по поздним юридическим документам. При этом сохранившиеся рукописи далеко не всегда содержат удовлетворительный текст. Так, восстановленный К. Э. Цахариэ фон Лингенталем по поздним памятникам текст первой книги отличается от текста Coisl. 151, положенного в основу издания Г. Геймбаха; Цахариэ считает, что переписчик Coisl. 151 сделал в рукописи некоторые добавления¹⁸. Большое значение для восстановления подлинного текста Василик имеет Типукит Патцеса, причем сопоставление Типукита с изданием Василик Г. Геймбаха позво-

¹¹ K. Witte. Über die Novellen der byzantinischen Kaiser. Zeitschrift für Rechtsgeschichte, Bd. VIII, 1836, S. 213. Ср. М. Бенеманский. Ук. соч., стр. 9.

¹² R. S. Lopez. Byzantine law in the VIIth century. Byz., 16, 1944, p. 446.

¹³ М. Я. Сюзюмов. О социальной сущности законодательства «Василик». ВВ, VI, 1953, стр. 73. Ср. его же. Новые работы советских византистов. ВВ, VI, 1953, стр. 282.

¹⁴ В кн. А. Д. Люблинская. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955, стр. 101.

¹⁵ F. Dölger. Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953, S. 218.

¹⁶ H. Evert-Kappesowa. Рецензия на книгу А. Хаджиниколау-Марава. BS, XVI, 2, 1955, p. 353.

¹⁷ B. Sinogowitz. Vom Recht und den Rechtsbüchern der Byzantiner. Altertum, Bd. II, 1956, S. 39.

¹⁸ K. E. Zachariä von Lingenthal. Beiträge zur Kritik und Restitution der Basiliken. ZAH, VII серия, т. XXIII, 1877, № 6, стр. 15 и сл.

ляет установить, что первоначальный текст *Василик*, находившийся в XI в. в распоряжении Патцеса, был ближе к *Дигестам*, нежели текст *Геймбаха*: в нем сохранялась нумерация *Дигест*, а также некоторые параграфы, отсутствующие в издании *Геймбаха*¹⁹.

Текст *Василик* представляет собой компиляцию из сочинений восточно-римских юристов второй половины VI в., составивших на греческом языке индексы и парафразы к *Юстинианову своду законов*. Ф. Лоусон на основе анализа *Basil.*, XI, 1 и XII, 1 по *Coisl.* 152 пришел к выводу, что составители *Василик* пользовались следующими источниками²⁰:

1) Суммой Анонима, которая давала сокращенный перевод *Дигест*, опуская дискуссию юристов и передавая лишь результат этой дискуссии;

2) Индексом Дорорея, представлявшим собой почти буквальный перевод *Дигест* на греческий язык;

3) Индексом Стефана, где парафраза *Дигест* прерывалась комментарием, объяснениями и примерами;

4) Индексом Фалелея к Кодексу, содержащим буквальный перевод, а также введение и замечания к тексту.

Кроме того, привлекался сухой и краткий Индекс Кирилла, работа Энантиофана, сопоставлявшего противоречивые положения Кодекса и *Дигест*, и некоторые другие сочинения.

Следовательно, греческий перевод и пересказ норм римского права, который мы находим в *Василиках*, был выполнен не в IX, а в VI в.²¹

Кроме сочинений юристов конца VI в., в *Василики* были включены лишь незначительные фрагменты Прохирона.

Текст *Василик* снабжен схолиями, которые распределены в издании *Геймбаха* крайне неравномерно: одни книги вовсе не имеют схолий, другие же (например, XX—XXIII, XXVIII, XXIX) снабжены ими обильно. Это различие объясняется рукописной традицией: в одних рукописях (например, в *Coisl.* 151, содержащей первые 9 книг) схолий нет, тогда как в других их много (например, в *Coisl.* 152, содержащей книги XI—XIV)²². Из этого можно сделать вывод, что схолии отсутствовали в первоначальном тексте и были внесены в него впоследствии отдельными комментаторами.

Схолии в свою очередь разделяются на две группы. Первая — это так называемые «древние» схолии, представляющие собой отрывки из тех же сочинений греческих юристов VI в., из которых почерпнут и самый текст *Василик*; эти схолии, следовательно, в такой же мере опираются на римское право, как и сами *Василики*. Вторая группа — поздние схолии, по преимуществу отрывки из сочинений юристов XI—XII вв. Среди них представлены схолии из сочинений Евстафия Романа (например, *Basil.*, LX, 37.79,

¹⁹ E. Seidl. Die Basiliken des Patzes. Festschrift P. Koschaker, Bd. III, 1939, S. 297 f., 306 f. Л. Шмитт в диссертации, защищенной в 1955 г. в Эрлангене (L. Schmitt. Die Scholien zum Buch XII Titel I der Basiliken), также пришел к выводу, что нумерация глав в ряде рукописей *Василик* соответствует нумерации *Дигест* — в отличие от издания Г. Геймбаха — см. E. Seidl. BZ, 49, 1956, S. 244.

²⁰ F. H. Lawson. The Basilica, II. Law Quarterly Review, vol. 47, 1931, p. 537 f. Ср. L. Wenger. Die Quellen des römischen Rechts. Wien, 1953, S. 703.

²¹ В данной связи несущественен вопрос о качестве перевода *Дигест* и Кодекса на греческий язык. Отметим все же, что С. Васис (S. Vases. Oi Паυδέκται καὶ τὰ Βασιλικά. Ἀθήναις, 1910) показал на ряде примеров, что перевод *Дигест*, который мы находим в *Василиках*, был несовершенным и нередко ошибочным. См. рецензию P. Marc. BZ, 20, 1911, S. 616.

²² F. H. Lawson. The Basilica, I. Law Quarterly Review, vol. 46, 1930, p. 489. См. также F. Pringsheim. Zum Plan einer neuen Ausgabe der Basiliken. Berlin, 1956, S. 2 f.

sch. 5 из Пиры 49.4), Иоанна Номофилакса, Калокира Секста, Патцеса и др. Следовательно, Василики со схолиями — это сборник, составленный, по-видимому, не ранее XIII в. Только в этом позднем сборнике (в поздних схолиях) встречаются упоминания постановлений соборов, новелл Льва VI и других императоров.

Когда мы переходим к анализу Василик по существу, то прежде всего возникает вопрос о соотношении их с юстиниановым Сводом законов²³. Василики не вытеснили окончательно юстинианова свода. Об этом свидетельствует автор трактата XI в. «Рассуждение о раста пуда», который рекомендует изучать Дигесты, являвшиеся более полным сводом права, а затем уже переходить к менее подробным Василикам²⁴. Он рассматривает, следовательно, оба памятника как имеющие равное практическое значение. Лев VI в своих новеллах не ссылается на Василики, но лишь на юстинианов свод законов. Вряд ли это можно объяснить, подобно С. Спалберу, «ученической привычкой» Льва²⁵. Пира ссылается на нормы юстинианова права, которые не были включены в Василики²⁶. Чрезвычайно показательны в этом отношении и замечания поздних схолиастов. Так, Калокир Секст знает Дигесты и противопоставляет их Василикам (Basil., XXVIII, 8.50, sch.), а Иоанн Номофилакс отдает предпочтение юстинианову своду (Basil., XIII, 1.18, sch. 4), упрекая авторов Василик в неверных переводах (Basil., XXI, 1.46, sch. 21).

Следовательно, Василики были созданы не для того, чтобы заменить юстинианово право или дополнить его византийскими нормами, как думал в свое время А. Террассон, — они представляли собой изложение юстинианова права, которое продолжало, скорее всего, считаться действующим правом²⁷.

Коль скоро Василики являлись в Византии действующим правом, они должны были так или иначе соответствовать той исторической среде, в которой они применялись. Значительное количество норм, возникших в условиях существования рабовладельческой формации, могло сохранять значение и при феодализме, и в буржуазном обществе — при всем коренном различии общественного строя. Это прежде всего те постановления, которые связаны с регламентацией товарного производства и присущих ему сделок купли-продажи, обязательств и т. п. Так, определение условий купли-продажи, которое мы находим в Василиках (XIX, 1.8 и многие другие), сложившееся в условиях рабовладельческого общества, вполне могло регламентировать товарные отношения и во всяком другом обществе: то же самое относится к регламентации дарения (Basil., XLVII, 1.62 и др.), заклада (Basil., IX, 7.34—57 и др.) и к наиболее общим принципам наследственного права (Basil., XLV, 4.2 и др.). Вполне соответствовали этим потребностям и те статьи Василик, которые регулировали форму заклю-

²³ Этот вопрос был предметом дискуссии в последние годы. По мнению А. Берджера (A. Berger. Studi sui Basilici, IV. La Legislazione di Giustiniano ed i Basilici. Jura, vol. 5, 1954), юстинианово право сохраняло свое значение лишь в области преподавания и комментирования Василик, тогда как Х. Шелтема (H. J. Scheltema. Über die Natur der Basiliken. Tijdschrift voor rechtsgeschiedenis, vol. 23, 1955) полагает, что Василики явились новым, более практичным изданием сохранявшего свое значение юстинианова законодательства. См. F. D(ölger). BZ, 48, 1955, S. 530. Л. Венгер также считал, что в X в. юстинианов корпус оставался действующим правом (L. Wenger. Op. cit., S. 720 f.).

²⁴ Д. И. Азаревич. История византийского права, ч. 2. Ярославль, 1877, стр. 85 и сл.

²⁵ С. А. Spulber. Les Nouvelles de Léon le Sage. Cernaufi, 1934, p. 41.

²⁶ Например, Пира 48, 3. См. Jus, I, p. 220, n. 1.

²⁷ Они были задуманы, по словам Ф. Лоусона (F. H. Lawson. The Basilica, I, p. 500), как указатель (a guide to the meaning) к Corpus juris.

чения сделок (например, Basil., II, 3.142), требовали добросовестного ведения дел (Basil., XVII, 1.1), определяли деликты (Basil., II, 3.152), касались охраны владельческих прав (кн. L) и т. п.

Римское право представляло собой «первое всемирное право общества товаропроизводителей»²⁸, и именно в силу этого его основные нормы в общем и целом соответствовали потребностям товарного хозяйства, поскольку оно существовало в условиях феодализма.

Но если Василики бесспорно являлись источником права, то еще очень спорным является вопрос, в какой мере они могут служить историческим источником.

М. Я. Сюзюмов вполне прав, когда он рассматривает Василики как сборник, отвечавший потребностям торгово-ремесленной верхушки византийского города, в котором существовало товарное производство²⁹. Но нас интересует другой вопрос: в какой мере мы можем использовать компиляцию из сочинений греческих правоведов второй половины VI в., переведивших и комментировавших постановления римского права, для характеристики общественных отношений, для изучения конкретных условий жизни Византии IX в.?

Суть дела заключается в следующем: из Василик мы можем сделать несомненный вывод о наличии в Византии IX в. товарного производства и частновладельческих отношений. Однако вправе ли мы считать, что конкретные формы общественных отношений, о которых идет речь в Василиках, соответствуют византийской действительности конца IX в.? Вправе ли мы считать, например, что те ремесленные профессии, которые перечисляют Василики, XVIII, 1.5, действительно имелись налицо в Византии IX в.?

В текст Василик были включены почти целиком постановления Дигест (за исключением четырех титулов) и основная часть Кодекса³⁰. При этом в Василики вошли многие устаревшие юридические нормы. Так, Basil., LX, 46.1 запрещают становиться стратигром или священником в каком-либо городе при помощи заискивания перед демосом (из Dig., 48, 14.1, 1), но уже сходя к этому параграфу Василик указывала, что этот закон не имеет силы, так как должностное лицо получает назначение от императора, а не в результате голосования народа.

В Василиках постоянно упоминаются области, давно уже потерянные Византийским государством: Египет (Basil., I, 1.27; VI, 4.5; LVI, 9.5; LX, 25.6; LX, 54.7, § 5), Иллирик (Basil., V, 1.5; IX, 1.133), Африка (Basil., XXXVII, 2.14), Скифия и Мизия (Basil., IX, 2.3), Первая Сирия (Basil., VI, 1.93; VI, 3.4). Явным архаизмом звучит постановление Basil., IX, 1.78, разрешающее вести суд на латинском и греческом языках.

Архаизм Василик проявляется чрезвычайно отчетливо в тех параграфах, которые затрагивают вопросы государственного строя. Василики постоянно упоминают такие должности, которые уже не существовали в Византийской империи: римского консула (VI, 2.3—5), куратора полиса (IX, 1.84), императорских легатов (VI, 1.35 и 42), августалия и викария (VI, 1.90), эпарха претория (VI, 4.8), никтэпарха (VI, 5.1), анфипата Каппадокии (VI, 16), модератора Аравии (VI, 15), анфипата Палестины (VI, 17) и т. п. Многие термины, обозначающие должности, употребляются в Василиках не в том значении, какое они имели в IX в., а в старом значении. Это относится к таким терминам, как уже упомянутый выше анфипат

²⁸ Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II. Госполитиздат, 1955, стр. 376.

²⁹ М. Я. Сюзюмов. О социальной сущности „Василик“, стр. 74.

³⁰ F. H. Lawson. The Basilica, I, p. 452.

(VI, 2.8 и 11—13), а также ипат (VI, 1.12 и 15; XLVIII, 2.19) и логофет (LVI, 10.5)³¹. Совершенно без учета конкретной действительности IX в. формулируют Василики постановления относительно синклита и т. п.

Первая книга Василик, регламентирующая вопросы, связанные с вероисповеданием, упоминает такие ереси, которые давно уже перестали существовать: донатистов (I, 20), несториан (I, 22), монтанистов (I, 29—30) и др.

Чрезвычайно осторожно следует рассматривать также и те данные, которые содержатся в Василиках относительно социального статуса лиц. Этот памятник в полной мере сохраняет рабовладельческие нормы римского права: рабы упоминаются в сотнях параграфов, целые титулы регламентируют вопросы, связанные с рабовладением (VII, 15; XVI, 7; XIX, 7; XXIV, 7, а также вся кн. XLVIII). В отличие от этого не только социальные отношения IX в., но даже социальная терминология этого времени не нашла отражения в Василиках. Так, термин *eúγενής*, который в IX—X вв. употреблялся в значении «благородные»³², имеет в Василиках совершенно иной смысл и соответствует римскому термину *ingenui* (Basil., XLVI, 1.3. Ср. также I, 1.36; III, 1.32 и др.). Термины, которые употребляют Василики для обозначения группировок сельского населения, в такой степени далеки от действительности IX—X вв., что Н. Константинеску называет их «галиматьей»³³.

Во многом не соответствовала действительности и регламентация семейного права в Василиках и в Прохироне. Сборники византийского права сохраняют римскую концепцию «подвластности» сына, хотя Василики (XXXI, 1.3) и указывают, что эта форма семейных отношений присуща только римлянам. В действительности же сыновья могли свободно распоряжаться своим имуществом³⁴. Если в Василиках сохранялся римский принцип, что для помолвки достаточен *nudus consensus*, то уже начиная с 98 канона Трульского синода византийское право вводило официальное оформление помолвки³⁵. В соответствии с принципами Сирийского законника Эклога, I, 1—2 требовала не только торжественного оформления помолвки, но и дачи *arra sponsalia*³⁶. Эпанагога, XIV, 11 и 18-я новелла Льва VI устанавливают штраф за нарушение помолвки, а 74-я новелла Льва VI прямо сближает помолвку с браком³⁷. Наличие такой формы заключения помолвки подтверждается и Пирой³⁸.

³¹ Столь же архаична и терминология для обозначения должностных лиц в VI и VII титулах Эпанагоги, где термин „анфипат“ соответствует латинскому „проконсул“. Ср. также Эпанагога, XXXVIII, 9.

³² См. у Фотия (PG, t. 102, col. 173 D) и Николая Мистика (*ibid.*, t. 111, col. 389 C), а также в Тактике Льва, II, 22.

³³ N. Constantinescu. *Réforme sociale ou réforme fiscale*. Acad. Roumaine, Bull. de la sect. hist., vol. 11, 1924, p. 99.

³⁴ Пира, 14.9—10 рассматривает случай, когда сын умирает, оставив завещание, в котором недостаточно обеспечивает интересы отца и матери. При этом Пира, 14.10 распространяет на родителей постановление Basil., XXXIX, 1.54, где идет речь о лицах, имеющих право на „законную долю“ наследственной массы. Однако Василики в указанном месте не называют прямо родственников-асцендентов; наоборот, в следующих главах (Basil., XXXIX, 1.55—56) идет речь об отце, противозаконно лишающем сына его доли наследства. Это любопытный пример переосмысления составителем Пирой прямого указания Василик. Следует отметить, что права асцендентов на наследование были признаны и классическим римским правом, допускавшим известные имущественные права сыновей.

³⁵ P. Koschaker. *Zur Geschichte der arrha sponsalia*. Zeitschrift der Savigny-Stiftung. Roman. Abt., 1912, S. 407.

³⁶ *Ibid.*, S. 396 f.

³⁷ Jus, III, p. 172.17.

³⁸ Пира, 17, 14. Ср. также Пира, 17, 19.

54-й канон Трулльского синода установил, что некоторые отношения родства служили препятствием к заключению брака: отец и сын не могли жениться соответственно на матери и дочери и т. п. В отличие от этого Прохирон (VII, 7), Эпанагога (XVII, 7) и Василики (XXVIII, 5.1 и сл.) возвращаются к юстинианову праву и не видят в подобном родстве препятствия для брака³⁹. Точно так же Прохирон, Эпанагога и Василики редуцируют римские нормы относительно усыновления, тогда как Распространенная эпанагога (XV, 9) свидетельствует об изменении отношения к этому институту в действующем византийском праве X в. Наследственное право в Византии также отличалось от юстиниановых норм, сохраненных официальными памятниками⁴⁰. Так, Basil., XXXV, 8.1 и сл. сохраняют старые предписания относительно лишения наследства (римской *exhereditatio*), имевшие лишь историческое значение. Василики последовательно проводят (кн. XL) разграничение между *bonorum possessio* и *hereditas*, которое не имело практического значения. То же самое можно сказать и относительно римского понятия стипуляции, которое широко используется в разных книгах Василик и которое тем не менее не имело в Византии практического применения⁴¹.

Число таких примеров может быть значительно увеличено.

Было бы весьма существенно найти метод, который позволил бы определить, какие именно разделы Василик использовались юристами-практиками. С этой целью мы обратились к Пире — сборнику судебных решений второй половины X и начала XI в.⁴² Составитель Пирь широко использует Василики — мы найдем в ней сотни ссылок и цитат. При этом Пира нередко дополняет Василики, приближая их к практическим потребностям. В некоторых случаях автор Пирь указывает на неполноту Василик⁴³, отмечает устаревшие законы⁴⁴. В то же время в ряде титулов автор Пирь не приводит ссылок на Василики и излагает нормы, чуждые Василикам. Это титулы 2, 9, 13, 18, 20, 24, 29, 32, 33, 50, 52, 57, 71, 74. К ним можно прибавить также титулы 15, 25, 46, 58 и некоторые другие, в которых ссылки на Василики крайне редки. В этих титулах идет преимущественно речь об отношениях собственности и аренды, о социальном статусе (парики и рабы), о ярмарках, о некоторых чертах политической организации.

Ниже мы приводим цифры, которые показывают, сколько раз используется в Пире та или иная книга Василик⁴⁵ (см. стр. 64).

Уже беглый взгляд на эту таблицу позволяет видеть, что различные книги Василик использовались на рубеже X—XI вв. чрезвычайно неравномерно. Византийские юристы использовали прежде всего XIX книгу Василик, трактующую вопросы, связанные с куплей-продажей. При этом особое внимание было уделено титулам 10-му и 11-му (всего 80 упоминаний), в которых идет речь о возвращении купленной вещи, а также титулу первому, трактующему о заключении сделок купли-продажи⁴⁶. Широко исполь-

³⁹ К. Е. Zachariä von Lingenthal. *Geschichte des Griechisch-Römischen Rechts*. Leipzig, 1892, S. 66, A. 111.

⁴⁰ См. Е. S(eidl). *BZ*, 38, 1938, S. 587.

⁴¹ К. Е. Zachariä von Lingenthal. *Geschichte...*, S. 294.

⁴² Она издана С. Е. Zachariae a Lingenthal. *Jus Graeco-Romanum*, I; J. et P. Zepos. *Op. cit.*, vol. IV. См. о ней А. Р. Christophilopoulos. *Παρατηρήσεις εις την Πειραν Εδοσθίου του Ρωμάνου*. *Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher*, Bd. 17, 1944.

⁴³ См. *Jus*, I, p. 14, n. 5.

⁴⁴ См., например, Пира, 53, 2 по поводу Basil., XLVII, 1.66.

⁴⁵ Таблица составлена на основании индекса К. Э. Цахарие фон Лингентала.

⁴⁶ Довольно широко используется также титул 7-й, в котором говорилось об освобождении и продаже рабов.

Книга Василик	Количество упоминаний в Пире	Книга Василик	Количество упоминаний в Пире	Книга Василик	Количество упоминаний в Пире
I	—	XXI	54	XLI	8
II	21	XXII	43	XLII	—
III	—	XXIII	43	XLIII	1
IV	1	XXIV	3	XLIV	10
V	2	XXV	69	XLV	6
VI	2	XXVI	20	XLVI	—
VII	9	XXVII	1	XLVII	3
VIII	3	XXVIII	28	XLVIII	1
IX	10	XXIX	12	XLIX	1
X	11	XXX	—	L	16
XI	7	XXXI	—	LI	—
XII	5	XXXII	1	LII	2
XIII	3	XXXIII	—	LIII	—
XIV	1	XXXIV	—	LIV	1
XV	1	XXXV	13	LV	1
XVI	—	XXXVI	—	LVI	8
XVII	—	XXXVII	9	LVII	—
XVIII	—	XXXVIII	—	LVIII	1
XIX	158	XXXIX	8	LIX	—
XX	1	XL	—	LX	43

зовались также посвященные закладным операциям книги XXIII и XXV, особенно титул 3-й кн. XXIII, рассматривающий вопрос о процентах (40 упоминаний), и титул 7-й кн. XXV, посвященный продаже заклада (26 упоминаний). Большое внимание было уделено также книгам XXI, XXII и преимущественно вопросам о свидетелях (XXI, 1—49 упоминаний) о доказательствах (XXII, 1—30 упоминаний). Часто цитировалась и LX книга, в которой шла речь о различных деликтах: о воровстве, развороте, составлении фальшивых документов и т. п. Несколько меньше использовалась книга XXVIII, рассматривающая брачные отношения, и книга XXVI о поручительстве и уплате долгов.

Почти совершенно не использовались те книги Василик, в которых рассматривались социальные и политические отношения: книги I и III—V (о церкви)⁴⁷, VI (о должностях)⁴⁸, LVII (о войске), XXXI и XLVI (о статусе людей), XLIX (о патронах и либертах), LV (о крестьянах). Мало использовались книги, посвященные искам (XV, XVII,

⁴⁷ Из этих книг используются лишь некоторые постановления, касавшиеся в первую очередь имущественных прав церкви (Basil., V, 1.8 и V, 2.6).

⁴⁸ Пира, 30, 50 использует Basil., VI, 1.2: запрещение архонту, смещенному и не восстановленному, свидетельствовать и судить. Вторая ссылка на эту книгу неясна: Пира, 51, 9 ссылается на Basil., VI, 22 в связи с новеллой Василия II, предоставлявшей крестьянину право безвозмездно получить у дината проданную ему землю. Но в указанном титуле Василик идет речь о судебных правах архонта епархии и о контроле за ним со стороны епископа. Может быть, эта ссылка относится к следующему параграфу Пире (Jus, I, p. 243, п. 5), но и в таком случае связь остается неясной.

XVIII)⁴⁹, мандату (XIV)⁵⁰, узуфрукту (XVI)⁵¹, сервитутам (LVIII), аренде (XX)⁵², обязательствам (XLIII, LII), морской торговле (LIII), и некоторые другие.

Но и там, где Пира использует Василики, мы находим нередко такую формулировку, которая существенно меняет содержание того или иного постановления. Так, Пира, 10,1 содержит ссылку на Basil., VIII, 1,5, но, рассматривая вопрос, автор Пире вводит в текст такие термины из современной ему византийской действительности, которых нет в соответствующем месте Василик: протоспафарий, стратиот, динат, синклитик. (См. также Пира, 51,10: ссылаясь на Basil., VII, 1, автор Пире упоминает фемного архонта, которого нет в Василиках). В других случаях Пира, напротив, опускает ту или иную часть цитируемой главы Василик. Так, проводя разграничения между *σφωρατῶν* и *σώστρα*, Пира, 51,7 ссылается на Basil., VIII, 2, имея при этом в виду, вероятно, гл. 101⁵³. Однако имеющиеся в этой — чрезвычайно конкретной — главе очень важные подробности о видах коллегий, об их казне, синдиках и т. д. опущены Пирой.

Все это показывает, что конкретная картина общественного и государственного строя, которую мог бы получить исследователь в результате анализа Василик и некоторых других сборников римско-византийского права (в первую очередь Прохирона), во многом не соответствовала бы действительности IX в. В некоторых случаях компиляторы конца IX в. ощущали это несоответствие и пытались очистить Свод законов Юстиниана от устаревших постановлений, однако эта попытка не была проведена достаточно последовательно. Так, Василики опускают постановления Кодекса (X, 32) о куриях и декурионах, но в то же время соответствующие термины (*βουλευταί*, *πολιτευόμενοι*) постоянно встречаются в «Василиках» (VI, 1,73 и 98; LX, 51,25 и 26, § 5; LX, 54,7, § 20—21). «Василики» опускают ряд постановлений Дигеста, разрешающих самопродажу в рабство, но не доводят очищение текста до конца: Basil., XXVIII, 4,21, § 6 все-таки допускает самопродажу, разрешая вольноотпущеннице развод с патроном, если он продал себя в рабство. Хотя Василики опускают титул Дигест о сенатус-консультах (1, 16), они все же в некоторых случаях признают законодательные права синклита (Basil., II, 6,13).

Во многих случаях компиляторы, видимо, даже и не пытались производить какой-либо отбор. Так, Прохирон проводит разграничение между опекой и попечительством, несмотря на то, что оно стерлось уже и в классическом праве, а в юстиниановом проступало лишь как анахронизм⁵⁴.

Итак, Василики представляют собой исторический источник крайне ограниченного значения. Они позволяют нам утверждать, что в Византии конца IX в. имело место товарное производство и соответствующие ему юридические отношения (право частной собственности в широком смысле этого слова, но отнюдь не буржуазной частной собственности, сделки купли-продажи, отношения кредита и т. п.). Однако конкретные казусы, о которых идет речь в Василиках, не имеют, как правило, ничего общего

⁴⁹ В Пире используется лишь Basil., XV, 1,107 (согласно С. Е. Zachariae a Lingenthal. Jus, I, p. 186,2 — гл. 108, однако, см. издание Г. Геймбаха, т. II, стр. 168), где идет речь о защите прав владения.

⁵⁰ Используется только Basil., XIV, 1,10: это постановление привлечено в Пире, 26, 12 в связи с вопросом о взыскании долга.

⁵¹ О переосмыслении понятия *υζούφρουκ* (узифрукт) в византийском действующем праве X в. см. А. П. К а ж д а н. Формирование феодального поместья в Византии X в. ВВ, XI, 1956, стр. 108 и сл.

⁵² Из этой книги Пира (38, 11) берет только определение продажи — Basil., XX, 4,5.

⁵³ См. Jus, I, p. 243, п. 1.

⁵⁴ См. М. Бенеманский. Ук. соч., стр. 94 и сл.

с Византией IX в., передают иную терминологию, рисуют иные общественные отношения — и в целом уводят нас в рабовладельческий мир римского права. Если при изучении общественных отношений в Византии IX в. положить в основу исследования Василики, то мы неминуемо придем к выводу о неизменности общественных отношений на протяжении VI—IX вв., к выводу о существовании в Византии IX в. рабовладельческих отношений.

Василики — это компиляция из сочинений юристов второй половины VI в., отличающаяся архаизмом и книжностью терминологии. Византийские правоведы, составлявшие в конце IX столетия Василики, не сумели, хотя и пытались, отсеять при этом архаичные, устаревшие постановления. Но несмотря на это, господствующий класс Византийской империи обрел в Василиках мощное орудие, способствовавшее укреплению его господства. Охрана частной собственности, регламентация товарного производства, законодательство в отношении колонов и рабов — все эти черты римского права, по-новому осмысленные, содействовали укреплению феодальных общественных порядков.

М. Я. СЮЗЮМОВ

**ВАСИЛИКИ КАК ИСТОЧНИК
ДЛЯ ВНУТРЕННЕЙ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ**

Проблема использования Василик как источника для истории Византии давно привлекает к себе внимание как зарубежных, так и советских исследователей. Многое в отношении этого памятника остается еще неясным. Нам неизвестна дата обнародования Василик. Мы не знаем точно их первоначального текста. Спорной является и основная цель составления этого свода законов. Совершенно ясно только одно: речь шла о рецепции юстинианова права. Однако спорно, были ли Василики только систематизацией юстинианова права для облегчения пользования им или же их составление было попыткой «очищения» законодательства от устаревших законов — ἀκαθάρασις τῶν παλαιῶν νόμων...

Основным является вопрос, были ли Василики действующим правом в Византии с конца IX в. или же действующим правом являлись *Corpus juris* Юстиниана и его новеллы? Разумеется, если признать, что Василики были только пособием для более легкого использования юстинианова права, только систематизированным пересказом положений *Дигест*, *Кодекса* и новелл, то в таком случае вряд ли возможно вообще говорить о Василиках как источнике для истории Византии IX—X вв.

В напечатанной выше статье А. П. Каждан присоединяется к мнению тех исследователей, которые считают, что Василики представляли собой только изложение юстинианова права, которое продолжало оставаться действующим правом.

Авторы, придерживающиеся этой теории, приводят в качестве аргументов ряд высказываний юристов того времени. Но эти высказывания свидетельствуют только о том, что юристы XI—XIII вв. при научном изучении права обращались к его источникам. При наличии всех таких ученых рассуждений нельзя, однако, упускать из поля зрения главного: имеются самые категорические утверждения источников, что Василики, и притом только *Василики*, были единственным имеющим силу закона сводом, что не юстиниановы книги, а переработка их в конце IX в. являлась изложением действующего права в Византии. Например, Книга эпарха прямо вменяла в обязанность табулляриям знать 40 титулов ἐγχειριδίου νόμου, т. е. Прохирона, и 60 книг Василик¹. Это являлось подлинным руководством для юристов того времени: для оформления всяких актов гражданского состояния требовались нормы, зафиксированные в переработан-

¹ Книга эпарха, 1, § 2. То обстоятельство, что в рукописи слово Βασιλικῶν приводится вместо слова βιβλίον, не имеет значения, так как слово βιβλίον могло относиться только к Василикам. См. J. Nicol. Le livre du préfet. Genève, 1893, p. 14, n. 18—19.

ном юстиниановом праве. Имеются самые недвусмысленные указания на то, что *Василики отменили* действенность юстинианова свода и новелл, что юстинианово право считалось применимым лишь постольку, поскольку было принято *Василиками*, и лишь в той редакции, которая была допущена в *Василиках*. Так, в толковании на 2-й канон Пятошестого Трулльского собора Вальсамон указывает, что в XII в. пользование номоканонем 50 титулов *запрещалось*; при этом причиной запрещения он приводит то обстоятельство, что в номоканоне 50 титулов имеются ссылки на те новеллы Юстиниана, которые не вошли в *Василики* и поэтому потеряли силу. В этот номоканон включены были и некоторые другие законы из Кодексов и Дигест, не вошедшие в *Василики*, поэтому он мог казаться более богатым по содержанию «вследствие *многословия*». Но так как официально признавалась именно сокращенная редакция юстинианова права, Вальсамон прибавляет, что «многословные» книги являются опасными и подлежат уничтожению, хотя он и видит их у многих достойных уважения людей. В 66-й новелле Мануила Комнина указывалось на необходимость использовать в судебной практике только *Василики*². В Пире в основном использованы статьи *Василик*, но не тексты юстиниановых книг. В свете всех этих данных нет никаких оснований отрицать тот факт, что именно *Василики*, а не *Corpus juris civilis* были действующим правом Византии.

Разумеется, положения *Василик* не могли в основном отличаться от юстинианова права. Самый факт издания Прохирона и *Василик* был актом рецепции этого права в возможно неприкосновенном виде. Бурные времена, наступившие в Византии с начала VII в., подорвали торговое значение Константинополя и других византийских городов. Это и привело к тому, что право, основанное на принципе неизблемости частной собственности и соответствующие потребностям товарного хозяйства в городах, стало забываться. Только в середине VIII в., когда торговое положение Византии укрепилось и когда земельные отношения в некоторой мере стабилизировались, понадобилось возвращение к юстинианову праву. В предисловии к иконоборческой Эклоге прямо отмечается, что она составлена потому, что законы предыдущих императоров, изложенные во многих книгах, совершенно забыты, особенно вдали от Константинополя³. В IX в., в связи с дальнейшим укреплением международных торговых связей и товарного производства, особенно после подавления павликианского восстания, потребность в рецепции юстинианова права делается еще более настоятельной. Василий Македонянин энергично проводил эту политику. Создается Прохирон, который в большинстве случаев полностью черпает свои положения из юстиниановых книг. Составляется Эпанагога. Целая плеяда юристов работает над воссозданием действенности старинных норм права. Появляется вполне заметная тенденция считать необходимым полный переход на юстинианово право без каких бы то ни было ограничений. Император Лев VI (и фактически Стилиан) должен был сдерживать слишком прямолинейное рвение поклонников «старинных законов». В новелле 24-й он писал: «Многие, которые преклоняются перед старинным временем, желают в устройстве общества (τῶν πραγμάτων τάξεως τε καὶ καταστάσεως) отдавать предпочтение ему (т. е. порядку старинного времени. — М. С.). Но я, признавая, что старинные порядки во многом превосходят современные, тем не менее считаю, что в некоторых случаях старинные порядки уступают новым. Далеко не мало таких случаев, в которых необходимо отдавать предпочтение порядкам нового времени». Это было сказано в связи

² Jus, III, p. 463.

³ Collectio librorum juris G.-R. ineditorum, Lipsiae, 1852, p. 11.2—6.

с частным вопросом об усыновлении, но рисует общую обстановку при составлении *Василик*. Пока у власти находился энергичный Стилиан, правительство Льва, по-видимому, следило за работой кодификационных комиссий юристов, работавших под руководством протоспафария Симватия. Однако после смерти Стилиана и после разгрома его окружения законодательная деятельность Льва VI почти прекратилась, так как император, будучи занят острой борьбой с церковной оппозицией, потерял интерес к законодательному творчеству. Изданные книги *Василик* не переделывались даже в том случае, если находились в противоречии с новеллами императора.

При исследовании вопроса о роли юстинианова права в средневековой Византии нельзя отвлекаться от некоторых особенностей развития византийской юридической науки. Дело в том, что сущность юридических исследований заключалась тогда в изучении источников *Василик* — *Дигест*, *Кодекса*. Юристы стали находить текст *Василик* слишком кратким. Они разъясняют теперь текст закона приведением дословного перевода *Дигест*, замечают отсутствие некоторых статей в *Василиках*. Желая показать свою ученость, они приводят в примечаниях даже такие положения, которые были устаревшими уже при Юстиниане, и снова переводят греческую терминологию на латинскую. Появилось направление своеобразного юридического пуризма, стремление воспроизводить юстинианово право *дословно и без пропусков*, причем разницу между юстиниановым правом и *Василиками* стали приписывать не сознательному акту составителей свода, но их невежеству⁴. В Византии с середины XI в. начинается такое же преклонение перед авторитетом Юстиниана, какое существовало и в средневековых университетах Запада, и такое же преклонение перед древними авторами, какое было в Италии кватроченто.

Создание *Василик* было делом сложным, нелегким и требовало много времени. Мы не знаем точно, когда закончена была работа кодификационных комиссий, можно только предположить, что она проходила в тот же отрезок времени, когда император Лев работал над редактированием своих новелл (из 115 новелл Льва VI только 11 могут быть отнесены ко времени после смерти Стилиана). Однако установить соотношение этих новелл с составлявшимся в то же время сводом очень трудно. Так, есть книги *Василик*, текст которых свидетельствует о том, что они составлялись после издания некоторых новелл Льва. Об этом, в частности, говорит невключение в *Василики* разделов о куриалах и о сенатусконсультах. К такому же выводу можно прийти, если сопоставить новеллу № 52 с текстом 18-го титула 54-й книги *Василик*, в которых речь идет о приеме монет с изображением прежде царствовавших императоров. Согласно *Cod. Just.*, XI, 11,1 и 3, такие монеты должны были приниматься наравне с монетами новой чеканки. В новелле 52-й Лев VI негодует, что этот старинный справедливый закон почему-то отменен последующими императорами, и требует восстановить в действии старый закон. Данный закон и помещен в *Василиках* (54, 18). Совершенно, следовательно, ясно, что текст 54-й книги составлен после новеллы 52-й. Или еще один пример: отец Льва VI — Василий — включил в Прохирон⁵ закон, запрещающий взимание процента. Вопреки

⁴ Вполне можно предположить, что известный справочник *Πατριάρχης*, помещающий заголовки статей, которые отсутствуют в сохранившихся списках *Василик*, но зато соответствуют расположению статей в *Дигестах*, отражал не первоначальный текст *Василик*, а именно это понятное для ученых юристов того времени стремление к чистоте передачи текста юстиниановых книг.

⁵ Prochiron, XVI, 14; ср. K. E. Zachariä von Lingenthal. *Geschichte des Griechisch-Römischen Rechts*. Leipzig, 1892, S. 301.

этому закону, Лев VI в новелле № 83 приказал ввести в действие положения о процентах согласно старинным законам: καθὼς τοῖς παλαιότεροις ἔδοξε νομοθέταις. В результате в Василики полностью включено разрешение брать проценты применительно к Cod. Just., IV, 32, 26 (528 г.) (Basil., 23, 3, 74). Лев считал закон Василия, запрещавший брать проценты, «прекрасным», но прибавил, что «природа человека не достигла той высоты, на которой находился данный закон», т. е., другими словами, закон Василия не соответствовал потребностям действительности, а старинный закон Юстиниана более подходил к жизненным условиям конца IX в. Поэтому можно считать, что данное место Василик принято после издания новеллы 83-й. Но в других случаях можно отметить обратное соотношение новелл Льва VI и Василик. Так, в схолиях, главным образом в книге 60-й, указан ряд случаев, когда содержание новелл Льва VI отменяло положения Василик. Можно было бы предположить, что 60-я книга Василик, в которой помещены положения о наказаниях за различные проступки против личности и против имущества, т. е. как раз те казусы, которые больше всего интересовали судей, обнародована была раньше некоторых других книг и поэтому изменения законов в нее не успели попасть. О том, что новеллы Льва VI отменяли некоторые положения Василик, говорит и Вальсамон. У него речь идет главным образом об отмене некоторых положений новеллы Юстиниана № 123, помещенной в Василиках (3, 1, 28 и 4, 1, 6).

Лоусон⁶, а за ним и А. П. Каждан, исключительно важное значение придают тому обстоятельству, что составители Василик не сами перевели Дигесты, но пользовались переводами и сокращениями, сделанными юристами VI в. Однако странно было бы при наличии готовых переводов не пользоваться ими. Попутно следует отметить, что это наблюдение Лоусона отнюдь не является чем-то новым в изучении византийского права. Уже Цахариз указывал, что в основу Василик легли старинные индексы, составленные юристами VI в.⁷ А. П. Каждан настолько дал себя увлечь доводами Лоусона, что считает Василики только компиляцией из трудов правоведов VI в. (см. стр. 59). Но можно ли говорить о полной несамостоятельности составителей Василик? Выводы Лоусона построены на чрезвычайно узком и случайном материале. Можно привести массу примеров, показывающих, что при подготовке Василик учитывалось положение конца IX в. Уже одно то обстоятельство, что в новом своде выпущены были положения о куриалах и сенатусконсультах, говорит о некоторой независимости Василик от законов VI в. В книге 6-й Василик функции префекта претория и городского эпарха помещены в одной главе и смешиваются: очевидно, это произошло потому, что должности префекта претория уже не было, а его функции частично перешли к городскому префекту. В текст новеллы Юстиниана, помещенной в Василиках (Nov. 71 = Basil., 23, 4, 47), слово «иллюстрий» заменено словом «протоспафарий». Во многих постановлениях, относившихся в свое время только к Египту, слово «Египет» вычеркнуто, т. е. их действие распространено на всю территорию империи (Basil., 60, 55, 1 = Cod. Just., IX, 5, 1). Может быть, кто-либо в будущем и проделает сизифов труд и отметит все случаи, когда составители Василик заменяли старинные термины более новыми. Однако этого и не требуется. Мы знаем, что не все положения юстинианова Кодекса включены были в Василики. Следовательно, отбор был.

⁶ F. Lawson. The Basilica, I. Law Quarterly Review, 1930.

⁷ K. E. Zachariä von Lingenthal. Op. cit., p. 22.

Но к Василикам нельзя подходить с требованиями, которые можно предъявить новому закону. Василики были только *сводом* действующих законов. Ведь составление такого свода и заключается только в том, что неприемлемые законы не включаются в свод, а включаются лишь те, которые так или иначе, хотя бы при переосмыслении, могут быть применимы на практике. Законодательной деятельностью юристы, работавшие над Василиками, не занимались, так как законодательной властью не обладали. Они могли только на основании директив императора, обладавшего в то время полнотой законодательной власти, включать или не включать в новый свод те или иные законы из юстинианова права или Прохирона.

Но что правительство Льва действительно стремилось так пересмотреть, очистить законы, чтобы приспособить их к потребностям текущей жизни, в этом не может быть никакого сомнения. Так, в 19-й новелле Льва мы читаем: «Не для того, чтобы порицать, не для того, чтобы возвеличить себя, мы предприняли пересмотр законов, но чтобы в возможной степени устранить не подходящее (*ἀσύμφορον*) к жизненным потребностям подданных». Об этом же, по существу, говорилось и в 95-й новелле: «Жизненные потребности (*χρεῖαι τῶν πραγμάτων ἰκάρεσθον νόμοις ὑπόστασι*) вызвали к жизни и древнейшие, появившиеся в свое время, законы. Именно к определенным случаям, встречающимся в жизни, обращена каждый раз мысль законодателя, которая изучением сущности этих явлений приводит к изданию законов». В той же 95-й новелле Лев писал, что при всяком случае в жизненной практике он в первую очередь обращался к уже существовавшим законам и только в случае полного отсутствия соответствующих определений в старинных законах приходил к необходимости издания нового закона. Это совершенно понятно: незачем создавать новые формулировки, когда имелись уже налицо старинные, четкие, авторитетные. Но вместе с тем в 30-й новелле подчеркивалось: «Истинная забота об управлении государством требует, чтобы в случаях, если обнаружатся законы, не приносящие пользы для государства, были приняты меры для улучшения этих законов»⁸. Издавая Василики, правительство Льва и стремилось обнаружить именно такой «очищенный свод законов» (так, между прочим, называет Василики Вальсамон в комментариях на 2-й канон Трулльского собора). Но другой вопрос, как это было выполнено юристами Льва? Безусловно, Василики составлены были чрезвычайно небрежно, безответственно. Так, если согласно новелле Льва главы о куриалах были выпущены, то во многих местах, где название декурионов встречалось в тексте других законов, это название сохранялось, хотя, конечно, для условий конца IX в. оно являлось явным анахронизмом»⁹. Но такова судьба всех сводов законов.

Многие положения Василик, действительно, ни в какой степени не могли быть применимы к условиям X в. В Василиках, например, часто упоминаются такие области, которые давно были вне власти византийского правительства. Но нужно отметить, что Византия никогда не мирилась с потерей провинций, захваченных арабами в VII в., и упоминание названий этих областей в официальном своде имперских законов могло объясняться и чисто политическими мотивами, подобными тем, в силу которых в титулатуре английских королей долгое время красовался титул *Rex Franciae*, даже тогда, когда никаких уже надежд на завоевание Франции у англи-

⁸ Ср. в 78-й новелле Льва VI: *μη̄ πρὸς χρεῖαν τὰ πρᾶγματα κἀρίστα τῶν νόμων... τοῖς νόμοις ἐδάφους τὸ περὶ τὸν ὑπεξαίρουντες.*

⁹ Однако в ряде случаев требуемые изменения в текст вносились; ср. *Dig.*, 4, 2, 9, 1 и *Basil.*, 10, 2, 9, где „in decurionibus vel aliis universitatibus“ переродилось в: „τὸ ἐπιστάματος...“. Ср. *Zachariä von Lingenthal. Op. cit.*, p. 138.

чан не было. А. П. Каждан приводит как пример полного несоответствия существующим условиям разрешение совершать судопроизводство на латинском и греческом языках. Однако напрасно считать это анахронизмом: в конце IX в. под властью Византии еще находились территории в Южной Италии. Для Византии этого времени не был, кстати, анахронизмом и вопрос о *patria potestas*. В обыденной жизни вопрос о том, когда сын может начинать самостоятельное ведение хозяйства, когда отец перестает быть ответственным за действия сына, когда сын может заключать самостоятельно соглашения, не переставал иметь значение. Формулировка Василик была вполне применима к разрешению подобных вопросов. Не случайно же, что в вопросе о том, как и когда сыновья епископов могли считаться самостоятельными, церковное право ссылалось именно на Василики.

Многие законы при переводе на греческий язык получали другой смысл, нежели тот, какой имели при Юстиниане. Так, термин *fabricenses* в переводе *χαλκούς* или *τεχνίτης* придал статье совсем другое значение: объект закона в значительной степени расширился и сделался применимым к широкой категории лиц в IX—X вв. (*Basil.*, 45, 1, 57 = *Cod. Just.*, VI, 62, 5 и *Basil.*, 54, 17, 5 = *Cod. Just.*, XI, 10, 5). Термин *cohortales*, понятный для людей VI в., был совершенно непонятен для общества IX в. Поэтому этот термин переводился словом *εὐτελεῖς*, т. е. «простые люди»; это опять-таки было приспособлением закона к существующим условиям и значительно расширяло объект применения этой статьи закона (*Basil.*, 45, 1, 61, схол. 2). Схолии к Василикам показывают, как относились юристы к тем статьям, которые как бы представляли анахронизм. В законе, например, написано об исаврах; комментаторы приравнивают это к апелятам-конокрадам (*Basil.*, 60, 18, 29 = *Cod. Just.*, 9, 12, 10). Статья Дигест 9, 2, 27, 9 о *servo colono* и о *villa*, трактующая об отношениях в деревне, в схолии превращается в чисто городскую статью о рабе в арендованной хлебопекарне (*Basil.*, 60, 3, 27, схол. 23). Как указывает А. П. Каждан, в Пире даются ссылки на закон независимо от того, сохранились ли в действительности все те детали, которые существовали в момент издания закона (см., например, *Πεῖρα*, 51, 10 = *Basil.*, 7, 1; *Πεῖρα*, 10, 1 = *Basil.*, 8, 1, 5; *Πεῖρα*, 51, 7 = *Basil.*, 7, 2). И это совершенно понятно; закон не теряет свою силу, если изменилась номенклатура должностных лиц или учреждений. Иногда комментаторы сознавали, что данный закон не соответствует действительности, но прибавляли: «Все же если нечто подобное случится, то следует применить указанное в законе» (*Basil.*, 60, 46, 1, схол. 1). Очевидно, такими соображениями руководствовались и сами составители Василик. Комиссии, отбиравшие законы для свода, вовсе не интересовались, соответствует ли текст закона во всем условиям конца IX в., — их интересовало (или во всяком случае должно было интересоваться) только то, может ли данный закон в какой-то степени быть использованным в судопроизводстве.

Василики вовсе не были просто сборником старинных законов. Обнародование этого свода имело целью заставить общество соблюдать законы в духе тех норм права, которые признавались наилучшими. Поэтому при включении того или иного старинного закона указывалось, что «хотя это обычно и не соблюдается, но против того, кто нарушает положение данного закона, можно подать в суд жалобу на насилие». (См., например, *Basil.*, 53, 6, 5 = *Dig.*, 47, 10, 13, 7. — В данном случае речь идет о праве на рыбную ловлю, но характерен не самый казус, а отношение законодательства к фактам, обычно не вызывавшим в практике особых сомнений).

Стараясь доказать крайне ограниченное значение Василик, А. П. Ка-

ждан подсчитал количество ссылок, сделанных в Пире на отдельные книги этого свода, и утверждает, что использовались только те его книги, которые имели отношение к купле-продаже, залогу, ссуде и прочим имущественным сделкам. Но приведенная им таблица свидетельствует только о круге тех судебных вопросов, с которыми приходилось сталкиваться составителю Пиры. Конечно, в эту таблицу вовсе не вошли ссылки на 53-ю книгу Василик, потому что данными вопросами занимался параталассит, функции которого никогда не входили в круг деятельности «магистра». Нет совершенно ссылок и на дела, связанные со строительством, так как это входило в функции городского эпарха.

Очень ясно ограниченность данных А. П. Каждана видна из сопоставлений его таблицы с таблицей, показывающей количество ссылок на разные книги Василик, сделанных комментаторами XII в. Зонарой, Аристином и Вальсамоном в толкованиях на семь вселенских и десять поместных соборов.

Книга Василик	Количество ссылок *	Книга Василик	Количество ссылок	Книга Василик	Количество ссылок
I	6	X	1	XXXI	1
II	2	XI	1	XXXII	1
III	32	XXI	8	XXXV	3
IV	16	XXII	3	XXXVII	2
V	22	XXIII	1	XLIV	1
VI	2	XXIV	1	XLV	2
VII	5	XXVIII	13	LX	22
VIII	2	XXIX	1		
IX	2				

* Если в одном и том же комментарии встречается несколько ссылок на одну и ту же книгу, то все они считаются за одну.

Полное несоответствие этих данных данным А. П. Каждана объясняется только тем, что вопросы, затрагиваемые Зонарой, Аристином и Вальсамоном, были иные, нежели рассматриваемые в Пире. Совершенно понятно, что на 19-ю книгу Василик комментаторы канонов не ссылаются вовсе, так как конфликты, возникавшие при купле-продаже, не разбирались канонистами. Но нельзя думать, что Зонара, Аристин и Вальсамон в своих комментариях занимались только теоретическими вопросами. Их рассуждения были чрезвычайно жизненными для людей того времени. Они касались таких вопросов, которые затрагивали повседневные интересы самых широких масс, а именно: вопросы семейного права, т. е. о разводе, об усыновлении, об узаконении брака, о положении семейств духовенства, о подсудности церковному суду, об отношении к еретикам и т. п. Как видно из комментариев, когда при решении всех этих церковных вопросов необходимо было считаться с действующим гражданским правом, ссылались именно на Василики¹⁰.

Остается сказать несколько слов о схолиях к Василикам. Тут прежде всего нужно отметить особый характер комментирования законов в Византии. Юстиниан запретил давать комментарии на законы: *Nemo audeat commentarios hisdem legibus annectare* (Cod. Just., I, 17, 2, 21). Разрешалось

¹⁰ Нужно отметить, что ссылки на Василики проникли через Аристина и в русское церковное право, в Кормчую, где встречаются прямые ссылки на книги, «грани» и главы Василик.

только делать дословные переводы и примечания со ссылками на параллельные места из других частей Кодекса. Очевидно, Юстиниан боялся предоставлять местным юристам широкое право толковать законы. В Василики этот закон не включен, но схолии по традиции сохранили тот же характер, что и при Юстиниане. Ряд схолий никакого исторического значения не имеет — это как раз те схолии, которые приводят дословный текст юстиниановых законов; юристы, авторы таких схолий, очевидно, считали, что составители Василики извратили текст закона Юстиниана в данном месте, и потому для разъяснения приводили подлинный текст. Такие схолии имели целью разъяснить данный закон не в смысле его увязки с современностью, но в духе и по букве юстинианова права. Некоторые схолии имели целью примирить или разъяснить противоречия, встречающиеся в отдельных частях Василики. Такие схолии, безусловно, имели важное значение в юридической практике византийских судей. Ряд схолий приводил только параллельные места — такие схолии тоже имели значение для судей, так как по одному и тому же делу можно было использовать разные статьи закона. Конечно, такие схолии, которые разъясняли закон конкретными примерами, взятыми из Дигест, никакой исторической ценности не имеют. Иногда в схолиях юристы, стремясь блеснуть своим знанием юстиниановых книг, даже переводили греческие термины снова на латинский язык. Но в ряде случаев схолиасты ставили перед собой задачу показать тот или иной закон «в настоящее время», и такие схолии имеют для нас большое значение. Обычно в таких случаях схолия начинается со слов: «Знай, что...»; например: «Знай, что в настоящее время господам полагается от вольноотпущенников не треть имущества по завещанию, а четверть» (Basil., 28, 8, 61). Некоторые схолии содержат ссылки на последующие законы, которые отменили или видоизменили действие помещенных в Василиках положений, — эти сведения также, несомненно, могут быть использованы историками.

Все сказанное выше дает нам возможность сделать общий вывод о значении Василики как источника по внутренней истории Византии. Но предварительно отметим еще одно очевидное противоречие во взглядах А. П. Каждана по интересующей нас проблеме. А. П. Каждан считает, что из Василики можно сделать только один вывод: в Византии существовало товарное производство и обращение. Другими словами, по его мнению, Василики вообще не могут быть использованы как источник для характеристики византийского общества IX и последующих веков. И вместе с тем в конце своей статьи он говорит о том, что Василики являлись «мощным орудием», способствовавшим укреплению господствующего класса, конкретнее — содействовали укреплению феодальных общественных порядков. Совершенно ясно, что такое утверждение может иметь смысл только в том случае, если признать действительность тех прав, которые предоставлялись Василиками отдельным прослойкам общества, и, с другой стороны, тех ограничений, которые накладывались на трудящихся определенных рядов. Но в таком случае как же можно не признать, что Василики являются одним из важнейших источников по изучению классовой борьбы в Византии?! Следует подчеркнуть, что из только что процитированного утверждения А. П. Каждана вытекает, кроме того, что анализ Василики может быть очень полезен и при изучении развития других явлений, связанных с «укреплением феодальных общественных порядков» в Византии.

Разумеется, использование Василики в качестве исторического источника должно быть сообразовано с их особенностями как средневекового юридического кодекса, оно неизбежно должно отличаться от использования таких памятников, как хроники или, скажем, хрисовулы.

На основании закона, изданного, может быть, еще во II в., нельзя говорить о наличии в Византии IX—X вв. какого-нибудь процесса, или явления, или факта (безразлично, экономического, политического или культурного). Мы не можем, например, на основании Василик констатировать, что в Византии существовал институт рабства. Но если мы из других источников знаем о существовании рабов в IX—X вв., то правовое положение их определялось действовавшим тогда правом. Мы не можем на основании Василик утверждать, что в Византии существовал тот или другой вид ремесла и торговли. Но если говорить о том, какие права имели торговые товарищества или ремесленные объединения, то это тоже можно выяснить только по действовавшему праву. Невозможно, разумеется, судить по Василикам о разорении и закреплении византийского крестьянства¹¹, но для суждения о том, какие юридические возможности оформления зависимых отношений существовали в Византии, Василики дают немало материала (конечно, с учетом последующего законодательства).

Не может быть никаких сомнений, что Василики были основным документом права, действовавшего в Византии (особенно в городах и пригородах). Но действующее право является одним из тех рычагов, которые могут или способствовать развитию общества, или — если они отражают интересы реакционных прослоек — серьезно препятствовать общественному прогрессу. Без закрепления правом не может быть и речи о прочности тех или иных общественных институтов. Но в классовом обществе действующее право не могло быть таким монолитным, каким оно является в социалистическом обществе: юридические документы классового общества отражают интересы различных экономических, национальных, религиозных группировок и прослоек господствующего класса. Поэтому исторически сложившееся действующее право может внести элементы некоторого своеобразия в развитие того или иного общества. Именно в этом отношении изучение Василик представляет особую ценность: то обстоятельство, что в Византии процессы феодализации проходили в условиях действия римского права (в интерпретации Василик), не могло, понятно, не отразиться на своеобразии развития и на особенностях форм византийского феодализма.

При изучении классовой борьбы в византийском обществе мы не можем не учитывать данных о политических и имущественных правах трудящихся тех или иных прослоек: всякий вид юридического неполноправия является одной из форм зависимости и средством эксплуатации.

Без изучения Василик мы не можем, в частности, понять, какие своеобразные формы принимала развивающаяся феодальная собственность в Византии.

¹¹ В Большой Советской Энциклопедии (т. 7, стр. 29) и в „Источниковедении истории средних веков“ А. Д. Люблинской (стр. 101 — глава написана Е. Э. Гравстрем) бесосновательно утверждается обратное.

Е. Э. Липшиц

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ВАСИЛИКАХ КАК ИСТОЧНИКЕ

Конец IX столетия (время, к которому относится издание *Василик*) исключительно мало освещен источниками, особенно документальными. Поэтому взгляд исследователей, интересующихся внутренней историей Византии этого периода, обращается к трем законодательным памятникам IX в. — Прохирону, Эпанагоге, *Василикам* — в надежде найти хотя бы там какие-либо сведения об общественно-экономическом строе.

Из трех названных памятников права наиболее обширным по объему и самым разносторонним по тематике являются *Василики* — свод, составленный из выборок, почерпнутых из предшествовавшего законодательства, главным образом из корпуса Юстиниана. Однако ярко выраженный компилятивный характер этого свода заставлял и заставляет многих исследователей высказывать серьезные сомнения в возможности использовать данные *Василик* для характеристики общественных отношений IX в. О главных моментах в истории изучения этого вопроса сказано уже в статье А. П. Каждана, публикуемой в этом же томе *Византийского временника* (см. выше, стр. 56—66). Следует лишь подчеркнуть, что исследователи XVIII—XIX вв., так же как и некоторые современные зарубежные ученые, независимо от предложенных ими решений проблемы, уделяли если не исключительное, то во всяком случае преимущественное внимание только историко-правовой и юридической сторонам дела¹.

В более широком плане проблема поставлена впервые советскими исследователями. Но, как видно из статей А. П. Каждана и М. Я. Сюзюмова, и в советской историографии нет еще единого мнения в оценке значения этого памятника.

В отличие от М. Я. Сюзюмова, А. П. Каждан рассматривает *Василики* как источник крайне ограниченного значения. Он склоняется к мнению тех исследователей, которые видят в *Василиках* одну лишь компиляцию, притом такую, которая возникла не в IX столетии, а в VI в. А. П. Каждан считает, что «*Василики* были созданы не для того, чтобы заменить юстинианово право или дополнить его византийскими нормами, как думал в свое время А. Террассон, — они представляли собой изложение юстинианова права, которое продолжало, скорее всего, считаться действующим правом» (стр. 60). Однако в обоснование этого своего утверждения А. П. Каждан приводит, на наш взгляд, недостаточно убедительные доказательства.

Ссылки на поздние схолии к *Василикам*, которые сам же А. П. Каждан относит ко времени, значительно более позднему, чем время издания *Васи-*

¹ Ср. R. S. Lopez. *Byzantine Law in the VII century. Byz.*, XVI, 2, 1942—1943, p. 445—461.

лик (Василики были изданы в период 886—889 гг.; схолии же, о которых здесь идет речь, относятся к XI—XIII вв.), мало показательны как свидетельство противопоставления Василик юстинианову своду и предпочтения, отдаваемого (Иоанном Номофилаксом) юстинианову своду: эти схолии свидетельствуют лишь об отношении к Василикам в позднейшее время, когда они были составлены. В IX же веке, во время создания Василик, отношение могло быть иным. Не более убедительны и указания А. П. Каждана на новеллы Льва VI. Имеющиеся там ссылки на нормы юстинианова права могли быть вызваны тем, что Василики тогда еще не были обнародованы, а также и стремлением (весьма сильным всегда в византийском праве) прикрываться авторитетом юстинианова свода.

Вряд ли можно признать убедительным и утверждение А. П. Каждана о том, что в XI в. автор «Рассуждения о *Pacta nuda*» рассматривал оба законодательных свода как имеющие равное практическое значение.

Совет автора «Рассуждения...» предвзятость изучения Василик знакомством с Дигестами может свидетельствовать лишь о том, что в системе школьного обучения праву удерживалась методика преподавания, аналогичная той, которая применялась в Константинопольском и Бейрутском университетах в VI в. Эта методика была построена так, что учащиеся, прежде чем перейти к изучению современного им законодательства, штудировали лучшие образцы юриспруденции предшествующего времени. Так, из конституции «*Отпет*» от 16 декабря 533 г. известно, что до 533 г. студенты в течение трех первых лет обучения изучали «Институции» Гая, «*Responsa*» Папиниана и Павла и лишь на последнем году приступали к чтению императорских конституций. Поэтому использование юстинианова права при обучении или при истолковании тех или иных положений, приведенных в Василиках в более краткой редакции, чем в своде Юстиниана, отнюдь еще не говорит о том, что Василики не вытеснили *Corpus juris civilis* в качестве официального законодательного сборника IX в. В этом отношении взгляд Берджера² мне представляется более правым, чем точка зрения А. П. Каждана.

Главной задачей статьи А. П. Каждана является, по определению автора, выделение того круга вопросов, затронутых в Василиках, который в IX столетии уже не отвечал действительности. В результате своего рассмотрения А. П. Каждан пришел к выводу, что ценность Василик как исторического источника сводится лишь к тому, что они свидетельствуют о наличии в Византии IX в. товарного производства и частновладельческих отношений. Конкретные же формы общественных отношений, о которых идет речь в Василиках, не соответствуют, по мнению А. П. Каждана, исторической действительности IX столетия. Так, А. П. Каждан берет под сомнение сведения Василик о ремесленных профессиях, о сохранении рабовладельческих отношений, отдельные термины и т. д. Заключая свою статью, автор указывает, что если при изучении общественных отношений в Византии IX в. положить в основу исследования Василики, то мы неминуемо придем к выводу о существовании в Византии IX в. рабовладельческих отношений, о неизменности общественных отношений на протяжении VI—IX вв.

Не могу не отметить, что и здесь ход рассуждений А. П. Каждана и некоторые его частные замечания представляются на мой взгляд неубедительными.

Так, в своей аргументации А. П. Каждан придает большое значение составленной им таблице, содержащей статистические сведения о коли-

² A. Berger. *Studi sui Basilici*, IV. La Legislazione di Giustiniano ed i Basilici. Jura, 5, 1954.

честве упоминаний каждой из книг Василик в практическом руководстве по праву X в. — Пире. Но если суммировать все данные этой таблицы, то получится внушительная цифра — 641 случай упоминания Василик в тексте Пире. А так как текст Пире занимает в издании Цахариэ фон-Лингентала³ около 300 страниц, то оказывается, что в среднем Василики упоминаются более чем два раза на каждую страницу. Из этого простого арифметического подсчета (если оставаться на почве статистики, как это делает в данном случае А. П. Каждан) вытекает с полной очевидностью тот вывод, что для автора Пире Василики были главным законодательным авторитетным памятником. Другими словами, по моему мнению, таблица уж если и свидетельствует о чем-либо, так только о несостоятельности взгляда на Василики как на источник, имевший малое практическое значение, взгляда, который старательно, хотя, правда, и с некоторыми оговорками, пытается обосновать А. П. Каждан. Но следует подчеркнуть, что вызывает сомнение и сама возможность привлечения данных этой таблицы для решения того вопроса, ради которого она приведена автором, а именно, о степени использования каждой из книг Василик в византийской практике вообще. Вряд ли можно делать *обобщающий вывод* подобного рода из материалов практики одного из юристов, хотя бы и видного.

Едва ли правильно, рассматривая вопрос о значении Василик как исторического источника, ограничиваться, как это делает Каждан, некоторыми сопоставлениями Василик с источниками более поздними. На мой взгляд, особенно необходимо привлекать как раз памятники предшествующего Василикам законодательства и в первую очередь того, из которого составители Василик черпали свои материалы. Важнейшее значение имеет определение того, что именно и как бралось из законодательства Юстиниана. Даже при самом общем сопоставлении этих двух сводов сразу же бросается в глаза, что составители Василик в корне перетасовали весь материал законодательства Юстиниана, распределив его по собственному плану и принципу. Выбирая, они не только сокращали отдельные законоположения, но многие вообще опускали. Несомненно, что при этом отборе юристы IX в. руководствовались прежде всего актуальностью того или иного положения. Тщательное изучение этого вопроса могло бы дать много интересных материалов для суждения о том, что оставалось важным для общественных отношений IX в. Позволю себе пояснить свою мысль примером.

Из группы новелл Юстиниана, посвященных реорганизации управления провинциями, особенно восточными, составители Василик включили в VI книгу Василик выборки из 24-й новеллы (о преторе Писидии), из 25-й (о преторе Ликаонии), из 26-й (о преторе Фракии), из 27-й (о комите Исаврии), из 28-й (о модераторе Эленопонта), из 29-й (о преторе Пафлагонии), из 31-й (о четырех архонтах Армении), из 102-й (о модераторе Аравии), из 30-й (об анфипате Каппадокии), из 103-й новеллы (об анфипате Палестины)⁴. Сличение этих выборок с оригиналом показывает, что, несмотря на сокращения, составители Василик старались соблюдать точность цитирования. Само собой разумеется, что буквальный текст новелл, включенных в Василики, не является фотографией живой исторической действительности IX в., а характеристикой положения дел в VI в., потребовавшей в то время от правительства Юстиниана проведения ряда реорганизационных мероприятий, шедших в своей основе в направлении, предвосхищавшем в известной мере, особенно в Армении, последующую организацию фем.

³ Practica ex actis Eustathii Romani. Ex cod. Laurentiano ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, I. Lipsiae, 1856, p. 1—300.

⁴ Basilicorum libri LX, Series „A“, vol. I, ed. H. J. Scheltema et N. Wan der Wal. Groningen, Djakarta, Gravenhage. 1955, p. 208 sq.

Можно ли считать, что включение этих новелл в законодательный свод IX в. имело какое-либо актуальное значение и в какой-либо мере отражало действительное положение дел в IX в.? Мне представляется, что безусловно можно. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, что как раз в IX в. шел процесс реорганизации фем в восточных провинциях, а частью и на Балканах. Так, между 867 и 873 г. турма Харсиан, принадлежавшая к феме Армениака, была превращена в фему. При Льве VI эта фема была расширена (и притом значительно) за счет соседних районов фемы Букеллариев, Армениака и Каппадокии. Около 863 г. стала фемой и Колоней, стратиг которой упоминается впервые под этим годом у Продолжателя Феофана. В связи с разгромом павликианского движения стояло появление клисур Созополиса и позднее — Леонтокомиса. В период, разделяющий арабских писателей Аль-Гарни и Аль-Масуди, т. е. во второй половине IX в., была превращена в фему и Каппадокия⁵. Эти примеры, которые можно было бы умножить, показывают, насколько актуальными были для конца IX в. новеллы, о которых идет речь.

Разумеется, в IX в. положение во многом изменилось, но нельзя не учитывать и того, что для развития Византии вообще и развития византийского права в особенности характерна чрезвычайно сильно выраженная традиционность в терминологии, несомненно отражавшая в известной степени и сохранение традиций в реальной жизни. Так, например, термин «анфипат» в период развития фемного строя безусловно изменил свое значение. Тем не менее было бы неосторожным считать, что наличие этого термина в Василиках является признаком их несоответствия исторической действительности IX в. Достаточно напомнить, что термин «анфипат» по отношению к стратигу Каппадокии, да и вообще, сохраняется и в византийских табелях о рангах IX—X вв.⁶ Сохраняются в IX—X вв. и звания ипата, синклитика и др., которые отнюдь не являются полным анахронизмом, хотя носители этих чинов и званий совсем утратили свою былую власть. Поскольку эти звания удерживались, сохраняя за их носителями какую-то тень их прошлого величия, упоминание о них в законодательном памятнике нельзя считать признаком нежизненности последнего. Термины «синклит» и «синклитик», например, несмотря на известную новеллу Льва VI, лишавшую сенат всякого значения, так часто упоминаются в сочинении Константина Порфирородного «О церемониях», что многие исследователи приходили в отчаяние, тщетно пытались проследить какое-либо единообразие в терминологии. Известный комментатор этого сочинения Рейске считал, что Константин употребляет слово «синклитик» то в узком, то в широком его значении. По мнению Д. Беляева, термин «синклит» в X в. означает: 1) всю совокупность чинов высших и низших, 2) совокупность чинов, за исключением высших, и 3) только чинов синклита в самом тесном смысле, т. е. апоэпархов, силендиариев, веститоров, ипатов, дисипатов и т. д.⁷ Но раз это так, то и упоминание этих терминов в Василиках и воспроизведение соответствующих статей становится вполне понятным и правомерным, хотя в содержании терминов и произошли большие изменения.

Попутно отметим, что сопоставление Василек с другими источниками важно и для исследования самих этих источников, если точно проследить

⁵ E. Honigmann. Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches von 363 bis 1071. Bruxelles, 1933, p. 43 ff.

⁶ J. B. Bury. The Imperial Administrative System in the IX Century. London, 1911, p. 148; V. Benešević. Die Byzantinischen Ranglisten nach dem Kletorologion Philothei (De cer. II, cap. 52) und nach den Jerusalem Handschriften. Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher, 5, 1926, S. 118 und passim.

⁷ Д. В. Беляев. Византизм, т. I. СПб., 1891, стр. 170 и др.

и тонко выявить все то, что выброшено из старых законодательных постановлений при цитировании в *Василиках*.

Самым важным мне представляется вопрос, поставленный А. П. Кажданом, о том, как следует расценивать воспроизведение в *Василиках* законоположений о рабстве и рабовладельческих отношениях. Должны ли мы их считать полным анахронизмом, или они отражают в какой-либо мере реальные отношения IX в.?

Нарративные источники не дают основания сомневаться в том, что институт рабства в Византии существовал и в IX в., и даже позже, несмотря на развитие феодализма. Сохранение рабовладельческого уклада под покровом развивающихся феодальных отношений роднит византийскую форму феодализма с той, которая хорошо известна в странах Ближнего Востока. Поэтому наличие сходных законоположений о рабовладении в своде Юстиниана и в *Василиках* лишней раз показывает, что и в том и в другом своде характеризуются общественные отношения одного типа, одной формации, хотя и на разных этапах ее развития. При различии в степени и удельном весе рабовладельческих отношений на этих двух стадиях развития феодальной формации — стадиях, отделенных друг от друга тремя столетиями, отрицать значение института рабства и для IX в. нет оснований. Достаточно напомнить столь известные данные, как сведения Генесия и Продолжателя Феофана о широком участии несвободных в восстании Фомы Славянина или описание штата обслуживающего персонала вдовы Даниелис и т. д. Рабовладельческие отношения как известный уклад в IX в. (при развитии в качестве основной формы производственных отношений феодальной эксплуатации) свидетельствуют об исторической оправданности наличия соответствующих норм в *Василиках* (как и в предшествовавшей им *Эклоге*). Поэтому мы никак не можем согласиться с утверждением, будто бы из признания *Василик* в качестве важного источника для истории IX в. неизбежно следует признание того, что в Византии IX в. существовал в качестве основы общественно-экономического развития рабовладельческий строй.

О том, что отнодь не архаизмом, как полагает А. П. Каждан, в IX в. звучит постановление *Василик*, разрешающее вести суд на латинском и греческом языке, писал уже М. Я. Сюзюмов, отметивший, на мой взгляд, совершенно основательно, что такое постановление могло вызываться потребностями владений Византии в Южной Италии. Любопытно отметить в этой связи, что от IX в. до нас дошли рукописи греко-латинских словарей, как, например, хранящегося в Парижской национальной библиотеке — Ms. lat. 7651.

Таким образом, мы думаем, что значение *Василик* как источника для внутренней истории Византии IX в., а тем более как исторического источника вообще, гораздо шире, чем это определено в статье А. П. Каждана. Разумеется, ни один источник не может дать полных результатов, если анализировать его изолированно, особенно если речь идет о своде законов, издававшихся в разное время. И это относится в равной степени и к *Василикам*, и к юстинианову своду, и даже к таким более компактным источникам, как *Эклога*. Если бы при изучении общественных отношений Византии VIII столетия мы располагали одной *Эклогой*, нам пришлось бы признать, что в это время вообще не существовало свободного крестьянства.

Несомненно, что широкое и углубленное изучение *Василик* в сопоставлении их с источниками и современной им и предшествующей эпохи обогатит наши знания о Византии IX в. и восполнит то, чего не дают другие источники.

Е. Э. Липшиц

К ИЗУЧЕНИЮ ЭКОНОМИКИ
ПРИГОРОДОВ КОНСТАНТИНОПОЛЯ В X в.

Комментируя сведения Гиерокла и Георгия Кипрского, Э. Хонигманн отметил, что Константинополь не принадлежал ни к диоцезу Фракии, ни к провинции Европы¹. Оба эти источника относятся ко времени, предшествующему образованию европейской фемы². Однако позднее, в IX—X вв., судя по данным арабских писателей, вокруг Константинополя была выделена широкая округа, охватывавшая всю территорию, ограниченную длинными стенами. На основании этих данных некоторые исследователи предполагают даже, что в этом районе была образована к IX—X вв. особая фема «Тафла—Талаха—Таблан или Талия» арабских писателей³. Ряд исследователей пытался расшифровать это название. Одни усматривали в нем арабское Та alaja = греч. τὰ ἀλλάγια, которое обозначало императорские гвардейские части, другие связывали его с греч. κόμης τῶν σταύλων и делали из этого вывод, что предместья Константинополя находились в введении начальника императорских конюшен⁴. Хотя существование особой фемы Тафла или Талаха с центром в Константинополе представляется весьма сомнительным, так как трудно предположить, чтобы стратиг этой фемы не был упомянут ни в одной из дошедших до нас табелей о рангах IX—X вв.⁵, однако наличие какого-то административно, — а может

¹ Le Synécdèmos d'Hiéroclos et l'opuscule géographique de G. de Chypre. Forma Imperii Byzantinae. Bruxelles, 1939, p. 12; ср. E. Schwartz. Über die Bischofslisten der Synoden von Chalkedon Nicaea und Konstantinopel. Abhandlungen der Bayer. Akad. Phil.-Hist. Kl., N. F., Heft 13, 1937, S. 43.

² Первая фема на Балканском полуострове — Фракия — была организована между 680 и 687 г. Г. Острогорски. Постановка тема Хелада и Пелопонез. САН. Сборник Радова, XXI. Византологички Институт, I. Београд, 1952, стр. 65.

³ М. Я. Сюзюмов. Экономика пригородов византийских крупных городов. ВВ, XI, 1956, стр. 55 сл.; A. Pertusi. Il preteso tema Bizantino di Talaja. BZ, 49, Heft 1, 1956, S. 85—95.

⁴ A. Pertusi. Op. cit., p. 95; H. Grégoire. La Thème byzantine de Tafla—Tablan et le κόμης τῶν σταύλων. La Nouvelle Clé, IV, 1952, p. 388—391. М. Я. Сюзюмов считает наиболее правдоподобным объяснение Грегуара (М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 56).

⁵ Ф. И. Успенский. Византийская табель о рангах. ИРАИК, III, 1898, стр. 1; J. Bury. The Imperial Administrative System in the IX C. with the revised Text of the Kletorologion of Philopheos. London, 1911; V. Benešević. Die byzantinischen Ranglisten nach dem Kletorologion Philopheos und nach den Jerusalem Handschriften. Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, V, 1926; VI, 1928; ср. также о дате у Г. Острогорски. Тактикон Успенского и тактикон Бенешевича о времени выхогов постановления. САН Сборник Радова, XXXVI, Византологички Институт, II. Београд, 1953, стр. 39 сл. Тактикон Бенешевича датируется его издателем 921—927 гг.; Кириакидисом — (Βυζαντινὰ μελέται, II—V, ἐν Θεσσαλονίκῃ, 1937) — 963—965 гг.; Г. Острогорским — между 927—934 гг.; тактикон Успенского датируется Бьюри временем между 842—856 гг.;

быть, и экономически, — единого района, своего рода «большого Константинополя», выделенного внутри провинции — фемы Фракии, в IX—X вв. вполне вероятно⁶.

По описаниям арабских писателей и по другим материалам, собранным М. Я. Сюзюмовым из сочинений византийских писателей, этот район, простиравшийся от пролива до длинных стен [«которые тянутся от Хазарского (т. е. Черного) моря до Сирийского (т. е. Мраморного)»], являлся местом, где были сосредоточены земельные владения императора и императорской семьи, фиска, знати, монастырей и церквей.

М. Я. Сюзюмов, поставивший вопрос о характере хозяйства подобных районов, правильно, на наш взгляд, противопоставляет их экономическую жизнь жизни византийской провинции. В провинции господствовало натуральное хозяйство. В городах, особенно, конечно, крупных, большую роль играли товарно-денежные отношения. В большинстве известных нам случаев в таких городах, как Константинополь или Фессалоника, пригороды были отмечены чертами, более сближавшими их в экономическом отношении с городом, чем с деревней. Горожане имели свои участки в пригородах, а жители подгородных и пригородных районов в свою очередь как бы находились в черте действия городского права.

Пригороды имели большое значение в снабжении городского населения продуктами питания. Виноградники, сады, огороды, расположенные там, играли несомненно большую роль в жизни Константинополя и других крупных городов империи⁷.

Однако об организации хозяйства в этих пригородных имениях и участках мы почти не располагали сведениями. С этой точки зрения интересно указать на не использованный еще источник, имеющий непосредственное отношение к Константинополю и его ближайшей округе. Источником этим являются данные, содержащиеся в Геопониках⁸.

Распространенный взгляд на Геопоники как на источник, представляющий собой сплошную компиляцию из античных авторов, привел к тому, что при постановке экономических проблем истории Византии X в. материалы Геопоник или совсем не принимаются во внимание, или же привлекаются в очень малой степени. Вместе с тем, как я уже имела случай отметить, в этом чрезвычайно сложном по своему составу источнике сравнительно легко можно выделить части, которые следует признать отнюдь не компилятивными⁹. К числу этих разделов можно с наибольшей уверенностью отнести первую главу XII книги, в которой речь идет об огородных посадках. В отличие от других глав здесь нет указания на имя автора, у которого сведения заимствованы. Да и самое название главы подчеркивает ее оригинальный характер: Γνωστὸς τὸ κατὰ μῆτρα τί σπεύρεται, καὶ τί φτεβεῖται, κατὰ τὸ κλίμα Κωνσταντινουπόλεως. Не находит аналогий в сохранившихся до нашего времени сочинениях более древних агрономов и весь текст этого раздела Геопоник. Как нам представляется, есть все основания отнести его ко времени составления Геопоник, посвященных (как это видно из предисловия к ним) императору Константину Порфирородному, т. е. к середине X столетия.

Автор сообщает ряд ценных конкретных сведений об овощном хозяйстве пригородов Константинополя, или «большого Константинополя», и это

Кириакидисом — 809—828 гг.; Г. Острогорским — 845—856 гг. Клиторологий Филофея был составлен в 899 г.

⁶ М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 61 сл., 64 и др.

⁷ Там же, стр. 55—57.

⁸ Geoponica. Ed. H. Beckh. Lipsiae, 1895.

⁹ Ср. Геопоники. Введение, пер. и комм. Е. Э. Липшиц. Печатается.

точное указание на географический район, о котором говорит источник, делает его особо ценным.

Глава содержит подробное, распределенное по всем месяцам года, начиная с января, перечисление посевов, посадок и пересадок овощных культур, обилие которых поражает читателя своим большим разнообразием, неизвестным из других источников.

Как указывает автор, в январе сеяли морскую капусту вместе с пажитником и «золотыми овощами» (χρυσολάχανον)¹⁰.

В феврале сеяли «кодимент»¹¹ с пореем (πράσον), лук (κρομμύδι), свеклу, морковь или пастернак (δαυκίν), «свекольный корень» (τευτλόρριζον), «фримву»¹² и разнообразные сорта латуков. Среди последних автор указывает следующие: «двухсердечник», фригийский латук, «григитан»¹³. В том же месяце сеяли белую капусту и «спаржевую капусту» (κραιβόσπαράγον), кориандр, укроп и руту, пересаживали всходы латуков, в том числе «горького», садового, возможно, идентичного с салатом¹⁴, фригийского, ветвистого и имеющего пышную крону.

В марте сеяли местную свеклу, «золотые овощи», «двухсердечный» латук и «григитан». Пересаживали на новые места латуки — горький, фригийский и ветвистый.

В апреле сеяли «свекольную мальву», «золотые овощи» и «двухсердечник» с «григитаном». Пересаживали, начиная с марта и апреля, белую капусту, морскую капусту и латуки.

В мае снова сеяли «свекольную мальву» и «золотые овощи» в сочетании друг с другом и отдельно. Сеяли также и «григитан». В мае производили пересадку всходов «свекольной мальвы» и латуков.

В июне снова сеяли «свекольную мальву», равно как и «двухсердечный» латук. Мелкий порей в связи с наступлением жары пересаживали в сырые места. Так же поступали и со свеклой, мальвой и латуками.

В июле сеяли «энтибон»¹⁵, «свекольную мальву». При посадке порея на сухой земле его сразу же поливали, чтобы не допустить образования затвердений в корнях. Не забывали в это время и о прочих посадках — латуках, «свекольной мальве» и т. д., — их пересаживали как в соединении друг с другом, так и в отдельности свеклу и мальву.

В августе снова сеяли «энтибон», «свекольную мальву», головчатую репу, а также и раннюю репу и «репчатую спаржу». Сеяли и белую капусту. Тогда же производилась пересадка порея, «энтибона», «свекольной мальвы». На равнинах сеяли редьку, кардамон и «эвдзомон»¹⁶.

В сентябре производили посев «свекольной мальвы» и позднего «энтибона», а также «дикий» репы, пересаживали головчатую репу, репу и «репчатую спаржу». Пересаживали и зимний (заготавливаемый для брумалий) «энтибон», «свекольную мальву», кориандр и редьку.

¹⁰ Χρυσολάχανον (буквально „золотые овощи“) иногда некоторыми исследователями отождествляется с лебедой (*Atriplex L.*).

¹¹ Κοδμήντον, по-видимому (судя по названию), какая-то приправа (cf. codimentum).

¹² Φρόμβη — неизвестное растение; по-видимому, следует читать φρόμβρη; вероятно, какая-то разновидность чабера (*Satureja thymbra*). Ср. P. Buberl. Die Wiener Dioskurides und die Wiener Genesis. Leipzig, 1937, S. 41; Des Pedanios Dioskurides aus Anasarbos Arzneimittellehre. Übersetzt und mit Erklärungen versehen von J. Berendes. Stuttgart, 1902, S. 289.

¹³ Поскольку можно судить по контексту, по-видимому, „ριγίτανόν“ — какой-то из видов латука.

¹⁴ Φρίδαξ; здесь φριδάκιν, ср. P. Buberl. Op. cit.; Diosc. fr. 136, 137; *Lactuca sativa* — φριδάξ ἡμερος; *Lactuca scariola* — φριδάξ ἀγρία. В данном контексте в Геопониках речь идет, разумеется, о первом.

¹⁵ Неизвестное растение.

¹⁶ Буберль отождествляет „эвдзомон“ с *Eruca sativa*; см. op. cit., p. 41 = Diosc. fr. 118.

В октябре, с наступлением нового года, сеяли латуки разнообразных видов (горький, ветвистый, с пышной кроной, садовый), пересаживали репу, свеклу, кардамон, «энтибон», «эвдзомон», а также капусту и белую капусту.

В ноябре сеяли пажитник, пересаживали дикую репу, поздний «энтибон», свеклу и мальву. Сеяли и кориандр.

Наконец, в декабре сеяли латуки всех перечисленных выше видов (горький, ветвистый, садовый, с пышной кроной).

Умелое планирование посадок огородных растений, при котором обеспечивалось их выращивание в течение целого года, применение большого числа комбинаций размещения одних растений вместе с другими с целью наиболее полного использования почвы, а отчасти и для получения гибридных сортов нашли свое достаточно яркое отражение в этом хотя и кратком, но насыщенном фактами описании.

К сожалению, автор не дает никаких указаний о том, в какого типа хозяйствах производились эти посадки. Однако значительное разнообразие перечисленных автором культур и довольно сложные способы и приемы их выращивания (пересадки, иногда неоднократно, и пр.) дают основание думать, что такое хозяйство вряд ли было возможно на землях мелких и бедных собственников. Вряд ли оно было мыслимо и на крестьянских участках. Скорее можно предполагать, что все эти культуры могли так выращиваться в сравнительно крупных хозяйствах, о которых обычно в первую очередь и идет речь в Геопониках. Именно в подобных хозяйствах применялась та значительно более сложная и интенсивная система земледелия, которая так отличает Геопоники от Земледельческого закона.

Этот вывод прекрасно согласуется с той характеристикой пригородных земель Константинополя, которую мы находим в других источниках, собранных и прокомментированных М. Я. Сюзюмовым в названной выше статье. Земли эти принадлежали большей частью крупным собственникам, императору, фиску, монастырям и церквям.

Б. Т. ГОРЯНОВ

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ СТРОЕ ЛАТИНСКОЙ ИМПЕРИИ

По истории Латинской империи имеется значительная зарубежная литература. Интересы колониальной политики уже в период зарождения капиталистических отношений вызывали усиленный интерес к изучению истории проникновения западного рыцарства на Балканский полуостров и вообще в восточную часть Средиземноморья. Раньше всего исследованиями этих вопросов стали интересоваться историки Венеции и Генуи¹. Формировавшаяся во Франции буржуазия в свою очередь проявляла растущий интерес к исследованиям, посвященным изучению роли французских феодалов и рыцарства в походах в Романию². Эти исследования, начиная с конца XVIII в. и до нашего времени, в значительной степени служили теоретической базой для обоснования претензий Франции на участие в империалистических захватах на Востоке. В дальнейшем и реакционные историки других стран Западной Европы, а после второй мировой войны и США, также стали проявлять интерес к исследованиям по истории Латинской империи.

Историки-марксисты, много сделав по изучению крестовых походов, в том числе и Четвертого крестового похода, приведшего к разгрому Византийской империи, не уделяли внимания истории и устройству государств, возникших на ее развалинах. Это оправдывает попытку общей характеристики некоторых основных черт общественно-экономического и политического строя Латинской империи.

* *

*

Западным завоевателям, временно захватившим территории Балканского полуострова, в первую очередь необходимо было позаботиться об организации феодального землевладения.

В основу этой организации с самого начала была положена ленная система, целиком подчиненная задачам военно-феодального государства.

¹ В вышедшей в 1953 г. работе итальянского историка А. Sapori „Le marchand italien au moyen âge“ приведен большой библиографический обзор по этому вопросу. Не будучи исчерпывающей, эта библиография, занимающая 105 страниц убогистого текста, дает представление об объеме литературы и служит полезным путеводителем по многочисленным исследованиям, вышедшим в свет и в последние годы.

² Термин „Romania“ для обозначения Византийской империи — давнего происхождения. Сводный обзор происхождения и употребления этого термина составил J. Zeiller. L'apparition du mot Romania chez les écrivains latins. Revue des études latines, VII, 1929.

Так, в хронике Роберта де Клари рассказывается, что лены распределялись в соответствии с положением будущих держателей. В первую очередь выделены были лены графам, затем другим лицам «высокого положения», участвовавшим в походе. Каждый вассал императора соразмерно своему положению имел в своем подчинении некоторое количество зависимых от него ленов, число которых колебалось от 6 до 200³. Морейская хроника также свидетельствует о том, что размеры получаемых феодалов зависели от положения новых владельцев, числа бывших с ними воинов, величины их прежних владений:

Πρὸς τὴν οὐσίαν καὶ τὴν ἀξίαν τοῦ καθενὸς καὶ ἐκάστου
καὶ τὸν λαὸν ὅσον εἶχασιν εἰς τὴν κοινότητα ἐκείνην⁴.

Ко времени захвата византийских территорий крестоносцами феодальное землевладение здесь давно уже сложилось во всех своих формах, в которых было много сходных черт с формами, типичными для Западной Европы, но были и некоторые своеобразные черты. Было бы очень важно и интересно проследить, как использовали западные завоеватели те формы феодальных отношений, которые они нашли на Балканском полуострове, и, с другой стороны, что нового они внесли в них. К сожалению, материал, которым мы располагаем, не дает возможности осветить эту проблему с надлежащей полнотой. По-видимому, как правило, франкские завоеватели не лишали византийских феодалов их земель. Источником распределения новых феодалов были главным образом нерозданные императорские государственные земли⁵. Но мы имеем вместе с тем свидетельства и о том, что феодалы выделялись из земель греческого населения, покинувшего свои владения при появлении завоевателей. Так, в Морейской хронике мы находим рассказ о том, что при завоевании Лакедемона греческое население бежало в Мистру. Земли бежавших владельцев захватывались и раздавались новым держателям феодалов⁶.

Греческие архонты-феодалы, остававшиеся на территории империи, получали от завоевателей подтверждение своих привилегий. Архонты участвовали в комиссиях, которые, например, создавались Шамплиттом для распределения ленов, называемых в хронике прониями:

ἄρχοντας ἔξι ἐβάλασιν καὶ ἄλλους ἔξι Φράγκους
ὅπερ ἐμοιράσασιν τοὺς τόπους καὶ προνοίης⁷.

Стараясь добиться расположения господствующих классов, завоеватели пытались приблизить к себе местных феодалов и в своих обращениях давали обещания осыпать великими почестями тех из них, которые окажут поддержку новому государству: ὅσοι ἀξίγουν καὶ ὠφελοῦν, τιμὴν γὰρ ἔχουν μεγάλην⁸. (Подробнее об этом см. ниже).

Необходимо подчеркнуть, что народные массы, проявляя враждебное отношение к завоевателям, выражали протест против переходившей на их сторону знати. Так, Никита Хониат свидетельствует, что народ с презрением относился «к этим рабским душам, которые ради корыстолюбия стали

³ Robert de Clary. La conquête de Constantinople, ed. P. Lauer. Classiques français du moyen âge, 40, 1924, p. 103.

⁴ J. Schmitt. The Chronicle of Morea. London, 1904, p. 70, v. 1022—1023.

⁵ Н. П. Соколов оспаривал это положение, утверждая, что подобная политика проводилась лишь на территории Пелопоннеса, о котором только и говорится в Морейской хронике (см. его рецензию на „Сборник документов по социально-экономической истории Византии“. ВВ, VI, 1953, стр. 272—274). Однако и приводимые им примеры с целью опровергнуть наше положение тоже имеют ограниченное значение, так как относятся в основном к политике только венецианских феодалов.

⁶ J. Schmitt. Op. cit., p. 365, v. 5606—5619.

⁷ Ibid., p. 112, v. 1649, 1650.

⁸ Ibid., p. 114, v. 1708.

врагами своей родины, к этим изменникам, которые для обеспечения своей собственности поддались завоевателям, вместо того чтобы оставаться в вечной войне с латинянами»⁹.

Попадая на почву, где в актовом материале господствовал греческий язык, западные завоеватели вынуждены были осваивать греческие социальные термины.

Весьма интересный материал для изучения этих явлений дает Морейская хроника, в которой мы встречаем большое разнообразие форм феодальной терминологии эпохи Латинской империи.

Так, хроника содержит большое количество слов, характеризующих распространение пронии. Говоря о распределении феонов на территории Скорты, хроника идентифицирует термин «прония» с понятием «феод»: «...τὰ φῆε τὸν ἐδῶκα», τὸ παραλάβει τὲς προνοῖες¹⁰. Понятие «феод» часто передается без всякого сопоставления с термином «прония», путем применения грецизированной формы французского *fief*, τὰ φῆε (множ. число, иногда — τὰ φέη¹¹).

Интересен пример соединения пронии с понятием феодального держания, владения, передаваемого глаголом κρατέω. В хронике упоминается о том, что прежним держателям остаются во владении их пронии («...κράτησαν τὲς προνοῖες»¹²).

Встречается много слов, производных от слова πρόνοια. Прежде всего нужно отметить глагол προνοιάζω в смысле владеть пронией или получать пронию — ἐπρονοιάτησαν¹³, ἐπρονοίασεν... φῆε¹⁴, προνοῖς, ὅπερ τοῦς ἐπρονοίασαν¹⁵. В хронике мы встречаем впервые термин для обозначения самого держателя пронии — προνοιατὸρος: νὰ πολεμήτε γαρονίζουδ ὡσὰν οἱ προνοιατὸροι¹⁶. Получившие пронию иногда обозначаются причастной формой от глагола προνοιάζω — προνοιασμένοι. Так, например, этим термином называются лица, записанные в реестр феодальных держаний, что ярко подчеркивает отождествление феода с пронией: ἐγράφου εἰς τὸ ρουντζέστρου τοῦ, ὅπου ἦσαν προνοιασμένοι¹⁷.

Термин λίκιος задолго до Латинской империи употребляется в византийских памятниках. Так, уже Анна Комнина употребляла это выражение, а также ἄνθρωπος λίκιος для передачи западных *ligius*, *lige*. В Морейской хронике мы уже широко встречаем термины λίκιος и ἄνθρωπος λίκιος для обозначения феодальных держателей пронии и характеристики их вассальной зависимости. Наиболее отчетливо это понятие феодального держания, зависящего от пожаловавшего владение, выражено в обращении представителя императора Балдуина к Жоффруа Виллардуэну, за которым дополнительно признано было право на владение Каламатой и Аркадией. В этом обращении говорится, что получающий новые феодальные владения, становящийся отныне вассалом, будет управлять ими, как пожалованными властью сюзерена (ἀφεντία):

Μισὶρ Ντζεφρέ, ἀπὸ τοῦ νῦν ἄνθρωπός μου εἶσαι λίκιος
ἀφῶν κρατεῖς τὸν τόπον σου ἀπὸ τὴν ἀφεντία μου¹⁸.

В таком же значении и также в соединении с выражениями

⁹ Nicetas Choniata, Bonnae, p. 856.

¹⁰ J. Schmitt. Op. cit., p. 130, v. 1919—1920.

¹¹ Ibid., v. 1914, 1934, 1940 et passim.

¹² Ibid., p. 176, v. 2638.

¹³ Ibid., p. 136, v. 2020.

¹⁴ Ibid., p. 130, v. 1939—1940.

¹⁵ Ibid., p. 198, v. 2955.

¹⁶ Ibid., p. 180, v. 2700.

¹⁷ Ibid., p. 132, v. 1964.

¹⁸ Ibid., p. 126, v. 1869—1870.

κρατεῖν τὸν τόπον этот термин встречается и в других местах, например в отношении вассальной зависимости правителя всей Морей: *λιζιός τοῦ γὰρ νὰ δουλωθῆ καὶ νὰ κρατῆ ἀπὸ ἐκεῖνον τὸν τόπον καὶ τὴν ἀφεντίαν ὅπου εἶχεν τοῦ Μορέως*¹⁹. Для обозначения самого понятия вассальной зависимости мы встречаем термин *λιζία*, иногда соединяемый с *ὀμάντζιο* (греческая передача термина *homage*): *ἔκεῖνος γὰρ τοῦ ἐχάρισεν τὸ ὀμάντζιο καὶ λιζιαν*²⁰.

Иногда понятие вассальной зависимости выражается собственно греческими терминами, посредством которых передавались новые для населения областей Византии западные термины. Так, во многих случаях мы встречаем термин *δουλεία*²¹. «Находиться в вассальной зависимости» нередко передается глаголом *δουλώνω*²².

Термин *homage* передается также словом *ἀνθρωπέα*, являющимся попыткой передать французское слово на греческом языке²³. Соответствующий глагол передается в хронике старым греческим словом *προσκυνῶ*:

*οἱ ἄρχοντες καὶ τὸ κοινὸ τῆς χώρας Ἀγδραβίδου
καὶ ἤλθαν ἐσπροκύνησαν τὸν Καμπανέση ἐκεῖνον*²⁴.

В нескольких местах хроники мы находим выражение *κρατῶ τόπον* в смысле «держатъ феодальное владение»²⁵. Очень интересным является выражение *φυσικὸς ἀφέντης*, передающее французское *seigneur naturel*²⁶.

Уже задолго до Латинской империи византийские феодальные держания передавались по наследству, *κατὰ λόγον γονικότητος*. В хронике такие владения обозначались термином *γονικόν*²⁷, иногда — *ιγονικόν*²⁸ в смысле феодального фамильного владения, с соответствующим прилагательным *γονικός*, наследственный²⁹. Владения, полученные на основе феодального держания по наследству, передаются интересным термином *γονικαρχία*, причем в некоторых случаях специально упоминается, что речь идет о передаче по наследству феофов: *ἔδωκαν τοῦ εἰς γονικαρχίαν τῆς Μοραίνας τὸ φῆς*³¹, или несколько дальше: *καὶ εἶχεν εἰς γονικαρχίαν τὸ φῆς τῆς Λισσαρέας*³¹. Владелец феодального поместья, полученного по наследственному праву, имеющий право его передачи по наследству, обозначается термином *γονικάρχος*: *ὡς γονικάρχος, συγγενὴς νὰ ἔχη τὸ ιγονικόν του*³².

В хронике мы встречаем также упоминания об иммунитете, который обозначается испорченным византийским словом *ἐγκούσιον*. Раскрывая содержание эскуссии, хроника рассказывает о просьбе владельцев проний об освобождении их от налогов (*τέλος*) и от всевозможных повинностей, обозначаемых интересным термином *δεσποτικόν*: *συμβίβασιν ἐζήτησαν τοῦ νὰ ἐχουσιν ἐγκούσιον, τέλος οὔτε δεσποτικόν νὰ ποιήσουσιν ποτέ τους*³³. Лица, наделенные правом эскуссии, обозначаются термином *ἐγκουσατός*³⁴. Иногда этот термин употребляется по отношению ко всему населению.

¹⁹ J. Schmitt. Op. cit., p. 172, v. 2562—2563.

²⁰ Ibid., p. 212, v. 3185.

²¹ Ibid., p. 202, v. 2028.

²² Ibid., p. 174, v. 2586.

²³ Ibid., p. 112, v. 1646.

²⁴ Ibid., p. 98, v. 1435—1436.

²⁵ Ibid., p. 126, v. 1870; p. 128, v. 1882.

²⁶ Ibid., p. 56, v. 821, 834, 836; p. 66, v. 962.

²⁷ Ibid., p. 5, v. 51.

²⁸ Ibid., p. 42, v. 607.

²⁹ Ibid., p. 68, v. 1010; p. 164, v. 2452.

³⁰ Ibid., p. 360, v. 5531.

³¹ Ibid., p. 548, v. 8454.

³² Ibid., p. 528, v. 8134.

³³ Ibid., p. 202, v. 3025—3026.

³⁴ Ibid., p. 196, v. 2938.

цельх областей, получившему какие-либо особые привилегии в отношении налогов или выполнения феодальных повинностей при условии несения военной службы:

Τοῦ Ἀρόγγου, τοῦ Γαρδαλεβοῦ, ὁμοίως τῆς Τσακωνίας
χρυσόβουλλον τοὺς ἤφερεν, ὅλοι γὰ εἶναι ἐγκουσατοὶ
ἄρματα γὰ βασιταίνουσι, δεσποτικὰ μὴ ποιήσουσιν³⁵.

Феодальная терминология прослеживается и по другим литературным памятникам, особенно по романам, имевшим большое распространение в эпоху Латинской империи. Мы отметим те места этих произведений, где отражена социальная терминология.

Византийские историки, пользуясь западными феодальными терминами, обязательно пытались переводить их, объяснять их значение. Так, например, в правление Иоанна II Комнина (1118—1143) Византия вмешивалась в дела Венгрии, ссылаясь на родственные отношения между Комнинами и венгерской династией Арпадов. В 1124 г. венгерский король Стефан II начал военные действия против Византии. Иоанн II Комнин послал к Стефану II посла. Византийский историк Иоанн Киннам вкладывает в уста этого посла следующую речь: «Ты, раб, идешь войной на господина, и раб, не насильно надевший на себя иго, — иначе было бы некоторое основание, так как подобное рабство естественно бывает соединено с ненавистью к владетелям, — но раб добровольный (δοῦλος ἐθέλοδουλος), или, по вашему объяснению, ленный (ἐρμηνεύει δὲ σοὶ τοῦτο τὸ λίκιον)»³⁶.

В романах же феодальные термины встречаются уже как хорошо известные, не нуждающиеся ни в каком объяснении или переводе. Более того: если в романе «Бельтандр и Хрисанца» слово λίκιος употребляется в своем первоначальном смысле, то в романе «Ливистр и Родамна» оно применяется уже в переносном смысле, показывая этим, насколько читателям должно было быть понятно первоначальное значение этого слова. Неизвестные авторы этих романов, наблюдая складывавшийся быт, записывали то, что они видели вокруг себя, что они слышали от народных певцов, и вносили в свои произведения эти термины, уверенные в том, что они будут поняты всеми, кто будет знакомиться с этими произведениями.

Так, в романе «Бельтандр и Хрисанца» герой Бельтандр при встрече с королем Антиохии простирается перед ним по восточному обычаю (προσκυνεῖ) и вскоре делается вассалом короля (τὴν συνταγὴν τὴν ἐποιχευ λήζιος γὰ ἐγίνη). Это одна из рыцарских сцен, которые автор мог неоднократно наблюдать среди латинян в Пелопоннесе³⁷.

В романе «Ливистр и Родамна» герой Ливистр попадает во сне в царство Эроса, куда его приводят любовь (ἀγάπη) и страсть (πόθος). Там Справедливость и Правда объясняют ему, что такое любовь. Ливистр падает к ногам бога любви, просит его покровительства и обещает быть рабом его воли и повелений, причем слово «раб» передается словом λίκιος: ὡμοσα γὰ ἦμαι δοῦλος σου, δοῦλος τοῦ ὀρισμοῦ σου, λίκιος τοῦ θελήματος καὶ τοῦ προσταγματος σου³⁸.

В другом месте мы встречаем производные от слов λίκιος и δοῦλος глаголы λικιώνομαι и δουλώνομαι в соединении со словами любовь и страсть, что является наиболее ярким примером употребления этих терминов в переносном смысле: δουλώνομαι εἰς τὸν Ἐρωτα, λικιώνομαι εἰς τὸν Πόθον³⁹.

³⁵ Ibid., p. 302, v. 4576—4578.

³⁶ Joannes Cinnamus, V, 8. Bonnae, p. 223.

³⁷ Ch. Gidel. Études sur la littérature grecque moderne. Paris, 1866, p. 140—142.

³⁸ Δ. Μαυροφρύδου. Ἐκλογή μνημείων τῆς νεωτέρας Ἑλληνικῆς γλώσσης, τόμος Α'. Ἀθήναι. 1866, σελ. 331, στίχοι 207—208.

³⁹ Ibid., p. 335, v. 295.

Наблюдения, сделанные нами в области развития феодальной терминологии, интересны тем, что они показывают, как в живом греческом языке, на котором говорили люди интересующего нас времени, отразились совершавшиеся в то время процессы развития общественно-экономического строя латинских государств на Востоке.

Для укрепления экономического базиса латинские завоеватели развивали и укрепляли свою политическую надстройку, позволявшую им держать в подчинении покоренное зависимое население и усиливать его феодальную эксплуатацию. Попытаемся проследить основные черты этой надстройки.

Латинская империя и зависевшие от нее вассальные государства создавались как военно-феодальные монархии, вынужденные уделять много внимания защите захваченных ими территорий. Этим определялись основные черты ее политического устройства. Все феодалы, получавшие земельные держания, обязаны были являться по призыву императора и проводить под его знаменами четыре месяца в году с 1 июня. При нападении извне или восстаниях ограничение срока службы четырьмя месяцами переставало действовать. Все рыцари, в том числе и венецианцы, должны были принести присягу в выполнении этих условий военной службы.

Латинская империя была создана как аристократическая феодальная олигархия. Это выражалось прежде всего в устройстве совета баронов, организованного при императоре. В этот совет могли входить лишь непосредственные вассалы императора. Все остальные держатели феодалов были лишены этого права⁴⁰. Совет своим решением (*consultum*) совместно с императором определял срок созыва ополчения и его продолжительность, а также имел право по собственной инициативе ставить и решать различные вопросы обороны и общего управления. В этих случаях император должен был выполнять решения совета, принятые по его инициативе. Таким образом, император был не самодержавным правителем, а *primum inter pares*, чья власть ограничивалась феодальным кодексом и обладавшими реальной силой баронами-феодалами, осуществлявшими это феодальное право. Император обязан был присягнуть всем своим вассалам, что не нарушит их прав и преимуществ. Присяга эта предшествовала принятию присяги от вассалов. В этом совете не было никаких элементов представительства сословий. Крупные феодалы, принимавшие участие в совете, заседали в нем по личному праву. Конфликты между императором и советом разрешались всегда в пользу совета, а между императором и вассалом — высшим судом.

И в империи и в вассальных государствах была установлена строгая феодальная иерархия, которая охватывала всех феодалов от правителя до незнатных вассалов. В зависимости от своего места в этой феодальной лестнице феодалы назывались: *hauts barons*, *liges*, *hommes de simple hommage*, *archontes*, *sergents fiefés*. *Hauts barons*, *bers de terre* были пэрами короля. Они имели право чеканить свою монету, имели право высшего суда, могли строить крепости, являясь владельцами *hautes baronnies*. Отдельные рыцари имели до 24 феодалов. *Ligii*, *liges* составляли наиболее многочисленную категорию феодалов. Они были тесно связаны со своими сеньорами, обязаны были нести военную службу в течение всего года. *Ligii* могли быть отданы в залог и служить сеньору в качестве его заложников (*pleiges*).

В Латинской империи и вассальных государствах точно были регламентированы все условия выполнения военной службы держателями феодалов.

⁴⁰ *Canciani Leges barbarorum antiquae*, III, 1875, p. 511, cap. LXXII.

Никакой держатель феода не мог быть использован на военной службе за пределами государства или за морем. Если военная служба приносила какой-либо ущерб его доходам, то эти убытки должны были быть возмещены ему его сеньором⁴¹. С другой стороны, если держатель феода не выполнял в течение года установленной военной службы, то его феодал переходил обратно в распоряжение его сеньора⁴². Держатель феода мог передать $\frac{1}{3}$ своего владения другому лицу при условии выполнения обязанностей, которые падали на эту долю феодала. Однако любая передача считалась законной лишь при согласии сеньора⁴³. Ни государь, ни кто-либо другой из сеньоров не мог захватывать земли лиц, находившихся в зависимости от других феодалов⁴⁴.

В кодексе феодальных обычаев мы можем найти и следы иммунитетных прав феодалов Латинской империи. Никто из должностных лиц государя не имел права юрисдикции по отношению к зависимым от феодалов людям. Права суда государя над вассалами также были ограничены. Он не мог наказывать никого из них без согласия остальных вассалов или большей их части⁴⁵. Рассмотрение дел, по которым могли выноситься приговоры, лишавшие виновных жизни, должно было осуществляться в империи советом непосредственных вассалов императора, а в Ахейском княжестве советом 12 баронов⁴⁶. На решения низшего суда можно было апеллировать к высшему суду, т. е. от суда барона — к суду его сеньора, от суда непосредственного вассала императора или государя вассального государства — к суду императора. Ни государь, ни его чиновники не имели права лишать кого-либо из феодалов их владений иначе как по судебному решению⁴⁷. Суд в этих случаях осуществлялся в составе тех вассалов, которых государь или какой-либо другой сеньор мог в данный момент собрать⁴⁸. Апелляция по вопросу о захвате феодала сеньором могла быть передана в высшую инстанцию в течение одного года и одного дня. В случаях убийства, измены или невыполнения установленной с феодала военной службы его держатель мог быть без суда лишен права передачи феодала по наследству⁴⁹. Ни один держатель феодала не имел права передать свое владение церкви или городской общине без согласия сеньора. Такие передачи, совершенные без согласия сеньора, должны были считаться недействительными⁵⁰. Согласие сеньора требовалось также в случае освобождения вассалом своего виллана⁵¹.

Наиболее отчетливо представлены в источниках сведения об общественно-политическом устройстве Ахейского княжества, которые очень помогают воссоздать общую картину общественного устройства Латинской империи. Недаром Гонорий III называл это княжество, с его тщательно разработанной системой феодальной иерархии, «новой Францией»⁵².

Как и в самой Латинской империи, власть правителя и в Ахейском княжестве была ограничена его вассалами в силу действовавших феодальных обычаев. Но так как опасность, угрожавшая власти захватчиков, ощу-

⁴¹ Canciani op. cit., III, 1875, cap. LXV, p. 510.

⁴² Ibid., cap. II, p. 508.

⁴³ Ibid., cap. XXX, p. 504.

⁴⁴ Ibid., cap. XIV, p. 502.

⁴⁵ Ibid., cap. IV, p. 500.

⁴⁶ Ibid., cap. XLIII, p. 507.

⁴⁷ Ibid., cap. IX, p. 501.

⁴⁸ Ibid., cap. XIII, p. 502.

⁴⁹ Ibid., cap. LXIX, p. 511.

⁵⁰ Ibid., cap. XCVI, p. 514.

⁵¹ Ibid., cap. XXV, p. 503.

⁵² Recueil des historiens des Gaules et de la France, XIX, p. 754.

щалась здесь особенно остро, права князя в случаях, связанных с обороной, были несколько шире, чем в остальной империи. Так, например, никто из вассалов, даже самых крупных, не мог оставить своего владения без разрешения князя. Без его разрешения никто не мог строить укрепленных замков, кроме 12 высших баронов, непосредственных вассалов князя. Как и во всей империи, никто не мог без разрешения князя передавать свой лен.

В 1209 г. первый правитель Ахейского княжества Гильом Шамплитт, уезжая во Францию, оставил своим наместником своего племянника Гюю де Шам, предварительно составив комиссию под руководством Виллардуэна для распределения феодалов. Комиссия была составлена из двух светских феодалов, bannerets (вассалов с правом отдельного знамени), двух латинских епископов и четырех-пяти местных греческих архонтов. Составленный этой комиссией акт был утвержден Шамплиттом. В первую очередь были образованы 12 баронств, находившихся в прямой вассальной зависимости от ахейского князя. Как уже упоминалось, организация франков в Морее была подчинена задачам обороны. Поэтому крупнейшие феодалы находились не в городах, а в пунктах, важных в стратегическом отношении: в горных областях, на границах с районами, населенными воинственными славянскими племенами. Очень важным было баронство Аковы, доставшееся на долю Готье де Розьера, построившего крепость для защиты долины Алфея. Гюю де Брюйер получил феодал Каритайны (*Karitaina*) в горной местности Скорты для сдерживания натиска славянских племен. Значение этих двух феодалов видно из того, что в вассальной зависимости от первого находилось 24, а от второго — 22 рыцарских феодала. Третьим в книгу феодалов был вписан Гильом Аламан, получивший в феодал Патры. На долю этого феодала выпала защита побережья Коринфского залива от нападений с севера, со стороны Эпирского деспотата. Жан де Нейи, маршал Ахей, получил во владение Пассаву, названную так в честь французского военного клича «Passe avant». Это владение имело своей целью защиту от славянского населения округа Майны. Феодал Калавриты с 12 рыцарскими ленами был передан Раулю де Турнэ, а потом — его сыну Жоффруа. Держатели этих пяти баронств носили название *bers de terre*. Остальные 7 баронств, получивших различное число феодалов, были учреждены в Востиче, Халандрице, Велигостах, Никии и других местах. Эти 12 главных феодалов, связанных непосредственно с ахейским князем, имели право суда, чеканки монеты, постройки крепостей⁵³.

Помимо этих 12 крупных светских феодальных владений было учреждено семь церковных баронств, кафедры которых были изъяты из всякого подчинения греческим церковным властям. Главою этих церковных баронств был Ансельм де Ключьи, латинский архиепископ Патры и примаг Ахейского княжества. Ему подчинялись шесть викарных епископов: Олены (с резиденцией в Андравиде), Модоны, Короны, Велигосты, Амиклы и Лакедемонии. Архиепископ получал восемь рыцарских феодалов, епископы — по четыре феодала. Такое же количество феодалов давалось каждому из трех больших орденов — тевтонских рыцарей, иоаннитов и тамплиеров⁵⁴. Наконец, большое количество рыцарей и сержантов (*sergants de la conquete*,

⁵³ Buchon. *La Grèce continentale et la Morée*. Paris, 1843; W. Miller. *The Latins in the Levant*. London, 1908, p. 49—51; D. de Guldencrone. *L'Achaie féodale*. Paris, 1886, p. 333—336; J. Schmitt. *Op. cit.*, p. 128—132, v. 1912—1950. Из более поздних работ, посвященных изучению строя Латинской империи и особенно Ахейского княжества, см. P. W. Topping. *Feudal institutions as revealed in the Assizes of Romania, the law code of Frankish Greece*. Philadelphia, 1949; J. Longnon. *L'empire Latin de Constantinople et la principauté de Morée*. Paris, 1949.

⁵⁴ J. Schmitt. *Op. cit.*, p. 132, v. 1550—1554.

αρχόντες τῆς κουγκέστας)⁵⁵, получивших по одному феоде, не были поименно внесены в реестр феофов⁵⁶. Все рыцари Ахейского княжества обязаны были служить ежегодно по четыре месяца в походе и по четыре месяца в гарнизонной службе и могли быть использованы так, как это было угодно государю по отношению к владельцам феофов-проний: ἐνθα χρῆζει καὶ βούλεται τοῦ προνοιατοῦρος δ' ἀφέντης⁵⁷. Феодалы, от которых зависело четыре рыцарских феода, должны были выставлять в войско по 10 рыцарей и 12 сержантов, а за каждый лен сверх четырех — по одному рыцарю или по два сержанта⁵⁸. Были урегулированы также и военные обязанности духовенства. Стремление князя возложить военные обязанности на духовенство было встречено с его стороны резкими протестами⁵⁹. В результате длительных переговоров, в которых принимали участие представители папского престола, было установлено, что духовные вассалы освобождались вовсе от гарнизонной службы, которая в условиях Морей была особенно тяжелой, и обязались лишь проводить в походе по четыре месяца в году⁶⁰.

Судебная организация Ахейского княжества была основана на обычном феодальном праве, зафиксированном в «Liber consuetudinum imperii Romaniae», нормы которой действовали в княжестве, как и во всей Латинской империи. При князе были две палаты — высшая и низшая. В высшей палате, кроме 12 крупных светских вассалов, заседали представители высшего духовенства во главе с епископом Оленским. Кроме того, был второй суд — горожан. Каждое из больших баронств также имело свой суд. Так, хроника сообщает о том, как собирали «старших» (οἱ γέροντες) баронства Аквы, которых приносили дать советы (τὰ πρακτικά)⁶¹.

Вокруг правителя княжества образовалась сложная разветвленная иерархия сановников. Наивысшим из сановников был великий коннетабль, которого можно сравнить с великим domestikом поздней Византии. Он сосредоточивал в своих руках важнейшие функции управления, в том числе основное руководство внешней политикой⁶². Маршал командовал войсками и осуществлял право высшего суда в армии⁶³. Для обозначения названий латинских сановников греки применяли соответствующие византийские термины, например маршал, πρωτοστράτωρ⁶⁴, канцлер, λογοθέτης⁶⁵, коннетабль, κοντόσταυλος⁶⁶, казначей, τριζουριέρης⁶⁷, смотритель укреплений, προβούρης τῶν καστρῶν⁶⁸ и др.

Морейская хроника сообщает нам ряд сведений о том, как франкские завоеватели Пелопоннеса стремились привлечь на свою сторону местных феодалов. Очень интересна в этом отношении речь, с которой Жоффруа Виллардуэн — один из виднейших деятелей, затем правитель Ахейского

⁵⁵ J. Schmitt. Op. cit., p. 134, v. 1988.

⁵⁶ Ibid., p. 134, v. 1986—1989.

⁵⁷ Ibid., p. 134, v. 1999.

⁵⁸ Ibid., p. 134, v. 1980—1989.

⁵⁹ Ibid., p. 136, v. 2005—2007.

⁶⁰ Ibid., p. 178—182, v. 2650—2720.

⁶¹ Ibid., p. 498, v. 7682—7683.

⁶² Функции великого коннетабля перечисляются в памятнике, известном под названием „Chronique française de Morée“ (изд.: J. Buchon. Recherches historiques sur la principauté française de Morée, vol. I. Paris, 1845), § 537, 587—589, 699—735, 789—797.

⁶³ Ibid., § 622—639, 887, 982—994.

⁶⁴ J. Schmitt. Op. cit., p. 12, v. 163; p. 74, v. 1106; p. 88, v. 1326.

⁶⁵ Ibid., p. 436, v. 6733; p. 488, v. 7533; p. 492, v. 7604.

⁶⁶ Ibid., p. 299, v. 4508; p. 446, v. 6888.

⁶⁷ Ibid., p. 514, v. 7936; p. 560, v. 8656.

⁶⁸ Ibid., p. 514, v. 7937; p. 560, v. 8657.

княжества — обратился, согласно Хронике, к морейским архонтам: «Архонты, мои братья, мои друзья и мои хорошие соратники, видите ли вы этого франкского вождя, который пришел в вашу страну, чтобы ее покорить? Не верьте, что в его намерение входит грабить, отнимать скот и ваше имущество, а затем исчезнуть. Я вижу в вас рассудительных людей, и я хочу говорить с вами откровенно. Видите ли вы эти войска? Видите ли вы блеск, которым украшен их вождь? Это — государь, цель которого — завоевание. Вы, мои друзья, вы не имеете никакого вождя, который мог бы вам помочь. Если бы наши войска начали проходить и грабить вашу страну, они обратили бы в плен жителей ваших сел и убили бы многих, и ваше раскаяние было бы тогда бесполезным. Следует поэтому подумать, что будет наиболее выгодным для вас. Приходите, и заключим договор, чтобы избежать грабежа, плена и избиения, которые могли бы угрожать вашим семьям»⁶⁹. И дальше в Морейской хронике откровенно рассказывается, как архонты ради сохранения своих владений и прав пошли на соглашение с захватчиками, т. е. на прямое предательство своего народа: «Они передали своим родным и друзьям о происшедшем и о данной им гарантии в том, что те, кто пожелают признать власть завоевателей, сохранят все свои владения (τὰ ἰγονικά) или даже получают что-нибудь сверх своих владений и что те, кто имеют способности и пожелают быть полезными новым правителям, достигнут больших почестей. И вожди Морей собрались в Андравиде и заключили договор на следующих условиях. Сыновья знатных сохраняют свои привилегии и имущества. Военные обязанности будут распределяться соответственно величине владений. Излишки владений будут принадлежать франкам, и жители останутся на том же положении, что и до завоевания»⁷⁰.

Следует отметить, что на собрание («парламент») в Андравиде были приглашены не только представители новых феодальных держателей, местные греческие архонты (κεφαλᾶδες), высшие сановники церкви, но даже и представители горожан (βουργισσαῖοι):

Σύμφιν ἔχει δυνατὴν μὲ ὄλους τοὺς κεφαλᾶδες,
τοὺς ἀρχιερεῖς καὶ βουργισέους, καὶ τοὺς καβαλλαρίους⁷¹.

Подобные взаимоотношения завоевателей с византийскими феодалами устанавливались и во многих других случаях. В ходе завоевания местные архонты-феодалы вступали в переговоры с вождями войска, занимавшего те или иные пункты, чтобы сохранить свои владения и прежние привилегии. В Морейской хронике мы встречаем ряд подобных соглашений с завоевателями, заключенных феодалами Никии, Аркадии и других мест⁷².

Такое же положение было и в других частях Латинской империи. Греческие феодалы нередко занимали высокие должности при дворе латинского императора и в вассальных феодальных государствах, а некоторые из архонтов пользовались особыми привилегиями в феодальном обществе Латинской империи. Из их числа следует отметить Феодора Врана, который стал почти независимым правителем в своих владениях во Фракии, получив административные права по отношению к зависимому населению вплоть до права юрисдикции. Когда император Генрих занимал фракийские области, он отдал город Апр Феодору Вране. Врана был вассалом латинского императора по Дидимотике и Венеции по Адрианополю и обязан был выставять 500 всадников, из них 200 в кольчугах. Кроме этой повин-

⁶⁹ J. Schmitt. Op. cit., p. 110, v. 1613—1630.

⁷⁰ Ibid., p. 110—112, v. 1631—1650.

⁷¹ Ibid., p. 378, v. 5847—5848.

⁷² См., например, ibid., p. 140—142, v. 2093—2095.

ности, Врана не имел никаких обязанностей по отношению к империи и управлял своими владениями на основе привилегий, полученных от византийских императоров. В Малой Азии на таких же началах служил завоевателям Феофилопул, получивший новые земельные держания⁷³.

Некоторые буржуазные историки (Топпинг, Лоньон и др.) стремились доказать, что латинское завоевание принесло благоденствие населению завоеванной Византийской империи⁷⁴. На самом деле военно-феодальный строй Латинской империи и ее вассальных государств усугублял эксплуатацию зависимого крестьянства. Сковывая развитие производительных сил, западные завоеватели могли существовать лишь за счет повышения уровня феодальной ренты с зависимого крестьянства.

Даже в «Книге обычаев империи Романии» отражается тяжелое, бесправное положение зависимых от феодалов людей — вилланов — в период Латинской империи. Памятник трактует зависимых крестьян как часть имущества, принадлежащего тому или иному феодалу⁷⁵. Всякий феодал мог в любое время взять все имущество своего виллана⁷⁶, мог своей властью заключить его в тюрьму или задержать для передачи в суд⁷⁷. Виллана можно было даже убить, и убийца обязан был лишь передать феодалу, от которого зависел убитый, другого крепостного взамен⁷⁸. «Книга обычаев» отражает, хотя — как и следовало, впрочем, ожидать — очень скупо, также и сопротивление, которое оказывали вилланы, нередко бежавшие от своих феодалов. Так, в одной из статей отмечается, что всякий бежавший виллан должен был быть схвачен в любом другом владении и передан прежнему владельцу⁷⁹. Об этом же говорится и в другой статье, посвященной пожалованию феодала⁸⁰. Вилланы, бежавшие или оказывавшие неповиновение своим феодалам, подвергались суровым наказаниям⁸¹. Если виллан умирал без наследников, сеньор наследовал все его имущество, движимое и недвижимое⁸². Всякое дарение, сделанное своему виллану или виллану другого феодала, было действительно лишь при жизни дарителя, и его наследники имели право истребовать подаренное обратно⁸³. Бесправное положение вилланов выявляется и в статьях, регулирующих браки вилланов. Если свободная женщина выходила замуж за виллана, она также становилась вилланом феодала. Дети, которых она имела от виллана, не могли наследовать ее имущество. Лишь если после мужа-виллана она вышла замуж за свободного, ей могли наследовать дети от этого второго брака⁸⁴. Ни один виллан не мог жениться или выдать замуж свою дочь без согласия сеньора⁸⁵.

Завоеватели не только сохранили, но даже увеличили прежние размеры податей и повинностей. Зависимые крестьяне, помимо податей, обязаны были нести личную службу, т. е. барщинные повинности, обозначавшиеся общим термином *despotitaria*, по постройке замков, дорог, укреплений, по возделыванию земли в домене феодала и многие другие.

⁷³ J. Longnon. Op. cit., p. 97.

⁷⁴ См. рецензию А. Я. Гуревича (ВВ, V, 1952, стр. 284—290).

⁷⁵ Canciani op. cit., III, cap. CVII, p. 241.

⁷⁶ Ibid., cap. CXCVII, p. 526.

⁷⁷ Ibid., cap. CLXXXVII, p. 525.

⁷⁸ Ibid., cap. XLI, p. 498.

⁷⁹ Ibid., cap. CCIII, p. 527.

⁸⁰ Ibid., cap. CLXXVI, p. 524.

⁸¹ Ibid., cap. CCXIX, p. 534.

⁸² Ibid., cap. CLXXXV, p. 525.

⁸³ Ibid., cap. CLXXVIII, p. 525.

⁸⁴ Ibid., cap. LXXXVIII, p. 512.

⁸⁵ Ibid., cap. CLXXXIV, p. 523.

Бесправное положение и тяжелый гнет феодальной эксплуатации не могли, конечно, не вызывать недовольства в широких народных массах и, в частности, среди зависимого крестьянства. Это недовольство усугублялось церковной политикой латинских государств, при которой латинское духовенство стремилось подчинить себе греческую церковь. Борьбу против Латинской империи поддерживала и торговая верхушка городского населения, опасавшаяся торговой конкуренции со стороны западного купечества, особенно венецианцев. Все это приводило к исключительно сложному переплетению социальной, национальной и религиозной борьбы и, в конце концов, обусловило недолговечность Латинской империи и ее падение после полувекового господства.

М. А. ШАНГИН, А. Ф. ВИШНЯКОВА

СУЩЕСТВОВАЛА ЛИ „ВНЕШНЯЯ РУСЬ“?

В неоконченной работе покойного М. А. Шангина «Византийские источники о войне Святослава с греками» имеются комментарии к термину «внешняя Русь» из 9-й главы «De administrando imperio», термину, который, как известно, до настоящего времени не имеет еще общепризнанного толкования.

Приводим прежде всего отрывок из этой главы¹ в переводе Шангина: «(Нужно знать), что моноксилы, отправляющиеся из внешней Руси (ἀπὸ τῆς ἕξω Ῥωσίας) в Константинополь, это с одной стороны от Новгорода, в котором сидит Святослав, сын князя России Игоря, с другой стороны от крепости Смоленска, от Любеча и Чернигова и от Вышгорода. И все они спускаются по реке Днепру и собираются в крепости Киева, носящего прозвище *Σαρβατάς*. Славяне же, их данники, называемые кривичами и лензанинами (οἱ Λενζανῆνοι), и остальные славянские племена рубят в своих горах моноксилы в зимнее время и, сделав их (рукоп.: *καταρτίσαντες αὐτῶν*; следует читать: *καταρτίσαντες αὐτά*), с открытием весны, когда стает снег, свозят их в ближние мелководья (*λίμναι*), так как эти мелководья (рукоп.: *ἐχεῖνα*; нужно читать: *ἐχεῖναι*, т. е. *λίμναι*) впадают (*εἰσβάλλουσιν* может связываться в тексте только с *λίμναι*) в реку Днепр, от этих мест они (славяне) входят в эту реку и достигают Киева и вытаскивают их для окончательного изготовления (рукоп.: *ἐξάρτησιν*; нужно читать: *ἐξάρτισιν*) и продают их русским. Русские же, купив одни только коробы моноксил и разобрав старые моноксилы, весла и скамьи из них перекаладывают в них (в эти новые моноксилы), как и прочие приспособления, и оснащают. И в июне, двинувшись по реке Днепру, спускаются в Витечев в подвластную русским крепость. И собираются там в срок до двух-трех дней; когда же собраны все моноксилы, они двигаются в путь и опускаются по упомянутому Днепру».

Термин ἡ ἕξω Ῥωσία встречается только в этом контексте. Нет его ни в одном другом византийском источнике. Этот термин вызывал и вызывает много специальных толкований².

В основном толкования сводятся к следующему:

1. Внешняя Россия с центром в Новгороде противопоставляется внутренней с центром в Киеве.

¹ Constantinus Porphyrogenitus. De administrando imperio. Bonnae, p. 74.

² Основные мнения по этому вопросу см. V. Мошин. BS, III (1931), p. 305; Seminarium Kondakovianum VI, (1933), p. 205; A. Pogodin. Beličev Zbornik, 1937, p. 7—75; A. Soloviev. Vuz., XIII (1938), fasc. 1, p. 227, и А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 81.

2. ἡ ἔξω Ῥωσία понимается как ἔξω Ῥωσίας, т. е. вне России, но не «внешняя Россия».

3. ἡ ἔξω Ῥωσία — это норманская Россия.

4. ἡ ἔξω Ῥωσία — не внешняя Россия, а только удаленная Россия (от Константинополя), приближенная же — Таматарха.

5. Ῥωσία — это то, что на Великом водном пути, а ἡ ἔξω — это то, что вне этого пути.

Ни одно из этих толкований нельзя признать достаточно убедительным.

Из текста прежде всего следует, что термин «внешняя Россия» относится не только к Новгороду, Смоленску, Любечу, но и к Чернигову, Вышгороду, и даже Киеву. Все эти города соединены в один комплекс; ἡ ἔξω не противопоставлено понятию ἡ εἶσω, Киев же выделен только для того, чтобы показать, что русские из Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова, Вышгорода приходят на собственных моносилах, киевляне же, не имея своих лесов, — на покупных. Из Киева все эти моносилы двигаются в путь вместе. Считать, что термин «внешняя Россия» относится только к городам, перечисленным в первом предложении отрывка (т. е. Новгород... Вышгород), можно лишь в том случае, если признать, что купцы этих городов доходят только до Киева и только один Киев торгует с Константинополем. Только в этом случае за Киевом можно было бы утвердить ἡ εἶσω, но такому признанию решительно противоречат свидетельства всех других источников о русско-византийских торговых связях.

Но и помимо этого соединение τῆς ἔξω с Ῥωσίας не увязывается со смыслом отрывка в целом. Поэтому М. А. Шангин считал слово Ῥωσίας попавшим в текст ошибочно.

Внесение такой поправки в текст 9-й главы труда Константина устраняло бы и необычный, только один раз встречающийся термин и дало бы возможность наиболее правильно истолковать весь отрывок в целом. Такая поправка возможна: οἱ ἔξω — чужестранцы, ἡ ἔξω (с подразумеваемым χώρα) — чужая земля.

Прекрасным подтверждением распространенности такого ἡ без упоминания χώρα в византийской литературе служит место из II речи Фотия на вторжение русских: ἔθνος πόρρω που τῆς ἡμῶν ἀποκλισμένον (народ, где-то далеко от нашей страны поселившийся)³. Итак, Ῥωσία при ἡ ἔξω исключается из текста, текст принимает вид: «моносилы, из чужой земли приходящие в Константинополь, это от Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова, Вышгорода... Киева».

Самое построение речи в равных по 12 слогов κῶλα показывает, что слово Ῥωσία при ἡ ἔξω лишнее: ὅτι τὰ ἀπὸ τῆς ἔξω μονόξυλα — 12 слогов, хатерχόμενα ἐν Κωνσταντινουπόλει — 12 слогов.

Откуда же явилось в тексте слово Ῥωσία? Можно полагать, что из заголовка или с поля рукописи и было внесено переписчиком ошибочно в текст. Возможно, что переписчик желал объяснить ἡ ἔξω и на полях написал Ῥωσία — в таком случае это слово попало как глосса.

Манойлович в своей работе «Этюды о сочинении „De administrando imperio“⁴ Константина VII» доказал, что источником для этого сочинения были отчеты василиков и послов об их деятельности. В данном случае василик или посол, побывавший в Киевской Руси, выступил с письменным отчетом о своей поездке, который озаглавил: Περὶ τῶν Ῥῶς («О русских»). Из заглавия, как предполагает Шангин, слово «Русь» попало в самый текст.

³ Cod. Vindobon., ed. Nauck. Petropoli, 1867, p. 219.

⁴ Rad Jugoslav. Akad., kn. 186, 1911 r., str. 69—70; kn. 187, str. 75.

М. А. ШАНГИН, А. Ф. ВИШНЯКОВА

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К „ЗАПИСКЕ ГРЕЧЕСКОГО ТОПАРХА“

Этот любопытный исторический документ Б. Газе извлек из рукописи, временно принадлежавшей Королевской библиотеке в Париже. Рукопись была «приобретением эпохи революционных и наполеоновских побед и контрибуций, и вследствие трактатов 1814 и 1815 годов, вместе с другими рукописями, составлявшими до 4000 томов, была возвращена — неизвестно куда» (В. Г. Васильевский. Труды, II, стр. 137). Текст «Записки» опубликован Газе в примечаниях к его изданию Льва Диякона (Вопнае, р. 496—512). Газе датировал рукопись концом X в. «Записка» была написана на разбеденных свободных листах, между письмами Василия Великого, Филарида, Григория Назианзина. В тексте «Записки» было много исправлений, и «для Газе не было никакого сомнения, что автор этих страниц был владельцем кодекса» (Васильевский, там же).

Ритмический анализ текста делает это предположение Газе неопровержимым и показывает, что именно ритмикой руководился автор в своих исправлениях. Для того, чтобы представить ритмические наблюдения наглядно, и особенно для того, чтобы вскрыть стилистические приемы автора, педантически последовательные и характеризующие его образованность, а равно и риторическую школу, приводим некоторые образцы.

Fr. I, cap. 2, § 3 (по Вестбергу):

количество слов в <i>χῶλα</i>		клаузулы
4	ἐμοῦ τοῦτο	⋮ ⋮ ⋮
7	τοῖς συσσίτοις εἰπόντος	⋮ ⋮ ⋮ ⋮ ⋮
6	ὡς οὐ δεῖ τῆς οἰκίας	⋮ ⋮ ⋮ ⋮
7	ὅποσοῦν ἐξίεναι	⋮ ⋮ ⋮ ⋮ ⋮
6	οὐδὲ ἀποκοίτους	⋮ ⋮ ⋮ ⋮ ⋮
8	ἡμᾶς ἐνθένδε γενέσθαι	⋮ ⋮ ⋮ ⋮ ⋮
6	τοῦ πρότου τῶν ἀστρων	⋮ ⋮ ⋮ ⋮ ⋮
6	ἐσπέρια φάσιν	⋮ ⋮ ⋮ ⋮ ⋮
5	ἤδη ποιῶντος	⋮ ⋮ ⋮ ⋮ ⋮
7	καὶ πρὸς αὐτὸν ἐκεῖνον	⋮ ⋮ ⋮ ⋮ ⋮
6	μετατρέπένου	⋮ ⋮ ⋮ ⋮ ⋮
6	τοῦ περιέχοντος	⋮ ⋮ ⋮ ⋮ ⋮
7	(Κρόνου δὴ καλουμένου)	⋮ ⋮ ⋮ ⋮ ⋮
10	καὶ γὰρ ἔτυχε περὶ τὰς ἀρχάς	⋮ ⋮ ⋮ ⋮ ⋮
9	αὐτὸς διῶν ὑδροχόου	⋮ ⋮ ⋮ ⋮ ⋮
10	ἡλίου κατὰ τὰ χειμερινά	⋮ ⋮ ⋮ ⋮ ⋮
5	διατρέχοντος	⋮ ⋮ ⋮ ⋮ ⋮

раньше рассказано, то в этой второй части само путешествие не повторяется, а указываются просто его результаты.

При такой реконструкции сохраняется порядок извлеченных Газе отрывков.

«Записка греческого топарха» вследствие очевидной связи с древнейшей русской историей привлекает до сих пор всеобщее внимание специалистов.

Три основных вопроса составляют загадку «Записки»:

- 1) Время событий, отраженных в «Записке».
- 2) Место событий.
- 3) Определение тех варваров, о которых в ней говорится.

При решении первых двух вопросов третий решается, конечно, сам собой.

1) При датировке событий следует исходить, как указал уже Васильевский (там же, стр. 205—206), из определения того времени, когда Крон в X в. вступал в знак Водолея (Fr. I, cap. 2, § 3).

Вестберг, следуя указанию Васильевского, приложил немало труда для установления астрономическим путем таких констелляций для X в. Однако результат, полученный им, вряд ли можно считать вполне удовлетворительным: нельзя сомневаться, что автор «Записки» исходил не из точных астрономических наблюдений, а из современного ему астрологического календаря, к астрологическим материалам поэтому и следует обратиться. Здесь нам может помочь фундаментальное издание — *Catalogus codicum astrologorum Graecorum*.

По астрологическим вычислениям Крон совершает свой путь и возвращается к исходному знаку Зодиака в 30 лет. *Moratur in quocumque signo 30 menses, per Zodiacum 30 annis in quibus sunt 360 menses et sunt ibi 10957 dies et 12 horas* (*Catal. cod. astrol. graec.*, t. XII, p. 228. 19—20): *καὶ γυρίζει ὡς ἔφριμεν διὰ χρόνους λ' καὶ εἰς ἕν ἕκαστον ζῳδιον κάθηται χρόνους δύο ἡμίσυ.* (*Catal. cod. astrol. Graec.*, t. XI, 2, p. 120.10—11).

Поедположив, что отсчет по 30 следует вести от начала летоисчисления (*ἀπὸ κτίσεως κόσμου*), т. е. от 1 сентября 5509 г. до н. э., когда все планеты, в том числе и Крон, находились в своих исходных точках («домы» Крона — Козерог и Водолей), мы получаем для X в. следующие данные астрологического календаря: в 910, 940, 970, 1000 гг. Крон находится в сентябре в знаке Козерога, в ноябре—декабре — в знаке Водолея.

Из этих данных к описываемым событиям подходит только 970 год.

Проверить это вычисление оказывается возможным по астрологическому определению Риторием положения планет на 25 апреля 179 г. эры Диоклетиана (= 463 г. н. э.).

Catal. cod. astrol. Graec., t. VIII, 4, p. 224:

Ἔτος Διοκλητιανοῦ ροθ' μηνὶ Ἀπριλίῳ κα' ὥρα ἡμέρας ζ' Ἡλιος Ταύρου γ', Σελήνη Διχοκέρως κγ' Κρόνος Ὑδροχόου κγ'.

Если в 463 г. Крон находился в 26 доле Водолея, то подобные констелляции Крона и Водолея в X в. имели место в 913, 943, 973 гг., и, следовательно, вступление Крона в этот знак падает на конец 970 г.

Такая проверка, основанная на данных авторитета в средневековой науке Ритория, делает несомненным, что время года, указанное по астрологическому календарю в «Записке», — конец 970 г.

2) Что касается местности, в которой действовал топарх, то подвластные ему «климаты» трудно отождествлять с крымскими «климатами», так как, во-первых, крымские «климаты» были политически связаны с Херсоном и поэтому действия греческого топарха независимо от Херсона едва ли были возможными; во-вторых, слова «царствующий на север от

Дуная» могли принадлежать только задунайскому жителю; и, в-третьих, возвращаясь домой, топарх двигался на запад от Днепра: *Μαυροκάστρου* нужно отождествлять с Аккерманом.

Область «климатов» «Записки» должна соответствовать какому-то месту на Балканском полуострове, но трудно согласиться, чтобы эти «климаты» находились где-то около Доростола, да и самое отождествление *κλίματα* с восстанавливаемыми по древним источникам *κλιμάδες* весьма проблематично.

По всем данным, если время событий определять 970 г., «климаты» «Записки» следует отождествлять с фракийскими «климатами» писателя — современника Льва Диакона (*Βονναε*, р. 104), которые, по Константину, (*De adm. imper.*, р. 47.10, — *κλίμα Μεσσηνίου καὶ Ἀχόντισμα*) находятся на р. Мсте.

С таким географическим отождествлением, во-первых, согласуется то, что топарх был представителем современной ему греческой образованности, а также и то, что греки этого края находились в непосредственном общении с соседями-славянами [см. в «Записке» о том, что жители этого края близки по своим обычаям с сопредельным болгарским (и вообще славянским) населением].

3) Отнесение времени событий к концу 970 г. и определение местности как фракийской области дает ответ на вопрос, кто такие варвары «Записки»: это могли быть только русские или их союзники — печенеги и венгры.

В тексте «Записки» находится немало данных, которые вполне подходят к установленной топографии, хронологии и к историческим событиям войны Святослава в Болгарии и с новой стороны освещают эти события.

Д. Л. ТАЛИС

ИЗ ИСТОРИИ
РУССКО-КОРСУНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В IX—X вв.

I

Политическая обстановка в Северном Причерноморье вообще, и в Таврике в частности, в IX—X вв. была чрезвычайно сложной и противоречивой, и не случайно при попытке ее изучения исследователь сталкивается с целым рядом значительных, а порой (на нынешнем этапе наших знаний) и непреодолимых затруднений. И, пожалуй, наиболее сложным вопросом является вопрос о роли Руси в Северном Причерноморье и о ее взаимоотношениях с Византией и хазарами¹. Показания различных источников — русских, греческих, арабских — зачастую между собой не согласуются или даже противоречат друг другу, отчасти, по-видимому, из-за неосведомленности или тенденциозности их авторов, а отчасти, быть может, и потому, что свидетельства этих источников освещают различные стороны одних и тех же явлений, сущность которых уловить сейчас, однако, трудно или невозможно.

Тем не менее, источники, имеющиеся в нашем распоряжении, дают основание утверждать, что 1) многообразие политических отношений в Таврике IX—X вв. не сводится к вопросу о русско-византийском антагонизме; 2) острие походов Руси в Таврику до 60-х годов X в. в гораздо большей степени было обращено в сторону хазар, чем Византии, и 3) в той степени, в какой интересы Руси и Византии по ликвидации хазарского государства и его влияния в Таврике совпадали, Русь и Византия являлись союзни-

¹ См., например: Н. П. Ламбин. Славяне на Северном Черноморье. ЖМНП, 1877, май, июнь; 1879, декабрь; Ф. Вестберг. К анализу восточных источников о Восточной Европе. ЖМНП, 1908, февраль, март; В. Пархоменко. К истории державы Рюриковичей (обзор литературы). ВДИ, № 3, 1939; его же. Характер и значение эпохи Владимира. УЗ ЛГУ, серия историч. наук, № 8, 1941; М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. М., 1937; И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII вв. на Дону и Тамани. МИА, 6, 1941; Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1953; А. Н. Насонов. „Русская земля“ и образование территории древнерусского государства. М., 1951; Б. А. Рыбаков. Русь и Хазария. Сб. „Академику Б. Д. Грекову“. М., 1952; А. Л. Якобсон. Византия в истории раннесредневековой Таврики. СА, XXI, 1954. Библиографию иностранной литературы, посвященной истории русско-византийских отношений в IX—X вв., см. F. Dölger und A. Schneider. Byzanz. Bern, 1952, S. 78—79. После выхода в свет книги Дольгера и Шнайдера появилась еще одна работа, в которой рассматриваются русско-хазарские отношения, — D. M. Dunlop. The history of the jewish khazars. Princeton, 1954.

ками, что, разумеется, ни в какой мере не препятствовало им противодействовать друг другу во всех других отношениях.

Факты, которые приводят к этому заключению, таковы. В начале IX в. русская рать князя Бравлина, как это сообщает житие Стефана Сурожского, совершила поход на южное побережье Таврики и овладела, хотя, по-видимому, и ненадолго, территорией «от Корсуня до Корча»². Но сопоставляя свидетельства, содержащиеся в житии Стефана Нового³, Иоанна Готского⁴, в письмах Феодора Студита⁵, с показаниями самого жития Стефана Сурожского о хазарском наместнике в Сурожье⁶, мы приходим к выводу, что во второй половине VIII и первой четверти IX в. в Таврике господствовали хазары. Что касается Херсона, то прямые указания на его осаду хазарами между 813 и 820 гг. содержатся в житии Иоанна Психаита.

Таким образом, военными действиями русской рати в Таврике в первой четверти IX в. был нанесен удар в первую очередь по хазарским, а не византийским интересам.

Здесь, однако, нам придется разобрать одно сообщение, которое в силу принятого толкования не согласуется с указанным выводом. Речь идет об известии Константина Багрянородного, согласно которому тотчас же после строительства Саркела в Таврике была учреждена Херсонская фема. А. А. Васильев выдвинул положение, ныне общепринятое, что строительство Саркела и образование фемы были обусловлены одной и той же причиной — опасностью со стороны Руси⁷. Из всех существующих мнений по этому вопросу⁸ точка зрения А. А. Васильева наиболее близка к действительности, но и она, как нам кажется, страдает односторонностью. Правильным является его утверждение о том, что строительство Саркела было предпринято в защиту от Руси, но что касается причин учреждения Херсонской фемы — дело, по-видимому, обстоит иначе.

Византия помогла хазарам строительством крепости Саркела потому, с одной стороны, что не в ее интересах было сокращение Русью хазар, ибо ей выгодно было сохранять русско-хазарский антагонизм, так как в этом заключалось одно из условий ее влияния на положение дел в Северном Причерноморье. С другой стороны, Византия помогла хазарам и потому, что последние, будучи ожесточенными врагами халифата⁹, являлись естественными в этом отношении союзниками Византии. В правление Феофила, при котором вновь обостряется борьба Византии с арабами¹⁰, действие хазар должно было приобрести немаловажное значение.

Однако все сказанное ни в какой мере не означает, что хазары являлись той силой, на которую византийская дипломатия единственно или даже по преимуществу опиралась в своих политических замыслах в Северном Причерноморье. Более того, факты показывают, что Византия не могла вообще рассчитывать на сколько-нибудь длительную поддержку со стороны хазар даже в период более или менее дружественных отношений

² В. Г. Васильевский. Житие Стефана Сурожского. Труды, т. III, Пг., 1915, стр. 139—141.

³ PG, t. 100, col. 1117.

⁴ См. В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 2, СПб., 1909, стр. 397—398.

⁵ PG, t. 99, col. 1280.

⁶ В. Г. Васильевский. Труды, т. III, Пг., 1915, стр. 139—141.

⁷ А. А. Васильев. Готы в Крыму. ИГАИМК, V, 1927, стр. 222—227.

⁸ Обзор литературы см. там же.

⁹ J. Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903, S. 5 f., 455 f.

¹⁰ А. Васильев. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. СПб., 1900, стр. 141 сл.

с ними, т. е. в VIII и в первой половине IX в. Ведь уже в первой четверти IX в. — между 813 и 820 гг. — хазары осаждают Херсон, сидят в Восточном Крыму, обладают Сугдеей, утверждают свою гегемонию над Юго-Западным Крымом, т. е. они захватывают ту территорию, на которую Византия еще со времен Юстиниана I смотрела как на свое владение. А последнее время, между серединой IX и серединой X в., ознаменовалось беспрерывными нападениями хазар на Корсунскую страну.

В свете всех этих фактов можно утверждать, что, хотя между строительством Саркела и организацией Херсонской фемы существует хронологическая и логическая последовательность, эти два события по своему содержанию качественно различны. Крепость Саркел была построена для того, чтобы не допускать усиления Руси и обеспечить помощь хазар в борьбе Византии с Халифатом, а Херсонская фема была образована для упрочения позиций Византии и против Руси, и против хазар, для укрепления позиций Византии в Северном Причерноморье вообще, а что касается Таврики, то как раз в первую очередь против хазар, ибо территорией, на которую претендовала Византия в Крыму, владели хазары, а не Русь.

Следует отметить, что, несмотря на некоторое ослабление хазарского господства в Таврике в результате вторжения сюда мадьяр, а затем печенегов¹¹ хазарская опасность для Херсона и Климатов представлялась весьма грозной. Около 860 г. хазары вновь осаждают Херсон¹². Главы трактата Константина Багрянородного, в которых упоминаются Херсон и Климаты, пронизывает тревога по поводу беспрерывных нападений хазар; вместе с тем Константин указывает сыну те политические комбинации, которые могут нейтрализовать хазарскую опасность¹³. Таким образом, до времени написания сочинения Константина, т. е. до 948—952 гг.¹⁴, хазары неоднократно угрожали Херсону и его владениям. Около 962 г., согласно «Записке топарха», хазары с большим числом конницы и пехоты опять вторглись в Климаты и разрушили, по несколько преувеличенной, вероятно, оценке источника, 10 городов и 500 селений.

И вот в этой обстановке непрекращающихся хазарских нападений на Херсон и его владения Византия принимает энергичные меры, правда, в духе своей традиционной политики. Если верить Кембриджскому документу, около 940 г. русы по проискам Византии напали на хазар в районе Керченского пролива и захватили их город Самкерц¹⁵.

Правители хазарской области именуются титулом «булшицы», соответствующим наименованию архонта Боспора «балгитчин» в хронике Феофана, что означает «болгарский князь», т. е. князь известных в Прику-

¹¹ О мадьярах в Таврике сообщает Паннонское житие Константина Философа (около 860 г.) — см. П. А. Лавров. *Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности*. Л., 1930, стр. 12, 49; о печенегах — Константин Багрянородный — см. Constantine Porphyrogenitus. *De administrando imperio*, ed. G. Moravcsik. Budapest, 1949, cap. 1—7, p. 48—54.

¹² Так следует понимать слова Паннонского жития об осаде хазарами «христианского града», который по контексту и общему смыслу источника нельзя приурочить ни к какому другому городу в Таврике, кроме Херсона. См. С. П. Шестаков. *Очерки по истории Херсонеса в VI—X вв. Памятники христианского Херсонеса*, вып. III, М., 1908, стр. 50; I. Франко. *Святый Климент у Корсуні*. Зап. наук. товариства ім. Шевченка. Львів, 1904, IV, стр. 220.

¹³ Натравливание на хазар печенегов, узов, алан (Const. Porph. *De administrando imperio*, cap. 1, 10, 11, 12).

¹⁴ О времени написания сочинения Константина «Об управлении империей» см. J. Bur y. *The Treatise „De administrando imperio“*. BZ, XV, 1906, p. 517—577, особенно p. 518, 539.

¹⁵ П. К. Коковцов. *Еврейско-хазарская переписка в X веке*. Л., 1932, стр. 118.

банье «черных болгар»¹⁶. Отсюда ясно, что в это время «черные болгары» находились под властью хазар или являлись их союзниками. Кембриджский документ далее рассказывает, что против русов выступил с войском «булшицы Песах», который, не застав русских в Самкерце, двинулся на Херсонскую фему, завоевал три города и множество селений, а затем осадил и взял Херсон. Расправившись таким образом с Херсоном, булшицы двинулся против князя Хельгу, разбил его и заставил выступить против Византии.

Перед нами эпизод, ярко иллюстрирующий русско-хазарский антагонизм. А впрочем, для характеристики этого антагонизма мы можем и не привлекать указанный источник, достоверность которого некоторыми исследователями оспаривается, а обратиться к документу, достоверность которого не вызывает сомнений. Мы имеем в виду договор Игоря с Византией. В нем указывается, что русский князь будет препятствовать «черным болгарам», т. е., в конечном счете, тем же хазарам, разорять Корсунскую страну. В свою очередь, Византия берет на себя следующее обязательство: «если русский князь будет просить у нас помощи для войны, то мы окажем ему помощь, насколько ему будет нужно». По смыслу предусматриваемых событий и исходя из общей ситуации, как она освещена приведенными выше фактами, Византия обязывалась оказывать русскому князю помощь в борьбе против тех же хазар¹⁷.

Договор Игоря раскрывает, таким образом, одну из сторон русско-византийских отношений, а именно: совместные действия Руси и Византии в Таврике против общего врага — хазар. При этом следует подчеркнуть, что договор был заключен после второго похода Игоря, т. е. обязательства, принятые на себя русской стороной, вовсе не были продиктованы Византией. Во всяком случае, что касается борьбы против хазар, то это обязательство отвечало коренным интересам русской политики в Таврике.

Кроме уже приведенных фактов, подтверждением сказанному служат сведения, сообщаемые «Запиской топарха». Топарх, отразив нападение хазар на Климаты и принудив их отступить, но предвидя новые столкновения с ними, по уполномочию «лучших людей» обращается за помощью к Святославу. Последний, как многозначительно пишет топарх, «счел это дело более всего важным», возвратил топарху власть над Климатами, прибавил еще целую область и предоставил ежегодные доходы в своей земле¹⁸. Нетрудно понять, почему Святослав «счел это дело более всего важным», почему он так благосклонно принял топарха и «даровал ему ежегодные значительные доходы в своей земле»: видимо, уже в это время Святослав предрешил войну с хазарами, которая и началась спустя год с небольшим после посольства топарха, в 964 г.¹⁹ Для Святослава, готовившегося к войне за окончательное сокрушение хазарского государства, вопрос о союзниках имел немаловажное значение. А потому обращение к нему за помощью населения Юго-Западного Крыма явилось как нельзя более кстати.

Исход войны известен: хазары были разгромлены, а Русь укрепилась, на этот раз по меньшей мере на полтора столетия, на берегах Керченского пролива, где возникло Тмутараканское княжество. Однако в Крыму какие-то остатки хазар продолжали существовать. И вот в 1016 г. византий-

¹⁶ М. И. Артамонов. Белая Вежа. СА, XVI, 1952, стр. 45.

¹⁷ G. Vernadsky. The Rus in the Crimea and the Russo-Byzantine Treaty of 945. Byzantina-Metabyzantina, I, 1946, p. 258.

¹⁸ Ф. Вестберг. Ук. соч., стр. 285—286.

¹⁹ М. И. Артамонов. Белая Вежа, стр. 47.

ская экспедиция, опять-таки при содействии русского князя, захватила у хазар последние районы, на которые, видимо, еще распространялась их власть²⁰. О дальнейшем пребывании хазар в Таврике упоминаний в источниках нет.

Таким образом, факты показывают, что когда речь шла о борьбе с хазарами, Русь и Византия во второй половине IX и в X в. выступали заодно, хотя соображения, которыми они при этом руководствовались, были совершенно различными.

Все эти обстоятельства надо учитывать и при изучении отношений Херсона с Русью. Вполне вероятно, что, кроме торгово-экономических интересов, известную роль в появлении тенденции к сближению с Русью среди определенных кругов херсонской знати, связанных с землевладением, а потому более всего страдавших от набегов хазар, сыграли эти постоянные столкновения Руси и хазар из-за Таврики. Эти тенденции проявились в событиях, связанных с посольством Калокира в Киев, и имели место при осаде Владимиром Корсуни. Однако силу этих тенденций, как и вообще «симпатии» Херсона к Руси, не следует переоценивать. Во всяком случае русские князья их не переоценивали, имея на то, как мы увидим, веские основания.

Отмеченное единство действий Руси и Византии против хазар отнюдь не исчерпывает всей совокупности русско-византийских отношений. Русь имела свои счеты с хазарами и вела борьбу с ними вовсе не для того, чтобы упрочить позиции Византии в Северном Причерноморье вообще, в Таврике в частности, хотя порой Византии и удавалось использовать в своих интересах объективные результаты действий Руси (как это, например, имело место после похода русской рати князя Бравлина), и Русь сама стремилась закрепиться на северных берегах Черного моря и овладеть ключевыми позициями как экономического, так и стратегического характера. Поэтому во всем прочем, кроме отношения к хазарам, политические устремления Руси и Византии в Таврике резко сталкивались.

В том же договоре Игоря, где речь идет о том, что русский князь будет препятствовать «черным болгарам» разорять Корсунскую страну, содержится статья, в силу которой русский князь не должен иметь власти над Корсунской страной и городами, находящимися в этой области, не должен воевать с ними и покорять их себе. Отсюда ясно, что до заключения договора попытки подчинения Корсунской страны русскими предпринимались. С другой стороны, коль скоро Русь могла воспрепятствовать «черным болгарам» нападать на Корсунскую страну, то это значит, что она опиралась в этих своих действиях на какую-то территорию в самой Таврике²¹.

Однако и после заключения договора 945 года русские князья не отказались от своих притязаний на Корсунскую страну. Во всяком случае в договоре 971 года, заключенном Святославом, опять содержится обязательство не приводить войска в страну Корсунскую. Вполне вероятно, что это обязательство связано с событиями, о которых рассказывает «Записка топарха», приведенными, как правильно считают некоторые

²⁰ Cedrenus, II, Bonnæ, 1839, p. 464, 8.

²¹ А. Куник. О записке Готского топарха. ЗАН, т. XXIV. СПб., 1874, стр. 88; С. П. Шестаков. Ук. соч., стр. 82; Б. Д. Греков. Ук. соч., стр. 102. В этой связи интересны сведения, сообщаемые итальянскими портоланами XIV—XV вв. Территория на западном берегу Крыма от оз. Тарпанчского до оз. Евпаторийского называлась *Vagaegia*, а первое из этих двух озер — *Varangolimena* или *Varangico*; Ахиллов дром, ныне Тендрская коса, назывался *Rossa*; около Евпаторийского озера находился *Rossofar*; местность несколько южнее того же озера носила название *Rossosa*. Этот же корень «рос» на востоке Крыма — в названии города Россия (см. А. А. Шахматов. Варанголимен и Россофар. Сб. в честь Срезневского. Л., 1924, стр. 160—178).

исследователи, к установлению русского протектората над Таврикой или ее юго-западной частью в 962—971 гг.²²

Договор, заключенный Святославом после поражения, нанесенного ему императором Цимисхием, не означал, однако, прекращения борьбы Киевского государства за выход к морю, за укрепление своих экономических и политических позиций в Северном Причерноморье. Апогеем этой борьбы в эпоху раннего средневековья явился корсунский поход князя Владимира.

II

С походом Владимира на Корсунь тесно связано событие, сыгравшее очень крупную роль в средневековой истории русского государства, — крещение Руси. Предыстории этого похода, описанию самого похода и последующим событиям, не говоря уже о крещении Владимира, посвящена обширная литература²³. Это дает возможность рассмотреть здесь из всего круга вопросов, связанных с взятием Владимиром Корсуни, только те, которые могут лишь объяснить роль Херсона в Северном Причерноморье в X в. и отношение Руси к Херсону.

Внешняя канва этих событий такова. Византийский император Василий II, оказавшись в катастрофическом положении в результате поражения, нанесенного ему болгарами, и феодального мятежа Варды Фоки и Варды Склира, обращается за помощью к князю Владимиру. Тот на определенных условиях предоставляет эту помощь, т. е. шеститысячный отряд, который и сыграл решающую роль в разгроме войск Фоки и Склира. Василий II, положение которого упрочилось, отказался выполнить условия, на которых ему была предоставлена вооруженная помощь. Наиболее важным из этих условий являлась выдача замуж за Владимира после его крещения порфирородной царевны Анны, сестры императора. Однако поход Владимира на Корсунь и последующая угроза перенесения военных действий на территорию Византии принудили Василия II выполнить условия соглашения. В Херсон к Владимиру была послана Анна, с которой он тут же и обвенчался, предварительно крестившись. После этого Херсон был отдан обратно Византии, а Владимир, возвратившись в Киев вместе с Анной и византийским и корсунским духовенством, стал осуществлять христианизацию Руси²⁴.

²² С. П. Шестаков. Ук. соч., стр. 81—82; А. А. Васильев. Ук. соч., ИГАИМК, V, стр. 248—249.

²³ Основная литература: В. Р. Розен. Император Василий II Болгаробойца. СПб., 1883; В. Г. Васильевский. К истории 976—986 годов. Труды, т. II, вып. 1, СПб., 1909; А. А. Шахматов. Корсунская легенда о крещении Владимира. Сборник в честь В. И. Ламанского, СПб., 1906; А. Л. Бертъе-Делагард. Как Владимир осаждал Корсунь. Известия Отделения русского языка и словесности, т. XIV, кн. 1, СПб., 1909 (там же см. указания на всю предшествующую литературу); Б. Д. Греков. „Повесть временных лет“ о походе Владимира на Корсунь. Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии (ИТОИАЭ), III (60), 1929; С. Бахрушин. К вопросу о крещении Киевской Руси. Историк-марксист, № 2, 1937; Р. В. Жданов. Крещение Руси и начальная летопись. ИЭ, 5, 1939; И. У. Будовниц. К вопросу о крещении Руси. Вопросы истории религии и атеизма, III, М., 1955. Мы с тем большим правом позволяем себе сосредоточить внимание только на этих вопросах, что сравнительно недавно появилась работа проф. М. В. Левченко, в которой автор подверг тщательному разбору все сохранившиеся источники (русские, греческие, арабские, армянские), сообщающие о походе князя Владимира на Корсунь и крещении Руси, и глубоко проанализировал указанные события на общем широком фоне русско-византийских отношений последней четверти X в. См. М. В. Левченко. Взаимоотношения Византии и Руси при Владимире. ВВ, VII, М., 1953.

²⁴ М. В. Левченко. Ук. соч., стр. 200—211.

В связи с поставленной задачей из сообщений источников, повествующих об этих событиях, нас сейчас интересуют лишь те, которые могут раскрыть причинную обусловленность явлений, приведших к походу Владимира на Корсунь. Зачем Владимир вообще пришел к Херсону? Так ли уж ему был нужен именно Херсон, чтобы заставить императора выдать за него замуж Анну?

Лучше всего позволяет ответить на поставленные вопросы рассмотрение хронологии событий. Сопоставление показаний Льва Диакона о небесных явлениях, имевших место в 989 г., сообщение Яхьи Антиохийского, датирующего одно из этих небесных явлений — северное сияние, позволяют с достоверностью установить, что Херсон был взят Владимиром между 7 апреля и 27 июня 989 г.²⁵ По сообщению жития Владимира, осада продолжалась шесть месяцев²⁶, а некоторые редакции жития говорят даже о девяти месяцах²⁷. Следовательно, ясно, что начало осады относится к 988 г. И действительно, летопись помещает корсунский поход под 988 г.²⁸ Никаких данных, которые позволили бы аргументированно отвести хронологические показания русских источников, не существует. Исследователи, которые приурочивают весь поход к одному 989 г.²⁹ на основании сообщений лишь арабских и греческих источников о времени взятия Херсона, совершают, по нашему мнению, ошибку, так как оставляют без внимания показания отмеченных русских источников.

Нам представляется, что единственная трактовка хронологической последовательности событий, учитывающая показания всех источников, такова. Владимир пришел к Херсону (в соответствии с данными русских источников) в августе—сентябре 988 г., осаждал его около 9 месяцев и взял город (учитывая свидетельства греческих и арабских авторов) в апреле—мае 989 г.

Однако такой датировке, казалось бы, противоречат свидетельства источников, говорящих о действиях русского отряда в Византии. Но, как мы увидим, противоречие это мнимое.

Русское войско прибыло в Константинополь не ранее апреля 988 г., ибо еще в новелле от 4 апреля Василий II говорит о положении своих дел самым безнадежным тоном³⁰. Помощь русского отряда оказалась для Василия II спасительной. Летом 988 г. часть войска Варды Фоки была разгромлена³¹ в сражении при Хрисополе. А 13 апреля 989 г. в битве при Абидосе, решающую роль в которой опять-таки сыграло русское войско, была почти полностью уничтожена остальная часть войск Фоки, сам Фока погиб³². Феодальный мятеж Варды Фоки был подавлен, русская помощь спасла Василия II и помогла ему сохранить престол.

Но если мы сопоставим время действия русских в качестве союзников Василия II в Византии (а это время достовернейшим образом устанавли-

²⁵ В. Г. Васильевский. К истории 976—986 гг. Труды, т. II, вып. 1, стр. 100; В. Р. Розен. Ук. соч., стр. 215; М. В. Левченко. Ук. соч., стр. 207.

²⁶ Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, М., 1901, стр. 163, 272.

²⁷ Н. К. Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений. СПб., 1906, стр. 1.

²⁸ Повесть временных лет, стр. 75.

²⁹ В последнее время А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XIII—XIV вв.). МИА, 17, стр. 12; М. В. Левченко. Ук. соч., стр. 204.

³⁰ А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, т. I. М., 1938; стр. 99; М. В. Левченко. Ук. соч., стр. 204.

³¹ В. Р. Розен. Ук. соч., стр. 208; В. Г. Васильевский. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI—XII вв. Труды, т. I, стр. 199.

³² М. В. Левченко. Ук. соч., стр. 205.

вается показаниями арабских, греческих и армянских источников) с временем осады и взятия Корсуня Владимиром (не менее достоверно засвидетельствованным русскими, греческими и арабскими авторами), то неизбежно приходим к выводу: в то самое время, когда часть русского войска оказывала помощь византийскому императору на территории самой Византии, другая часть под непосредственным руководством Владимира осадилась и принудила к сдаче опору византийского влияния в Северном Причерноморье — город Херсон.

Во избежание этого, действительно несколько странного вывода одни ученые, как А. Л. Бертье-Делагард, относили осаду и завершение военных действий против Корсуня ко времени до начала военных действий русских в Византии, т. е. до лета 988 г., игнорируя при этом показания греческих и арабских источников о времени взятия Корсуня Владимиром; другие же — В. Р. Розен, В. Г. Васильевский, Ф. И. Успенский, С. П. Шестаков и др.³³ — относили весь поход Владимира и падение Корсуня ко времени после разгрома Варды Фоки, т. е. к апрелю—июню 989 г., оставляя при этом без внимания сообщения русских источников о начале похода и продолжительности осады. М. В. Левченко предложил компромиссное решение: Владимир, узнав о нежелании императора выдать за него Анну, выступил против Корсуня еще до Абидосской битвы³⁴. Но так как М. В. Левченко относит поход к 989 г., его решение не может быть принято, ибо он также не учитывает всех сообщений летописи и жития Владимира.

Нам представляется, что если исходить из показаний всех без исключения источников (русских, греческих, арабских и армянских), то события, связанные с походом Владимира на Корсунь, восстанавливаются в следующем виде.

В 986³⁵ или 987 г.³⁶ в Киев прибыло посольство от Василия II с просьбой о вооруженной помощи. Эта помощь была обещана, но за это Владимир потребовал руку сестры императора, царевны Анны. Это требование было принято с тем условием, что Владимир и его народ примут христианскую веру из Византии. Почва для объявления христианства господствующей религией на Руси была уже достаточно подготовлена, а потому Владимир согласился с этим условием. Яхья сообщает: «И заключили они (Василий и Владимир. — Д. Т.) между собой договор о сватовстве и женитьбе царя руссов на сестре царя Василия, после того как он поставил ему условие, чтобы крестился он и весь народ его страны, а они народ великий... И когда решено было между ними дело о браке, прибыли войска руссов и соединились с войском греков, какие были у царя Васи-

³³ В. Р. Розен. Ук. соч., стр. 212—219; В. Г. Васильевский. Труды, т. II (1), стр. 100—101; Ф. И. Успенский. Рецензия на книгу В. Р. Розена. Император Василий Болгаробойца. ЖМНП, 1884, апрель, стр. 284—315; С. П. Шестаков. Ук. соч., стр. 83.

³⁴ М. В. Левченко. Ук. соч., стр. 207.

³⁵ Так предполагает В. Г. Васильевский (ук. соч., т. II, стр. 87—88), считая, что Василий II обратился к Владимиру за помощью сразу же после разгрома его войска болгарями (август 986 г.). Под 986 г. «Повесть временных лет» отмечает прибытие в Киев греческого посольства, явившегося будто бы с чисто миссионерскими целями. Однако другая цель посольства — просьба о военной помощи — могла остаться втайне от современников.

³⁶ Эта дата устанавливается на основании свидетельства Яхьи (В. Р. Розен. Ук. соч., стр. 23—24) о том, что император Василий отправил послов к Владимиру, «когда Фока овладел страной греков до Дориея и до берега моря и дошли войска его до Христополя», т. е. в 987 г.; см. Завитневич. О месте и времени крещения св. Владимира и о годе крещения киевлян. Труды Киевск. дух. акад., I, 1888, стр. 137 сл.

ля, и отправились на борьбу с Вардой Фокой морем и сушей к Хрисополю. И победили Фоку»³⁷.

Но затем, после заключения договора, уже в 988 г., Владимир предпринимает действия, на первый взгляд непонятные, заставившие историков при их объяснении игнорировать то одни, то другие источники, — он совершает поход на Корсунь. И тем не менее действия Владимира можно объяснить, если исходить из международных отношений того времени и политического значения Херсона, а также если учесть личные качества самого Владимира, крупнейшего политического деятеля своей эпохи.

Требую руку сестры императора, Владимир хорошо знал, на что он претендует. Константинопольский двор всеми признавался первым из правящих христианских дворов. Он являлся носителем вековых традиций Римской империи, а роскошь, утонченный церемониал и этикет константинопольского двора являлись предметом всеобщего удивления и подражания. Константинополь все еще оставался главным центром европейской культуры. Требование Владимира дать ему в жены сестру императора означало, что византийские императоры, считавшие только себя законными и единственными императорами, должны были признать Владимира равным себе.

Императоры Западно-Римской империи со времен Каролингов напрасно добивались чести вступить в родственные отношения с византийским двором. Константин Багрянородный писал, что подобные притязания следует отклонять под теми или иными предлогами, но самым категорическим образом. Таким образом, русский князь потребовал от Византии и получил согласие на то, чего не могли добиться западные императоры³⁸.

При таких условиях Владимир не мог не понимать, что согласие Василия II на этот брак является актом отчаяния и что византийский император при малейшей возможности постарается свое обещание не выполнить. А что «лукавые греци» способны изыскать какие-либо ухищрения и уловки, чтобы отказаться от своих обещаний, — в этом Владимир также едва ли сомневался. К тому же незадолго до описываемых событий, в 986 г., произошла история, о которой Владимир, учитывая тесные связи Руси с Болгарией, был, разумеется, осведомлен. История эта в изложении армянского историка Асохика такова: «В том году (т. е. 986. — Д. Т.) царь Василий отправил митрополита Севастийского в страну болгар водворить мир. Булгары просили царя Василия отдать сестру свою замуж за их царя. Император в сопровождении митрополита отправил какую-то женщину из своих подданных, похожую на свою сестру. По прибытии той женщины в страну болгар узнали, кто она, и потому осудили митрополита как прелюбодея и обманщика»³⁹. Так закончилась попытка болгарского царя Самуила породниться с византийскими императорами, и это в самый разгар победоносных действий Самуила против Византии, когда была освобождена Восточная Болгария, пала Ларисса, Диррахий, а само византийское войско было почти полностью уничтожено в балканских проходах.

Зная обо всем этом, Владимир понял, что единственным средством, которое может заставить императора выполнить взятые на себя обязательства и отдать ему в жены сестру при любых обстоятельствах, является захват какого-либо залога, боязнь окончательной потери которого была бы очень чувствительна для империи. Этим залогом и должен был стать Херсон.

³⁷ В. Р. Розен. Ук. соч., стр. 23—24.

³⁸ М. В. Левченко. Ук. соч., стр. 203.

³⁹ Асохик. Всеобщая история. Перевод Н. Эмина, М., 1864, стр. 175.

Если у Владимира и были какие-нибудь сомнения в том, что император постарается оттянуть выполнение соглашения, ожидая случая, чтобы вовсе от него отказаться, то ближайшие события должны были эти сомнения рассеять. В «Памяти и похвале Владимиру» Якова Мниха указывается, что в 988 г. Владимир ходил к порогам⁴⁰. Владимир, видимо, ожидал здесь Анну, остановившись в том месте, где ей и сопровождавшему ее посольству могла угрожать опасность от печенегов, постоянно подкарауливавших здесь русских⁴¹. Но Анна прислана не была, Владимир ожидал напрасно. Однако, в силу приведенных выше соображений, Владимир к этому был готов, а потому он явился к порогам с войском, вполне достаточным не только для того, чтобы препроводить Анну в Киев, но и для того, чтобы получить залог выполнения императором своих обещаний, если Анна не явится. Именно поэтому, придя весной или летом 988 г. к порогам и напрасно прождав Анну, Владимир смог немедленно направиться к Херсону летом того же 988 г., как об этом и сообщает «Повесть временных лет»⁴².

В это время положение Василия II было очень трудным. Решалась судьба престола, спасение которого зависело от русских войск, действовавших в Византии, а потому было не до Херсона. Вместе с тем Василий возлагал надежды, и не напрасно, как это показывает ход осады, на то, что такая твердыня, как херсонская крепость, сумеет сама постоять за себя. Херсон действительно представлял для того времени первоклассную крепость; он был опоясан мощными боевыми стенами высотой до 15 м и толщиной до 3 м, а в некоторых местах до 6—9 м; на наиболее угрожаемых участках, кроме основной оборонительной линии, была вынесена вперед вспомогательная боевая стена — протейхисма⁴³. Владимир осаждал город несколько месяцев, но прорвать оборону крепости он так и не смог, и Херсон был взят лишь тогда, когда Владимиру стало известно местоположение труб, снабжавших город водой.

Все приведенные выше соображения и объясняют, как нам кажется, показания источников, согласно которым одна часть войска Владимира помогала Василию II одержать победу над феодальными мятежниками и сохранить престол, а другая — в это же самое время — осаждала Херсон, опору византийского влияния в Северном Причерноморье.

Однако и предложенное объяснение не избавляет от необходимости решить еще один вопрос. Почему в качестве залога выполнения Византией заключенного с ней соглашения Владимир избрал именно Херсон? Коль скоро единственной побудительной причиной к походу против Корсуни явилось стремление обеспечить получение руки византийской царевны, то почему угроза Владимира [«Если вы не отдадите ее за меня, то поступлю с вашим городом (т. е. Константинополем. — Д. Т.) так же, как поступил и с этим»⁴⁴] была произнесена после взятия Херсонеса, т. е. во всяком случае после Абидосской битвы, резко изменившей к лучшему положение дел Василия II? Эта угроза, судя по сообщению летописи⁴⁵

⁴⁰ Память и похвала князю Владимиру. Изд. В. И. Срезневский. ЗАН ИФО, VIII сер., т. I, № 6, СПб., 1897, стр. 7.

⁴¹ М. В. Левченко. Ук. соч., стр. 207.

⁴² Подробный анализ текста летописи о ходе осады, об обстоятельствах, приведших к падению города, см. А. Л. Бертье-Делагард. Ук. соч.; Б. Д. Греков. Ук. соч.

⁴³ См. К. Э. Гриневич. Стены Херсонеса Таврического. Херсонесский сборник, вып. II, Севастополь, 1927.

⁴⁴ Повесть временных лет, стр. 76.

⁴⁵ Там же, стр. 76—77.

и свидетельствам Зонары и Кедрина⁴⁶, была воспринята в Византии со всей серьезностью и огромной тревогой, но разве не была бы она столь же или еще более действенной, прозвучав из Киева еще до Абидосской битвы? Далее. Те же Зонара и Кедрин говорят, что известие о падении Херсона возбудило в Константинополе сильнейшие опасения, что русский князь соединится с болгарами⁴⁷. И для этих опасений существовали весьма основательные причины. 80-е годы X в. являлись временем наибольшего успеха героической борьбы болгар за свою свободу против агрессии Византии. Летом 989 г., тогда же примерно, когда пал Херсон, болгарами был возвращен город Веррия, открывавший доступ к Солуни, второму по значению городу империи. Воспоминания же о совместных действиях Святослава и болгар против Византии⁴⁸ должны были быть еще свежи в Константинополе. Но разве для того, чтобы соединиться с болгарами или, по меньшей мере, угрожать таким союзом, Владимиру нужно было овладеть Херсоном?

Короче говоря, предположение, что единственным стимулом корсунского похода Владимира являлось стремление получить руку византийской царевны, не подтверждается свидетельствами о политической ситуации тех лет. Ясно, что Владимир, предпринимая свои действия, руководствовался еще и другими, достаточно вескими, побудительными мотивами. Но какими?

Стремлением прочно утвердиться в Херсоне? Но это допущение опровергается дальнейшим ходом событий. Для Киевского государства твердые позиции в Северном Причерноморье были действительно жизненно необходимы, однако в поисках этих наиболее надежных позиций взоры русских князей были обращены еще со времен Святослава⁴⁹, а может быть, и Игоря⁵⁰ не на Западную Таврику, а на берега Керченского пролива, поближе к восточным торговым артериям, туда, где возникло Тмутараканское княжество, включавшее в себя, во всяком случае в середине XI в., и Керчь. Владимир действовал вполне в духе уже сложившихся традиций русской политики в отношении Северного Причерноморья. Как сообщает летопись, тотчас же по прибытии Анны в Корсунь Владимир оттуда ушел, но зато немедленно после корсунского похода он посадил в Тмутаракань своего сына Мстислава. В своем стремлении укрепить позиции Русского государства в Северном Причерноморье Владимир, очевидно, учитывал и то обстоятельство, что в противоположность Тмутаракани Херсон, чуждый по языку, культуре, традициям и политическим симпатиям, не может явиться надежной опорой русского влияния на северных берегах Черного моря.

Итак, факты, сообщаемые источниками, и рассмотрение общей политической ситуации того времени позволяют установить следующее: 1) Владимир совершил поход на Корсунь, стремясь использовать последний в качестве залога выполнения пункта соглашения о выдаче за него замуж царевны Анны. 2) Кроме этой причины, предпринимая свой поход, Владимир руководствовался еще какими-то другими важными побудитель-

⁴⁶ Zonarae Epitomae historiarum. Ed. L. Dindorff, IV, p. 116; Cedrenus, II, p. 464, 8 B.

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ П. О. Карышковский. Русско-болгарские отношения во время Балканских войн Святослава. ВИ, № 8, 1951.

⁴⁹ В. В. Мауродин. Славяно-русские поселения Нижнего Дона и Сев. Кавказа в X—XIV вв. УЗ Пед. ин-та им. Герцена, т. XI, 1938, стр. 247; М. И. Артамонов. Белая Вежа. СА, XVI, 1952, стр. 46.

⁵⁰ А. Н. Насонов. Тмутаракань в истории Восточной Европы X в. ИЗ, 6, 1940, стр. 88 и сл.

ными мотивами. 3) В эти побудительные мотивы не входило намерение прочно и на сколько-нибудь длительный срок утвердиться в Херсоне.

Каковы же были эти мотивы? Они выясняются из рассмотрения той роли, какую играл Херсон в качестве проводника византийского влияния в Северном Причерноморье.

Трудно сказать, известно ли было в Киеве о том, что тотчас же после поражения Святослава Цимисхий отправил к печенегам посольство, иными словами, что гибель Святослава у порогов была делом Византии, инспирировавшей печенегов⁵¹; но не вызывает сомнений, что в Киеве была хорошо известна роль Херсона в натравливании печенегов на Русь. Однако киевскому правительству скорее всего не был известен документ, проливающий яркий свет на задачи, какие возлагались на Херсон византийским правительством по претворению в жизнь агрессивных замыслов Византии в Северном Причерноморье: мы имеем в виду сочинение Константина Багрянородного. Однако уже политическая практика показывала, что Херсон является не только исходным пунктом византийских дипломатических миссий к кочевым народам для натравливания их против Руси, как его недвусмысленно характеризует Константин Багрянородный⁵², но и центром сбора информации о военных приготовлениях Руси, о предпринимаемых ею шагах для борьбы с Византией. Характерна осведомленность русского летописца о том, что именно из Херсона император Роман получил первое предупреждение о походе Игоря на Византию: «Се слышавше Корсунци послаша к Роману, глаголюще: „се идуць Русь бещисла корабль, покрыли суть море корабли“»⁵³.

Владимир являлся крупным политическим деятелем, с чьим именем недаром связывается представление о князе, который думал «о строе землянем и об уставе землянем», т. е. об укреплении русской государственности. Эта его деятельность находит яркое выражение в объявлении христианства государственной религией и в высоко поднявшей международный престиж Русского государства женитьбе на Анне. Именно в силу этой деятельности по укреплению Русского государства, по упрочению его международных позиций Владимир должен был прийти к необходимости пресечь вдохновлявшиеся из Византии действия херсонесской знати, наносившие серьезный ущерб интересам Русского государства в Северном Причерноморье. Херсон нужно было разрушить или, по меньшей мере, нанести ему такой удар, от которого он долго не мог бы оправиться.

Таковы причины, которые привели Владимира летом 988 г. под стены Херсона.

Овладев городом, Владимир добился осуществления обеих поставленных перед собой задач: византийская царица была незамедлительно доставлена из Константинополя в Херсон, а «Корсунь разорен бысть от Руси»⁵⁴ и позиции Византии в Северном Причерноморье значительно

⁵¹ Cedrenus, II, p. 405.3—412.21. См. П. О. Карышковский. Балканские войны Святослава в византийской литературе. ВВ, VI, 1953, стр. 58.

⁵² Const. Porph., De administrando imperio, cap. 6, 7.

⁵³ Повесть временных лет, стр. 34.

⁵⁴ ПСРЛ, т. XV, Тверская летопись. Изд. Арх. ком., 1863, стр. 104. В полном согласии с этим сообщением летописи результаты многолетних археологических раскопок в Херсонесе показывают, что в конце X в. город подвергся пожару и сильнейшим разрушениям. См. К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г. ИАК, 4, 1902, стр. 67 и сл.; Г. Д. Белов. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931—1933 гг. МИА, 4, 1941, стр. 217, 252; Г. Д. Белов, С. Ф. Стрелецкий. Кварталы XV и XVI (Раскопки 1937 г.). МИА, 34, 1953, стр. 91; Г. Д. Белов, А. Л. Якобсон. Квартал XVII (Раскопки 1940 г.), там же, стр. 131.

ослаблены. С победой Владимира упрочилось положение русского форпоста в Причерноморье—Тмутаракани, сильно возросло ее экономическое и политическое значение.

Женившись на Анне, Владимир оставил Корсунь, который опять попал в сферу политического влияния Византии. Однако город, в значительной степени разрушенный и обезлюдивший, еще долго (по меньшей мере 70 лет) не мог играть той роли в политических планах Византии в Северном Причерноморье, какая принадлежала ему раньше.

С конца X в. основная опасность интересам Русского государства в Причерноморье исходила уже не от Византии. После 1094 г. Тмутаракань в летописях уже не упоминается—она была отрезана от Руси половцами и потеряла значение форпоста Киевского государства на северных берегах Черного моря. Половцы существенно подорвали позиции Русского государства в этом крае, хотя и не ликвидировали их вовсе. Лишь татары, а затем турки отбросили на длительный срок Русь от моря.

А. Л. ЯКОБСОН

К ИСТОРИИ РУССКО-КОРСУНСКИХ СВЯЗЕЙ
(XI—XIV вв.)

Русь и Корсунь — это старая тема, но до сих пор она продолжает оставаться слабо разработанной. Исследование этой проблемы обычно ограничивалось периодом X в. и посвящено было тем отношениям, о которых позволяет говорить трактат Константина Багрянородного, и тем политическим связям Византии и Руси, которые велись через Херсон и о которых рассказывают византийские источники и русские летописи. Особое внимание, естественно, уделялось русскому походу на Корсунь при Владимире — русско-византийской войне, завершившейся победой Русского государства, и тем большим политическим и культурным последствиям, которые имели эти события для Руси. Эти вопросы более или менее освещены в литературе¹, и мы не будем здесь к ним возвращаться.

Одну сторону дела, на которую до сих пор не обращали внимания, следует, однако, оттенить, а именно — рассматривая вопрос о связях Руси и Корсуни в X в., нужно иметь в виду, что в сфере материальной культуры эти связи, судя по наличному материалу, совершенно не нашли отражения. Многолетние раскопки Херсонеса до сих пор не дали ни одного предмета IX—X вв. собственно славянского происхождения. А тот единственный серый горшок со сплошным рифлением и клеймом на днище², который ряд исследователей Крыма склонны считать русским, на самом деле является типичным для поселений так называемой салтовской культуры — культуры поселений VIII—IX вв. в лесостепных районах бассейна Дона³, в том числе и для поселений восточной Таврики, и с собственно славянской культурой не связан. Вряд ли такое полное отсутствие предметов славянской культуры (не только керамики) в Херсоне IX—X вв. случайно. Не случайно и то, что в древнерусских городах находки херсоно-византийских монет конца IX и X в., чеканившихся тогда в Херсоне в большом количестве, очень редки⁴. Возникает сомнение

¹ См. М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, гл. VII. Ср. А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес. МИА, № 17, 1950, стр. 12—14.

² А. К. Тахтай. Раскопки херсонесского некрополя в 1937 г., Хсб, IV, 1948, стр. 40, рис. 7 и 8. В искаженном виде сосуд воспроизведен в кн.: Нариси стародавньої історії Української РСР. Київ, 1957, стр. 591.

³ Культура эта известна по таким памятникам, как Салтовский могильник близ Харькова, нижние слои городища Саркела на среднем Дону и Маяцкое городище в верховьях Дона. См. И. И. Ляпушкин. Памятники Салтово-Маяцкой культуры. Труды Волго-Донской археологической экспедиции, т. I, 1958.

⁴ Известен лишь один клад, найденный в 1908 г. на горе Киселевке и состоящий из 37 монет, главным образом Василия I (28 экз.), а также Романа I, Романа II

в интенсивности и систематичности торговых связей между Русью и Корсунью в X в. Эти связи скорее являлись опосредствованными, так как велись через печенегов, добывавших, по Константину Багрянородному, на Руси сырье и свозивших его в Херсон. Русские торговые караваны направлялись, вероятно, в большинстве случаев непосредственно в Царьград (о чем нам говорят русско-греческие договоры), оставляя Корсунь в стороне, вынужденные к этому, возможно, политической обстановкой.

Так или иначе, ни в письменных источниках, ни среди вещественных памятников мы не находим убедительных данных, которые свидетельствовали бы о налаженных торговых и культурных отношениях Киевской Руси с Корсунью в период, предшествующий походу Владимира⁵.

Не наладились и тем более не усилились эти связи и после победы Русского государства в конце X в. Тому было несколько причин. Во-первых, в конце X и в XI столетии Корсунь вообще не могла особенно привлекать русских купцов, поскольку их причерноморская торговля направлялась в другой порт, теперь всецело принадлежавший Руси, — Тмутаракань, которая в новой обстановке стала быстро расти и развиваться и вскоре приобрела значение важного экономического центра Северо-Восточного Причерноморья. Во-вторых, Русское государство, получив возможность в результате победы над Византией закрепиться в Восточной Таврике, вместе с тем обязалось, по-видимому, отступить от Корсуни, освободить ее и не добиваться экономического и политического влияния в этом районе. В-третьих, торговые связи Руси с Корсунью были временами сильно затруднены и печенегами, набеги которых участились как раз в конце X и в первые десятилетия XI в.⁶, а позднее — с 1061 г. — половцами⁷. Но даже за время спада половецкой активности и некоторого затишья в степи, наступившего в конце 60-х годов и продолжавшегося до начала 90-х годов XI в.⁸, русско-корсунские связи также, по-видимому, не успели развиться и окрепнуть⁹. По крайней мере, ни одного факта, который указывал бы на наличие таких связей в XI в. — торговых или культурных, — ни в письменных источниках, ни среди вещественных материалов мы не знаем. Не относятся сюда и найденные в Херсоне русские кресты, так как они более позднего времени (о них см. ниже). Ничего не говорят о русско-корсунских связях и круглые витые браслеты и шиферные пряслица. Ради устранения возможных недоразумений остановимся на этих двух группах материала.

Сначала о браслетах. Оставляя в стороне треугольные в сечении

и Никифора Фоки (см. „Розкопи в Київі на горі Кісілівці в 1940 р.“. Археологія, I, 1947, стр. 146). Отдельные херсоно-византийские монеты были найдены в Киеве в 1883 г. на Мало-Владимирской ул. (монета Василия I; см. В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губ., М., 1895, стр. 38) и в Триполье (монеты Василия I и Романа I; см. В. Б. Антонович. О монетных кладах, найденных в Киеве и его окрестностях. Чтения в Обществе Нестора Летописца, кн. 2, Киев, 1888, стр. 17).

⁵ Не может служить указанием на такие сношения (тем более систематические) и известное сообщение Паннонского жителя Константина Философа о том, что он в 60-х годах IX в. встретил в Херсоне человека, владеющего русским языком. Такое указание имеет очень ограниченное значение, так как касается только одного человека, а кроме того, это мог быть и не русский, а только владеющий русским языком.

⁶ П. Голубовский. Печенеги, торки и половцы. Киевские университетские известия, 1883, № 5, стр. 230—234; ПСРА, I, ст. 151 (под 1036 г.); II, ст. 138—139 (под 1034 г.).

⁷ ПСРА, I, ст. 163; II, ст. 152.

⁸ П. Голубовский. Ук. соч., стр. 237 сл.

⁹ Не указывает, конечно, на такие связи и относящийся к концу XI в. факт угона на продажу в Херсон русских пленников-рабов, о чем сообщает Киево-Печерский патерик (Патерик Киево-Печерского монастыря, СПб., 1911, стр. 78—79).

браслеты из синего, очень чистого стекла и квадратные в сечении, относящиеся по условиям находки к IX—X вв., обратимся к хронологически следующей группе круглых и витых браслетов, бытовавших в Херсоне в течение XI—XIII вв. Они встречаются довольно часто и действительно очень похожи на браслеты, обычные в домонгольских слоях древнерусских городищ и связанных с ними могильниках¹⁰. Но, во-первых, браслеты точно такой же формы, особенно витые, были характерны не только для древней Руси: витые стеклянные браслеты широко бытовали и в Закавказье — находки их были обычны, например, в слоях XI—XII вв. Байлакана (городище Орен-кала) в Азербайджане. Во-вторых, технологический анализ херсонесских и древнерусских браслетов показал существенную разницу между теми и другими, исключающую общее происхождение их¹¹. Таким образом, предположение о русском происхождении таких браслетов не может быть принято.

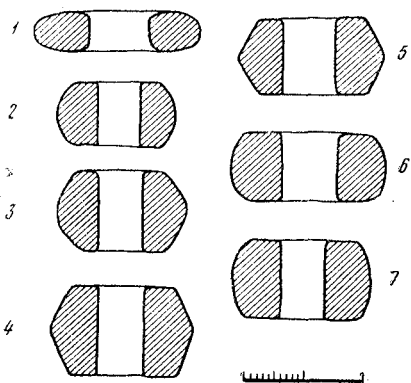

Рис. 1. Средневековые шиферные пряслица из Херсонеса

красного (лиловатого) шифера, напоминающего овручский, зарегистрировано очень немного пряслиц — всего 30 экз. и, кроме того, 18 беспаспортных (из раскопок К. Косцюшко). Во-вторых, шиферные пряслица, как видно на рис. 1, отнюдь не однородны по форме: некоторые из них более или менее плоские (2511/09, 3236/09, 5/14 и др., таких большинство), или овальные в сечении (например, 1198/13), или приближающиеся по форме к древнерусским (овручским) — бочковидные или бипирамидальные, но таких всего 9 экз. В-третьих, что особенно важно, их хронология, судя по условиям находки и сопровождающему материалу, большей частью не совпадает с хронологией овручских пряслиц, обычно относимых к XI—XIII вв. Ввиду важности этого материала приводим все имеющиеся данные, которые мы свели в таблицу, напечатанную в конце статьи. В нее включено 26 пряслиц из раскопа в северо-восточной части городища, 4 — из раскопов в северном прибрежном районе (раскопки 1931—1937 гг.) и 18 беспаспортных. Паспорта 14 пряслиц из 30 паспортизованных недостаточно определены, поэтому использовать эти паспорта для датировки пряслиц затруднительно. Из остальных 16 экз. 13 пряслиц из лиловатого шифера найдены в слое, датированном монетами IX—X вв. Этот слой очень хорошо выражен, и дата его никакого сомнения не вызы-

Несколько слов относительно пряслиц. Мы просмотрели в фондах Государственного Херсонесского историко-археологического музея (ГХМ) все паспортизованные пряслица из раскопок в северо-восточной части городища (за время с 1908 по 1914 г. их найдено там, по описи, 82 экз.) и в северном прибрежном районе (за время с 1931 по 1937 г. их найдено там, по описи, 41 экз.) — всего 123 экз., включая и античные.

Просмотр этого материала показал следующее. Во-первых, подавляющее большинство пряслиц — глиняные или из серого или черного камня. Из

¹⁰ Г. Ф. Соловьева и В. В. Кропоткин. К вопросу о производстве, распространении и датировке стеклянных браслетов древней Руси. КСИИМК, XLIX, 1953, стр. 21—24.

¹¹ М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси. Минск, 1956, стр. 210—211.

вае. И только 3 пряслица найдены в верхнем слое и, следовательно, бытовали в XII—XIII вв. Наши личные наблюдения во время раскопок 1941, 1947 и 1948 гг. убеждают, что такое соотношение двух хронологических групп пряслиц не случайно. Конечно, представленный материал еще слишком ограничен и в целом плохо документирован и поэтому недостаточен для окончательных заключений. Но вместе с тем пренебрегать им невозможно. Несомненно одно: пряслица из лилового шифера, напоминающие по материалу и форме древнерусские, появляются в Херсоне уже в X в., а для последующего времени менее характерны. При этом возникает вопрос, можно ли считать окончательно установленным, что материал этих пряслиц действительно овручский шифер, а не шифер из какого-либо другого, более близкого к Крыму месторождения.

Но если все же торговые и культурные сношения Корсуни с Киевской Русью в XI в. и могли иметь место, если Корсунь в те времена могла служить транзитным пунктом для морских торговых караванов русских купцов, направлявшихся в Тмутаракань, хотя все это и не отразилось в имеющихся источниках, то в конце XI в. возможности для этого полностью исчезли. В 1094 г. в последний раз русская летопись упоминает Тмутараканское княжество¹², приблизительно в то время прекратившее свое существование: Киевская Русь, таким образом, лишилась своего экономического и политического форпоста в Причерноморье. В это же самое время, в конце XI в., в причерноморской торговле на некоторое время возобладали венецианцы, широко использовавшие торговую монополию в причерноморских портах, которую они вырвали у ослабевшей Византии в 1082 г.¹³ В результате этих событий в Таврике сложилась новая историческая ситуация, резко изменившая положение дел: с тех пор и вплоть до XIII в. сношения Руси с Таврикой вообще, и в частности с Корсунью, прекратились, по-видимому, полностью. К такому заключению ведет не только смысл тех событий, о которых только что говорилось, — этот вывод подтверждают вещественные (археологические) материалы, вернее — отсутствие их: ни одного памятника XI и XII вв. (по крайней мере первой половины XII столетия) русского происхождения в Корсуни не известно.

Тем интереснее, что такие памятники появляются, и притом в не малом количестве, на протяжении следующего столетия — в XIII в. Сюда прежде всего относятся так называемые новгородские гривны; именно с этим временем связаны русские горшки и другие сосуды; не менее симптоматичны находки русских энколпионов и других крестов. Это — единичные находки, но в целом они образуют значительную группу памятников, знаменующих определенное историческое явление.

На каждой из этих групп вещей следует хотя бы кратко остановиться отдельно. Серебряные гривны в виде палочек¹⁴ принадлежат хорошо известному новгородскому типу XII и XIII вв., имевшему хождение, правда,

¹² ПСРА, I, ст. 226.

¹³ Аннае Сомпенае Alexias, VI, 5 (ed. Teubn., 1884, p. 197; русский пер. в изд. С.-Петербургской духовной академии, 1862, стр. 271 сл.).

¹⁴ В Херсонесе их найдено 12 — все в одном помещении в западной части городища. См. ОАК за 1889 г., стр. 14; А. В. Орешников. Опись серебряным монетным слиткам из собр. Российского исторического музея. Труды Моск. нумизмат. общества, II, М., 1901, стр. 216, табл. IV, 1. А. В. Орешников предполагает, что гривны эти — местного херсонского происхождения и изготовлены для торговли с Русью (там же, стр. 216). Но в таком случае остается непонятным, почему в Херсоне избрали за образец среднерусский и северный тип гривны, а не киевский, хотя с Поднепровьем Херсон был, конечно, теснее связан, чем с далеким Севером. Предположение А. В. Орешникова нам представляется маловероятным.

далеко не только в Новгороде, а потому связывать такие гривны исключительно с этим городом и его областью невозможно¹⁵. Следует при этом оговорить, что со временем легендарного князя Бравлина из Новграда, совершавшего, как сообщает славянская редакция Жития Стефана Сурожского, походы на южную Таврику («плени от Корсуня до Корча»)¹⁶, эти гривны ничего не имеют общего. Во-первых, походы Бравлина относятся еще к IX в., а во-вторых, маловероятны походы в Крым с далекого Севера¹⁷.

Не менее ясные указания дают русские кресты-энколпионы, найденные в Херсоне. Всего таких крестов насчитывается, как выяснила Г. Ф. Корзухина, 12¹⁸. Два из них найдены в одном из северных кварталов городища (кв. XVII, раскопки 1940 г.), имеют славянские надписи¹⁹ и несомненно происходят из поднепровских городов Киевской Руси, скорее всего из самого Киева, где находят себе многочисленные и точные аналогии²⁰.

Время изготовления этих крестов — 30-е годы XIII в.²¹ Место находки остальных русских энколпионов из Херсона неизвестно²². Все они датируются в пределах XII и первой половины XIII в.²³

Особо следует отметить большой медный шестиконечный крестный крест, найденный в Херсоне на том же участке, где и два русских энколпиона (квартал XVII), в помещении, принадлежавшем соседней усадьбе. Крест этот²⁴ также несомненно русский, поскольку на нем изображены князья Борис и Глеб, канонизированные вскоре после их смерти в 1015 г. Общий тип и композиция его находят себе аналогии среди крестов, найденных на Княжьей Горе²⁵, и, судя по всем признакам (в том числе и палеографическим), относится к концу XII или к XIII в.

К группе церковных предметов XIII в. относятся и ажурные литые цепи от хоросов. Несколько фрагментов таких цепей найдено при дореволюционных раскопках К. Косцюшко (рис. 2, а), почти полная цепь происходит из помещения IV на участке раскопок 1932 г.²⁶, один фрагмент — из раскопок 1940 г. (помещение 10 в квартале XVII и почти рядом с помещением, где были найдены русские кресты) (рис. 2, б)²⁷. Все эти цепи абсолютно одинаковы и изготовлены, по-видимому, в одной матрице. Фрагменты совершенно тождественных цепей неоднократно находились

¹⁵ См. А. И. Черепнин. О гривенной денежной системе по древнимкладам. Труды Московского нумизмат. общества, II, 1901, стр. 202—205; А. В. Орешников. Денежные знаки домонгольской Руси. Труды ГИМ, вып. 6, М., 1936, стр. 20—23.

¹⁶ См. В. Г. Васильевский. Труды, т. III, 1915, стр. 95.

¹⁷ Единственное указание на торговые сношения Крыма с Новгородом в XII в. содержится в Сказании о житии Антония Римлянина («Православный собеседник», т. II, Казань, 1858, стр. 165).

¹⁸ Г. Ф. Корзухина. О памятниках «корсунского дела» на Руси. См. в настоящем томе, стр. 135—136.

¹⁹ Подробнее см. наш отчет о раскопках указанного квартала: МИА, № 34, 1953, стр. 138.

²⁰ См. ук. статью Г. Ф. Корзухиной.

²¹ Б. А. Рыбаков. Сбыт продукции русских ремесленников в X—XIII вв. Записки МГУ (серия «История», кн. 1), М., 1946, стр. 90.

²² Только в отношении некоторых известен год находки и, следовательно, можно определить район городища, где был найден соответствующий крест, но этого, конечно, недостаточно.

²³ См. ук. статью Г. Ф. Корзухиной.

²⁴ Подробнее о кресте см. МИА, № 34, 1953, стр. 147.

²⁵ См. Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности русские. Кресты и образки, вып. I. Киев, 1899, табл. IV, 46; ср. табл. II, 41, 42.

²⁶ См. МИА, № 4, 1941, стр. 248 и рис. 77.

²⁷ См. МИА, № 34, 1953, стр. 153.

в древнерусских городах²⁸. Частые находки там таких цепей склоняют к предположению, что и они привозились в Херсон из русских поднепровских городов.

Для интересующей нас темы очень важна керамика. Из четырех привлекаемых нами сосудов один — это целый горшок²⁹, тулово которого резко сужается книзу; венчик сильно выделен, к нему примыкала небольшая кольцевидная ручка; плечики украшены простым рифлением и рядами ямочек под ним (рис. 3, а); черепок темно-серый. Обломок верхней части:

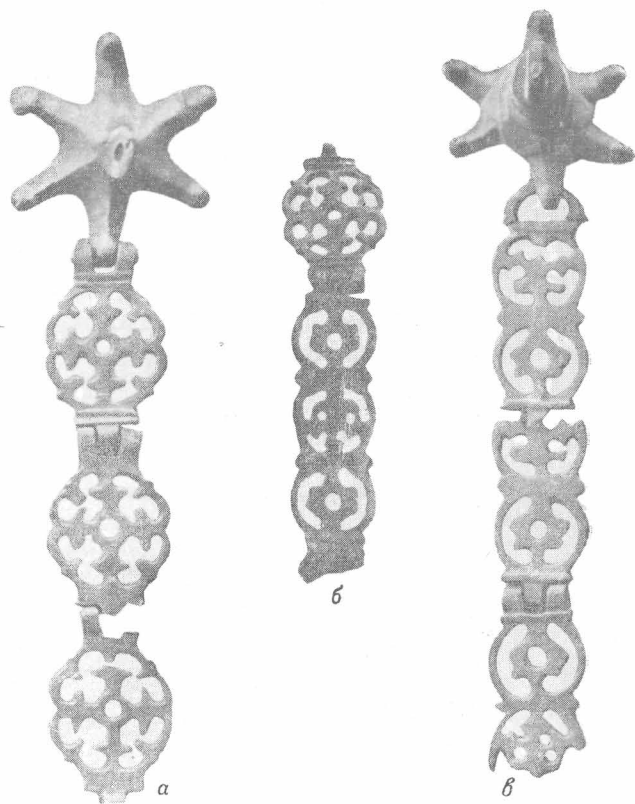

Рис. 2. Цепи от хороса

а — из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича; б, в — из раскопок 1940 г.

аналогичного горшка, украшенного ногтевидным орнаментом и волной (рис. 3, г), найден в квартале XVIII³⁰. Третий сосуд — это типичный для киевской предмонгольской керамики небольшой корчажец (сохранившаяся высота — 16,5 см, диаметр — 11 см) с бочковидным туловом и двумя симметричными ручками-ушками (рис. 3, в)³¹. Четвертый сосуд (рис. 3, б) — это горшок с шаровидным корпусом, украшенным зоной рифления; венчик имеет в профиле уступ («бережок»), столь характерный для славянской керамики.

²⁸ Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Поднепровья, вып. V. Киев, 1902, табл. VI, 208 и VIII, 227; Н. И. Петров. Альбом достопримечательностей державно-археологического музея при Киевской духовной академии, вып. IV—V. Киев, 1915, табл. XIII, 5.

²⁹ № 17207 инв. 25 г., беспаспортный, из находок К. Косцюшко-Валюжинича.

³⁰ См. МИА, № 34, рис. 76 (стр. 224).

³¹ Из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича, номер стерся. Беспаспортный.

Форма приведенных сосудов характерна вообще для восточнославянской керамики XI—XIII вв. (широкое, сильно сужающееся книзу тулово, довольно резко отогнутый простой, чаще непрофилированный венчик, украшения в верхней части тулова в виде толстого прямого рифления, нередко гребенчатой волной — одинарной или двойной). Среди такого рода многочисленных русских горшков, большей частью происходящих из раскопок городищ, ясно выделяются горшки так называемого

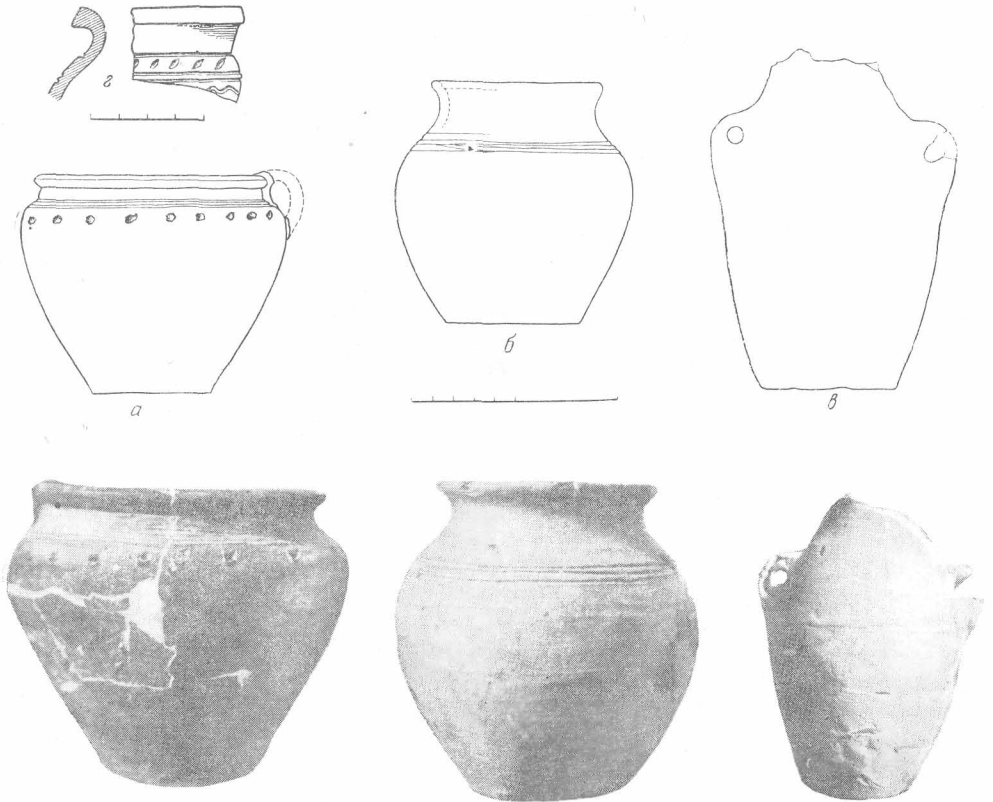

Рис. 3. Русские сосуды из Херсонеса

а — горшок № 17207; б — горшок № 17140; в — корчажец «киевского типа», без номера, из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича; г — обломок горшка с ногтевым орнаментом, из раскопок 1940 г.

киевского типа, для которых характерны миниатюрные ручки у основания венчика³², придающие локальную особенность данной группе древнерусской приднепровской керамики. Именно к этой группе принадлежит

³² К сожалению, эта керамика редко издавалась, хотя в музейных коллекциях она представлена широко. См., например, Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Поднепровья, вып. V, табл. XXXIX, 1358; XL, 1375. В. Ф. Ржигя. Очерки по истории быта домонгольской Руси. Труды ГИМ, вып. 5, М., 1929, стр. 39. Аналогичные горшки встречались на Ковшаровском городище (см. А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. Смоленск, 1926, табл. III, 2; IV, 1). Выразительную серию таких горшков дали раскопанные М. К. Каргером в 1938—1939 гг. землянки в Киеве на территории усадьбы бывш. Михайловского монастыря и Владимирова города М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, рис. 8 (на стр. 22; ср. рис. 25, 26, 28 и 129).

и горшок из Херсона. Тождество с поднепровскими горшками исключает сомнение в его русском происхождении: очевидно, он был привезен из какого-либо поднепровского города или сделан в Херсоне русским гончаром, переселившимся сюда из Поднепровья. Дата таких горшков определяется по месту и условиям их находок — непосредственно предмонгольским временам, т. е. первой половиной XIII в., хотя форма их, очевидно, была выработана раньше³³. В полной мере это можно сказать и об упомянутом корчажке, также относящемся к киевскому типу с ушками-держалками³⁴.

Очень типичен для русской домонгольской керамики и четвертый сосуд, изображенный на рис. 3, б.

Конечно, если говорить о древнерусских культурных связях с Таврикой в целом, то, очевидно, нельзя ограничиться указанными сосудами русского происхождения в Херсоне. Нельзя обойти и бросающееся в глаза сходство большой группы древнерусских корчаг XIII в. с обычными в Северном Причерноморье XII—XIII вв. амфорами. Речь идет, собственно, о двух типах их: один из них — это сравнительно большой сосуд с широким бороздчатым корпусом, приближающимся к яйцевидному, низким горлом и дуговидными ручками, поднимающимся над горлом. Они бывали и круглодонными и, реже, плоскодонными, предназначались же и для жидкостей и для сыпучих тел и назывались на Руси корчагами. Такого рода амфоры часто встречаются при раскопках городов Киевской Руси — в Бакожине, Воини, Райках (близ Бердичева), в самом Киеве (рис. 4, б) и севернее — в Смоленской области (на Ковшаровском городище)³⁵ (рис. 4, а). По условию находок и сопровождающему материалу такие корчаги можно отнести к концу XII—первой половине XIII в., т. е. к предмонгольскому времени. Другой, не менее распространенный тип — это амфора, обычно меньшего размера, с вытянутым туловом, более или менее грушевидным, с узким округлым дном и сравнительно высоким горлом и высокими, также дуговидными ручками, прямо поднимающимися над корпусом, а затем опускающимися к венчику горла (рис. 4, в)³⁶.

Обе эти формы среди византийской (царьградской) керамики, насколько знаю, неизвестны, зато они, как сказано, очень типичны для Северного Причерноморья: их постоянно находят в верхнем слое Херсонесского городища, датированного в пределах XII—XIII и отчасти XIV в. (рис. 4, в, д), в верхнем слое Эски-Кермен, погибшего, как это выяснил Н. И. Репников, в конце XIII в.³⁷ В этом сходстве типов амфор проявилась, очевидно, определенная связь ремесленного производства Киевской

³³ Уже в X в. эта форма представлена в Гнездовском могильнике. См. В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ. Материалы по археологии России (МАР), вып. 28. СПб., 1902, стр. 114 сл.

³⁴ Ср. М. К. Каргер. Ук. соч., рис. 129 (стр. 177) — из раскопок жилища I во Владимировом городе.

³⁵ См. А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, XV, 1950, стр. 343, рис. 12 (бакожинская корчага); И. А. Хойновский. Раскопки великокняжеского дворца древнего града Киева. Киев, 1893, табл. XVII, 99; М. К. Каргер. Новые данные к истории древнерусского жилища. КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 9; А. Н. Лявданский. Ук. соч., рис. 42 (стр. 237).

³⁶ Такие амфоры см.: Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Поднепровья, вып. V, 1902, табл. XL, 1371; А. Л. Якобсон. Ук. соч., рис. 10, 33—35, стр. 339—340 (по материалам В. Н. Шляпкина из Чернигова); И. А. Хойновский. Ук. соч., табл. XVII, 100 (из Киева); находились они и в Бакожино и на городище Воинь (близ Кременчуга, раскопки В. К. Гончарова в 1957 г.).

³⁷ См. А. Л. Якобсон. Ук. соч., стр. 339—340, рис. 10, 33—35; 11, 37—39 (там же приведена соответствующая литература).

Руси с Северным Причерноморьем, то ли выражавшаяся в общении самих ремесленников, то ли установившаяся путем привоза (в качестве тары) самих изделий в города Киевской Руси. Последнее могло приобрести систематический характер.

Конечно, это было результатом не специально русско-корсунских сношений, а вообще связей древнерусских городов с Северным Причерноморьем в широком смысле слова. Хронологически же они охватывали не

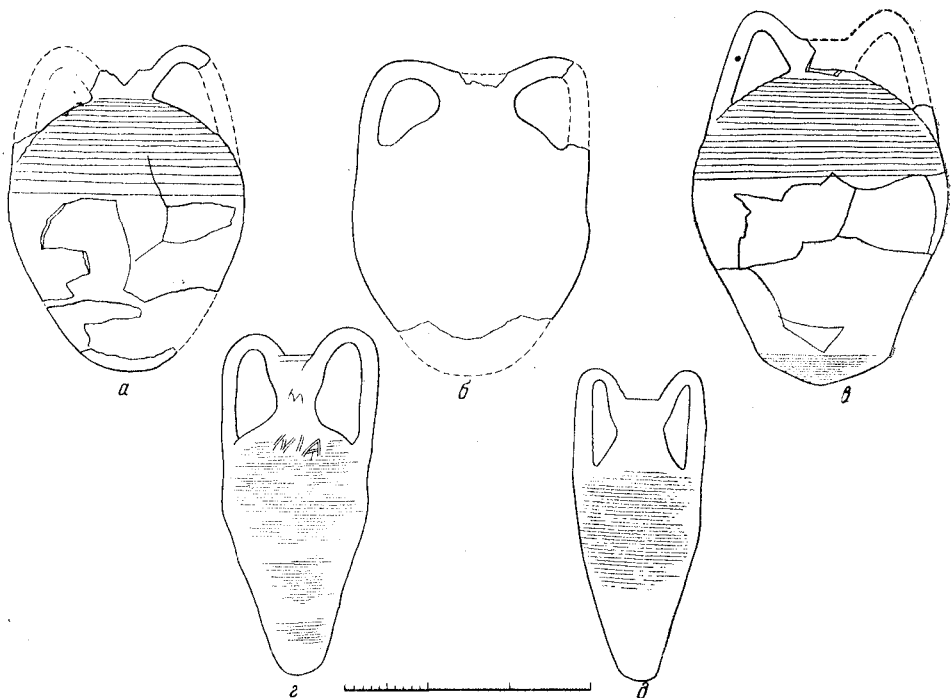

Рис. 4. Древнерусские и херсонесские амфоры

а — из городища Ковшарово (верховье Днепра); б — из землянки на территории Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве (раскопки М. К. Каргера в 1949 г.); в — из Херсонеса, квартал XVIII в северной прибрежной части городища; г — из Мстиславова храма во Владимире Больнском (по И. Шляпкину); д — из Херсонеса, квартал I в северо-восточной части городища, № 3419/08.

только XIII, но и XII и XI вв., когда соответствующие типы амфор были весьма распространены во всех северопричерноморских областях — от Корсуни до Тмутаракани и далее к северо-востоку в нижнедонских поселениях Кобякове и Саркеле, ставшем в XI в. русским городом Белой Вежей. Может быть, благодаря ремесленной среде Тмутаракани эти типы амфор и привились в гончарном ремесле поднепровских городов, которые в XI в. были тесно связаны со своим северопричерноморским форпостом.

Но в настоящей статье мы лишь попутно коснулись этого вопроса. В центре нашего внимания — не эти русские амфоры, изготовленные в древнерусских городах, а те сравнительно многочисленные русские изделия, которые найдены в Херсоне—Корсуни, — изделия, несомненно привезенные туда русскими людьми, ибо никакому херсонцу, очевидно, было незачем везти с собой, скажем, из Киева или Чернигова русский

горшок или корчажец и тем более русский энколпион. Кроме того, очевидно, что ни те ни другие не были в Херсоне предметом торговли и попали туда лишь в качестве предметов личного обихода вместе с их владельцами — русскими. О торговле могут свидетельствовать лишь серебряные гривны.

Надо сказать, что некоторые изделия херсонского ремесла попадали в те времена и в Киев. При недавних раскопках М. К. Каргера в Киеве был найден фрагмент поливного кувшина с орнаментальным графическим рисунком (врезной линией) и полихромной расцветкой, довольно полно повторяющими рисунок и расцветку большой группы херсонесских поливных кувшинов аналогичной формы³⁸ (какой-то херсонский гончар, как видно, набил себе руку на этом рисунке и повторял его множество раз). Херсонское происхождение этого кувшина не вызывает ни малейшего сомнения. Однако это единичные находки: количество русских вещей в Херсоне значительно больше. Мы вправе видеть в этом отражение факта определенного движения (эмиграции) русского населения в Херсон. Происходило это именно в XIII в. — не раньше и, по-видимому, не позже.

Конечно, о размерах этой эмиграции приведенные вещи ничего сказать не могут, но не исключено, что целый квартал города или, по крайней мере, часть квартала заселили именно русские — выходцы из городов Поднепровья. Так, на участке раскопок 1940 г. (квартал XVII) в двух соседних усадьбах были найдены упоминавшиеся русские энколпионы, относящиеся к 30-м годам XIII в., фрагменты церковных чаш, цепи и держава³⁹, а в одной из этих усадеб — также упоминавшийся русский киотный крест с изображением Бориса и Глеба того же времени⁴⁰. Вероятнее всего, что в этом доме жил священник, обслуживавший церковь, принадлежавшую, судя по киотному кресту, русскому приходу. Настаивать на таком предположении, конечно, нельзя, но наличный материал делает его вполне правомерным. Конечно, русские семьи поселились не только в северных прибрежных кварталах Херсона: судя по местонахождению других русских крестов, они занимали отдельные усадьбы и в других районах города.

Чем было вызвано появление русского населения в Херсоне в столь поздний период? Конечно, не усилением торговых сношений, которые в то время уже не развивались: перспективы для такого развития исчезли, ибо город утратил значение экономического центра Таврики, переместившегося в восточные ее районы (в Сугдею, а затем в Каффу). Да и чем мог торговать с русскими купцами Херсон, лишенный сельскохозяйственной базы и со сравнительно слабо развитым ремеслом? В связи с изменением торговых путей не мог Херсон вести и сколько-нибудь значительной транзитной торговли. Хозяйство Херсона становилось все более натуральным, признаки чего постоянно наблюдаются при раскопках.

Русская эмиграция в Херсон вызвана была, полагаем, иными причинами: нашествием татарских орд и непосредственной угрозой страшных татарских набегов, обрушившихся на города Поднепровья в 40-х годах XIII в.⁴¹ Конечно, это не было массовым переселением: наличный материал русского происхождения в Херсоне не столь уж обширен, чтобы

³⁸ МИА, № 17, табл. XVII, № 65.

³⁹ МИА, № 34, стр. 137—139.

⁴⁰ Там же, стр. 147—148.

⁴¹ Ср. МИА, № 34, стр. 158.

Сводка данных о средневековых шиферных пряслицах Херсонеса

№ пряслица на рис. 1	№ по-рядк.	№ полевой оп. или инв. №	Место находки	Совместно найденный материал	Примечание	
1	1	5 14	Пом. XIX, в насыпи	Монеты: Феодосия I — 1 экз., Василия I — 1 экз., Льва VI — 1 экз., Романа I — 1 экз.	Паспорт неопределенный, данных нет	
	2	2514/09	Пом. IV с, внизу ямы	Монеты: Романа I — 3 экз., Льва VI — 1 экз.		
	3	1571 11	Пом. XIII, круглая яма	Монеты: Юстиниана I, Романа I		
	4	1718 12	Пом. 12	Монеты IX—X вв.		
	5	317 13	Из ямы	—		
		6	398/13	В нижнем слое, при скале		Данных нет
		7	261/31	Пом. 2, слой 1		—
	2	8	2514/09	Пом. IV с, внизу ямы		Монеты: Романа I — 3 экз., Льва VI — 1 экз.
		9—10	Б/№	Б/п		—
	3	11	3269 09	Пом. XXIV, у водостока		Монета Василия I
	4	12	266 11	В насыпи		Данных нет
		13	315/11	Пом. VIII, под 3-м полом		" "
		14	122/12	Пом. 26		Вместе с поливной керамикой
		15	379 13	Из ямы под 1-м полом		Данных нет
		16—20	Б/№	Б/п		—
	5	21	2515 09	Пом. IV с, внизу ямы		Монеты: Романа I — 3 экз., Льва VI — 1 экз.
		22	1598 11	Пом. XV, на полу ямы		Монета Романа I
		23	1938/12	Яма, на 1-м полу		Монета Романа I
		24	385/13	Из ямы под 1-м полом		Данных нет
		25	2369/37	Пом. IV, слой 2		—
		26	3152 инв.25 г.	Б/п		—

Слой 2 обозначает слой IX—X вв.

№ пря- слида на рис. 1	№ по- рядк.	№ полевой ощ. или инв. №	Место находки	Совместно найденный материал	Примечание
6	27	2511 09	Пом. IV а, на скале	Монета Константина VII Багрянородного	Керамика относится к XIII в.
	28	3215 09	Пом. XX, ниже нижнего пола	Монеты: Василия I и Романа I	
	29	250.11	Западное помещение С, 1-й пол	Поливная керамика	
	30—32	376—378/13	Раск. в монастырской ограде, из ямы под 1-м полом	Монета неопределенная	Поздняя (XIII—XIV вв.) Соответствует XI— XIV вв. Соответствует IX—X вв.
	33	493/13	Под 1-м полом	Данных нет	
	34	322/14	Пом. XXIII, из колодца	Вместе с коричневой поливой	
	35	287/32	Пом. V, слой 1	—	
	36	4748/36	Пом. XXI, слой 2	—	
	37—39	Б. №	Б/п	—	
	7	40	2114/11	Пом. XVIII, под 4-м полом	Обломок чернолаковой керамики
41		847/14	Пом. I, на краю цистерны	Монета неопределенная	
42		32553 инв. 25 г.	Б/п	—	
43—48		Б. №	Б/п	—	

Всего: 48 экз.

можно было утверждать обратное, но все же он ясно указывает, что эмиграция действительно имела место.

Надо заметить, что русские люди, направлявшиеся в Таврику, оседали не только в Херсоне: русские кресты второй половины XII и XIII в. были найдены и в юго-западном нагорье (на Мангупе)⁴², и на южном побережье (Алуште), и в восточной части полуострова (на городище у сел. Планерского)⁴³, и в Феодосии. Однако во всех этих местах русские находки единичны и не могут сравниться с количеством их в Херсоне.

Нетрудно понять, почему преимущественно в Херсон устремились русские люди. Во-первых, в XIII в. это был наиболее крупный после собственно русских городов центр Восточной Европы, куда еще не дотянулись татарские полчища, — город с единоверным христианским населением, единственный уцелевший в ближайшем соседстве с Киевской Русью. В середине XIII в. еще не был, вероятно, утрачен пиетет к этому некогда славному городу, в котором Владимир принял христианство. Во-вторых, туда было сравнительно легче добраться: по Днепру и затем морем, т. е. водным путем, где было меньше риска подвергнуться татарскому нападению и оказаться в плену.

Так около середины XIII столетия могла возникнуть в Херсоне-Корсуни русская колония, просуществовавшая здесь, по-видимому, до конца жизни города⁴⁴.

⁴² М. А. Тиханова. Дорос—Феодоро в истории средневекового Крыма. МИА, № 34, стр. 329.

⁴³ Дело АК, 1887, № 7, лл. 17—23. В. В. Кропоткин. Крест-складень из Коктебеля. СА, XV, 1957, № 2, стр. 257.

⁴⁴ Изложенное выше существенно отличается от того, что мною же было сказано о русско-корсунских отношениях в работе „Средневековый Херсонес“ (МИА, № 17, 1950), написанной еще в предвоенные годы. Мною был неправильно истолкован русско-греческий договор 945 г. (стр. 11—12), в котором на самом деле никаких данных о русско-корсунской торговле не содержится; декларативно говорилось и о существовании таких связей в XI в., хотя и отмечалось, что относящихся сюда фактов слишком мало (стр. 23), но в сущности их нет совсем. Я, правда, указывал, что сношения Руси и Корсуни в самом конце XI в. вообще прервались (стр. 25), но следовало добавить, что и до того они не были развиты. Наконец, была преувеличена роль русского этнического элемента в Корсуни в IX—X вв. (стр. 35), хотя данных о русских жителях в Корсуни того времени в источниках нет вовсе. В связи со всем только что сказанным может только вызвать удивление замечание моего рецензента Е. Ч. Скржинской, обвинившей меня в „антинаучном игнорировании культурных взаимоотношений Херсона и Поднепровья“ (ВВ, VI, 1953, стр. 269). Нетрудно убедиться в неосновательности и предвзятости такого упрека (ср. МИА, № 17, стр. 254).

Г. Ф. КОРЗУХИНА

О ПАМЯТНИКАХ „КОРСУНСКОГО ДЕЛА“ НА РУСИ

(По материалам медного литья)

Взаимоотношения между Киевом и Херсоном в период оформления древнерусского государства не раз привлекали к себе внимание русской исторической науки. Но история этих отношений в последующий период, и в частности в XI и XII вв., почти не исследовалась. Однако считалось как бы само собой разумеющимся, что и в этот период русско-херсонские связи были достаточно постоянными и широкими. Довольно распространенным, например, было мнение Н. П. Кондакова, утверждавшего, будто именно в эти столетия на Руси появилось значительное количество предметов «корсунского дела», якобы послуживших на долгое время непревзойденным образцом для русского искусства. Страстный поклонник византийского искусства, Н. П. Кондаков предлагал даже «ради точности» называть «всю вторую половину великокняжеского или домонгольского периода, т. е. как раз XI и XII столетия, периодом русско-византийского искусства»¹. В разъяснение данного предложения Н. П. Кондаков перечислил «важнейшие исторические стороны художественного влияния на Русь Византии», которые, по его мнению, наблюдаются в области архитектуры, монументальной живописи, мозаики, скульптуры, художественного ремесла и т. д.² При этом очень значительная роль отводилась именно Херсону. Отсюда на Русь, по мнению Н. П. Кондакова, ввозились водолеи, колокола, сосуды и прочая церковная утварь, а также «корсунские» складные кресты³. Уверенность Н. П. Кондакова в корсунском происхождении огромного количества памятников, найденных на территории древней Руси, была настолько велика, что ее не могли поколебать даже явно противоречащие этому факты. «В Херсонесе, — пишет он, — встречены также тельные кресты обычного корсунского типа складней с надписями славяно-русскими. находка их вызвала, конечно, обычное анекдотичное объяснение, что кресты эти должны были принадлежать русским, поселившимся в Корсуни. Конечно, там были русские в составе населения, однако подобные находки говорят нам о другом факте, а именно, что кресты изготовлялись для вывоза в Россию, но так как греков в XII—XIII вв. было мало, а русских много и торговля крестами с Русью шла шибко, то изделий для нее изготовлялось с излишком и иные оставались дома»⁴. Несостоятельность рассуждений Н. П. Кондакова в приведенной цитате совершенно очевидна.

¹ Н. П. Кондаков. Русские клады. СПб., 1896, стр. 46.

² Там же, стр. 46—47.

³ Там же, стр. 42—43.

⁴ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. 5. СПб., 1897, стр. 32.

Однако при всей убежденности в огромном значении Корсуни для культуры древней Руси Н. П. Кондаков не мог пройти мимо явных несоответствий между наименованием «корсунский», закрепившимся за некоторыми предметами, и их действительным происхождением. В качестве корсунских, писал он, «нам перечисляют множество древностей в Новгороде; но и Мстиславово евангелие и крест Антония, все это или царьградские произведения, или позднейшие». То же самое отмечает он в отношении корсунских икон, а также Корсунских врат Софийского собора в Новгороде, которые «получили такое название... или от своего архаизма или же по недоразумению»⁵. Целый ряд предметов, зачисленных также «по недоразумению» в разряд «корсунских», перечислен в работе А. И. Соболевского⁶. Одному из своих исследований по истории древнерусского искусства домонгольской поры Д. В. Айналов дал заманчивый подзаголовок: «Киев—Царьград—Херсонес»⁷. Однако о роли Корсуни в сложении культуры Киевской Руси в указанной работе нет ни слова. Речь идет в ней лишь о византийском, царьградском, влиянии на искусство Руси.

В настоящее время советские исследователи достаточно далеки от мысли, что все лучшие памятники русского искусства относятся к категории корсунских или возникли под влиянием византийского или тем более корсунского искусства. Историки русской архитектуры и живописи уже сбросили с себя оковы «корсунской зависимости». Сейчас, пожалуй, уже ни у кого не возникает сомнений в том, что архитектура и живопись древней Руси формировались не под воздействием Херсона.

Однако в области прикладного искусства «корсунский мираж» не изжит окончательно и сейчас. Отсутствие памятников, свидетельствующих о влиянии Херсона на культуру Киевской Руси X—XIII вв., обычно объясняется плохой изученностью материала. Еще живет уверенность, что если как следует взяться за разработку материалов под этим углом зрения, то мы, безусловно, обнаружим нити, связывающие культуру Киевской Руси с древней Корсунью.

Не имея возможности поднять полностью огромный, накопившийся за три четверти века материал из раскопок в Херсонесе и не меньший по объему русский материал домонгольской поры, я остановлюсь лишь на одной группе вещей и постараюсь выяснить степень зависимости входящих в нее памятников от искусства Херсона. Памятниками этими являются энколпионы, или складные кресты, за которыми особенно прочно укоренилось название «корсунских». Они широко представлены и в русском материале, и в материалах Херсона. Кроме того, мы вправе ожидать, что именно здесь корсунское влияние должно бы было проявиться наиболее отчетливо, поскольку предметы эти относятся к христианскому культу, принятие которого Русью связано с Херсоном.

* *
*

Энколпионы, или складные двустворчатые кресты, кроме своей основной функции, связанной с культом, выполняли также роль своеобразных предметов личного убора. Скульптурная, черневая и эмалевая декорровка

⁵ Н. П. Кондаков. Русские клады, стр. 45.

⁶ А. И. Соболевский. Два слова о „корсунских“ предметах. Труды церковно-археологического общества. Новгород, 1914, стр. 59—66.

⁷ Д. В. Айналов. История древнерусского искусства. Киев—Царьград—Херсонес. Известия Таврической ученой архивной комиссии, № 57. Симферополь, 1920.

энколпионов превращала эти портативные мощехранительницы в нарядные украшения, пользовавшиеся широкой популярностью в XI—XIII вв. преимущественно у горожан. Носили энколпионы поверх одежды, о чем можно судить по скульптурному автопортрету мастера Авраама — сборщика Корсунских врат Новгородского Софийского собора⁸.

Энколпионы принадлежат к обширной группе изделий, за которой утвердилось наименование «памятников медного литья». Бесконечно разнообразные кресты и крестики-тельники, складни, иконки, змеевики, а также интересующие нас энколпионы, тысячи экземпляров которых хранятся в собраниях наших музеев, представляют материал, в силу ряда причин (повторные переливки, незначительное количество комплексов, содержащих энколпионы, и пр.) с большим трудом поддающийся изучению. Поэтому вопросы датировки медного литья и вопросы, связанные с их производством и происхождением, изучены еще очень слабо. Исследование, посвященное специально разработке принципов датировки медного литья, принадлежащее В. Н. Перетцу⁹, практически оказалось малополезным. Значительно более интересны наблюдения в отношении отдельных групп литья, в частности энколпионов, сделанные Б. А. Рыбаковым¹⁰ и В. И. Лесючевским¹¹. Но в основном энколпионы вошли в литературу в виде публикаций¹², снабженных лишь небольшими аннотациями, сделанными большей частью на невысоком уровне. Авторы их по-разному подходили к вопросу об определении места происхождения энколпионов. В своей обширной коллекции литья Б. И. Ханенко на многие десятки русских энколпионов насчитал привозных только два. Наоборот, Н. И. Петров из всей массы известных ему энколпионов смог выделить только один их тип, который он с уверенностью отнес к русским изделиям. В отношении же всех остальных он считал, что они «в необработанном или неоконченном виде могли быть привозимы в Россию из Византии или из Херсона и заканчивались на месте пришлыми или туземными мастерами»¹³. После находки в Киеве на усадьбе Петровского мастера литейщика, в инструментарии которого были формочки для изготовления энколпионов¹⁴, стало, как указывает Б. А. Рыбаков, «легко доказать местное киевское изготовление крестов»¹⁵. Безусловно, в настоящее время ни у кого не возникает сомнений в том, что в Киевской Руси существовали свои крещатники. Однако все ли найденные на Руси

⁸ А. И. Анисимов. Автопортрет русского скульптора Авраама. Известия АН СССР, Отделение гуманитарных наук, 1928, № 3, табл. II и VI.

⁹ В. Н. Перетц. О некоторых основаниях для датировки древнерусского медного литья. ИГАИМК, вып. 73, М.—Л., 1933. Имеется обширная библиография.

¹⁰ Б. А. Рыбаков. Сбыт продукции русских ремесленников в X—XIII вв. УЗ МГУ, вып. 93, кн. 1, 1946, стр. 89—91; е го же. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 262—263, 454—456 и 615—616.

¹¹ В. И. Лесючевский. Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства. СА, т. VIII, М.—Л., 1946.

¹² Н. Леопардов и Н. Чернев. Сборник снимков с предметов древности, находящихся в Киеве в частных руках, вып. 1, Киев, 1890; вып. 2, Киев, 1891; вып. 3—4, Киев, 1891; серия вторая, вып. 1, Киев, 1891; вып. 2, Киев, 1893; Каталог украинских древностей коллекции В. В. Тарновского. Киев, 1898; Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности русские. Кресты и образки. вып. 1, Киев, 1899; вып. 2, 1900; Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова, отд. VIII—XI. М., 1908; Н. И. Петров. Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, вып. IV—V. Киев, 1915.

¹³ Н. И. Петров. Ук. соч., стр. 29—30.

¹⁴ В. В. Хвойко. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913; Д. И. Багалея. Русская история, т. I. М., 1914, рис. 167 и 169.

¹⁵ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 263.

энколпионы были изготовлены на месте или среди них имеются и привозные, в частности корсунские, — это до сих пор остается невыясненным.

А между тем в коллекциях медного литья, найденного на территории древней Руси, существует небольшая группа энколпионов, совершенно непохожих на все остальные. На некоторых из них изображения тщательно выполнены в низком рельефе (см. табл. II, 1), у других на створках гравированные фигуры в позе орант (табл. I, 1) или орнаментальные мотивы. Человеческие фигуры крайне схематичны и орнаментальны — торс в виде круга, одежда испещрена узорами. Лица очень уродливы, руки — с утрированно длинными пальцами. Надписи греческие, часто с ошибками. Несмотря на отмеченный схематизм изображений, последние никак нельзя признать выполненными примитивно. Наоборот, в рисунке видна уверенность мастера, набившего себе руку на изображениях определенного характера. Находки энколпионов как того, так и другого из описанных типов на территории древней Руси единичны и не превышают двух десятков¹⁶. Зато за ее пределами они известны в огромном количестве. Они распространены прежде всего в Средиземноморье. Особенно много их в Сирии (табл. I, 2) и Египте, но известны находки их в Греции, в Северной Африке и Сицилии. Кроме того, их находят в Бельгии, Дании, Италии, Далмации, Болгарии, на Кавказе и в Крыму, в частности в Херсонесе (табл. I, 3).

Существует мнение, что центром их производства была Сирия или Палестина, откуда паломники и торговцы разносили их во все концы христианского мира¹⁷. Мысль эта довольно правдоподобна. Топография находок, стилистические данные и характер начертания надписей не противоречат тому, что производство как рельефных, так и гравированных энколпионов было налажено где-то в восточных провинциях Византии. Судя по обилию находок, производство это было массовым. Время энколпионов отдельные исследователи определяют по-разному — от VI до XII в. Судя по комплексам, в которых найдены некоторые из них, полагаю, что время их изготовления следует искать ближе к XII, нежели к VI в.

Подавляющее большинство энколпионов, найденных в Херсонесе, относится к описанным типам. Следовательно, энколпионы указанных типов, найденные в Херсонесе, были не местного, а средиземноморского происхождения. Отсюда следует, что и аналогичные им энколпионы, найденные в древней Руси, корсунскими не были. Возможно, конечно, что на Русь эти кресты попали через Херсон, однако их ничтожное количество свидетельствовало бы о случайных, а не о систематических связях. Воздействие же их на древнерусское художественное ремесло можно было бы назвать «кормунским» лишь условно. Но не исключена возможность, что «сирийские» кресты попадали на Русь вообще совсем иными путями¹⁸.

¹⁶ Точный подсчет энколпионов крайне затруднен ввиду многочисленности и разбросанности коллекций медного литья по музеям Союза.

¹⁷ Wl. Bock. Lettre au prince François du Lichtenstein au sujet d'une croix reliquaire byzantine. St-Petersbourg, 1906; Н. П. Кондаков. Иконография Богоматери, т. I. СПб., 1914, стр. 258—259; Кр. Милчев. Палестински крестове в България. Годишник на народния музей за 1921 год, София, 1922; E. S. King. The date and provenance of a bronze reliquary cross in the museo Cristiano Vaticano. Atti della Pontificia Accademia Romana di archeologia, Serie III. Memorie, vol. II. Roma, 1928, p. 193—205, tab. XXIV—XXXI.

¹⁸ Попутно отметим один интересный факт: у киевского князя Святослава Давыдовича в конце XI в. был „лечец“, т. е. врач, „именем Петр родом Сурянин“, т. е. сириец. — Патерик Киево-Печерского монастыря, СПб., 1911, стр. 85 и 185.

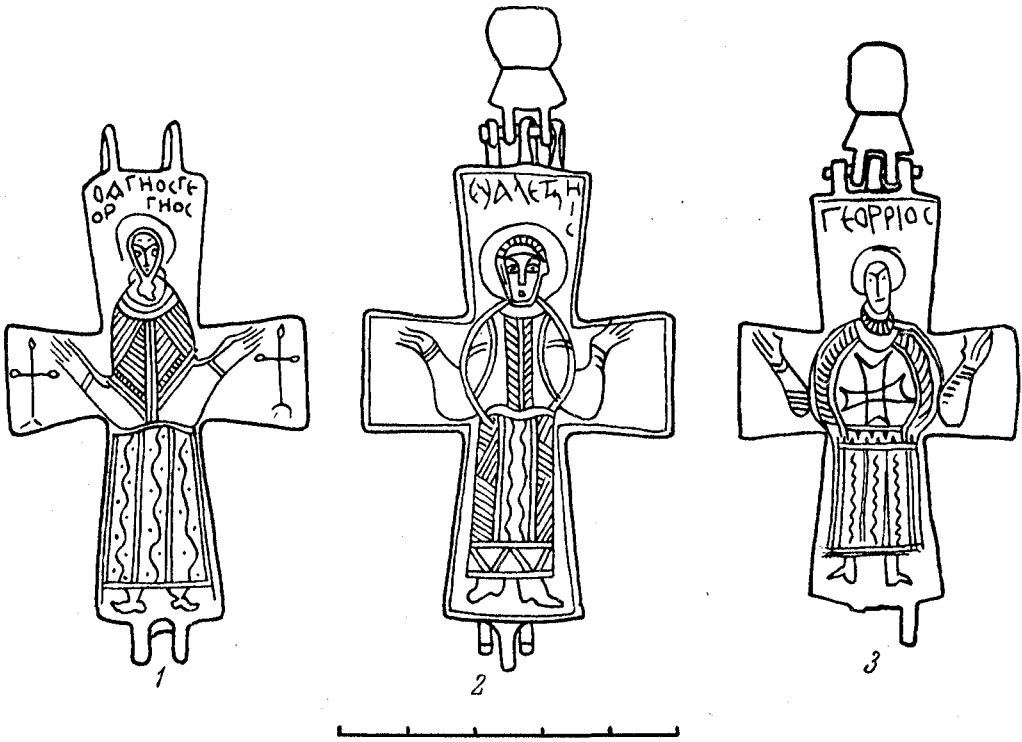

Таблица I. Энкалпионы сирийские, гравированные
 1 — древняя Русь; 2 — Смирна; 3 — Херсонес

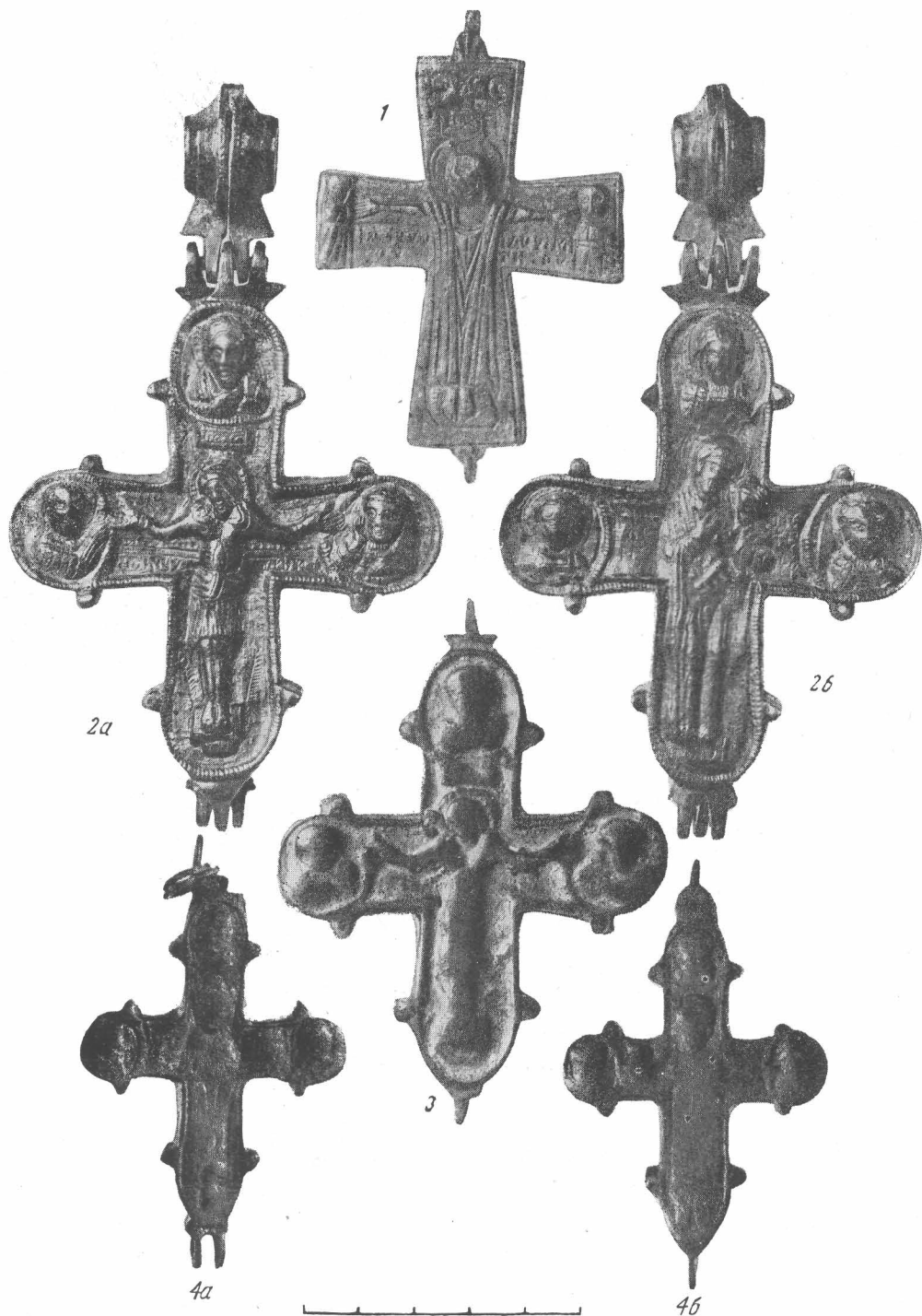

Таблица II. Херсонес

1 — анколпион сирийский, рельефный; 2 а, б, 3 и 4 а, б — анколпионы русские, рельефные, XII—XIII вв.

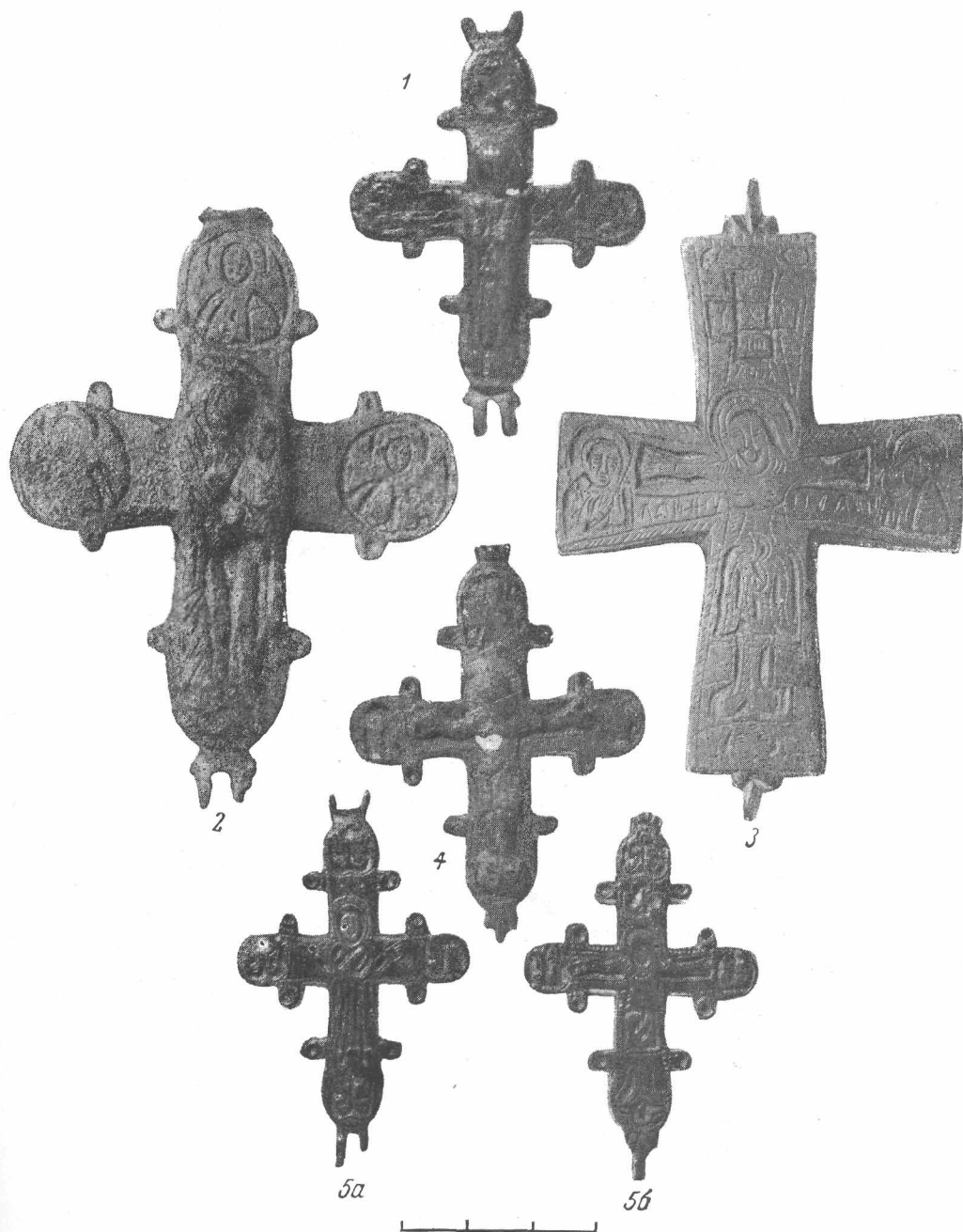

Таблица III. Херсонес. Энколпионы русские, XII в.
 1, 2 и 4 — рельефно-черневые; 3 и 5 а, б — черневые

Таблица IV. Херсонес

Русские крест (1) и энколпионы (2 и 3 а, б), отлитые в каменных формах, конец XII—XIII в.

* *
*

Находки энколпионов на территории древней Руси чрезвычайно многочисленны. В задачу, стоящую перед нами в данной статье, не входит рассмотрение вопросов, связанных с производством энколпионов на Руси в XI—XIII вв., а также их датировкой. Укажу лишь, что изучение древнерусского медного литья позволило установить интереснейшие подробности, связанные с широко налаженным производством энколпионов в середине XII в.¹⁹ В мастерской, которая находилась, скорее всего, в Киеве, судя по почеркам надписей на энколпионах, работало несколько мастеров, изготавливавших превосходные по своим художественным достоинствам бронзовые энколпионы с чернью и гравировкой. Мастерская просуществовала не одно десятилетие и выпустила огромное количество изделий, декорированных в единой манере независимо от размера и формы креста. Здесь были изготовлены и крупные, тяжелые энколпионы, и миниатюрные двусторчатые крестики — произведения почти ювелирного искусства, покрытые позолотой, на фоне которой синеватый отлив черни выглядел особенно эффектно.

При всем многообразии размеров, форм, сюжетов и приемов декорировки древнерусских энколпионов, все они укладываются в довольно стройную систему, поддающуюся хронологической детализации. Начав с рельефных изображений (XI—начало XII в.; табл. II, 2—4), русские художники-литейщики постепенно шли к уплощению и орнаментальности изображений. Сначала были убраны рельефные фигуры по концам креста (примерно во второй четверти XII в.; табл. III, 1, 2 и 4), затем и центральная рельефная фигура была заменена плоскостным изображением, выполненным чернью и гравировкой (середина XII—конец XII в.; табл. III, 3 и 5). С заменой недолговечных глиняных литейных форм каменными (конец XII—первая половина XIII в.), годными для массового выпуска продукции, появилось большое количество тождественных энколпионов, покрытых мелкими рельефными фигурами с литыми же обратными надписями (табл. IV, 2 и 3). Индивидуальная обработка креста, необходимая при гравировке и чернении изображений, отпала при этом полностью. Следует, однако, учитывать, что повторные отливки с ранних (XI в.) крестов с рельефными изображениями продолжали изготавливаться на протяжении всего домонгольского периода. Подлинных ранних крестов рубежа XI—XII вв. известно считанное количество экземпляров, подавляющее же большинство крестов с рельефными изображениями отлито в XII—XIII вв. в формы, оттиснутые с древних экземпляров. Поздние отливки отличаются меньшей отчетливостью изображений (табл. II, 3 и 4) и значительной подправкой их резцом. Известны, однако, и некоторые новые модели второй половины XII в. для крестов с рельефными изображениями (например, табл. II, 2).

Из этого беглого, конспективного изложения истории развития одной из отраслей древнерусского художественного ремесла — производства энколпионов, развития, перекликавшегося на всех своих этапах с другими областями русского искусства и в первую очередь ювелирного, видно, что производство энколпионов на Руси проделало сложный и длительный путь развития. Ничего похожего в данной отрасли художественного ремесла ни в Херсоне, ни вообще в Юго-Западном Крыму не наблюдается,

¹⁹ Подробно все вопросы, связанные с датировкой медного литья домонгольской Руси, рассматриваются автором в специальной работе, подготовленной им к печати.

поэтому ни о каких корсунских влияниях в этой области на русское художественное ремесло речи быть не может.

Таким образом, ни собственно корсунских крестов, ни крестов, выполненных на месте по образцам корсунских, в древней Руси не известно.

* * *

*

Чем же можно все же объяснить, что, несмотря на связь с Херсоном в период принятия христианства, в дальнейшем, судя по разнообразным материалам, культурных связей между Корсунью и Русью не наблюдается? Думается, что причина отмеченного явления заключается в следующем. Разгром Херсона Владимиром Святославичем в конце X в. оказался, по-видимому, роковым для всей последующей истории города²⁰. Площадь города значительно сократилась, часть его надолго превратилась в пустырь и, несмотря на некоторое расширение территории, занятой жилыми кварталами несколько позднее, она никогда уж не достигала прежних размеров. Значение Херсона как крупного культурного центра в X в. было подорвано.

Одновременно на Среднем Днепре росло и крепло молодое Киевское государство. Быстро развивалось ремесло и росли города. С принятием христианства, однако, появились такие нужды, которые не могли быть удовлетворены своими силами. Чеканка монеты, изготовление печатей, книжное дело, каменное строительство, стекольно-мозаичное искусство требовали новых навыков. Часть новых потребностей была покрыта на первых порах самым примитивным способом — за счет трофеев. Из Херсона в Киев были доставлены церковная утварь, иконы, готовые архитектурные детали из мрамора — капители и колонны, мраморные саркофаги, бронзовые конные статуи и многое другое. Одновременно в Киеве появились греческие строители.

Греческие чеканщики и специалисты по печатям обучили русских мастеров чеканить монету и изготавливать матрицы для печатей, отчего первые русские монеты и печати были так похожи на византийские. Очень скоро на Руси выросли свои строительные кадры, и русские резчики стали изготавливать архитектурные детали и княжеские саркофаги на месте и из местных пород камня. Но первыми учителями их как в каменном строительстве, так и во многих других вновь появившихся областях были не херсонские мастера. В XI—XII вв. не сожженный Херсон, который долго не мог оправиться после разорения, был источником, из которого черпали свое вдохновение русские художники и мастера. Не случайно Херсон совершенно исчезает со страниц русских летописей с конца X в. Лишь один раз за весь домонгольский период, в 1066 г., летописец упоминает о нем в связи с отравлением князя Мстислава Тмутараканского и бурной реакцией херсонцев на это событие. Значительно позже — в XVI в. — летописец в Твери, «преписывая писания Георгиева», сравнивает разрушение русских городов «от многих пленений татарских» с разрушением Корсуни князем Владимиром²¹⁻²². Других ассоциаций в связи с упоминанием Херсона у летописца не возникло. По-видимому, образцом, к которому обращались в случае необходимости, было в первую очередь искусство собственно Византии, Царьграда, но не Херсона.

²⁰ А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). МИА, № 17, 1950, стр. 13—15.

²¹⁻²² Тверская летопись, 6496 (988) г.

Оклад Мстиславова Евангелия, «цену которого один бог ведал», княжеский тиун Наслав, по поручению Мстислава, желавшего «учинить химирет», т. е. украсить его перегородчатой эмалью, возил не в Херсон, а в Царьград. Когда же Херсон экономически несколько окреп, культура Киевской Руси была уже вполне сложившейся, а государство уже имело налаженные связи со многими странами. Херсон же, не прежний крупнейший центр на Черном море, а город, клонящийся к упадку, в смысле культурного не представлял для Руси особого интереса. Я не касаюсь здесь вопроса о возможных чисто экономических связях с Крымом в XI—XIII вв., в частности об экспорте в Херсон традиционных русских товаров — воска, меда, пеньки и пр. — и о получении взамен их вина, пряностей и пр.

В данном случае нас интересуют лишь чисто культурные взаимоотношения Корсуни и древней Руси. Изучение памятников древнерусского зодчества и живописи, а также памятников древнерусского медного литья XI—XIII вв., которые в течение долгого времени служили одним из главных доказательств художественного и идеологического воздействия Херсона на древнюю Русь, приводит к выводу, что говорить о таком воздействии вряд ли имеются основания.

* *
*

При отсутствии памятников «корсунского дела» на Руси, раскопками в Херсонесе в разные годы обнаружены русские вещи, в частности энколпионы. В настоящее время можно указать 12 энколпионов и один киотный или осеняльный крест, найденные в Херсонесе. Среди энколпионов имеются поздние экземпляры с рельефными изображениями XII—XIII вв. (табл. II, 2—4), с рельефно-черневой декорровкой второй четверти XII в. (табл. III, 1, 2 и 4) и с чисто черневой декорровкой середины—конца XII в. (табл. III, 3 и 5), а также наиболее поздние модели энколпионов с мелкими рельефными фигурами, отлитые в каменные формы, конца XII—начала XIII в. (табл. IV, 2 и 3). Все находки связаны с средневековыми слоями. Один из энколпионов найден в церкви-усыпальнице в гробнице со множеством костяков, лежавших в беспорядке (табл. II, 3)²³, другие — в жилищах (табл. IV, 2)²⁴, третьи — просто в культурном слое (табл. II, 2 и 4; III, 1—5; IV, 3)²⁵. Если все найденные в Херсонесе энколпионы по своим типам не представляют редкости и известны по многочисленным подобным же экземплярам, то медный киотный крест представляет значительный интерес, поскольку подобные кресты домонгольской поры известны не были (табл. IV, 1). Только благодаря данной находке стали понятными два небольших фрагмента

²³ ОАК за 1899 г., стр. 13, собр. Эрмитажа.

²⁴ Два энколпиона и киотный крест, раскопки 1940 г. А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). МИА, № 17, 1950, стр. 35, рис. 2, а—в; Г. Д. Белов и А. Л. Якобсон. Квартал XVII (раскопки 1940 г.). МИА, № 34, 1953, стр. 137—138, рис. 29, 30. Один из двух энколпионов, найденных в помещении 1, ошибочно отнесен к греческим. Изображение его здесь не воспроизводится. Крест принадлежит к типу энколпионов с рельефными изображениями (ср. табл. II, 3). Находки, аналогичные ему, указаны А. Л. Якобсоном, МИА, № 34, стр. 138, примеч. 4.

²⁵ Девять энколпионов: 1-й и 2-й — 90-е годы, Н. П. Кондаков. Русские клады, рис. 26 и 27, собр. ГРМ; 3-й — 1902 г., акрополь, ИАК, вып. 9, стр. 54—55, рис. 33, собр. Эрмитажа; 4-й и 5-й — 1903 г., акрополь, ИАК, вып. 16, стр. 79, собр. Эрмитажа; 6-й — 1903 г., акрополь, там же, рис. 36, собр. Эрмитажа; 7-й и 8-й — 1904 г. (?), собр. Эрмитажа. Один из энколпионов, аналогичный табл. IV, 2 и 3, здесь не воспроизводится; 9-й — собр. Эрмитажа.

подобных же крестов из Поднепровья²⁶, отлитых в той же форме, что и херсонесский крест 1940 г. О том, что форма была каменной, свидетельствуют обратные надписи на кресте. Ряд иконографических черт, появляющихся в медном литье сравнительно поздно (плачущие ангелы, «уготованный престол», голгофа), заставляют отнести крест к сравнительно позднему времени — к первой половине XIII в.

Энколпионы — не единственный вид русских памятников, попадающих при раскопках в Херсонесе. Среди них можно назвать керамику, шиферные пряслица, клад серебряных гривен новгородского типа, на которые указывает А. Л. Якобсон²⁷.

Чем же можно объяснить присутствие русских вещей в материалах Херсона? О русской прослойке в составе населения средневековой Корсуни уже писалось²⁸. Но было бы интересно выяснить время и причины появления русских в Херсоне. К сожалению, данных для этого пока еще очень мало. Тем не менее на некоторые факты хотелось бы обратить внимание.

Квартал XVII, в котором расположены усадьбы I и II, содержащие русский материал, возник на месте, где до этого помещались гончарные печи. А. Л. Якобсон датирует их XI—XII вв.²⁹ Следовательно, построенные над печами жилища относятся к более позднему времени, примерно к XIII в. Найденные в жилищах энколпионы и крест датируются этим же временем — концом XII—XIII в. Следовательно, русские, построившие свои усадьбы, поселились здесь не ранее XIII в. По мнению А. Л. Якобсона, керамические печи XI—XII вв. были сооружены в свое время на окраине городских кварталов³⁰. По-видимому, в XIII в. город продвинулся на эти окраины, и появившиеся здесь русские строились на вновь осваиваемых территориях.

Интересна также топография находок русских энколпионов за пределами Среднего Поднепровья — основной территории их распространения. Не считая нескольких находок их в русских городах (Галич, Владимир-Волынский, Гродно, Псков), русские энколпионы известны, во-первых, в низовьях Дона, в Поволжье и на Северном Кавказе, во-вторых — в Болгарии и Чехии и, в-третьих — в Крыму (Алушта, Планерское, Судак, Мангуп и Херсонес). Относительно причин появления энколпионов на Дону, в Поволжье и на Северном Кавказе интересные соображения высказал Б. А. Рыбаков. По мнению Б. А. Рыбакова, энколпионы были занесены сюда — в районы летних кочеваний монголов — русскими пленниками³¹. Среди этих находок преобладают наиболее поздние типы энколпионов, отлитые в каменных формах. Вопрос о находках в Болгарии, Чехии и в Крыму решить труднее. Среди найденных здесь энколпионов имеются экземпляры как XIII, так и XII в. Условия находки их, за исключением херсонесских крестов с усадеб I и II в квартале XVII, не известны. Возможно, что все эти энколпионы попали на юг и на запад еще до монголь-

²⁶ Один из них найден на Княжей Горе. Каталог украинских древностей коллекции В. В. Тарновского, Киев, 1898, стр. 11, № 77 и таблица.

²⁷ См. в настоящем томе статью: А. Л. Якобсон. К истории русско-корсунических связей. Следует также обратить внимание на довольно частые находки в Херсонесе цилиндрических железных замков, широко распространенных в древней Руси XII—XIII вв. Без тщательного сопоставления тех и других говорить о русском происхождении цилиндрических херсонесских замков преждевременно, однако в дальнейшем на этот вид памятников следовало бы обратить внимание.

²⁸ А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). МИА, 1950, № 17, стр. 35.

²⁹ Там же, стр. 153 сл.

³⁰ А. Л. Якобсон. Квартал XVII (раскопки 1940 г.). МИА, № 34, 1953, стр. 131.

³¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 455; его же. Сбыт продукции русских ремесленников. УЗ МГУ, вып. 93, кн. 1, 1946, стр. 91.

ского завоевания, но следует подумать, не связаны ли и они с монгольским нашествием, с бегством некоторой части населения из разоренного Поднепровья, где монголы продолжали свирепствовать и после 1240 г., в районы, менее пострадавшие от полчищ Батыя. Интересна в этом отношении находка русского энколпиона XIII в., отлитого в каменной форме, близ Днепропетровска, т. е. на полпути из Киевской Руси к Черному морю. Занятие Крымского полуострова монголами прошло менее болезненно, чем захват русских земель. По археологическим материалам видно, что в 40-х годах XIII в. Херсону не было нанесено сколько-нибудь заметного удара. Разорение его монголами произошло значительно позже — в 1299 г., когда, по мнению А. Л. Якобсона, по-видимому, и погибли усадьбы I и II в квартале XVII.

* *

*

Несколько слов хочется сказать о том, почему при отсутствии каких-либо данных о корсунском влиянии на культуру древней Руси все же существует большое количество предметов, за которыми прочно укоренилось наименование «корсунских». Думается, что «корсунским миражем» мы в большой степени обязаны обязаны духовенству, и при этом духовенству очень давней поры. Церковная утварь и другие предметы христианского культа, впервые появившиеся на Руси в конце X в., были привезены Владимиром из Корсуни и отданы в Десятинную церковь. Из Корсуни же были вывезены и первые церковнослужители во главе с Анастасом Корсунянином³². Корсунскому духовенству был отдан «за святою Богородицею над горою двор теремный, бе бо ту терем камен», называвшийся, согласно летописи, «двором деместиков»³³. Кроме того, Десятинной церкви «на вечные времена» была дана десятая часть всех государственных доходов. Особое положение, которое занимали Десятинная церковь и ее духовенство, сохранилось и тогда, когда митрополией стал Киевский Софийский собор. Если верно, что именно в среде духовенства Десятинной церкви была в конце XI в. создана «Корсунская легенда»³⁴, то можно себе представить, как крепко держались в этом своеобразном «государстве в государстве» корсунские настроения, как ценилось и пропагандировалось здесь все корсунское. Старые, пришедшие в ветхость корсунские вещи заменялись местными русскими изделиями, но на них переходило старое наименование. Очевидно, и другие крупные соборы и монастыри стремились приобрести корсунскую утварь. Не все, однако, были разборчивы при пополнении своих ризниц «корсунскими» вещами, особенно на далеком севере. Так создалась довольно значительная группа предметов церковного обихода, за которыми закрепилось наименование вещей «корсунского дела». С появлением интереса к русскому прошлому, к его искусству и культуре, к русской иконе, книге и торевтике, любители древностей старательно увеличивали данную группу за счет отнесения к ней тех или иных памятников. Более серьезными исследованиями начала XX в. «корсунское» происхождение многих из них было развенчано.

³² Лавр. лет., 6497 (989) г.

³³ Лавр. лет., 6433 (945) г. Очень может быть, что „терем камен“ на дворе деместиков был открыт в 1907 г. В. В. Хвойко на усадьбе Петровского. Остатки каменного здания были раскопаны им на краю горы к востоку от апсид Десятинной церкви, т. е. „за святою Богородицею над горою“. В. В. Х в о й к о. Древние обитатели Среднего Приднепровья. Киев, 1913, стр. 66—69.

³⁴ А. А. Шахматов. Корсунская легенда о крещении Владимира. Сборник статей, посвященных почитателями В. И. Ламанскому, ч. II. СПб., 1908, стр. 1136.

Н. Я. Половой

О ДАТЕ ВТОРОГО ПОХОДА ИГОРЯ НА ГРЕКОВ И ПОХОДА РУССКИХ НА БЕРДАА

Последние годы княжения Игоря (примерно 940—945 гг.) являются одним из наиболее сложных и значительных периодов в истории древней Руси. Два грандиозных похода Игоря на греков и последовавший за ними почетный и выгодный для Руси договор с Византией, большой завоевательный поход в Бердаа, едва не приведший к окончательному падению мусульманского господства в Закавказье, мирная политика с хазарами и печенегами поставили тогда Русское государство в центре всей политической жизни Восточной Европы.

Таким образом, уже в княжение Игоря Русь уверенно вошла в число великих мировых держав.

Однако ничтожное количество источников, повествующих о последних годах княжения Игоря, их фрагментарность и противоречивость привели к тому, что этот столь важный период русской истории все еще остается недостаточно изученным. Невьясненной и запутанной является пока что и хронология этого периода. В исторической науке нет твердых дат не только для второго похода Игоря и похода на Бердаа, но даже и для договора Игоря с греками, который датируется то 944¹, то 945 г.²; нет твердой даты и для самой смерти Игоря, которую относят и к 945³ и к 946 г.⁴ А между тем ясно, что без тщательно проверенной хронологической канвы сколько-нибудь серьезное изучение этого периода совершенно невозможно.

Очень важно, в частности, установить твердо обоснованную датировку таких важнейших событий периода, как второй поход Игоря на греков и поход русских на Бердаа.

¹ А. А. Шахматов. Хронология древнейших русских летописных сводов. ЖМНП, 1897, апрель, стр. 482; С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 83; М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 152.

² М. В. Левченко. Ук. соч., стр. 152. По мнению В. Н. Тагищева („История Российская с самых древнейших времен“, кн. II, СПб., 1768, стр. 34), договор был заключен „лета 6453 индикта 4, апреля 20, в третью седмицу по пасхе“. Однако дата эта неверна, так как в 945 г. 20 апреля не приходилось на третью неделю по пасхе. См. Д. С. Лихачев. Повесть временных лет, т. II. М.—Л., 1950, стр. 289; А. А. Шахматов. Повесть временных лет и ее источники. ТОДРЛ, т. IV, 1940, стр. 119. Б. Д. Греков тоже готов был считать договор Игоря заключенным в 945 г. (см. его работу „Борьба Руси за создание своего государства“. М., 1945, стр. 63).

³ А. А. Шахматов. Ук. соч., стр. 482; В. В. Мавродин. Древняя Русь. М., 1946, стр. 183.

⁴ С. В. Юшков. Ук. соч., стр. 77; С. Соловьев. История России. М., 1874, стр. 325.

Относительно первого похода Игоря на Византию нам достоверно известно, что он состоялся в 941 г. Что же касается второго похода Игоря, о котором прямо говорят только русские источники, то они датируют его по-разному. Так, Лаврентьевская летопись относит его к 6452 г. византийской эры, Троицкая летопись — к 6451⁵, Еллинский летописец второй редакции датирует его 6450⁶, а Новгородская летопись — 6430 г.⁷ Несмотря на этот разнобой, подавляющее большинство исследователей без малейших колебаний принимает как аксиому датировку этого похода Лаврентьевской летописью: 6452—944 год. Правда, некоторые историки признают годом второго похода Игоря 943 год, но делают это без всяких доказательств⁸⁻⁹. А доказательства, что именно эта датировка правильна, имеются, и их можно найти в первую очередь в самих русских источниках.

Обратим прежде всего внимание на то, как устанавливали дату второго похода Игоря Новгородская первая летопись и Еллинский летописец второй редакции, т. е. источники, которые должны привлечь особенное внимание исследователя хронологии древнерусской истории, так как в своей начальной части они восходят к более древним хроникам, чем Повесть временных лет. В Новгородской первой летописи мы читаем: «В лето 6428. . . и възратишася Русь в своя. Томъ же лете препочиша и другое, на третье идоша», — и соответственно в Еллинском летописце второй редакции: «В лето 6448. . . томъ же лете препочиша и другое, пагы же въ третие лето поидоша».

Как пояснил уже В. М. Истрин, это место нужно понимать в том смысле, что русские отдыхали тот год, в котором состоялся первый поход Игоря (941), и следующий за ним, а на третий год, если учитывать и тот год, в который состоялся первый поход Игоря, отправились в новый поход на греков¹⁰.

Имея в виду этот двухлетний промежуток между двумя походами Игоря, летописцы все свое внимание направляли на определение даты первого похода Игоря. По подсчетам автора того текста сказания о первом походе Игоря, который сохранился в Новгородской первой летописи, первый поход Игоря на греков состоялся в 6428 г.¹¹, поэтому он для второго похода дал дату 6430 г. По подсчетам же автора сообщения о первом походе Игоря, которое сохранилось в Еллинском летописце второй редакции, первый поход Игоря на греков состоялся в 6448 г., поэтому он для второго похода дал дату 6450 г.

Трудно сказать, откуда в этих двух русских источниках, более древних, чем Повесть временных лет, явилось указание, что между первым и вторым походом Игоря был двухлетний промежуток. Очень может быть, что эти сведения, как и многие другие, заимствованы из народных преданий, но, может быть, и из какого-то письменного источника, до нас не дошедшего¹². Но при всех условиях игнорировать это прямое указание русских источников нет никаких оснований. Не случайно, что такие проница-

⁵ М. Д. Приселков. Троицкая летопись. М.—Л., 1950, стр. 73.

⁶ В. М. Истрин. Летописные повествования о походах русских князей на Царьград. ИОРЯС АН, 1916, т. XXI, кн. 2, стр. 233.

⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950, стр. 108.

⁸⁻⁹ А. Висковатов. Обзор морских походов русских IX—XVII вв. М., 1946, стр. 22; П. И. Белавенец. Материалы по истории русского флота. М., 1940, стр. 8, 12.

¹⁰ В. М. Истрин. Летописные повествования. . . , стр. 219.

¹¹ Ошибка этого летописца в установлении даты 6428, а не 6449 рассмотрена у А. А. Шахматова (ук. соч., стр. 467).

¹² В. М. Истрин. Моравская история славян и история поляно-руси как предполагаемые источники начальной русской летописи. BS, III, 2, 1931, стр. 311.

тельные историки, как Карамзин¹³ и Шафарик¹⁴, основывающие свои исследования на детальном изучении русских древностей, уже давно указали на этот двухлетний промежуток между двумя походами Игоря.

Далее. Договор Игоря с греками был заключен после второго похода Игоря. С греческой стороны этот договор был подписан совместно тремя императорами-соправителями: Романом Лакапином и его двумя сыновьями — Стефаном и Константином. Однако достоверно известно, что Роман был свергнут двумя своими сыновьями 16 декабря 944 г. «Поскольку договор Игоря, сохраненный нашей летописью, подписывали Роман, Стефан и Константин совместно, то сделать это в 945 г., как обычно датируется этот договор, они, конечно, не могли. Заключение договора, помещенного в летописи под 945 г., несомненно, относится к 944 г., т. е. к тому самому времени, когда назревали крупные события в правящих кругах Византии»¹⁵. Допустим, что окончательная ратификация договора греками состоялась в последний день совместного царствования трех императоров — 15 декабря 944 г. Эта дата поможет нам произвести «простой расчет времени» (выражение А. Н. Насонова) для событий, имевших место между отправлением Игоря в поход и временем окончательной ратификации договора греками.

Уже А. А. Куник заметил, что поскольку с Игорем двигались варяги, за которыми он посылал за море, то историки должны учитывать, что варяги могли прибыть в Киев лишь после вскрытия северных рек. Следовательно, русское войско не могло появиться на Дунае раньше июня.

На Дунае Игорь заключил перемирие с греками, получил от них дары «на вся воя» и, направив печенегов на Болгарию, вернулся в Киев. Если учитывать, что «на путь от Киева до Константинополя нужно было затратить не менее полутора-двух месяцев»¹⁶, то от Дуная до Киева нужно было затратить около месяца. Следовательно, самым ранним сроком возвращения Игоря в Киев мог быть только июль.

Окончательной ратификации договора предшествовали неоднократные поездки дипломатических миссий из одной столицы в другую, начавшиеся уже после возвращения Игоря в Киев. Летопись отмечает: 1) «Присла Романъ и Костянтинъ и Степан слы к Игореви построити мира первого. Игорь же глагола с ними о мире». 2) «Посла Игорь мужъ своя къ Роману. Романъ же созва бояре и сановники. Приведоша руския слы, и велеша глаголати псати обоихъ речи на харатье». 3) «Послании же слы Игоремъ придоша к Игореву со слы гречьскими». 4) «Игорь же утвердив миръ с греки, отпусти слы, одаривъ... Слы же придоша ко цареву, поведаша вся речи Игоревы и любовь яже къ грекамъ».

Таким образом, греческие послы дважды побывали в Киеве. «И из грамоты и из Повести временных лет одинаково видно, что заключение договора было двойное: раз в Царьграде в присутствии русских послов, а другой раз в Киеве, в присутствии греческих послов»¹⁷.

Следовательно, только на одну дорогу греческие послы, два раза совершившие путь от Константинополя до Киева и два раза обратно, должны были затратить не меньше восьми месяцев. Ко времени находже-

¹³ Н. М. Карамзин. История Государства Российского. СПб., 1842, т. I, стр. 90.

¹⁴ П. Шафарик. Славянские древности, т. II, кн. I. М., 1847, стр. 131.

¹⁵ М. В. Левченко. Ук. соч., стр. 152; см. также А. А. Зимин. Памятники права Киевского государства, вып. I. М., 1952, стр. 41; Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 453.

¹⁶ А. Н. Насонов. Тмутаракань в истории Восточной Европы. Исторические записки, 1940, № 6, стр. 87.

¹⁷ И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка. Известия Отделения русского языка и словесности, т. X, вып. I, стр. 5.

ния послов в пути мы должны прибавить: 1) время их пребывания в Киеве и Константинополе, необходимое на аудиенции с императором и русским князем и на торжественную ратификацию договора в Киеве, описанную в летописи, 2) время выработки самого договора.

Исследования последних лет с особенной наглядностью показали, что при выработке текста договора 944 г. русская сторона играла самую активную роль¹⁸. А это, конечно, означает, что русские приняли не готовый текст договора, предложенного греческой стороной, а выработали этот текст совместно с греками в результате самого тщательного постатейного обсуждения. Посольские переговоры об условиях мира, постатейное обсуждение сторонами, группировка и редакционная обработка договорного материала, конечно, поглощали немало времени¹⁹. Следовательно, и русским и греческим дипломатам требовалось время, чтобы «искусно приспособить греческое (византийское) право к русскому праву (закону русскому)»²⁰.

Роман послал к Игорю первое посольство уже после переговоров на Дунае, когда Игорь был уже в Киеве, т. е. не раньше июля. Если прибавить только семь-восемь месяцев, проведенных послами в дороге, учитывая и зимнее время (хотя путешествие послов в зимнее время «представляется мало вероятным»²¹), то и тогда мы получим февраль—март 945 г. Но ведь нужно еще время и на составление договора и на его ратификацию, на совещания и аудиенции. А Роман был свергнут уже 16 декабря 944 г.!

Таким образом, простой расчет времени говорит против датировки второго похода Игоря 944 г. Если же этот поход датировать 943 г., на что имеется прямое указание в русских источниках, то станет очевидным, что греческие послы имели достаточно времени, чтобы до свержения Романа Лакапина своими сыновьями 16 декабря 944 г. дважды побывать в Киеве и заключить с Игорем договор.

По всей вероятности, договор Игоря с греками был заключен летом 944 г., потому что, как сообщает Повесть временных лет, вскоре после заключения договора наступила осень: «Игорь же нача княжити в Киеве, миръ имея ко всемъ странамъ. И приспе осень, нача мыслити на Деревлены, хотя промыслити большую дань». Конечно, это не могла быть осень того самого года, в котором Игорь отправился в поход на греков, в противном случае нам бы пришлось на весь его поход и на заключение договора отвести три-четыре месяца. Это была осень следующего, 944 г., погиб же Игорь зимой 945 г.

К прямым свидетельствам русских летописей о том, что поход Игоря на греков имел место не в 944 г. (6452 г. византийской эры), а в 943 г., теперь, по-видимому, можно прибавить и эпиграфическое свидетельство. Речь идет о славянской надписи, найденной при земляных работах в 1950 г. в Румынии у вокзала станции Мирча-Вода, близ Констанцы, в 50 км от моря. Удалось прочесть: «Гьрецехь... лето 6451... Дми-

¹⁸ М. И. Корнеева-Петрулан. К изучению состава и языка договоров русских с греками. УЗ Московского гос. университета, вып. 150, Русский язык. М., 1952, стр. 257, 269; S. Mikucki. Études sur la Diplomatie Russe la plus ancienne. Les traités byzantino-russes du Xe siècle. Cracovie, 1953; I. Swencickuj. Die Friedensverträge der Bulgarien und der Russen mit Byzanz. Atti del V Congresso internazionale di studi Bizantini, Rome, 1939; I. Свенцицкий. Питання про автентичність договорів Русі з греками в X віці. Вопросы славянского языкознания, кн. 2. Львов, 1949; УЗ Львовского гос. университета им. Франко, т. IX.

¹⁹ А. В. Лонгинов. Мирные договоры русских с греками, заключенные в X в. Одесса, 1904, стр. 24.

²⁰ С. В. Юшков. Ук. соч., стр. 85, 132.

²¹ А. Н. Насонов. Ук. соч., стр. 88.

трия...». «Нет сомнения в том, — говорит В. В. Мавродин, — что перед нами древнейшая славянская надпись, фиксирующая какие-то отношения славян и греков, имевшие место в 943 (6451)»²². И дата надписи и место ее находки дают основание связать ее с какими-то событиями именно второго похода Игоря.

К исследованию интересующей нас проблемы следует привлечь и восточные источники.

В русской исторической литературе давно уже было высказано предположение, что в тесной связи со вторым походом Игоря на Византию находится поход русских на Бердаа. Но специальных работ, посвященных хронологической дате этого похода, нет, если не считать маленькой заметки акад. А. А. Куника²³, приложенной к «Каспию» акад. Б. Дорна, и небольших замечаний в статьях А. В. Флоровского²⁴, А. Ю. Якубовского²⁵, В. Мошина²⁶ и В. В. Бартольда²⁷, суть которых сводится к тому, что поход на Бердаа происходил непосредственно вслед за вторым походом Игоря на Византию. Но поскольку датой второго похода Игоря на греков принимался обычно 944 год, именно к этому году всячески старались приурочить и поход на Бердаа. Такая датировка похода на Бердаа тем больше внушала доверие, что указываемый арабскими авторами (Ибн-Мискавейх, Ибн-Асир, Абульфедя, Хафиз-Абру, Ибн-Хальдун и Айни) для этого похода 332 год хиджры, начавшийся 4 сентября 943 г. и окончившийся 23 августа 944 г., вполне мог соответствовать 944 г.²⁸ Однако если попытаться определить время похода на Бердаа исходя из всей совокупности данных восточных источников, мы увидим, что датой начала похода придется признать не 944 г., а 943 г.

В самом деле, нам известно, что русские в Бердаа не только пришли на лодках, но и ушли на лодках. Следовательно, в обоих случаях исключается зимнее время. С другой стороны, нам достоверно известно, что русские в Бердаа пережили зиму. Это явствует из того, что Марзбан, осадивший русских в Бердаа, узнав, что Ибн-Хамдан отправился в Азербайджан и дошел до Сельмаса, двинулся против него, оставив часть войска с русами, и встретил в походе зиму: «Потом выпал снег и рассеялись люди Ибн-Хамдана, так как большею частью они были бедуинами»²⁹. Это упоминание Ибн-Асира, подтвержденное Ибн-Мискавейхом³⁰, о выпадении

²² В. В. Мавродин. Русское мореходство на южных морях. Симферополь, 1955, стр. 49.

²³ Б. Дорн. Каспий. СПб., 1875, стр. 519—523.

²⁴ А. В. Флоровский. Известия о Древней Руси арабского писателя Мискавейха X—XI вв. и его продолжателя. *Seminarium Condakovianum*, 1927, I, стр. 182, 185.

²⁵ А. Ю. Якубовский. Ибн-Мискавейх о походе русов на Бердаа в 332 г. х.—943/944 гг. ВВ, т. XXIV, 1926, стр. 88—89; см. его же. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв. Изв. АН СССР, т. III, № 5, 1946, стр. 469.

²⁶ В. Мошин. Начало Руси. Норманны в Восточной Европе. ВВ, т. III, вып. 2, 1931, стр. 292 и примеч. 93.

²⁷ В. В. Бартольд. Арабские известия о русах. Советское востоковедение, т. I, 1940, стр. 33—34.

²⁸ Б. Дорн. Ук. соч., стр. 123, 516. Только один Бар-еврей (умер в 1286 г.) почему-то датирует поход на Бердаа 333 г. хиджры, но это, бесспорно, ошибка (ср. Б. Дорн. Ук. соч., стр. 522).

²⁹ См. текст Ибн-Асира у В. В. Бартольда (ук. соч., стр. 32) или у Б. Дорна (ук. соч., стр. 515).

³⁰ Ни в издании А. В. Флоровского, ни в издании А. Ю. Якубовского текста Ибн-Мискавейха нет упоминания этого автора о выпадении снега, но оно имеется в английском издании Мискавейха: „The concluding portion of the Experiences of the Nations by Miskawaihi“ в издании: „The Eclipse of the Abbasid Caliphate, original chronicles of the Fourth Islamic century, edited, translated and elucidated by H. F. Amedroz and D. S. Margoliouth“, t. 5. Oxford, 1920—1921, p. 75.

снега и о впечатлении, произведенном этим на бедуинов, свидетельствует о том, что ко времени нахождения русских в Бердаа нужно отнести и зиму.

Но сколько времени пробыли русские в Бердаа? Об этом имеются свидетельства только у двух писателей: у Моисея Каганкатваца, сообщающего, что русские пробыли в Бердаа шесть месяцев³¹, и у Якута, утверждающего, что русские владели Бердаа в течение года. Но Якут умер в 1229 г., т. е. чуть ли не через 300 лет после похода, и откуда явилось его указание на владение русскими Бердаа в течение года, нам неизвестно. Моисей же Каганкатваца, напротив, жил во второй половине X в. и, как он сам пишет, был родом из села Каганкайтук в области Ути, неподалеку от Бердаа. Завоевание русскими Бердаа — это последнее событие, которое упомянуто у Моисея Каганкатваца³². Следовательно, если даже Ибн-Мискавейх, по его собственному признанию, основывался в своем изложении на рассказах очевидцев, то Моисей Каганкатваца, являвшийся современником похода на Бердаа, вполне мог быть не только очевидцем описываемых событий, но даже и участником их³³. Следовательно, в кругу источников о походе русских на Бердаа³⁴ Моисею Каганкатваца, бесспорно, принадлежит первенство и его сообщению о присутствии русских в Бердаа в течение шести месяцев мы должны доверять больше, нежели указанию Якута.

Вскоре после завоевания Бердаа, но еще до выпадения снега, русские отправились в глубь страны и совершили набег на Марагу³⁵, во время которого употребление русскими в большом количестве плодов вызвало среди них эпидемию. Следовательно, в шестимесячный период присутствия русских в Бердаа нам нужно включить осень, «когда спели погубившие русов плоды»³⁶, и зиму. Но если русские совершили свой поход на Бердаа в 332 г. хиджры (с 4/IX 943 г. по 23/VIII 944 г.), пробыли в нем шесть месяцев и пережили зиму, то этой зимой, конечно, могла быть только

³¹ Моисей Каганкатваца. История Агван. СПб., 1861, стр. 275—276.

³² Манук Абебян. История древнеармянской литературы. Ереван, 1948, т. I, стр. 390—391.

³³ А. Ю. Якубовский. Ук. соч., стр. 72; А. В. Флоровский. Ук. соч., стр. 177.

³⁴ В своей последней работе („The second Russian attack on Constantinople“. *Dumbarton Oaks Papers*, № 6. Cambridge—Massachusetts, 1951) А. А. Васильев без малейших доказательств, как само собой разумеющееся, относит Моисея Каганкатваца к числу авторов, повествующих о походе русских на Каспийское побережье в 912/913 г. При этом А. А. Васильев прямо заявляет, что поход 912—913 г. был направлен именно на Бердаа и якобы Масуди повествовал о взятии Бердаа в 912/913 г. (стр. 181 и прим. 42). Однако еще Б. Дорн подчеркивал, что „поход на Бердаа следует отличать от прежних походов“ (Б. Дорн. Ук. соч., стр. XI). С другой стороны, у Масуди нигде нет сообщения о том, что русские в 913/914 г. захватили именно Бердаа. „Ал-Масуди рассказывает, что в 913 г. русы ограбили города Гиляна, Дейлема и Табаристана, а также порт Абесгун. Кроме того, их отряды были в Азербайджане и, в частности, в районе нефтяных бакинских источников“ (А. Ю. Якубовский. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв. ИАН, 1946, т. 3, № 5, стр. 465). В 913 г. русские только грабили побережье Каспия, но не захватывали города (В. В. Бартольд. Ук. соч., стр. 49), Бердаа же был захвачен лишь в 943 г. Следует добавить, что А. А. Васильев отнюдь не оригинален в этом своем утверждении. В XIX в. было немало историков (например, Рейске, М. И. Броссе), которые тоже без всяких доказательств полагали, что Моисей Каганкатваца описывал поход 912/913 г. Однако всю ошибочность этого мнения показал акад. Б. Дорн, который доказал, что Моисей Каганкатваца повествует именно о походе на Бердаа в 40-х годах X столетия (Б. Дорн. Ук. соч., стр. XI, XLVI).

³⁵ Марага — город на юго-востоке Урмийского озера, в двух днях пути к югу от Тавриза, до сих пор славится своими фруктами. — А. В. Флоровский. Ук. соч., стр. 180.

³⁶ Там же, стр. 185.

зима 943/944 г., а не 944/945 г., как полагают А. А. Куник, В. Мошин, В. В. Бартольд и другие исследователи. Не подлежит, следовательно, сомнению, что арабские источники, указывая для прибытия русских в Бердаа 332 год хиджры, подразумевают не 944, а 943 год.

Таким образом, если источники и «не приводят более точных дат с указанием месяцев и чисел»³⁷, то упоминание о зиме и о шестимесячном присутствии русских в Бердаа помогает установить, что русские в Бердаа пришли в сентябре—октябре 943 г. и ушли в марте—апреле 944 г. Поэтому с полной уверенностью можем утверждать, что поход на Бердаа произошел после второго похода Игоря на греков, остановленного греками на Дунае в июне 943 г.

Из свидетельств Низами о походе русских на Бердаа явствует, что русские, прежде чем захватить Бердаа, пытались взять Дербент³⁸. С другой стороны, у Масуди имеется известие, что правитель Ширвана Мухаммед бен Иезид, овладев г. Баб-аль-Абваб (т. е. Дербентом) и еще другими областями, велел в Дербенте выстроить стены. Акад. Б. Дорн делает справедливый вывод из этого факта: «В таком случае можно было бы предположить, что он принял эти меры после вторжения русских в Дербент — начало его правления относится приблизительно к 944 г. — чтобы обеспечить себя от подобных неожиданных нападений»³⁹. Следовательно, и это сообщение свидетельствует о том, что в 944 г. русский поход был уже закончен и арабы выполнили ряд мероприятий по охране своих границ.

Наконец, необходимо обратить внимание на одну особенность кладов куфических монет. В Дании, в Англии, т. е. в местах, на которые распространялась экспансия варягов в X в., как и в самой Швеции, найдено немало кладов, в которых самые молодые монеты относятся к 942 или 943 г.⁴⁰

Такое же обилие кладов, самые молодые монеты которых группируются вокруг 943 г., наблюдается и в России. Так, в Виленской губернии в 1876 г. обнаружен клад из 135 монет, чеканенных в 894—943 гг.⁴¹ В Муроме был найден клад в 2 пуда 23 фунта с монетами, чеканенными в период с 715 по 937 г.⁴², в Могилевской губернии — клад из 82 монет 896—943 гг.⁴³, в Самарской — 50 монет с 726 по 939 г.⁴⁴, в Эстляндской губернии, близ Ревеля, — 12 монет с 716 по 942 г.⁴⁵

Следует подчеркнуть, что в своем большинстве это клады богатые, следовательно зарыты людьми состоятельными, а таковыми могли быть воины Игоря, обогатившиеся во время похода на Бердаа. Отметим, что кладов с монетами, обрывающимися на 944 или 945 г., даже не очень богатых, почти совсем не обнаружено.

Клады с монетами, чеканенными до 943 г., найденные на огромном пространстве от Скандинавии до Оки, свидетельствуют, как нам думается, и о том, что в походе на Бердаа участвовали варяги, поляне, словены, вятичи, кривичи и др. Но, как известно, именно таков же был состав участников

³⁷ В. В. Бартольд. Ук. соч., стр. 31.

³⁸ М. Гебенъков. Древнейшие сношения Руси с прикаспийскими странами и поэма „Искандер-Наме“ Низами как источник для характеристики этих сношений. Тифлис, 1896, стр. 45—50; см. также Н и з а м и. Искендер-Наме. Пер. К. Липскерова. Баку, 1953, стр. 351 и сл.

³⁹ Б. Дорн. Ук. соч., стр. 498.

⁴⁰ См., например, В. В. Григорьев. О куфических монетах, сб. „Россия и Азия“, СПб., 1876, стр. 115, 118, 119, 131, 132.

⁴¹ А. Марков. Топография кладов восточных монет. СПб., 1910, стр. 1—2.

⁴² Там же, стр. 5—6.

⁴³ Там же, стр. 25.

⁴⁴ Там же, стр. 41.

⁴⁵ Там же, стр. 56.

и второго похода Игоря на греков. В этой связи следует обратить внимание и на одно свидетельство поэмы Низами «Искендер-Намэ», в которой ряд глав посвящен походу русов на Бердаа 943 г. Среди других сведений в поэме Низами сообщается, что вождь русов Кинтал «собрал войско в семи провинциях, зависевших от России» (буквально — «семь Рос-сий») ⁴⁶. Обращаясь к походу Игоря на греков 943 г., мы находим, что и в нем участвовало семь народов: «варяги, русь и поляны, словени и кривичи и теверьце и печенеги». Едва ли случайно и это совпадение. В своей совокупности все эти данные еще раз подтверждают, что поход на Бердаа, несомненно начавшийся осенью 943 г., тесно связан с походом Игоря на Византию. Следовательно и все восточные источники свидетельствуют, что второй поход Игоря на греков состоялся в 943 г.

Обращаясь к истории соседних с Русью государств, мы находим, что в 943 же году на греков с севера двинулись венгры, а в Крыму после гонения на евреев, объявленного тогда в Византии, обстановка была напряженной до предела, и вполне возможно, что дело дошло до вооруженных столкновений (к такому выводу приводят, в частности, данные знаменитой еврейско-хазарской переписки и имеющиеся в договоре 944 г. призывы греков, направленные к русскому князю, воевать с кем-то где-то в Корсунской стране).

То обстоятельство, что эти события произошли в одном и том же 943 г., может говорить о многом. Известно, что для второго похода на греков Игорь искал союзников всюду, где их можно было найти. Ему удалось нанять печенегов и варягов. Вполне также вероятно, что Игорь отправил посольства с предложением идти на греков и к венграм, всегда готовым к этому, и к болгарам. Возможно, по мысли Игоря, русское войско должно было напасть на Константинополь со стороны моря, а венгры и болгары — с севера. Венгры, как известно, в 943 г. действительно двинулись на Византию ⁴⁷. Напряженными были и взаимоотношения Византии с Аланией, в которой, согласно показаниям Масуди, византийское влияние в 932 г. резко сменилось хазарским. Из «северных варваров» в 943 г. в дружбе с Византией осталась, пожалуй, лишь одна Болгария. Не потому ли Игорь велел печенегам воевать именно против болгар, а не против какого-либо другого народа, что болгары отказались от участия в этом походе? Нам известно, что Феофан в 943 г. очень удачно остановил поход венгров на Константинополь. Поэтому не кроется ли здесь стремление греков расколоть «северных варваров», склонить на свою сторону венгров и в случае, если бы русский князь продолжил свой поход на Константинополь, двинуть их против него? Русская летопись сообщает, что греки послали дары не только Игорю, но и печенегам. По-видимому, возможность перехода не только венгров, но и печенегов на сторону греков в 943 г. была вполне реальной. Если к этому прибавить, что и болгары в это время были на стороне греков, то нам станет ясно, что Игорь неспроста «дошедь Дуная созва дружину и нача думати». Игорю в самом деле было над чем задуматься. Что сулила ему война, да еще с такими ненадежными союзниками, как печенеги, которых остановила первая же подачка императора? В луч-

⁴⁶ И. Тебенъков. Ук. соч., стр. 50.

⁴⁷ В пользу мысли о связи между набегом венгров на Константинополь в 943 г. и вторым походом Игоря можно привести и тот установленный В. М. Истриным факт, что в Едлинском летописце второй редакции сказание о походах Игоря совпадает с повествованием Амартола о набеге угров. (В. М. Истрин. Летописные повествования о походах русских князей на Царьград, стр. 218—219; его же. Моравская история славян и история поляно-руси как предполагаемые источники начальной русской летописи, стр. 311—312).

шем случае заключение выгодного торгового договора. Но Византия, убедившаяся в том, что никакие дары не остановят русского князя, если не будет заключен этот договор, теперь и без войны соглашалась на это. Следовательно, Игорь не мог и желать лучшего. Гораздо труднее было заставить отказаться от войны и связанной с ней добычи — печенегов и тех многочисленных варягов и русских, которые мечтали обогатиться в этом походе. Но печенеги были успокоены, с одной стороны, греческими дарами, а с другой — разрешением Игоря пограбить Болгарию. Русскому же флоту, а следовательно, и варягам (возможно, также и части печенегов) Игорь повелел двинуться на Каспий, в далекий Бердаа.

Итак, Игорь, явившийся инициатором грандиозного похода «северных варваров» против Византии, полностью пожал плоды этого похода, несмотря на то, что он остался неоконченным. Венгры в 943 г. получили только те дары, которыми их остановил на Дунае Феофан. Печенеги, участвовавшие в походе Игоря 943 г., должны были удовлетвориться разрешением русского князя пограбить Болгарию, и теми дарами, которые поднесли им греки. Болгария за свою дружбу с Византией в 943 г. заплатилась набегом печенегов. Византия, так удачно и быстро умиротворившая печенегов своими дарами, когда они шли на нее, и не пыталась удерживать их от набега на дружественную ей Болгарию.

Что касается Византии, то в 943 г. она потерпела тяжелое дипломатическое поражение, так как была принуждена согласиться на заключение невыгодного и мало почетного договора. Таким образом, из сложной борьбы интересов, развернувшейся в 943 г. в Северном Причерноморье, наибольшую пользу извлекло именно Русское государство, заключившее с Византией выгодный торговый договор.

Как ни странно, но об этом великом походе «северных варваров» на Византию в 943 г. прямые известия сохранились только в русской летописи. В других источниках упоминается лишь о набеге венгров и — в очень туманной форме — о войне хазар с греками в Крыму⁴⁸. Может быть, это произошло именно потому, что поход Игоря 943 г. остался неоконченным, и «грекам незачем было писать об этом походе, который был ими, так сказать, перехвачен на пути»⁴⁹. Но не следует ли именно к этому неоконченному походу «варваров» отнести заметку константинопольского синаксаря от 5 июня, в которой указывается, что литургический праздник 5 июня был учрежден в честь избавления греков от каких-то «варваров». А. П. Керамевс⁵⁰ и А. А. Васильев⁵¹, полагают, что эта заметка указывает на поход русских на Византию в 860 г., а 5 июня — это дата праздника, якобы установленного в честь снятия осады Константинополя русскими. Всю несостоятельность такого взгляда хорошо показал М. В. Левченко⁵².

Но вряд ли справедливой будет и мысль Н. Ф. Красносельцева⁵³ и М. В. Левченко, что заметку синаксаря от 5 июня следует отнести к VII в. Эта заметка, как доказали А. Грегуар и П. Оргельс⁵⁴, удивительно напоминает пророчество жития Василия Нового, сделанное за четыре месяца

⁴⁸ С. М. Дубнов. История евреев в Европе, т. I, Рига, 1936, стр. 181—182.

⁴⁹ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 453.

⁵⁰ А. П. Керамевс. Акафист Божьей Матери. ВВ, X, вып. 3, 1903.

⁵¹ А. А. Vasiliev. The Russian attack on Constantinople in 860. Cambridge, 1946.

⁵² М. В. Левченко. Фальсификация истории византино-русских отношений в трудах А. А. Васильева. ВВ, IV, 1951, стр. 155—158.

⁵³ Н. Ф. Красносельцев. Типик церкви св. Софии в Константинополе (IX в.). Летопись историко-филологического общества при императорском Новороссийском университете, т. II, Византийское отделение. Одесса, 1892, стр. 215.

⁵⁴ H. Grégoire et P. Orgels. Les invasions russes dans le Synaxaire de Constantinople. Byz., t. 24, 1954, p. 144.

до похода Игоря, т. е. обнаруживает черты сходства с источниками X в. Поэтому мы считаем, что ее следует увязать с походами Игоря, но не с первым походом, как полагают А. Грегуар и П. Оргельс⁵⁵, а со вторым. А. Грегуар и П. Оргельс упустили из виду, что в 941 г. греки были окончательно освобождены от нашествия только 15 сентября, а не 5 июня. Да и к тому же все источники (греческие, латинские, арабские) прямо указывают, что в 941 г. на Константинополь напали не какие-то «варвары», а именно русские.

К заметке синаксаря от 5 июня как нельзя лучше подходит именно историческая обстановка 943 г. Действительно, хотя в этом году поход происходил под гегемонией русского князя, однако в нем приняло участие такое число разных народов, что их нелегко было даже перечислить, и не удивительно поэтому, что их объединили общим названием «варвары». С другой стороны, и 5 июня вполне могло быть тем днем, в который греки встретили Игоря на Дунае и заключили с ним перемирие.

Все это дает основание считать, что заметка синаксаря от 5 июня является иностранным свидетельством о втором походе Игоря на греков, пока, правда, единственным.

⁵⁵ Н. Grégoire et P. Orgels. Op. cit., p. 143.

А. И. КЛИБАНОВ

К ИЗУЧЕНИЮ БИОГРАФИИ И ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
МАКСИМА ГРЕКА

I

Ниже публикуются два неизданных сочинения Максима Грека и тексты шести писем Михаила Триволиса, ученого, переводчика и копииста, сотрудничавшего на рубеже XV и XVI вв. с видными итальянскими гуманистами (Альдом Мануцием, Пико дела Мирандола-племянником и др.). Письма эти характеризуют интересы их автора, его взаимоотношения как с упомянутыми прославленными деятелями итальянского гуманизма, так и с его рядовыми сотрудниками.

Эти письма были опубликованы в обширном труде Ильи Денисова «Максим Грек и Запад», вышедшем в 1943 г.¹ в трудах университета в Лувене.

Источниковедческое значение труда И. Денисова велико. В результате долгой и терпеливой работы над памятниками в рукописных собраниях Парижа, Ватикана, Афона и других автор установил гражданское имя знаменитого русского религиозно-общественного деятеля первой половины XVI в., вошедшего в историю под монашеским именем Максима (Грека). Максим Грек оказался Михаилом Триволисом, представителем известного и просвещенного византийского рода Триволисов, состоявших в свое время в дружеских отношениях с императорским домом Палеологов.

Установление гражданского имени Максима Грека позволило И. Денисову обнаружить и ввести в научный оборот ряд документов, характеризующих домосковскую жизнь Максима Грека. Это памятники, принадлежащие перу Михаила Триволиса, а также памятники, содержащие те или иные упоминания о Михаиле Триволисе.

Приводим их перечень:

1. Копия (начала XVII в.) протокола выборов в Большой Совет острова Корфу, происходивших в 1490—1491 гг., где баллотировался (но не был избран) Михаил Триволис.

2. Текст «*Geoponicorum libri XX*», скопированный Михаилом Триволисом для гуманиста Иоанна Ласкариса.

3. Четыре письма Михаила Триволиса, написанные из Мирандолы.

4. Письмо итальянского ученого Урчео Кодро от 15 апреля 1498 г., содержащее упоминание о Михаиле Триволисе.

5. Письмо Пико дела Мирандола-племянника с упоминанием о Михаиле Триволисе.

¹ Élie Denissoff. *Maxime le Grec et l'Occident. Contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis*. Paris, 1943.

6. Хроника монастыря св. Марка во Флоренции, содержащая запись о пострижении Михаила Триволиса в 1502 г.*

7. Два письма Михаила Триволиса, написанные из Флоренции.

8. Эпитафия Иоахиму I, патриарху Константинопольскому, написанная Максимом (Михаилом) Триволисом.

9. Эпиграмма, посвященная афонским монахом Максимом (Триволисом) Великому Ритору Мануилу.

10. Три эпитафии Нифонту II, константинопольскому патриарху, написанные Максимом Триволисом.

11. Канон Иоанну Крестителю, написанный Максимом Триволисом.

Книга И. Денисова состоит из следующих частей и глав: первая часть, которой предшествует небольшое введение, знакомит нас с ходом и итогами работ автора по установлению гражданского имени Максима Грека. Первая глава этой части посвящена истории вопроса о Максиме Греке, вторая содержит критический разбор русских источников о Максиме Греке. Третья глава отведена исследованию западных и афонских источников, послуживших автору материалом для его новых выводов и характеристик. В четвертой, заключительной, главе первой части рассматриваются в совокупности русские и привлекаемые автором западные и афонские источники и устанавливается тождество Максима Грека с Михаилом Триволисом.

За первой, источниковедческой, частью следует вторая, биографическая, посвященная молодости и зрелым годам Михаила Триволиса, будущего Максима Грека. Она состоит из глав: «Происхождение и первая молодость», «В школе гуманизма», «На службе гуманизма», «Доминиканец монастыря святого Марка», «Монах Афонской горы», «Греческий миссионер». Автор заканчивает свой труд разделом, подводящим общие итоги его исследования. В приложении — документы.

Книга интересна по методу источниковедческой работы и по новизне привлекаемых материалов.

При всем этом бесспорное значение представляет только источниковедческая часть работы И. Денисова. Что же касается его опыта реконструкции домословского периода жизни Максима Грека, то основные характеристики, сделанные автором, вызывают принципиальные возражения, о которых ниже. Многие конкретные построения И. Денисова гипотетичны, и дар литератора не раз берет в его книге верх над требовательностью исследователя-историка.

И. Денисов исходит из устанавливаемого русскими источниками факта, что Максим Грек родился в городе Арта и что имя его отца было Мануил. С этим фактом он сопоставляет следующую запись, находящуюся в одном из манускриптов библиотеки монастыря св. Марка во Флоренции: «Брат Михаил, сын Эммануила из города Арта, что прежде носил то же имя в миру, был пострижен в монахи почтенным братом Матиасом Марчи (Matthieu Marci) в четырнадцатый день июня приблизительно в первом часу ночи в год господень 1502».

В двух письмах, написанных из Флоренции к Сципиону Картеромахосу (от 21 и 24 апреля 1504 г. — См. приложение), Михаил Триволис сообщает, что он «отказался от монашеской жизни», подтверждая тем самым факт своего пребывания в монастыре.

Таким образом, место рождения Максима Грека и имя его отца совпадает с местом рождения и именем отца Михаила Триволиса. Заслуживает всяческого внимания и тот факт, что в русских сочинениях Максима Грека

* Об этом памятнике см. в обзоре трудов И. Денисова, сделанном С. Каштановым, стр. 289 настоящего тома.

содержится описание монастыря св. Марка и подробное описание монастырского образа жизни доминиканцев.

Далее И. Денисов приводит свидетельство Курбского, современника Максима Грека; о том, что последний был учеником гуманиста Иоанна Ласкариса. В собраниях Парижской национальной библиотеки И. Денисов обнаружил копию греческой рукописи «Геопоники», написанную рукой Михаила Триволиса, с надписью следующего содержания: «В дважды десять и еще дважды четыре дня я, Михаил, написал эту работу для Ласкариса».

Согласно свидетельствам самого Максима Грека, его пребывание в Афонском монастыре продолжалось приблизительно десять лет, с 1505—1506 по 1516 г. Точно к этому времени относятся обнаруженные И. Денисовым стихи афонского монастырского поэта Максима Триволиса: эпитафия патриарху Иоахиму (умер в 1505 г.), эпиграмма на Мануила из Коринфа, написанная после 1505 г., эпитафия патриарху Нифонту II (умер в 1508 г.) и еще два литературных наброска, относящихся к 1514—1515 гг. «Михаил Триволис, — пишет И. Денисов, — исчезает с тех пор, когда монах Максим Триволис появляется на Афоне. Этот последний в свой черед исчезает, когда в Московии появляется Максим Грек»².

Суммируя данные западных и афонских источников, относящихся к Михаилу-Максиму Триволису, и сопоставляя их с данными о домосковском периоде жизни Максима Грека по русским источникам, И. Денисов устанавливает тождество монаха Максима Грека с Михаилом Триволисом.

Наглядным подтверждением этого вывода является следующая составленная И. Денисовым таблица³.

*Сравнительная таблица биографических данных о Максиме Греке—
Михаиле Триволисе*

Максим Грек
(Русские источники)

Михаил Триволис
(Западные и афонские источники)

1. Происхождение и юные годы
(1470—1491)

Грек из почтенной семьи, неизвестной по имени	Грек из почтенной семьи Триволисов
Родился около 1470—1480 гг. в Арте (Эпир)	Родился около 1470 г. в Арте (Эпир)
От Мануила и Ирины	От отца Эммануила
Крещен именем, начинающимся на «М»	Назван «Михаилом»
Первое воспитание в греческой земле	Юность на Корфу
.	Кандидат на выборах в Корфу в 1490 или 1491 г.

² И. Денисов. Ук. соч., стр. 104.

³ Там же, стр. 105—107. Свой вывод И. Денисов подкрепляет также рядом литературных сближений между сочинениями Максима Грека и сочинениями Михаила Триволиса, а также палеографическими сопоставлениями между надписью Михаила Триволиса на копии «Геопоники», его письмами к Картеромахосу и тверской псалтырью Максима Грека. Сходство буквенных начертаний очень велико.

Пребывание в Италии
(1492—1495)

Во Флоренции знаком с Андже-
ло Полициано (умер в 1494 г.), при-
сутствует на проповеди Савона-
ролы (между 1493 и 1498 гг.), за-
нимается у Иоанна Ласкариса (до
1496 г.)

Переписывает рукопись для Лас-
кариса (до 1498 г.).

1496—1501 годы

..... В Болонье знаком с Урчео Кодро
(около 1496—1497 гг.)

В Венеции

В Венеции

Постоянно связан с Альдом Ману-
цием (до 1502 г.)

Работает у Альда Мануция в
1498 г., заказывает ему книги
в 1500 г., в 1504 г. предложил
ему свои услуги; тесно связан
с окружением Альда, в том числе
с Иоанном Григориополом.

В Падуе

В Падуе

Знает Августа Нифо де Сесса (пре-
подаватель с 1492 по 1498 г.)

Знает Пауло де Канальо (видится
с ним в 1500 г.)

В Милане

Знает о пышности двора Людовика
де Мора (до 1499 г.)

В Верчелли

В 1497 г. знает каноника Николая
Тарсского и князя Лодовико
Тиццони, графа Дечианского

В Мирандоле

В 1498 г. служит у Джованни-
Франческо Пико делла Миран-
дола

На Корфу в 1499 г.
В Мирандоле

Сообщает о франко-миланской
войне (1499—1500)

Связан с событиями франко-милан-
ской войны

В Мирандоле
Недалеко от Феррары

Знает Николо Лелио Козмико из
Феррары (умер в 1500 г.)

Рассказывает о латинских переводах греческих отцов церкви, высказывает восхищение Савонаролой

Работает над латинскими переводами греческих отцов церкви в Мирандоле, центре деятельности Савонаролы.

Религиозное обращение (после 1500 г.)

Знает Зиновия Аккьяччуоли, библиотекаря св. Марка во Флоренции
Религиозное обращение (после 1500 г.)

1502—1504 гг.

Подробно описывает образ жизни доминиканцев

Во Флоренции
Постригся в монахи в доминиканском монастыре св. Марка 14 июня 1502 г.

Уходит из монастыря в 1504 г.
Связан с монахом Пьером Кандидом, камальдულцем

Переписывается со Сципионом Картеромахосом

Жизнь на Афоне
(1505—1516)

Становится монахом Ватопедского монастыря на Афоне под именем Максима (около 1505—1506 гг.)

Становится монахом на Афоне под именем Максима

Сочиняет эпитафию патриарху Константинопольскому Иоахиму I (умер в 1505 г.)

Сочиняет эпиграмму Великому Ритору Мануилу (после 1505 г.)

Пишет (в Москве) о св. Нифонте

Сочиняет эпитафию Нифонту II, патриарху Константинопольскому (умер в 1508 г.)

Послан с миссией для сбора пожертвований и защиты православной церкви

В Валахии — у Неагое Басеараба (господарь 1512—1521 гг.).

Сочиняет два текста надписи к раке Нифонта II (в 1514—1515 гг.)

В 1516 г. отбывает в Московию

Открытые И. Денисовым материалы не только позволяют идентифицировать Максима Грека с Михаилом Триволисом, — взятые во всей полноте, они характеризуют и идейную эволюцию Максима Грека в течение первой половины его жизни. И. Денисов совершенно прав, утверждая, что эти материалы очень важны и для объяснения идеологии и деятельности Максима Грека в московский период его жизни. Однако то истолкование, которое дает им автор, вызывает, повторяем, самые решительные возражения.

II

В сущности, несмотря на заглавие «Максим Грек и Запад» работа И. Денисова своими тенденциями и выводами обращена к другой проблеме — Максим Грек и Россия. Автор сам указывает: «Жизнь Максима на Западе была бы обеднена, если бы мы не согласились видеть»

в ней вполне естественное вступление к его московской жизни. Как понять тайны его влияния в этой стране (России. — А. К.) и объяснить гонения, которым он там подвергался, если пренебречь огромным, накопленным им на Западе капиталом стремлений и разнообразных концепций»⁴.

Какой же идейный капитал накопил, по мнению Денисова, Максим Грек на Западе? Приведем слова самого автора — они не лишены образности: «Мы надолго остановились перед цоколем статуи (воображаемой статуи Максима Грека. — А. К.), чтобы расшифровать надпись. Выражая личность героя, она должна была выдать нам тайну его духовного пути. Высеченные в камне слова, которые мы по складам (имеется в виду длинный путь исследования. — А. К.) прочитали, сначала привели нас в смущение. По видимости статуя изображала истого москвитя, тип «старца», «человека божьего» со славянизированными чертами. Но вот три слова, особенно рельефно выделяющиеся на пьедестале, указывают на неизвестный аспект: «Грек, католизованный, гуманист» (Grec, latinisé, humaniste)⁵. Мы передаем слово «latinisé» как «католизованный», следуя тому смыслу, который вкладывает в него И. Денисов⁶. Этим И. Денисов хочет сказать, что частью своего духовного существа Максим Грек принадлежал католической церкви и разделял католические взгляды. И. Денисов утверждает, что католическая церковь всегда предлагала Максиму Греку свое «материнское лоно» и неизменно печалась о нем. Эти утверждения в книге профессора католического университета, каковым является И. Денисов, по-своему понятны. «Noblesse oblige!» «Положение обязывает!». Но где доказательства? Итальянские связи Максима Грека? Они были католическими по необходимости, так как местом их была католическая страна. Монастырь св. Марка, в который Максим постригся в середине 1502 г.? Но уже в апреле 1504 г. Максим вышел из католического монастыря, чтобы никогда больше не возвращаться в это «материнское лоно». Фактами остаются почти демонстративный уход Максима Грека на Афон около 1505—1506 гг. и его решительные и резкие сочинения против католической церкви, написанные в московский период его жизни. Католические реминисценции действительно возникали у Максима Грека в связи с практикой борьбы против еретических движений на Руси. Но инквизиционным опытом католицизма живо интересовались и такие деятели русской православной церкви, как Геннадий Гонзов и Иосиф Санин. И вело их к этому отнюдь не сочувствие к католицизму как таковому, а идейная несостоятельность в борьбе с ересями, которую они пытались возместить методами инквизиционного террора.

И. Денисов стремится показать Максима Грека как деятеля, во всем обязанного западной культуре и только ей. Охарактеризовав Максима как «грека, католизованного, гуманиста», И. Денисов продолжает: «Это полный контраст тому образу Максима Грека, который передает московская легенда и старообрядческая литература... Этому Максиму, которого легенда русифицировала и окружила ореолом, противопоставит наш западный Максим, греческий миссионер, деятельный и просвещенный, проникнутый духом итальянских школ и неизбежно вступивший в конфликт с москвитями, в далекой стране, куда он явился защищать византийское дело»⁷.

⁴ И. Денисов. Ук. соч., стр. 3.

⁵ Там же, стр. 359.

⁶ "...Максим — не только Грек, но Грек латинизированный или, если угодно, романизированный, отмеченный печатью католической среды, с которой он общался" (там же, стр. 365).

⁷ Там же, стр. 359—360.

Особое внимание И. Денисов уделяет гуманизму Максима Грека: «Из трех главнейших черт, которые мы в нем (Максима Греке. — А. К.) подчеркнули, третья (гуманизм. — А. К.), к тому же синтезирующая обе другие (византизм, латинизм. — А. К.), представляется в конечном счете самой плодотворной»⁸.

Каково же место Максима в гуманистических кругах его времени?

По утверждению И. Денисова, «это отнюдь не гуманист второго разряда в ареопаге гуманистов Возрождения, простой сателлит какой-либо более замечательной личности»⁹. Но в таком случае Максим Грек — гуманист первого разряда, имеющий самостоятельное значение? Именно таково мнение самого Денисова: «Так гуманизм Михаила-Максима, который мы проследили шаг за шагом на протяжении его длительной прогулки по Италии, постепенно принял свой окончательный облик: сформировавшись во Флоренции, приобретаю утонченность и блеск в итальянских университетах, возмужавший в Венеции и в путешествиях по Милану и Савойе расширивший свой кругозор, он в Мирандоле достиг своей полной зрелости. Гений греческий и гений римский слились в Максима, придав ему своеобразию достаточно глубокое и определенное, чтобы ученые, а затем меценаты старались заручиться им в качестве сотрудника и наставника («мэтра»! — А. К.). С 1492 по 1500 г. ряд неожиданных успехов, плодов личной его значимости поставили его на видное место у гуманистов. От переписчика «Геопоники» у Ласкариса до образованнейшего и щедро вознаграждаемого поставщика текстов и идей для Пико — линия одна и восхождение подлинное»¹⁰.

На чем основаны эти суждения И. Денисова? В предисловии к своему труду И. Денисов (на стр. VII), пытаясь умалить заслуги советской историографии, утверждает, что своим исследованием он стремится содействовать восстановлению «блестящей традиции» русской исторической науки XIX в. Но в русской исторической науке XIX и начала XX в. принято было считать, что связи Максима Грека с гуманистами в конечном счете не определили его взглядов. Так, уже Горский, еще до крестьянской реформы писавший о Максима Греке, утверждал, что Максим Грек — не гуманист. Этот взгляд был поддержан Ф. Нелидовым, А. Пыпиным, Е. Голубинским и многими другими исследователями Максима Грека.

В 1911 г. Н. К. Гудзий в специальном исследовании: «Максим Грек и его отношение к эпохе итальянского возрождения»¹¹ на основании анализа сочинений самого Максима Грека, т. е. по прямым источникам, установил, что Максим Грек отрицательно и даже враждебно относился к идеям итальянского Возрождения. В 1915 г. вышла известная монография Иконникова, но и она не дала никаких данных для пересмотра взглядов на отношения Максима Грека к итальянскому Возрождению.

Так, может быть, эти сведения дают памятники, привлекаемые самим И. Денисовым? Тут особенно интересны были бы данные о периоде пребывания Максима у Мирандолы¹², поскольку, как мы видели выше, именно этот период И. Денисов считает венцом гуманистической деятельности Максима. Но сам автор вынужден признать, что «мы не распола-

⁸ И. Денисов, Ук. соч., стр. 387, ср. стр. 366.

⁹ Там же, стр. 17.

¹⁰ Там же, стр. 224.

¹¹ Киевские Университетские Известия, 1911, № 9.

¹² Речь идет об итальянском гуманисте Дж.-Ф. Пико дела Мирандола.

таем никакими точными данными о трудах, порученных Пико (Мирандолой. — А. К.) Михаилу Триволису (т. е. Максиму Греку. — А. К.)»¹³.

Чем же мы располагаем?

«Между тем из многих намеков, содержащихся в переписке Михаила, следует, что пребыванием у Мирандолы он был обязан своему знанию греческого. Фраза об «эллиномании» Пико знаменательна в этом отношении. Она дает понять, что эта страсть к греческому и есть причина доброжелательства и щедрости, которые были ему (Максиму. — А. К.) оказаны. «Надеюсь, — пишет Михаил, говоря о Пико, — что в дальнейшем я встречу еще больше благосклонности с его стороны, ведь он — поклонник всего греческого и очень щедр». Если принять во внимание разнообразные литературные труды Пико с 1498 по 1502 г., часть которых свидетельствует о выдающейся греческой образованности, можно не сомневаться, что Михаил был ему ценен той помощью, которую он оказывал в подготовке материалов для богословских и философских трудов или для необходимых переводов. Михаил занимался также дворцовой библиотекой и давал книжные заказы Альду Мануцию»¹⁴.

Вот и все данные о деятельности Михаила Триволиса как гуманиста, которые автор мог почерпнуть в найденных и приложенных им к книге документах.

Видимо, сам И. Денисов чувствовал шаткость позиции, которую он занимает, объявив Максима Грека гуманистом *par excellence*. Поэтому он вводит в свою теоретическую конструкцию понятие, которое должно спасти характеристику, данную им Максиму Греку. Он называет гуманизм Максима Грека «крещеным», «христианским гуманизмом». «Очевидно, — читаем у И. Денисова, — гуманизм греческого монаха это крещеный гуманизм («... l'humanisme du moine grec est un humanisme baptisé»). Он (Максим Грек. — А. К.) решительный противник неопаганизма своего времени, он открыто заявляет о своем полном расхождении с мирским эллинизмом. Но несмотря на это ясное отношение, мы видели, что его ум, как бы вопреки его воле, подвергся воздействию его первоначального эллинистического образования как в области формы, так и в области античной мудрости. Оно наложило неизгладимую печать на все, что он совершил. Максим бесспорно представляет собой образец того, что можно назвать христианским гуманистом»¹⁵.

Термин «христианский гуманизм», распространенный в западноевропейской историографии, не отличается определенностью содержания. Чаще всего им пользуются для обозначения деятельности тех религиозных идеологов, которые пытались сочетать принципы, выработанные гуманистами, с принципами христианской религии. По определению Де ла Тура, «гуманизм, сделавшись христианским, стал реформационным»¹⁶. В этом случае реформационные идеи рассматриваются как продукт влияния гуманизма на христианство.

Так, может быть, Максим Грек распространил идеологические принципы гуманизма на область религии и в этом смысле И. Денисов называет его «христианским гуманистом»? Может быть, гуманистическое перетолкование христианства составляет ядро религиозной доктрины Максима Грека? По-видимому, именно так и считает И. Денисов. Поэтому он подчеркивает связи Максима Грека со школой Марсилио Фичино, возро-

¹³ И. Денисов. Ук. соч., стр. 216—217.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 367.

¹⁶ P. Imbart de la Tour. Les origines de la Réforme, t. II. Paris, 1909, p. 397.

ждавшего с большой охотой религиозные учения неоплатоников, в частности Псевдо-Дионисия Ареопагита. Поэтому же он считает духовными учителями Максима Грека того же Псевдо-Дионисия Ареопагита и Максима-исповедника и ищет следы, которые оставили неоплатонизм и находившаяся под его влиянием патристика на религиозных сочинениях Максима Грека, написанных им уже в московский период.

Неоплатонические влияния, в частности неоплатоническая мистика, действительно являлись источником, которым пользовался Максим Грек. Но и Фичино, и Мирандола, и Эразм Роттердамский делали из неоплатонизма гуманистические выводы. Где они у Максима Грека?

На Руси неоплатонизм не был философской новостью не только в начале XVI в., но и гораздо раньше. Не говоря уже о философских традициях той эпохи русской жизни, которая проходила в государственных рамках Киевской Руси, в конце XIV в. образованные и ищущие представители русского общества обращались непосредственно к сочинениям неоплатоника Псевдо-Дионисия Ареопагита, которые были известны на Руси в копии, сделанной митрополитом Киприаном с болгарского перевода, оконченного монахом Исайей в 1371 г. Во второй половине XV в., во время ереси так называемых жидовствующих, сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита являлись идейным оружием новгородских еретиков в их борьбе против церкви. Тогда же, т. е. за полвека до приезда Максима Грека в Россию, новгородскими еретиками была высказана и остро поставлена перед обществом идея так называемого религиозного индивидуализма — одна из важнейших реформационных идей. На этом фоне меркнет «христианский гуманизм» Максима Грека. Его сопротивление догме, внешней обрядности и всему религиозному формализму православной церкви было робким и двусмысленным.

Таким образом, мы видим, что тезис И. Денисова о Максиме Греке как выдающемся гуманисте, имевшем в гуманизме самостоятельное значение, не подкрепляется какими-либо фактическими данными, но для Денисова он очень важен как один из первостепенных элементов той концепции, которую он развивает в своей книге.

Вторым важнейшим элементом концепции И. Денисова является тезис о России первой половины XVI в. как о царстве тьмы с господством татарщины в сознании, обычаях и порядках. Автор пишет: «Могло казаться в первой половине XVI в., что сама далекая Москва не вполне избежала могущественного дуновения Ренессанса. Западная цивилизация еще с конца предыдущего века начала накладывать на нее свой отпечаток. Благодаря этому там расцвела архитектура и древние убогие здания были заменены совершеннейшими творениями зодчих...»¹⁷. Но тут же И. Денисов подчеркивает: «Это был еще только легкий зефир, не способный растопить слой льда, покрывавший московскую землю... Все эти шедевры, напоминавшие европейские, были созданы иностранцами, которых привлекала щедрость великих князей. Дух, который их вдохновлял, не проник в русское общество, на протяжении двух веков татарского владычества преданное без защиты в добычу Азии. Слишком долго поработали его татарские нравы. Его душа оставалась первобытной, с трудом поддающейся лепке. Максим, по-видимому, был сильно поражен монгольским видом, который еще хранил двор Василия III...»¹⁸.

Этот тезис, по мнению И. Денисова, не нуждается в доказательствах.

Таким образом, основные элементы концепции И. Денисова опреде-

¹⁷ И. Денисов, Ук. соч., стр. 378.

¹⁸ Там же, стр. 380.

лены: с одной стороны — солнечная Италия, с противоположной — ледяная Москва, с одной стороны — блестящее общество ученых и меценатов, с противоположной стороны — «монгольский» двор Василия III, с одной стороны «наш западный Максим», гуманист первой величины, с противоположной — скифские «первобытные, с трудом поддающиеся лепке» души.

И. Денисову оставалось соединить между собой свои тезисы.

Кто же такой Максим Грек как историческое лицо? Кем был Максим Грек в Москве?

Приводим ответы Денисова:

«...Максим Грек представляется взору историка как ревностный распространитель цивилизации при ее возникновении в России. Он ведет себя, как деятельный распространитель европейской культуры в духе широкого (даже! — А. К.) гуманизма, согласно традициям эпохи»¹⁹.

И дальше: «В этой схватке с еще темным мышлением народа, поздно вошедшего в соприкосновение с западной цивилизацией, гуманист «Возрождения» фатально должен был пасть. Он не смог преодолеть преграды предрассудков, ни восторжествовать над умственной спячкой, с которыми он сталкивался, но, по крайней мере, ему было дано медленным ростом своего влияния подготовить будущее»²⁰.

Но в таком случае как не признать, что «в плане чисто умозрительной мысли все то, к чему Максим приобщил русских, подлинно является вторым крещением!»²¹. Максим Грек, по мнению И. Денисова, был для России того времени ее самым выдающимся гуманистом, философом, теологом, филологом, публицистом. Таков был дар западной цивилизации Москве.

Это был жертвенный дар: «...его (Максима Грека. — А. К.) отклонения от доктрины без сомнения не привели бы его на Западе ни к отлучению, ни к тюремному заключению и цепям. Но та терпимость, которую внушал гуманизм, была неизвестна в Московии, где всякий независимый образ мысли считался ересью...»²².

Так раскрывает И. Денисов тему: Максим Грек в Москве.

Концепция И. Денисова ненаучна и политически тенденциозна. Декларируя задачу своего труда в том, чтобы освободить биографию Максима Грека от легенды, поставить его биографию на прочное основание фактов, И. Денисов приносит старые и новые факты в жертву легенде, творимой им самим. Впрочем, эта последняя воспроизводит безнадежно устаревшие представления об истории русского общества и его культуры. Можно сколько угодно «сокрушаться» о традициях русской исторической науки, но гораздо плодотворнее для труда И. Денисова было бы, во-первых, ставить перед собой научные, а не пропагандистские цели, а во-вторых, без предвзятости отнестись к работам советских ученых, посвященным истории русского общества XV—XVI вв., его политических и религиозных движений, его литературы, живописи, архитектуры, его социальной мысли.

III

Как бы односторонни и тенденциозны ни были выводы И. Денисова, они, однако, не должны служить поводом для другой крайности: отрицания общественно-культурного значения деятельности Михаила Триволиса—

¹⁹ И. Денисов. Ук. соч., стр. 11.

²⁰ Там же, стр. 386.

²¹ Там же, стр. 368.

²² Там же, стр. 385—386.

Максима Грека. Тем более достойной сожаления является попытка вернуться к той оценке Максима Грека, которую при жизни Максима Грека ему давали его политические враги. Мы имеем в виду статью И. И. Смирнова «К вопросу о суде над Максимом Греком»²³, подвергнутую еще в 1948 г. убедительной критике И. У. Будовницем²⁴.

Максим Грек в России внес вклад в разработку грамматики, он оставил ценный и новый для современников и для ближайших поколений опыт переводческой деятельности и филологической критики, он дал новый для условий половины XVI в. пример публицистики, обращавшийся за доказательствами к разнообразным явлениям культуры и знания и, в частности, философии. Публицистика Максима Грека знакомила русское общество с фактами культурной жизни западноевропейских народов и сообщала многие ценные сведения исторического и географического характера (например, об открытии Америки). Несомненно, важную роль играли «нестяжательские» выступления Максима Грека, его критика монастырской жизни, его понимание религии, более свободное, чем то, которого придерживалась и которое отстаивала православная церковь. На этой почве складывались взаимоотношения с Максимом Греком многих видных и просвещенных русских деятелей половины XVI в. — Федора Карпова, Вассиана Патрикеева и др. Все это так, но ничто из сказанного не делает Максима Грека апостолом «цивилизации при ее возникновении в России» и не дает оснований оценивать его деятельность как «второе крещение» Руси.

Между итальянским и московским периодом жизни Максима Грека, между Михаилом Триволисом и Максимом Греком лежат долгие годы монашества. Этот период недостаточно принят И. Денисовым во внимание. От этой полосы жизни Михаила-Максима остались лишь скудные сведения, но что она значила для него, показывает сопоставление интересов и идеалов Михаила-Максима в итальянский и в русский отрезки его жизни. Это было время самоопределения Максима как православного ортодокса и окончательного крушения гуманистических увлечений Михаила Триволиса, имевших, по-видимому, не очень глубокие корни, ибо уже в Италии, после встречи с Савонаролой, Михаил Триволис пожертвовал гуманистическими интересами ради религиозных. Период гуманистической деятельности Михаила Триволиса не выходит за пределы 1492—1500 гг., т. е. составляет во всяком случае не более восьми лет. С 1500 г. Михаил Триволис захвачен религиозными исканиями, колеблется между католицизмом и православием, пока в 1505 или в 1506 г., не делает своего решительного выбора в пользу православия.

Как бы Максим, монах Ватопедского монастыря, ни проклинал прежнего Михаила Триволиса, он не мог выбросить 1492—1500 гг. из своей биографии, как не мог совершенно уйти от гуманистического образования, приобретенного за эти годы. Но сплава между гуманизмом Михаила и христианством (православием) Максима не получилось.

Марсилио Фичино или Эразм Роттердамский пытались извлечь из христианства то, что могло служить гуманизму. Максим Грек, как показывают написанные им в России сочинения, пытался обратить на пользу христианства ту эрудицию, которую он получил за время своего общения с гуманистами.

И. Денисов не представляет себе гуманизма, который исходил бы не от верхов общества. Когда он характеризует умственную жизнь русского

²³ ВИ, 1946, № 2-3.

²⁴ И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века. М., 1948, стр. 143—144.

общества, то для него русское общество выражается в первую очередь в таких фигурах, как Геннадий Гонзов, или Иосиф Санин, или митрополит Даниил и т. п. Да, на этом фоне мог сойти за «христианского гуманиста» и Максим Грек, хотя в высказанных им взглядах он не так уж далек был, как это на первый взгляд кажется, от своего ортодоксального противника и личного врага митрополита Даниила.

Но русское общество далеко не исчерпывалось фигурами, стоявшими на переднем историческом плане.

В ходе классовой борьбы, выражавшейся в прямых народных восстаниях (в конце XV—половине XVI в.), возникала общественная необходимость в утверждении свободы и достоинства человека и у тех тысячи тысяч русских людей, которые испытывали на себе боль и горечь попрания основных человеческих прав, бесчеловечность насилия и эксплуатации. В переломное время XV—XVI вв. созрели объективные предпосылки к тому, чтобы эта необходимость была осмыслена теоретически. Это и сделали как отдельные, наиболее сознательные и способные представители демократических низов, так и те немногие представители верхов (например, Федор Курицын), которые по тем или иным причинам оказались связанными с демократическими кругами.

В условиях духовной диктатуры православной церкви гуманистическая мысль в значительной степени вынашивалась в подполье русской общественной жизни. Ей случалось выходить на поверхность — ее носителей постигали костры, как в 1504 г., когда были сожжены новгородские и московские вольнодумцы. Без сомнения, вместе с авторами предавались огню их сочинения; и к одной из инквизиционных расправ церкви с «еретиками» имел отношение «христианский гуманист» Максим Грек. И. Денисов отмечает в своей книге: «Два раза он (Максим Грек. — А. К.) признает деятельность римской инквизиции благотворной для религии»²⁵. В этом своем наблюдении И. Денисов прав. Мы же, говоря об отношении Максима Грека к инквизиционной расправе с еретиками, имели в виду его — Максима — «Совет к собору православному на Исаака Жидовина, волхва и чародея и прелестника». В этом «Совете», ссылаясь на примеры Моисея, который «беззаконников» повелел «убивать оружием всех подряд», Льва Катанского, который самолично возвел на костер волхва Илиодора, Максим Грек призывал собор: «... смутившего паству Спасителю предайте внешней власти на казнь!»²⁶. Следует отметить, что с такими же призывами, ссылаясь на те же, что и Максим Грек, примеры, выступал в «Просветителе» (слово 13-е) и Иосиф Волоцкий, требуя казни новгородско-московских еретиков. Действительно гуманным актом явилось тогда мужественное обращение кирилловских старцев к Василию III с защитой еретиков.

Ввиду названных обстоятельств современный историк встречает большие трудности в попытке реконструкции подлинной картины общественной мысли XV—XVI вв. Эти трудности усугубляются ограниченностью сохранившихся источников.

В наших работах «Написание о грамоте»²⁷, «Самобытийная ересь»²⁸, «К истории русской реформационной мысли»²⁹, «К проблеме античного наследия в памятниках древнерусской письменности»³⁰, «У истоков русской

²⁵ И. Денисов. Ук. соч., стр. 376.

²⁶ Максим Грек. Соч., ч. 1. Казань, 1895, стр. 44.

²⁷ Вопросы истории религии и атеизма, № 3, 1955.

²⁸ Там же, № 4, 1956.

²⁹ Там же, № 5, 1958.

³⁰ ТОДРА, т. XIII, 1957.

гуманистической мысли»³¹ мы привели первую сводку фактов, характеризующих становление русской гуманистической мысли в конце XV—половине XVI в.

В свете этих фактов невозможно говорить о Максиме Греке как первом распространителе гуманистических идей на Руси. Эти идеи имеют свою историю на Руси задолго до появления в Москве Максима Грека. Они имеют еще гораздо более далекую предысторию.

Русская общественная мысль конца XV в. обращалась к классической античной философии и в первую очередь к тем ее принципам, которые питали гуманистическую мысль. Это были принципы нравственной свободы, естественной меры (античный принцип «ничего лишнего!»), античный философский пантеизм. Преодолевая малодоступность непосредственных источников — сочинений Платона, Аристотеля, Эпикура, — русская общественная мысль умела освободить от церковности элементы античной философии в сочинениях раннего греческого христианского богословия. «Лаодикийское послание» Федора Курицына и, особенно, «Написание о грамоте» утверждали учение о нравственной свободе, значимость и достоинство человеческой личности. «Сочинение против монашества» и «Сочинение о духовном рае»³² по-своему утверждали «приятие жизни». Это «приятие жизни» не совпадало с итальянским культурно-бытовым паганизмом эпохи Возрождения, но в противовес аскетизму оно восстанавливало и освящало «право плоти», объявляя тело человека «храмом Божиим». Например, в «Сочинении о духовном рае» декларировалось в духе античного понимания этики: «Что касается пищи, и половой жизни, и подобного тому, то вот в чем сущность и разум доброго: в еде стоит между сытностью и ненасытностью, также в одежде; лихоимство и то, что сверх потребности законного и естественной меры, то, что поверх естественного и потребного, — это дух злого»³³.

Итак, к тому времени, когда ватопедский монах Максим прибыл в Россию, русская общественная мысль уже выработала антитринитаризм, восходящий, по нашему мнению, к философским представлениям номинализма, религиозный рационализм и индивидуализм, понятие о «самовластии» человеческой личности, понятие об «естественности» как нравственном критерии. В середине века Феодосий Косой вынашивал представления в духе философского материализма — понятие о «самобытии» мира. Такими были главные успехи на путях становления русской гуманистической и философской мысли.

Не эти идеи развивали сочинения Максима Грека. Гуманистическое влияние его сочинений было, во всяком случае, их косвенным, побочным продуктом. Не столько своими идеями, сколько своим культурным уровнем, разносторонностью экскурсов, богатством ассоциаций сочинения Максима Грека составили незаурядный пример в русской публицистической литературе половины XVI в. и таким образом способствовали развитию общественной мысли. В то же время Максим Грек выступал как эрудированный противник тех идейных начал, философских и гуманистических, которые формировались на Руси на путях освоения культурного наследия античности, и приходивших из Западной Европы произведений науки (например, «Шестокрыла» Иммануила бен Якова или «Логики» Маймонида, Аль-Газалия и др.).

³¹ Вестник истории мировой культуры, 1958, № 1.

³² Рукопись Ундольского № 1, последняя четверть XV в., в собрании Библиотеки им. В. И. Ленина.

³³ Рукопись Ундольского № 1, л. 459—459 об. — 460, перевод наш. — А. К.

В этой связи должен быть отмечен неопубликованный и неизученный памятник, который называется «Похвала Адаму первозданному» из рукописного сборника сочинений Максима Грека (№ 264 в Румянцевском собрании Государственной библиотеки им. В. И. Ленина). Это сочинение не вошло в печатное издание трудов Максима Грека. Является ли оно вполне оригинальным, нам в настоящее время не удалось установить, но в принадлежности этого сочинения перу Максима Грека, кажется, не сомневался и Е. Голубинский.

Однако, прежде чем ссылаться на это сочинение, уместно будет напомнить, что и «Речь о достоинстве человека» Мирандолы также является в своем роде «Похвалой Адаму первозданному» и в лице его всему человечеству. Но какой контраст!

«Адам пръвый человек божиею рукою създан и по образу и подобию съдетелю образован и почтен райским вселением. Съй в правде убо пръвый наречется премудр, акы быв пръвъзданная доброта и образ богописан, акы быв преполон всячьскими благодатми и вся чювьствия души же и тела чиста и непретворна имев. Светлости бо некия яко же рещи от души его блистащеса по всему естеству течаху, иже не от человек искусен бысть разсуды многажды не тверды творящих, но от самого бога и съдетеля всех творящаго пряме всякий разум и суд»³⁴. Уже в этом отрывке высказана главная идея всего сочинения об Адаме: противопоставление знания, получаемого как откровение от бога, — знанию, добытому усилиями человеческого ума. Истинным знанием, утверждает Максим Грек, является только первое, второе есть знание ложное. Далее этот тезис развивается следующим образом: «И якоже глаголет святое писание: и сътвори бог вся скоты и звери, и гади, и птица, и приведе я к Адаму да увестъ что наречется. И якоже нарекл есть Адам, сие имя коемуждо есть. Что гласа оного и свидетелства явьственнее! Что премудрости и разсуждения сего высочаише! Нарече имена естество самое и състав единаго когождо животнаго. Акы уставляя, не прежде поучився, ни предпомыслив, ничтоже предпострадав, елика случатся человеком. И премногим родом минувшим невъзможе никто же пременити имяни худаго животнаго, ниже оного получитьи велеумниа и разсуждения, паче же пребывают вси человеци, иже по всей земли разсеянии оного узаконении непременно дръжащеса...»³⁵. Автор относит к Адаму знание различия и силы разных корней и трав «елика на пособие и исцеление естество коемуждо животну дарова и разсудил и изъяснил». Адам первый узнал различие полов и «не якоже из уст человеческих», «но акы от некоего божественаго просвещения движим». «Съй (т. е. Адам. — А. К.) убо есть искусивый вся и единому кождо и всем правила и меры и уставы непрекомы устройв. Сего суть обретенне и хитрости и писмена. Сего художества словесна и житейска. Сего пророчества и священодействия и очищения и законы писаны и неписаны. Сего суть вся обретення и учения. Съй есть пръвый богоподобный образ и богоукрашенаа доброта от его же правятся всякие человеческие хитрости...»³⁶. Медицина и грамота, все отвлеченные («словесна») и практические («житейска») науки («художества») преподаны Адамом и являются вечным и непреложным знанием, как знанием «откровенным», т. е. не Адамом установленным, но дарованным ему свыше. Сказанное и составляет предмет похвалы, обращенной к первозданному Адаму. Это не Адам Мирандолы, олицетво-

³⁴ Рукопись № 264, Румянц. собр. в Гос. б-ке им. В. И. Ленина, л. 45.

³⁵ Там же, л. 45 об.

³⁶ Там же, л. 46.

ривший свободное человечество. Это Адам, человек райский, и он восхваляется лишь как таковой.

А за раем лежит грешное человечество со всей историей его бытия и культуры. Эта история датируется от момента, «дондеже богопротивный и отступник и прелестник диявол его не отвалил твердости его и стояния и поревал его в стремнинах и пропастях и мрачных местах»³⁷. С этой поры человечество лишилось «откровенного» знания. «Оттуду почят естество человецьско развращатися и оужати и прелагатися на хужшей образоватися мучителя прельщении же и образовании»³⁸. Тут развивается уже знание, дьяволом внушенное человеку.

«Похвала Адаму первозданному» дает по-своему замечательный очерк развития человеческой культуры, сопровождая анафемой каждый ее шаг: «Отселе лъживая мудрость начало прият, божественей отбегши и на небесех възлетевши, отнюдоу же бе преж пришедши. Оттоле льстивый божеству наречению присвоив себе на многы разделил Кроны ж и Зины и Посидоны преименуя себе и еже ес всех богомръзчае на имена женская и скверна преблажено и неизреченно божественно естество и извлек богопротивный нареках оных и Афродитах и Афинах и на иных бесчисленных и неподобных образех безсловесных животнех, их же злобы обретател и отступлением недуговав и умыслил и въобразил»³⁹. Осудив эллинскую религию и мифологию, автор обращается к восточным религиям: «Отсуду египтяном яже о Осире и Тифоне и Исиде богомръзкая повествования и персяном влъхованнаа прелщения и в рахмянном наго обучения и невременная мечтания и удивляемое скифское речение, и фракияном таиньственные службы и фригиския сурны и кориванти»⁴⁰. Автор не преминул сделать выпад и против ненавистой ему астрологии: «Отсуду халдеиска астрология лъжива и многоболезнена»⁴¹. Все перечисленное для Максима Грека есть измышления человеческого ума, «лъживая мудрость», которой противостоит «откровенное» знание первозданного Адама. Из дальнейшего выясняется отношение автора не только к религиозному и мифологическому достоянию Греции и Востока, но и к античному культурному наследию в целом. Оно ставится Максимом Греком на один уровень с «богомерзким» культом Хроноса и Посейдона, Озириса и Исиды, персидским волхованием и халдейской астрологией. «Отсуду, — продолжает Максим Грек, — родительница лъжитворцов мудрость, эллинских бляд честное баснословие»⁴². Он хорошо осведомлен в истории эллинской мудрости, Максим Грек! «Отсуду Орфей и Омир и нечестивых родов повеститель Исиод. Отсуду Фалитова (Фалесова. — А. К.) мудрость и славный Пифагора и премудрый Сократ и Платон, акадимии афинейский многословутное честнословие. Отсуду Пармениды и Протагоры и Зиноны. Отсуду Стоа (стоики. — А. К.) и Ареипаг и Епикурии. Отсуду трагодийскы плачеве и рыдания и комиков играния и кошуны»⁴³. Далее Максим Грек рассказывает об искупительном подвиге Христа и новом «откровенном» знании, поведенном Петром и Павлом. «От сего света яже по бозе премудрость пакы въснала и языки рыбаей утвердил и премудрым учителей немудрых съдела»⁴⁴.

³⁷ Рукопись № 264, л. 46.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, л. 46—46 об.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, л. 46 об.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же, л. 47.

Выпады Максима Грека против античной философии не новы. Они известны и по другим его сочинениям. И все же странны эти анафематствования в адрес Сократа, Платона, Афинской академии, греческой трагедии и комедии в устах человека, который, по оценке И. Денисова, не только был сотрудником видных итальянских гуманистов, но и играл в гуманизме самостоятельную роль.

Максим Грек действительно, как утверждает И. Денисов, откликнулся на большинство вопросов, волновавших его время. Однако литературные произведения Максима Грека только тогда могут быть поняты и оценены, если раскрыть идеологические анонимы, по адресу которых он выступал. Мы находим в сочинениях Максима Грека полемические отклики на многие освободительные течения русской общественной мысли. Более того, сочинения Максима Грека помогают (снимая их антитезу) восстановить некоторые недостающие звенья в идеологии этих течений и в этом отношении его сочинения должны быть особенно тщательно изучаемы. Несомненно одно: Максим Грек связал себя с реакционными верхами господствующего класса и церкви. Он «фатально пал», употребляя выражение И. Денисова, не как представитель и поборник новых культурных начал, непонятый, отвергнутый и поверженный русским обществом первой половины XVI в. Он «фатально пал» как всякий деятель, который пытается соединить несоединимое: интересы реакционных верхов невозможно было обосновать и защищать с помощью философских и просветительных идей, хотя бы и умеренных, в той их доле, какая осталась еще у Максима Грека, после того как монах восторжествовал в нем над светским ученым.

Попытка Максима Грека сочетать гуманность с признанием инквизиции, жизнеутверждение с монашеской аскезой, Платона и Аристотеля со злонамеренным обскурантизмом церкви, независимость мысли с борьбой против передовых идей была утопической и могла лишь вызвать подозрительность руководящих феодальных верхов. Именно этим и объясняются те превращения, которые пришлось испытать Максиму Греку. Он и сам, по-видимому, в какой-то мере сознавал противоречивость своего положения и пытался найти выход из него (и тем самым опорой для себя) в сближении с политическими деятелями церкви и государства, которые мыслили свободнее и шире, чем официальное церковное руководство и окружение Василия III. Отсюда связи Максима Грека с «нестяжателями», взгляды которых он, впрочем, разделял не во всем их объеме и не до конца. Отсюда связи Максима Грека с близкими нестяжателям оппозиционными боярами. Он не был по натуре бойцом, он не только не обнаружил способности к героизму, какой проявили новгородские и московские вольнодумцы в борьбе за свои идеалы, но уступал и в последовательности и твердости своих убеждений и своим союзникам «нестяжателям». Господствующие верхи отвергли не цели, а скорее средства Максима Грека, которые — как они не без основания опасались — сами по себе могли составить «соблазн» и привлечь к Максиму Греку элементы, фрондирующие против существующей великокняжеской и церковной власти.

В свете всего сказанного следует признать, что именно та часть жизни, которую Максим Грек провел в России, имеет решающее значение для всех связанных с Максимом Греком проблем. Двадцатидвухлетним юношей Максим появился в Италии, а к тридцати годам уже успел растратить свой гуманистический пыл⁴⁵. Не в Италии, не на Афоне, а в России

⁴⁵ Идеинный кризис, пережитый молодым гуманистом Михаилом Триволисом в Италии, вряд ли может рассматриваться в плане его индивидуальной судьбы, а скорее составляет

Максим Грек определился в качестве публициста. Не как сторонний наблюдатель и не как иностранный агент участвовал Максим Грек в русской жизни. Напротив, русская действительность половины XVI в. дала пищу основным публицистическим выступлениям Максима Грека. Итальянский и афонский опыт Максима Грека лишь своеобразно окрасил их. Поэтому можно утверждать, что решающее слово о Максиме Греке должно быть сказано и будет сказано советской исторической наукой, в распоряжении которой находится литературное наследие Максима Грека, далеко еще не восстановленное в своем полном объеме.

Первоочередная задача в изучении проблем, связанных с Максимом Греком, — это задача источниковедческая. Осуществление этой задачи не только послужит выявлению значения Максима Грека для русского общества половины XVI в., а тем самым и лучшему пониманию умственной жизни этого периода, но и даст дополнительные данные для научного изучения домосковского периода жизни Михаила Триволоиса — Максима Грека.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

ПИСЬМА МАКСИМА ГРЕКА (МИХАИЛА ТРИВОЛИСА)

1498—1504 гг.*

1. Письмо Николаю Тарскому от 29 марта 1498 г.

Преподобному священнику во Христе, достопочтеннейшему Николаю Тарскому, канонику в Верчелли.

Очень спешно.

Достопочтеннейший отец мой, да пребудешь ты в добром здравии. Сам я здоров.

Я премного тебе благодарен за то, что ты заботишься о нас даже во время нашего отсутствия и не перестаешь делать нам добро. За все это пусть воздаст тебе достойную награду Царь всего существующего, ведь не в наших силах достойно вознаградить тебя.

Узнай, что я уже прибыл к владыке Мирандолы¹ за наградой, о которой я писал тебе раньше. У него я достаточно окружен любовью и почетом; поэтому не следовало бы, оставив его, идти служить другим, тем более, что я обещал ему свою верную службу раз и навсегда. А так как владыка Дечианы² такой любитель греческого, как мы это знаем, то я, желая ему сделать приятное, пошлю ему другого молодого человека³, не менее образованного, чем я, родом с Крита, весьма выдающегося как по знаниям, так и по нравственности, прекрасно усвоившего народную речь латинян и постигшего соль их красноречия. Его-то я и пошлю Вам, если угодно, вместо себя

явление безынтересное для историков западноевропейской гуманистической мысли и ее кризиса.

* Перевод с греческого И. А. Лившиц; примечания к переводу принадлежат И. Денисову.

¹ Джованни Франческо Пико дела Мирандола, граф Конкордийский.

² Лодовико II Тиццони, граф Дечианский.

³ Иоани Григоропул.

на то же жалованье, которое предлагалось мне, ведь меньше он не возьмет. А ты, если желаешь мне доставить удовольствие, вспомни о прежнем твоём расположении ко мне и перенеси это расположение на него. Ведь я его очень люблю за его добродетель, так этот юноша добр и благоразумен. *Sed de iis satis dictum* *. Люби меня, как ты меня любил, и располагай мною смело и без стеснения, как и раньше. Позаботься сразу отправить ответ на это письмо, даже если он отрицательный. Будь здоров, возлюбленный богом. Из Мирандолы, 29 марта.

Весь твой Михаил.

2. Письмо Иоанну Григориопулу от 29 марта 1498 г.

И это тебе.

Я боролся с собой изо дня в день, друг мой, чтобы обратиться к тебе, но ты предупредил меня, написав мне первый. Как обрадовало меня твое письмо, врученное мне, нужно ли говорить? Мне казалось, что я беседую с самим тобою и шучу, взяв тебя за руку, как мы имели обыкновение. Ты хорошо поступил, доставив мне немалую радость, и в дальнейшем, я надеюсь, будешь поступать так же.

Я сделал то, о чем ты меня просил. Что я пишу, ты увидишь во всех подробностях, развернув письмо, поэтому я и посылаю его тебе незапечатанным⁴. Когда ты его прочтешь, то, сложив его и запечатав, передай тому господину, который вручил мне шкатулку. Чтобы тебе легче узнать этого человека, пойди в то место, которое называется Реальто ин Панариа (*Realto in Panagia*), а именно, среди лавок, торгующих полотном, в лавку, на вывеске которой изображен бык, и спроси там об этом человеке, ведь там он обычно проводит все время. Зовут этого человека — господин Иероним ди Пики⁵, и тебе покажут его, если он будет там. Вручи ему письмо, приветствуй его от моего имени и скажи ему, чтобы он передал это письмо в Верчелли, а все письма, присланные для меня из Верчелли, вручил бы тебе.

Узнай также, что недавно я получил еще и другое предложение из Болоньи. Мне вручены были письма оттуда, в которых меня просят ехать туда и обещают нам многое, не указывая, однако, гонорара даже приблизительно. Все это я тебе рассказываю, чтобы ты мог выбрать то, что тебе больше нравится; впрочем, и то и другое предложение хорошо для настоящего момента.

Позаботься отправить в Верчелли письмо, которое я написал. Будь здоров и напиши мне поскорее, что ты делаешь, что у тебя нового, истинного и заслуживающего внимания, ведь ты знаешь, что я «люблю сражаться, когда сплю».

Еще раз, будь здоров.

29 марта.

Твой Михаил.

3. Письмо Иоанну Григориопулу от 26 1499 г.

Дорогому, как брату, Иоанну Григориопулу Критскому в доме господина Альдо в Венеции.

Сладчайший брат мой, да пребудешь ты в добром здравии, как и сам я здоров. Не удивляйся, что нечасто шлю тебе письма. Я думаю, что долг дружбы состоит не в том, чтобы часто посылать письма, и что во всяком

* Но об этом достаточно сказано.

⁴ Он имеет в виду свое письмо к Николаю Тарскому (см. № 1).

⁵ Неизвестное лицо.

случае он состоит прежде всего в том, чтобы предоставить свою помощь, когда это нужно. Во-вторых, у нас мало писмоношцев, и в-третьих, сейчас нет никаких срочных сообщений. Не сетуй на меня в будущем, если по указанным причинам редко будешь получать от меня письма. Прошу тебя, если ты меня любишь, пришли мне ответ с тем же курьером, не отнесись с пренебрежением к этой просьбе. Ведь я жду, разинув рот, наподобие птенцов, ожидающих, когда явится их мать и принесет им пищу. Послушай, о чем я прошу тебя мне написать: сообщи мне как можно скорее, собирается ли в это лето глава нечестивых⁶ послать флот в море, или нет, и безопасно ли для плавания Адриатическое море, или нет. Дело в том, что один из моих здешних друзей⁷, намеренный плыть на о. Керкиру, хочет знать, безопасно ли это путешествие, или нет. Вот что я хочу от тебя узнать. Не оставь без внимания (эту просьбу), прошу тебя, дорогой мой. Окажи услугу тому, кто ее просит, будь внимателен к умоляющему.

Будь здоров. Обнимаю всех друзей и больше всего господина Георгия Мосха⁸. Желаю тебе много лет (жизни). Больше я не пишу за неимением времени: курьер стоит у меня за спиной и просит, чтобы я вручил ему то немное, (что написано).

Из Мирандолы.
26-го сего месяца.

Твой Михаил Триволис

4. Письмо Иоанну Григорулу от марта 1500 г.

Милостивому и образованному господину Иоанну Григорулу в Венеции.

Узнай, любимый мой Иоанн, что я невредимым прибыл в Мирандолу и что князь⁹ относится ко мне ничуть не хуже, чем раньше. Он рад был (меня видеть), о чем свидетельствовало множество несомненных признаков. Надеюсь, что в дальнейшем я встречу еще больше благосклонности с его стороны, ведь он — поклонник всего греческого и очень щедр. Я хотел бы видеть, как и ты гордишься и хвастаешь расположением и щедростью подобного доброго покровителя, тогда я считал бы себя вполне счастливым, но «это, — как говорят, — покоится на коленях у богов»¹⁰. А ты, друг мой, не унывай и не забывай пользоваться жизнью, помня слова мудреца: «Пользуйся весной, ведь все быстро отцветает».

Будь здоров и передай мой привет учнейшему Альду. Насчет «тертого калача» с Крита¹¹ мне нечего сейчас сказать. Я еще не потряс его письмом, боясь испытать то, что бывает, когда шевелят кусты анагира¹².

Приветствуй от моего имени всех друзей, особенно кожевника, ты знаешь, о ком я говорю. В первую очередь, не забывай мне ответить. Я сказал Захарии¹³, чтобы он позаботился выполнить то, что он взялся сделать, когда я уезжал.

Еще раз, будь здоров. Март, не знаю, какое число. Передай от меня привет Маэстро Франческо¹⁴.

Твой Дорилеос¹⁵ Триволис, лакедемонянин из Спарты.

⁶ Баязид II, турецкий султан (1481—1512).

⁷ Предполагаем, что Михаил Триволис говорит о себе самом.

⁸ Георгий Мосх, сын Иоанна Мосха, преподавателя школы в Корфу.

⁹ Джованни Франческо делла Мирандола.

¹⁰ Гомер. Илиада, XVII, 514.

¹¹ Предположительно Арсений Аристокл Апостол.

¹² *Anagyris foetida* — дерево с отвратительным запахом.

¹³ Захарий Каллерги, типограф в Венеции.

¹⁴ Франческо Росето.

¹⁵ По-видимому, намек на свое происхождение.

(На полях)

Я пишу Альду, чтобы он прислал мне несколько книг, среди них просил я прислать Диоскорида¹⁶. Если он есть у тебя, то заработай на этом деньги лучше ты, чем кто-нибудь другой; лучше же всего, доставь мне удовольствие и пришли мне экземпляр Павла¹⁷, который он переплел в Падуе; деньги за него я собираюсь прислать, когда буду посылать Альду за другие книги.

5. Письмо Сципиону Картеромаху от 21 апреля 1504 г.

Образованному и ученому господину Сципиону Картеромаху.

Да пребудешь ты в добром здравии, любимый мой друг Сципион. Благодарение богу, здоров и я. Я встретил нашего любимого и почтенного Петра Леухеймона¹⁸ и слышал от него о твоём процветании и прекрасном твоём и милостивом ко мне расположении. Я вознес за это благодарность богу — началу всех благ — и произнес лучшие обеты за тебя, столь благородного, расположенного ко мне и заботящегося обо мне, как единокровный брат, в то время как я ни разу еще не потрудился для тебя.

Желаю тебе счастья и удачи во всем.

Без сомнения, ты слышал, как это кончилось, ведь честный Петр все тебе подробно рассказал, а поэтому и сейчас мне кажется лишним рассказывать это тебе. Кроме того, нет у меня ни времени, ни спокойствия души и ума, не только потому, что я здесь ничего не нашел ни у кого, но и потому, что меня кидает вверх и вниз, как корабль, сотрясаемый переменчивыми ветрами в открытом море. Поэтому-то я и не пишу тебе сейчас ничего больше, помимо того, что я отказался от монашеской жизни из-за многих болезней, одолевających меня, а не по какой другой причине. Я прошу тебя перед лицом самого Спасителя, займись моими делами, как ты (это) начал (когда-то), избавь меня от теперешней моей подавленности и, каким сможешь способом, вытщи меня к вам. Вот я предоставляю тебе распоряжаться моими делами так, как тебе покажется нужным, чтобы это было полезно для меня и почетно для тебя. Знай, что сейчас, при таких напастях судьбы, все будет мне приятно. Будь здоров, отрекомендуй меня, честному Альду и передай от меня привет критянам Иоанну и Николаю¹⁹ и всем друзьям.

Весь твой Михаил Триволис.

Из Флоренции 29 апреля.

6. Письмо Сципиону Картеромаху от 24 апреля 1504 г.

Знатоку обоих языков, господину другу, в Венеции, в типографии господина Альда Мануция римлянина.

Петр Кандида показал мне три дня тому назад твое письмо, в котором ты упоминаешь обо мне с большой любовью и поистине дружески. Если друзья познаются в превратностях судьбы, и такие друзья — первые из испытанных друзей, ты один, поистине, можешь быть назван вполне испытанным другом, оказавшим мне больше всего услуг. Хотя тебя не звали, не просили, ты, побуждаемый одной лишь прекрасной и поистине благородной твоей природой, так заботишься о моих делах, как немногие отцы (стали

¹⁶ Pedacii Dioscoridis De materia medica libri sex.

¹⁷ Пауло де Канальо, знатный венецианец.

¹⁸ Петр Кандида, монах религиозного ордена, основанного в Камалдоли близ Флоренции в 1012 г.

¹⁹ Иоанн Григоропул и Николай Власт.

бы заботиться). Пусть за такое человеколюбие вознаградит тебя божественное провидение — причина всех благ. Насчет того, что ты написал обо мне, я не пишу тебе больше ничего, кроме того, что я недавно высказал тебе в письме по тому же поводу, а именно, чтобы ты распоряжался моими делами, как тебе покажется нужным и как тебе будет угодно. Итак, сейчас должно тебе распоряжаться моими делами и так использовать меня, как тебе кажется нужным. Будь здоров, любимейший из всех моих друзей. Я вполне разделяю радость просвещенного Марка²⁰ по поводу знаков уважения, которые он получил, и горячо его поздравляю. Пусть (уважение к нему) возрастает со дня на день, и я молю бога, причину всего благого, сделать так, чтобы (Марка) ценили еще выше.

Приветствуй его от моего имени, а также доброго Альда, нашего общего благодетеля, и критян Иоанна и Николая²¹. Будьте вы все здоровы, любимые мои и справедливые.

Из Флоренции, 29 апреля.

Михаил Триволис.

II

СОЧИНЕНИЕ МАКСИМА ГРЕКА „ПОХВАЛА АДАМУ ПЕРВОЗДАННОМУ“

Публикуемое ниже неизданное сочинение Максима Грека «Похвала Адаму первозданному» известно нам по одному списку, входящему в сборник № 264 Румянцевского собрания в рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.

Сборник № 264 представляет собой рукопись, написанную в четвертую долю листа несколькими почерками. Преобладает полууставное письмо, переходящее в скоропись и по особенностям правописания и начертаний характерное для середины XVI в. Часто встречающаяся филигрань — маленькая рука в рукавчике с фестонами и короной над пальцами (например, лл. 4—5 и др.) — соответствует знаку № 1714 по Н. П. Лихачеву и относится к 1546 г.

На полях рукописи многочисленные поправки. Сохранность хорошая.

Рукопись описана А. Востоковым в его «Описании» Румянцевского собрания (стр. 366—374)¹.

Она представляет собой сборник сочинений Максима Грека — едва ли не самое полное из известных нам собраний сочинений этого выдающегося религиозного публициста. Рукописью № 264 пользовался В. Ф. Ржига, опубликовавший из нее «Послание царю Ивану IV» и отрывок «Об Александре Македонском»².

А. Востоков, известный не только как вдумчивый и тонкий палеограф и археограф, но и как весьма осторожный в своих выводах исследователь, не сомневался в принадлежности сочинений, входящих в сборник № 264, Максиму Греку. Он сделал исключение только для трех замыкающих сборник статей, автором которых он не считал Максима Грека³.

²⁰ Марк Музурус, в это время преподаватель греческого языка в Падуе.

²¹ Иоанн Григоропул и Николай Власт.

¹ А. Востоков. Описание рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842

² В. Ф. Ржига. „Максим Грек как публицист“. Приложения. См. Труды Отдела древнерусской литературы, Л., 1934, т. I.

³ „Описание...“, стр. 374.

А. Востокову следовал Е. Голубинский. В заметке, относящейся к сборнику № 264, Е. Голубинский называет и публикуемое ниже сочинение «Похвала Адаму первозданному», не высказывая сомнений в его принадлежности Максиму Греку⁴.

«Похвала Адаму первозданному» находится в начале нашего сборника и следует за сочинением «Поучение к иноком о исправлении иночьскаго жития». Принадлежность «Похвалы...» Максиму Греку сверх сказанного выше подтверждается сравнительным изучением этого сочинения: в ряде других сочинений Максима Грека встречаются мысли, выражения, ассоциации, образы, созвучные «Похвале Адаму первозданному». Отметим в первую очередь близость «Похвалы...» сочинению «Инока Максима, беседа души и уму».

В «Похвале...» человеческому уму и знанию, как внушенному дьяволом, противопоставлено «откровенное» знание, как дарованное человеку богом. Об Адаме говорится: «...сый есть пръвый богоподобный образ и богоукрашенаа доброта...» (л. 46). «Беседа души и уму» противопоставляет «первую доброту» — «змиину губителну прельщению».

Сопоставление нижеследующих отрывков покажет сходство мыслей и стиля у Максима Грека и автора «Похвалы Адаму первозданному»:

Максим Грек

«Беседа души и уму»

«Понеже изгубихом без ума первую доброту, повинувшеся змиину губителну прельщению. Оттоле умрохом умною смертию, ею же запретил есть господь нам заповедь его преступившим, безстрастной жизни и божественному вдохновению абие далече от нас отлучившимся. Оттоле непримирительный враг роду нашему, взем нас под своєю рукою, всякой злобе и беззаконию научил есть, тщася, богоборный, отставити нас совершенно от веры и любве, яже и содетелю. Тем же и в безчисленное множество лжеименитых богов разделил есть, всескверный, единонесозданно и безначальное божество...»⁵

Автор

«Похвалы Адаму первозданному»

«Сего (Адама. — А. К.) суть вся обретения и учения. Сый есть пръвый богоподобный образ и богоукрашенаа доброта... дондеже богопротивный и отступник и прелестник дьявол его не отвалил твердости его и стояния и поревал его в стремнинах и пропастях и мрачных местех. Оттуда почят естество чельовческо развращатися и оужати... Отселе лъживая мудрость начало прият, божественей отбегши и на небесех възлетевши, отнюду же бе преж пришедши. Оттоле льстивый божеству наречение присвоив себе на многы разделил Кроны же и Зины и Посидоны преименуя себе и еже есть всех богомрвчае на имена женская и скверна преблажено и неизреченно божествено естество...»⁶.

Автор «Похвалы...» противопоставляет мудрости Орфея, Гесиода, Фалеса, Пифагора, Сократа, Парменида, Протагора, Зенона и стоиков, ареопагитских философов и эпикурейцев — свет христовой истины, говоря, что «от сего света яже по бозе премудрость пакы вьснала и языки рыбарей утвердил и премудрым учителях немудрых съдела» (л. 47). Подобно

⁴ Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, вторая половина. М., 1917, стр. 244.

⁵ Максим Грек. Сочинения, ч. II. Казань, 1860, стр. 58.

⁶ Рук. № 264, л. 46—46 об.

этому, Максим Грек в «Послании к некоему, желающему отречься мира» противопоставляет «пифагорским», «платонским», «аристотельским премудростям» те же самые «рыбарския и мытарския премудрости»⁷.

Автор «Похвалы...» пишет об астрологии как «лживом и многоболезненном» халдейском изобретении.

Максим Грек пишет об астрологии, всякий раз называя ее халдейской. (Например: «Отметно ли есть убо звездноучительное таинство аки умышление суще безбожныя мысли халдейския?»)⁸.

Автор «Похвалы...» упоминает: «И фракийном таинственныя службы». Фракийские службы знает и Максим Грек. Он разъясняет слова Григория Богослова: «Сущее: ни фракийстии уставы сия. Толкование. Коя ли сия? Сиречь таинства воплощения божия слово, яже суть рождество его и крещение и прочия»⁹.

«Похвала Адаму первозданному» в своих мыслях, конкретных реалиях и стиле совпадает с принадлежащими Максиму Греку сочинениями и, таким образом, с полным правом занимает место в рукописном сборнике сочинений Максима Грека середины XVI в., т. е. в сборнике, современном московскому периоду жизни Максима Грека.

Основная идея этого сочинения примыкает к той средневековой концепции о соотношении знания и религии, которую Максим Грек с предельной ясностью изложил в «Слове обличительном отчасти латынского злословия...», назвав науку рабыней евангелия: «Но да нещуете мене сего ради укоряти внешнее наказание, полезно сущее, и мало не всеми свидетельствуемо возсиявшими во благочестии. Не тако аз не благодарен ученик его... зане лепо им (следующим разуму.— А. К.) благочестиве приходити е и умне причащатися, избирающим споспешствующая ко утверждению христианския веры, и еже божественный Павел глаголет, пленяюще всякого разума во Христа и везде понужати е, и аки рабыню евангелия истины водити, и нещевати е»¹⁰.

Похвала Адаму пръвзданному.

- л. 45 Адам пръвый человек божиею рукою създан и по образу и подобию съдетелеву образован и почтен райским вселением. Съй в правде убо пръвый наречется премудр, акы быв пръвзданная доброта и образ богописан, акы быв преполон всячьскими благодати и вся чювьствия души же и тела чиста и непретворна имев. Светлости бо некия яко же рещи от души его блистащесе по всему естеству течаху, иже не от человек искусен бысть разсуды многажды не тверды творящих, но от самого бога и съдетеля всех творящаго пряме всякий разум и суд.

⁷ Максим Грек. Сочинения, ч. II, стр. 229—230.

⁸ Там же, стр. 75.

⁹ Максим Грек. Сочинения, ч. III, стр. 42 («Подлинныя слова св. Григория: „Не фракийския это таинства“. Толкование. Какие разумеются здесь таинства? Таинство воплощения бога слова, т. е. рождество его и крещение и прочее“. Максим Грек. Сочинения. Русский перевод, ч. III. Изд. Троице-Сергиевой лавры, 1911, стр. 27).

¹⁰ Максим Грек. Сочинения, ч. I, стр. 462. Русский перевод этого отрывка: «Но не подумайте, что я по этой причине осуждаю внешнее учение, которое полезно и почти всеми просиявшими в богочестии одобряется. Я не такой неблагодарный ученик этого учения... Ибо следовало бы им (следующим разуму.— А. К.) благочестно проходить это учение и усваивать умом только то, что содействует к утверждению христианской веры и, как говорит божественный Павел, пленять всякий разум в послушание Христу, и во всем понуждать науку последовать евангельской истине, считая ее рабынею этой истины» (Максим Грек. Сочинения. Русский перевод, ч. II, 1910, стр. 279).

л. 45
об. И якоже глаголет святое писание: и сътвори бог вся скоты и звери, и гади, и птица, и приведе я к Адаму да уведеть что наречется. И якоже нарекл есть Адам, сие имя коемуждо есть. Что гласа оного и сведетелства явьственее! Что премудрости и разсуждения сего высочайше! Нарече имена естество самое и състав единого когождо животнаго. Акы уставляя, не прежде поучився, ни предумыслив, ничтоже предстрадав, елика случатся человеком. И пренюгым родом минувшим невъзможе никто же пременити имяни худаго животнаго, ниже оного получитьи велеумниа и разсуждения, паче же пребывают вси человеци, иже по всеи земли разсеании оного узаконении непременно дръжащесе и ниже(?) сих стал превелий сан пръвъзданного человека, но и семен и садов различия, кореней же и былии силы, и елика на пособие и исцеление естество коемуждо животну дарова и разсудил и изъяснил. Съи жену пръвый узрев, не якоже из уст человеческих о ней вешал, но акы от некоего божественаго просвещения движим*, благополучно изрече оно многопетое слово рек: сия кость от костей моих и плоть от плоти моя, сия наречется жена, яко от мужа ея взята бысть. Съи убо есть искусивый вся и единому кождо и всем правила и меры и уставы непрерывкомы устроив.

л. 46
об. Сего суть обретенне и хитрости и писмена. Сего художества словесна и житейска. Сего пророчества и священодействия и очищения и законы писаны и неписаны**. Сеть суть вся обретення и учения. Съи есть пръвый богоподобный образ и богоукрашенаа доброта от его же правятся всякыя человеческыя хитрости. Аще и к худшему паче и паче препадають, оного блаженнаго и боговиднаго образа суть замышления неззорна и непорочна пребывша, дондеже богопротивный и отступник и прелестник диявол его не отвалил твердости его и стояния и поревал его в стремнинах и пропастях и мрачных местех. Отгуду почят естество человекеско развращатися и оужати и прелагатися на худшей образоватися мучителя прельщении же и образовании. Отселе лъживая мудрость начало прият, божественей отбегши и на небесех възлетевши, отнюду же бе преж пришедши.

л. 46
об. Оттоле лъстивый божеству наречение присвоив себе на многы разделил Кроны же и Зины и Посидоны преименуя себе и еже ес всех богомръзчае на имена женская и скверна преблажено и неизреченно божественно естество и извлек богопротивный нареках онех и Афродитах и Афинах || и на иных бесчисленных и неподобных образех безсловесных животных, их же злобы обретател и отступлением недуговав и умыслил и въобразил. Отсуду египтяном яже о Осире и Тифоне и Исиде богомръзкая повествования и персяном влъхваннаа прелщения и в рахмяном наго обучения и невременная мечтания и удивляемое скифское речение, и фракияном таинственныя службы и фригискыя сурны и кориванти. Отсуду халдеискаа астрология лъжива и многоболезнена. Отсуду родительница лъжитворцов мудрость, еллинских бляд честное баснословие. Отсуду Орфей и Омир и нечестивых родов повеститель Исиод. Отсуду Фалигова мудрость и славный Пифагора и премудрый Сократ и Платон, академии афинеийский многословутное честнословие. Отсуду Пармениды и Протагоры и Зиноны. Отсуду Стоа и Ареипаг и Епикурии. Отсуду трагодийскы плачеве и рыдания и комиков игра-

* „учаем“ — на полях слева.

** „и неписаны“ — на полях сверху.

ния и кошуны. Отсуду льстивы Алоксиа лъжеглаголиваго ответы и прочее еллинских мудрословий блядословие и странословие. И да
 л. 47 не надльго прострю слово в гнилых и смръдящих баснех упразняся, вся к себе тварь льстивый обратив и взем под рукою человека акы худаго раба и преходя поднебесную и обходя землю и акы лица всяческа держа, якоже сам хваляся глаголеть, мняше подобати свой престоль положити выше облак небесных и быти подобен вышнему. Но едиnorodный сын и слово божие предвечное ущедрив человека, акы прелщена змию, от нядрь отчих неотлучно съшед и въплощься от духа свята и пресвятыя и приснодевы Марии и честным крестом своим и страстию низложив супротивника и съшед в долнейшая части земныя оттуде извель падшаго пръввзданнаго, отдав образу пружную доброту и естеству древный сан и тако изчезе вся мучительва могутства и споспешници его благочестиа свету въсиавшу в всю вселеную светлейше слънечных блистаний. От сего света яже по бозе премудрость пакы въсиала и языки рыбаей утвердил и премудрым учителях немудрых съдела. Отсуду громов сын еже вначале бе слово от небесных облак облистав възгреме и всю вселеную просветил. От сего света Павел просвещен, до третиаго небесе
 л. 47 възхищенъ бысть и зрит незримая и неизреченная || слышит словеса
 об. и обтекаеть всю землю, яко же орел въздушный благовествуяй нас. Отсюду Петр Христа сына бога живаго именова и ключи царствия небеснаго верились ему, да отверзает убо верным, а затворяет неверным въход божественных небесных дворов. Отсюду множества мучеников низлагающих идолы и текут готовы к смерти акы к венцом, раны своя и крови акы багряницу носяще добропобедники. Есть убо пръввзданный начальник сея благодати по моему уставу и слову, яко же река и источник и море и корень и ветвь и всего сый человеческого естества начаток и пръввизбранный принос, яко от Адама до потопа, лета 2242 от потопа до столпотворения лета 525, от столпотворения же до Авраама лета 425, от Авраама же до исхода сынов израилев лета от Египта 430, от исхода же до създания храма Соломоньтцаго лета 757, от създания же храма до пленения Израиля лета 425 вкупе лета 4880*. От пленения же до Александра царя лета 318, от Александра же до Господа нашего Иисуса Христа лета 303 вкупе вся 5500*. От Христа же до Константина Великаго лета 318.

III

СОЧИНЕНИЕ МАКСИМА ГРЕКА О ПЛАТОНЕ

Публикуемое сочинение Максима Грека о Платоне содержится в том же рукописном сборнике № 264 Румянцевского собрания Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, что и «Похвала Адаму первозданному», и упоминается в «Описании» Востокова на стр. 371. Безотносительно к характеристикам, содержащимся в сочинении Максима Грека о Платоне, самый факт появления такого сочинения вводил новый материал в круг проблем, волновавших в то время представителей русской общественной мысли. Думается, что этюд о Платоне — не случайное явление среди русских сочинений Максима Грека. Традиции античной философии занимают в публицистике Максима Грека столь значительное место, что обращение к ним Максима Грека может быть понято не иначе, как ответ нашего

* Сумма неверна. Возможно, ошибка писца.

публициста на вопросы, занимавшие в то время наиболее пытливые умы русского общества. До сих пор нам были известны высказывания Максима Грека, в общей форме предупреждавшие об опасности обращения к античной философии. В одних случаях Максим Грек рассматривал сочинения античных мыслителей как дьявольское наваждение, в других ссылался на свой западный опыт, рассматривая рост атеизма в Италии и Франции как прямое последствие изучения древней философии. Обычно Максим Грек подводит под свои характеристики античной философии и Платона, однако наряду с этим у него может быть отмечена и тенденция как-то отделить Платона от «дурного общества» античных философов, как, например, он это делает в послании к Федору Ивановичу Карпову.

Сочинение о Платоне стоит особняком в творчестве Максима Грека. Это не сделанное походя высказывание. Это сочинение, специально посвященное философскому сюжету. Оно тем более ценно, что позволяет установить действительное отношение Максима Грека к философии, установить, что именно принимает он в философии. Это сочинение может быть (и должно быть) предметом особого исследования, но и теперь уже следует сделать несколько замечаний в предварение публикуемого памятника. Отметим прежде всего, что содержание сочинения Максима Грека о Платоне позволяет предполагать непосредственное знакомство его с произведениями Платона. Конечно, Платона читали и знали византийские богословы, но знакомство Максима Грека — Михаила Триволиса — с Платоном нам представляется более естественным связывать с недолгой порой гуманистических впечатлений, почерпнутых нашим публицистом в Италии.

Однако тем контрастнее противопоставляются по своему идеологическому смыслу светский и религиозный периоды жизни нашего автора, тем контрастнее Максим Грек противопоставит Михаилу Триволису.

Какого Платона проповедовал в России «апостол западной цивилизации», как именует Максима Грека И. Денисов?

В своем сочинении Максим Грек знает Платона, автора «Законов», «Горгия», «Федона». Он знает Платона периода его философского упадка и падения, когда в своих «Законах» знаменитый философ обосновывал террористическую расправу с носителями социального протеста и свободной мысли, а государству придавал теократический характер, когда религиозные догмы имели силу закона, а законом усваивалась непогрешимость религиозных догм. Максим Грек знает Платона, автора «Горгия» и «Федона», т. е. произведений, проникнутых идеей ухода из мира, аскетического отвержения мира и плоти как темницы души. Не этого Платона брали на свое идейное вооружение итальянские гуманисты. Для них Платон был прежде всего автором «Федра», «Пира», «Тимея», автором учения об Эросе, о той цепи чередующихся чувственно-духовных звеньев, которая связывала мир духовного и чувственного, «божественного» и человеческого. Этого Платона «апостол западной цивилизации» оставил (увь!) в Италии. Но и Платон «Законов», «Горгия» и «Федона» обеднен Максимом Греком, тенденциозно сведен к тому ряду идей, которые укладывались в русло ортодоксального христианского мировоззрения. Когда ранние христианские богословы (например, Юстин Философ в «Апологии первой»), заимствуя у Платона идею нравственной свободы, оправдывались тем, что сам Платон якобы воспользовался идеями Моисея, — это понятно. Имя Моисея служило паролем, без которого идея нравственной свободы не могла быть допущена в христианство. Но когда Максим Грек представляет этические идеи «Горгия» как «украденные от божественных писаний», то в этом случае не Моисей обрабатывался под Платона, а Платон обрабатывался под Моисея.

Характеристика Платона, которую ему дает в своем сочинении Максим Грек (отбор произведений Платона, а в избранных произведениях отбор идей) отнюдь не означает, что Максим Грек не понял Платона. Все дело как раз в том и состоит, Максим Грек понял Платона и остался верен себе, пересказав его согласно своему правилу: «понуждать науку последовать евангельской истине, считая ее рабынею этой истины».

л. 135 Платон философ глаголаше: благ убо вѣистину бог и всех благых виновен, а злых всех невиновен. Тѣй же философ в «Законе» являет нам съдетеля всех, правяща вся вкупе глаголетъ, бог убо начало и конец и средня, всех праве съврѣшает по естеству обходит суд, преступающихъ божественаго закона мѣститель. Его же дрѣжася, хотяй благочѣствовати, вслед его ходит смирен и кротостию украшен. Аще ж некто от величаниа превознесъ или о богатстве уповае или чѣстныхъ санех и телесныхъ добротех, вкупе юностию и безумиемъ гаяреть с досадою, акы ни наставника требуя, ни учителя, но мнит доволен ес и иных наставляти, — оставлятьсѣя пуст от бога. Оставлен же быв и иных еще сицевыхъ съприем, беснует и метет вся вкупе. И многымъ некимъ явися быти велик некий, по времени же пострадав божиимъ судомъ падение нехудо себе ж и дом свой и град вкупе погубил.

Толк: Сими философ и владеюща над всеми показа бога и еже на некихъ длѣготрѣпение и яже отгуду случающусѣя безумникомъ погыбель и еже в поле же прибывающее имъ всегубительство. Тѣи же философ л. 135 об. в книзе своей зовоме «Горгиа» виновнаа мукамъ являет, глаголя сице: лепо же естъ всякому в муце сущу от инога правдою мучиму или самому лучшу быти и суще в нечесомъ плѣзоватисѣя или образу инымъ бывати да и оны зряще стражуща елика терпит, боящесѣя, лучши будут. Сут же пользу приемлющеи убо и муки от бога и человек трѣпящеви, елици убо цѣлима съгрешениа съгрешают, обаче же болезными и скорбьми бывает имъ плѣза и зде и в аде: ни бо ес инакомочно неправды отступити. А елици же велиа съгрешениа съгрешают и ради сицевыхъ съгрешений неискелни отнюдъ бывають от сихъ указы и образы бывають и сии убо плѣзу ни едину не приимають акы неискелны суще. Ины же плѣзу приимають иже зрят ихъ яко великихъ ради неправдований болезнеиши и грѣчайши болезни стражут.

Толк: Сия видитсѣя украв от божественныхъ писаней, Моисеомъ от бога к фараону речена быша на томъ: в томъ въздвигнухъ тя да яко л. 136 покажу тобою силу мою, да яко възвеститсѣя имя || мое по всей земли; лукавнейшему бо бывшу ему всяческыя казни нанесе ему бог, не яко да явит его лучша, ведоша бо и ума его жестока и страсть его неискелну, но якоже о немъ повести всемъ да будутъ образы исправления и плѣзы, яко же и градове кормятъ полачолв (?) не зане хвалятъ произволение ихъ, но подемлюще служения ихъ потребности длѣя.

Тѣй же философ в книзе своей глаголемей «Федон» о еже по смерти конечномъ строении грешнымъ душамъ и праведнымъ. Скверный убо и нечистый в аде отшед, в тине сквернаве въверженъ будет, а очищенный съвершене божиимъ закономъ тамо прошед с богомъ вселитсѣя и паки прошедшаго бо житие сие праведне и преподобне по его представлении верити лепо естъ яко в островехъ блаженныхъ вселитсѣя в всякомъ покоемъ и прохладе вне всякыя скрѣби и печали. А иже безбожне и неправедне поживе въверженъ будет в юзилище осуждения, л. 136 об. еже Тартаръ именуют. Сия от египтянъ училсѣя. Тѣй же глаголетъ яко душа свободна естъ и владычица страстемъ и еже одолети собою себе всехъ одолений прѣва победа и нарочита, а еже одолеваему бывати себе собою (на поле слева: «от себе». — А. К.), студнейше и злейше.

А. Ф. ГРАБСКИЙ

ПО ПОВОДУ ПОЛЬСКО-ВИЗАНТИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В НАЧАЛЕ XI в.

С установлением политических связей с империей Оттонов (с 963 г.) и особенно после принятия христианства по латинскому обряду в 966 г. государство первых Пястов оказалось в кругу тех западноевропейских стран, которые были связаны единством церковной организации. В кругу этих стран оказались и соседи Польши — Чешское государство и Венгрия. В то же время русские земли, лежавшие к востоку от Польши, испытывали сильное церковное, а в известной мере и политическое влияние Византийской империи. Таким образом, в конце X—начале XI в. р. Буг стала не только границей между Польшей и Киевской Русью, но и одним из рубежей, на котором сталкивались интересы двух наиболее могущественных тогда в Европе сил: Священной Римской империи и папства, с одной стороны, и Византийской империи — с другой¹.

Такое положение было результатом долголетнего соперничества двух империй из-за славянских земель Центральной и Восточной Европы и из-за венгерских земель. Известно, что одновременно с поглощением Велико-моравским государством племенного княжества вислян, христианство по славянскому обряду распространилось вплоть до земель и на Верхней Висле². Правда, недоброжелательство немецкого епископата и папства, подогреваемое той поддержкой, которую оказали (начиная с 874 г.) Мефодию Василий I и Фотий, привело в конце концов к крушению этой миссии, но это не означало полного падения византийского влияния на данной территории. Есть основания предполагать, что еще в XI в. на территории польского государства существовало христианство по греческому обряду³ и лишь позднее оно было полностью вытеснено латинским обря-

¹ Ср.: Z. Wojciechowski. *Patrycjat Bolesława Chrobrego*. *Studia Historyczne*. Warszawa, 1955, str. 118.

² Житие Мефодия (так называемая Паннонская легенда). *Monumenta Poloniae Historica* (далее MPH), t. I. Lwów, 1864, p. 107: „Бъже и пророуческа благодѣтъ в немъ яко ся соуть събывала многа прорицания его, отъ нихъ же ли едино или двѣ скажемъ. Поганьскѣ князь сильнѣ вельми, съдя въ вислѣхъ, роугааше ся христианомъ и пакости дѣяше. Посылавъ же к нему рече: добро ти ся кръстити, сыноу, волею своею на свои земли, да не плѣнень ноудьми кръщень боудеши на чужей земли, и помянеши мя. Еже и бысть“. Ср.: K. Potkański, *Kraków przed Piastami*. *Rozprawy Akademii Umiejętności, Wydział Historyczno-Filozoficzny*, t. XXXV, Kraków, 1898, str. 161 sq.; J. Widajewicz. *Państwo Wiślan*. Kraków, 1947, str. 8 sq.; его же. *Początki Polski*. Wrocław, 1948, str. 71 sq.; T. Lehr-Spławiński. *Konstantyn i Metodiusz w walce o liturgię słowiańską*. *Przegląd Zachodni*, 1949, nr. 12, str. 634—5; K. Lanckorońska. *Le vestigia del rito Cirillo-Methodiano in Polonia*. *Antemurale*, I. Roma, 1954, str. 13 sq.

³ Galli Anonymi *Chronica et Gesta Ducum sive Principum Polonorum*,

дом. Рим и Германская империя вели борьбу против византийского влияния и в Венгрии, считая его особенно опасным в связи с экспансией Восточной империи в Болгарии. Именно поэтому папа Сильвестр II быстро согласился на коронацию Стефана I в 1000 или 1001 г.⁴, а Генрих II вступил с ним в родственные связи⁵.

С другой стороны, предпринимались попытки распространить влияние латинского христианства и на русские земли. Известно, что еще во времена Оттона I там пытался вести миссионерскую деятельность епископ Либуций из монастыря Сен-Альбан под Майнцем⁶. Однако лишь его преемнику епископу Адальберту из монастыря св. Максимилиана под Триром удалось добраться до Киева, но и он ничего не добился⁷. С западным влиянием успешно соперничала греческая церковь, о чем свидетельствует крещение Ольги, а также распространение христианства по греческому обряду среди русских вельмож⁸. Эта борьба продолжалась на Руси и в княжение Владимира I, когда Рим безуспешно пытался склонить князя принять крещение по латинскому обряду⁹. Отражением этих поползновений являются попавшие в западноевропейские источники предания о крещении Владимира по римскому обряду¹⁰. Попытки распространить на Руси христианство по латинскому обряду предпринимались неоднократно даже в более поздние времена: достаточно вспомнить миссию Бруно из Кверфурта и более позднюю миссию Колобжегского епископа

ed. K. Maleczyński. MPH, Nova series, t. II. Kraków, 1952, p. 39 в „De morte Boleszlai carmina“ говорится о скорби по поводу смерти Болеслава „Latinorum et Sclavorum“. Относить определение „Slavi“ к исповедующим христианство по византийскому обряду с полной уверенностью нельзя. Скорее всего, это стилистический оборот (cf.: Т. Гус. *Z dziejów kultury w Polsce średniowiecznej*. Poznań, 1924, str. 126—129. Более ценными являются сведения о деятельности Польши некоего афонского монаха („Киево-Печерский Патерик“, изд. Д. Абрамович, Киев, 1930, стр. 146) во времена Болеслава Храброго.

⁴ Ср.: М. Łodyński. *Węgry lennem Stolicy Apostolskiej*. Kwartalnik Historyczny 1910, t. XXIV, str. 36 sq.; G. Labuda. *Studia nad początkami państwa polskiego*. Poznań, 1946, str. 282 sq.

⁵ Брак Стефана I с Гизелой, сестрой Генриха II, был заключен раньше 1013 г. Ср.: A. F. Gombos. *Saint-Etienne dans l'historiographie du moyen-âge*. Archivum Europae Centro-Orientalis, IV, 1938, p. 60.

⁶ *Continuatio Reginonis*, MGH SS, I, p. 624; *Annales Hildesheimenses*, MGH SS, III, p. 60; *Annales Quedlinburgenses*, MGH SS, III, p. 60; *Annales Lamberti*, MGH SS, III, p. 61.

⁷ *Continuatio Reginonis*, MGH SS, I, p. 624; *Thietmari episcopi Merseburgensis Chronicon*, ed. M. Z. Jedlicki. Poznań, 1953, II, cap. 22, p. 72; ср.: W. Abraham. *Powstanie organizacji kościoła łacińskiego na Rusi*, t. I. Lwów, 1904, str. 8; G. Vernadsky. *Kievan Russia*. New Haven, 1951, p. 41.

⁸ См. *Повесть временных лет*, т. I. М.—Л., 1950, стр. 44—46; т. II, стр. 306—308; *Памятники русского права*, т. I. М., 1952, стр. 34; *Constantini Porphyrogeniti Liber de ceremoniis aulae Byzantinae*. Bonnæ, 1829, t. VIII, p. 597—598; а также Е. Голубинский. *История русской церкви*, т. I. М., 1901, стр. 35 и сл.; W. Abraham. *Op. cit.*, p. 4 sq.; W. K. Medlin. *Moscow and the East Rome*. Genève, 1952, p. 39—40; Б. Д. Греков. *Киевская Русь*. М., 1953, стр. 458—459; М. В. Левченко. *Очерки по истории русско-византийских отношений*. М., 1956, стр. 217 и сл.

⁹ См. *Повесть временных лет*, т. I, стр. 60, 75; Левченко. *Очерки...*; стр. 373 и сл.; его же. *Взаимоотношения Византии и Руси при Владимире*, ВВ. т. VII, 1953, стр. 214 и сл.

¹⁰ *Ademari Gesta Francorum*. PL, t. 141. III, cap. 31, p. 47—48; *Petri Damiani vita Sancti Romualdi*. MPH, t. I, cap. 27, p. 327—329; см. М. Я. Сюзюмов. *Разделение церквей в 1054 году*. ВИ, 1956, № 8, стр. 51. Предание о крещении Владимира Бруно в хронике Адемара представляет собою интерполяцию XI в.: см. S. Kętrzyński. *O zaginionym św żywocien św. Wojciecha*. Kraków, 1902, str. 14 sq.; Labuda, *Studia nad początkami państwa polskiego*, str. 246—247.

Рейнберна, а также интриги изгнанного с Руси Изяслава при дворе Григория VII, которые кончились интервенцией, организованной папой и Болеславом Щедрым¹¹.

Наряду с церковными влияниями существовали торговые связи. Если уже в X в. император Константин Багрянородный располагал определенными сведениями о племени лендзян как о зависимом от Киева (а это племя современная наука причисляет к польским племенам и отводит ему место в районе Сандомирщины), он получил их, надо полагать, от купцов¹². Византийские товары не были редкостью в польских землях. Их везли купцы, следовавшие с Руси на Запад, их везли из Венгрии и, возможно, — из Чехии¹³. Правда, ввоз византийских товаров в польские земли был невелик, и это можно объяснить тем, что речь шла о предметах роскоши, которые были объектом транзитной торговли с Западом и не часто продавались по дороге. Однако археологические исследования дают все новые находки предметов византийского происхождения. В Гданьске в культурных слоях, относящихся к XI—XIV вв., недавно найдено значительное количество шелковых тканей, ввезенных из Константинополя¹⁴. Такого же происхождения, вероятно, и кусок парчи, найденный в Ополе, а также ряд других украшений, найденных в различных частях Польши. О ввозе монет можно судить по тем раннесредневековым 46 кладам, найденным на территории Польши, в которых содержатся византийские монеты. Основной приток византийских монет приходится на период с середины X до середины XI в. Особенно много найдено монет Никифора Фоки, Иоанна Цимисхия, Василия II¹⁵. Они попадали в Польшу нередко через значительный срок после их чеканки, иногда через несколько десятков лет.

Следовательно, можно утверждать, что польские земли имели торговые связи и с Византией.

Церковные и торговые отношения, свидетельствующие о связях Польши с Византийской империей, ставят перед исследователем вопрос: не существовало ли между этими странами отношений политического характера?

Займемся этим вопросом.

¹¹ List Brunona z Kwerfurtu do Henryka II, MPH, t. I, p. 224—225; ср.: H. Paszkiewicz, The origin of Russia. London, 1954, p. 88—89 (о миссии Бруно). См. о Бруно: R. Wenskus. Studien zur historisch-politischen Gedankenwelt Bruns von Querfurt. München—Köln, 1956, S. 150—151; Thietm., Chronicon, VII, cap. 72, p. 571 (о миссии Рейнберна); List Grzegorza VII do Bolesława Śmiałego, MPH, t. I, p. 367—368 (интервенция в связи с Изяславом).

¹² Constantini Porphyrogeniti De administrando imperio, ed. J. Becker. Bonnæ, 1840, p. 75; ср. Widajewicz. Państwo Wiślan, str. 13 sq.; H. Łowmiański. Lędzianie, Slavia Antiqua, IV. Poznań, 1953, str. 97 sq.; S. M. Kuczynski. Nieznany traktat polsko-ruski roku 1039, Ekskurs I, Slavia Antiqua, V. Poznań, 1956, str. 270 sq.

¹³ Большое значение имел торговый путь из Киева в Червеньские города, имевший ответвления в Центральную Польшу, Малую Польшу, Перемышль и Венгрию. Весьма интересные замечания сделали по этому поводу: T. Lewicki. Źródła arabskie do dziejów Słowiańszczyzny, t. I, Wrocław—Kraków, 1956, str. 144 sq. (в примечаниях); idem. Źródła hebrajskie do dziejów środkowej i wschodniej Europy w okresie wczesnego średniowiecza, Przegląd Orientalistyczny, 1955, nr. 3, str. 283 sq.; F. Kupfer, T. Lewicki. Źródła hebrajskie do dziejów Słowian i niektórych innych ludów środkowej i wschodniej Europy. Wrocław—Warszawa, 1956, str. 57 (в примечаниях).

¹⁴ J. Kamińska. Włókiennictwo gdańskie z X—XIII w., Łódź, 1956 (машинпись).

¹⁵ Здесь я основываюсь на сопоставлении, сделанном хранителем Археологического и Этнографического музея в Лодзи магистром А. Гупенцом.

* *
*

Один из важнейших источников по истории Польши времен правления Болеслава Храброго, хроника Титмара, епископа Мерзебургского, сообщает, что после захвата Киева в результате польско-русской войны 1018 года Болеслав «...ad Greciam quoque sibi proximam nuncios misit, qui eiusdem imperatori bona, si vellet fidelis amicus haberi, promitterent; sin autem, hostem firmissimum ac invicibilem fieri intimarent»¹⁶.

Это исключительно интересное сообщение о посольстве польского князя к императору Василию II не стало, как это ни странно, предметом подробного исследования в польской историографии.

Остановимся прежде всего на обстоятельствах отправления этого посольства.

Оно было тесно связано с польско-русской войной 1018 г. Болеслав Храбрый отправил его из Киева, занятого им 14 августа¹⁷. Сообщение о русской войне, содержащееся в хронике Титмара, основано на словах очевидцев — германских рыцарей, которые участвовали в ней на стороне Болеслава¹⁸. После взятия Киева возведенный на трон Святополк отослал их домой¹⁹. Они должны были прибыть в Германию не позднее конца ноября, так как иначе их сообщения не могли бы стать основой рассказа Титмара, умершего 1 декабря 1018 г.²⁰ Расстояние между Киевом и Мерзебургом составляет не менее 1300 км²¹, следовательно, немцам пришлось преодолеть его, по крайней мере, за 43 дня, считая нормальной скорость передвижения по 30 км в день²². Из этого следует, что германские рыцари выехали из русской столицы примерно в середине октября 1018 г. Таким образом, дата отправления посольства в Византию определяется периодом от середины августа до середины октября 1018 г.

Каковы были цели посольства? Титмар записал, что послы польского князя «eiusdem (то есть Греции) imperatori bona promitterent». Переводчик хроники Титмара М. З. Едлицкий переводит «bona» как доброжелательность²³. Как нам представляется, речь идет действительно о «bonum» в смысле характера отношений, так как слово «promitterent» свидетельствует, что речь идет не о дарах, вручавшихся византийскому императору каждым прибывавшим посольством. Поэтому следует думать, что в этих словах Болеслав изъявлял готовность на установление хороших, доброжелательных отношений с императором. Однако эта готовность обусловлена оговоркой: «si vellet (император) fidelis amicus haberi». А дальнейшая часть фразы содержит скрытую угрозу: «sin autem, hostem firmissimum ac invicibilem fieri intimarent» (разумеется, послы). Это выражение позволяет догадываться, что под словами «si vellet fidelis amicus haberi» кроется какое-то важное требование, удовлетворение которого является условием упомянутой «amicitia». Каково же было то требование, которое заставило Боле-

¹⁶ Thietm., Chronicon, VIII, cap. 33, p. 623.

¹⁷ Ibid., cap. 32, p. 621.

¹⁸ Ср.: А. Ф. Грабский. *Повесть временных лет jako źródło do dziejów Polski w świetle nowszej literatury*. Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego, 1955, nr. 1/2, str. 272.

¹⁹ Thietm., Chronicon, VIII, cap. 32, p. 623.

²⁰ Annales Quedlinburgenses, MGH SS, III, p. 84; ср.: Thietm. (вступ. статья М. З. Jedlicki), p. XXX.

²¹ Я высчитал его приблизительно, по отрезкам пути: Киев—Владимир—Краков—Вроцлав—Будишин—Мерзебург.

²² О скорости передвижения вооруженных людей говорит А. Nadolski. *Polskie siły zbrojne w czasach Bolesława Chrobrego*. Łódź, 1956, str. 53.

²³ Thietm., Chronicon, p. 623 (польский перевод).

слава бросить на весы свою славу победителя Германии и Руси (*invicibilis*), свое политическое могущество (*firmissimus*), лишь бы добиться от византийского императора принятия его условий?

Болеслав как властитель Польши не мог быть врагом (*hostis*) императора. Возможность этого появилась только после возведения Святополка на княжеский престол. Новый киевский князь был зятем Болеслава, своим выдвижением он был обязан исключительно военной помощи польского князя и полностью зависел от него. Как известно, при жизни Владимира Святополк находился в оппозиции, и за свои «заговоры» подвергся заточению. Он поддерживал связи с Польшей и печенегами. С этими последними польское государство заключило соглашение, вероятно, еще в 1008 г.²⁴ В 1013 г. оно использовало их помощь в неудачном походе на Русь в связи с заточением Святополка²⁵. То же самое произошло и в 1018 г.²⁶ Союз Болеслава и Святополка с кочевниками-печенегами мог стать опасным для Византии. Исходя из этого, можно, на мой взгляд, предположить, что содержащаяся в упоминавшейся выше фразе угроза по адресу Василия II относилась, по-видимому, к русско-византийским отношениям. Можно полагать, что Болеслав угрожал вместе с подчиненным ему Святополком стать врагом Византийской империи.

О том, чего же требовал Болеслав, Титмар не говорит. Единственно, что можно утверждать на основе анализа его текста, так это то, что требование Болеслава не отвечало интересам империи и должно было быть невыгодным для Василия — иначе этого требования не пришлось бы добиваться путем угроз. Но для более конкретного ответа нужно искать косвенных указаний. Можно предположить, что требование это было важно и для Болеслава и для его союзников. Одно из них мы знаем: это Святополк. Однако в исходе войны 1018 года был заинтересован также и германский император Генрих II. Участие Германии в русском походе 1018 года было одним из условий Будишинского мира, заключенного между Польшей и Германией 30 января 1018 г.²⁷ Немецкий хронист рассказывает, что Болеслав Русь «*grandi exercitu reciit multumque ei nostro fame posuit*»²⁸. Как уже выше было упомянуто, на стороне Болеслава сражалось 300 германских рыцарей. Так как Генрих II не мог в то время оказать большей помощи Болеславу, он обеспечил участие в этом походе венгерских войск. Можно поэтому предполагать, что требования, предъявленные Болеславом Василию II, наверняка касались таких вопросов, в которых был заинтересован и Генрих II.

Чтобы ответить на вопрос, каких уступок добивался Болеслав Храбрый, необходимо установить, на чем основывалась общность интересов Германии, Польши и нового правителя Руси. Из хроники Титмара и из данных Первой новгородской летописи известно, что после смерти Владимира I в 1015 г. Генрих заключил с противником Святополка Ярославом договор, направленный против Польши²⁹. Результатом этого соглаше-

²⁴ Ср.: St. Zakrzewski. *Bolesław Chrobry Wielki*. Lwów, 1925, str. 223—224; Paszkiewicz. *Op. cit.*, p. 89.

²⁵ Thietm., *Chronicon*, VI, cap. 91, p. 445; ср.: Zakrzewski. *Op. cit.*, str. 251; Paszkiewicz. *Op. cit.*, p. 88, примеч. 3.

²⁶ Thietm., *Chronicon*, VIII, cap. 32, p. 621. На угрозу интересам Византии в результате союза Болеслава с печенегами обратил внимание О. Налецкий. *La Pologne et l'Empire Byzantin*. Вус., t. VII, fasc. I, 1932, p. 45.

²⁷ Ср.: Zakrzewski. *Op. cit.*, p. 293; М. Z. Jedlicki в комментарии к Титмару, str. 580—581.

²⁸ Thietm., *Chronicon*, VIII, cap. 31, p. 621.

²⁹ *Ibid.*, VII, cap. 65, p. 561—563; „Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов“, изд. А. Насонов, М., 1950, стр. 15, 175.

ния были совместные действия германских и русских войск в 1017 г. против Польши: русские напали на пограничный город Берестье на Буге. Можно предполагать, что союз императора Генриха II с Ярославом существовал еще в начале октября 1017 г.³⁰ Что же могло произойти после этого в русско-немецких отношениях, если уже в конце января следующего года Генрих II поддерживает Святополка, обещая участие немецких войск в русском походе Болеслава? Это тем более заслуживает внимания, что речь идет не о простом участии, которое можно было бы считать лишь выполнением требований Болеслава по Будишинскому миру; напротив, мы знаем, что Генрих был одним из вдохновителей похода и что он вовлек в поход Венгрию. Обращает на себя внимание и тот факт, что ранее, начиная с 1005 г., Генриха II преследовали бóльшие, чем в 1017 г., неудачи в войне с Польшей, однако никакие из многочисленных тогда переговоров не длились столь короткое время, и никогда еще германский император не отказывался так быстро от всех своих притязаний, как теперь³¹. То обстоятельство, что Будишинский мир был результатом твердой позиции Польши, еще не дает должного объяснения стремлению Генриха заключить его быстрее любой ценой, «non ut decuit, sed sicut fieri potuit»³². Эта поспешность должна иметь более полное объяснение в императорской политике в целом, и думается, что именно в этом же надо искать и причины изменения позиции по отношению к Руси. Нам представляется, что все эти политические действия можно в какой-то степени объяснить лишь в том случае, если обратить внимание на другой фронт германской политики того времени — на политику в Италии³³.

Коронационная экспедиция Генриха в Италию 1014 г. утвердила на папском троне Бенедикта VIII. С этого момента новый папа являлся верным защитником интересов империи в Италии³⁴.

В Италии было по меньшей мере беспокойно: кроме затухавшей борьбы претендента на ломбардский трон Ардуина, германскую партию весьма интересовали события, происходившие в византийских владениях на юге страны. Ослабление власти катепанов, частая смена их в первые годы XI в. благоприятствовали вмешательству папства и германской империи в южноитальянские дела. Если еще в 1014 г. Генриху было трудно думать об этих делах, то теперь германско-папская политика была основана на решимости использовать представившийся случай. Таковым явилось антивизантийское движение в Апулии, которым предводительствовали крупные феодалы во главе с Мелесом (Мело, Исмаил). Они подняли восстание еще в мае 1009 г., но поражение, нанесенное им византийскими войсками под Битетто, восстановило на некоторое время спокойствие в стране и принудило предводителей движения искать поддержки извне³⁵. Они

Замечания Д. С. Лихачева (Повесть временных лет, т. II, стр. 363, 369) по поводу упоминаний Новгородской летописи не убедительны.

³⁰ В то время германские войска вели обмен пленными и частью были распущены по домам. Поводов для разрыва отношений с верным союзником не было. См.: Thietm., Chronicon, VII, cap. 65, p. 561.

³¹ См.: Zakrzewski. Op. cit., p. 172 sq. (описание войн 1003—1018 гг.).

³² Thietm., Chronicon, VIII, cap. 1, p. 579.

³³ Эту мысль подал Закжевский (op. cit., p. 291).

³⁴ L. Duchesne. Les premiers temps de l'État pontifical. Paris, 1904, p. 369—372; J. Gay. Les papes du XI-e siècle et la chrétienté. Paris, 1926, p. 72 sq.; R. Holtzmann. Geschichte der Sächsischen Kaiserzeit. München, 1943, S. 441—2; C. G. Mor. L'État feudale. Storia politica d'Italia, t. I. Milano, 1952, p. 558 sq.

³⁵ Описание восстания см. G. Schlumberger. L'épopée byzantine à la fin du X-e siècle, II-e partie. Basile II tueur de Bulgares, Paris, 1900, p. 514 sq.; J. Gay. L'Italie méridionale et l'Empire Byzantin... de 867 à 1071. Paris, 1904, p. 399 sq.; R. Holtzmann, Op. cit., p. 475 sq.; Mor. Op. cit., p. 545 sq.

обращаются за помощью к мелким княжествам Средней Италии и вступают в соглашение с папой. Последний предоставляет в их распоряжение башню Гарильяно (Gariliano), которая являлась с этого момента базой операций повстанцев³⁶, и осуществляет также встречу Мелеса с норманскими воинами³⁷. Опираясь на эту базу, повстанцы вместе с прибывшими из Капуи и Беневента подкреплениями и с норманскими отрядами в середине 1017 г. выступают в поход на Апулию³⁸. После трех подряд победоносных сражений им удалось овладеть страной вплоть до реки Трани³⁹.

Такой неблагоприятный для Василия II ход событий в Италии принудил его послать туда значительные воинские части под командованием только что назначенного катепана Василия Вайоанниса⁴⁰. Войска высадились недалеко от Бари еще в декабре 1017 г. Новый катепан, проводя интенсивную подготовку к решающей борьбе⁴¹, вступает в переговоры со сторонниками Мелеса в Средней Италии. Повстанцы тем временем подтягивают новые подкрепления, состоящие из норманнов⁴².

Из хроники Адемара известно, что в войсках Василия было много русских воинов⁴³. Видимо, это сообщение можно считать полностью достоверным. Факт наличия русских частей на службе у Византии — не новое явление. При их помощи было подавлено восстание Варды Склира в 896 г.; они участвуют в болгарских войнах 991—995 гг., в военных действиях в Сирии в 999 г., в войне с хазарами 1016 г.⁴⁴ И в Италии русские войска оказались уже не в первый раз. Из заслуживающих доверия сообщений хроники прекрасно информированного епископа Леона из Остии (Marsicanus) известно, что византийцы «non multo ante, a tempore scilicet primi Ottonis, Apuliam sibi Calabriamque sociatis in auxilium suum Danis, Russis, et Gualanis vendicaverant...»⁴⁵. Столь же достоверный источник, иногда, правда, допускающий ошибки в хронологии событий, сообщает об участии русских войск в боях на стороне византийцев в 1027 г. во время военных действий на итальянской территории⁴⁶. Следовательно, сообщение Адемара не является единственным, и русским на византийской службе не раз приходилось сражаться и на итальянской территории.

В успехе восстания Мелеса был заинтересован и Генрих II. Косвенно свидетельствует об этом позиция папы, однако еще более значителен тот факт, что сам Мелес вскоре будет добиваться помощи германского императора. Об этом свидетельствует также, как мы увидим, поведение импе-

³⁶ Leoni Marsicani Casinensis, monachi postmodum cardinalis episcopi Ostiensis Chronicon Monasterii Casinensis. PL, t. 173, II, cap. 37, p. 638.

³⁷ Rodulfi Glabri Cluniacensis monachi Historiarum sui temporis libri V. PL, t. 142, III, cap. I, p. 646; Guillelmi Apuli Historicum Poema de rebus Normannorum in Sicilia, Apulia et Calabria gestis, usque ad mortem Roberti Guiscardi ducis, scriptum ad filium Rogerium. PL, t. 149, p. 1027—1028.

³⁸ Leoni Chronicon, II, cap. 37, p. 628; ср.: Guillelmi Apuli Poema, p. 1028—29; Lupi Protospatharii Chronicon. PL, t. 155, p. 132; Annales Baresnes, PL, t. 155, p. 125; Rodulfi Glabri Historiarum..., p. 646.

³⁹ Ср.: Leoni Chronicon, p. 628.

⁴⁰ Schlumberger. L'épopée byzantine, t. II, p. 570; Mor. Op. cit., p. 562—563.

⁴¹ Schlumberger. Op. cit., t. II, p. 570; Mor. Op. cit., p. 562—563.

⁴² Schlumberger. Op. cit., t. II, p. 570 (на основе недоступной нам хроники Амати).

⁴³ Ademari... Gesta Francorum, III, cap. 55, p. 66; см. В. Васильевский. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе. Труды, т. I, СПб., 1908, стр. 205.

⁴⁴ См. Левченко. Очерки..., стр. 382 и сл.

⁴⁵ Leoni Chronicon, II, cap. 37, p. 527.

⁴⁶ Annales Baresnes, sub. 1027, p. 125.

ратора Генриха во время его интервенции в Италию в 1021—1022 гг. Итак, интересы двух империй на итальянской территории находились в полном противоречии. Германский император поддерживает местное антивизантийское движение, подавляемое Василием, между прочим, с помощью русских войск, и одновременно, хоть это и выглядит парадоксально, Генрих II находится в союзе с Русью! Неудивительно, что как только весть о высадке византийско-русских войск на юге Италии дошла до Генриха, а это произошло, несомненно, еще в конце 1017 г.⁴⁷, он попытался предпринять соответствующие шаги, чтобы воспрепятствовать окончательному разгрому повстанцев. Предпринять немедленную интервенцию в Италию германский император в то время не мог, учитывая недавнюю тяжелую борьбу с Болеславом и внутреннее положение страны: поднимала голову саксонская оппозиция⁴⁸, нарастало волнение среди лютичей, вылившееся вскоре в грозное восстание⁴⁹. В этой связи становятся понятными и поспешность в заключении мира с Польшей и разрыв соглашения с Ярославом. Генрих II мог рассчитывать, что в решающий момент борьбы за киевский трон русские отряды будут отозваны из Византии или Ярославом, или новым владыкой Руси. По этим соображениям Генрих не только согласился оказать помощь в русском походе Болеславу Храброму, но и старался ускорить этот поход. Это было весьма на руку Болеславу, который стремился осуществить собственные планы: подчинить себе Русь и отторгнуть столь важные в экономическом отношении земли Червеньских городов⁵⁰.

Учитывая все сказанное, можно выдвинуть гипотезу, что требования, выставленные посольством Болеслава Храброго, касались отзыва русских подкреплений с итальянской территории. Можно предполагать, что упомянутые выше «вопа», обещанные Василию взамен удовлетворения этих требований, касались поддержания прежних хороших отношений Киева с Византией. В результате приобрели бы выгоды Генрих II, стремившийся спасти апулийских повстанцев от окончательного разгрома, и Святополк, который получил бы в свое распоряжение силы, с помощью которых он сумел бы утвердить свою власть на Руси. Но что же в таком случае обусловило участие в этих действиях Болеслава Храброго? Суть дела тут, по-видимому, заключалась в следующем. Во-первых, Болеслав должен был стремиться к укреплению власти Святополка на Руси, ибо это означало упрочение там польского влияния — по этим же соображениям он мог быть заинтересован в возвращении русских частей из Византии. Во-вторых, не исключено, что Болеслав сам стремился завязать сношения с Византией, установить политические контакты с Василием II. Это предположение подтверждается тем известным фактом, что сын Болеслава, будущий король Мешко II, учился греческому языку⁵¹, что было редким для тех времен явлением.

Остается еще рассмотреть вопрос о результатах посольства Болеслава Храброго.

⁴⁷ С сообщениями из Италии следует, на мой взгляд, связывать освобождение Генрихом графа Эцелина из Эсте, связанного с кресценцианской оппозицией и заключенного в тюрьму со времени последней римской экспедиции. Ср.: Thietm., Chronicon, VIII, cap. 1, p. 579. Это произошло 25 января 1018 г.

⁴⁸ С этим связано освобождение Гунцелина и возвращение владений баварскому князю Генриху — ср. Thietm., Chronicon, VII, cap. 65, p. 563.

⁴⁹ Ср.: Thietm., Chronicon, VIII, cap. 5 sq., p. 587 sq.

⁵⁰ О значении Червеньских городов см. W. Semkowicz. Geograficzne podstawy Polski Bolesława Chrobrego. Kwartalnik Historyczny, 1925, z. 2, str. 301 sq.

⁵¹ Письмо Матильды Мешко II. MPH, t. I, p. 323; см. A. Karbowiak. Dzieje wychowania i szkół w Polsce w wiekach średnich, I. Petersburg, 1898, str. 85.

Ни одна из сторон, заинтересованных в успехе посольства к Василию II, не могла, конечно, предвидеть той резкой перемены в политических отношениях, которая обусловила неудачу строившихся ранее планов. На Руси вскоре вспыхнуло восстание, и Болеславу пришлось уйти оттуда, удовлетвовавшись богатой добычей и захватом Червеньских городов⁵². В Киеве еще несколько месяцев княжил Святополк, но и он вскоре подвергся изгнанию, и трон перешел к Ярославу⁵³, изгнанному было в результате интервенции 1018 г. В этой новой обстановке задачи посольства, если оно даже и достигло места своего назначения, полностью потеряли свою политическую актуальность. Оно ничем не помогло апулийским повстанцам. С октября 1018 г. идет наступление Василия Войоанниса⁵⁴, и в битве под Каннами, по словам Адемара, повстанцы «quarto congressu cum gente Russorum victi et prostrati sunt et ad nihilum redacti, et innumeri ducti Constantinopolim, usque ad exitum vitae in carceribus tribulati sunt»⁵⁵.

О поражении восставших сообщается и в других источниках: у Леона из Остии, Вильгельма из Апулии и др.⁵⁶ Прежние союзники — настоятель монастыря Монте Кассино Атенульф, князь Пандульф IV из Капуи, Гуаймар из Салерно, Ландульф из Беневента — не оказали Мелесу и его войнам никакой поддержки и начали переговоры с новым катепаном. В этой ситуации, когда даже папа не мог оказать им помощи, Мелес и некоторые другие вынуждены были отправиться к императору Генриху II в Германию⁵⁷. Вслед за ними устремился туда и сам папа⁵⁸. В Германии, в Бамберге, 24 апреля 1020 г. вождь апулийской оппозиции умер⁵⁹. Бои в Италии продолжались до июня 1021 г.⁶⁰, и организованная в результате больших усилий германская интервенция в конце 1021 — начале следующего года решительно запоздала. Войска германского императора со всей жестокостью наказывают «изменников», силой захватывают княжества Средней Италии, вступают в границы византийских территорий, где разрушают город Трюю. Те, кто поддерживал восстание, получают награды, а Мелес посмертно награждается титулом «dux Apuliae»⁶¹. Репрессии, мо-

⁵² Б. Д. Греков, Киевская Русь, стр. 484 и сл.; М. Н. Тихомиров, Крестьянские и городские восстания на Руси, М. 1955, стр. 71 и сл. Размер захваченной Болеславом территории одни (Semkowicz. Op. cit., p. 312; Grabski. Op. cit., p. 275) определяют как Червеньские города sensu strictiori, т. е. без Перемышля и Белза, а другие (например, Kupfer, Lewicki. Źródła hebrajskie..., str. 43—44) — включая Перемышль.

⁵³ Повесть временных лет, т. I, стр. 97, 98.

⁵⁴ Lupi Protospatharii Chronicon, p. 132. Здесь указан месяц, но ошибочно дан 1019 год. См. Schlumberger. Op. cit., p. 570; Mor. Op. cit., p. 563.

⁵⁵ См. примеч. 43.

⁵⁶ Leoni Chronicon, II, cap. 37, p. 628; Guillelmi Apuli... Poema, p. 1030; Lupi Protospatharii Chronicon, p. 132; Annales Barenses, p. 125; Georgii Cedreni Historiarum compendium... PG, t. 122, col. 189—190.

⁵⁷ Leoni Chronicon, II, cap. 37, p. 629; Guillelmi Apuli... Poema, p. 1030.

⁵⁸ Hermanni Contracti Chronicon, PL, t. 143, col. 231 (sub 1020); Annales Quedlinburgenses, MGH SS, III, p. 85 (sub 1020); Annales Hildesheimenses, MGH, SS, III, p. 95 (sub 1019).

⁵⁹ Vita Meinwerici, MGH, SS, XI, p. 104; Adalberti Vita Heinrici II Imperatoris, MGH, SS, IV, cap. 22, p. 805; Guillelmi Apuli... Poema, p. 1030. О месте погребения Мелеса см. в документе Генриха III от 29 мая 1054 г., MGD, III, Berlin, 1931, S. 440, nr. 322; ср.: Schlumberger. Op. cit., p. 571; Gay. L'Italie méridionale..., p. 412; Holtzmann. Op. cit., p. 477; Mor. Op. cit., p. 563.

⁶⁰ Schlumberger. Op. cit., p. 571.

⁶¹ Schlumberger. Op. cit., p. 584—595; Holtzmann. Op. cit., p. 477—479; Mor. Op. cit., p. 566 sq.

жет быть, усилили в Италии страх перед германским императором, но не могли спасти положения.

Таковы были результаты одного из самых крупных политических планов Болеслава Храброго и императора Генриха II. Единственной стороной, которая в этом что-то выиграла, был польский князь: он ограбил Русь и захватил Червеньские города. Эти последние, впрочем, недолго оставались под польским владычеством. Пострадали же от всех этих войн и грабежей, совершавшихся ради интересов стоявших у власти правителей, жители Русь и Италии.

* *

*

Мы, разумеется, отдаем себе полный отчет в том, что все наши предположения опираются лишь на один отрывок из средневековой хроники. Но такова обычно судьба исследователя истории тех времен, от очень многих событий которых нередко сохранились только две-три короткие и часто неясные латинские фразы. Поэтому выводы, изложенные нами выше, не могут расцениваться иначе, как гипотеза⁶².

⁶² По предложению Ст. Закжевского, „не исключено, что Болеслав отправил на службу к Василию какие-то польские отряды, хотя это выглядит сомнительным, принимая во внимание Будишинский мир“ (ук. соч., стр. 307). Основой этого предположения было название „Guandali“ в „Annales Barenenses“ под 1027 г. (см. примеч. 46), автор которых был склонен считать их поляками, в связи с именованием Мешко I в „Miracula sancti Udalrici“ „dux Wandalorum“ (MGH, SS, IV, p. 423) — см. Zakrzewski. Op. cit., p. 417. Можно еще сослаться на упоминание Леона из Остии о службе в византийских войсках „Gualanogum“ (см. примеч. 45). Предположение Ст. Закжевского поддержал Галецкий (ук. соч., стр. 45), а также известный историк-византист Казимир Закжевский: K. Zakrzewski. Dzieje Bizancjum, Wielka Historia Powszechna, t. IV/1. Warszawa, 1938, str. 176. Нам кажется, однако, что до выяснения вопроса о том, что означают Gualani и Guandali, нельзя высказаться на эту тему.

Автор приносит сердечную благодарность за любезную помощь, полученную им при работе над данной статьей от профессора Лодзинского университета доктора Галины Эверт-Каппесовой, которая ознакомилась с рукописью и сделала ряд замечаний. Эти замечания в значительной степени содействовали приданию данной работе ее окончательного вида.

Перевод с польского О. П. Морозовой

С. В. ПОЛЯКОВА

ἜΓΩ ΔΙΑ ΤΟΝ ΧΡΙΣΤΟΝ ΤΟΥΤΕ ΤΟΙΧΟΥΣ ΤΗΡΩ

(О некоторых особенностях раннемонашеской идеологии и быта согласно „Лавсаику“ Палладия и сочинениям Василия Великого)

Рассказанные Палладием, этим монашеским Плутархом, биографии прославленных монахов и подвижников должны были показать мирянину и клирику духовные преимущества затворнической жизни и подвиги ее первых адептов. Однако в «Лавсаике» под пером несколько наивного автора возникают отдельные детали, а подчас и целые картины, мало вяжущиеся с несомненно пропагандистскими задачами сочинения. К этой-то стороне монашеской жизни, случайно отраженной в биографиях Палладия и мало пригодной для «вразумления» читающего, стоит, думается, присмотреться.

Уже с первых шагов своего возникновения монашество претендовало на признание за собой преимущественной, сравнительно с мирянами и клириками, святости; претензия эта отчетливо проявляется и в «Лавсаике»¹. Согласно этой концепции, монах — существо, по моральному своему совершенству близкое ангелам и превосходящее духовными добродетелями обыкновенного человека. Характерен с этой точки зрения ответ Дорофея, который, на уговоры лечь спать и отдохнуть, в сознании своего исключительного нравственного совершенства говорит: «Если уговоришь ангелов уснуть, уговоришь и подвижника»². Подобное сопоставление обычно в христианской литературе этого периода, им пользуется Григорий Нисский³ и Василий Великий⁴.

16-я биография Палладия рисует сцену, которая наглядно должна показать превосходство монаха над белым духовенством: отшельник Натанаил с надменной независимостью и чувством превосходства принимает пришедших к нему в келью семерых епископов, оправдывая это тем, что он «умер для владык епископов и для всего мира».

Однако нравы этих людей, ведущих, по их представлению, ангело-подобную жизнь, довольно своеобразны, и ряд свойственных им черт

¹ Она подготовляла путь для настоятельно необходимого в дальнейшем идеологического обоснования политической и экономической мощи монастырей. К середине IV в. эта концепция настолько укореняется, что церковь начинает вести борьбу с монашеством и искусственно создает ряд аскетических сект, которые затем обвиняет в ереси. Об этом см. R. Reitzenstein. *Historia Monachorum und Historia Lausiaca*. Göttingen, 1916, S. 186.

² Pal., 2. Текст цитируется по изд. Butler'a: *The Lausiaca History of Palladius*. *Texts and Studies* ed. by Robinson, vol. VI, № 2, 1904.

³ PG, t. 46, ep. XIX, col. 1073.

⁴ PG, t. 31, Serm. asc. II, col. 873.

был не приемлем даже с точки зрения традиционной морали эпохи. Так, например, в женском Тавеннитском монастыре ангелоподобные сестры оскорбляют друг друга, обливают (не фигурально!) помоями, пускают в ход кулаки⁵, нелепо и зло клеветают на невинных⁶, на Нитрийской горе «употребляют и продают вино»⁷.

Дополнением к этим сообщениям «Лавсаика» могут послужить сочинения Василия Великого, старшего современника Палладия, автора ряда сочинений, предназначенных для монастырского пользования⁸. Василий Великий требует от монахов, чтобы они не занимались ростовщичеством, не пьянствовали и не вели распутной жизни⁹, рекомендует им давать посторонним из монастырских запасов только в исключительных случаях и с общего согласия¹⁰, требует, чтобы монастырь не разорял устроенного другим монастырем и во всем действовал в духе доброжелательства¹¹. Естественно, что возникновение подобных предписаний связано с их систематическим нарушением, т. е. с тем, что монахи занимались ростовщичеством и были своекорыстно настроены, изменяя заповедям братства, взаимопомощи и бессеребренничества; даже распоряжение не давать из запасов монастыря на сторону не столько отображает собственнический эгоизм, сколько предполагает злоупотребления, очевидно, с корыстной целью, этой возможностью. От Василия Великого мы также узнаём, что святость жизни анахоретов вызывала недоверие и кривотолки: «Пусть каждый подвизается не сам по себе, не в одиночестве, ибо подобного рода жизнь требует свидетелей, чтобы быть свободной от подозрения»¹². Если монастыри несколькими веками позже сосредоточили в своих руках большие богатства, то нельзя сказать, что и первые монашеские объединения и даже анахореты, проводили жизнь в абсолютной бедности. Описываемые Палладием эремиты и монастырские общины сплошь и рядом были сравнительно состоятельными и жили не терпя нужды. Показательна в этом смысле жизнь на Нитрийской горе, где за деньги свободно можно было приобрести вино, где были аптекари, врачи, пекарни, поварни и странноприимный дом¹³. Кенобиты и анахореты, покинув мир, оставались в ряде случаев собственниками имущества¹⁴, получали от мирян большие пожертвования и пр.

Нападкам антимонашески настроенных кругов во все времена существования монастырей подвергалось главным образом паразитическое существование монахов. «Лавсаик» свидетельствует о формировании уже в IV в. своеобразного монашеского идеала, согласно которому жизнь монашествующего должна протекать в молитвах и духовной сосредоточен-

⁵ Pal., 34.

⁶ Pal., 33.

⁷ Pal., 7.

⁸ И здесь и в дальнейшем мы будем привлекать Василия Великого, ибо интересные нас черты идеологии и нравов монашества были сходны не только в областях его первоначального распространения (это видно хотя бы из наших сопоставлений данных о египетском и греческом монашестве), но сохранились и даже развились впоследствии.

⁹ Bas. Mag., Sermo de asc. disc. PG, t. 31, col. 649.

¹⁰ Bas. Mag., Reg. brev. tract. interrog., 302. PG, t. 31, col. 1296.

¹¹ Bas. Mag., Const. Monast., 33. PG, t. 31, col. 1421; Reg. fus. tract. interrog., 35. PG, t. 31, col. 1004.

¹² Bas. Mag., Sermo de asc. disc. II. PG, t. 31, col. 873.

¹³ Pal., 7.

¹⁴ Pal., 13 и 61. В расширенной версии „Лавсаика“ (PG, t. 34, col. 1132) содержится характерный в этом смысле рассказ о разбойниках, которые напали на келью пустытника Феоны, так как „полагали найти у него золото“.

ности, приводя к непосредственному общению с божеством. Этим мы не хотим сказать, что труд был полностью исключен из жизненного обихода монахов, особенно кенобитов¹⁵. Однако полезный труд занимал ничтожно малое место в распорядке дня монахов и рассматривался монахами обычно как зло, от которого лучше уклониться. Даже в монастыре Пахомия, устав которого предписывал организованный труд на пользу общине, монах мог следующим странным образом упражняться в аскезе: ночи напролет стоять на ногах, очевидно, молясь, а днем сидеть, т. е., очевидно, отдыхать¹⁶. В другом случае «отличный монах» Павел Фермийский жил всегда следующим образом: «Не исполнял никакой работы и не брался ни за какое дело»¹⁷. Характерно также наставление, которое дает Макарий автору «Лавсаика»: «Как-то раз, — пишет Палладий, — я, пав духом, пришел к нему и говорю: «Авва, что мне делать? Тревожат меня мысли, говоря: „Ты ничем не занимаешься, уйди отсюда“. Он в ответ: „Скажи твоим мыслям, ради Христа я стерегу стены“»¹⁸.

Таково же, очевидно, времяпрепровождение нитрийских монахов и анахоретов, которые, в отличие от приходящих на гору странников, не несут обязательной трудовой повинности и избирают себе по своему вкусу образ жизни *ἑκαστος ὡς δύναται καὶ ὡς βούλεται*¹⁹. Большой материал о монашеском тунейдческом идеале, как он выражен у Палладия, дают сочинения Василия Великого, адресованные монастырям. Ни в одном из написанных им уставов не предусмотрено изгнание из монастыря за нежелание работать, зато монахиня, которая, несмотря ни на какие наказания, неохотно поет псалмы, должна оставить монастырь²⁰.

Отношение к труду наглядно иллюстрируют следующие места:

«... Кто каждый день и час ожидает господа, тот стремится, чтобы он не прожил его даром (т. е. чтобы его ожидания не оказались напрасными. — С. П.), и более ничего не делает. Но если велено ему обучаться искусству, пусть в послушании видит служение богу»²¹. «Вся жизнь да будет временем молитвы»²² или метафорически: «пропитание воин (монах. — С. П.) имеет от царя (бога. — С. П.); ему не нужно добывать себе пропитание и даже думать о нем. Ему везде по велению царя у поданных его открыт дом, не нужно ему думать о доме»²³. Тем обстоятельством, что всякий производительный труд рассматривается как нечто необязательное и менее угодное богу, чем праздность, религиозное созерцание или молитва, объясняется своеобразный характер изображаемых

¹⁵ Pal., 32, неоднократно упоминает о том, что устав Пахомия предусматривал занятие общественно полезным трудом. Однако существование подобного устава, как видно из сообщений Палладия о Тавеннитском монастыре, не мешало монахам проводить время в праздности; Pal., 18, ср. также Pal., 13.

¹⁶ Pal., 18.

¹⁷ Pal., 20; в расширенной редакции „Лавсаика“ PG, t. 34, col. 1137—1138, об Аполлосе из Фиванды сказано, что „единственным занятием его было произнесение двухсот молитв в сутки“.

¹⁸ Pal., 18.

¹⁹ Pal., 7. Данная фраза, вероятно, предполагает не только свободный выбор между индивидуальным затворничеством и кенобитством, как можно заключить из последующего предложения, но свидетельствует о возможности проводить время по собственному усмотрению. В духе подобной праздности проводят свои дни также и герои расширенной редакции „Лавсаика“ PG, t. 34, col. 1163 и col. 1027. Не удивительно поэтому, что там же можно познакомиться с такими нелестными эпитетами монахов, как „тунейдец“, „соня“, „лентяй“ — col. 1083, 1074; ср. col. 1116.

²⁰ Bas. Mag., Reg. brev. tract. interrog., 281. PG, t. 31, col. 1280.

²¹ Bas. Mag., Reg. brev. tract. interrog., 117, col. 1161.

²² Bas. Mag., Serm. asc. II. PG, t. 31, col. 877 и там же Const. monast. I, col. 1328.

²³ Bas. Mag., Praev. inst. asc. PG, t. 31, col. 620.

в «Лавсаике» чудес, которые в своем подавляющем большинстве призваны оправдать и освятить монашескую тунеядческую концепцию, сообщить ей известную романтику. Чудеса этого типа строятся по одному трафарету: божественное вмешательство обеспечивает монаху все необходимое; пищу монахи и отшельники получают с неба, газели чудесным образом питают их²⁴, благодарные гиены дарят теплые овчины²⁵. Не работая или почти не работая сами, монахи пользуются чужими услугами. Затворившуюся в гробнице отшельницу Александру обслуживает специальная служанка²⁶, Иоанна Ликопольского — прислужник²⁷, Макарий Египетский в качестве слуги держит своего ученика²⁸. Как уже говорилось, биографии «Лавсаика» упоминают иногда о труде монахов. Однако работа, по-видимому, занимала столь незначительное место в их жизни, что Палладий, регистрирующий только наиболее типичные черты монашеского быта и в этих случаях не скупящийся на детали, здесь удивительно немногословен²⁹.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что труд понимался египетскими подвижниками не как общественно полезное и жизненно необходимое занятие, а лишь как одна из разновидностей аскетического подвига. Поэтому для египетского подвижника (чаще это были анахореты) работа носит эпизодический характер, и, так как она не обуславливает его материального благополучия, заботятся не столько о хозяйственной эффективности труда, сколько о его, если так можно сказать, аскетической атмосфере. Поэтому герои Палладия стараются исполнять работу в возможно более неблагоприятной обстановке — под палящими лучами солнца, в темное ночное время или в непригодном для этого помещении³⁰. На отношение к труду в объединениях кенобитов, где он очень скоро утратил свой специфический подвижнический ореол, превратившись в прозаическую обязанность, проливают свет сочинения Василия Великого. В условиях монастырской общины члены ее либо стремятся уклониться от предусмотренного правилами требования трудиться, либо пытаются извлечь из исполняемой работы выгоду. В противном случае Василию Великому не пришлось бы специально оговаривать, что монаху потому не следует самому избирать себе дело в монастыре, что он может навлечь подозрение, что действует «в надежде прибыли»³¹, и что должно избирать те работы, которые лишены неопозволительной прибыли (*αισχροκερδεια*)³². Достаточно взглянуть на режим монастырского дня, чтобы убедиться, как мало оставалось времени для труда. Ведь всей братии ежедневно полагалось восемь раз становиться на молитву, не говоря уже о специальных богослужениях в праздничные дни. Василий Великий сообщает, что обязательными часами молитвы были час вставания, три часа, шесть часов, девять часов, конец дня, наступление ночи, полночь, рассвет³³. Несмотря на то, что труд в монастырях занимал далеко не первенствующее положение, монахи тем не менее всячески старались от

²⁴ Pal., 36, 51, 71, 18; ср. с расширенной версией — PG, t. 34, col. 1138, 1123, 1027, 1156, 1161.

²⁵ Pal., 18.

²⁶ Pal., 5.

²⁷ Pal., 35.

²⁸ Pal., 17; ср. также с расширенной редакцией col. 1042 и col. 1155.

²⁹ О труде без дифференциации его характера сообщается в 10 и 45, о сельскохозяйственных, домашних и ремесленных работах — в 13, 32, 34, 2, 10, 22, 24, 25 и 5. Преобладает упоминание о плетении различных предметов из пальмовых вай.

³⁰ См. указанные в предыдущем примечании биографии.

³¹ Vas. Mag., Reg. fus. tract., PG, t. 31, col. 1021.

³² Vas. Mag., Const. Monast. V. PG, t. 31, col. 1360.

³³ Vas. Mag., Reg. fus. tract., col. 1009 sq.

него уклониться под предлогом молитв, песнопений или недомогания. «Величайшее порицание, — пишет Василий Великий, — заслужат те, которые, отрицая присущую и богом данную им телесную силу, непристойно обманывают старших над собой и не повинуются их приказанием»³⁴; или: «Так как некоторые уклоняются от работы под предлогом молитв и псалмопения, то следует знать, ... что для молитв и псалмопения, как и для многого другого, годится всякое время»³⁵. В связи с идеалом бездеятельной жизни особое значение в бюджете монахов приобретают дарения и милостыни, игравшие, по-видимому, и на первых порах развития монашества важную роль. Этим объясняются частые сообщения «Лавсаика» о том, что то или иное частное лицо в пользу монахов жертвует свое имущество, делает денежные вклады в монастыри или снабжает их дарениями натурой. Так, например, отшельник Памво был обладателем крупного дарения³⁶, Мелания Младшая посылала монастырям значительные денежные пожертвования³⁷; такого же рода благотворительностью занималась и Мелания Старшая³⁸. Даже за исцеление знаменитые отшельники получали вознаграждение, и великая святость не помешала Макарию Александрийскому принять от своей пациентки богатые дары³⁹. Из монастырских правил Василия Великого можно заключить, что размеры дарений монастырям были велики, ибо 304-й и 305-й вопросы «Краткого правила» говорят, что прием даров общиной нередко вызывал осуждение⁴⁰.

Таким образом, если внимательней присмотреться к произведениям авторов, являвшихся сторонниками монашества (как Палладий или Василий Великий), бывших его насадителями, сквозь пелену славословий и пропагандистского пафоса можно подчас различить подлинные, вероятно, черты идеологии и нравов ранних представителей монашеского чина.

³⁴ Bas. Mag., Const. Monast; col. 1421; там же, Reg. brev. tract. int., 69, col. 1132; Ep., PG, t. 32, col. 289—292 (ep. XXII) и col. 1037 (ep. CCXCV).

³⁵ Bas. Mag., Reg. fus. tract., col. 1012.

³⁶ Pal., 10.

³⁷ Pal., 61.

³⁸ Pal., 54; о дарениях натурой см. 25.

³⁹ Pal., 18.

⁴⁰ Bas. Mag., PG, t. 31, col. 1300.

Е. Б. ВЕСЕЛАГО

**ЕЩЕ РАЗ О ЛАОНИКЕ ХАЛКОКОНДИЛЕ
И ЕГО ИСТОРИЧЕСКОМ ТРУДЕ**

Несмотря на существование обширной литературы, посвященной византийскому историку XV в. Лаонику Халкокондилу, ряд вопросов, связанных с жизнью и деятельностью этого историка и с критикой текста его труда, не получил еще удовлетворительного разрешения. Вполне понятно поэтому, что новая работа о Лаонике Халкокондиле, опубликованная румынским ученым В. Греку в XIII т. Византийского временника, не может не привлечь внимания всех интересующихся византийской историографией.

В своей статье В. Греку прежде всего останавливается на том, какую форму фамилии Лаоника надо считать правильной. Как известно, существует несколько вариантов этой фамилии, из которых основные: *Χαλκοκωνδύλης* и *Χαλκοκονδύλης*. Первый вариант связывают со словом «светильник» (В. Греку — «лампада»), второй — со словом «кулак» (В. Греку — «перо»).

Е. Дарко, изучивший подлинные рукописи и имевший фотокопии с них, утверждает¹, что в подавляющем большинстве кодексов принято написание *Χαλκοκωνδύλης* как в заглавии, так и в тех случаях, когда это имя встречается в тексте².

Однако, несмотря на то, что в рукописях форма *Χαλκοκωνδύλης* решительно преобладает над формой *Χαλκοκονδύλης* и что это написание принято в новом издании Е. Дарко, правильность этого варианта вызывает некоторые сомнения.

Дело в том, что общее заглавие, включавшее имя автора, написанное в форме *Χαλκοκωνδύλης*, появилось впервые на полях рукописи Vaticanus Palatinus 266, относящейся к концу XV или даже к XVI в.³ Это заглавие моложе основного текста, в который оно попало во всяком случае не раньше XVI в., так как все рукописи, имеющие общее заглавие с формой имени *Χαλκοκωνδύλης*, относятся уже к XVI в. Ранние же рукописи, бесспорно относящиеся к XV в., т. е. написанные немедленно после смерти Лаоника, общего заглавия вообще не имеют. В них указывается только

¹ *Laonici Chalcocondylae Historiarum demonstrationes emendavit Eugenius Darkó. Budapestini, MCMXXII, pars I, p. I.*

² См., например, *Laonici Chalcocondylae Atheniensis Historiarum libri decem. Bonnae, 1843, p. 321. 4, 11, 21; 343.10.*

³ *Laonici Chalcocondylae... emendavit Eugenius Darkó, pars I, p. IX.*

личное имя автора, стоящее перед началом каждой книги⁴. Правда, в одной рукописи⁵, датируемой обычно XV в., перед основным текстом имеется общее заглавие с именем автора, написанным в форме Χαλκοκωνδύλης. Однако решающего значения эта рукопись не имеет, так как принадлежность ее к XV в. сомнительна, что признает сам Е. Дарко⁶. Таким образом, если основываться только на данных заглавия, надо признать, что они не доказывают еще правильности варианта, выбранного Е. Дарко. Гораздо более важным доказательством в пользу этого варианта является тот факт, что во всех четырех случаях, когда фамилия Лаоника встречается уже не в заглавии, а в основном тексте (и не только рукописей XVI в., но и XV), она пишется в форме Χαλκοκωνδύλης⁷. Это заставляет признать, что рукописная традиция безусловно передает фамилию Лаоника в форме Χαλκοκωνδύλης и что, следовательно, выбор этого варианта Е. Дарко с формальной стороны полностью оправдан. Однако имеется ряд фактов, доказывающих, что, хотя в рукописной традиции преобладает форма Χαλκοκωνδύλης, в жизни был широко распространен вариант Χαλκοκωνδύλης.

В этом отношении интересны приведенные в статье В. Греку данные А. Г. Кампороглу⁸, которые заставляют признать правильной форму Χαλκοκωνδύλης. К данным А. Г. Кампороглу можно прибавить и другие. Так, например, известно, что Димитрий Халкокондил сам писал свою фамилию в форме Χαλκοκωνδύλης⁹. Так же называет его в своих письмах Филельфо, который, зная греческий язык лучше других итальянских гуманистов своего времени, не только пишет эту фамилию в форме Χαλκοκωνδύλης¹⁰, но и объясняет ее этимологическое значение. По его словам, фамилия «Халкокондил» значит «человек с бронзовым кулаком»¹¹, что несомненно указывает на форму Χαλκοκωνδύλης. В этой же форме писалась фамилия и Василия Халкокондила, учившего в Риме в начале XV в.¹² В том же варианте эта фамилия существовала в Афинах и в конце XIX в. Все это заставляет признать, что фамилия «Халкокондил» писалась в двух основных вариантах. Один (Χαλκοκωνδύλης) был принят представителями этой семьи, другой (Χαλκοκωνδύλης) встречается в подавляющем количестве рукописей. Очень правдоподобно мнение В. Греку, согласно которому в рукописной традиции этот вариант возник оттого, что переписчики, связанные с церковью, часто монахи, приняли более им близкое этимологическое значение, понимая под Χαλκοκωνδύλης «человека с медной лампадой». Думается, однако, что правильным вариантом является та форма, в которой писали свою фамилию сами Халкокондилы.

К вопросам, до сих пор еще не разрешенным в литературе, относится и вопрос о времени рождения Халкокондила. Сам Лаоник не называет точной даты, но из текста его труда следует, что ко времени его рождения Византия владела не только узкой полосой земли по берегам Черного и Мраморного морей, но и Пелопоннес, за исключением трех или четырех

⁴ Например, Coislianus Gr. 314: Λαόνικου Ἀθηναίου ἀπόδειξις ιστοριῶν πρώτη.

⁵ Bodleianus Gr. Roe XII.

⁶ Laonicus Chalcosandyla..., emendavit E. Darkó, pars I, p. XIX XXIII.

⁷ Ibid., pars II, p. 93. 17; 94.1.10; 113.23.

⁸ См. ВВ, т. XIII, стр. 198, прим. 3.

⁹ E. Le grand. Cent-dix lettres grecques de François Filelfe. Paris, 1892, p. 348, 350.

¹⁰ Ibid., p. 190.

¹¹ Ibid., p. 191.

¹² E. Le grand. Bibliographie Hellénique ou description raisonnée des ouvrages — publiés en grec par des grecs aux XV et XVI siècles, t. II. Paris, 1885, p. 305.

венецианских городов, снова принадлежал империи¹³. На основании этого места текста, а также на основании свидетельства Халкокондила, что в таком положении Пелопоннес продолжал находиться до 1446 г.¹⁴, Е. Дарко утверждал, что Лаоник родился между 1432 и 1446 г., а именно, в 1439 г.¹⁵ Эта дата находится, однако, в непримиримом противоречии со свидетельством Кириака из Анконы¹⁶, которому Халкокондил, юноша «исключительно сведущий в области латинской и греческой словесности», показывал в 1447 г. древности Спарты, сам будучи (если принять дату Е. Дарко) восьми лет отроду. Датировка Е. Дарко сомнительна и в силу следующих еще соображений. По мнению Фосса¹⁷, который, правда, не указывает, на каком основании он это говорит, Лаоник умер в 90-годах XV столетия, т. е., если согласиться с Дарко, — всего 50 с чем-то лет. Но у нас есть прямое свидетельство Антонио Колосинаса¹⁸ о том, что Лаоник дожил до глубокой старости.

В. Греку предлагает свое решение вопроса о дате рождения Лаоника. Основываясь на некоторых местах текста Халкокондила, в том числе и на не использованных еще в научной литературе¹⁹, он считает этой датой 1423 год. Однако при анализе привлекаемого им материала В. Греку не учитывает той части свидетельства самого Халкокондила, в которой, как уже было упомянуто, говорится, что он родился в то время, когда Пелопоннес, за исключением нескольких городов, снова оказался под властью Византии. К Византии, следовательно, перешли и бывшие владения Малатесты и Цаккарии. На основании имеющихся пока данных мы знаем, что в подобном положении Пелопоннес мог находиться или в 1429 или даже в 1432 г. Поэтому, до тех пор, пока не будут обнаружены новые материалы, считать 1423 год годом рождения Халкокондила невозможно.

До сих пор не был решен в литературе и вопрос о том, какой Халкокондил был в 1435 г. послом Марии Мелиссины к туркам²⁰ и кто был тот Халкокондил, которого в 1446 г. Константин Палеолог²¹ послал к Мураду договариваться об условиях мира. Или конкретнее: был ли послом Марии историк Лаоник Халкокондил, или его отец, или другой какой-то представитель этой семьи? Был ли послом Константина историк Лаоник Халкокондил?

Прежде всего надо совсем отказаться видеть в после 1435 г. самого автора «Истории». Независимо от того, принять ли за год его рождения дату В. Греку или, тем более, дату Е. Дарко, ясно, что в 1435 году будущий историк по своему возрасту не мог еще быть послом Марии. Следовательно, им был или отец Лаоника или кто-либо другой из Халкокондилов. Основываясь на своеобразии стиля Халкокондила, В. Греку вслед за Мисколчи²² считает, что под местоимением *τοῦτον*²³ не обязательно понимать отца историка, о котором только что шла речь в предыдущем предложении текста. Оба ученых думают, что под этим местоимением может подразумеваться и другой какой-нибудь член этой семьи. Это, ко-

¹³ Chalco., p. 91.

¹⁴ Ibid., p. 349.16.

¹⁵ E. Darkó. Zum Leben des Laonikos Chalkondyles. BZ, 24, 1923/1924, S. 31.

¹⁶ Miscelanea Ciriiani, Milano, 1910, p. 202—203.

¹⁷ J. Fabricius. Bibliotheca Graeca, VI, p. 474.

¹⁸ Ch. Hopf. Chroniques Greco-Romanes inédites ou peu connues. Berlin, 1873, p. 244.

¹⁹ Chalco., p. 48.1; 52.14; 74.4; 170.16; 174.10.

²⁰ Ibid., p. 320.20.

²¹ Ibid., p. 343.9.

²² ВВ, т. XIII, стр. 200.

²³ Chalco., p. 320.20.

нечно, не исключено, но поскольку местоимением ὄψους Халкокондил обычно²⁴ обозначает лицо, о котором только что говорил, предполагать здесь другое употребление этого местоимения нет достаточных оснований. Вернее всего это местоимение относится к отцу историка (πατρί δὲ ἤρεστροφ)²⁵. Дальнейший текст косвенно это подтверждает. Ведь к султану надо было послать человека, которому Мария могла вполне доверять и который был более других заинтересован в благоприятном ответе султана. Таким человеком был именно отец Лаоника: благоприятный ответ обеспечивал ему и Марии власть над Афинами. Поэтому есть основания, и как видим, не только формальные — считать, что послом 1435 г. был именно отец историка. Что же касается посла Константина к Мураду, то В. Греку совершенно справедливо видит в нем самого Лаоника. Приводимые им доводы (подходящий возраст, хорошее знакомство с лагерем турок под Истомом, эпитет «афинянин») вполне это допускают. Особо следует обратить внимание на эпитет «афинянин». Дело в том, что из четырех упоминаний в «Истории» фамилии «Халкокондил» — три раза в рассказе о посольстве 1435 г.²⁶ и один раз в рассказе о посольстве 1446 г.²⁷ — только в последнем случае сказано «Халкокондил-афинянин», т. е. только к послу 1446 г. автор «Истории» применил тот эпитет, каким он определил в начале своего труда самого себя²⁸. Под пером писателя, гордившегося своим афинским происхождением и всячески подчеркивавшего свою близость к традициям Фукидида-афинянина²⁹, такое применение этого эпитета не могло быть случайным. Можно считать, что тогда, когда он говорит «Лаоник-афинянин» и «Халкокондил-афинянин», он говорит об одном и том же лице, т. е. о себе. Халкокондил и по образованию мог быть послом Константина. Что же касается взгляда некоторых исследователей, считавших, что послом Марии и послом Константина было одно и то же лицо, то этот взгляд в силу сказанного выше, теперь должен быть отброшен.

К не выясненным еще вопросам биографии Халкокондила относится и вопрос о том, где был Лаоник после турецкого завоевания.

Основываясь на ряде соображений, первоначально считали, что, после окончательного покорения турками Пелопоннеса, когда двор в Мистре перестал существовать и деспот Фома бежал в Италию, туда же бежал и Лаоник. Это предположение казалось тем более естественным, что еще в 40-х годах в Италию эмигрировал Димитрий Халкокондил, к которому или за которым мог бежать Лаоник. Эмиграция Халкокондила находила себе косвенное подтверждение в наличии в его труде вставных эпизодов, а именно описаний отдельных стран и городов, в том числе подробнейшее описание Венеции. Позднее, однако, стали считать, что описания эти не такого рода, чтобы их нельзя было сделать с чужих слов. Ввиду этого начались новые поиски решения этого вопроса.

Некоторые возможности для этого нашлись в особенностях одной группы сохранившихся рукописей «Истории» Халкокондила. Дело в том, что среди рукописей «Истории» имеются две [Ashburnham 998 (XV в.) и Ottobonianus 309 (XVI в.)], резко отличающиеся от остальных как по заглавию, так и по содержанию. Они включают не полный текст сочинения Халкокондила, но лишь те его части, в которых говорится о событиях,

²⁴ Chalc. p. 249.8.12; 250.12; 287.12; 351.10 и др.

²⁵ Ibid., p. 320.20.

²⁶ Ibid., p. 321.4.11.21.

²⁷ Ibid., p. 343.9.

²⁸ Ibid., p. 3.1.

²⁹ Ibidem.

относящихся только к истории Афин. Учитывая, что имеется рукопись этого варианта «Истории», относящаяся уже к XV в., т. е. к периоду непосредственно после смерти Лаоника, и что — судя по содержанию — этот вариант был оформлен в Афинах, можно предположить, что Лаоник был тесно связан с Афинами и в последний период своей жизни, а возможно, и умер в Афинах. В Афины Лаоник мог вернуться после 1458 г., когда город уже перешел в руки турок³⁰.

Кроме «итальянской» и «афинской» версии ответа на вопрос, где провёл Халкокондил свою жизнь после турецкого завоевания, существует еще версия «критская». Ее пытаются обосновать ссылками на некоторые письма константинопольского ритора Михаила Апостолиса, бежавшего из турецкого плена на Крит.

Среди писем этого ритора имеется восемь, адресованных «Лаонику», «Ему же», «Лаонику-священнику», «Троилу и Лаонику», «Халкокондилу». Сразу после опубликования этих писем Леграном³¹ и Нуаре³² было высказано предположение, что адресат этих писем не кто иной, как историк Лаоник Халкокондил, принявший священнический сан и поселившийся на Крите. Сами Легран³³ и Нуаре³⁴ отождествляли критского священника Лаоника не с историком, а с издателем и схоластом выпущенного в 1486 г. первого издания «Войны мышей и лягушек». В 20-х годах нашего столетия письмами Михаила занялся Е. Дарко³⁵. На основании их анализа Е. Дарко старается доказать, что в них речь идет действительно об историке Лаонике Халкокондиле и что поэтому первоначальное мнение Миллера³⁶ и Сафы³⁷ правильно. По мнению Е. Дарко, Лаоник, покинув родину, эмигрировал не в Италию, а на Крит, где принял священнический сан и где писал свою «Историю».

С этим никак нельзя согласиться.

Утверждая, что Лаоник, адресат Михаила, не кто другой, как историк Лаоник Халкокондил, Е. Дарко не заметил одного свидетельства писем, не допускающего отождествления этих двух лиц. Дело в том, что в письме № 3³⁸ Михаил называет критский город Кидонию родиной своего корреспондента священника Лаоника. Между тем во вступительной части³⁹ своего сочинения историк Халкокондил называет себя афинянином. Таким образом, поскольку Лаоник, корреспондент Михаила, родился на Крите, а историк Лаоник Халкокондил — в Афинах, отождествление этих двух лиц невозможно. Правда, тут могут возразить, что Михаил Апостолис здесь, вероятно, говорит о Кидонии как о родине Лаоника потому, что она стала «новой» родиной Лаоника, принявшей его уже как эмигранта. Но это возражение следует признать несостоятельным. Родине Лаоника в письмах противопоставлена родина самого Михаила, которую последний называет «моей»⁴⁰, а не «нашей», как следовало ожидать,

³⁰ W. Miller. The last Athenian historian: Laonikos Chalkokondyles. JHS, 1922 (42), p. 29—39.

³¹ E. Legrand. Cent-dix lettres de François Filelfe, t. II, p. 233.

³² H. Noiret. Lettres inédites de Michel Apostolis, publiées d'après les manuscrits du Vatican. Paris, 1889.

³³ E. Legrand. Op. cit., t. I, p. 7.

³⁴ H. Noiret. Op. cit., p. 32.

³⁵ E. Darkó. Neue Beiträge zur Biographie des Laonikos Chalkokandyles. BZ., 27, 1927, S. 276.

³⁶ E. Miller. Catalogue des manuscrits grecs de la Bibliothèque de l'Escurial. Paris, 1848.

³⁷ K. Sathas. Νεοελληνική Φιλολογία. Athèn, 1868, σελ. 74.

³⁸ E. Legrand. Op. cit., p. 234.

³⁹ Chalc., p. 3.1.

⁴⁰ E. Legrand. Op. cit., 242.

если бы и священник Лаоник родился в Византии. Таким образом, письма Михаила Апостолиса не могут быть источником, доказывающим факт эмиграции Лаоника на Крит⁴¹.

Вособще же эмиграция Халкокондила более чем сомнительна. Непонятно, как могло случиться, что его совершенно не знает литература Возрождения. Непонятно, как мог писатель со столь широким кругозором жить в Италии или на Крите, находившемся в сфере ее культурного воздействия, и нигде не оставить о себе следа. А ведь 26 спусков достояно говорят о популярности его труда в конце XV и в XVI в. Литература Возрождения лишь в том случае могла не знать Лаоника, если он жил в тех местах, общение которых с Италией было затруднено. Крит во всяком случае не был таким местом. Известно, например, что гуманисты с Крита работали вместе с гуманистами Италии над изданием древнегреческих литературных памятников, в том числе и над первым изданием Гомера, вышедшим во Флоренции в 1488 г. Они, следовательно, принадлежали к той «литературной республике», о которой говорит Димитрий Халкокондил в предисловии к этому изданию Гомера.

О том, что у Лаоника Халкокондила не прекращалась связь с родиной, говорит ряд фактов. Некоторые из них подчеркивает в своей статье В. Греку. Он указывает, например, что невозможно или по меньшей мере крайне трудно было бы собрать такой большой материал о турках, живя не на территории, занятой ими. В статье впервые приведено много конкретных примеров, доказывающих не только то, что Халкокондил знал происходящее у него на родине, но что он знал это со многими, иногда даже мелкими, подробностями.

К фактам, отмеченным В. Греку, можно добавить и другие. Так, мы уже упоминали, что списки с «Истории» были сделаны в Афинах сразу после смерти ее автора. Следует обратить внимание и на то, что, рассказывая о сопротивлении «даков», вызвавшем большие репрессии турок, Лаоник не решается назвать имена тех из них, которые оказали туркам наибольшее сопротивление. Если бы «История» писалась не на территории, занятой турками, Халкокондил мог бы назвать имена этих «даков», не боясь мести со стороны турок как по отношению к ним, так и по отношению к себе. Нельзя считать доказательством в пользу эмиграции и то, что Лаоник находит нужным объяснить, почему именно он пишет свою «Историю» на «эллинском» языке. Лаоник как бы оправдывается в этом не потому, что он пишет на чужбине, а потому, что он пишет не на том языке, на котором говорили в то время на его родине, т. е. не на новогреческом. Выбрав «эллинский» язык вместо новогреческого, Лаоник отдал дань любви гуманистов к классическому греческому языку. Такое же отношение к этому языку видим мы и у Критулу⁴², который, как известно, никуда не уезжал. Все более выясняется, кроме того, что у Халко-

⁴¹ Среди писем Михаила имеется одно (E. Legrand. Op. cit., p. 255), адресованное „Халкокондилу“. Если обратить внимание на то, что во всех рукописях это обращение повторяется или буквально или с незначительными орфографическими изменениями, что перед обращением поставлен артикль, чего нигде больше в письмах Михаила не встречается, то можно думать, что в этом письме речь идет о лице, хорошо в XV в. известно. Им мог быть или Димитрий или Лаоник Халкокондилы. Но даже если этим Халкокондилом был Лаоник, то его никак нельзя отождествлять с Лаоником-священником, так как он — на это в письме есть прямое указание — жил не в Кидонии на Крите, а где-то очень далеко от Михаила. Да и официальный характер письма резко отличается от писем, адресованных „Лаонику“ и „Лаонику-священнику“.

⁴² Critobuli epistola ad Mechetem. FHG, V, p. 52.

кондила имеется общий источник не только с Критовулом, но и со Сфрандзи, тоже никуда не уезжавшим из Византии. В Ватиканском архиве имеется анонимная хроника XVI в., рассказывающая о турках. Она начинается с событий 1373 г. и кончается событиями 1512 г. Начало и конец ее потеряны. До 1463 г. рассказ подробен. Это заставляет предполагать использование для этого периода более подробного источника. Текст хроники настолько близок к тексту Халкокондила, что ее можно было бы рассматривать как переложение «Истории» Лаоника или извлечения из нее. Однако, поскольку в этой хронике есть много подробностей, отсутствующих у Халкокондила, следует думать, что и «История» и анонимная хроника происходят от одного источника. Как появление этой хроники, так и ее характер тоже говорят в пользу того, что Халкокондил никуда из Греции не эмигрировал. Если он и покидал родину, то не на длительное время. Возможно, конечно, что события, связанные с борьбой против нападающих турок, не раз заставляли его переезжать с места на место. Умер Лаоник, вернее всего, в Афинах.

Среди доводов, приводимых В. Греку в доказательство того, что Халкокондил никуда не уезжал из Византии, имеется один, с которым нельзя согласиться. Речь идет о так называемом туркофильстве Халкокондила.

Несомненно, что при изучении творчества византийского писателя, жившего в период окончательного завоевания Византии турками, нельзя обойти вопрос о его отношении к завоеванию и завоевателям. Однако правильно понять это отношение можно только в том случае, если рассматривать его в связи со всеми другими сторонами мировоззрения автора, а не ограничиваться ссылками на отдельные его высказывания, часто к тому же произвольно вырванные из контекста. Что касается Халкокондила, то его мировоззрение еще очень мало изучалось. В своей статье В. Греку тоже почти совсем не касается этой проблемы. Поэтому и у него вопрос об отношении Халкокондила к туркам не получил достаточно полной и правильной разработки. Он останавливается на нем главным образом в связи с вопросом об эмиграции Халкокондила. И тем не менее В. Греку считает возможным утверждать, что Халкокондил «вообще очень одобрительно относился к туркам». Никаких прямых доказательств этого В. Греку не приводит, если не считать упоминания о том, что Халкокондил «находит хорошие слова для магометанской веры и ее основателя». Но что В. Греку действительно признает (правда, в значительно более осторожной форме, чем некоторые другие историки) туркофильство Халкокондила, видно и из его интерпретации некоторых мест «Истории». Так, он подчеркивает, что Халкокондил с неодобрением относился к «чрезмерным» требованиям Константина при переговорах с Мурадом на Истме и к «неблагодарности» деспотов, которым будто бы хотел помочь султан, и что он порицал неразумный отказ некоторых народов выплачивать дань туркам. Следует обратить внимание и на то, что В. Греку неоднократно сопоставляет отдельные высказывания Халкокондила с высказываниями Критовула. Такой метод может иметь известное значение при разработке того или иного частного вопроса, например вопроса об эмиграции Халкокондила, но для характеристики мировоззрения писателя подобных сопоставлений, повторяем, недостаточно. Для того чтобы убедительно показать, каково же было настоящее отношение Халкокондила к туркам, надо, во-первых, исходить из изучения всей «Истории» в целом, рассматривая весь комплекс относящихся сюда сведений, во-вторых, найти какое-то руководящее свидетельство, основной принцип, в свете которого и анализировать отдельные факты. Такое сви-

детельство надо прежде всего искать в высказываниях самих Халкокондила и Кривоула.

Действительно, можно ли утверждать, что Кривоул (без сомнения, оставшийся в Византии) и Халкокондил (почти наверное не уезжавший оттуда), смирившись с завоеванием, оба положительно относились к туркам? Что касается Кривоула, то его позиция в этом отношении совершенно ясна. Его ориентация явно туркофильская, и проявляет он ее в чисто восточном духе, раболепно преклоняясь перед новым властителем. Его невозможно поставить на одну доску с Халкокондилем, мечтающим о том, что обстоятельства когда-нибудь изменятся снова в пользу «Элады», что во главе ее будет стоять царь, «эллин» по рождению, и что страна будет в управлении по «отцовским» законам. Это — два принципиально разных подхода к создавшемуся в Византии положению. Именно в свете этого основного расхождения и надо рассматривать отношение Халкокондила к современным ему событиям. Отдельные примеры, приводимые в пользу положительного его отношения к туркам, должны быть сопоставлены с большим количеством других, которые показывают, что Халкокондил трезво смотрел на происходящее вокруг, прекрасно понимая, что значило для его страны турецкое завоевание.

Большое место в статье В. Греку отведено критике текста. То обстоятельство, что «История» осталась незаконченной, сказалось не только в нарушении последовательности изложения, но и на самой его форме. Своеобразный стиль Халкокондила плохо выдержан даже в духе того «эллинского» языка, на котором автор обещал писать. Строй предложения со множеством невыдержанных конструкций и брахилогий, понимаемых с трудом или вообще мало понятных, создает условия, при которых работа по критике текста совершенно необходима. Статья В. Греку вносит в это дело большой и ценный вклад. Конъектуры автора часто интересны, а толкование удачно.

Отдельные конъектуры, однако, вызывают возражения. На некоторых из них необходимо остановиться.

ὡς δὲ ἐς τὴν βασιλείαν κατέστη, τὸν μόνου Καντακουζηνῶν Ναζαραῖον ἐποίησαν, Μαρθαῖον τοῦνομα. ὁ τούτου δὲ πρεσβύτερος παῖς, ὃν ἀπέδειξε βασιλεὺς τοῖς Ἕλλησιν, ἀφίκετο μὲν τὰ πρῶτα ἐς Ῥόδον... (Боннское издание: 37.19; изд. Е. Дарко: 1.34.5).

В. Греку совершенно правильно указывает на неточность в этом тексте, так как монашеское имя Кантакузина было не Матвей, а Иосаф. Матвеем же звали его старшего сына. В. Греку не допускает, чтобы Халкокондил этого не знал, и считает, что здесь имеется простая описка. Чтобы исправить ее, он предлагает сделать перестановку, а именно поставить *Μαρθαῖον τοῦνομα* после *ὃν*. Хотя при такой перестановке получается текст, полностью соответствующий действительности, с предлагаемой В. Греку конъектурой согласиться нельзя.

Дело в том, что ошибка Халкокондила была, может быть, не случайной. Ведь в творчестве Халкокондила определенно прослеживается отсутствие интереса к тому, что касается императоров, в том числе Палеологов. Поэтому, если исправить это место в строгом соответствии с действительным фактом, мы, возможно, искадим одну из характерных особенностей мировоззрения Халкокондила. О допущенной им ошибке надо говорить в комментариях или в статьях, но сам текст в этом месте должен остаться неприкосновенным.

В связи с первой конъектурой надо рассматривать и следующую: *καὶ τὴν τοῦ Μουσῶν βασιλείως θυγατέρα ἠγάγετο ἐπὶ τῷ παιδί αὐτοῦ Ἀνδρόνικῳ, ἀφ' ἧς ἐγένοντο αὐτῷ παῖδες, πρεσβύτερος μὲν Ἀνδρόνικος, Δημήτριος δὲ καὶ*

Ἐρμανουῆλ, οἱ νεώτεροι, καὶ Θεόδωρος. (Боннское издание 38.12; изд. Е. Дарко: 1, 34.15).

В этом месте текста опять говорится об императоре, его семейных делах и именах его сыновей, т. е. опять повторяется ситуация, аналогичная предшествующей. Но в этом случае В. Греку видит уже более крупное искажение текста. Он считает, что перед ἀφ' ἧς выпало несколько слов о жене Иоанна Палеолога, от которой у него было четыре упоминаемых Халкокондилом сына. В редакции, принятой Е. Дарко, получалось, что эти четыре брата были сыновьями не Иоанна, а его старшего сына Андроника. Это не соответствует действительности, поэтому В. Греку предлагает поставить после παῖδες не запятую, как это делает Е. Дарко, а точку с запятой, чтобы „по возможности яснее показать“, что в дальнейшем речь идет о сыновьях именно Иоанна. Против пунктуации, предлагаемой В. Греку, возражать незачем, но совершенно не обязательно считать, что перед словами ἀφ' ἧς не хватает нескольких слов о жене Иоанна, тем более что, судя по критическому аппарату Е. Дарко, никакой лакуны в этом месте текста нет. Очень важно имеющееся в том же аппарате свидетельство некоторых рукописей, в которых после παῖδες стоит δύο:⁴³ Чтение этих рукописей уже ясно показывает, что в дальнейшем речь пойдет не о детях Андроника. Поскольку же в рассказе о женитьбе Андроника не сказано, которым именно сыном Иоанна он был, об этом говорится дальше. Халкокондил пишет: „Старший — Андроник, Димитрий и Мануил — младшие, и Феодор“. Логическое ударение в этом предположении падает на слово „старший“, т. е. подчеркивается, что Иоанн женил наследника престола. Таким образом, это предложение указывает не столько на то, что у Иоанна было четыре сына, сколько на то, что женил он старшего, т. е. наследника, и что у него, кроме Андроника, были еще сыновья.

ἔστι πόλις καλέση οὕτω καλουμένη (Боннское изд.: 89.12; изд. Е. Дарко: 1.83.13).

Название города Calais в рукописях дается в форме Καλέδη. Только на полях одной из них оно написано в форме Καλές. В издании Е. Дарко принято написание Καλέση. В. Греку предлагает вместо рукописной формы Καλέδη писать Καλή δῆ, хотя сам признает, что δῆ здесь мало подходит и допустимо только с учетом особенности манеры письма Халкокондила. Что касается варианта, предложенного Е. Дарко, то он основан, по-видимому, на переходе имен собственных третьего склонения на-ης в форму первого склонения на -η. В предлагаемой форме Καλέση Е. Дарко пытается, вероятно, учесть французское написание этого имени и современную эпоху форму склонения. Но в этом отношении более удачной было бы чтение Καλές. Предложенный В. Греку вариант Καλή δῆ представляется наименее удачным.

... Λιτουάνους, γένος (Боннское изд.: 131.1; изд. Е. Дарко: 1.122.6).

Предлагаемая В. Греку точка с запятой после Λιτουάνους — лишняя, γένος есть приложение к слову „сарматы“⁴⁴. Последние причислялись Халкокондилом к иллирийцам, под которыми в данном случае он понимает славян вообще⁴⁵. Кроме того, нельзя отнести это слово к Λιτουάνους еще и потому, что на странице 134,11 (Боннское издание) Халкокондил ука-

⁴³ Laonicus Chalkokandylla... emendavit Eugenius Darkó, pars I, p. 34.

⁴⁴ „Сарматами“ Халкокондил называет русских.

⁴⁵ „Иллирийцами“ Халкокондил называет в широком смысле слова славян вообще, в узком — боснийцев.

зывает на принадлежность литовцев к другой языковой группе, чем сарматы. Поэтому изменять здесь пунктуацию, принятую Беккером и Е. Дарко, не стоит.

βασιλεὺς δὲ ὁ Μεχμέτης τὴν δευτέραν ἔτι μετὰ τὴν Βυζαντίου αἴρεσιν ἐστρατεύετο ἐπὶ Τριβάλλους (Боннское издание: 414.12; издание Е. Дарко: 2.176.20).

В. Греку видит ошибку в τὴν δευτέραν, так как поход против сербов, предпринятый после взятия Константинополя, был не вторым, а первым походом турок против них. Считая его вторым, приходится допускать большую натяжку, принимая за первый поход турок после взятия города поход Турахана против восставших в Пелопоннесе албанцев.

В. Греку правильно указывает на трудность понимания этого места. Понять его можно следующим образом. После взятия Византия, царь Мехмет отправился еще во второй (после похода Турахана против албанцев осенью 1454 г.) поход, (а именно в поход) против Трибаллов. При таком понимании этого места уничтожается та искусственность, о которой говорит В. Греку.

τὸ δὲ ἐντεῦθεν ἤδη δο ταῦτα μὲν ἐς τοσοῦτον ἐγένετο (Боннское издание 494.1—497.3; изд. Е. Дарко: 2.246.19—248.24).

Этот текст всегда считался интерполяцией. На это есть уже указание на полях подлинных рукописей. В. Греку считает, что данный отрывок — не интерполяция, а подлинный текст Халкокондила. Он мотивирует это тем, что этот отрывок, во-первых, хорошо связан с предшествующим текстом, а, во-вторых, по языку не отличается от основного текста. То обстоятельство, что данный отрывок служит непосредственным продолжением предшествующего текста, еще не доказывает его подлинность, тем более что и продолжение этого текста⁴⁶, которое В. Греку также признает за интерполяцию, непосредственно связано с предыдущим. Что же касается языка, то считать его идентичным тому, на котором написана «История», невозможно. Предложения длиннее, тяжелее, нет тех простых слов, которые в основном тексте повторяются со стойким однообразием. Наоборот, слова, употребляемые в основном тексте не так часто, идут в разбираемом отрывке подряд. Но самое главное отличие этого текста, признаваемого В. Греку интерполяцией от основного, заключается в том, что в нем встречаются слова⁴⁷, которых совершенно нет в основном тексте. Таким образом, с пересмотром общепринятого взгляда на данное место текста согласиться нельзя.

⁴⁶ Chalc., p. 497.3—498.21.

⁴⁷ πρωτοβεστιάριος, πανσεβάστος и др.

С. А. КАУФМАН

ИЗ ИСТОРИИ СОФИИ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ

Один из величайших памятников мировой архитектуры, София Константинопольская, был, как известно, обращен в мечеть и потому оставался почти не исследованным до 30-х годов XX в. Произведший ценнейшую реставрацию Софии сотрудник русского посольства в Стамбуле Фоссати и привлеченный им Зальценберг, имевшие возможность изучать памятник в середине XIX в., мало способствовали выяснению сложных вопросов, связанных с его постройкой и многократными восстановлениями и перестройками. Напечатанные в те времена зарубежные монографии не были основаны на углубленном изучении памятника и сравнительно мало останавливались на истории его возникновения. Наиболее интересные высказывания об историческом развитии Софии и об объективной ценности разновременных добавлений можно найти в работах русских исследователей византийского искусства Кондакова, Вульфа и Шмидта, но и они вынуждены были довольствоваться лишь предположениями.

Только со времени секуляризации (1934—1935 гг.) и обращения в музей в Софии Константинопольской был, наконец, организован ряд специальных исследований, раньше всего — мозаик. В 1935 г. Шнейдер обследовал субструкцию атрия и более ранние постройки под ним, а в 1937—1941 гг. Эмерсон и Найс детально обмерили само здание Софии и исследовали некоторые из конструкций, главным образом образом большой купол и его опоры; возможность сделать вскрытия была для них ограниченной, так что пришлось довольствоваться подробным изучением случайно обнажившихся конструктивных частей. Позднее, уже во время войны, новый ряд исследований был предпринят музеем Софии; хотя их руководитель, бывший директор этого музея Рамазаноглу, и работал в гораздо более благоприятных условиях, но результаты его вскрытий опубликованы небрежно, а очень смелые предположения автора получили совершенно отрицательную оценку и не вошли в науку.

Исследования Эмерсона и Найса получили частичное истолкование у Конента, который занимался главным образом теми сложными проблемами, которые должны были вставать перед строителями в связи с грозившими катастрофой громадными деформациями, возникшими в предельно и преждевременно нагружавшихся каменных конструкциях. Конент¹ опубликовал только очень короткие статьи; но его подробные подсчеты и соображения были изложены уже в 1940 г. в монографии

¹ K. J. Conant. Заметка в *American Journal of Archaeology* (далее: AJA), 1939, p. 589; *idem*. The first dome of H. Sophia and its rebuilding. *Bulletin of the Byzantine Institute* (далее: BBI), VI, 1946, p. 71—78.

Свифта², получившей широкую известность. О публикации подробнейших обмеров, сделанных до войны Эмерсоном и Найсом, мы до сих пор не знаем; только часть их исследований изложена в специальной статье, опубликованной в 1943 г.³, а позднее (в более популярной форме и несколько шире) — в 1951 г.⁴ Хотя и появившиеся после монографии Свифта статьи Эмерсона и Найса содержат первичный, наиболее значительный материал, фактически это первое научное исследование деформации в сохранившихся до нашего времени частях первой юстиниановой Софии и последовательных обрушений и реставраций второй.

Исходя из предположения, что постройка велась вместо совершенно сгоревшей церкви Феодосия и в чрезвычайно короткие сроки — менее 6 лет (532—537 г.), — Эмерсон и Найс, Конент и Свифт рисуют следующую картину.

О первом куполе известно фактически только то, что он был более плоским, чем второй, части которого дошли до нас в существующей до сих пор конструкции. Из этого следует, что первый купол был еще более невыгоден в статическом отношении, чем известный нам. Вопрос о причинах обрушения первой Софии может быть отчасти выяснен даже и при почти полном отсутствии данных о самом куполе. Есть основания думать, что деформация столбов началась даже ранее, чем был возведен купол⁵. О неблагоприятии уже в процессе постройки, а именно — в главных пилонах, сообщает Прокопий⁶. Сама дошедшая до нас постройка красноречиво свидетельствует о целом ряде ошибок, допущенных как в проекте (если успели его составить), так и при производстве работ; важнейшая из них — чрезмерная быстрота, из-за которой раствор в толстых швах кирпичных конструкций еще не успевал приобрести достаточную крепость, когда кладка уже получала огромную, часто предельную нагрузку⁷.

Четыре главные пилонна прямоугольных в плане купольных сооружений обычно проектируются симметричными по отношению к диагоналям подкупольного квадрата, так как именно в этих условиях пилоны наилучше противостоят распору парусов, направленному по их осям, т. е. под 45° к осям квадрата. Поэтому пилонам обычно придают форму квадрата или квадрата с двумя выступами. В Софии же главные пилоны имеют не только сложную, но еще и сильно удлиненную форму (рис. 1), которая очень хорошо отвечает задуманной осевой композиции внутреннего пространства (рис. 2), но отнюдь не способствует устойчивости здания⁸. Кроме того, небольшое сечение столбов уменьшено на целую треть на уровне галереи, т. е. как раз там, где пилоны воспринимают громадную нагрузку парусов и подпружных арок: они прорезаны сводчатыми проходами⁹, а верхние полукруглые колоннады удлинены за счет их сечения. Удлинение верхних колоннад эксцентрисов содействовало освещенности углов и

² E. H. Swift. *Hagia Sophia*. New York, 1940.

³ W. Emerson, R. L. Nice. *H. Sophia*, preliminary report of a recent examination of its structure. *AJA*, vol. XLVIII, 1943, № 4, p. 403—436 (далее: Emerson—Nice, 1943).

⁴ W. Emerson, R. L. Nice. *H. Sophia*. *Archaeology*, IV, 1951, p. 94—103 и p. 163—171 (далее: Emerson—Nice, 1951).

⁵ Emerson—Nice, 1951, p. 63; K. J. Conant, *BVI*, VI, p. 74.

⁶ Прокопий. О постройках, I, 1. ВДИ, 1939, № 4.

⁷ При обычной в кладке V—VI вв. толщине швов больше, чем толщина рядов кирпича.

⁸ O. H. Strub-Roessler. *Die Hagia Sophia*. *BZ*, 42, 1942, p. 158—177; Emerson—Nice, 1951, p. 100.

⁹ Emerson—Nice, 1951, p. 100 и рис. 10; E. H. Swift. *Op. cit.*, tab. II (план II этажа); назначение этих проходов сейчас совершенно непонятно, так как они ведут к самому краю галерей.

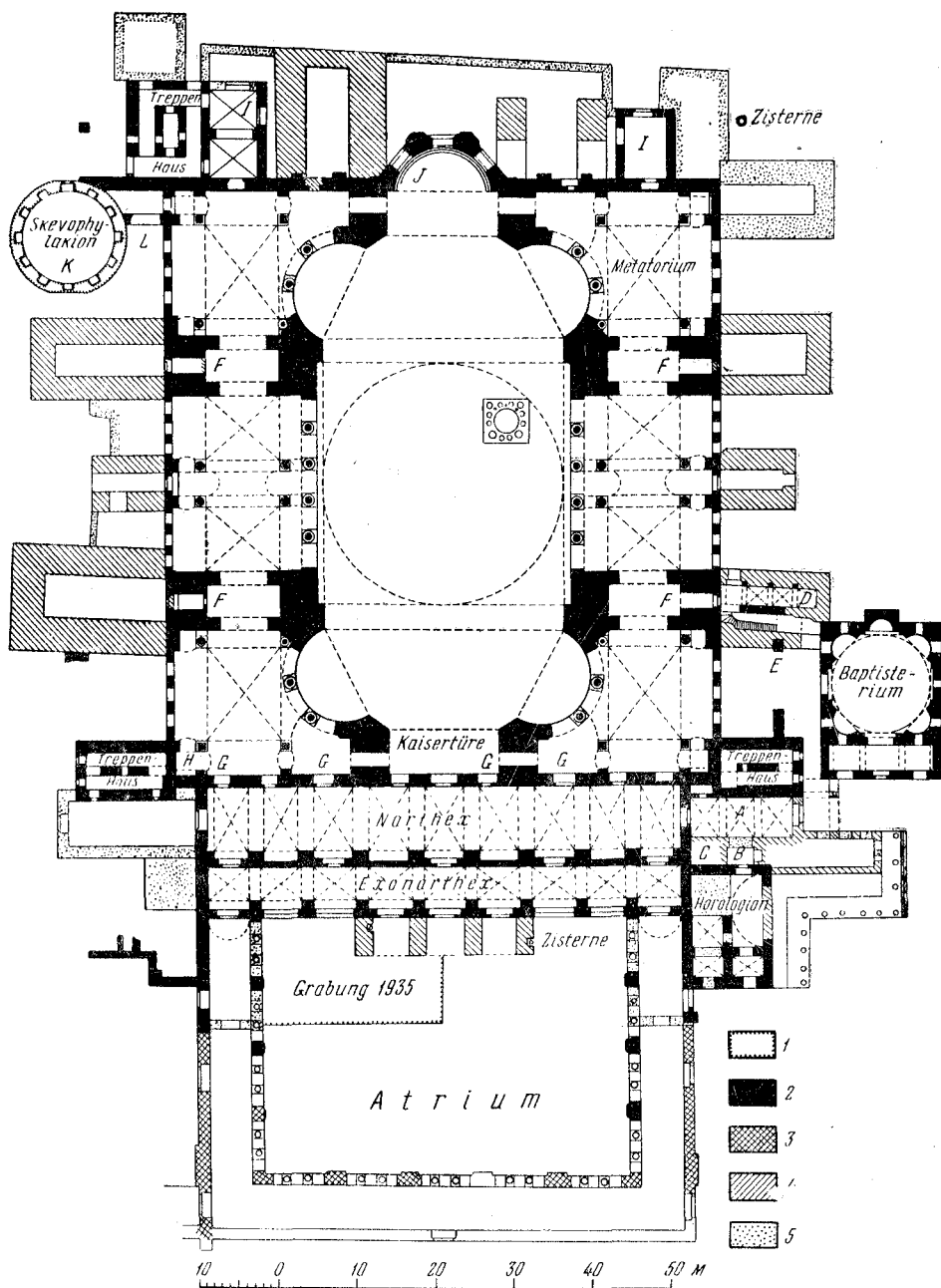

Рис. 1. София. План первого этажа по Антониади с добавлением Шнейдера (литерные обозначения по Рамазаноглу)

1 — доюстиниановский период; 2 — юстиниановский период (сохранившиеся части здания);
 3 — юстиниановский период (фундаменты); 4 — средне- и поздневизантийский период;
 5 — турецкий период.

придало интерьеру большую легкость; однако такое удлинение, вместе с устройством как раз на том же уровне сводчатого прохода, не могло не повлиять отрицательным образом на устойчивость всего здания. Все эти

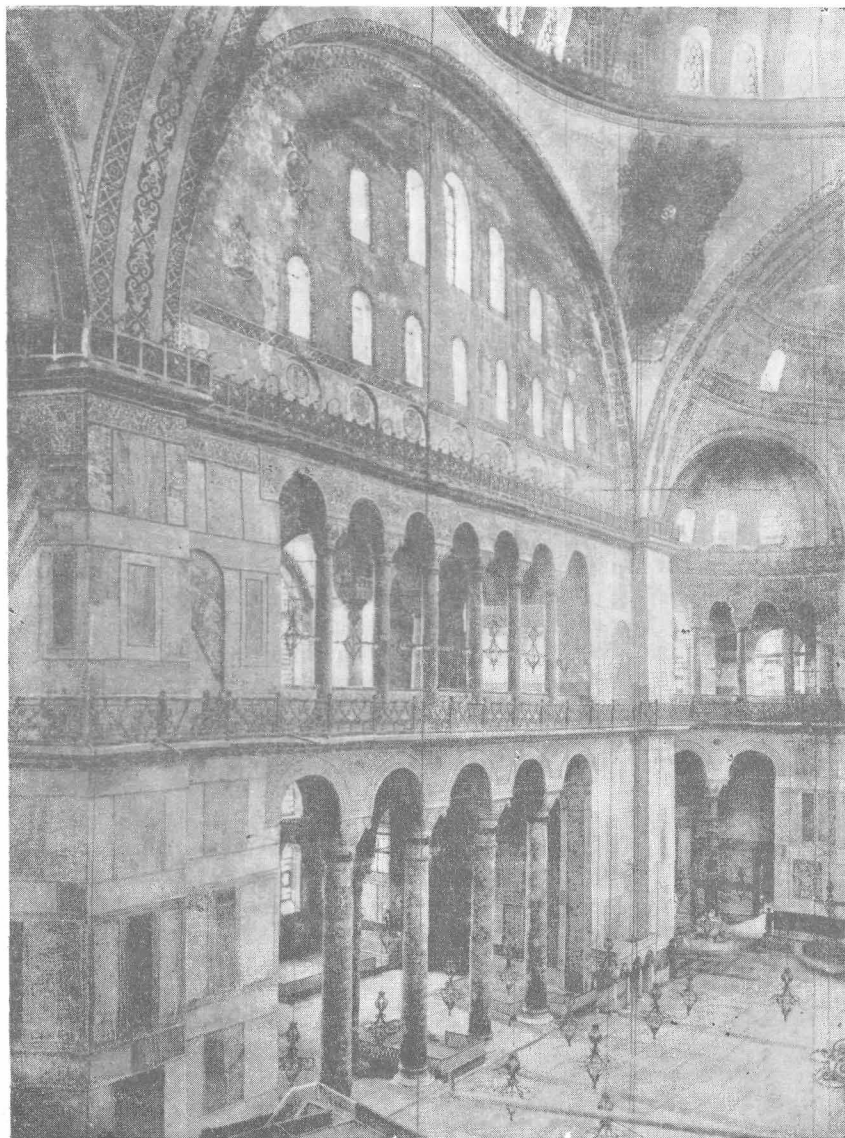

Рис. 2. Интерьер Софии после снятия щитов и ковриков. На первом плане слева Ю.-В. пилон с декоративной аркой на уровне галереи

обстоятельства должны были привести к значительной деформации едва возведенных несущих конструкций уже от собственного их веса и от распора подпружженных арок и парусов¹⁰. Когда же был водружен еще и ку-

¹⁰ Конент (ВВІ, VI, р. 74) считает, что уже первый купол воздвигался на неквадратном плане.

пол, то вертикальная нагрузка и направленный по диагонали подкупольного квадрата горизонтальный распор еще значительно возросли, а деформация еще увеличилась. Сами пилоны, сложенные в нижней своей части из больших блоков твердого известняка с тонкими швами раствора, а в верхней — со свинцовыми прокладками в наиболее ответственных местах¹¹, хорошо противостояли громадной нагрузке: швы в них и мраморная облицовка нигде не разошлись. Каждый из пилонов, по-видимому, сохранил свою монолитность, но их верхние концы стали постепенно расходиться под влиянием неравномерного распора (см. рис. 3).

Казалось бы, строители могли смело опереть свой тяжелый купол на эти пилоны, стоявшие прямо на материке. Однако они не учли, и не могли учесть по уровню знаний того времени, что материк этот оказался слабее, чем ставшая монолитной кладка столбов¹². Под громадным давлением пилонов более слабый материк стал деформироваться, т. е. давать осадку; а так как пилоны были преждевременно, до окончания осадки в материке, нагружены еще и горизонтальным распором от подпружных арок и парусов, который не компенсировался соответствующей формой пилонов и других конструкций, то материк подвергался давлению не только чрезмерному, но еще и неравномерному; поэтому скала стала садиться под наружными кромками пилонов значительно сильнее, чем под внутренними¹³. Столбы стали наклоняться верхними концами наружу и разошлись настолько (на 0,65 м на высоте 23 м от пола¹⁴), что купол должен был бы упасть сразу; удивительным следует считать, по мнению Эмерсона и Найса, не то, что он упал, а то, что он продержался еще несколько лет: расхождение пилонов, на которых он покоился, т. е. их отклонение от вертикали, все росло, и основание купола тем самым увеличивалось в своих размерах. По соображениям Эмерсона и Найса, здания, поставленные на материк, обычно хорошо противостоят сейсмическим толчкам; выдержала бы их и София, если бы ее конструкция не была так близка к обрушению. Но и без того неблагоприятное равновесие, державшееся, так сказать, «на честном слове», не могло не быть нарушено вибрациями, сопутствовавшими землетрясению, и первый купол вскоре обрушился (558 г.)¹⁵.

Традиция, усматривающая в Софии чудо статического равновесия, считает причиной как первого, так и последующих ее обрушений — землетрясения. А между тем достаточно обратить внимание на то, как сильно отклонены пилоны теперешней Софии от вертикали, представленной подвесками ламп, чтобы понять, в каком угрожаемом положении она находилась в период, пока деформации не закончились.

На характер деформаций очень неблагоприятно влияло еще и то обстоятельство, что четыре подпружные арки работали (и работают) в совершенно различных условиях: распору восточной и западной больших арок, пилоны противостояли хуже, чем распору боковых, меньших арок, действовавшему в том направлении, в котором пилоны вытянуты. Поэтому совершенно естественно, что сами пилоны наклонялись не по диагоналям квадрата, а значительно отклонялись от этих диагоналей

¹¹ Еще недавно считалось, что указание Прокопия на свинцовые прокладки фантастично (Swift. Op. cit., p. 51). Но исследования Эмерсона и Найса указали на их наличие, однако не везде, а только в наиболее ответственных местах (Emerson—Nice, 1951, рис. 10).

¹² Emerson—Nice, 1943, p. 411—412; 1951, p. 103.

¹³ Emerson—Nice, 1943, p. 413 и рис. 6.

¹⁴ Emerson—Nice, 1951, p. 164.

¹⁵ Конент (BVI, VI, p. 74) считает, что купол был попросту разобран как ставший угрожаемым.

(рис. 3). Следствием такого отклонения явилась неодинаковость первоначальных деформаций в продольном и поперечном направлениях и, в конечном счете, неквадратная форма подкупольного пространства на том уровне, где покоится купол. Отсюда громадные трудности, возникшие перед Исидором Младшим при восстановлении Софии после обрушения в 558 г. Отсюда и трехкратное обрушение именно восточной и западной арок.

Подкупольное пространство, которое должен был покрыть новым куполом Исидор Младший, оказалось не квадратным, а довольно значи-

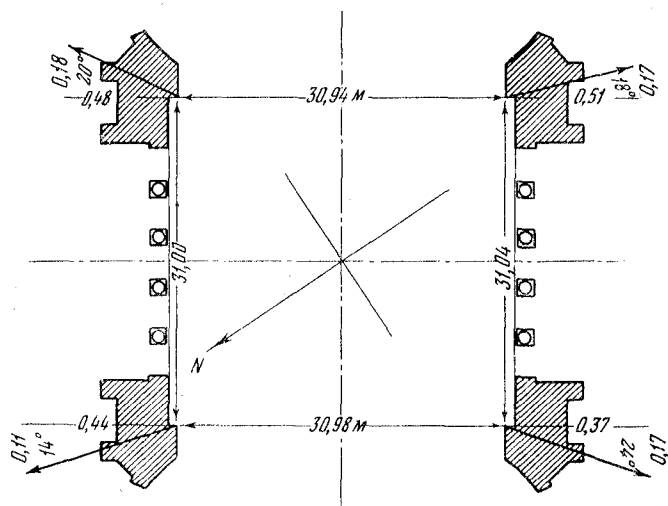

Рис. 3. София. План пилонов купола с показом их смещений; размеры смещений даны на уровне пят подпружных арок (по Эмерсону и Найсу, 1943)

тельно вытянутым в поперечном направлении. Такая неправильность была неприемлема для геометрически мыслящих заказчиков, художников и зрителей. Нужно было значительно расширить боковые подпружные арки от пят к замку. Постепенно расширять арки, не сломав их целиком (предположение Конента¹⁶), было технически невозможно (мнение Свифта¹⁷). Вместе с тем полная замена старых арок новыми противоречила бы той строгой экономии, которую строители были принуждены соблюдать во всем, кроме великолепного декора. Наиболее вероятным кажется поэтому предположение¹⁸, что строители, по-видимому, принуждены были пойти на компромисс, разобрав только верхние части северной и южной арок и расширив только эти, вновь сооружавшиеся их части: об этом свидетельствует некоторый перелом в кривой боковых подпружных арок, который почти не заметен снизу, т. е. для большинства зрителей, а потому мог быть допущен из соображений экономии. Небольшое, незаметное для глаза отклонение от правильного круга было допу-

¹⁶ Изложено у Свифта.

¹⁷ E. H. Swift. Op. cit., p. 162, n. 209.

¹⁸ Emerson—Nice, 1943, p. 426, n. 38; p. 428. Хотя обмера подпружных арок сделать и не удалось, но на фото арки кажутся изломанными (см. Свифт, табл. XXIII и XVI; A. M. Schneider. Die Kirche Hagia Sophia zu Konstantinopel. Berlin, [1939], tab. 23). Позднее к этой мысли присоединился и Конент (BVI, VI, p. 75).

щено и в куполе, так что его разбивка представляла значительные трудности.

О том, с какой тщательностью производилась разбивка нового купола Софии, свидетельствует разметка его ребер, нанесенная на мраморные блоки карниза у его основания. Эта разметка наводит на мысль о личном наблюдении Исидора Младшего и свидетельствует о живучести древних строительных традиций и о громадном внимании к геометрической правильности построек. Само исполнение карниза из ровных, плотно пригнанных блоков, гораздо тщательнее, чем карниза в нефе, который явно восходит к постройке Анфимия и Исидора Старшего. Исидор Младший имел возможность проявить к порученной ему работе большее внимание, чем его дядя и более поздние реставраторы X и XIV вв.¹⁹

Интересно и применение материалов. В то время как весь кирпич старых частей Софии однороден и схож с кирпичом в других одновременных зданиях столицы, самые ответственные конструкции, в частности подпружные арки, сложены из громадных квадратных плит (70 см × 70 см), совершенно отличных от остального кирпича не только по размерам, но и по составу теста и по обжигу²⁰. Здесь, по-видимому, были применены римские кирпичи, изготовление которых прекратилось задолго до постройки Софии и которые совершенно неизвестны в других византийских сооружениях. Приходится предполагать, что кирпичи выбирали из полуразрушенных римских зданий, а возможно, иногда и разрушали их, чтобы добыть драгоценный кирпич большого размера и прекрасного качества. Этот прием был повторен и при последующих реставрациях; собирать древние кирпичи делалось все труднее, а потому в конструкциях XIV в. применены не только целые кирпичи, но и совсем небольшие их куски: вера в крепость древних кирпичей продолжала жить даже в XIV в., когда вряд ли даже знали, откуда они происходят.

Дошедший до нас второй купол Софии, как все другие ее своды, состоит не из терракотовых трубок²¹ и не из легких блоков, как часто указывается на основе неверного утверждения позднего автора, так называемого Анонима Бандури²². В действительности купол сложен из кирпича толстыми швами²³, т. е. кладкой, наиболее обычной в константинопольских

¹⁹ Emerson—Nice, 1943, p. 436; 1951, p. 165—166.

²⁰ Emerson—Nice, 1951, p. 102, 168, 170. Павел Силенциарий обращает особое внимание на эту особенность подпружных арок (plinthoi) — по W. R. Lethaby, H. Swainson. The church of s. Sophia, Constantinopl. A study of Byzantine Building, 1894, p. 41.

²¹ Своды и купола с каркасом из терракотовых, специально приготовленных и полых трубок получили развитие и широкое распространение в Западной части Римской империи; из них сложены покрытия многих гражданских и культовых сооружений, в частности купол Сан Витале в Равенне. Неверно очень распространенное указание, будто бы эти покрытия исполнены из амфор (Swift, p. 230, p. 165, со ссылкой на Антониади), или из трубок, сложенных непрерывной спиралью (ibid., p. 231, со ссылками на Джексона и Ривойра). Аналогичное неверное указание у Шуази и многих других авторов. В действительности все известные до сих пор купольные конструкции из трубок исполнены не спиралью, а замкнутыми двойными кольцами. Конструкция из терракотовых трубок до сих пор не обнаружена ни в одном из памятников Восточной империи; нет ее и в куполе Софии. Вопросу о применении в строительстве терракотовых трубок посвящается специальная работа автора.

²² W. Salzenberg. Althristliche Baudenkmale von Constantinopel. Berlin, 1854, S. 19. О блоках первого купола, в 12 раз более легких, чем кирпич, сообщает Аноним Бандури (I, IV, p. 73); Кедрин (Вопнае, p. 140) дает отношение веса 1:6. О втором куполе Аноним тоже говорит, что он сложен из легких белых кирпичей (I, IV, p. 78) — ссылки по Свифту, op. cit., p. 162, n. 211; p. 165, n. 229).

²³ По Зальденбергу (ibidem), швы купола тоньше или равны толщине самих кирпичей. Согласно другим авторам (Lethaby—Swainson. Op. cit., p. 159; Swift. Op. cit., p. 165), швы немного толще, чем кирпичи.

постройках V и VI вв. Такой купол из радиально направленных кирпичей не мог быть ни исполнен, ни восстановлен без жесткой опалубки²⁴. Деревянный настил в пятах купола должен был служить для разбивки кривой²⁵.

Оболочка второго купола имеет толщину около 60 см; вес купола еще утяжеляется ребрами, которые выступают и внутрь и наружу. Кроме того, ребра воспринимают значительную нагрузку от свинцовой кровли и от деревянной конструкции, передающей вес кровли на ребра и выравнивающей наружную поверхность так, что ребра не видны на фасаде.

В этом устройстве кровли сказалось промежуточное положение Софии на рубеже двух эпох. Строители древнего Рима, имевшие неограниченные резервы рабской силы, создавали громадные инертные массы, которые с избытком поглощали распор сводов; и все же римляне заботились об облегчении куполов большого размера: прекрасным примером может служить римский Пантеон, в котором верхняя часть купола сложена на легчайшем балласте из немзового камня²⁶. Поэтому римляне могли без риска опирать металлическую и даже черепичную кровлю непосредственно на своды и купола, выявляя их форму в силуэте.

Средневековые строители, принужденные экономить материал и рабочую силу, делали своды легкими и стремились уменьшить мертвую массу опор. Они укладывали кровлю не на своды, а на особую, совершенно самостоятельную стропильную конструкцию. Вертикальная нагрузка несколько увеличивалась (на вес деревянных стропил и обрешетки), но вся вертикальная нагрузка от кровли приходилась непосредственно на опорные части и не способствовала увеличению горизонтального распора. Поэтому средневековые здания Запада²⁷ почти неизменно покрывались скатной кровлей.

Авторы Софии Константинопольской имели, вероятно, задание — чтобы купол был виден не только изнутри, но и снаружи; ведь сферической форме придавалось тогда особое, символическое значение. Поэтому тяжелой кровле из свинцовых плит придана форма, непосредственно следующая за кривизной купола. Строители понимали, что такую нагрузку нельзя опереть на относительно тонкую оболочку купола; поэтому они ввели деревянную конструкцию, передающую вес свинцовых плит не на оболочку, а на ребра купола²⁸. Но они не учли, что ни вес, ни распор купола при этом ничуть не уменьшились. В его основании не было кольцевых связей, которые могли бы погасить распор купола и которые устраивались во всех высоко поднятых более поздних куполах (таковы двойные купола Брунеллески над храмом Св. Марии дель Фиоре во Флоренции и Микельанджело над собором Петра в Риме)²⁹. В Софии же распор купола, еще возросший из-за тяжести свинцовой кровли, не погасался в древности кольцевой связью, а передавался массивным парусам и добавлялся к их собственному, и без того громадному распору.

²⁴ Emerson—Nice, 1943, p. 429, n. 40; Conant. BBI, VI, p. 76; Swift, p. 165—166, против A. Choisy. L'art de bâtir chez les byzantins. Paris, 1883, p. 66.

²⁵ Emerson—Nice, 1951, p. 165.

²⁶ G. Giovannoni. Volte romane e volte bizantine. Atti del V Congresso internazionale di Studi bizantini, 1936, t. II (1940), p. 135; Enc. It., XXVI, 1935, Panteon, Alb. T(erenzio).

²⁷ Кроме крытых куполами, представлявших исключение.

²⁸ E. H. Swift. Op. cit., p. 167—168.

²⁹ Записка Брунеллески. Atti del I Congresso Nazionale di Storia dell'architecture, 1936 (Firenze, 1938), I, p. 50; о соборе Петра в Риме см. Emerson—Nice, 1951, p. 166.

Главные пилоны, как уже указывалось, не могли противостоять этому распору; отвечающие им столбы у боковых стен тоже приносили мало пользы, так как они не компенсировали диагонального распора парусов. Можно думать, что первоначально эти столбы имели меньшую высоту и что только в процессе работ, когда они стали отклоняться вместе с пилонами³⁰, их довели до основания купола, думая при помощи поперечных

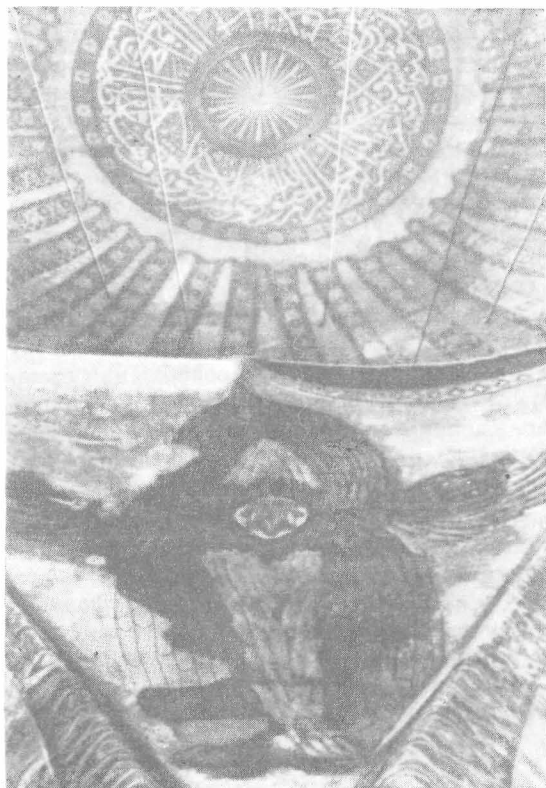

Рис. 4. София. Искажение С.-В. паруса (вид с карниза на уровне пят подпружных арок)

стен создать из них подобие контрфорсов, имеющих столь внушительный вид снаружи и решающим образом влияющих на весь внешний облик Софии. Однако, не имея ни соответствующей массы, ни специальной системы аркбутанов, они оказались тоже недостаточными. Эти обстоятельства еще ухудшили условия равновесия, и любой сейсмический толчок мог привести Софию на грань обрушения; отсюда еще две катастрофы, губившие каждый раз значительную часть здания³¹, и ряд других, менее значительных разрушений.

После обрушения в X в. западной части купола храм восстанавливал армянский архитектор Трдат; произведенные им работы выполнены весьма тщательно; он в значительной мере усилил несущую купол конструкцию и наружные контрфорсы самого купола. Ему удалось сделать почти незаметным сопряжение с частью купола, сохранившейся от Исидора Младшего.

Совсем иной характер носит восстановление восточной части, осуществившееся после землетрясения 1344 г. и обрушения купола, произошедшего в 1346 или 1347 г. Условия политического и экономического кризиса отразились самым явным и неблагоприятным образом на этой реставрации³². Восточная часть купола значительно отличается от более ранних: ребра в ней кривые, поверхность оболочки смята. Северо-восточный парус, часть которого упала вместе с куполом, получил при реставрации заметную даже простым глазом выпуклость, переходящую наверху в излом³³

³⁰ Emerson—Nice, 1951, p. 103; Swift. Op. cit., p. 158.

³¹ Подробно у Emerson—Nice, 1943 и 1951. Обрушивались каждый раз восточная или западная арка, находящиеся в наиболее опасном положении из-за вытянутой формы пилонов.

³² Известно, что средства на нее собирал в России греческий священник из Константинополя, так как Византийское государство уже не в состоянии было реставрировать замечательнейший памятник.

³³ Emerson—Nice, 1951, рис. 12, 15 и 16.

(рис. 4). Тем не менее эта грубая починка оказалась долговечной; с тех пор не было уже таких катастрофических обрушений, как в VI, X и XIV вв.

В каком-то периоде, скорее всего именно при реставрации XIV в., София была укреплена диагональными аркбутанами, которые поднимались до самого купола³⁴, они были, вероятно, сооружены западными мастерами, знавшими способы компенсировать горизонтальный распор. Эти аркбутаны существовали до реставрации, проведенной в середине XIX в. архитектором русского посольства Гаспаро Фоссати. Их уничтожили как чуждый элемент, не отвечающий образу Софии; вместо аркбутов у основания купола ввели кольцевую металлическую связь³⁵, скрытую от зрителей и значительно улучшившую условия равновесия. О необходимости элемента, компенсирующего распор купола, будь то аркбутаны средних веков или металлическое кольцо XIX в., может свидетельствовать хотя бы то обстоятельство, что в Софии не было значительных повреждений с тех пор, как эти меры были приняты.

* *
*

Уже много лет назад, в 1884 г., Кондаков предположил, что указания древних авторов о будто бы полной гибели феодосиевой Софии при пожаре 532 г. не нужно понимать буквально и что остатки старой Софии следует искать в Софии юстиниановой, привлекая углубленный анализ одновременных ее элементов и рассматривая памятник критически, в его историческом развитии, не утаивая слабых его сторон³⁶.

При установлении тех построек, которые предшествовали Софии, на помощь приходит также Милле, подобравший тексты для истории юстиниановой церкви задолго до того, как стало возможным непосредственное углубленное изучение памятника³⁷. Возобновив более чем через 20 лет эту работу³⁸, Милле пришел к следующим выводам: Константин построил небольшие церкви Ирины и Апостолов, а для Софии он только выбрал

³⁴ E. H. Swift. Op. cit., p. 163—164 и п. 222; tab. XVIII и XIX, p. 167. Свифт считает, что контрфорсы добавлены во времена Латинской империи, т. е. в XIII в.; нам кажется более вероятным, что это было сделано при реконструкции XIV в., в которой принимал участие итальянец Перальта; если бы они существовали с XIII в., то, вероятно, могли бы предупредить разрушение XIV в., как они предупреждали их позднее. Знаменательно, что сходный метод был применен при романской реконструкции Сан-Лоренцо в Милане, законченной в начале XIII в.; там диагональными контрфорсами служили угловые башни. Романские мастера, подняв новый купол на высокий барабан, связали его с этими башнями при помощи диагональных аркбутов — см. G. Chierici in La basilice di San Lorenzo in Milano. Milano, 1951, p. 101—103; 150—152; рис. 22, 24 и 47; табл. XXVIII/в и XXXI/в. Там аркбутаны уничтожены при реконструкции XVI в.

³⁵ О значении работ Фоссати см. C. Fossati. Aya Sofia. London, 1852, p. 2; Salzenberg. Op. cit., p. 20. E. H. Swift. Op. cit., p. 164; A. M. Schneider. Die Kirche Hagia Sophia, S. 6, 31.

³⁶ Н. Кондаков. Византийские церкви и памятники Константинополя. Труды VI Археологического съезда в Одессе, т. III. 1887, стр. 110—112.

То же у О. Вульфа, ВВ, V, СПб, 1898, стр. 215: „найти следы старой Софии в новой — задача будущих исследований“.

³⁷ F. Millet. La coupole primitive de S-te Sophie. Revue belge de philologie et d'histoire, 1923 (по Swift. Op. cit., p. 154).

³⁸ G. Millet. S-te Sophie avant Justinien. Miscellanea G. Jerphanion, II, Orientalia christ. periodica, vol. XIII, III—IV, 1947, p. 597—612.

место, определил ориентацию и едва начал постройку, завещав сыну ее завершение³⁹.

Поражавшая великолепием пятинефная «Большая церковь» Констанция, названная позднее, но тоже в IV в., Софией⁴⁰, дважды обрушивалась, а в 404 г. горела. Уже ранее Феодосия II в ней был купол, и притом купол относительно массивный, по-видимому, каменный. Милле считает, что «базилика Феодосия» была фактически лишь третьим восстановлением базилики, построенной при Констанции и уже дважды реставрировавшейся до пожара 404 г.⁴¹ Кондаков уже гораздо раньше приводил и указание Феодана о куполообразной церкви Констанция и Анонима о том, что София, переделанная Руфином, была сводчатой базиликой; на этом основании Кондаков допускал, что старая София уже была сводчатой⁴².

Милле думал, что эту базилику следует искать непосредственно за портиком, открытым Шнейдером под атрием юстиниановой Софии⁴³. Однако если принять во внимание условия местности, то такое предположение должно внушить некоторые сомнения. Крутой откос мешал возведению атрия перед Софией; при Юстиниане он был устроен, но для этого понадобились субструкции высотой в 7 м⁴⁴ у западного края. Базилика, реконструируемая Милле на основании источников, вряд ли могла лежать непосредственно за портиком, который открыл Шнейдер. Предположение Милле отвечало состоянию работ 10 лет назад, когда «портик Шнейдера» был единственным известным зданием, предшествовавшим Софии Юстиниана; в настоящее время положение дела несколько изменилось⁴⁵.

Здесь нам необходимо обратиться к работам турецкого археолога М. Рамазаноглу. В период 1945—1950 гг. раскопки велись под полами Ирины и Софии, на пространстве между ними и был сделан глубокий раскоп около Ирины. Будучи директором музея Софии, Рамазаноглу имел возможность вскрыть в нескольких точках пол юстиниановой Софии (рис. 5 и 6); эти вскрытия сделаны в зоне главного входа и примыкающих полукружий. Рамазаноглу изучал также столбы у наружных стен и ряд помещений, переходов, заделанных дверей и ниш, в особенности в юго-западном углу Софии, между баптистерием и горологием (см. рис. 1). Хотя Рамазаноглу и утверждает, что их нет ни на одном из планов Софии, но эти помещения показаны и на прекрасном старом плане Проста⁴⁶ и на плане Свифта, где они обозначены как «добавления неизвестного времени»⁴⁷. При исследовании этих помещений и зондажей Рамазаноглу собрал новые сведения как о предшествовавших теперешнему зданию постройкам, так, по-видимому, и о самой юстиниановой Софии⁴⁸.

³⁹ G. Millet. *St-Sophie avant Justinien*, p. 598; против традиционного отношения Софии к Константину выступают также: Кондаков (ук. соч., стр. 7), J. Ebersolt (*Constantinople*, 2-е изд., Paris, 1951, p. 5), A. M. Schneider (BZ, 36, 1936, p. 78), Gl. Downey (*Dumbarton Oaks Papers*, 1951, p. 77—78, n. 81 и 83) и др.; все они относят фактическое осуществление замысла Константина к Констанцию. Милле, однако, учитывая прямые указания Кедрина и Пасх. хр., допускает (p. 601—602) также, что церковь Константина могла существовать, но была недогворенной, и уже Констанций построил ее заново.

⁴⁰ Текст Сократа, II, 16 у G. Millet. *Op. cit.*, p. 599; Кондаков. Ук. соч., стр. 7—8; A. M. Schneider, BZ, 36, 1936, p. 78.

⁴¹ G. Millet. *Op. cit.*, p. 601—608 и 612.

⁴² Кондаков. Ук. соч., стр. 109—110.

⁴³ G. Millet. *Op. cit.*, p. 610—611.

⁴⁴ A. M. Schneider. *Die Grabung im Westhof der Sophien-Kirche zu Istanbul*. Berlin, 1941, tab. 2 и 7.

⁴⁵ Подробнее см. ниже, стр. 252 сл.

⁴⁶ Воспроизведен у Emerson—Nice, 1951, рис. 6, p. 98.

⁴⁷ E. H. Swift. *Op. cit.*, tab. I—II.

⁴⁸ M. Ramazanoglu. *Die Baugeschichte der Sophien-Kirche Justinians*

Рамазаноглу не удалось, однако, ни систематизировать очень сложный материал, ни даже изложить его так, чтобы такая систематизация могла быть сделана другими авторами. Новые, и иногда очень интересные, данные излагаются хаотично, с громадным числом явно нелепых датировок, с внутренними противоречиями в тексте, а также между текстом, чертежами и фоторепродукциями. Результаты работ наносятся на планы с об-

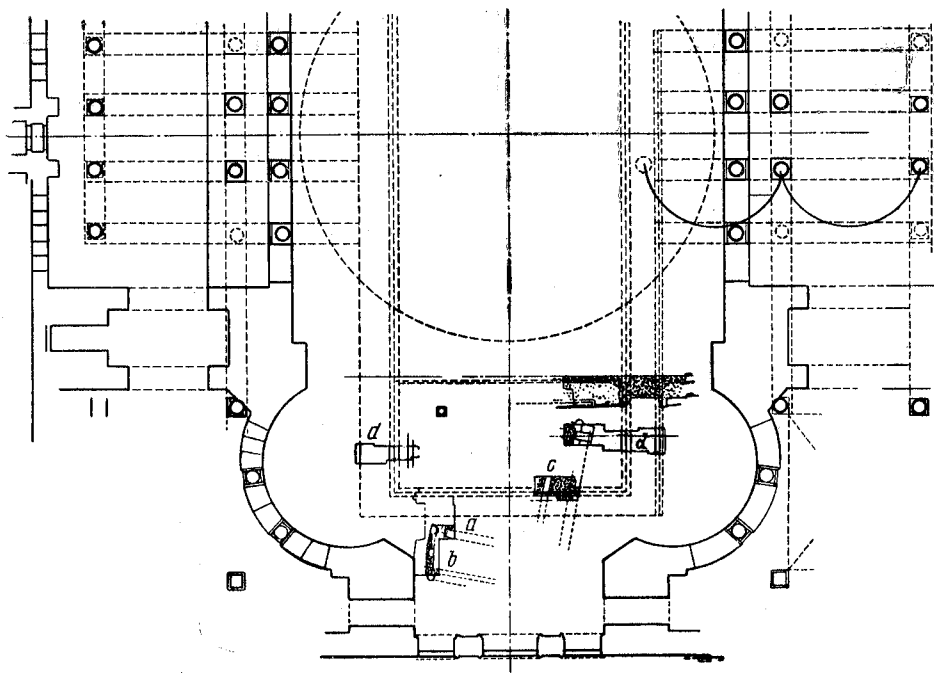

Рис. 5. План западной части нефов и экседр Софии с нанесением зондажей и предполагаемых поперечных арок старой базилики (схема Рамазаноглу)

щепринятыми условными знаками, противоречащими тезисам автора. Поэтому чтение его работ мучительно, а детальное их изучение представляет значительные трудности, рождает чувство досады и неудовлетворенности. Психологически понятно поэтому, что работы Рамазаноглу получили самую отрицательную оценку таких авторитетных лиц, как Лемерль, Жанен и Шнейдер⁴⁹. Работы Рамазаноглу не учитываются ни при исследовании причин, приведших к ранней деформации и к обруше-

и neue Forschungen zur Architekturgeschichte der Irenenkirche und des Komplexes der Sophienkirche. Atti dello VIII Congresso internazionale di Studi Bizantini, 1951. Roma, 1953, p. 224—235.

⁴⁹ P. Lemerle. *Revue des études byzantines* (далее: REB), X, 1952 (1953), № 127, а также № 94, где он присоединяется к отрицательной оценке первых работ Рамазаноглу у Жанена в REB, VIII, 1950 (1951). О втором цикле его исследований Лемерль отзывался в таких выражениях: „Автор, сделав зондажи, думает, что он нашел указания, благоприятные для его взглядов... которые, как известно, очень оригинальны“, и далее: „Здесь дано общее описание зондажей 1949 и 1950 гг. и тех выводов, которые автор хочет из них сделать. Elles sont déconcertantes“ (P. Lemerle, *IV bulletin*, REB, XIII, 1955, № 128 и № 129). Шнейдер (в обзорном труде F. Dölger, A. M. Schneider. *Byzanz*, 1952, p. 274 и n. 75) дает такую характеристику: „Запутанный отчет, которым не стоит больше заниматься“.

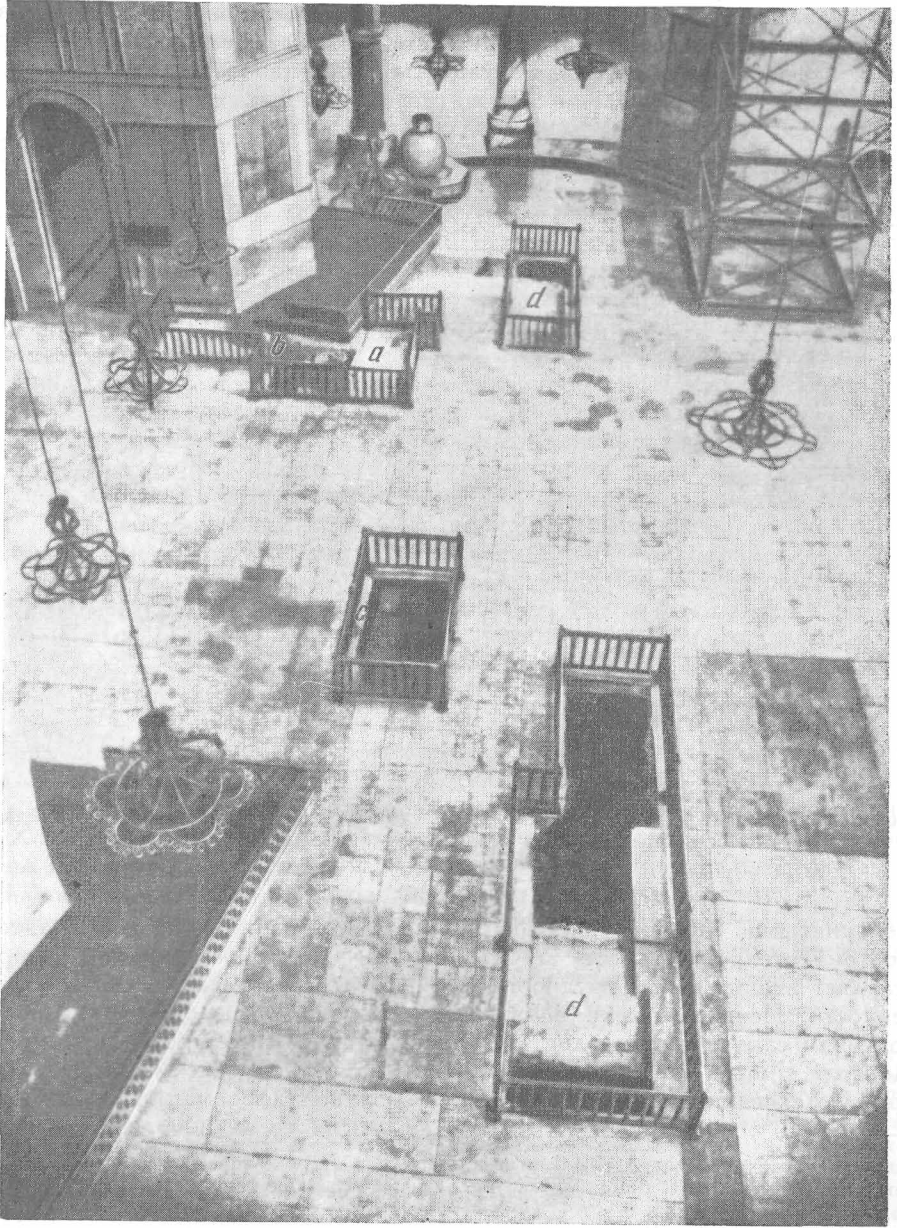

Рис. 6. София. Вид западной части главного нефа из правого полукружия (с зонами, показанными на плане 5)

ниям замечательного памятника, ни при обсуждении истории предшествовавших ему зданий.

Нельзя считать такое отношение правильным: при всех недочетах и досадных оговорках, свидетельствующих о недостаточной общей подготовке, в работах турецкого археолога все же есть много интересных и, по-видимому, правильных указаний. Если исключить из отчетов Рамазаноглу его часто сомнительные предположения и отойти от предлагаемых им, но, по-видимому, не всегда достаточно обоснованных датировок и атрибуций, то все же получается следующая картина.

Вскрытия в западной части пола главного нефа самой Софии, по-видимому, свидетельствуют о том, что прямо предшествовавшее юстиниановой Софии здание, независимо от того, относится ли оно к V в. (по свидетельству традиции) или же восходит к IV в. (как думает Рамазаноглу), стояло на уровне, лежащем непосредственно под полом Софии. Возникает вопрос о назначении портика, обнаруженного в 1935 г. Шнейдером при изучении атрия. Рамазаноглу считает неправильным отнесение к V в. этого здания, лежащего на 3,6 м ниже уровня Софии Юстиниана, а значит, примерно на целых 3 м ниже предшествовавшей ей и обнаруженной на ее месте постройки; на столь низком уровне может лежать только храм Артемиды, построенный Септимием Севером. Вместе с тем Рамазаноглу признает и сложность вопроса, так как найденные Шнейдером фрагменты⁵⁰ носят явные черты христианской иконографии: крест во фронтоне, вереницы агнцев и т. д.

Из сопоставления данных Шнейдера и Рамазаноглу с текстами, подобранными Милле, может, как нам кажется, вытекать такое компромиссное решение. Из данных Шнейдера следует, что София стоит на косогоре, на месте которого атрий был создан только при Юстиниане⁵¹. Поскольку ранее материк находился здесь близко от поверхности, а на вершине откоса расположены дома, раскопанные Рамазаноглу⁵², то портик вряд ли мог непосредственно примыкать к большой постройке, особенно к постройке относительно поздней⁵³.

Вместе с тем, если учесть явно христианскую символику рельефов и очень поздний характер резьбы капителей, то нельзя не согласиться с Шнейдером и Милле⁵⁴, датирующими V веком среднюю часть портика — его пропилон. Учитывая же, что пропилон встроен в портик, капители которого носят еще совсем античный характер⁵⁵, можно было бы думать, что само здание и его портик старше пропилона не на десятилетия, как предпола-

О недостаточной проработанности результатов раскопок высказывается также Ариф-Мюфид Мансель (см. *Fasti Archeologici*, VIII, № 5388).

⁵⁰ Уже в более раннем отчете (*Actes de VI congrès international des études byzantines*, 1948. Paris, 1951, VI, p. 355, 356) Рамазаноглу писал: „Шнейдер открыл портик не церкви Феодосия, а языческого храма Артемиды. Его ввели в заблуждение кассеты, эпистилы и другие находки, которые совсем нелегко датировать. Фрагменты эпистилы с агнцами, найденные в шахте, во всяком случае относятся ко второй церкви Софии — вместе с кассетированными плитами и с консольными карнизами, которые могли быть перетесаны и применены в церкви Феодосия“.

⁵¹ A. M. Schneider, *Atti*, I, 1935; *BZ*, 1936, p. 82—84; *idem*, *Atti*, V, p. 210—212; *idem*, *Die Grabung im Westhof der H. Sophia*, p. 3—21, *разрез* (таб. 2).

⁵² Ramazanoglu. *Op. cit.*, p. 227, рис. 15, 16, 17 (b); здесь рис. 5, 6 (b).

⁵³ Как предполагает Шнейдер. („*Die Grabung im Westhof...*“ 1941, p. 16).

⁵⁴ G. Millet. *Op. cit.*, p. 610—611.

⁵⁵ Ср. у Шнейдера („*Die Grabung im Westhof...*“) табл. 12/2 (капитель портика) с табл. 14—16 (очень поздние капители пропилона). Фронтон (табл. 14/1) явно более ранний, а диск с крестом добавлен в его поле путем стесывания остальной поверхности.

гает Милле, а на века. Порттик мог бы восходить, как нам кажется, и к гораздо более раннему времени, однако указание Шнейдера на кладку V в. в его задней стене⁵⁶ не позволяет прийти к такому выводу, который напрашивался, по-видимому, и у него. Независимо от датировки портика и его пропилона обширная пятинефная базилика шириной в 60 м, о которой думает Милле, не могла располагаться на этом уровне и непосредственно за портиком. Скорее это должен был быть пропилон, расположенный на два метра ниже самой базилики, возвышавшейся на краю откоса, почти на той же оси. Этот монументальный пропилон может дать представление об аналогичных постройках, примыкавших к другим большим базиликам IV—V вв., о которых сообщают древние авторы⁵⁷.

Возвращаясь к работам Рамазаноглу, рассмотрим сначала то, что кажется в них наиболее вероятным. В ряде помещений между баптистерием и горологием, ставших подсобными (рис. 1, А, В, D), в давно заложённых нишах и на сводах он показывает очень своеобразные фрески и мозаики (например, рис. 8 и 14); на сводах пандуса, позднее включённого в пандус Юстиниана, раскрыты столь же своеобразные фрески (рис. 9—10), совершенно отличные от того, что мыслится возможным при Юстиниане. Расположение и состояние этих фресок и мозаик, их заделка в постройку Юстиниана заставляют думать, что все эти произведения, а значит, и несущие их стены и своды восходят к более раннему, вероятно, к очень раннему времени. Рамазаноглу относит их к первой трехнефной базилике, построенной Константином (или реставрированной им), ориентированной параллельно ипподрому, и к последующей пятинефной⁵⁸.

Ссылаясь главным образом на Сократа, Рамазаноглу приходит к выводу, что сама пятинефная базилика, имевшая ширину, которую потом придали юстиниановой Софии, была построена уже при Констанции, с частичным использованием постройки Константина. Базилика Констанция была ориентирована примерно к В, с тем же отклонением на 33°, что и церковь Юстиниана.

Куда же девалась трехнефная базилика Константина? Рамазаноглу утверждает, что центральный ее неф был обращен в нартекс, западный — в эксонартекс пятинефной базилики, а подсобные помещения у ее алтарной апсиды и пандусы с прекрасными росписями и мозаиками сохранились до наших дней у их концов. Наружная же стена восточного нефа была сломана, так что у пятинефной базилики оказался ряд непосредственных входов из нартекса. И действительно, если мы посмотрим на южный фасад Софии в его западном конце (рис. 11)⁵⁹, то имеющий весьма странный вид щипец с как бы отрезанной с правой стороны нижней третью может быть понят как рудимент древнейшей базилики, включенной в ряд последовавших за нею зданий. В пользу предположения Рамазаноглу могут, по-видимому, свидетельствовать также и обнаруженные им в кладке сквозные швы и не совсем правильная разбивка дверей, указывающие в своей совокупности на целый ряд переделок в стене между нартексом и нефом юстиниановой Софии.

⁵⁶ А. М. Schneider. Die Grabung im Westhof. . . , p. 6, 7 и рис. 1 (штампы на кирпичках).

⁵⁷ Ibid., p. 17.

⁵⁸ Шнейдер (ук. соч., стр. 44. и примеч. 8) сообщает, что на месте горология при Феодосии был монастырь, перенесенный в другое место после пожара 532 г. В настоящее время вновь подробно исследуются помещения слева от южного входа, причем подтверждается наличие частей Софии, заложённых при постройке контрфорса, о чем нет упоминания в текстах (Janin, Op. cit., p. 212).

⁵⁹ Рис. 1 у Рамазаноглу; ср. рис. 4 у Шнейдера („Die Kirche Hagia Sophia“).

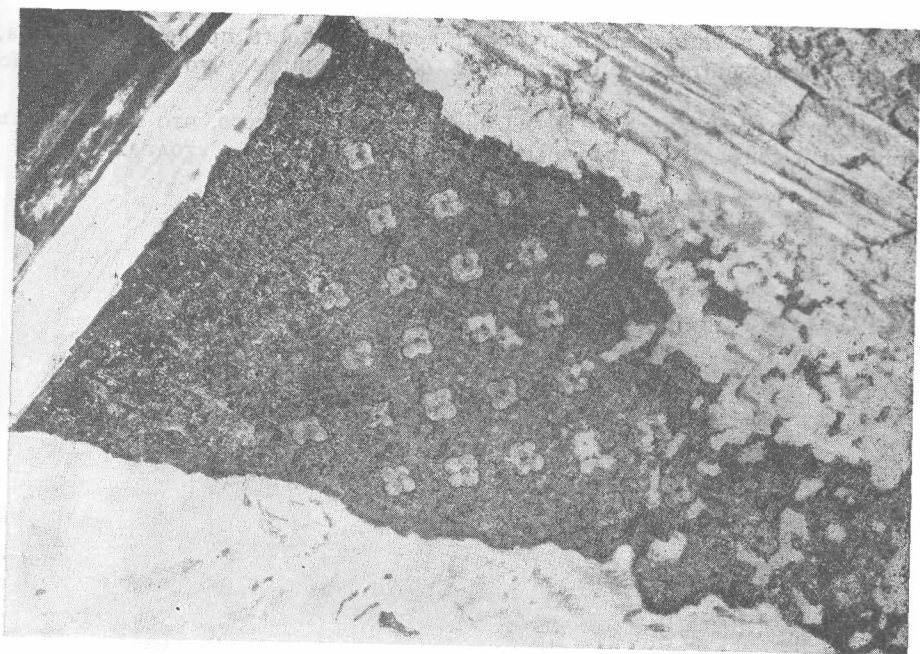

Рис. 7. София. Мозаика на своде лестницы в одном из столбов F (по Рамазаноглу)

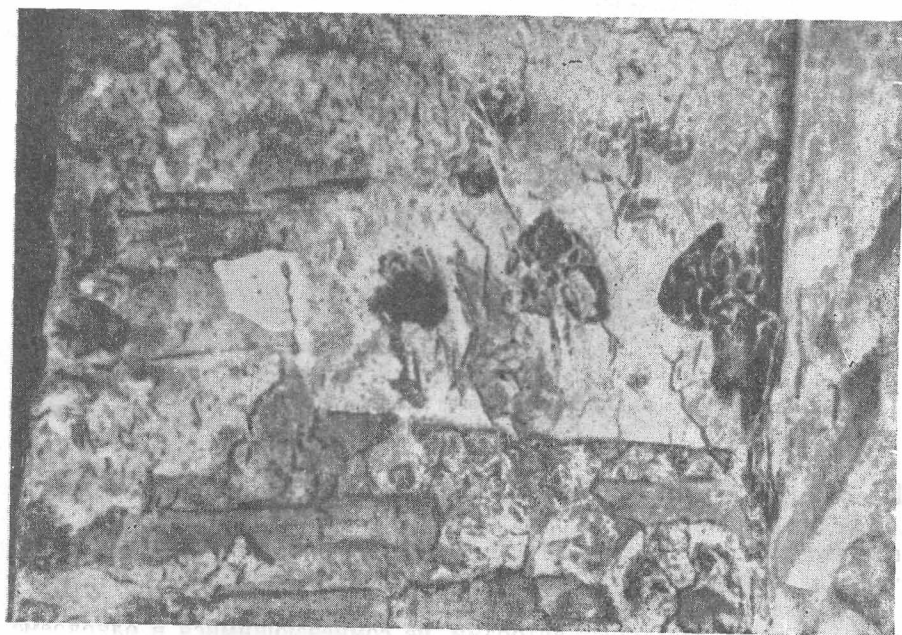

Рис. 8. Фрагменты фресок с мотивом трилистника в заложённой нише С (по Рамазаноглу)

Против его предположения говорит неодинаковость пролетов нартекса, которые уменьшаются от середины к обоим концам, что маловероятно в базилике.

Следуя за Рамазаноглу в нефы Софии, начнем с того, что может быть проверено и сейчас, после закрытия шурфов в полу и в столбах.

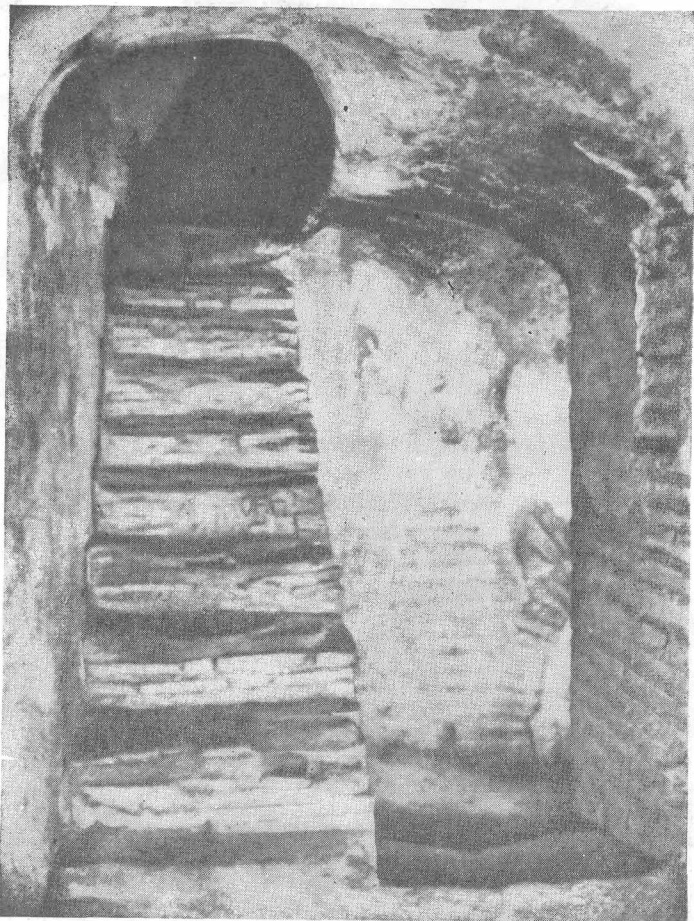

Рис. 9. София. Остатки старого здания, заделанные в С.-З. пандус времени Юстиниана (по Рамазаноглу); справа на своде — фрески (см. рис. 10)

Колонны, стоящие попарно в боковых нефы, позади разделяющих нефы рядов больших колонн и около наружных стен, настолько короче юстиниановых, что их принадлежность к предшествующей постройке кажется достаточно вероятной⁶⁰. Нелепость опирающихся на них кусочков поперечных арок видна особенно ясно на фото 12, но может быть усмотрена на чертежах и фото, сделанных авторами, не сомневающимися в одновременности дошедшей до нас Софии (рис. 13)⁶¹. По утверждению Рамазаноглу,

⁶⁰ Свифт (op. cit., p. 64) говорит о необычайной разнородности и разномерности колонн.

⁶¹ Schneider. Op. cit., рис. 17; Swift. Op. cit., рис. 22 и 23; однако в странной форме арок Свифт видит только остроумие архитекторов (p. 103—105).

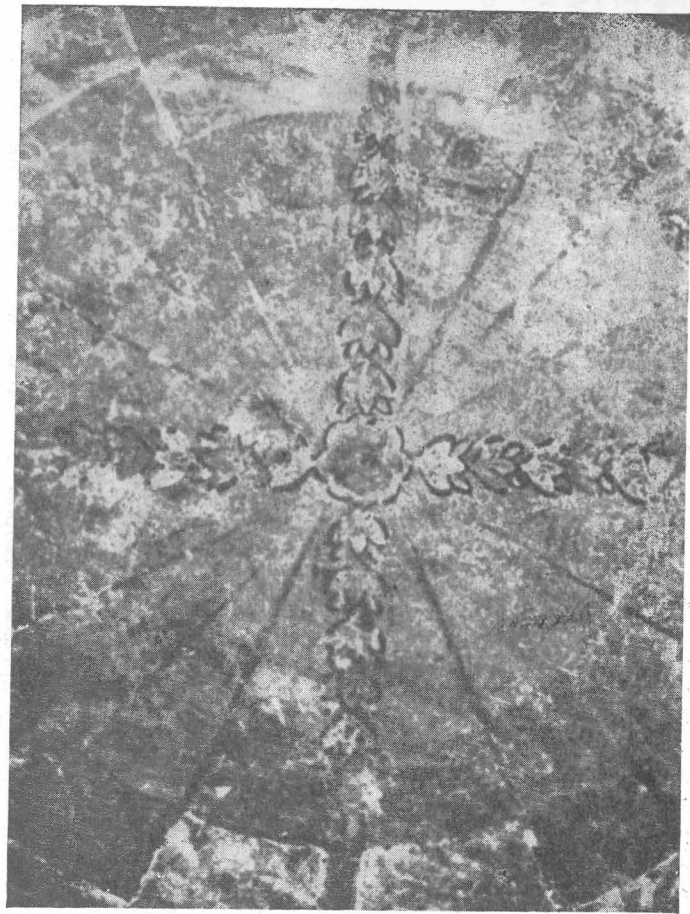

Рис. 10. Два фрагмента фресок на сводах старого здания (по Рамазаноглу)

эти колонны стоят своими старыми базами на полу той предшествующей церкви, которую сменила София юстинианова; испорченные огнем капители заменены новыми, а боковые нефы Софии приобрели очень странное покрытие, с кусками как бы оборванных поперечных арок, опирающихся нижним концом на относительно низкие колонны и как бы подпирающих другим концом импосты средней из арок главного нефа. На такие же низкие колонны у наружной стены опираются обычные арочки малого пролета, что еще больше подчеркивает уродливость тех, что находятся непосредственно за колоннадой главного нефа. Сходно расположены также и опоры в четырех угловых помещениях, но часть колонн заменена там столбами.

В шурфах главного нефа Рамазаноглу обнаружил два ленточных фундамента, идущих параллельно оси современного здания, в равных расстояниях от колоннад, разделяющих его нефы ($d - d$ на рис. 5 и 6); по утверждению Рамазаноглу, каждый из этих фундаментов отстоит от пар малых колонн ровно на такое же расстояние, на какое сами эти колонны отстоят от пристенных⁶². Если эти измерения правильны, то предположение Рамазаноглу о том, что нефы громадной пятинефной базилики разделялись опорами, часть которых представлена более низкими колоннами боковых нефов, сохранных вместе со старыми поперечными арками в Софии Юстиниана, уже не покажется невероятным. О том, что пятинефная базилика была построена с необычной расточительностью, могли бы свидетельствовать дополнительные ряды колонн у наружных стен, которых не было даже в больших базиликах города Рима, Ватиканской и Латеранской. Реконструируемая Рамазаноглу древняя церковь ответила бы по своему великолепию ее описаниям у древних авторов⁶³. Система же перекрытия по поперечным аркам могла быть заимствована из сирийских зданий, в которых она преобладала в набатейское и римское время, а также в базиликах и гражданских постройках IV—VI вв.

О том, что в современную Софию включена старая обширная постройка, косвенно свидетельствуют также и четыре столба с лестничными шахтами, расположенные против главных пилонов у наружных стен. Исследование наружных столбов свидетельствует о том, что их кладка не перевязана с кладкой наружных стен⁶⁴. Эмерсон и Найс опубликовали данные об одном столбе — юго-восточном; они подробнейшим образом изучили множество различных кирпичных кладок; определили, что прослойки из каменных блоков приходятся в этой чисто кирпичной кладке только на самые ответственные уровни⁶⁵; отметили, как уже указывалось, что в результате деформаций все ряды кирпича стали наклонными. При всех этих констатациях исследователи исходили из положения, что столбы сооружены по проекту Анфимия и Исидора при Юстиниане; эта дата положена в основу предложенной ими периодизации других кладок, введенных при последовательных перестройках юго-восточного столба.

Рамазаноглу, имея возможность изучить четыре столба (F, F, F, F), обнаружил на сводах лестниц своеобразные орнаментальные мозаики⁶⁶. По композиции, схеме, технике опубликованная мозаика (рис. 7) так резко отличается от орнаментальных мозаик VI—VII вв., что непредубе-

⁶² Ramazanoglu. *Op. cit.*, рис. 15 и 17.

⁶³ G. Millet. *Op. cit.*, p. 601—603.

⁶⁴ Свифт (*op. cit.*, p. 103) считает отсутствие перевязки столбов со стенами характерным для византийской архитектуры вообще, но оно может объясняться разновременностью постройки.

⁶⁵ Emerson—Nice, 1943, p. 113—123, рис. 7—9; 1951, p. 102, рис. 11; p. 164.

⁶⁶ Ramazanoglu. *Op. cit.*, p. 226.

жденному читателю не остается, как нам кажется, ничего другого, как согласиться, что и мозаики, и украшенные ими своды лестниц, а значит, и четыре столба сохранились в своей нижней части от предшествующей постройки, были перестроены и включены Анфимием и Исидором в новую Софию. Это предположение находит свое подтверждение в исследовании Милле, который выяснил, что пожар 404 г. носил ограниченный характер и должен был повредить главным образом центральную часть здания⁶⁷.

У древних авторов есть ряд указаний о том, что первоначально, до обрушения, эти столбы были гораздо ниже; только позднее, при восстанов-

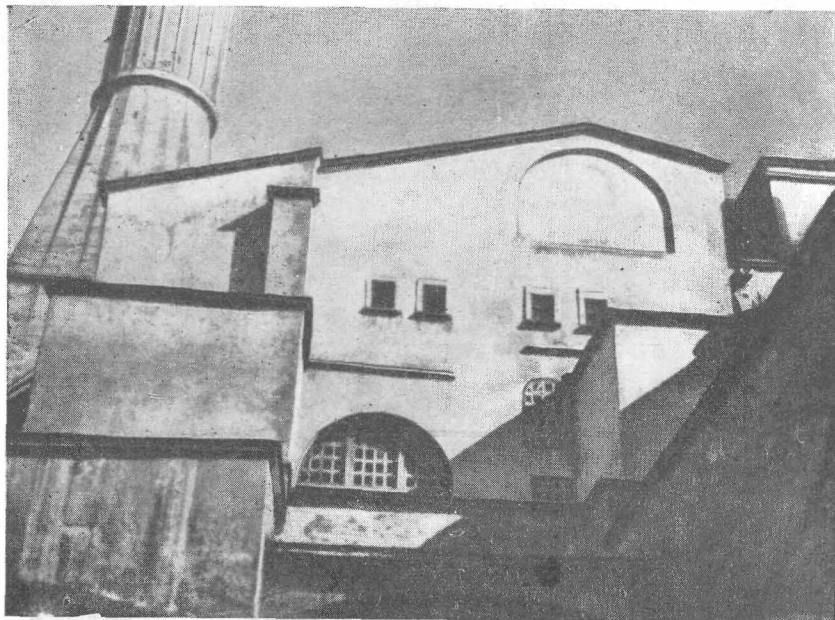

Рис. 11. София. Вид с юго-запада; шипц над южным входом как бы обрублен справа

лении купола, они были доведены до его основания. Весьма возможно, что именно нижняя часть относится к V в. н. э.

В юстиниановой Софии эти лестницы уже не могли выполнять свою основную функцию — разгружать галереи, так как на уровне боковых нефов в них устроены глубокие ниши. Новая функция — соединять галереи с уровнем крыш — была второстепенной: главная роль и лестниц, и доведенных до той же высоты поперечных стен, действительно, стала, по-видимому, только конструктивной.

Все это отнюдь не требовало мозаичного декора на сводах, особенно в условиях жесткой экономии, строго ограничивавшей все расходы, не связанные с великолепием церковного интерьера. Раскрытие на лестницах внутри столбов ранних мозаик могло бы свидетельствовать о том, что предполагаемая ранняя базилика должна была иметь ту же ширину, что и юстиниановская София.

Боковые входы восточного фасада, роль которых в стройной композиции Анфимия и Исидора неясна, видимо, не входили в нее вовсе: это скорее

⁶⁷ G. Millet. Op. cit., p. 601—609.

всего остатки боковых помещений около апсиды старой базилики, которые были заброшены после пожара 404 г. и превратились во входные тамбуры новой Софии только гораздо позднее. Такое объяснение не противоречит

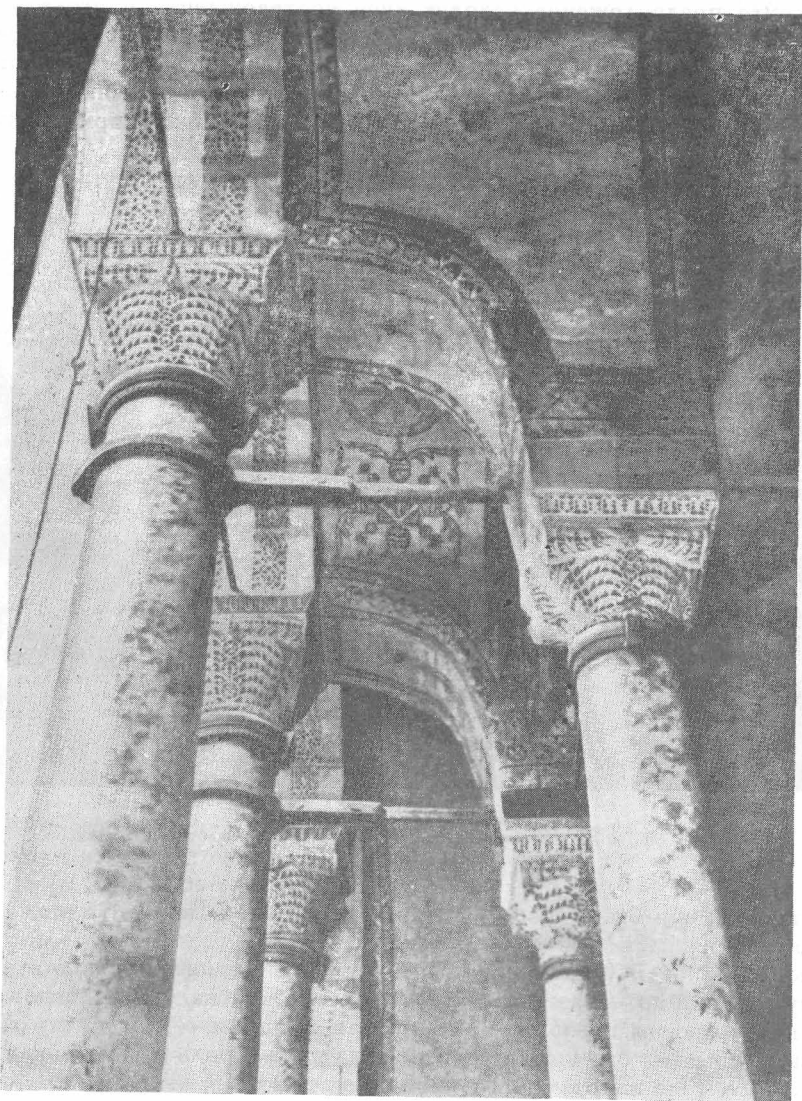

Рис. 12. София. Вид «оборванных» арок по середине южного нефа; слева — большие колонны, отделяющие боковой неф от главного

исследованиям Мамбури⁶⁸ и, по-видимому, подкрепляется изучением кладки апсиды⁶⁹.

⁶⁸ E. Mamboury. Topographie de S-te Sophie, Atti, V, p. 200 и план восточной части Софии.

⁶⁹ Ramazanoglu. Op. cit., рис. 21; отмечаем расхождение между стр. 228 (главная апсида совсем исчезла) и стр. 229 (при Констанции в этой стене было окно или ниша). Еще более неясностей в исследовании входной части: западнее точек G, G, G (рис. 1), к западу от восточной стены юстинианова нартекса, Рамазаноглу

Особенно интересен поднятый Рамазаноглу вопрос о времени постройки и о структуре четырех главных пилонов, несущих исправленные подпружные арки и паруса первой постройки и купол Исидора Младшего. Как известно, авторы указывают на их именно недостаточность, которая обнаружилась уже в процессе постройки⁷⁰, а позднее была известна Исидору Младшему и его помощникам⁷¹. Обычно считается, что речь идет о недостаточных размерах вновь сложенных пилонов; Рамазаноглу же утверждает, что «четыре каменные столба, несущие современный купол, сделаны массивными von der Gallerie ab (?) только при Юстиниане, так как (первоначально. — С. К.) они не несли такой большой нагрузки, как теперь»⁷²; речь, видимо, идет о тех заложённых проходах, которые были одновременно (в 1951 г.) зафиксированы также Эмерсоном и Найсом⁷³

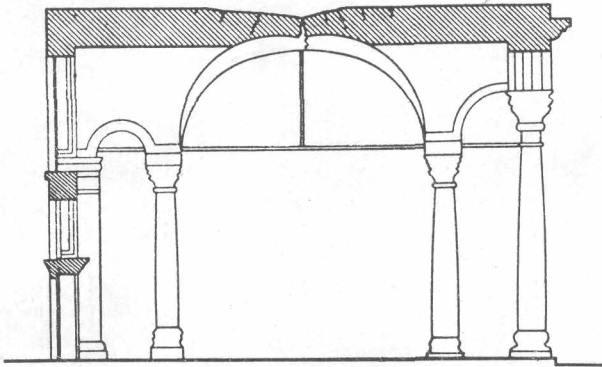

Рис. 13. София. Разрез южного нефа по поперечной оси (по Свифту)

(см. рис. 15, 16 и 17). Предположение о том, что главные пилоны восходят к более ранней постройке, могло бы хоть отчасти объяснить несоответствие вытянутой в плане формы пилонов — купольной конструкции, а также наличие в них сводчатых проходов.

Ни у одного из авторов мы не нашли указания на то, что необходимо учитывать разницу между великолепной кладкой главных пилонов в их нижней части, где она состоит из громадных квадров⁷⁴, и кладкой на

предполагает самую раннюю трехнефную базилику, ориентированную С—Ю и затем превращенную в нартекс и эксонартекс большой пятинефной базилики (op. cit., p. 227). Вместе с тем на той же стр. 227 говорится об остатках жилых домов гораздо восточнее нартекса (op. cit., рис. 15 и 17). Автор предлагает считать, что дома выросли здесь в промежутке между частичным разрушением старой церкви в 404 г. и окончательным ее разрушением в 532 г. Ramazanoglu Op. cit. p. 227, p. 231). Однако трудно себе представить эти жалкие домишки загораживающими вход в главный храм столбцы; совершенно неясным остается взаимоотношение остатков этих домов с полом пятинефной базилики по вертикали. Слабую разработку этого вопроса правильно отметил Жанен [REB, X, 1950 (1951), p. 200, 201].

⁷⁰ Проконий. О постройках, I, 1, 68—78 (ВДИ, 1939, № 4).

⁷¹ Феофан. Хроника. Перевод Rivoira, Roman Architecture, 1925, стр. 276: «архитекторы объясняли катастрофу неудовлетворительной (defective) конструкцией больших пилонов в результате экономии». Перевод W. R. Lethaby, H. Swainson. Op. cit., p. 29: «... для экономии эти столбы были слишком облегчены проемами» — еще ближе отвечает их действительному состоянию.

⁷² Ramazanoglu. Op. cit., p. 230 и рис. 24 (читаем „auf“ вместо „ab“); одновременно было, по-видимому, заложено и пространство между пилонами и ближайшими колоннами верхней экседры (там же, рис. 25, у нас 18).

⁷³ Хотя изображения и повернуты в разные стороны (ср. рис. 15 и 16).

⁷⁴ Ramazanoglu. Op. cit., фото рис. 23.

уровне галереи, там, где в ней были заложенные впоследствии проходы; а между тем эта разница очень велика и могла бы свидетельствовать о трех (а не двух) периодах в кладке столбов; первому периоду могли бы отвечать паруса и купол предшествующей церкви, расположенные на целый ярус ниже, чем в юстиниановой Софии (аналогично соседней Ирине).

Вместе с тем достаточно взглянуть на план 5, чтобы отвергнуть предположение Рамазаноглу, будто бы столбы с лестничными клетками и тесно связанные с ними главные пилоны могут быть одновременны с пятинеф-

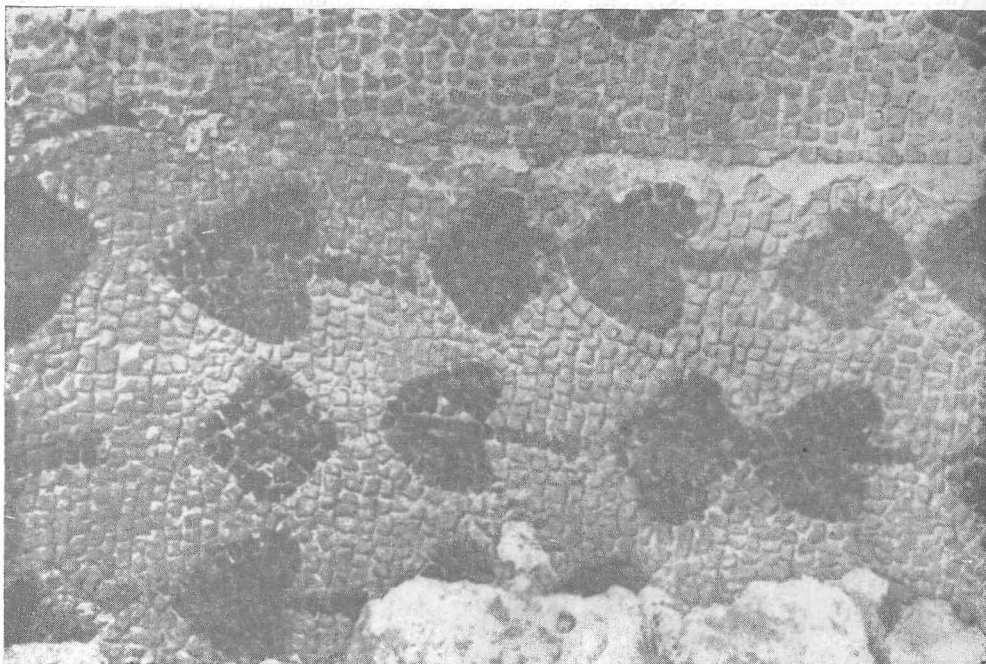

Рис. 14. Ранняя мозаика с мотивами трилистника и копия в нише под лестницей позднего контрфорса Д (по Рамазаноглу)

ной базиликой, которую он относит к Констанцию: главные пилоны и столбы перебивают ровный, метрический шаг поперечной арочной конструкции. Если пилоны и столбы не построены заново Анфимием и Исидором (а это еще нужно проверить), то они должны представлять какую-то перестройку, промежуточную между первоначальной пятинефной базиликой и юстиниановой Софией, т. е. «церковь Феодосия» древних авторов.

Если принять, что пилоны были встроены в еще более раннюю пятинефную базилику, то это объяснило бы наличие в них сводчатых проходов на уровне галерей: ставшие непонятными при относительно узких галереях юстиниановой Софии, эти проходы были бы рациональны при предполагаемых прежних галереях, которые могли занимать всю ширину двойных боковых нефов в базилике Констанция.

Многократно повторенный тезис Рамазаноглу, будто бы Большая церковь Констанция была прямым предшественником юстиниановой Софии⁷⁵ (а София Феодосия как бы не имела к ним прямого отношения⁷⁶), встре-

⁷⁵ Ramazanoglu. Op. cit., p. 225, 226, 230, 234.

⁷⁶ Ibid., p. 229.

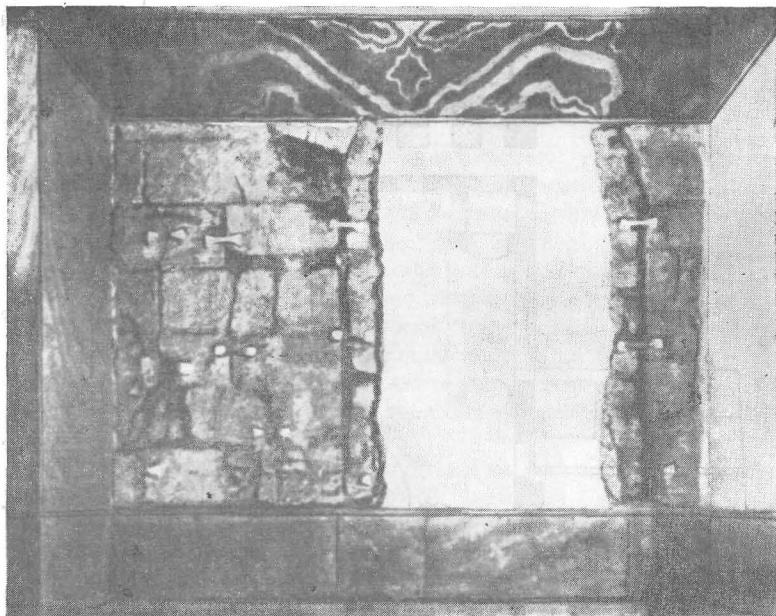

Рис. 15. София. Юго-восточный пилон на уровне галереи, вид с юга (фото Рамазаноглу). Отпадение штукатурки обнажило сводчатый проход, отвечающий декоративной арке на рис. 2

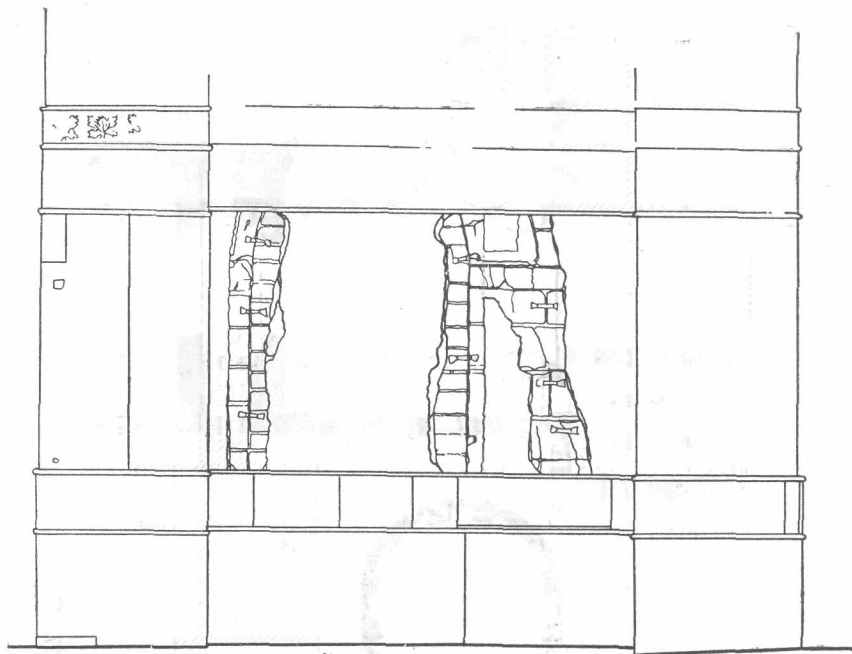

Рис. 16. София. Юго-восточный пилон с проходом; в пятах свода видна свинцовая прокладка (по Эмерсону и Найсу, 1951)

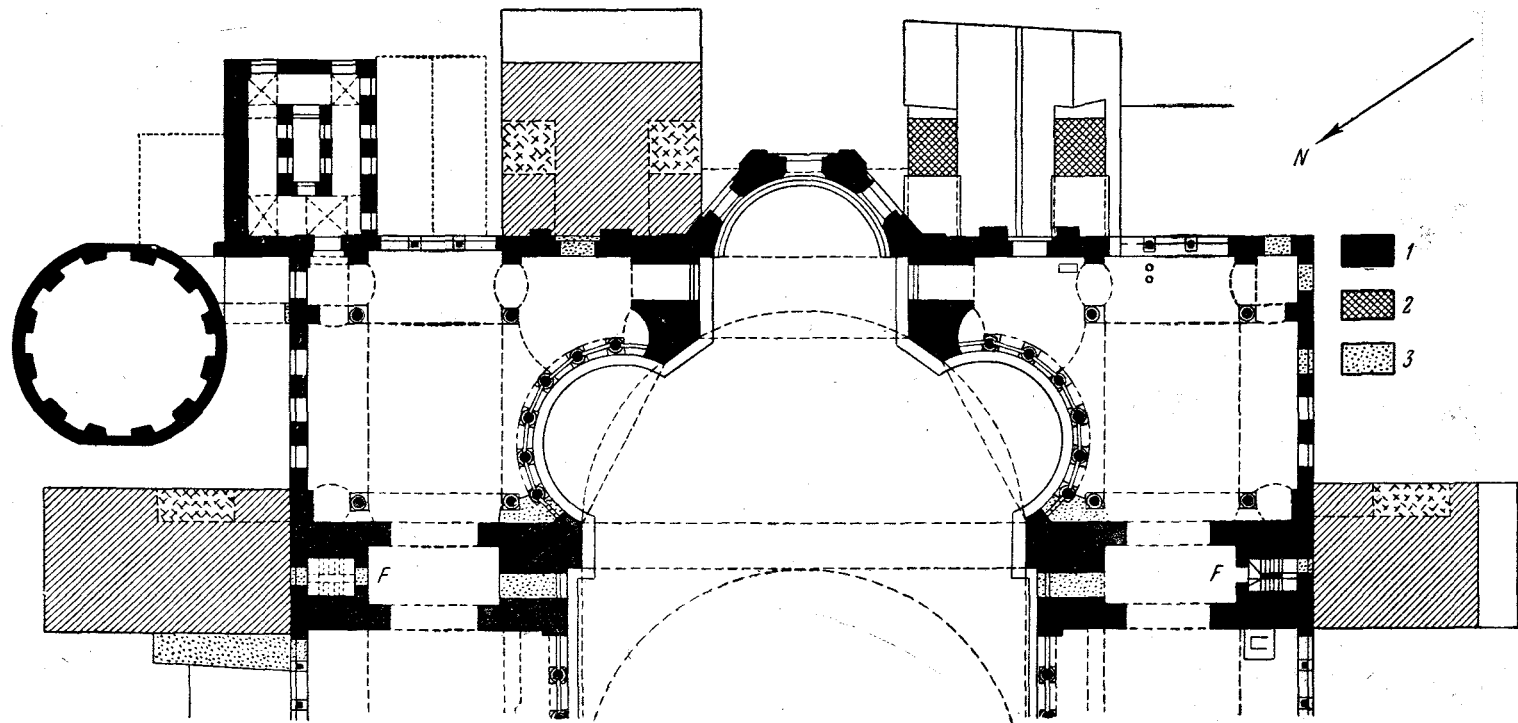

Рис. 17. София. Часть плана на уровне галереи с закладкой проходов в пилнах и промежутков между пилонами и примыкающими колоннами экседры

[1 — период Юстиниана; 2 — латинский период; 3 — добавления неизвестного времени (по Свифту)].

чает наиболее яростные нападки Жанена; он подчеркивает, что «говоря о реконструкции Софии Юстинианом, (древние. — С. К.) авторы не имеют в виду никакого иного здания, кроме здания Феодосия II»⁷⁷. Таким образом, самый принцип, что София Юстиниана была лишь реконструкцией более старой церкви, не встречает возражений со стороны Жанена.

Милле, со свойственной его работам четкостью, устанавливает, что София Констанция была не только большой, необыкновенно нарядной церковью, но что она дважды обрушивалась до пожара 404 г., причем между первым и вторым обрушением в ней уже был не деревянный, а массивный купол⁷⁸. София Феодосия II была тоже не новой постройкой, а третьим восстановлением Большой церкви Констанция, о мощной тесаной кладке которой упоминает Пасхальная хроника при описании пожара 532 г.⁷⁹ Однако авторы обычно пишут о ней как о постройке Феодосия, что и приводит к бесконечным спорам о местонахождении всех этих «церквей». Для Милле же ясно, что все они представляют лишь ряд последовательных реконструкций одной и той же церкви.

Статья Милле опубликована в 1947 г., и он, естественно, связывал все последовательные «Софии» с портиком Шнейдера, лежащим на глубине 3,6 м под атрием Софии. Если же отбросить это предположение и попытаться связать исследование Милле с поисками доюстиниановой Софии под собственным ее полом, в ее сводах, колоннах и стенах, то может оказаться, что данные, собранные Милле, будут в значительной мере содействовать дальнейшей разработке проблем, поставленных раскопками Рамазаноглу. Данные Милле очень хорошо разъяснили бы те предположения, которые напрашиваются при взгляде на недоработанные схемы Рамазаноглу, но которых он сам не только не сделал, но и упорно отвергает. По нашему мнению, схемы Рамазаноглу могли бы быть истолкованы в свете указаний древних авторов и соображений Милле в том смысле, что пяти-нефная базилика многократно перестраивалась и была покрыта куполом (не деревянным) уже до Феодосия и при Феодосии, а затем вошла в состав юстиниановой Софии в виде остатков церкви, считавшейся тогда Софией Феодосия II.

Постройка, предшествующая юстиниановой и горевшая во время восстания Ника, не была, по-видимому, уничтожена ни при пожаре, ни при последовавшей расчистке площадки под новую постройку. Это было монументальное здание с красивыми колоннами позднеримского ионического ордера, сохранившимися на галерее юстиниановой Софии (рис. 18). Его своды были украшены росписями и мозаиками, а стены облицованы мрамором. Высокими качествами постройки и следует скорее всего объяснить то обстоятельство, что значительные ее части хорошо противостояли огню и что было решено не ломать все руины, а включить их в новую постройку.

Таким образом, ни Констанций, ни Феодосий не строили заново обрушившийся или сгоревший храм; а позднее, после первого обрушения юстиниановой Софии, в составе памятника были сохранены даже деформированные боковые подпружные арки и выпученные стены, не говоря уже о показавших свою недостаточность пилонах. Значит, практика включения старых частей в новое здание была широко распространена и в IV, и в V, и в VI вв. Но почему же тогда не согласиться с древними авторами и с предположениями Кондакова и Рамазаноглу о том, что при постройке первой юстиниановой Софии тоже были использованы те части, которые не повредил пожар Софии феодосиевой, случившийся в 532 г. во время восстания

⁷⁷ R. Janin, REB, X, p. 200, 201.

⁷⁸ G. Millet. Op. cit., p. 602.

⁷⁹ Ibid., p. 610.

Ника? Ведь это могло не только удешевить, но и ускорить постройку — а эти два фактора играли для Юстиниана одинаково важную роль.

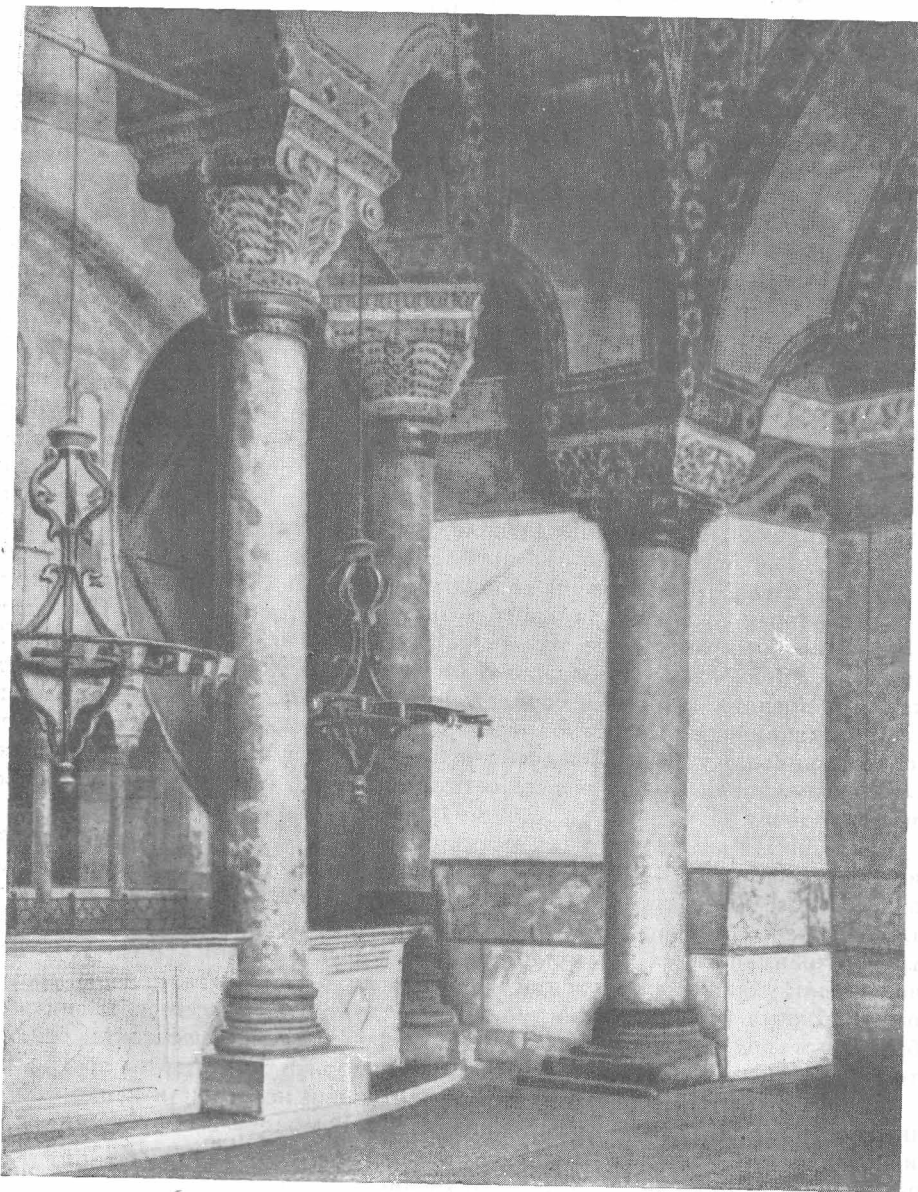

Рис. 18. София. Пилон и колонны примыкающей экседры на галерее; промежутки заложены позднее (фото Рамазаноглу), ср. рис. 16

Самый факт включения старых частей, по крайней мере, в пандусы, пристройки и в боковые нефы Софии не может уже, как нам кажется, возбуждать сомнения⁸⁰. Работы Рамазаноглу поднимают ряд интереснейших

⁸⁰ Хотя Шнейдер („Die Grabung im Westhof...“, S. 7) отрицает применение каких-либо старых частей. По Свифту (op. cit., p. 69), многие проемы пробиты в кладке, что тоже свидетельствует о включении старых стен.

вопросов, решение которых имело бы большое значение не только для истории Софии, но и для истории столичного строительства в IV—V вв., о которой мы так мало знаем. Но для этого требуется ряд дополнительных и проверочных исследований, которые осветят недостаточно иногда обоснованные утверждения Рамазаноглу.

Главные пилоны играют наибольшую роль в устойчивости Софии; сложенные из блоков известняка, а не из кирпича, они представляют особые трудности для датировки; именно о них Рамазаноглу говорит слишком глухо, чтобы можно было исключить другие предположения. Поэтому до новых дополнительных исследований остается три варианта:

1) пилоны IV или V в. были сохранены в постройке Юстиниана с заполнением сводчатых проходов на уровне галерей (вариант Рамазаноглу);

2) пилоны купола юстиниановой Софии были сложены заново, но первоначально в них были сводчатые проходы (вариант Эмерсона и Найса, принимаемый, по-видимому, также и Свифтом⁸¹);

3) пилоны были встроены в базилику IV в.; позднее, при Феодосии II или при первой постройке Юстиниана, были добавлены верхние части с проходами в них; наконец, вероятно при реконструкции Исидора Младшего, были заложены проходы (наше предположение).

Столбы, несущие нагрузку, огромную даже при монолитной кладке, оказываются при всех предположениях неоднородными. В данном случае нас интересует объяснение ошибки, еще ослабившей и без того недостаточные по площади и нерациональные по форме пилоны.

Понятно, что при уровне строительной механики того времени эти последствия не могли быть учтены математически, поскольку решение столь сложной статической задачи не было бы легким делом даже и теперь. Возможно даже, что строители первого купола могли первоначально не знать о пустотах, которые были заполнены только потом в процессе постройки, когда пилоны показали свою недостаточность. Исидор же Младший мог не знать о неоднородности пилонов. Первоначальная облицовка сохранилась и, возможно, не снималась: этим можно было бы объяснить расхождение источников: Прокопий пишет, что блоки тесаного камня укладывались на свинцовых прокладках; Силендиарий — на растворе, а более поздний Аноним Бандури говорит о скреплении блоков железными кламмерами⁸².

Сейчас трудно установить точный ход событий и определить, знали ли строители первого, а затем второго купола или не знали о неоднородности главных несущих столбов; а если знали, то в какой мере учитывали они эту неоднородность в своих расчетах. Здесь приходится считаться с ролью самого Юстиниана⁸³, лично вмешивавшегося в решение не только художественных, но и технических вопросов и, видимо, требовавшего ведения работ в сроки, нерациональные даже при однородной, одновременно исполненной кладке. Тем более опасными для дела должны были эти темпы оказаться в условиях неоднородной кладки, использования частей старого здания. Во всяком случае многозначительно, что в здании, декор и обору-

⁸¹ Swift. Op. cit., табл. II (условный знак: „перестройка неизвестного времени“).

⁸² Swift. Op. cit., p. 51. В действительности же блоки уложены на растворе (Ramazanoglu. Op. cit., p. 229), но имеются и свинцовые прокладки (Emerson—Nice, 1951, рис. 10, p. 102). Следует проверить указание Рамазаноглу, что под мраморными плитами во многих местах обнаружены мраморные же цапфы и железные кламмеры (рис. 23), которые применялись для крепления облицовок только при Константине и Констанции, а затем — лишь до середины V в. (стр. 229).

⁸³ Gl. Downey. Byzantine architects, their training and methods. Byz., XVIII, 1948, p. 100, 105. Прокопий всячески подчеркивает особо близкое участие в руководстве строительством самого Юстиниана.

дование которого стоили невероятных средств, ложившихся тяжелым гнетом на население, в этом первом и великолепнейшем храме новой мировой империи экономия была сделана там, где она была совершенно недопустимой, — в четырех главных подкупольных пилонах.

Здесь уместно будет вспомнить, что главным в понимании строительства и архитектуры было в те времена не качество строительных работ, а изощренность геометрического начертания, и что именно так понимали архитектуру авторы описаний, а значит, и читатели, на которых эти описания рассчитаны⁸⁴. Недаром были оба архитектора Софии математиками-геометрами, крупнейшими теоретиками и профессорами своего времени⁸⁵; поэтому их и называли «механикос» в отличие от рядовых архитекторов и в соответствии с новой терминологией, уже не отвечавшей принятой ранее в Римской империи, когда Аполлодор из Дамаска именовался «архитектором»⁸⁶.

Художественная гениальность и глубочайшие по тому времени математические знания великих византийских архитекторов не могли все же заменить того громадного практического опыта, индивидуального и коллегиального, которым обладали строители римские. В условиях римского строительства, когда отдельные коллективы оттачивали свое мастерство на ряде постепенно усложнявшихся объектов, а величайшие мастера, вроде Аполлодора Дамаского, проходили суровую школу военного и инженерного строителя, немислимым было бы то, что произошло в Софии.

В римских условиях гениально-смелая идея — поднять большой, тяжелый каменный купол на громадную высоту, оперев его на отдельно стоящие опоры, — вряд ли могла возникнуть ранее, чем это было бы проверено на менее ответственных объектах; так, постройке Пантеона предшествовал в течение 200 лет ряд купольных ротонд, в которых диаметр увеличивался постепенно, от декады к декаде; громадным крестовым сводам терм Каракаллы предшествовали, начиная со времени Веспасиана, столь же высоко поднятые, но меньшие крестовые своды многих термальных и рыночных зал.

В тех прежних условиях никто не решился бы включить в грандиознейшую постройку старые, непроверенные части, особенно части, конструктивно столь ответственные, как подкупольные пилоны. Здесь должно было сказаться некоторое снижение строительной активности в предшествующем V в., когда выдающиеся памятники строились преимущественно императорским двором, постоянно менявшим свое местопребывание. Переселение двора из Рима в Трир, Милан, Равенну, разделение империи на две части — все это не могло содействовать развитию стойких строительных традиций, особенно в Константинополе, относительно новом городе, где со времен Константина привыкли действовать по указке императора: строить очень быстро, не смущаясь частыми обрушениями. Храм Софии оказался типичным для Константинополя именно в этом отношении: в мире нет, вероятно, другого выдающегося памятника, который обрушивался бы и восстанавливался столько раз, как Константинопольская София.

* *
*

Как известно, большую роль во внутренней отделке Софии играют мраморные облицовки нижних ее частей, а главное — покрывающие своды и

⁸⁴ Gl. Downey. Op. cit., p. 117—118.

⁸⁵ Ibid., p. 112—113.

⁸⁶ Ibid., p. 110—111.

некоторые участки стен мозаики, исполненные преимущественно на золотом фоне; в некоторых местах, например в амбразурах окон, введен фон серебряный, усиливающий световой эффект проемов.

Мозаики Софии разновременны, и датировка мозаичного декора представляется еще совершенно невыясненной. Известно, что сохранившиеся человеческие фигуры возникли после периода иконоборцев. Вполне понятно, что фигурные мозаики, даже если бы они и входили в состав первоначального декора VI в., вряд ли могли бы дойти до нас. В главном храме империи, который постоянно посещался императорами, в том числе и правителями-иконоборцами, они должны были быть уничтожены в первую очередь; не случайно, что немногие примеры ранних фигурных мозаик сохранялись не в Константинополе, а в таких городах, как Никея⁸⁷.

В силу этого отсутствие древних фигурных мозаик должно быть доказано иным путем, а не отсутствием их в теперешнем здании. Современная наука исходит из негативного свидетельства: авторы умалчивают о них. Подробнейшим образом описывая все здание, его утварь и драпировки, даже фигурные изображения на тканях, ни один из авторов не упоминает о фигурных мозаиках или о росписях в первоначальной Софии. Поэтому весь ее декор в VI—VII вв. мыслится орнаментальным⁸⁸, со включением некоторых символических, но аниконических изображений. Такими являются бесчисленные кресты на сводах и арках и несколько изображений «пустого трона», обычных при аниконической концепции⁸⁹.

Видевшие Софию единогласно свидетельствуют о необыкновенном мерцании ее мозаик как при вечернем, так и при дневном свете, особенно при восходе и на закате солнца, когда лучи пронизывают купол насквозь и хорошо освещают все своды. Выполнение мозаик содействует совершенно особенному впечатлению от них благодаря тому, что отдельные части сводов сопрягаются не геометрически правильными, острыми ребрами, а мягкими, слегка закругленными переходами⁹⁰.

Сама форма сводов не отличается геометрической правильностью; как подтвердили подробные обмеры Эмерсона и Найса, полуциркулярная кривая встречается только в виде исключения⁹¹. Преобладают же кривые, то слегка повышенные и подковообразные, то многоцентровые, приближаю-

⁸⁷ В. Н. Лазарев. История византийской живописи, 1947, т. I, стр. 52—54; хотя в Никее и изображен „пустой трон“, типичный для периода иконоборства, но „силы небесные“ в человеческом образе свидетельствуют о ранней, доиконоборческой дате — VII в. Фрагмент из церкви Николая, единственный столичный, сходен с ними.

⁸⁸ В. Н. Лазарев. Ук. соч., стр. 51, примеч. 1—2; W. R. Lethaby, H. Swainson. The church of S. Sophia, 1894, p. 274—283; A. Frolov, BS, XII, 1951, p. 188; R. Dussaud. Syria. 1952, p. 390—391 и т. д. Шнейдер же до конца жизни считал, что фигурные изображения украшали Софию уже до иконоборцев. О наличии ранних фигурных мозаик Шнейдер заключал по известной, но сейчас, к сожалению, нечитаемой надписи на арке вимы (BZ, 38, 1938, p. 185). Текст надписи по Antologia Graeca см. у Swift. Op. cit., p. 148 и примеч. 118. Шнейдер относил этот предполагаемый декор к восстановлению Софии при Юстине II, произведенному Исидором Младшим, а сохранившийся орнаментальный декор боковых нефов не к первоначальному декору, а „к позднему времени, что видно по типичной форме крестов и по другим орнаментам“. Концепция Шнейдера отвечает концепции Кондакова (ук. соч., стр. 123—128). Вульф (ук. соч., стр. 218—219) объясняет отсутствие упоминаний у Павла Силенциария наличием в его тексте пробелов.

⁸⁹ W. Lethaby, H. Swainson. Op. cit., p. 279, рис. 71—72. Сходное изображение трона в Никее, см. В. Н. Лазарев. Ук. соч., стр. 52, табл. 5; A. Grabar, Cahiers archéologiques, 1954, p. 175, — по поводу более поздних мозаик VIII в. в Сен-Жермен-де-Пре.

⁹⁰ W. R. Lethaby, H. Swainson. Op. cit., p. 277; Swift. Op. cit., p. 105.

⁹¹ W. R. Lethaby, H. Swainson. Op. cit., p. 161; Swift. Op. cit., p. 51; подробно у К. J. Conant, BVI, VI, p. 72; обмеры, по-видимому, еще не опубликованы.

щиеся к так называемой «цепной кривой». Эта кривая не только гораздо выгоднее полуциркульной в статическом отношении, но все эти «неправильные» формы выгодны и для эффе́ктивности золотых мозаик. Они придают всему зданию характер органический, а не сухо-геометрический, тот характер, который так привлекает нас и в русских храмах.

Вместе с тем, для того чтобы золото мозаик мерцало, а не слепило глаза, принимались и специальные меры. Не только в Софии, но и в других древних зданиях, например в Паренцо, в Иерусалиме (мечеть Скалы), многие кубики ставились под углом в 30° к поверхности, т. е. примерно перпендикулярно к лучу зрения⁹²; при этом на вертикальных или близких к вертикали поверхностях между ними оставляли очень значительные зазоры в расчете на то, что выступающие тессеры будут их загораживать; здесь еще раз проявилась не расточительность, а расчетливость византийских заказчиков и мастеров, когда дело касалось драгоценных золотых тессер.

В условиях сильно деформированной Софии и ее многократных реконструкций очень трудно определить, где кончается сознательное применение нециркульных кривых и где начинается деформация арок, сводов и даже поверхностей стен. Вопрос осложняется еще и одновременностью отдельных сводов, часть которых, как доказывает Рамазаноглу, может восходить даже к доюстиниановским стадиям Софии. О том, какую громадную роль играют в данном памятнике деформации, свидетельствует интерьер Софии в целом. Благодаря расхождению главных пилонов кверху получается неблагоприятный оптический эффект, и купол кажется расположенным ниже, чем в действительности; отсюда впечатление придавренности или падающего на голову купола, о котором говорят некоторые посетители⁹³. Наоборот, при взгляде сверху, с подкупольного карниза, глубина кажется преувеличенной, а подкупольное пространство — колодецем⁹⁴.

Громадные боковые тимпаны заметно выпучились во внутрь главного нефа вместе с несущими их двумя ярусами аркад. Различимое простым глазом, это выпучивание было сочтено за специально предусмотренную проектом криватуру. А между тем выпучивание является естественным результатом все того же расхождения главных пилонов вследствие некомпенсированного распора: непосредственно примыкающие к пилонам части аркад и тимпаны внутри больших подружных арок отклонялись наружу, увлеченные общей деформацией главных конструкций, а средние колонны нижних аркад остались на месте, что достаточно ясно видно на тех фото, которые сделаны с сильным ракурсом⁹⁵.

Более грубые деформации появились в боковых нефках, где своды лопнули, а наружные стены выпучились⁹⁶ (рис. 13). Можно думать, что именно после этого были введены мощные открытые металлические связи; однако время их устройства, как и время появления связей в деревянных чехах, в точности неизвестно⁹⁷.

⁹² W. R. Lethaby, H. Swainson. *Op. cit.*, p. 288—289 и рис. 73; Swift. *Op. cit.*, p. 81—82 и рис. 20—21. Об окраске ступа в тон тессер см. также у A. M. Schneider. *Die Grabung in Westhof...*, S. 19.

⁹³ G. T. Rivoira. *Roman Architecture*, p. 276 по Кокерель и Джексону. Но Свифт (*op. cit.*, p. 27) утверждает обратное: купол кажется ему слишком высоко расположенным.

⁹⁴ См фото 8 на стр. 100 у Emerson—Nice, 1951.

⁹⁵ Swift. *Op. cit.*, p. 21; Emerson—Nice, 1951, p. 164 и рис. 3.

⁹⁶ Swift. *Op. cit.*, p. 106, рис. 23—24.

⁹⁷ W. R. Lethaby, H. Swainson (*op. cit.*, p. 229—230) считают первоначальными и металлические, и деревянные связи; по их предположению, были еще и

Наиболее интересен вопрос о начертании и о деформации арок и сводов. Второй купол Исидора Младшего первоначально следовал сложной многоцентральной кривой, в нижней части перпендикулярной к слегка наклонному внутреннему карнизу. При всей своей сложности эта нециркулярная кривая первоначально была плавной и снизу должна была казаться частью круга⁹⁸. Теперь она приобрела еще и слегка стрельчатое начертание; это должно объясняться продолжавшим расти расхождением верха пилонов, которое влекло за собою растяжение нижнего кольца купола; следствием явилось понижение верхней его части не менее чем на полметра и искажение первоначально плавной кривой профиля⁹⁹. Таким образом, в главном куполе сочетаются первоначально задуманная сложная кривая с ее искажением от деформации.

Как показали еще неопубликованные обмеры, полуциркулярные кривые и сегменты круга представляют в Софии не правило, а исключение; к ним относятся кованые аркады главного нефа, где при относительно небольших пролетах характер кривой не должен был играть особой статической роли. Но все главные конструктивные части — купол, паруса, подпружные арки, а также многие другие арки и своды — были построены с самого начала по многоцентровым сложным кривым, приближающимся к «цепной» кривой¹⁰⁰, наиболее выгодной в статическом отношении¹⁰¹.

Применение «цепных» кривых представляется продолжением римской традиции; в настоящее время установлено, что большая часть приятных для глаза римских сводов построена не по циркулярной кривой, как думали раньше, а представляет кривые сложные, тоже преимущественно «цепного», конструктивного характера¹⁰². Из этих немногих примеров следует, что только с опубликованием точных, а не имеющихся в настоящее время схематических чертежей, и с исследованием на месте кривых можно будет определить, какие именно своды и арки были нецентрическими с самого начала и какие стали ими в результате деформаций. Выяснение этих вопросов имело бы очень большое значение. С одной стороны, оно дало бы возможность более точно судить об уровне математических познаний поздней античности и об их применении в архитектуре. С другой стороны, оно помогло бы и современной творческой практике, поскольку во многих районах у нас все еще сооружаются каменные (т. е. кирпичные и бетонные) своды. Наконец, оно способствовало бы выяснению многих вопросов эстетического восприятия криволинейных поверхностей вообще и находящихся на них красочных фресок и мозаик в частности.

Из всего сказанного, по-видимому, следует, что София Константинопольская не может уже считаться чудом рационального проектирования и

временные, которые потом убрали. Свифт (op. cit., p. 106—108, рис. 23—24) предполагает, что железные связи были срочно введены сразу после того, как спилили временные деревянные и началась резкая деформация. Но вместе с тем он допускает, что некоторые из железных связей могут быть и первоначальными, назначавшимися главным образом для подвешивания ламп, так как они покрыты узорами.

⁹⁸ Но никогда не была ею; см. Emerson — Nice, 1951, рис. 5 на стр. 165.

⁹⁹ W. R. Lethaby, H. Swainson. Op. cit., p. 214; Swift. Op. cit., p. 51, 154—155, 165.

¹⁰⁰ Conant, BBI, 1946, p. 73—74; Swift. Op. cit., p. 20, 51, 158.

¹⁰¹ Впервые установлено Галиеем, см. Conant, AJA, 1939, p. 589; Swift. Op. cit., p. 51, n. 14.

¹⁰² K. Lehmann-Hartleben, J. Lindros. Opuscula archaeologica, I, 1936, p. 209; E. T. Dewald. AJA, 1922/1923, p. 319 (по Антониади); Конент (Early medieval church architecture, 1942, p. 14), видит примерно-цепную кривую и в первом и во втором куполе Софии; только в расчете на такую кривую и мыслится очень плоский первый купол; эту кривую Конент связывает с восточным влиянием (стр. 10, 15). То же, Conant, BBI, 1946, p. 72.

будто бы идеального, продуманного выполнения, как принимает многовековая традиция.

70 лет исследований все больше и больше подтверждают тезис Кондакова о том, что Софию следует рассматривать в ее историческом развитии, начавшемся, по его предположению, уже до Юстиниана. Это замечательнейшее сооружение должно скорее рассматриваться как наглядный пример безумно и неоправданно смелого проектирования, как здание хотя и великолепное, но не вызвавшее подражаний; несмотря на свои исключительные качества, София не родила нового направления в архитектуре, ее схема не стала типичной.

Для выяснения причин такой странной судьбы Софии небезынтересно проследить еще и судьбу другой, близкой по времени церкви, базилики «В» в Филиппах (так называемой Диреклер, третья четверть VI в.), которая недавно обследована, обмерена и опубликована с образцовой точностью¹⁰³. И в ней была допущена сходная ошибка: купол, как и в столичной Софии, был водружен над средней частью вытянутого в плане здания; он обвалился до окончания отделочных работ. Автор публикации, П. Лемерль, объясняет обрушение тем, что столичный автор попытался применить в провинции передовой по тому времени прием Анмифия и Исидора и потерпел в отличие от них провал. Сейчас можно скорее думать, что неуспех налицо в обоих случаях, но что в столичных условиях, путем последующих остроумных и решительных перестроек и реставраций удалось сохранить драгоценный интерьер Константинопольской Софии, пожертвовав ее внешним видом.

В этом процессе наружный облик Софии неузнаваемо изменился. Исчез облицованный ранее мрамором главный фасад¹⁰⁴; в XIX в. наружные стены были покрашены не гладко, а нелепыми полосами, заставляющими думать, что София сложена слоеной кладкой, которой в ней меньше, чем чисто кирпичной. Многочисленные контрфорсы и аркбутаны охватывают здание, силуэт которого ясен теперь только с больших расстояний, особенно с моря.

Обрушение Софии, завуалированное в официозных рассказах и панегриках Прокопия, Агафия, Феофана и других современников и более поздних авторов, а также в многочисленных легендах, отразившихся в славянских и даже в турецких и персидских сказаниях¹⁰⁵ и окутавших тайной историю Софии, не могло быть скрыто от специалистов. Фактический неуспех был ясен как строителям, так и проектировщикам. Только этим можно, как нам кажется, объяснить, что купольная базилика типа Софии и Диреклера не получила дальнейшего развития ни в Византии, ни в связанных с нею странах. Архитектура культовых зданий пошла, естественно, по иному направлению, имеющему корни в многокупольных крестовидных церквях вроде Неа и Апостолов в Константинополе или Иоанна в Эфесе; а это должно было привести к многовековому преоблада-

¹⁰³ P. Lemerle. *Philippe et la Macédoine orientale à l'époque chrétienne et byzantine*. Paris, 1945.

¹⁰⁴ Кондаков (ук. соч., стр. 118) объясняет отсутствие в Софии фасада пристройками времени Юстина.

¹⁰⁵ Кондаков. Ук. соч., стр. 122; Вульф. Ук. соч., стр. 207; Ф. Шмидт. *ЖМНП*, 1911, № 8, стр. 293—300; С. Вилинский. *Византийско-славянские сказания о создании храма св. Софии Цареградской*. *Летопись историко-филологического общества при императорском Новороссийском университете*, VIII (византийско-славянское отделение, V), 1900, стр. 227—336; В. Д. Смирнов. *Турецкие легенды о св. Софии и других византийских древностях*. Изд. ф-та восточных языков при С.-Петербургском университете. СПб., 1898; F. Tauer. *Les versions persanes de la légende sur la construction d'Aya Sophia*, BS, XV, 1, 1954.

нию крестовидных и крестово-купольных церквей не только в Византии, но и в связанных с нею странах.

Русские строители, восприняв принципы византийского куполостроения и мозаичного декора, тоже остереглись искушения и не стали повторять схему сказочно-прекрасного памятника; русская архитектура создавала в течение веков все новые и новые церкви, построенные по крестово-купольной, а не по базиликально-купольной схеме.

При подробном изучении София все больше и больше перестает казаться рядом новых последовательных церквей, строившихся при Константине, Констанции, Феодосии, Юстиниане; постепенно она начинает рисоваться как объединение старых зданий, образовавших в совокупности Большую церковь позднеантичных авторов; как ряд перестроек этой громадной церкви, приведших к созданию Софии Анфимия и Исидора; как ряд коренных ее реконструкций в VI, X, XIV вв., сопровождавшихся постепенной обстройкой основного массива множеством поддерживающих контрфорсов и аркутанов; и, наконец, как объект современной реставрации, решившейся заменить часть наружных контрфорсов не видимыми для глаза внутренними связями в куполе. Только замечательные интерьеры по-прежнему, несмотря на множество переделок и реставраций, кажутся нетронутыми произведениями византийских архитекторов, строителей, резчиков камня и мозаичистов. Но и интерьеры тоже слагались и изменялись в течение веков, и в них тоже необходимо проследить множество наслоений и изменений.

А. В. БАНК

**ВИЗАНТИЙСКИЕ СЕРЕБРЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ XI—XII вв.
В СОБРАНИИ ЭРМИТАЖА***

2. СЕРЕБРЯНАЯ СТАВРОТЕКА

Серебряная ставроотека, поступившая в 1930 г. в Эрмитаж из Государственного Русского музея, значится уже в первых изданиях «Обозрения Отделения Христианских древностей» музея¹. Позднее о ней упоминал А. П. Смирнов², оценивая ее как прекрасный «образец византийской пластики, вышедший, несомненно, из константинопольских ювелирных мастерских XI в.».

Действительно, среди ряда дошедших до нас памятников этого рода эрмитажная ставроотека представляет выдающийся интерес (рис. 1). Она имеет довольно характерную для предметов такого назначения форму четырехугольного деревянного ящичка (ковчежца, размерами 29×20,5×4,2 см) с углублением в виде шестиконечного креста и с выдвигной крышкой. На толстую доску ящичка и более тонкую крышки набиты со всех сторон листы позолоченного серебра с чеканными изображениями и орнаментом.

На выдвигной крышке снаружи представлена композиция Распятия Христа с предстоящими богородицею и Иоанном (с книгой в левой руке); вверху, по сторонам креста, — полуфигуры ангелов, солнце и луна. Под поперечной перекладиной креста обычная надпись (исполненная гравировкой): „ΙΑΒΟΥΟССΥ — ΙΔΟΥΗΜΡΣϚ“, переводимая церковно-славянским: «се сын твой», «се мать твоя»; на верхней перекладинке рельефные буквы: ΙС—ΧС. Композиция окаймлена жгутиком, воспроизводящим скань. Под ней три медальона с погрудными изображениями святых в фас: слева — Косма, в центре — Пантелеймон, справа (почти полностью утраченный) — Дамиан.

Такие же медальоны с погрудными изображениями святых в фас расположены на ковчеге, по сторонам от крышки: слева (считая сверху) — Петр, Иоанн Богослов, Лука, Андрей, Симон, Фома, Николай, Феодор; справа — Павел, Матвей, Марк, Варфоломей, Иаков, Филипп, Иоанн Зла-

* См. начало в ВВ, т. XIII, стр. 211—221.

¹ В первом издании, СПб., 1899, стр. 79, она датирована X—XI вв. и определяется, предположительно, на основании работы и орнамента как происходящая из Грузии (стр. 80); во втором, СПб., 1902, на стр. 94—95 она уже определяется как греческая работа XII в. К сожалению, установить, откуда поступил этот предмет в Русский музей, нам пока не удалось.

² А. П. Смирнов. Памятники византийской живописи. Л., 1928, стр. 11 и 27.

тоуст и второй Иоанн. Павел, евангелисты, Николай и Иоанн Златоуст представлены с книгой; Феодор и, возможно, Иоанн (изображение в этой части помято и не вполне ясно) — с крестом; остальные — со свитком.

По верхнему краю, над крышкой, в таких же медальонах, в центре — изображение уготованного престола, по сторонам которого обращенные к нему в $\frac{3}{4}$ полуфигуры архангелов: слева — Михаил и Рафаил, справа — Уриил и полностью утраченный медальон, вероятно, представлявший Гавриила. Имена всех святых и архангелов обозначены гравированными надписями внутри медальонов.

На углубленном поле ковчежца внутри (рис. 2), по сторонам вместилища для частиц креста, внизу — фигуры Константина и Елены в рост и в фас; сверху — полуфигуры ангелов. Этот лист серебра окаймлен орнаментом в виде схематических листьев, расположенных по скосу выемки.

На боковых и верхней сторонах ковчежца — вьющаяся лоза с крупными пятилепестковыми цветами и полупальметками (рис. 3). По низу — тонкая пластинка с грубоватым растительным орнаментом (вероятно, позднейшая).

На оборотной стороне ставротeki — орнаментированный четырехконечный процветший крест с кружками, так называемыми слезками и медальонами на концах и перекрестье, завершающийся аканфовыми листьями. Вверху, по его сторонам, в медальонах — рельефные буквы: $\bar{I}\bar{C}-\bar{X}\bar{C}$ (рис. 4).

На выдвинутой крышке внутри — гравированный шестиконечный орнаментированный голгофский крест на ступенях, с закругленными концами; по его сторонам — два дерева; в медальонах — надпись: $\bar{I}\bar{C}-\bar{X}\bar{C}||\bar{N}\bar{I}-\bar{K}\bar{A}$ (рис. 5).

Состояние сохранности ставротeki в общем хорошее, однако имеются некоторые утраты: так, выломан полностью один медальон по верхнему краю и большая часть медальона с изображением Дамиана; повреждены изображения архангела Михаила и святого Феодора; отломаны части пластины с изображением процветшего креста; имеются значительные утраты по нижнему краю, а также ряд мелких выпадов и трещин. Видна вертикальная трещина и на доске, со стороны креста.

Все пластины на внутренней и боковых сторонах ковчежца, так же как медальоны, обрамлены тонкими жгутиками (несколько огрубленными, на листе вокруг углубления для креста). Такие же жгуты — однако явно более грубой работы — окаймляют пластину с изображением процветшего креста, самый крест и медальоны с надписью; они разделяют на концах креста орнаментальный узор на квадратики и секторы. Фон вокруг медальонов с изображением святых заполнен растительным орнаментом в виде пальметок, окруженным пунктиром. Такой же пунктир служит фоном и для лозы на боковых стенках. Пунктиром обрамлены все нимбы, за исключением тех, которые окружают головы Константина и Елены, а также ангелов над крестовидным углублением. Нимбы Христа, богоматери и Иоанна, помимо того, орнаментированы тончайшими пунктирными завитками. Точками заполнены условное изображение Голгофы под крестом и горки у ног богоматери и Иоанна. Наконец, пунктир применен и для украшения креста на обратной стороне крышки; здесь он является фоном для выявления узора и надписи в медальонах.

Убранство ставротeki, несомненно, отличается тем высоким художественным качеством, которое впервые, как говорилось выше, отметил А. П. Смирнов. Это особенно заметно в изображениях святых и распятия на ее лицевой стороне. Лицам святых приданы индивидуальные черты. Выдержанные в нормальных пропорциях фигуры сцены Распятия отличаются выразительностью (рис. 1). Мастер передает строение челове-

ского тела: это видно как по изображению полуобнаженной фигуры Христа, так и по трактовке складок на драпировках богородицы и Иоанна. Несколько слабее исполнены профильные полуфигуры ангелов. Искусно пользуется мастер орнаментом и пунктирным заполнением для выделения изображений. По-видимому, тот же мастер обрабатывал боковые пластины ставропекти.

Быть может, другой руке принадлежат изображения на листе, окружающем углубление для креста. Выше уже отмечалась некоторая грубоватость в исполнении жгутика, украшающего его по краю; то же можно сказать и о примыкающем к нему орнаменте из листиков. Фигуры Константина и Елены также имеют некоторые отличия: головы их даны в подчеркнуто высоком рельефе. В их общей характеристике и выражении лиц чувствуется скованность и застылость. Складки одежд схематизированы, под ними не чувствуется живого человеческого тела. Положение ног Елены не соответствует фронтальному расположению фигуры. Несколько примитивно изображение венцов с подвесками — гравировкой на фоне нимбов. Некоторые особенности можно отметить также в изображении ангелов и в ряде деталей (например, в отсутствии пунктира вокруг нимбов, в том, какими приемами передаются глаза, губы и т. д.).

Грубоватость исполнения явственно бросается в глаза при рассмотрении обратной стороны ставропекти (в частности, в неравномерном нанесении нарезок на жгутах, в распределении узоров на самом кресте и т. д.), возможно, однако, объясняющаяся второстепенным значением этого листа. Тем не менее свобода в трактовке листьев аканфа, их объемность далеки от позднейшей, значительно более сухой манеры в исполнении этого мотива.

Можно согласиться с Эберсолтом³, что ставропекти составляют одну из наиболее распространенных серий среди византийских реликвариев. Многие из них известны лишь по описаниям или старинным изображениям, другие дошли до нашего времени. Наиболее парадные экземпляры, как, например, прославленная Лимбургская ставропекта (X в.)⁴, были украшены не только чеканными изображениями по позолоченному серебру, но и перегородчатой эмалью на золоте. К этой группе ставропект относится и не получивший отражения в зарубежной науке великолепный ковчег, хранящийся в монастыре Кирика и Улиты в Сванетии⁵. На его крышке имеется изображение Распятия, исполненное в технике перегородчатой эмали, окаймленное орнаментом из аканфовых листьев; вокруг пластины расположены гнезда для камней различной формы, а по низу — лоза с пятилепестковыми цветами. На внутренней стороне ковчега — углубление в форме шестиконечного креста на ступенях; по его сторонам — чеканные изображения Константина и Елены в рост, на подножиях (рис. 6). Вверху — полуфигуры архангелов Михаила и Гавриила в медальонах, по углам — прямоугольные дверки (скрывающие мощи) с фигурами Петра и Павла (вверху), Иоанна Предтечи и пророка Ильи в рост. На обратной стороне — сцена Сошествия во ад, окруженная тем же орнаментом из пятилепестковых цветов.

Издательница сванской ставропекти датирует ее временем «от IX до XI столетия»⁶, хотя большинство приведенных ею аналогий относится

³ J. Ebersolt. Sanctuaires de Byzance. Paris, 1921, p. 124.

⁴ См. статьи о ней в журнале „Das Münster“, 1955, Heft 7 8. München, S. 201—240.

⁵ Издан П. С. Уваровой. Поездка в Пшавию, Хевсуретию и Сванетию. МАК, X, 1904, табл. XXVI—XXVII. В настоящее время хранится там же в разломанном состоянии.

⁶ Там же, стр. 99.

Рис. 1. Ставроотека из собрания Эрмитажа. Общий вид лицевой стороны

Рис. 2. Ставроотека из собрания Эрмитажа в раскрытом виде.

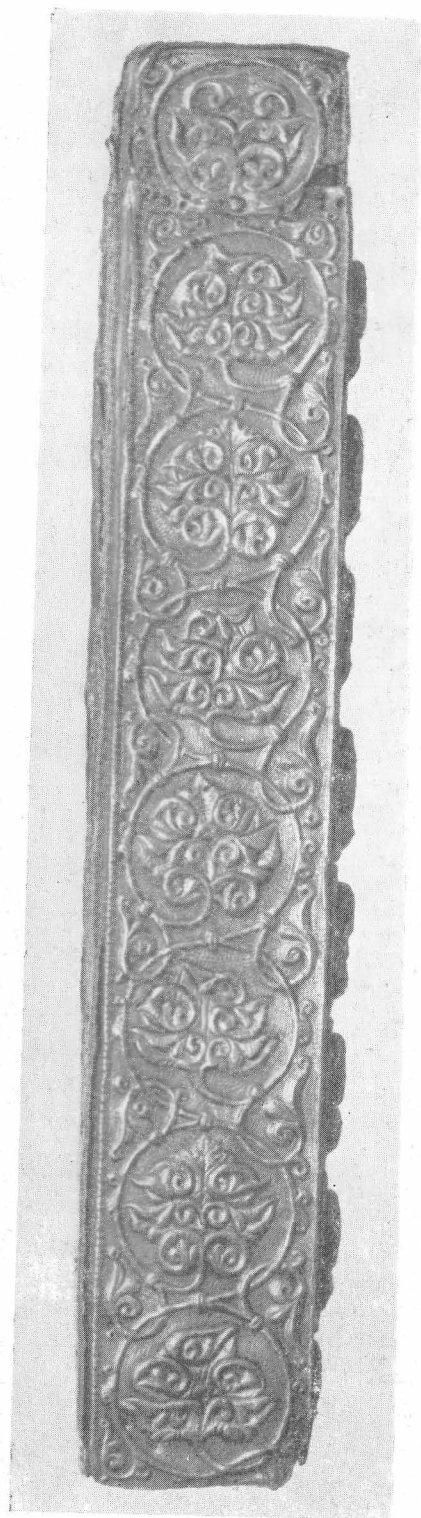

Рис. 3. Боковая сторона
ставротки

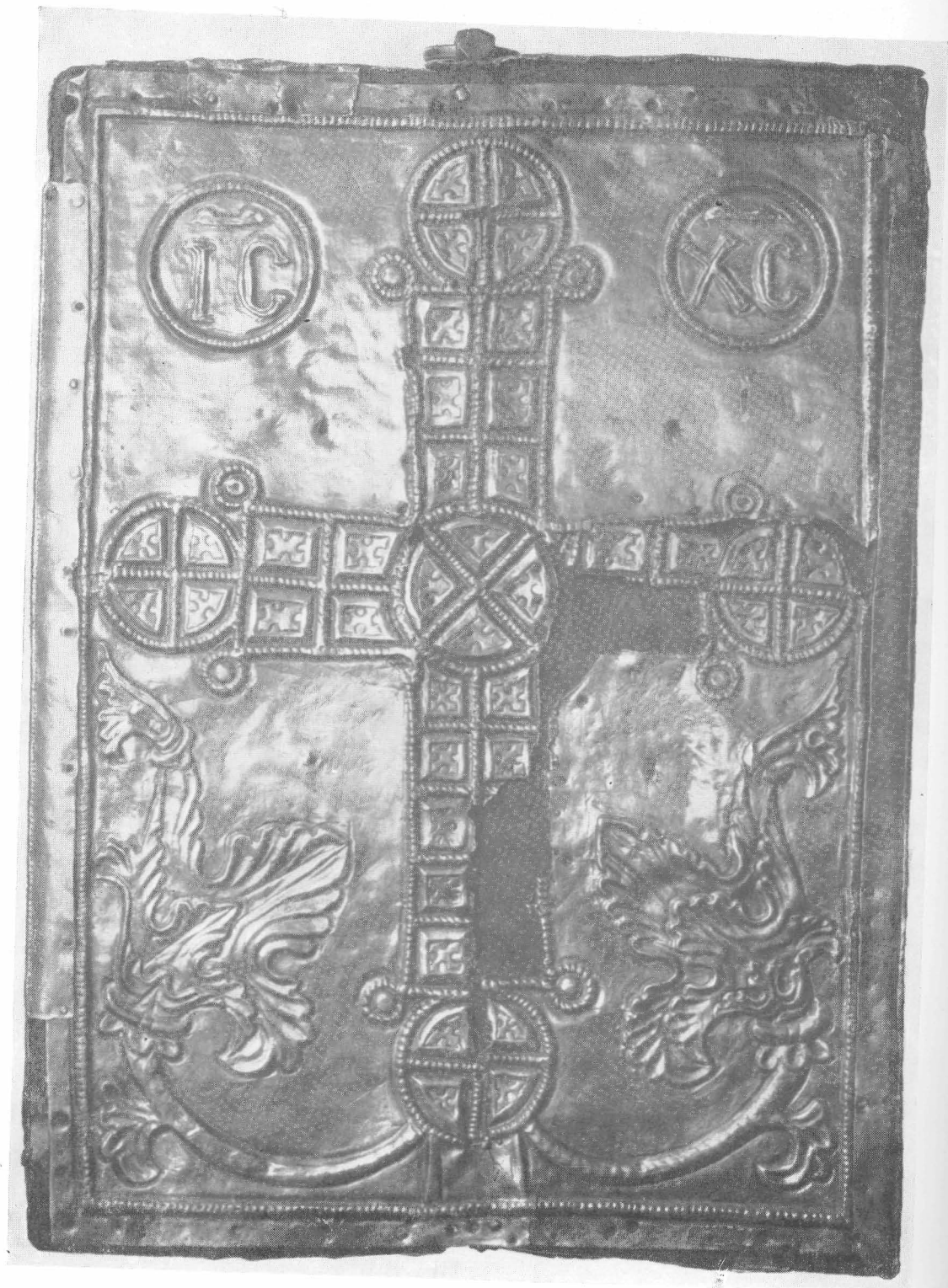

Рис. 4. Обратная сторона ставротеки

Рис. 5. Обратная сторона крышки ставротки

Рис. 6. Ставрогика из монастыря Кирика и Улиты в Сванетии: внутренний вид

Рис. 7. Филофеевская ставроотека
Гос. Оружейная палата в Москве

Рис. 8. Муранская ставроотека. Музей в Урбино.

Рис. 9. Гальберштадский дискос (снимок с гальванокпии)

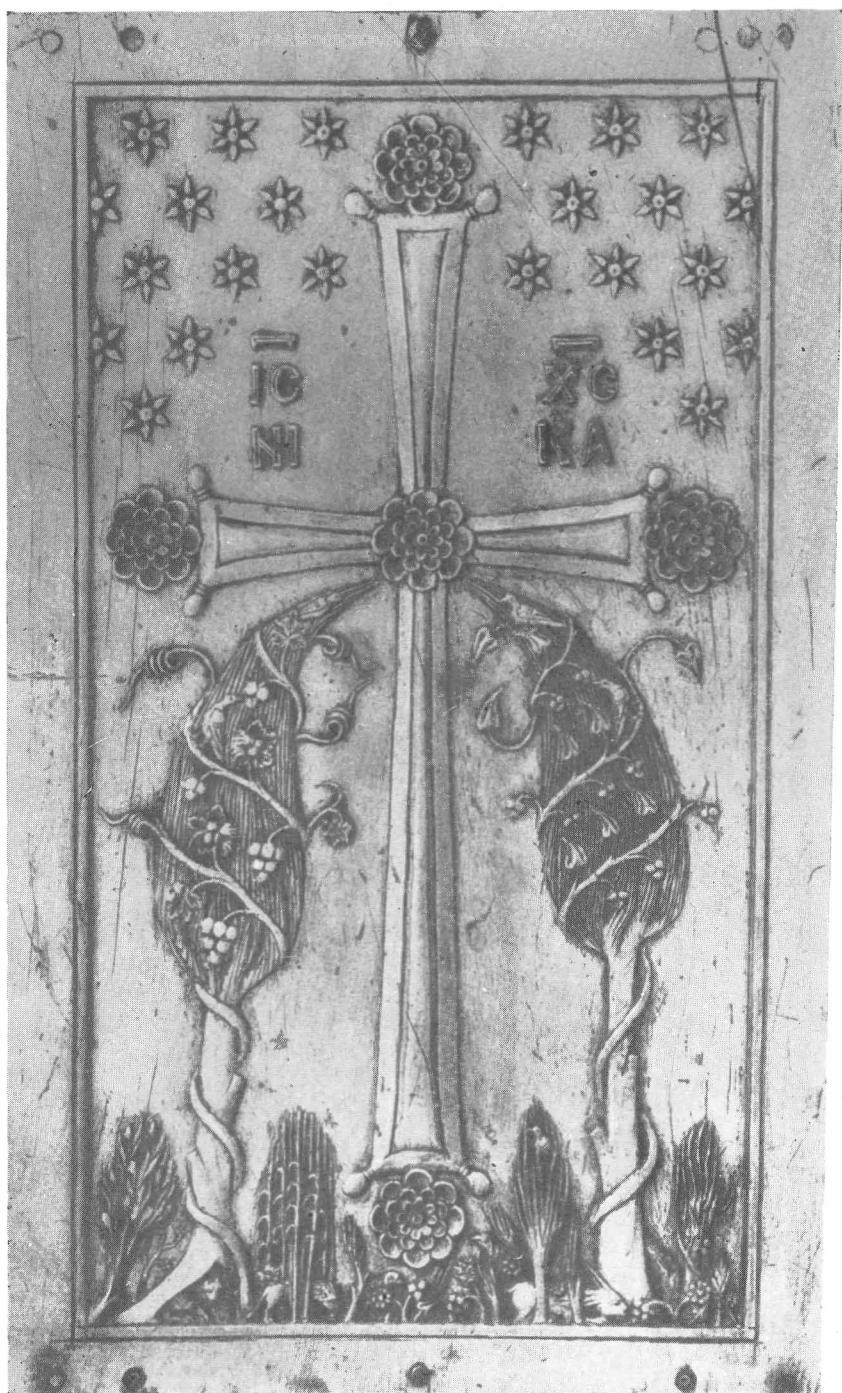

Рис. 10. Арбавильский триптих слоновой кости. Обратная сторона.
Лувр. Париж

к XI или XII в. Не подлежит сомнению, что она не одновременна Лимбургской ставроотеке, а, возможно, исполнена либо несколько позже, либо одновременно с нашей. Несмотря на высокое качество ее исполнения, как в орнаментации, так и в трактовке приземистых фигур, отметим большую схематизацию и сухость по сравнению с публикуемым экземпляром.

Более широко вошла в научный оборот так называемая Филофеевская ставроотека, хранящаяся в Государственной оружейной палате в Москве (известна, однако, лишь по старым репродукциям середины XIX в.)⁷. Она относится к тому же типу ковчежца с выдвинутой (к сожалению, не сохранившейся) крышкой и выемкой в форме шестиконечного креста (рис. 7). По полю, вокруг крышки, здесь расположена надпись, как на Лимбургской ставроотеке. На боковых стенках — утративший свою живость растительный орнамент с пятилепестковыми цветами; здесь лоза образует замкнутые круги, между которыми расположены предельно схематизированные пальметки, восходящие к тем, что окружают медальоны на нашей ставроотеке. По сторонам углубления для креста, на месте, где обычно изображаются Константин и Елена, — Косма и Дамиан (помещенные на эрмитажной ставроотеке в медальонах под распятием). Наконец, сверху на Филофеевском ковчежце представлены в медальонах погрудные изображения: слева — Кира, справа — Пантелеймона. Фон вокруг креста разделан орнаментом, продолжающим (в сильно стилизованном виде) традиции того, который заполняет поле на реликвариях из Латерана и Эрмитажа⁸.

Некоторой аналогией для нашего памятника является и так называемая Муранская ставроотека, хранящаяся ныне в музее в Урбино⁹. Вокруг выемки в виде шестиконечного креста здесь также набит серебряный позолоченный лист с жгутиками по краям; по сторонам, лицом к зрителю — Константин и Елена (рис. 8); около них — греческие надписи; сверху — полуфигуры парящих ангелов. При общем сходстве в этой части обоих памятников изображение здесь представляется более неподвижным и тяжеловесным; структура тела полностью перестает ощущаться под перегруженными украшениями одеждами. Если на Эрмитажной ставроотеке Константин и Елена указывают на крест, то на Муранской их позы и положение рук не оправданы композицией. Приводимая издателями¹⁰ датировка — конец XII — начало XIII в. — кажется убедительной, тогда как определение места производства ставроотеки — Константинополь — вызывает сомнение.

Ряд других ставроотек отличается от нашей по типу, форме, характеру убранства, неизменно сохраняя лишь шестиконечные выемки для креста, по сторонам которых (иногда на эмали, на стеганых или кости и др.) представлены Константин и Елена¹¹. Такова, например, известная ставроотека из Грана¹², фигуры которой, исполненные из эмали, имеют некоторое

⁷ A. Weltmann. Le trésor de Moscou. M., 1865, p. 20.

⁸ См. ВВ, XIII, стр. 211—221.

⁹ G. Fogolari. La teca del Bessarione et la croce di San Teodore di Venezia. Dedalo, 1922, vol. IV, p. 144; L. Serra. A stauroteca at Urbino. Burlington Magazine, vol. XXXV, 1919, p. 105—110. Недавно опубликована с фантастической датировкой (VII в.) еще одна ставроотека этого же типа и времени, фигурировавшая на выставке в Лукке. Константин здесь назван... св. Антиохом (J. Fleming. Ecclesiastical Art at Lucca. The Connoisseur, vol. CXL, Nov. 1957, p. 175).

¹⁰ G. Fogolari. Op. cit., p. 144; L. Serra. Op. cit., p. 109.

¹¹ Н. П. Кондаков. Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902, табл. XXIV—XXV.

¹² E. Molinier. Le reliquaire de la vraie croix au trésor de Gran. Gazette archéologique. Paris, 1887, pl. 32.

сходство с публикуемым памятником как по их постановке, так и в отдельных деталях (см., например, крест на торакионе Елены); такова, в известной мере, ставротека из сокровищницы собора в Лентини в Сицилии, на стеатитовом рельефе которой представлены Константин и Елена¹³, и ряд других.

Издаваемый памятник имеет довольно близкие аналогии в кругу серебряных предметов другого назначения. В их числе следует прежде всего указать на известный Гальберштадтский дискос (рис. 9), где сочетается сцена Распятия (в несколько ином иконографическом изводе, с той же традиционной надписью) с погрудными изображениями святых в медальонах, расположенных по краю и по изгибу блюда. Центральная композиция и медальоны обрамлены жгутиками и выделяются на фоне растительного орнамента, несколько более мелкого, но почти совпадающего по рисунку с тем, который украшает боковые стенки нашей ставротеки.

Насколько можно судить по гальваноконии, изображения святых здесь даны в более высоком рельефе, фигура Христа отличается утонченными пропорциями; имеются и другие мелкие стилистические особенности, позволяющие говорить скорее об индивидуальности мастера, чем о разных художественных устремлениях или о разных датах обоих памятников.

Черты сходства с Эрмитажной ставротекой можно усмотреть и на окладе из сокровищницы Сан-Марко¹⁴, на которой имеются подобные погрудные изображения святых в медальонах. Значительную иконографическую и стилистическую близость представляет сцена Распятия на центральном медальоне другого оклада из той же сокровищницы¹⁵. Особенно похожи по своей трактовке фигуры богоматери и Иоанна; их отличает лишь отсутствие линии почвы. Строже здесь передана и фигура Христа — без того, уже значительно выраженного, изгиба тела, которым отмечен наш памятник.

Сцена Распятия, очень часто изображавшаяся на различных образцах византийского прикладного искусства, дошла до нас в большом числе рельефов слоновой кости, главным образом X—XI вв. Композиция дана здесь обычно в том же сжатом варианте, что и на ставротеке: богоматерь и Иоанн — по сторонам распятого Христа, в верхних углах — полуфигуры ангелов¹⁶; нередко встречается также традиционная надпись и медальоны с солнцем и луной; в некоторых случаях сходно передается Голгофа¹⁷. Фигура Иоанна встречается в двух вариантах: иногда он подпирает правой рукой щеку, левая — опущена или с книгой¹⁸, чаще — он держит левой рукой книгу, правой указывает на распятие¹⁹. Характерно для подавляющего большинства этих изображений фронтальное расположение фигуры Христа, вытянутое безо всякого изгиба тело; лишь в очень редких случаях²⁰ имеется едва заметный изгиб.

К. Вейтцман все эти памятники датирует в пределах X в., выделяя среди них лишь разные стилистические группы. Нам думается, что более прав Г. Милле²¹, который отмечает первые проявления эмоциональности в сцене Распятия в середине XI в. В сильно изогнутом теле Христа на

¹³ G. Schlumberger. *L'épopée byzantine*, t. III. Paris, 1905, p. 804.

¹⁴ BB, XIII, рис. 10.

¹⁵ A. Pasini. *Il tesoro di San Marco in Venezia*. Venezia, 1885, Tav. VII—VIII.

¹⁶ A. Goldschmidt und K. Weitzmann. *Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen*, Bd. II. Berlin, 1934, № 25—27, 38—40, 83, 101—108, 158—160 и др.

¹⁷ *Ibid.*, № 101.

¹⁸ *Ibid.*, № 28, 122, 155—160.

¹⁹ *Ibid.*, № 26, 27, 39, 106.

²⁰ *Ibid.*, № 101, 104.

²¹ G. Millet. *Recherches sur l'iconographie de l'évangile*. Paris, 1916, p. 405.

нашей ставроотеке появляется элемент того нового типа, который развивается в позднейших памятниках византийского искусства. Некоторая стертость поверхности не дает уверенности в том, действительно ли Христос представлен здесь с закрытыми глазами, — момент, который, по мнению Ш. Я. Амиранашвили, также встречается лишь с конца XI в.²²

Основание для датировки нашей ставроотеки дает и небольшая иконографическая деталь, отличающая изображение Елены. На нижней части ее одежды, возможно, прикреплен к поясу так называемый торакион — кусок ткани в форме, напоминающей щит, с изображением шестиконечного креста. Эберзольт²³, а затем Жерфаньон²⁴ занимались вопросом об этой

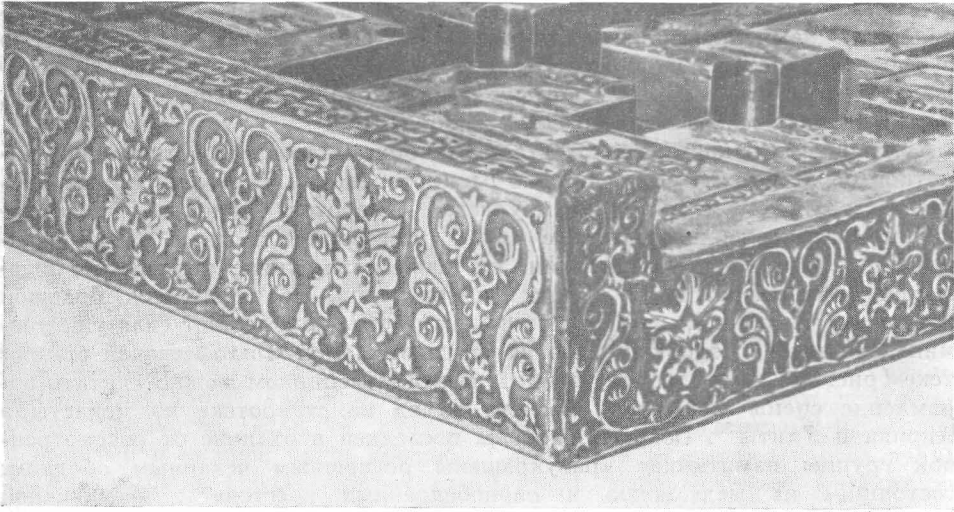

Рис. 11. Лимбургская ставроотека. Боковая сторона

специфической детали одежды византийских императриц. На основании довольно большого числа изображений (превышающего 25 памятников) Жерфаньон пришел к заключению, что торакион встречается почти исключительно на памятниках от 1040 до 1100 г. (лишь одно изображение относится к третьей четверти XII в.).

Переходя к изображению голгофского креста с деревьями по его сторонам на оборотной стороне крышки нашей ставроотеки, следует указать на сравнительную редкость этой композиции.

В более развернутом виде подобное изображение имеется на оборотной стороне прославленного Арбавильского триптиха X в. (хранящегося в Лувре)²⁵. Здесь представлен крест иной формы, как бы на фоне звездного неба, но без ступеней (рис. 10); у его подножия расположены мелкие фигурки животных и птиц среди растений, между которыми возвышаются два дерева, обвитые лозой винограда и плющом. Подобное изображение,

²² Ш. Я. Амиранашвили. Бека Опизари. Тбилиси, 1956, стр. 29—30.

²³ J. Ebersolt. *Mélanges d'histoire et d'archéologie byzantine*. Paris, 1917, p. 65.

²⁴ J. Jerphanion. Le „Thorakion“ caractéristique iconographique du XIe siècle. *Mélanges Charles Diehl*, II. Paris, 1930, p. 71—79.

²⁵ A. Goldschmidt und K. Weitzmann. *Op. cit.*, Bd. II, Taf. XIII, № 133. Датировка этого триптиха X в. представляется более убедительной, чем многих других предметов.

символизирующее рай²⁶, в еще более условной форме воспроизведено на Эрмитажной ставроотеке; по-видимому, здесь было уже утрачено символическое значение этих деревьев.

В другом месте нам уже приходилось рассматривать эволюцию изображения процветшего четырехконечного креста на византийских серебряных изделиях²⁷. Здесь любопытно отметить, что орнаментальное заполнение обоих крестов на издаваемом памятнике восходит к декоративному убранству Лимбургской ставроотеки²⁸; оно повторяется и на складне из Шемокмеди²⁹. С крестом, изображенным на этом складне, а также на окладе из библиотеки Сан-Марко в Венеции³⁰, можно сблизить и трактовку аканфовых листьев процветшего креста на обратной стороне нашей ставроотеки. Несмотря на некоторую грубость исполнения по сравнению с обоими названными памятниками, она отличается большой сочностью и свежестью в передаче листвы; наиболее стилизованные формы приобретает изображение листьев на серебряной крышке от реликвария, хранящейся в Лувре³¹, несмотря на высокое мастерство в ее обработке.

Украшение боковых стенок ставроотек орнаментом из растительных завитков было, по-видимому, широко распространено. Наиболее ранним примером и в этом является Лимбургская ставроотека (рис. 11)³²: вертикально расположенные пышные пяти- (или семи-) частные цветы окаймлены растительными завитками. На нашем памятнике непрерывно вьющаяся лоза расположена в ином направлении, но отличается большой живостью и свободой; наиболее застылые формы приобретает (как уже упоминалось выше) подобный узор на так называемой Филофеевской ставроотеке (рис. 7); его непосредственным предшественником можно считать обрамление сцены Сошествия Христа во ад на ставроотеке из монастыря Кирика и Улиты³³. Боковые стороны последней в отличие от рассмотренной группы памятников «разукрашены роскошным чеканным ободком, состоящим из медальонов и равнобедренных крестов»³⁴; аналогичной является декоровка боковых сторон Венецианского ковчежца³⁵. Так варьируется расположение отдельных элементов на разных памятниках.

Византийская эпиграфика и, в частности, надписи на вещах все еще недостаточно изучены: некоторые специфические закономерности, отраженные на памятниках сфрагистики, не могут применяться к предметам прикладного искусства. В пределах привлекавшихся нами памятников можно лишь сказать с уверенностью, что Эрмитажная ставроотека и в этом отношении может быть сблизена с Гальберштадтским диском; она относится к более позднему времени, чем Лимбургская ставроотека³⁶ и крест из Мاستрихта³⁷, т. е. датируется не ранее первой половины XI в. Вместе

²⁶ A. Goldschmidt und K. Weitzmann. Op. cit., Bd. II, S. 34; G. Schlumberger. *Mélanges d'archéologie byzantine*. Paris, 1895, p. 82—85. В последнее время исследовал вопрос о значении этого типа креста P. Underwood. *The fountain of life in manuscripts of the Gospels*. *Dumbarton Oaks Papers*, V, 1950, p. 41—138, fig. 45—48.

²⁷ ВВ, XIII, стр. 218—220.

²⁸ Там же, стр. 217.

²⁹ Там же, рис. 219.

³⁰ A. Pasini. *Il tesoro di San Marco*. tav. XXIII.

³¹ O. M. Dalton. *Byzantine Art and Archaeology*. Oxford, 1911, p. 559, fig. 343.

³² «Das Münster», 1955, Heft 7-8, S. 205, Abb. 3.

³³ МАК, X, рис. 23.

³⁴ МАК, X, стр. 96.

³⁵ A. Pasini. *Il tesoro...*, p. 33.

³⁶ «Das Münster», 1955, Heft 7-8, Abb. 4, 5.

³⁷ S. G. Mercati. *La stauroteca di Maestricht ora nella Basilica Vaticana*. *Memorie della Pontificia Accademia Romana di Archaeologia*. Roma, 1924, tav. XXVI.

с тем в ее надписях отсутствует та тенденция к украшательству букв (перемычками на буквах Г, Т, Р, П, хвостиками у А, У и др.), которая сближает надпись на Филофеевской ставроотеке с окладом середины XIII в. на иконе богоматери Одигитрии из ризницы Троице-Сергиевской Лавры (ныне экспонированной в Третьяковской галерее)³⁸.

На основании всего изложенного представляется возможным датировать публикуемую ставроотеку скорее всего концом XI, быть может, началом XII в. Весьма вероятно, что она изготовлялась не одним, а по меньшей мере двумя мастерами. Едва ли есть основания сомневаться в том, что это — памятник константинопольского происхождения.

Исследование двух эрмитажных экспонатов дает некоторый материал для хронологической и типологической классификации памятников этого рода. Дальнейшее изучение аналогичных произведений искусства, возможно, позволит поставить более широкие вопросы и сделать более точные заключения.

* *
*

В XIII томе «Византийского временника» (стр. 211 сл.) мною был опубликован византийский серебряный реликварий из собрания Эрмитажа. В статье, однако, не была принята во внимание чрезвычайно близкая этому памятнику аналогия — серебряный реликварий, хранившийся в монастыре Мариенштерн в Саксонии³⁹.

Он представляет собой также серебряный позолоченный трехстворчатый складень с выдвигающей крышкой, под которой имеется сходно оформленное вместилище для креста. Почти совпадает декоративное убранство обоих предметов, если не считать отсутствия орнаментальной полосы с ромбами в нижней части крышки. Саксонский экземпляр в свое время также украшали (позднее утраченные) эмали, расположенные в таких же медальонах. На выдвигающей крышке и здесь круглый медальон вписан в ромб и окружен четырьмя меньшими медальонами по углам. Сходно оформлена и наружная сторона створок: добавлены лишь небольшие прямоугольные гнезда для камней (между медальонами) и имеется не два (как на нашем реликварии), а четыре небольших гнезда в средней части. На внутренней стороне этих створок расположено также по два ряда медальонов, но по четыре, а не по пять в каждом ряду. Под выдвигающей крышкой — почти совпадающее по форме обрамление для креста, но только крест, очевидно, был больших размеров и в связи с этим тут нет тех маленьких медальончиков, которые составляли часть обрамления на эрмитажном экземпляре. По сторонам креста, так же как и на нашем реликварии, помещались эмали — сверху две круглые, а внизу две прямоугольные.

Исключительную близость представляет и чеканное убранство оборотной стороны обоих реликвариюв. Не только общая композиция — процветший крест (хотя и несколько более удлиненных пропорций) с розетками на концах и в центре, расположенный в обрамлении из двойного ряда пятилепестковых цветов, соединенных стебельками, — но и отдельные детали (как орнаментальное заполнение креста, титла в надписи и пр.) буквально совпадают. Стилистически оба памятника также чрезвычайно близки друг

³⁸ Н. П. Кондаков. Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб., 1906, рис. 10 и 11.

³⁹ Prinz Johann Georg. Eine Staurothek im Kloster Marienstern (Sächsische Oberlausitz). Monatshefte für Kunstwissenschaft, Bd. VII. Leipzig, 1914, S. 249—250, Taf. 49—50).

другу. Это заметно, например, при сопоставлении трактовки аканфовых листьев, цветочных розеток и пр. Единственное значительное отличие в этой части заключается в характере убранства фона, на котором выделяется крест: вместо сложного узора (как бы из спиралек) Эрмитажного реликвария, повторенного в упрощенной форме на Латеранском, здесь фон заполнен орнаментом из повторяющихся, находящихся друг на друга чешуек.

Мы никак не можем согласиться с автором публикации саксонского реликвария⁴⁰ о якобы одновременном оформлении различных его частей. Еще более фантастическим следует считать его предположение о «поздне-романском» характере исполнения крышки с изображением процветшего креста. На основании сопоставления с целым рядом византийских памятников, приведенных нами в первой статье⁴¹, можно утверждать, что этот реликварий во всех своих частях органически входит в византийскую торевику XI в.

Высказанное нами ранее предположение об изготовлении ряда серебряных изделий в одной столичной мастерской относится и к данному образцу. Скорее всего саксонский экземпляр исполнен тем же мастером, что и ленинградский; естественно, что в условиях ремесленного производства не было и не могло быть полного совпадения всех деталей, но близость обоих памятников не может подвергнуться сомнению. В той же мастерской (быть может, несколько позже) мог быть изготовлен и Латеранский памятник. Цепь перекрестных совпадений сближает все названные предметы с теми, что приведены были нами ранее⁴². О живучести технических традиций говорит, в частности, один из наиболее поздних памятников этой группы — так называемая Филофеевская ставротека.

Необходимо отметить, что реликварий из монастыря Мариенштерн интересен еще и в силу следующего обстоятельства. Согласно преданию, отраженному во вложенной в него записи 1724 г., он находился в Германии уже в 1190 г.⁴³ Предполагается, что ставротека попала в Германию во время Третьего крестового похода. Наличие датирующих оснований еще для одного памятника этого рода имеет большое значение для дальнейшего исследования той отрасли прикладного искусства, которая пользовалась заслуженной славой далеко за пределами Византийской империи.

⁴⁰ Prinz Johann Georg. Eine Staurothek. . . , S. 249.

⁴¹ ВВ, XIII, стр. 214—220.

⁴² Там же.

⁴³ Prinz Johann Georg. Eine Staurothek. . . , S. 250.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

АРМЯНСКИЙ СУДЕБНИК МХИТАРА ГОША

Перевод с древнеармянского **А. А. Паповяна**

Редакция, вступительная статья и примечания **Б. М. Арутюняна**

Памятники древнеармянской литературы, II.

Издательство АН АрмССР, Ереван. 1954, стр. XXXVIII + 269

Предпринятое Институтом истории Академии наук Армянской ССР издание памятников древнеармянской литературы, вторым выпуском которых является настоящий перевод, нужно всячески приветствовать. Этим восстанавливается хорошая традиция печатания переводов памятников письменности древней Армении, существовавшая в прошлом и отчасти в нынешнем веке в Петербурге и в Москве.

Армянский оригинал Судебника Мхитара Гоша впервые критически был издан в России в 1880 г. Следует отметить, что исследователь и издатель оригинала архимандрит Ваган Бастамянц окончил гимназические классы Лазаревского института восточных языков в Москве и затем юридический факультет Московского университета. Иначе говоря, научное издание Судебника осуществлено питомцем русской школы востоковедения и правоведения. С издания В. Бастамянца и сделан перевод.

Переводчику, несомненно, пришлось преодолеть огромные трудности. Хотя издатель оригинала и снабдил текст разночтениями и многочисленными, часто весьма ценными, примечаниями, положение переводчика все же было весьма сложным. Прежде всего язык Судебника не чисто древнеармянский. К XII—XIII вв. древнеармянский литературный язык окончательно омертвел; Мхитар Гош, как и другие авторы этого времени, не мог ограничиться нормами и лексикой древнего языка и не внести элементы живой речи. Думая на живом, среднеармянском языке и стремясь по традиции писать на древнем, Мхитар Гош в целом написал свой Судебник на языке с очень шатким синтаксисом и с не всегда правильной морфологией. Это обстоятельство сильно повредило ему, ибо его формулировки часто неясны, они довольно далеки от тех блестящих формулировок, которые были выработаны римскими юристами. Некоторые предложения у Мхитара Гоша остаются незаконченными. Вообще язык Мхитара — далеко не язык юриста, а скорее ученого комментатора, а порой — моралиста. Трудность перевода усугублялась и тем, что в тексте Судебника существует немало искажений, добавлений и сокращений, в которых повинны многочисленные переписчики. Поэтому, как указывает автор вступительной статьи Б. М. Арутюнян, «переводчику приходилось иногда прибегать к вольному переводу смысла, того или другого выражения» (стр. XXXVII).

Следует, кроме того, иметь в виду, что многое касательно Судебника как памятника письменности средневековья до сих пор не выяснено, хотя

о нем и написано немало работ исследователями-историками и юристами¹. Окончательно не выяснено, весь ли Судебник принадлежит перу Мхитара Гоша. Далеко не закончена текстологическая работа на материале рукописей Судебника, хранящихся за рубежом в библиотеках Европы и Ближнего Востока.

Все эти обстоятельства необходимо учитывать, оценивая первый русский перевод Судебника. Следует признать, что переводчику удалось достаточно точно перевести содержание подавляющего большинства статей Судебника. Русский читатель получил теперь возможность ознакомиться с общим характером этого очень интересного памятника права. Однако для научных целей перевод А. А. Паповяна может быть использован с чрезвычайной осторожностью, ибо во многих случаях, в силу только что отмеченных обстоятельств, переводчик вынужден был ограничиться лишь передачей общего смысла тех или иных формул памятника.

Переводу предпослана большая статья Б. М. Арутюняна, удачно вводящая читателя в круг вопросов, связанных с Судебником Мхитара Гоша. Автор дает сжатый очерк общественно-политического состояния Армении к XII столетию. Затем указываются причины, вызвавшие необходимость создания Судебника. Остановившись вкратце на биографии Мхитара Гоша, Б. М. Арутюнян затем подробно разбирает содержание и источники Судебника. В статье дается общая характеристика взглядов Гоша, показывающая, что в воззрениях его имеются оттенки нового, более прогрессивного понимания жизни, хотя в целом он и остается выразителем правых идей средневековья.

Автор вступительной статьи останавливается и на вопросе о практическом применении Судебника. В сущности Судебник не был кодексом, официально утвержденным какой-либо властью. Те его части, которые носят характер комментариев, дают основание думать, что это либо своего рода проект законника, либо руководство практического назначения. Тем интереснее тот факт, что Судебник постепенно стал использоваться в судебной практике, а в более поздние времена был официально признан в Польше при Казимире IV (XV в.) для применения в среде армян. В новое время Судебником пользовались армяне в Крыму. В переработанном виде он был включен в кодекс грузинского царя Вахтанга VI, а отсюда попал в Полное собрание законов Российской империи. Конец статьи Б. М. Арутюняна посвящен текстологии Судебника.

Воздавая должное издателю армянского текста В. Бастамянцу, автор статьи несколько умалил значение его «предисловия» к Судебнику. Правда, и сам В. Бастамянец называл эту свою работу «предисловием» (хотя на титульном листе указано: «юридические исследования с комментариями»). Но на самом деле статья В. Бастамянца, занимающая 180 страниц, является образцовым исследованием юриста, прекрасно знакомого с римским правом, с византийскими и иными юридическими памятниками. В. Бастамянец учился у русских историков и историков права исследованию памятников древности. И об этом надо было сказать во вступительной статье, как и о том, что издание В. Бастамянца является до сих пор исходным для всех исследователей Судебника и останется в истории армянского правоведения как первое научное издание.

Говоря об источниках Судебника, автор статьи замечает, что «вопрос об использовании Гошем греко-византийских законов остается спорным» (стр. XIX). В общем это верно, но следовало бы сказать более опреде-

¹ Составленный А. С. Авасяном список литературы, относящейся к Судебнику, включает 70 названий (рецензируемая книга, стр. 252—259).

ленно, а именно, что исследование Судебника в деталях, сравнительно с источниками римского и византийского права, пока еще ждет своего исполнителя. Для этого, в частности, необходимо текстологическое изучение всех рукописей Судебника, находящихся за рубежом, а затем кропотливое исследование сравнительно с различными источниками римского и византийского права.

Большим подспорьем при чтении Судебника являются примечания Б. М. Арутюняна, составленные весьма добросовестно и квалифицированно.

Оценивая издание в целом, следует признать, что оно имеет большое значение не только с точки зрения изучения истории Армении, но и для византиноведов, так как и первая часть Судебника, посвященная церковным канонам, и вторая его часть, заключающая светские законы, могут быть полезны как при изучении византийских юридических памятников, так и при исследовании некоторых проблем социальной истории Византии.

И. К. Кусикьян

И. А. ОРБЕЛИ. БАСНИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЕНИИ

**Ин-т литературы им. М. Х. Абегиана АН АрмССР,
Издательство АН СССР. М.—Л., 1956, стр. 200**

Изящно изданная книга, с большим количеством иллюстраций, книга, на три четверти состоящая из образцов светской художественной литературы в подлинно художественном переводе, такая книга, казалось бы, должна была рассматриваться специалистами-литературоведами на страницах литературного журнала. Однако, как это прекрасно показано в предисловии и во введении, написанных академиком И. А. Орбели, басни средневековой Армении представляют значительный интерес не только с литературоведческой точки зрения, но они интересны — и, пожалуй, в еще большей мере — для историков, изучающих социальную и бытовую историю феодальной Армении и соседних с ней стран, в том числе и Византии. Книга должна привлечь внимание историков и своим обширным (76 страниц) и прекрасно оформленным научным аппаратом — предисловие, введение, примечания, — в котором академик И. А. Орбели, по существу, обобщил ряд своих предшествующих работ в области археологии, истории и литературы Армении.

Значительная часть предисловия посвящена весьма существенному вопросу о том, кем написаны басни, включенные в рецензируемый сборник. И. А. Орбели считает — и вполне справедливо — их авторами Мхитара Гоша и Вардана Айгекца, не соглашаясь с Н. Я. Марром, отрицавшим авторство Гоша на том основании, что армянский историк Киракос Гандзакец при перечислении трудов Мхитара не упоминает о баснях. И. А. Орбели убедительно подчеркивает, что в смысловом отношении видна прямая связь между Судебником Мхитара Гоша и баснями, т. е., иначе говоря, басни как бы являются своеобразными иллюстрациями к соответствующим статьям Судебника.

Отрицая мнение Н. Я. Марра об авторстве басен, И. А. Орбели вместе с тем отмечает его заслуги в исследовании басенного материала и, в частности, его огромную текстологическую работу, основанную на изучении множества рукописей. Трехтомный труд Н. Я. Марра о сборниках средневековых притч автор считает «классическим образцом филологиче-

ского исследования». Но в то время как Марра интересовала главным образом литературоведческая сторона вопроса, сам И. А. Орбели направил свое внимание на общественно-историческую сторону басен Мхитара Гоша и Вардана Айгекца. «В данной книжке, — подчеркивает автор, — для меня и для читателей важен только вопрос бытования данной басни в той или иной армянской народной среде определенного исторического периода, поскольку в этих баснях мы хотим найти отражение жизни страны, в которой эти басни бытовали...» (стр. 16).

Именно в этом плане и построено обширное «Введение» (стр. 17—52).

Напомнив в весьма сжатой форме о богатстве литературных памятников древней и средневековой Армении, автор указывает, что подавляющее большинство из них не содержит какого-либо материала для обрисовки положения эксплуатируемых масс, их сознания и отношения к господствующему феодальному классу. Исключением являются лишь немногие памятники, и в том числе басни Мхитара Гоша и Вардана Айгекца. Так как деятельность Мхитара была связана главным образом с Северной Арменией, а его младшего современника Вардана — с Южной, анализ их басенного материала может дать представление о классовых взаимоотношениях во всей Армении, включая сюда и Киликийскую Армению, тесно связанную с Византией.

Большой знаток археологии и средневекового искусства Армении, автор введения анализирует басни в их, так сказать, материальном контексте, т. е. широко привлекая вещественные памятники и, в частности, используя свои наблюдения над жизнью средневековых народов, сделанные им во время участия в известных раскопках столицы средневековой Армении Ани (захваченной в 1045 г. Византией). Вместе с Н. Я. Марроном И. А. Орбели обратил тогда внимание на то, что трудящиеся столицы, руками которых были построены дворцы Багратидов и других феодалов, роскошные храмы и замечательные сооружения в виде мостов, торговых зданий и т. д., сами ютились в пещерах и жалких лачугах на окраине города. Анализируя басни в свете социальной дифференциации, И. А. Орбели убедительно показал, какой богатый материал для характеристики классовых отношений в Армении XII—XIII вв. содержится в этих творениях Мхитара Гоша и Вардана Айгекца.

Ряд басен говорит против церковников, против их стяжательства, их лицемерия и прочих отрицательных качеств и действий. В баснях заметны даже атеистические нотки, что, конечно, придает им особый интерес. Отражением классовых противоречий являются и басни о трудящихся и туземцах, в большом количестве представленные в сборнике. Многие из этих басен направлены против новых богачей, выросших на торговых и ростовщических операциях. Прделанный автором введения глубокий анализ этих басен убедительно показывает, что в произведениях Мхитара и Вардана, быть может иногда помимо их воли, отражены критика общественных пороков, протест против эксплуататорских порядков, философия сельской и городской бедноты. В этой связи большой интерес представляют басни, в которых фигурируют кузнецы, ибо в армянском фольклоре кузнец занимает особое место, символизируя народный труд и силу трудового крестьянства.

Подбор басен и их группировка не вызывают каких-либо возражений. Приходится лишь сожалеть, что составитель, видимо, был крайне ограничен объемом сборника.

Переводы (переводчик И. А. Орбели) сделаны с исключительной тщательностью. Не будет преувеличением сказать, что переводчиком проделана поистине филигранная работа. Может быть, и можно спорить о за-

мене отдельных слов их синонимами или некоторых словосочетаний другими, но такой спор отнюдь не поколеблет только что высказанной нами общей оценки перевода. Читатель сборника может быть вполне уверен, что проделанная И. А. Орбели работа точно передает не только мысли Мхитара Гоша и Вардана Айгецца, но и их стиль.

Очень ценны примечания, приложенные к переводам. Они написаны с такой же скрупулезностью и тщательностью, с какой сделаны переводы, и некоторые из них могут представить интерес не только для широкого круга читателей, но и для специалистов — историков и филологов.

После всего сказанного выше нет, думается, нужды еще раз напомнить читателю о значении этой книги для всех интересующихся историей средневековой Армении. Следует, однако, подчеркнуть, что самый характер басенного жанра дает возможность использовать этот материал и при изучении византийских общественных отношений XII—XIII вв., тем более что в этническом отношении восточные районы Византии были тесно связаны с Арменией.

И. К. Кусикьян

ПРОБЛЕМА ПАДЕНИЯ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

(Обзор статей, опубликованных в периодических изданиях СССР и стран народной демократии в связи с 500-летием завоевания Константинополя турками)

Завоевание Византии и балканских стран турками-османами, сопровождаемое повсеместными опустошениями, разрушениями и издевательствами, явилось настоящей катастрофой для балканских народов и оказалось началом длительного трагического периода их существования под тяжелым чужеземным владычеством. Нашествие азиатских завоевателей, прочно обосновавшихся на Балканском полуострове, и установление турецкой феодальной системы нанесли страшный удар высокоразвитой феодальной экономике балканских стран, уничтожили сотни памятников культуры, прервали и задержали естественное историческое развитие покоренных народов. В течение целых столетий эти народы, лишённые свободы и политической независимости, были принуждены нести гнет турецкого феодализма, жестокой религиозной и национальной дискриминации. Бесконец ряд фактов, раскрывающих печальную картину чужеземного господства и свидетельствующих о том, что турецкое завоевание принесло только страдания, разрушения и застой в историческом развитии балканских народов.

Турецкие завоеватели проникли в балканские страны в момент, когда эти страны переживали последний этап феодализма, в недрах которого уже зарождались тенденции развития более совершенных экономических форм и отношений. Отсутствие политического единства, нескончаемые феодальные междоусобицы и династические войны помешали балканским странам своевременно организовать прочный фронт против нашествия. Двуличная и неискренняя политика папы и господствующего класса средневропейских государств и итальянских морских торговых республик — Венеции и Генуи — по отношению к Византии и балканским странам также облегчили победу завоевателей. Проникновению османов на Балканский полуостров способствовало и предательское поведение части балканской феодальной аристократии, стремившейся сохранить свои классовые привилегии и поэтому вставшей на путь компромиссов и соглашательства с поработителями, предав тем самым интересы балканских народов. Эти народы, испытавшие весь ужас чужеземного нашествия, неоднократно ока-

зывали серьезный организованный отпор завоевателям. Но оставленные без поддержки, собственными силами они были не в состоянии остановить вражескую стихию, тем более что предательская политика многих балканских феодалов открывала ей путь. И хотя развязка этой героической борьбы против турецкого нашествия была печальной, народные массы не прекращали борьбы за свою свободу. В века рабства они с величайшей самоотверженностью не раз поднимались против турецкого феодального гнета.

В буржуазной исторической науке неоднократно предпринимались попытки исказить все эти бесспорные факты, характеризующие подлинную историю завоевания Балканского полуострова турками.

Особенно далеко в этом отношении заходит современная реакционная турецкая историография. Она старается изобразить османских завоевателей носителями более совершенного общественного строя, высшей культуры, справедливой политической системы, спасителями балканских народов, якобы облегчившими этим народам бремя феодализма и создавшими им более благоприятные условия развития¹. Понятно, что все эти теории, полностью противоречащие историческим фактам, создаются некоторыми реакционными турецкими учеными для того, чтобы исторически оправдать политику турецких правящих кругов.

Именно в этом плане написано и большинство статей, появившихся в турецких изданиях в связи с 500-летием завоевания турками Константинополя².

Их тенденциозность становится особенно ясной в свете тех новых исследований, которые опубликованы в связи с этим событием в других странах, и в первую очередь в СССР и странах народной демократии. Советские историки посвятили этим проблемам специальный том (VII) «Византийского временника»; чешские историки — том XIV журнала «Byzantinoslavica», в котором приняли участие специалисты многих стран. Статьи по этой тематике продолжают печататься и в последующих томах журнала. В других странах народной демократии 500-летие падения Царьграда также было отмечено отдельными статьями в некоторых периодических изданиях³.

Остановимся прежде всего на тех работах, которые сосредоточивают внимание главным образом на закономерностях развития балканских стран в период, непосредственно предшествующий нашествию. Они проливают яркий свет на действительные причины завоевания балканских стран, на примитивное устройство Османского государства в XIV в., на значение турецкого нашествия для судьбы балканских народов; тем самым они убедительно опровергают ненаучные теории об общественно-политическом и культурном превосходстве турок-османов.

В наиболее широком плане эта проблема рассматривается в работах Э. В. Удальцовой «О внутренних причинах падения Византии в XV веке»

¹ Ср. Ö. L. Barkan, Osmanlı İmparatorluğunda çiftçi sınıfların hukukî sistemi. Ülkü, с. IX, № 49, s. 48; № 53, s. 336; Tarih III, 1931, s. 3—4; T. Gökbilgin. Macaristandaki türk hakimiyeti devrine ait bazı notlar. Türkiyat Mecmuası, с. VII—VIII, cüz 1, 1942, s. 210.

² Ср. T. Büyüköğlü. İstanbul'un iki fatihi. II. Mehmet ve Atatürk. Belleten, с. XVII, 1953, sayı 65, s. 83—100. В своей статье Т. Büyüköğlü особенно подчеркивает, что завоевание Царьграда ускорило процесс европейского Возрождения (стр. 90).

³ Мне остались недоступны статьи: Т. М. Popescu. Cinci sute de ani de la căderea Constantinopolului sub Turci (1453—1953). Ortodoxia, 3, București, 1953, p. 381—437; K Pět set let od pádu Cařihradu. 29.5.1453 padl do rukou Turků. Stučný výklad historický. Český zápas. Roč. 36, Praha, 1953, čís. 23, str. 3; R. Ričan. 29 květen 1453 (Význam pádu Cařihradu). Křesťanská revue, čís. 4/5, str. 124—130.

(ВИ, 1953, кн. 7, стр. 102—120) и «Предательская политика феодальной знати Византии в период турецкого завоевания» (ВВ, VII, 1953, стр. 92—122).

Первая из этих работ начинается кратким введением, в котором дается критический обзор византийских источников, относящихся к последнему периоду существования империи, значение и достоверность которых оценивается сообразно с классовой принадлежностью их авторов и идейной направленностью. Одновременно Э. В. Удальцова сжато, но ясно показывает, как буржуазные исследователи до сих пор освещали рассматриваемую проблему и каковы были недостатки и грубые извращения в постановке ими вопроса. Автор отвергает как методологически совершенно несостоятельные все те концепции, которые изображают главными причинами гибели Византии ту или иную комбинацию внешних (главным образом внешнеполитических) причин. Вместе с тем автор убедительно и обоснованно опровергает и глубоко ошибочную и тенденциозную теорию буржуазной науки об исторической обреченности Византии, якобы лишенной жизнеспособности и силы для дальнейшего развития. На основе обширного и разнообразного материала источников Удальцова раскрывает высокое развитие производительных сил Византии в XIII—XV вв. Автор отмечает значительную роль товарного производства в византийской экономике, что создавало известные условия для возникновения капиталистических тенденций, но еще не привело непосредственно к возникновению капиталистического способа производства. В статье приведены многочисленные сведения о хозяйственном облике городов — центров ремесленного производства и оживленной торговой деятельности. В статье показаны и изменения в византийском селе: проникновение товарно-денежных отношений и первые признаки разложения феодализма. Но развитие производительных сил, подготовлявшее условия для перехода к более высокой стадии общественно-экономического устройства, тормозилось устаревшими феодальными производственными отношениями. Возросшая эксплуатация разоряла крестьян, а сравнительно ограниченный внутренний рынок не стимулировал развития ремесел. С другой стороны, византийские феодалы не только не содействовали развитию товарообмена в стране, но открыто покровительствовали иностранным торговцам. Благодаря этому иностранцы, прежде всего генуэзцы и венецианцы, постепенно завоевали монопольное положение в торговом обороте империи; они грубо вмешивались во внутреннюю жизнь страны и еще в XIII в. превратили Византию в арену ожесточенного взаимного соперничества. Все эти обстоятельства и привели византийское общество в XIV—XV вв. к глубокому внутреннему кризису. Причиной его было прежде всего наступившее уже несоответствие между развивающимися производительными силами и старыми производственными отношениями. Ясно, следовательно, что этот кризис отнюдь не означал, что Византия была лишена перспективы развития и полностью обессилена. Напротив, он означал, что византийское общество было на пути к более высокой стадии своего общественно-экономического развития. Но в то же время несомненно, что в конкретно-исторических условиях XV в. этот кризис, обессиливавший империю, облегчил победу завоевателей. Упадку страны способствовали и непрестанные кровавые феодальные междоусобицы и династические столкновения. К тому же накануне турецкого завоевания византийское общество было сотрясаемо глубокими классовыми противоречиями, причем, как совершенно правильно отмечает автор, классовая борьба в Византии вступила в новую фазу своего развития, так как в антифеодальное движение зависимого сельского населения включился и новый социальный элемент — городские плебейские массы.

Весьма удачно автор раскрывает предательское поведение части византийской аристократии, которая, чтобы сохранить свое привилегированное положение, оказывала содействие завоевателям. Удальцова подчеркивает, что в то время как ренегаты-феодалы действовали, руководимые единственно мыслью об обеспечении своих классовых привилегий, народные массы упорно, героически сражались против завоевателей. Гибель Царьграда была ускорена и близорукой политикой императора и правителей, которые из страха перед народом не искали опоры в народных массах, а прибегали к услугам ненадежных наемных войск. Трагическая развязка была приближена и религиозными раздорами среди разьединенного на этой почве царьградского населения, и вероломным поведением генуэзцев по отношению к Царьграду, и предательским отношением Запада, не оказавшего Византии помощи в трагический момент.

Все эти проблемы Удальцова затрагивает, хотя и в более сжатой форме, и в первой части второй своей статьи, специально посвященной предательской политике византийской феодальной знати в период турецкого завоевания. Новым и очень интересным здесь является исторический анализ сочинения известного византийского историка Критовула «История Мехмеда II». Автору удалось весьма аргументированно показать, что сочинение Критовула отражает настроения и стремления известных кругов византийской феодальной аристократии Эгейских островов. Эти круги были связаны с богатыми местными торговцами, враждебно настроенными по отношению к итальянским морским республикам и Западу из-за их жестокой торговой конкуренции. На базе экономического соперничества и неприязни по отношению к итальянцам углубляются туркофильские настроения и среди этих византийских феодалов-ренегатов. Материал источника свидетельствует — и это очень важно, — что в своей предательской деятельности Критовул и его единомышленники никогда не пользовались сочувствием и поддержкой народных масс⁴.

Ценность этих работ З. В. Удальцовой определяется тем, что они по-новому и в полном соответствии с марксистской методологией ставят вопрос об основных причинах гибели Византии.

Положению Византии и балканских стран накануне турецкого завоевания и общей характеристики причин их гибели посвящена и научно-популярная статья Войслава Моле (*W. Moles. W. pięćsetną rocznicę upadku Konstantynopola w r. 1453*), опубликованная в *Pamiętnik Słowiański. Czasopismo naukowe poświęcone słowianoznawstwu. Wrocław—Poznań, 1955, str. 361—385*.

Меньше, к сожалению, внимания было уделено другому важному вопросу из области рассматриваемой здесь проблематики — вопросу о внутренней структуре османского общества накануне турецкого проникновения на Балканский полуостров, хотя несомненно, что исследование этой проблемы дает возможность более полно раскрыть обстоятельства, которые способствовали турецкому завоеванию балканских стран. Наиболее интересной в этом плане является статья советского турковеда А. С. Тверитиновой «Фальсификация истории средневековой Турции в кемалистской историографии» (*ВВ, VII, 1953, стр. 9—31*). Автор показывает, что внимание современной реакционной турецкой историографии направлено теперь не на формальное проследивание фактов политической истории

⁴ В примечании 4 на стр. 101 в этой статье говорится, что издание Критовула в *Monumenta Hungariae Historica*, т. XXI, не вышло в свет. В действительности такое издание существует. В его первой части приведено сочинение Критовула на греческом языке, во второй части — в переводе на французский язык.

Турции, но прежде всего на изучение социальной структуры Османской империи с тем, чтобы в угоду пантюркизму и антинародной политике турецких правящих кругов исказить и фальсифицировать действительное положение вещей.

Одним из грубейших извращений реакционных кемалистских историков является теория об общественно-политическом превосходстве турок-османов, якобы принесших на Балканский полуостров более совершенные формы общественного и государственного устройства. На основании внимательно проанализированных данных главным образом из старых турецких хроник Тверитинова весьма обоснованно отвергает эту ненаучную и предвзятую теорию. Она доказывает, что османский эмират, возникший на территории распавшегося сельджукского государства, в значительной степени унаследовал существовавшие там общественно-политические формы и институты. Как у сельджуков, так и у турок-османов в конце XIII в. существовали еще значительные пережитки родо-племенных порядков и отношений. Первые территориальные завоевания османов в Малой Азии совершенно правильно объяснены Тверитиновой не как результат некой совершенной военной организации, а как результат стремления родовой аристократии захватить новые земли и накопить новые богатства. Одновременно автор раскрывает процесс постепенной феодализации родовой аристократии. На основании обширных конкретных данных в статье показано, как и в какой степени османское общество и возникшее молодое османское государство использовали в своих интересах и приспособили к своим нуждам более развитые и совершенные формы общественно-политического устройства покоренных народов. Тем самым автор убедительно показывает ненаучность и тенденциозность распространяемых некоторыми кемалистскими историками теорий о какой-то самобытности османского общественного строя, присущего якобы только тюркским народам.

Но проследившая процесс феодализации османского общества, автор не подчеркнул достаточно ясно, что этот процесс, с одной стороны, стимулировался войнами, а с другой — сам по себе явился стимулом для развертывания турецкой военной экспансии. Раздача захваченных земель в форме тимаров и зяметов способствовала постепенному формированию османской земельной аристократии. С другой стороны, практика увеличения ленов (*terakki*) спахиям, прозявшим усердие в войнах, создавала, без сомнения, новый стимул к организации непрерывных завоевательных экспедиций. Именно этим (а не какой-то совершенной военной организацией и единством) объясняется в значительной степени и боеспособность турок-османов.

Уместно было бы тут же остановиться на роли религиозного фанатизма, усердно внедрявшегося в сознание народных масс для того, чтобы отвлечь их внимание от острых социальных противоречий и их бедственного положения, внушить им ненависть к немусульманским народам и толкнуть на борьбу с ними.

Широко используя данные турецких хроник, Тверитинова опровергает кемалистских ученых, утверждающих, что турецкое завоевание было чуть ли не благодеянием для балканских народов, что оно создало им условия мира, спокойствия и полной безопасности для жизни, имущества и чести. Сведения самих турецких источников этого времени свидетельствуют, что турецкая экспансия всегда сопровождалась опустошениями, издевательствами и массовым угоном покоренного населения в рабство. Картина этих трагических результатов турецких завоеваний в XIII и начале XIV в. была бы еще более полной, если бы были привлечены и сведения из византийских источников (особенно Пахимер и Григора).

Тверитинова раскрывает деспотический характер султанской власти и тяжелый гнет турецкой феодальной системы. Автор рисует картину тяжелой феодальной эксплуатации народных масс как со стороны государства, так и со стороны ленных владетелей, показывая тем самым тенденциозность всякого рода «теорий» о том, что в османском обществе якобы существовала классовая гармония. Очевидно, ограниченные рамки статьи не позволили Тверитиновой привести и использовать более обширный материал, который всесторонне охарактеризовал бы процесс углубляющихся социальных противоречий в османском обществе.

Очень интересен тот раздел статьи, в котором автор опровергает утверждение кемалистских историков о том, что турецкие султаны якобы создали «образец» абсолютной монархии, причем намного раньше, чем в европейских странах. Автор подчеркивает, что общественно-политические основы османского государства отличны от абсолютных монархий в Европе XVIII в. Наличие сильной центральной власти у османских турок объясняется необходимостью взаимной поддержки между турецким султаном и военно-феодальными владетелями, заинтересованными в крепкой военной и государственной организации для осуществления новых территориальных захватов и сохранения господства над зависимым населением империи.

В целом труд А. С. Тверитиновой является ценным опытом изучения малоразработанного вопроса об общественно-экономических основах молодого османского государства в Анатолии и внутренних причинах его экспансий и территориального расширения в XIV—XVI вв.

Очень интересной является работа видного болгарского историка Д. С. Ангелова «Certains aspects de la conquête des peuples balcaniques par les turcs», опубликованная в т. XVII/2 *Byzantinoslavica* (р. 220—275).

На основе обширных и малоизвестных данных из византийских и некоторых западных источников Д. Ангелов раскрыл трагические последствия турецкой экспансии, начиная со времени первых нападений османов на византийские владения в Анатолии и кончая завоеванием Балканского полуострова. Особенно свежий и интересный материал приводит автор, рисуя картину страшных опустошений, причиненных османскими турками или малоазиатскими сельджуками в анатолийских провинциях Византии. К сожалению, в этой части статьи, посвященной завоеванию турками ряда малоазийских византийских владений в конце XIII и начале XIV в., автор не всегда достаточно четко придерживается хронологической последовательности событий. Так, нападения различных сельджукских эмиратов, возникших при распаде сельджукского государства в Анатолии, не отделены ясно от действий османских турок (стр. 222). Поэтому у читателя создается представление, что только после завоевания Брусы, Никомидии и Никеи, т. е. в начале XIV в., в Малой Азии возникают различные эмираты сельджуков. Фактически же эти эмираты обособились еще раньше — в XIII в., когда сельджукское государство попало в зависимость от монгольских ханов.

Д. Ангелов убедительно доказывает, что экспансия турок-османов в Малой Азии в XIV в. не только нанесла тяжелый удар производительным силам, не только разорила местное население, но и значительно усилила тяжесть феодального гнета и эксплуатации.

Изложение этих моментов ранней османской истории выиграло бы, если бы были привлечены и сведения из османских хроник. Сопоставленные с византийскими источниками, они могли бы дать полное, исчерпывающее представление о турецких завоеваниях и их последствиях.

Очень ценной является та часть очерка Д. Ангелова, которая трактует о разрушительных последствиях турецкого завоевания балканских стран. Автор привлекает здесь многочисленные сведения об опустошениях, причиненных завоевателями, о повсеместном уводе населения в рабство и катастрофическом воздействии этих событий на хозяйственную жизнь.

Д. Ангелов совершенно правильно уделил особое внимание турецкой колонизации захваченных земель и подобрал множество не использованных до сих пор материалов по этому вопросу. Автор опровергает тенденциозное утверждение некоторых реакционных турецких историков о том, что в результате турецкой колонизации будто бы коренным образом изменился демографический облик балканских земель, которые едва ли не отуречились. В подтверждение своей точки зрения Ангелов удачно привлекает сведения налоговых регистров османского государства (цитированных и у Ö. L. Barkan. *Les deportations comme méthode de peuplement et de colonisation dans l'Empire ottoman. — Revue de la Faculté des Sciences économiques de l'Université d'Istanbul*, 1—4, 1950, p. 67—131). Нужно, однако, отметить, что такие фискальные поземельные регистры с описями населения датируются не началом XVI в., как отмечает автор, но велись еще и в XV в.⁵

Целый ряд статей посвящен проблемам, связанным с внешнеполитическими отношениями Византии накануне турецкого завоевания. Так, в работе Р. Гийана (R. Guillaud. *Les appels de Constantin XI Paléologue à Rome et à Venise pour sauver Constantinople (1452—1453)*. BS, XIV, 1953, p. 226—244) рассматривается известная в историографии проблема о попытках византийского императора Константина XI Палеолога получить помощь от папы и Венеции для спасения Царьграда от турок. Автор прослеживает политические отношения между Византией и Венецией от восшествия императора Константина XI, отмечая грубое вмешательство итальянских морских торговых республик во внутреннюю жизнь империи и их монопольное положение в византийской экономике. Р. Гийан расценивает попытки Константина XI восстановить унию между восточной и западной церковью, как акт политической дальновидности в тяжелый для судьбы Византийской империи момент. В то же время автор раскрывает враждебное отношение царьградского населения к унии 1452 г. и лицемерное поведение католической церкви, которая не пришла на помощь Византии при осаде Царьграда.

Отношения империи с Венецией к середине XV в. обостряются из-за попытки последнего византийского императора наложить известные ограничения на венецианскую торговлю. Непосредственно перед падением Царьграда гибнущая империя неоднократно обращается за помощью к венецианской республике, но та, руководствуясь своими торговыми интересами, поддерживала договорные отношения с турками. И только почувствовав непосредственную опасность со стороны турок, Венеция сделала попытку помочь Царьграду, но было уже слишком поздно.

Автор справедливо подчеркнул, что помощь Венеции не была бы бескорыстной и империя, очевидно, заплатила бы за нее собственной независимостью и экономической самостоятельностью.

Статья Г. Эверт-Каппесовой (H. Evert-Kappesowa. *La tiare ou le turban*. BS, XIV, 1953, p. 245—257) дает в хорошо систематизиро-

⁵ См., например, неизданный документ Восточного отдела Государственной библиотеки им. Васила Коларова — София—Цариград—Дефтерхане, I. Тимари, XV в. Ср. Бр. Ђурђе в. Дефтери за Црногорски санџак из времена Скендер-бега Црнојевића. III.—Prilozi za orijentalnu filologiju i istoriju jugoslovenskih naroda pod turskom vladavinom, III—IV, 1953, str. 349—402.

ванном виде уже известную историю отношений между Византией и Западом перед падением Царьграда, раскрывает глубокие корни старой вражды между ними, неблагоприятную международную обстановку, в условиях которой Византийская империя не могла рассчитывать на поддержку со стороны кого бы то ни было. Следует, однако, отметить, что в статье имеются и неправильные положения о превосходстве турок-османов, их централизованного государства и регулярной армии, и умеренности их налоговой системы (стр. 249). Доказано уже, что о подобном превосходстве не может быть и речи. Что касается налогов, то и в Османском государстве существовала жестокая феодальная эксплуатация, осуществлявшаяся, в частности, и при помощи весьма тяжелой для трудящихся налоговой системы.

Некоторые моменты византийско-венгерских отношений непосредственно перед падением Царьграда освещены в одном недавно опубликованном труде известного венгерского византиноведа Д. Моравчика (Gy. Moravcsik. *Ungarisch-byzantinische Beziehungen zur Zeit des Falles von Buzanz. Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae. Budapest, 1954, S. 350—360*).

На основе данных неиспользованного источника — поэмы Убертино Пускуло о падении Царьграда, а также византийских материалов — Моравчик раскрыл ряд интересных подробностей в развитии этих отношений. В 1452 г. Византия обратилась с просьбой о помощи к прославленному трансильванскому воеводе Яношу Гуниади. Он обещал Византии поддержку против турок, если порт Месемврия будет открыт для кораблей с венгерскими войсками. Византия сначала задержала ответ, но во время осады Царьграда согласилась. Слухи о том, что мадьяры явятся на помощь Византии, посеяли беспокойство среди турецких войск, но гибель Царьграда опередила отправку спасительной венгерской помощи.

Истории попыток чешских гуситов установить связь с царьградской церковью непосредственно перед гибелью византийской столицы посвящена обширная и тщательно аргументированная работа М. Пауловой (M. Paulova. *L'Empire byzantin et les Tchèques avant la chute de Constantinople. BS, XIV, 1953, p. 158—225*).

Предполагалось, видимо, заключить унию между гуситской и восточной православной церковью. С этой целью в Царьград в начале 1452 г. был послан специальный чешский посол. Переговоры продолжались и в конце 1452 г., но ни к каким результатам не привели.

Вопросу об отношении стран Центральной Европы к турецкой опасности в XV—XVII вв. посвящены и статьи И. Мацурека и И. Полишенского (И. Мацурек. *Турецкая опасность и Средняя Европа накануне и во время падения Константинополя. BS, XIV, 1953, p. 130—157; J. V. Polišenský. Bohemia, the Turk and the Christian commonwealth (1462—1620). BS, XIV, 1953, p. 82—108*).

Статья И. Мацурека освещает состояние средневропейских (придунайских и прикарпатских) государств в XIV—XV вв. и их попытки устранить турецкую опасность. Автор привлекает значительный материал и из венгерских источников. Он показывает расцвет экономики и культуры Центральной и Юго-Восточной Европы в XIV в., который был нарушен проникновением турок-османов в балканские земли. Но страны Центральной Европы, так же как и страны Западной Европы, проявили не только безразличие, но и абсолютную политическую близорукость перед наступающей стихией завоевателей. Руководимые исключительно своим взаимным политическим соперничеством, правящие круги этих стран недооценивали значения турецкой опасности и не поддержали борьбу балканских народов против турецких завоевателей. И только когда османские завоеватели все

чаще стали беспокоить венгерские земли и турецкое владычество утвердилось в землях, соседних с Венгрией, была организована первая, более серьезная попытка обороны — трагически закончившийся крестовый поход 1396 г.

Мацурек весьма правильно отмечает, что в то время как в Восточной Европе Россия героически преградила путь турецкой стихии, Западная Европа не только бездействовала, но во многих случаях искала сближения с турецкими завоевателями.

Автор дает краткий очерк общественно-экономического развития Венгрии и Польши в начале XV в.; отмечает господство крупной земельной аристократии, озабоченной единственно сохранением своих классовых привилегий. Аристократия не только не искала опоры в народных массах в борьбе против турок, но направляла оружие против народа, жестоко подавляя всякий протест против феодального гнета. При этих условиях ни Центральная, ни Западная Европа не были в состоянии организовать серьезный отпор туркам. Известная перемена в этом отношении наступила к концу гуситских войн, когда героические гуситские отряды, проникшие в соседние страны, были использованы венграми в сражениях против турецких завоевателей. В статье особое место уделено борьбе, которую вел против османов трансильванский воевода Янош Гуниади. Автор показывает, что, несмотря на глубокую растерянность в венгерском обществе, вызванную падением Царьграда, только Венгрия (при бездействии и безразличии западных и средневропейских стран) отомстила за царьградскую катастрофу серьезным поражением, нанесенным туркам в 1456 г. отрядами Яноша Гуниади.

Большой интерес представляет и статья И. Полишенского, которая освещает роль Чехии и ее участие в борьбе против турок после падения Царьграда и до начала XVII в. Автор отмечает, что в Чехии всегда была популярна идея организации крестового похода против турок и что героические гуситские войны не раз участвовали в сражениях против азиатских завоевателей. Говоря о классовой борьбе в Чехии перед битвой при Могаче и о политической обстановке в Европе во второй половине XVI в., автор обращает внимание на ту значительную боевую и материальную помощь, которую Чехия оказала Габсбургской империи в ее борьбе с Турцией. И. Полишенский раскрывает в то же время и отрицательное отношение чешской политической мысли к Османской империи конца XVI—начала XVII в.

Марксистская историография последних лет уделила внимание и героической борьбе балканских народов, которую они вели в течение более чем ста лет против турецких завоевателей. Тут нужно отметить статьи Д. С. Ангелова «Турецкое завоевание и борьба балканских народов против нашествия» (ИП, г. IX, кн. 4, стр. 374—398) и И. С. Достяна «Борьба южнославянских народов против турецкой агрессии в XIV—XV вв.» (ВВ, VII, 1953, стр. 32—49).

На основе ряда новых, не использованных до сих пор источников (прежде всего Leunclavius и Ходжа Сеадеддин — в его итальянском переводе), Д. С. Ангелов подробно и точно освещает все боевые действия балканских народов против турецких завоевателей с конца XIII в. до окончательного завоевания Балканского полуострова. Статья весьма убедительно показывает, что проникновение турок в балканские страны представляет не ряд блестящих и легких побед, как утверждает большинство буржуазных ученых, а тяжелое и мучительное преодоление упорного сопротивления, оказанного завоевателям балканскими народами. Новый материал, привлеченный Д. Ангеловым, не только свидетельствует об исклю-

чительном героизме балканских народов в эти решающие десятилетия, но в то же время он свидетельствует о вероломстве части балканской феодальной аристократии, которая предала интересы народа и содействовала подавлению его сопротивления.

Те же проблемы разрабатывает и И. С. Достян. Но, вопреки заглавию, в статье гораздо больше места уделено трагическим последствиям турецкого нашествия, чем борьбе балканских народов. Автор дает краткий критический обзор буржуазных теорий о якобы положительном воздействии турецкого завоевания на судьбу балканских народов. Хотя И. С. Достян использовала в основном второстепенные исторические материалы, все же она убедительно иллюстрировала с их помощью свою точку зрения. Но в статье есть и некоторые неточности. Так, например, автор отмечает, что турецкое владычество было особенно тяжелым для феодального зависимого крестьянства покоренных народов — для так называемой райи (стр. 45). Известно, однако, что термин «райя» относится не только к зависимому населению покоренных народов, а вообще ко всему зависимому населению, включая и турецкие эксплуатируемые классы⁶. Поголовным налогом — так называемым хараджем или джизье — в действительности облагалось не всё сельское население Турции (см. стр. 46), а только немусульманское мужское население в городе и деревне в возрасте между 15—75 годами⁷.

Общая оценка исторических последствий покорения балканских народов и падения Царьграда дана в статье М. В. Левченко «Завоевание турками Константинополя в 1453 г. и исторические последствия этого события» (ВВ, VII, 1953, стр. 3—8). С падением Константинополя был уничтожен один из крупных центров мировой торговли, на протяжении веков бывший посредником в торговле между Востоком и Западом. Вместе с тем был разрушен и крупнейший центр культуры. Гибель Константинополя означала окончательное утверждение на Балканском полуострове турецкого владычества, которое приостановило, задержало историческое развитие балканских народов и обрекло их в течение веков на тяжелую эксплуатацию и национальный гнет.

Специальный интерес представляет сравнительно краткая статья А. Вайана (A. Vaillant. Les langues slaves méridionales et la conquête turque. BS, XIV, 1953, p. 123—129) о развитии южнославянских языков в период турецкого владычества. Это скорее очерк общего характера без какого бы то ни было доказательного материала. Общий вывод автора тот, что турецкое завоевание на Балканах не изменило языкового облика южных славян, что, находясь в границах одной и той же империи, эти славяне в языковом отношении оказывали друг на друга взаимное влияние и что турецкий язык оставил лишь незначительные следы в их языках. Нельзя признать правильным имеющееся в статье утверждение о том, что турки не только проявляли терпимость по отношению к христианской религии, но и почитали ее, и что то же делали со своей стороны и покоренные народы по отношению к исламу. Это утверждение противоречит многочисленным фактам, свидетельствующим о господствовавшем в Османской империи режиме грубой религиозно-национальной дискриминации подчиненных немусульманских народов. Мы не согласны с автором и в том, что, перечисляя балканские языки, он различает болгарский и ма-

⁶ Й. Кабрда. Рая. Известия на българското историческо дружество, т. XIV—XV, 1937, стр. 177—185.

⁷ В. Недков. Die Gizya (Kopfsteuer) im Osmanischen Reich mit besonderen Berücksichtigung von Bulgarien. Leipzig, 1942.

кедонский, забывая, что самостоятельный македонский язык в ту эпоху не существовал; существовал лишь македонский диалект болгарского языка.

Ряд статей рассматривает вопрос об отражении турецкого завоевания и гибели Царьграда в литературе различных народов. В наиболее общей форме это сделал Ив. Дуйчев в обширной работе «La conquête turque et la prise de Constantinople dans la littérature slave contemporaine», опубликованной в ряде томов *Byzantinoslavica* (XIV, 1953, p. 14—54; XVI/2, 1955, p. 318—329; XVII/2, 1956, p. 276—340).

В первой части этой работы автор исчерпывающе характеризует болгарские памятники литературы, отражающие эти события, а во второй и третьей (хотя и бегло) — сербские, русские и чешские.

Большинство этих материалов давно известно науке и широко использовано специалистами. При таких условиях было бы очень ценно не только систематизировать весь этот материал, но и попытаться установить, насколько правильно отражена историческая действительность тем или иным автором в зависимости от его социального происхождения, культуры, идеологии. В рассматриваемой статье этого, к сожалению, не сделано, хотя автор, несомненно, прекрасно знает литературный материал и излагает его с замечательной точностью и отлично составленными библиографическими справками. Многие литературные памятники рассмотрены в статье формально. Нередко автор просто излагает содержащийся в этих памятниках материал о турецком нашествии на Балканский полуостров, иногда даже ограничивается только цитатами из самих источников. Весьма мало внимания уделено вопросу о классовом происхождении и мировоззрении самих авторов, а это было необходимо для того, чтобы установить, почему они различным образом представляют одно и то же событие. Критический анализ скорее направлен на чисто внешнюю сторону рассматриваемых источников (например, на определение автора того или иного анонимного памятника, на языковые особенности). В некоторых местах допущены неточные характеристики известных событий этого периода. Так, например, в конце своего очерка о так называемой «Болгарской хронике» Ив. Дуйчев по существу становится на точку зрения анонимного автора этого памятника, возлагая ответственность за порабощение балканских народов на них самих, на их взаимное соперничество и политические ошибки правителей, между тем как в этом вопросе необходимо было бы разграничить поведение правящих классов балканских стран в период завоевания и героическую борьбу народных масс, подчеркнув при этом предательскую роль части феодальной знати.

Разработке вопроса об откликах на трагическую гибель Византии в германской литературе XV в. посвящена статья И. Ирмшера (*J. I r m s c h e r. Zeitgenössische Stimmen zum Fall von Byzanz. BS, XIV, 1953, S. 109—122*). Хотя турецкая опасность не угрожала непосредственно Германии, гибель Византии и балканских стран нашла отражение не только в германских хрониках, но и в некоторых современных памятниках литературы. Ирмшер специально рассматривает произведения Бальтазара Мандельрейса и Ганса Розенплюта, в которых в связи с трагическими событиями на Балканском полуострове отражены некоторые моменты состояния германского общества того времени и стремления различных общественных кругов. Автор устанавливает, что если творчество Мандельрейса связано с официальной имперской поэзией, то Розенплют является выразителем интересов и взглядов обособляющегося бюргерства. Весьма характерно, в частности, что Розенплют высказывает весьма прогрессивные для своей эпохи идеи относительно положения и роли крестьянства.

В кратком научном сообщении В. Греку в том же XIV томе *Byzanti-*

noslavica «La chute de Constantinople dans la littérature populaire roumaine» (р. 55—81) разрабатывается вопрос об отражении событий, связанных с падением Царьграда, в румынской народной литературе. Автор публикует перевод одной румынской рукописи, которая содержит рассказ о взятии Царьграда.

Об откликах в Румынии на турецкое завоевание Царьграда пишет, но тоже очень кратко, и М. Сесан. Этому вопросу он посвятил последнюю часть своей статьи «La chute de Constantinople et les peuples orthodoxes» (BS, XIV, 1953, р. 271—282). Приходится отметить, что статья не всегда отличается достаточной точностью формулировок. В частности, на стр. 278 автор так излагает факты о религиозном разъединении восточной и западной церкви, что получается, будто гибель Царьграда объясняется едва ли не схизмой между двумя церквями.

Ряд публикаций и научных сообщений посвящен отдельным памятникам, связанным с трагическими событиями середины XV в. Так, например, М. Туркова опубликовала и подробно прокомментировала перевод рассказа о завоевании Царьграда из путевых заметок Евлия Челеби (*Le siège de Constantinople d'après le Seyahatname d'Evlya Celebi*. BS, XIV, 1953, р. 1—14; XVII/1, 1956, р. 125—127). Известный венгерский тюрколог Л. Фекете исследовал историческую достоверность так называемого Фетхнамэ о битве при Варне в 1444 г., помещенного в сборнике Feridun bey-Münşaat-ül-selâtin (*Das Fethname über die Schlacht bei Varna*. BS, XIV, 1953, S. 258—270). Текстологический анализ показал, что это Фетхнамэ у Феридун бея не является копией с самого оригинала — при его составлении использованы более поздние копии.

Весьма ценной является работа Н. А. Смирнова «Историческое значение русской «Повести» Нестора Искандера о взятии турками Константинополя в 1453 г.» (BB, 1953, т. VII, стр. 50—71). После исчерпывающего анализа исследований, проводившихся над этой интересной повестью различными специалистами, автор отмечает ее большое значение как единственного в своем роде источника, который убедительно рассеивает легенду о непреодолимой мощи османской армии и раскрывает героическую борьбу царьградского населения.

Н. А. Мещерский в серьезном научном сообщении занимается древнерусским переводом так называемого «Рыдания», написанного знаменитым византийским писателем XV в. Иоанном Евгеником («Рыдание» Иоанна Евгеника и его древнерусский перевод». BB, 1953, т. VII, стр. 72—86). Мещерский отмечает, что древнерусский перевод «Рыдания» представляет первый сочувственный отклик русской общественности на злополучную участь Византии.

В том же VII томе «Византийского временника» опубликованы в отличном русском переводе описания падения Царьграда византийских писателей Дуки, Сфрандзи, Халкокондила и армянских летописцев Абраама Анкирского и Аракела Багешского (стр. 385—444).

В 1953 г. болгарские историки подготовили и опубликовали специальный сборник документов, раскрывающих положение болгарского народа во время турецкого завоевания и в течение всего турецкого владычества («Положението на българския народ под турско робство». Българска Академия на науките. Институт за българска история. София, 1953).

Обобщая все сказанное выше, мы можем сделать вывод, что рассмотренные здесь труды и материалы свидетельствуют о серьезных достижениях исторической науки в СССР и в странах народной демократии. Значение этих работ не только в том, что они опровергают тенденциозные теории буржуазной историографии прошлого и современной

реакционной науки о превосходстве турок-османов, о положительном воздействии турецкого господства на судьбу балканских народов. Их значение также и в том, что многие из них глубоко освещают ряд не разрешенных до сих пор проблем византиноведения, османистики и историографии Юго-Восточной Европы вообще.

Правда, большая часть публикаций посвящена вопросам политической истории. Мало работ, которые освещали бы общественно-экономическое устройство Византии и балканских стран накануне их завоевания турками. Совсем ограниченное место уделено другому, не менее важному моменту — развитию османского общества перед турецкой экспансией на Балканы и переменам, которые в нем наступили под влиянием более передовых общественно-политических отношений и институтов завоеванных стран. Разработка этих вопросов способствовала бы не только всестороннему освещению причин гибели Византии и балканских стран в XIV—XV вв., но и выяснению особенностей турецкой феодальной системы, во многих отношениях испытывавшей влияние феодализма балканских государств*.

Бистра А. Цветкова

(Перевод с болгарского Т. Я. Елисеевой)

«ИСТОРИЯ И ВОСХВАЛЕНИЕ ВЕНЦЕНОСЦЕВ»

Грузинский текст перевел, предисловием и примечаниями снабдил

действ. член АН ГрузССР проф. К. С. Кекелидзе.

Изд-во Академии наук ГрузССР. Тбилиси, 1954, 110 стр.

Рецензируемая книга представляет собой перевод на русский язык грузинского памятника, повествующего о событиях царствования Георгия III (1156—1184) и Тамары (1184—1213). Текст этот был открыт в конце прошлого века в рукописи, датированной 1638—1646 гг., и впервые издан в 1906 г. проф. Е. С. Такайшвили. Критическое его издание было осуществлено проф. К. С. Кекелидзе в 1941 г. Произведение рисует один из наиболее интересных периодов грузинской истории; это — годы политического и культурного подъема Грузии времен развитого феодализма, подъема, давшего плеяду замечательных деятелей культуры во главе с Руставели и по справедливости названного «грузинским ренессансом»¹. Переводчик «Истории» проф. К. С. Кекелидзе — ученый, хорошо известный своими исследованиями по древнегрузинской литературе и много занимавшийся настоящим памятником.

Не будучи компетентными судить здесь о точности перевода и вполне полагаясь на авторитетное свидетельство самого переводчика, стремившегося «дать прежде всего точный, понятный и лишь потом, по мере возможности, дословный перевод» (введение, стр. 13), мы вместе с тем хотели бы сделать несколько замечаний относительно публикации проф. К. С. Кекелидзе.

* За рамками нашего обзора остался ряд статей по более позднему периоду: Г. И. Ибрагимов. Крестьянские восстания в Турции в XV—XVI вв. ВВ, VII, 1953, стр. 122—145; J. Kabrda. Les problèmes de l'histoire de la Bulgarie à l'époque de la domination turque. BS, XV/2, 1954, p. 173—208; J. Reuchmann. Z nowszych badań nad dziejami stosunków agrarnych na Bliskim Wschodzie. Rocznik Orientalistyczny, XIX, 1954, p. 193—201.

¹ См. исследование Ш. Нуцубидзе. „Руставели и восточный Ренессанс“. Тбилиси, 1947.

Введение (стр. 5—14), составленное на основе предшествующих работ исследователя², дает сжатый историко-литературный анализ памятника, созданного, по его мнению, «в конце царствования Георгия IV Лаши (сына Тамары), около 1222 г.» (стр. 6). Анонимный автор «Истории» выступает как ревностный сторонник политики Тамары, его политический идеал — неограниченная монархия (многоначалие «сопряжено с завистью и неустройством»), построенная, однако, не на «страхе и ужасе», а на «миролюбии». Явно идеализируя царствование Тамары, он пишет, что в годы ее правления азнауры (свободные) сделались вельможами, вельможи — властителями, а земледельцы стали азнаурами (стр. 38). Образ Тамары рисуется в тоне безудержных славословий — это своего рода параллель к поэтическим панегирикам того времени «Абдул-Мессии» Шавтели и «Тамариани» Чахрухадзе. Перед нами в полном смысле слова «восхваление венценосцев»³.

При всей своей тенденциозности «критически установленный текст произведения, — как показывает проф. К. С. Кекелидзе, — разрешает много путаных, неясных вопросов в истории царствования Георгия III и дочери его Тамары» (стр. 13). Это вместе с тем — интересный источник не только по внутренней истории Грузии. Здесь уделено внимание грузино-русским отношениям того времени и, в частности, браку Тамары с сыном Андрея Боголюбского Георгием. «История» содержит ряд свидетельств и о грузино-византийских отношениях. Автор сообщает о приезде к Георгию III Андроника Комнина с семьей (гл. VIII), о дружеских отношениях между Георгием III и византийским императором Мануилом I (гл. XI), о любви сына Мануила I Поликарпа к Тамаре (гл. XXII). Интересно описание религиозного спора между грузинами и армянами (гл. XXXIX—XL), которое, по мнению К. С. Кекелидзе, является вставкой какого-то церковника, сделанной вскоре после появления памятника (стр. 6).

Вслед за рассмотрением социально-политических и философских воззрений автора «Истории» переводчик дает удачную характеристику литературных особенностей памятника, свидетельствующего о том, как грузинская культура этих лет «активно и творчески воспринимала элементы персидской культуры своих западных, христианских, и восточных, мусульманских, соседей» (стр. 9). «История» пестрит библейскими, античными, персидскими, арабскими реминисценциями. Автор ее хорошо знаком с Библией и Гомером, Фирдоуси и Плутархом, Иосифом Флавием и Георгием Амартолом. В многочисленных сравнениях мы встретим здесь имена Самсона, Голиафа, Ахилла, Артемиды, Александра Македонского, Августа, Зороастра, Рустема и т. д. Во введении дается и краткая характеристика языка памятника.

Перевод (стр. 15—99) в целом выполнен удобочитаемым, хотя местами и чрезмерно архаичным языком. Переводчик, впрочем, сознательно стремился к этому, пытаясь передать таким образом «древность языка произведения и церковно-библейский налет стиля» (стр. 13—14). Большую работу проделал К. С. Кекелидзе по передаче социально-политических и административных терминов, далеко не всегда имеющих соответствие в русском языке. К сожалению, в принципах передачи некоторых таких терми-

² См. К. С. Кекелидзе. „История и восхваление венценосцев“, как литературный источник. Руставелевский сборник. Тбилиси, 1938 (на груз. яз.), а также упомянутое критическое издание „Истории“ (Тбилиси, 1941).

³ Заметим, кстати, что вряд ли можно так безоговорочно, как это делает переводчик (стр. 5), причислять к панегирикам подобного рода „Параллельные жизнеописания“ Плутарха (вспомним хотя бы далеко не панегирические биографии Деметрия Полиоркета, Антония и некоторые др.).

нов переводчик не вполне последователен. Так, конюший назван в переводе шталмейстером (стр. 29, 33, 38), чухчарх (царский телохранитель) оставлен без перевода (стр. 33), вряд ли удачен здесь «премьер-министр» (стр. 33, 38) и т. д. Лучше, на наш взгляд, было бы или оставить такие термины без перевода или — идя на условный перевод — прибегать к возможно более однородным эквивалентам. Это позволило бы избежать такого рода, например, перечислений: вельможные бояре, чкондидели, премьер-министр, везир везиров, военный министр, протомандатор, министр финансов, министр двора, чурчач, шталмейстер (все — должностные лица при дворе Тамары, стр. 38). Вряд ли удачно называется Тамара патронессой (стр. 39, 57). Вызывают возражение такие написания, как Ермий (т. е. Гермес — стр. 35), падышах (стр. 21), сарацын (стр. 24). Встречается досадный разнобой: шарванша (стр. 45) — Шарванша (стр. 56, 57) — Ширваншах (стр. 99); Сослани (стр. 11, 93) — Сослан (стр. 80); азнаури (стр. 8) — азнаур (стр. 38).

Неудачным представляется стиль отдельных мест перевода. Вот несколько примеров: «Ногами быстротечными он воистину походил на превознесенного Даниила» (стр. 27), «посадил ее одесную себе» (стр. 30), «с выбритой головой и подавленным сердцем встретил он дочь свою» (стр. 31), «взяли от Тамары клятву (в невредимости)» (стр. 37), «добрые и прекрасные вояки» (стр. 39), «Под Захариною... убили коня, а у множества других вельмож ранили» (стр. 61), «собака... сильно закричала» (стр. 73). Отец Георгия III царь Димитрий назван Димитрий Давидович (стр. 18). Кажется, никто еще пока не называл царицу Тамару Тамарой Георгиевной.

Следующие за переводом примечания (стр. 93—110) предназначены «главным образом для лиц, не знакомых с грузинской историей и не владеющих грузинским языком» (стр. 14). В части, относящейся к грузинским реалиям, примечания действительно являются большим подспорьем для знакомящихся с «Историей». Некоторые места здесь (например, объяснение имени Артемиды «Мтафоло» — стр. 95—96) представляют и самостоятельный интерес. Досадное впечатление вызывают отдельные небрежности. Так, примечания 10 к гл. VII, 7 к гл. XVI, 2 к гл. XLVII по сути дела повторяют друг друга. В объяснении к слову «атабаг» (стр. 110) попросту цитируется приведенное в комментируемом месте объяснение самого автора «Истории», что делает это примечание совершенно излишним. Вряд ли можно назвать Джавахети (гл. XLIII) одним из кантонов Юго-Западной Грузии (стр. 109).

Более серьезные возражения вызывают некоторые примечания, выходящие за пределы грузинской тематики. Весьма проблематичной представляется прежде всего польза от примечаний типа: «Сократ и Платон — древнегреческие философы» (стр. 94) или «Зороастр, основатель огнепоклонства» (стр. 98), а такие примечания нередки. Нельзя пройти мимо отдельных неточностей и прямых ошибок в комментариях. В VI главе «Истории» упоминается басня «из индийской книги Калила и Димна». В действительности же «Калила и Димна» — книга арабская; это — перевод утраченного пехлевийского сборника, бывшего в свою очередь переделкой индийского сборника басен «Панчатантра». Это по меньшей мере неточное выражение историка следовало так или иначе отметить в комментарии и, во всяком случае, не ограничиваться ремаркой: «Всесветно известный сборник притч» (стр. 98). В той же VI главе перечисляются подряд Самсон, Далила, Соломон и Сибилла, охарактеризованные в примечании: «Все это — библейские персонажи» (стр. 98). Между тем ни греческая или римская Сибилла, ни Сибилла иудео-эллинистических и раннехристианских

апокрифов никак не является «библейским персонажем». Андроник Комнин (переводчик пишет «Комнен») был не «племянником по брату императора Мануила I Комнена», как ошибочно пишет автор «Истории» (гл. VIII) и повторяет комментатор (стр. 99), а его двоюродным братом.

В XIV главе упомянуты ваятели Пифодор и Критий. Здесь, возможно, как предполагает в конце соответствующего примечания сам К. С. Кекелидзе (стр. 102), имеются в виду «знаменитые греческие скульпторы V в. до н. э.» (Пифодор, кстати, если не иметь в виду более поздних мастеров, носивших то же имя, жил скорее не в V, а в VI в. до н. э.). Совершенно непонятно, почему автор пытается в том же примечании отождествить ваятеля Крития с известным софистом, тираном Критием, «которого Платон упоминает в диалоге «Критий» (Тимей)». Не говоря уже о том, что для такого отождествления нет абсолютно никаких оснований, отметим, что в этой связи следовало бы назвать два диалога Платона: «Тимей» и служащий его продолжением незаконченный «Критий»; ни один из этих диалогов, насколько нам известно, под именем другого в научной литературе не фигурировал.

В 3-м примечании к XXXVII главе упоминается «персидское эпико- (по-видимому, следует читать этико-. — А. С.) политическое сочинение Кабус-Намэ, написанное в 1082 г.». Это не совсем точно. По свидетельству автора Кабус-Намэ, книга была *начата* в 475 г. хиджры (июнь 1082—май 1083)⁴.

Книга издана небрежно. Так, под рубрикой XLII помещены примечания к XLIII главе, а примечание к XLII главе вообще отсутствует. К слову «Табакмела» (местность, где скончалась Тамара, гл. LIII) дается сноска 2 (кстати, следует читать 3), но в соответствующем месте (стр. 110) такого примечания мы не найдем. Большую пользу принесли бы традиционные в подобных изданиях именной и терминологический указатели — их в книге нет.

Все это, как нам кажется, говорит о необходимости с большей требовательностью и вниманием относиться к публикации (в частности к комментированию) трудов такого рода. Упомянутые недостатки рецензируемой книги тем более досадны, что издание русских переводов грузинских, армянских и других источников по истории народов нашей страны, делающее эти источники доступными широким кругам специалистов, представляется в высшей степени полезным и важным, а публикация проф. К. С. Кекелидзе знакомит нас как раз с одним из таких источников.

А. Я. Сыркин

М. А. ЗАБОРОВ. КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

Изд-во АН СССР. М., 1956, 278 стр.

Это первая в советской историографии книга, посвященная истории крестовых походов. Она вышла в научно-популярной серии Издательства Академии наук, однако первое же знакомство с этой работой заставляет прийти к выводу, что перед нами не компиляция, какой нередко являются подобного рода популярные издания, но результат самостоятельного исследования, итог многолетней работы автора над источниками.

⁴ Кабус-Намэ. Перевод, статья и комментарии чл.-корр. АН СССР Е. Э. Бертельса. М., 1953, стр. 216.

Первая глава книги рассказывает о подготовке и причинах крестовых походов. Она начинается кратким историографическим очерком, в котором автор показывает полную несостоятельность попыток буржуазных историков представить крестовые походы результатом столкновения двух религиозных миров и в качестве основных причин этих походов выдвигать свойственную средневековому обществу религиозность, будь то религиозное благочестие или религиозный фанатизм. М. А. Заборов ищет причины крестовых походов в ряде более глубоких и не всегда очевидных явлений — в социально-экономических потребностях общества, в заинтересованности и стремлениях различных его слоев, в соотношении политических сил. «Причины крестовых походов, — говорит автор, — коренились, в первую очередь, в переменных, которые совершились в XI в. в положении главных общественных классов на Западе на основе происшедших там экономических сдвигов» (стр. 12). В связи с этим М. А. Заборов обращается к анализу положения, в котором находились в тот период страны Западной Европы. Широко используя источники, часто приводя из них удачно подобранные цитаты, автор рисует картину смутного XI в. с его непрерывными феодальными усобицами, годами неурожая, голода и эпидемий. Он показывает придавленную феодальным гнетом и разоренную феодальными войнами деревню, обитатели которой жаждали освобождения, были готовы сдвинуться с места в поисках лучшей жизни и потому представляли собой прекрасный объект для крестоносной агитации.

Отрицая религиозный фактор в качестве основной и единственной причины крестовых походов, М. А. Заборов вместе с тем счастливо избежал упрощения и односторонности в освещении этого вопроса. Наоборот, он прекрасно показывает, что в темном сознании средневекового крестьянина события реальной жизни получали нередко самое причудливое отражение, бедствия, например, воспринимались как «божья кара», а стремления к избавлению от них приводили к жажде религиозного подвига. Эти настроения, как справедливо отмечает М. А. Заборов, сыграли большую роль в крестовых походах, хотя, конечно, и не были первопричиной крестового движения.

Далее автор показывает, что и среди господствующего класса постепенно накапливались силы, заинтересованные в крестовых походах, — это разоряющиеся рыцари, малоземельные или безземельные, в поисках добычи, в погоне за новыми землями готовые броситься в любые предприятия и авантюры.

Неустойчивый, находящийся в вечном движении и непреодолимой внутренней борьбе, потрясаемый войнами, стихийными бедствиями и эпидемиями, западноевропейский мир экономически, политически и психологически был готов к передвижению. Необходима была лишь сила организующая — она нашлась в лице католической церкви.

М. А. Заборов считает, что в самой католической церкви в XI в. происходят значительные изменения, она централизуется, усиливается папская власть, которая и становится главным организатором и вдохновителем движения на Восток.

Папство, как показывает автор, по целому ряду причин было глубоко заинтересовано в крестовых походах.

Вторая, самая обширная глава работы (стр. 51—132), посвящена Первому крестовому походу. Она написана живо и красочно. Чувствуется — и это следует особо отметить, — что автор ведет свой рассказ, все время опираясь непосредственно на источник. Фактическая сторона похода изложена здесь очень добротнo. Широко использованы не только источники, но и литература вопроса, в том числе и новейшая. Такой сводки прове-

ренного фактического материала по Первому крестовому походу на русском языке до сих пор еще не было.

Изложение начального этапа крестовых походов обладает и тем достоинством, что автор очень тщательно собрал все, что касается крестьян и вообще бедноты, принявшей участие в крестоносном движении. В этом отношении особенно интересны страницы, посвященные походу бедноты, подробно описанному автором, и в частности тот раздел, где речь идет о социальных противоречиях в войсках крестоносцев (стр. 97 сл.). Несколько ярких эпизодов, вроде краткого рассказа о вооруженной борьбе, разразившейся в войсках Балдуина Фландрского под Тарсом (стр. 98—99), и сведения об особых отрядах бедняков—тафуров (стр. 100—101) — бросают новый свет на характер похода и показывают, хотя, к сожалению, и не всегда с той полнотой, с какой было бы желательно, всю сложность социальных отношений, царивших в крестоносных войсках. В этой связи очень интересны и те страницы, на которых описаны раздоры из-за добычи возглавивших поход князей, раздоры, не раз приводившие к кровавым столкновениям. Все эти факты прекрасно показывают действительную цену легенды о бескорыстии крестоносцев, будто бы движимых единым религиозным воодушевлением. Весь путь крестоносцев Первого похода представлен как процесс их саморазоблачения, и кульминацией его несомненно является знаменитая иерусалимская резня, учиненная крестоносцами.

Серьезно и с большим знанием материала написан раздел этой главы, посвященный государствам, созданным крестоносцами на Востоке (стр. 108—132). Читатель узнает здесь не только о рыцарях, о духовно-рыцарских орденах и их деятельности, но и о вилланах и, что всего интереснее, о вилланских восстаниях, нередко захватывавших значительную часть Иерусалимского королевства. Таким образом, весь цикл Первого похода от его подготовки и выступления бедноты в 1096 г. до создания государств крестоносцев на Востоке изложен в книге на большом материале источников, сжато, но вместе с тем четко и убедительно. Не только читатель-неспециалист, но и историк найдет здесь для себя много нового и интересного.

Несколько иное впечатление производит глава, посвященная крестовым походам XII в. (стр. 133—178). И дело не только в том, что изложение становится более кратким, но и в том, что в истории Второго и Третьего походов автор менее самостоятелен и гораздо реже опирается непосредственно на источник. Видимо, в связи с этим находится и то, что повествование автора нередко ограничивается здесь просто изложением фактов.

Зато следующая глава, посвященная Четвертому крестовому походу, является едва ли не лучшей во всей книге (стр. 179—242).

Преодолевая односторонность большинства исследователей, занимавшихся Четвертым крестовым походом, — а ему, как известно, посвящена огромная литература, — М. А. Заборов показывает всю сложность политической борьбы, предшествовавшей этому походу, и совокупность различных сил, принявших участие в его организации. В результате германо-византийских противоречий, заинтересованности французской короны, под прямым нажимом Венеции и тайным руководством Иннокентия III орды крестоносцев, забыв о «святой земле», ринулись на Константинополь, взяв его штурмом и разгромили. М. А. Заборов специально изучал вопрос о роли папства в Четвертом крестовом походе¹, и приведенные им

¹ ВВ, V, 1952 и VI, 1953.

свидетельства источников, в частности Новгородской летописи о прямом, хотя и тайном участии Иннокентия III в организации захвата Константинополя, представляются достаточно убедительными. Вдохновители крестовых походов и их непосредственные участники с действительно поразительным цинизмом обнаружили истинную сущность своих устремлений и целей, осуществив разгром Константинополя, города, населенного христианами. Взятие Константинополя, сцены повального грабежа, пожаров, в огне которых гибли люди, неповторимые памятники искусства, драгоценные библиотеки — все это прекрасно описано автором и убедительно доказывает его основную мысль о грабительском характере крестовых походов. В этой же главе автор останавливается и на организации Латинской империи и на борьбе народов Балканского полуострова против франкских захватчиков.

Пятая глава (стр. 243—267) посвящена вялому течению последних походов, потерявших смысл и значение даже в глазах современников.

Книга заканчивается кратким заключением (стр. 268—278), содержащим общую оценку крестового движения и в значительной своей части обращенным к настоящему, поскольку история крестовых походов неоднократно извращалась в новейшей литературе в политических целях, а идеи древних крестовых походов использовались современными реакционными кругами и, в частности, Ватиканом в их борьбе с прогрессивными силами мира. В этом отношении общая направленность книги, показавшей истинное лицо средневековых крестоносцев, делает ее своевременной и актуальной.

Таким образом, мы видим, что книга М. А. Заборова представляет собой не просто изложение фактической стороны истории крестовых походов, но и дает определенную концепцию крестового движения, его места в средневековой истории. Однако не со всем в этой концепции можно согласиться и не все ее стороны разработаны автором с одинаковой законченностью.

Так, прежде всего следует отметить, что книга не дает ясного ответа на вопрос, каким принципом руководствовался автор при отборе того круга исторических событий, который он включил в свою работу, или, другими словами, каков объем понятия «крестовые походы».

П. Лемерль в докладе на X конгрессе историков в Риме определил крестовые походы как военные паломничества, имевшие своей целью освобождение святых мест и христиан Востока, возглавленные церковью, походы, чьи участники получали определенные отличительные знаки и определенные привилегии². Это распространенное в западной литературе определение носит формально-юридический характер и, конечно, не может быть нами принято. Мы иначе представляем себе и подлинные цели походов и их движущие силы. Кроме того, крестовые походы не ограничивались, как известно, «святыми местами». Мы знаем и крестовые походы на славянский Восток и походы в самой Западной Европе, как, например, поход против альбигойцев, поход против крестьян, восставших под руководством Дольчино, поход против штединггов и т. д. Следовательно, крестовые походы определяются не по направлению их удара, а в зависимости от того, какие силы и с какими целями приняли участие в этом движении и в какую форму оно вылилось. Известно, например, что к завоеванию территории нынешнего Ближнего Востока и к освобождению «святых мест» стремилась и Византия, особенно в X в. Византийское

² P. Lemerle. Byzance et la croisade. Relazioni del X Congresso Internazionale di scienze Storiche, III. Roma, 1955, p. 615.

правительство организовало ряд походов, которые Р. Груссе и называет «византийскими крестовыми походами»³. Однако эти военные предприятия наукой не причисляются к общему крестоносному движению — и вполне справедливо. Здесь совпадает только направление, но движущие силы совершенно иные.

Крестовые походы — это порождение феодальной раздробленности, их прекращение не случайно совпало с периодом укрепления централизованных государств. Крестовые походы осуществились главным образом силами рыцарства. Рыцарские отряды вполне могли идти в сопровождении толпы крестьян и караванов купцов, но основной силой было именно рыцарство, условия существования которого как определенной социальной группы непрерывно связаны с периодом феодальной раздробленности. (Вот почему упоминавшиеся выше византийские походы X в. и нельзя считать крестовыми). Объективной целью крестоносного предприятия неизменно была колонизация, создание крестоносного государства. Субъективной целью, а зачастую и просто ширмой, была борьба во имя защиты и укрепления католической церкви. Только учитывая все сказанное, мы сможем правильно определить как действительное место крестоносного движения в общей истории средних веков, так и его подлинные размеры. XI—XIII века были периодом величайшей западноевропейской агрессии (борьба с арабами в Испании, крестовые походы в Палестину, завоевание славянских земель, внутренние завоевания). И в этой общей картине Четвертый крестовый поход предстает перед нами уже не исключением из правила, как его подчас пытаются изображать, а явлением закономерным.

М. А. Заборов же в основном ограничивается теми походами, которые были совершены на Ближний Восток, однако уже одно включение в его работу немецких походов против славян показывает, что он не придерживается того определения, которое считает крестовыми походами одни лишь походы в «святую землю». Но как только автор вышел за пределы этого узкого понимания термина, сейчас же встает вопрос, почему одни походы включены в книгу, а другие не нашли в ней отражения. Вряд ли, конечно, можно требовать, чтобы в небольшой книге была нарисована сколь угодно подробно вся картина крестовых походов. Однако общий размах движения показать было необходимо. Поэтому недостатком книги следует признать отсутствие, например, описания похода против альбигойцев. Поход против альбигойцев — это настоящий крестовый поход и по движущим своим силам, и по целям, и по форме, и по результатам. И поэтому современники были совершенно правы, называя его «крестовым походом». Осуществило его северофранцузское рыцарство, призванное папой Иннокентием III и ведомое папским легатом; участники похода вместе с крестом получали все права и привилегии крестоносцев. Его результатом было создание крестоносного государства Симона де Монфора, государства, столь же недолговечного, как и другие подобные ему. Являясь, так сказать, классическим крестовым походом, поход против альбигойцев представляет для нас огромный интерес, поскольку он был явно направлен не только на завоевание земель, но и на подавление антицерковного и антифеодального движения и вызвал героическую и многолетнюю борьбу народных масс против крестоносцев. Ни в одном походе папство и католическая церковь не выступали в столь зверском обличье, как это было в период альбигойских войн, — достаточно вспомнить требование папского легата повесить всех мужчин города Тулузы, большая

³ R. Grousset. Histoire des croisades, vol. I. Paris, 1948.

часть населения которого была католической! История борьбы альбигойцев с крестоносцами прибавила бы книге много ярких и впечатляющих страниц, и место для них можно было бы найти хотя бы за счет неоправданно подробного описания малозначительного «похода» Фридриха II Гогенштауфена и других поздних походов. Следовало бы остановиться, хотя бы кратко, и на крестовом походе против крестьян, восставших под руководством Дольчино.

Как уже отмечалось, одним из больших достоинств работы М. А. Заборова является то внимание, которое он уделяет народным массам, в особенности крестьянству, принявшему участие в крестовых походах. Однако и здесь с автором не во всем можно согласиться. Он, конечно, прав, когда в стремлении крестьян на Восток видит их желание освободиться от феодального гнета (достаточно вспомнить клич крестьян, выступивших в поход 1096 г., — «опередить дворян-притеснителей!»). Но в общей картине классовой борьбы крестьян в XI в. не все нарисовано автором достаточно отчетливо, а кое-что, на наш взгляд, и не совсем правильно.

М. А. Заборов не раз, например, упоминает о том, что одной из пассивных форм сопротивления крестьян феодальной эксплуатации было их бегство из поместий. Доказать это положение нелегко. Крестьяне действительно нередко бежали, оставив свои деревни, об этом ясно говорят источники, однако, как правило, речь идет о том, что они разбежались, прячась от врага, спасаясь от грабежа и смерти, которыми грозили им набеги враждующих сеньоров. Мы знаем, что не только крестьяне покидали деревни, но и монахи бросали монастыри и бежали при появлении рыцарских отрядов⁴. Однако в этом вопросе автор, по-видимому, очень близок к истине: уже тот энтузиазм, с которым крестьяне кинулись в Первый поход, ясно показывает их желание уйти от своих господ и обрести свободу. Иначе обстоит дело с вопросом активной антифеодальной борьбы. Наши сведения о крестьянских восстаниях этой поры крайне скудны и отрывочны. И это почти полное молчание источников нельзя считать случайным: крестьянское движение, если оно действительно было сколько-нибудь широким, представляло бы для феодалов такую грозную опасность и несомненно должно было производить такое впечатление, что трудно себе представить, чтобы оно не нашло отражения в современных источниках. Бесспорно, конечно, что тяжелое положение крестьян могло вызвать протест с их стороны, отдельные случаи возмущения, бегства в леса, нападения на представителей господствующего класса, однако о сколько-нибудь широком крестьянском движении у нас нет никаких данных. Между тем, утверждая факт широкого народного движения, автор строит на этом одно из важнейших своих положений. «Феодальные круги» и прежде всего церковь, неоднократно подчеркивает он, организовывая крестовые походы, имели главной целью увести из Западной Европы мятежный крестьянский элемент, грозящий самому феодальному строю. Это положение представляется не только недоказанным, но и вызывает возражения.

Во-первых, как уже говорилось, не доказан сам факт массового антифеодального крестьянского движения. Во-вторых, в современных источниках мы не найдем ничего, что указывало бы на подобные замыслы папства. И, наконец, здесь встают соображения и иного порядка. Всякий, кто читал картулярный материал этой эпохи, знает, как много в хозяйстве феодалов было пустующих участков, как велика была нехватка рабочих рук, без

⁴ Bouquet. Recueil des historiens des Gaules et de la France, t. X, p. 321; t. XI, p. 572.

которых земля не имела никакой цены. В этих условиях бегство крестьян должно было наносить феодальному и, в частности, церковному хозяйству страшный урон. Трудно поверить, чтобы феодалы и крупнейший из них — церковь — сознательно способствовали (как это получается у автора) уходу из Западной Европы драгоценной рабочей силы. К подобному средству господствующий класс не прибегал даже в XIV в. — в век великих крестьянских восстаний: мятежных крестьян никогда не уводили из страны, а, наоборот, обрушивались на них всей силой кровавых репрессий.

Все вышесказанное, повторяем, не означает, что участие крестьян в первых крестовых походах было лишено антифеодального характера, не было связано со стремлением народа к освобождению, — эти стремления очевидны и хорошо показаны автором⁵. Мы хотели только подчеркнуть, что автор необоснованно приписывает папству желание вывести крестьян из Европы.

Вообще, как нам кажется, М. А. Заборов несколько преувеличивает роль папства в деле организации первых крестовых походов. Это связано с некоторой переоценкой им значения тех преобразований внутри католической церкви, которые были вызваны клюнийской реформой. Автор совершенно прав, когда указывает на большие изменения, происшедшие в X—XI вв. в жизни церкви, на такие явления, как рост церковного землевладения, усиление и централизация всей церковной организации. Однако представление о том, что в результате клюнийской реформы создавалась прочная конгрегация, возглавляемая папой, не соответствует действительности. Клюнийские монастыри настолько сильно были зависимы от светских локальных сил, так глубоко увязли в окружающем их феодальном мире, что вряд ли можно говорить о прочной конгрегации. Не менее сомнительным представляется и тезис о папстве как главе клюнийского ордена. Сам Клюнийский монастырь был подчинен лишь покровительству папского престола — *ad tuendum, non ad dominandum*, говорится в одной из клюнийских грамот⁶, практически же и это подчинение было номинальным. Папство XI в. было отнюдь еще не настолько сильным, еще так было поглощено борьбой за свое собственное освобождение, что бесспорно не имело еще возможности осуществлять реальное господство над могущественным западноевропейским монашеством. Вряд ли можно говорить и о том, что «огромные материальные ресурсы монастырского землевладения» были переданы в распоряжение римского папы (стр. 24). Монастыри в этом смысле находились в различных отношениях к римскому престолу. Правда, некоторые испанские монастыри находились в частном владении папы, который собирал с них реальный доход⁷; что же касается Клони и многих других французских монастырей, то по отношению к их землям папская курия никакими правами не обладала⁸. Можно говорить

⁵ Вызывает сомнения только трактовка автором эпизода с гусем и козой, которые, как известно, шествовали впереди движущейся в поход немецкой бедноты. Автор видит в этих языческих традициях выражение антифеодальных устремлений народа. Нам кажется это необоснованным. Как известно, языческие традиции подчас прекрасно уживались с христианством и даже были ассимилированы им. Во всяком случае эти „антифеодальные“ коза и гусь как протест против феодального строя кажутся неубедительными.

⁶ *Recueil des chartes de l'abbaye de Cluny*, vol. I, 1876, № 285 (далее цитируется как СС); см. также № 499.

⁷ См. P. Kehr. *Das Papsttum und der katalonische Principat bis zur Vereinigung mit Aragon*. Berlin, 1926, S. 26 f.

⁸ См., например, СС, vol. I, № 211, где прямо говорится, что папа не имеет права осуществлять свою власть над землями монастыря.

о естественном союзе папства и нового, реформированного монашества, можно говорить о том, что папство в своей централизаторской политике опиралось на монашество, но представлять себе тогдашнее монашество в виде прочной иерархической организации, венчаемой папою, никак нельзя. Этот вопрос, может быть, и не представлял собой такую уж важность для популярной и небольшой работы, если бы с ним не было связано не вполне верное освещение роли папства в первых крестовых походах.

По мнению М. А. Заборова, католическая церковь и прежде всего папство долго искали путей, «чтобы уберечь господствующий класс от опасности, исходившей со стороны угнетенного крестьянства», долго думали над тем, «куда обратить взоры крестьянства», «в какую сторону направить феодалов» (стр. 25), и, наконец, решились на крестовые походы. Таким образом, хотя М. А. Заборов, как видно из первой главы его книги, прекрасно представляет себе всю сложность отношений, вызвавших к жизни крестоносное движение, в дальнейшем он невольно как бы возвращается к той давней концепции крестовых походов, как «папского предприятия», которая была выдвинута в эпоху Реформации и опровергнута еще Г. Зибелем и другими авторами XIX в.

Автор недооценивает здесь стихийность крестоносного движения и тех общих условий, породивших его, о которых уже говорилось выше. Если упоминания, и то не всегда ясные, о народных восстаниях в ту эпоху приходится собирать, что называется, по крупицам, то доказательств избытка в Западной Европе XI в. «свободной рыцарской силы» искать не приходится. Об этом свидетельствуют письма и сочинения самих кляунийцев⁹, папские послания, любая хроника того периода. Об этом говорят и столь характерные для этой эпохи непрерывные феодальные войны и набеги, и многолюдные паломничества, «крестовые походы до крестовых походов».

Все эти силы сами искали и находили себе цели и объекты. Вспомним о норманских завоеваниях и об отношении к ним папства. Эти завоевания совершались независимо от воли слабой папской курии, более того, попытки сопротивления этим завоеваниям (например, со стороны Льва IX) оказались безнадежны, и папству оставалось только присоединиться к этим завоевательным предприятиям, чтобы извлечь из них хоть какую-то пользу¹⁰. Завоевания северонемецких князей в понтификат Стефана IX также могут послужить доказательством этой рыцарской инициативы. Свои захваты славянских земель они оправдывали тем, что целью их было подчинить эти земли папскому престолу¹¹, хотя сам папа Стефан IX, занятый делами своего лотарингского дома, менее всего интересовался тогда предприятиями северных князей.

Создается впечатление, что папство долгое время не поспевало за этими рыцарскими походами, а затем оно само уже было поднято на гребне движения, охватившего всю Западную Европу.

Все это относится к начальному периоду движения, к XI—XII вв. В этот период не столько папство создавало крестовые походы, сколько

⁹ См., например, сочинения аббата Одо Кляунийского, *Collationes, Vita Sancti Geraldii Aureliensis Comititis*. PL, t. 133.

¹⁰ Норманские военные предприятия особенно интересны еще и потому, что именно норманны (и без всякого участия со стороны папства) оказались на путях восточных завоеваний. Так, находившиеся на службе Византии норманны под предводительством Руссея де Бейё пытались создать в Малой Азии новое норманское государство (см. R. Grousset. *Histoire des croisades*, vol. I, p. XXXIV sq.), прообраз того, которое было создано на Востоке южноитальянскими норманнами в результате Первого крестового похода.

¹¹ MGH SS, V, p. 613.

крестовые походы (наряду с другими факторами) укрепляли папскую власть и способствовали неслыханному ее возвышению. Именно благодаря этому усилению своих позиций папство смогло стать реальным руководителем и организатором крестового движения. Не случайно Алексей Комнин обращается к отдельным сеньорам Запада, а Мануил Комнин адресует уже к папе Евгению III (1145—1153), пытаясь договориться с ним об условиях похода¹². В XIII в., когда папство достигло вершин своего политического могущества, папа мог уже реально руководить крестовым движением и направлять его в нужное ему русло. Когда Иннокентий III грозил непокорному Раймунду VI Тулузскому: «Мы примем меры, чтобы все соседние государства поднялись против тебя как против врага Христа и гонителя церкви и взяли бы себе те земли, которые успеют захватить»¹³, — то эту свою угрозу он мог осуществить и осуществил. Однако поход против альбигойцев, как это справедливо отметил Огюст Лоньон, был все-таки «скрытым под религиозным покровом нападением французского Севера на французский Юг»¹⁴.

Автору подчас изменяет чувство эпохи. Когда читаешь книгу М. А. Заборова, нередко создается впечатление, что в ходе крестовых походов умная, циничная и не верившая в бога папская курия обманывает темные народные массы, нарочно одурманивая их суевериями и разжигая религиозный энтузиазм, которых сама не разделяла. Речь папы Урбана II или проповеди Петра Амьенского изображаются автором как сплошная демагогия. Не следует, однако, забывать, что римские первосвященники отнюдь не поднимались над идеями и верованиями своего века, что они были так же суеверны, невежественны и фанатичны, так же могли надеяться на помощь божью. Циники и демагоги вряд ли сыграли тогда бóльшую роль, чем фанатики и изуверы. Обладая только «показным аскетизмом», как это утверждает М. А. Заборов (стр. 57), Петр Амьенский едва ли бы смог завоевать такой авторитет среди широкой массы искренно верующих людей. Нам представляется, что гораздо правильнее было бы показать церковных руководителей во всем их мрачном невежестве и изуверстве, чем изображать их чуть ли не вольнодумцами и скептиками.

В этой связи следует сказать, что и различие между первым этапом движения, когда религиозный энтузиазм еще был очень силен, и последующим, когда корыстные цели выступают особенно резко, а энтузиазм остывает, подчеркнута автором недостаточно ясно. Между тем стоит лишь сравнить Альберта Аахенского, историографа Первого похода, с Вильгельмом Тирским (1130—около 1190), чтобы понять всю разницу в атмосфере Первого и последующих походов.

Жаль, что М. А. Заборов не коснулся, хотя бы вкратце, литературы, созданной крестовым движением, в частности крестового поэтического цикла. Это ввело бы читателя в духовную атмосферу той эпохи и вместе с тем еще резче оттенило бы контраст между опоэтизированными «божьиими воинами» и теми разбойниками и убийцами, какими в массе своей были реальные рыцари-крестоносцы.

Общие выводы автора об итогах крестового движения (стр. 268—278) представляются правильными. Вместе с Ф. И. Успенским М. А. Заборов считает, что «выгоды от крестовых походов были неизмеримо ниже потерь и убытков» (стр. 272). Крестовые походы — это колоссальные, ничем не оправданные человеческие жертвы, гибель огромного количества

¹² P. Lemerle. Byzance et la croisade, p. 604.

¹³ Regesta Innocentii III, l. X, ep. 69; CCXV, 1166—1168.

¹⁴ A. Longnon. La formation de l'unité française. Paris, 1922, p. 29.

материальных ценностей. М. А. Заборов с полным основанием спорит с теми учеными, которые склонны считать крестовые походы решающим, переломным и определяющим этапом мировой истории. По мнению М. А. Заборова, не крестовые походы с их грабежами, убийствами и бесмысленной растратой сил способствовали развитию западноевропейских стран, но естественный процесс социально-экономического развития, на которое крестовые походы оказали только относительное влияние. Таким образом, автор не отрицает определенной роли крестового движения в развитии Западной Европы, однако он решительно отрицает их определяющую роль в этом развитии. И доводы автора в общем представляются убедительными. Думается, однако, что М. А. Заборов несколько преуменьшает то значение, которое имели крестовые походы на Восток для развития западноевропейской культуры. Это произошло, по-видимому, потому, что в книге вообще не показано столкновение различных культур — западной и византийской, западной и восточной, мусульманской. Очень ценный в этом отношении материал могли бы дать арабские источники, теперь уже широко введенные в историографию крестовых походов. В частности, в значительно большей степени следовало бы использовать широко известную у нас «Книгу назиданий» Усамы ибн-Мункыза. Говоря о значении крестовых походов в области развития культуры, мы имеем в виду не только и даже не столько те непосредственные заимствования, которые были сделаны на Востоке (рис, арбуз, горячие бани и пр.), но прежде всего те огромные сдвиги в умах, то значительное расширение умственного горизонта, которое должно было произойти в результате столкновения культур, т. е. именно те последствия, к которым менее всего стремились римские первосвященники.

Последний упрек, который приходится сделать автору, относится к стилю его работы. Текст книги отредактирован недостаточно тщательно. Настоящим бедствием книги являются кавычки. Как бы стараясь отмежеваться от многих понятий или придать им иронический смысл, автор ставит их в кавычки; он не скажет: понятие феодальной чести, но: понятие феодальной «чести» (стр. 166); изменники бароны, перешедшие на сторону эмиров-мусульман, почему-то названы «изменниками» в кавычках; о Людовике IX говорится, что католическая церковь признала его «святым» (в кавычках), хотя церковь, естественно, считала его святым без всяких кавычек (стр. 258), а Бернард Клервоский почему-то назван святейшим аббатом без кавычек (стр. 149). «Воины божьи», конечно, всегда в кавычках, а воины христовы, почему-то — без (стр. 151, 260). Кавычки так назойливы, что мешают читать текст.

Мы отмечаем эти мелкие погрешности для того, чтобы в следующем издании книги они были исправлены. А что рассматриваемая нами книга потребует переиздания, в этом не может быть сомнения. Это, повторяем, серьезная работа, содержащая, несмотря на ее небольшой размер, очень ценный материал, значительная часть которого появляется впервые на русском языке. Эта работа станет необходимой студентам исторических факультетов, да и не только студентам, но и преподавателям, она заинтересует, конечно, и более широкий круг читателей. Книга М. А. Заборова важна не только потому, что обладает преимуществами первой в нашей советской литературе сводной работы, посвященной этому предмету, но и потому, что является результатом тщательного изучения источников и обширной литературы предмета.

О. Г. Чайковская

„ПОДБРАНИ ИЗВОРИ ЗА ИСТОРИЯТА НА ВИЗАНТИЯ“

Превели Г. Батаклиев и д-р. Ст. Маслев.

под общата редакция на проф. Д. Ангелов. София, 1956. 361 стр.

В последние годы в СССР и некоторых других странах издан ряд сборников, состоящих из специально подобранных отрывков византийских документов.

Сборники эти предназначены в первую очередь для студентов-историков высших учебных заведений, но вместе с тем они представляют большой интерес для всех работающих в области византиноведения и средневековой истории балканских стран. Рецензируемый сборник, составленный болгарскими учеными, включает материалы, характеризующие главным образом социально-экономические отношения в Византии на разных этапах ее развития.

Готовя к печати этот труд, его составители-переводчики и редактор имели перед собой опыт подобного издания Института истории АН СССР¹. Надо отметить, что проф. Д. Ангелов и его сотрудники использовали этот опыт критически, внося в него необходимые коррективы как в области подбора источников, так отчасти и в отношении расположения материала.

Составители включили в свой сборник ряд новых документов. Расширен раздел о Византии IV—VI вв. Туда введен отрывок из Прокопия Кесарийского об укреплении Балканского полуострова (стр. 47—48), новелла Льва и Анфимия 468 года, хорошо иллюстрирующая борьбу императоров против патроната (стр. 16), и отрывки из XXXII, XXXIII и XXXIV новелл Юстиниана о запрете заимодавцу отбирать землю за долги (стр. 19—21), которые характеризуют эту же тенденцию.

Пополнен подраздел «Крупное землевладение в Византии в IX—XII вв.». Его основное содержание стали составлять хрисовулы о пожаловании земли, крестьян и налоговых изъятий, в то время как в советском издании этот раздел в значительной мере состоял из новелл Македонской династии. Самый подбор документов для этого раздела произведен составителями с большой тщательностью: каждый из них отражает ту или иную особенность поземельного развития Византии. Составители включили в раздел грамоту Алексея Комнина от 1099 г., в которой впервые в качестве объекта пожалования крупному землевладельцу выступают безземельные крестьяне-парики (стр. 195—196). Хрисовул Мануила Комнина 1145 года (стр. 196—198) содержит любопытные подробности, объясняющие этот факт: там сообщается, что подаренных крестьян следует еще поселить на монастырских землях. Переводчик (П. Тивчев) верно передает смысл документа, переводя выражение *ὅστε ἐνοικίσαι*² словами «чтобы их поселить» (курсив мой. — М. Ф.) (стр. 196). Однако в другом случае этот смысл ускользает от него, и термин *προσκαθίσαι* он переводит невыразительным «находиться». На самом деле безземельные крестьяне втягивались в зависимость от феодала не иначе, как путем поселения на его землях и постепенного превращения в «самостоятельных» хозяев. Этот путь отчетливо иллюстрируется грамотой Мануила Комнина монастырю Богородицы Милостивой (1152 г.), в которой зафиксирован процесс превращения «актимонов» (безземельных крестьян) в «зевгаратов» (крестьян полнонадельных) (стр. 198—201). Все эти акты важны потому, что они

¹ Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951.

² MM, vol. VI, p. 104. 14.

характеризуют своеобразную форму создания крестьянской зависимости путем так называемого «присельничества»³.

Но эти акты важны еще и потому, что они иллюстрируют развитие экскуссии и связанную с ней систему податных льгот. Акты позволяют увидеть, что пожалование экскуссии в XI—XII вв. часто связывается с пожалованием париков (стр. 197) и что вокруг экскусионных изъятий идет упорная борьба с представителями местной администрации (стр. 202). Интересен хрисовул Исаака II Ангела 1186 года, который позволяет судить о том, что в экскуссии не следует всегда видеть прямую аналогию западноевропейскому иммунитету: иногда она являлась простой налоговой льготой (ср. «экскуссия кораблей» — стр. 208). Вполне оправданным является включение в сборник перевода грамоты Алексея Комнина 1094 года, рисующей взаимоотношения афонской лавры Афанасия с кочевниками-скотоводами (стр. 206—207). Наконец, характер концентрации крупного землевладения хорошо иллюстрируется актом дарения Константина Экзотроха (стр. 211—214).

Однако ряд документов помещен в сборнике без особой на то, на наш взгляд, необходимости. К их числу относятся: грамота критским архонтам Скордилам 1183 года, очень трудная для истолкования (стр. 204—205), и хрисовул Алексея III Ангела 1196 года, в котором вообще нет ничего нового по сравнению с предыдущими документами (стр. 210—211). Впрочем, таких документов очень немного.

Удачно подобран подраздел «Классовая борьба, восстания и еретические движения» (стр. 215—240), основное содержание которого составляют документы о богомилстве. Возражение здесь вызывает лишь излишне объемистый отрывок из «Алексиады» Анны Комнины о борьбе правительства Алексея Комнина с павликианами (стр. 221—225): извлечь отсюда что-либо для характеристики павликианства-богомилства решительно невозможно. Зато привлечение отрывков из Скилицы-Кедрина о восстании Петра Деяна и Георгия Войтеха, а также из Георгия Пахимера о восстании в Вифинии 1262 г. заслуживает безусловного одобрения.

К числу несомненно положительных моментов, выгодно отличающих рецензируемый сборник, следует отнести и подбор памятников, характеризующих состояние науки и литературы в Византии в X—XII вв. (стр. 260—271).

Приходится лишь пожалеть о том, что, видимо, из-за недостатка места составители были вынуждены отказаться от использования ряда важных памятников. Так, напрасно, на наш взгляд, не включены в сборник новеллы Льва VI⁴, иллюстрирующие усиление централизации в Византии в X в.: сборник и так небогат данными о развитии государства в Византии, а места эти акты заняли бы немного. Следовало бы привлечь и свидетельство Вениамина Тудельского⁵, содержащее ценные данные о состоянии торговых связей Византии и доходах константинопольской знати (арендная плата за помещения)⁶. Заслуживает внимания и «Слово» Иоанна Антиохийского⁷, которое дает наиболее полную характеристику

³ М. М. Фрейденберг. Развитие феодальных отношений в византийской деревне в XI—XII вв. УЗ Великолукского пединститута, 1956, стр. 121—123.

⁴ Сборник документов..., стр. 143—145.

⁵ Там же, стр. 213—214.

⁶ ἐνοίκιον, часто упоминающийся в „Пире“. На характер „энойкиона“ в Константинополе обращает внимание М. Я. Сюзюмов. Роль городов-эмпориев в истории Византии. ВВ, VIII, 1956, стр. 35—36.

⁷ Сборник документов..., стр. 185—188.

характеристика. Для изучающих монастырское хозяйство очень важно было бы найти в сборнике переводы отрывков из «De emendanda vita monastica» Евстафия Солунского, в частности тех, в которых содержатся данные о существовании в монастырях очень любопытной прослойки «диаконовитов» (*διακονιται*)⁸ и о захвате монастырями имущества их соседей. Последняя подробность делает 121-ю главу «De emendanda» отличным дополнением к уже упоминавшейся выше дарственной грамоте Константина Экзотроха. Чрезвычайно полезной была бы публикация в сборнике отрывков из монастырских уставов, рисующих характер монастырского землевладения⁹ и структуру монастырского поселения, тем более что в литературе до сих пор обращалось очень мало внимания на содержащиеся в этих уставах ценные сведения об экономике Византии, в частности о прожиточном минимуме и ценах на продукты для XI—XII вв.¹⁰

Подобно тому, как это сделали редакторы «Сборника документов», и составители «Избранных источников...» обошли, к сожалению, и такой ценный памятник, как переписка Феофилакта Болгарского. Не говоря уже о том, что она дает хотя и не безупречный, но все же значительный материал для характеристики положения болгарского крестьянства¹¹, она хорошо иллюстрирует характер византийской политики в Болгарии в XI—XII вв. И поскольку по этому вопросу в научной литературе еще не существует единства мнений¹², свидетельства современника были бы особенно ценными для всех занимающихся этой проблемой.

И если все только что упомянутые источники были опущены составителями сборника лишь из-за недостатка места, то тем досаднее представляется публикация в сборнике столь длинного (в два печатных листа) отрывка из истории Дуки (стр. 313—344), отрывка, который иллюстрирует главным образом борьбу партий в Византии перед турецким завоеванием и который совершенно не заслуживает публикации в полном объеме.

Составители очень тщательно отредактировали переводы источников на болгарский язык. Вдумчивая работа переводчиков позволила им в ряде случаев внести поправки в существующие переводы приводимых источников. Так, значительно лучше, чем в «Сборнике документов...», сделан

⁸ В. Г. Васильевский не совсем верно перевел этот термин как „управитель“ (В. Г. Васильевский. Материалы для истории византийского государства. ЖМНП, 202, 1879, стр. 434). На наш взгляд, под *διακονιταις* скрывается прослойка низших монахов, аналогичная западноевропейским конверсам, часто своим трудом кормившая „старшую братию“ в монастыре.

⁹ Для этой цели можно было бы с успехом использовать так называемый „Типик Пакуриана“ — L. Petit. Typicon de Grégoire Pacourianos. ВВ, XI, 1904. Приложение.

¹⁰ См. указания об организации больниц и так называемых „странноприимных домов“ в уставе монастыря Пантократора. А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока, т. I. Киев, 1905; Г. Острогорский в своей интересной работе „Löhne und Preise in Byzanz“, ВЗ, XXXII, 1932, приводит подобные данные лишь для ранней Византии.

¹¹ Г. Г. Литаврин. Налоговая политика Византии в Болгарии в 1018—1185 гг. ВВ, X, 1956, стр. 104—110.

¹² Н. С. Державин („История Болгарии“, т. II, 1946, стр. 99 и сл.) считает, что Болгария во время византийского господства подверглась серьезной роменизации. Ив. Дуйчев („Въстанието 1185 и неговата хронология“. Известия на Институт за българска история. София, 1956, стр. 321), напротив, справедливо считает, что Византийская империя, населенная многочисленными народами, не обладавшими национальным сознанием, в то время не была в состоянии проводить подобной политики ассимиляции болгар.

перевод так называемого «Второго решения магистра Косьмы о париках» (стр. 112), в частности, имеющийся там термин ὑποτάγη совершенно правильно переведен как «податной» (участок), а не «административный» (как это сделано в «Сборнике документов...»). Известные уточнения внесены и в перевод «Податного устава» (руководства о сборе налогов) (стр. 112—123). Здесь читателя привлекает прежде всего более рациональный способ использования греческого текста, вводимого в перевод. Приводя термин в первый раз, составители дают греческий текст не в документе, а в примечаниях, возвращаясь же к нему во второй и третий раз, они приводят только выражение оригинала. Это превосходно организует внимание читающего. Правда, иногда греческий текст оказывается пропущенным, например, к термину «наемные работники» (стр. 114), но такие случаи очень редки. Для работы с текстом Податного устава оказывается весьма важным указание на такие термины, как ἀποκεκινημένα, προσκατεσπαρμένα λογίστρα, κουφισμοί, ὀρθωσις, προσθήκη. Об уточнениях, внесенных в перевод Податного устава, можно судить по следующим примерам. Так, αὐτοῦργια σολέρνια¹³ переведено не как «самовозвращающиеся пожалования», а как «денежные дарения, которые отпускаются (получателям) из их же собственных податей» (стр. 116). Ἄλλο ὑπάρχει ἄγρόν, καὶ ἄλλο ἀγρίδιον¹⁴ переводится верно и просто: «село — это одно, а селцо — другое» (стр. 114). Πάχτα¹⁵ составители правильно трактуют как «арендную плату от сдачи земли в наем» (стр. 123). Лишь в очень незначительном количестве случаев переводчиков можно упрекнуть в недостаточной точности или четкости перевода. Так, трудное для понимания выражение ὁμάδι διὰ τῶν κληρονόμων¹⁶ следует, на наш взгляд, перевести не как «за целую часть через наследников» (стр. 121), а как «за общину через наследников»¹⁷. Нет сомнения в том, что здесь идет речь о совместных обязательствах родственников перед казной, наводящих на мысль о существовании остатков домашней общины¹⁸.

Очень удачно использован переводчиками текст акта передачи 1073 года (стр. 184—191) единственной поместной описи XI в., имеющейся в нашем распоряжении. Сделаны некоторые уточнения и в переводе отдельных мест из «Завещания Евстафия Воилы» (стр. 179—184).

Следует отметить еще одно важное уточнение, предложенное в книге. Речь идет о датировке славянских поселений на территории Византии и походов византийцев против славян; здесь составители отказались от

¹³ F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung Leipzig—Berlin, 1927, S. 117. 29.

¹⁴ Ibid., p. 115.21.

¹⁵ Ibid., p. 123.2.

¹⁶ F. Dölger. Op. cit., p. 121.28.

¹⁷ Е. Э. Липшиц в «Сборнике документов» (стр. 153) предлагает читать: «община через наследников».

¹⁸ Ср. κοινονία (или κοινότης), которую А. П. Каждан трактует как «общее владение по контракту» (А. П. Каждан. Византийская община в IX—X вв. УЭ Великолукского пединститута, 1956, стр. 92 сл.). Ср. также «кондомы» в южно-итальянской деревне (М. П. Абрамсон. Крестьянство в византийских областях Южной Италии в IX—XI вв. ВВ, VII, 1952, стр. 165, сл.) К интересным выводам в этом отношении приходит Г. Г. Литаврин, находящий остатки совместного владения землей в комплексе крестьянских хозяйств, скрывающемся под названием «стась». По его мнению, «стась» является хозяйственным комплексом нескольких индивидуальных семей, когда-то составивших одну семейную общину (Г. Г. Литаврин. Крестьянство Западной и Юго-Западной Болгарии в XI—XII вв. УЭ Института славяноведения, т. XIV, 1956, стр. 230—231).

хронологии, которую дает Феофан, наш основной источник по данному периоду. Во всех случаях, когда дело идет о походах Константина II и Юстиниана II против македонских славян, о переселении славянских племен в Опсикий и Вифинию или экспедиции Ставракия в Македонию, даты событий, приводимые редактором сборника проф. Д. Ангеловым, опережают даты, сообщаемые Феофаном, на восемь-девять лет. Для такого изменения, безусловно, имелись основания. Их впервые привел Г. Острогорский еще в 1930 г.¹⁹, а в 1956 г. они были вновь повторены в его *History of the Byzantine state*²⁰. Г. Острогорский справедливо отмечает, что Феофан следует так называемой александрийской эре, отстающей от общепринятой на 16 лет (рождество Христово по этой эре относится к 5492 г. от сотворения мира). В VII—VIII вв. эта разница у Феофана равняется обычно семи-восемью годам, и эту разницу Г. Острогорский предлагает исправить. Следует приветствовать эту корректировку дат, принимаемую составителями сборника, но в то же время остается пожалеть, что она не получила соответствующего объяснения.

Наконец, положительной чертой сборника является наличие кратких сведений об историках или памятниках, которые предпосылаются публикуемым документам. Все это создает обоснованное впечатление, что составители «Избранных источников» весьма серьезно отнеслись к переводу и оформлению публикуемых материалов.

Но это не значит, конечно, что им полностью удалось избежать всяких погрешностей. Так, не всегда унифицирован перевод одних и тех же терминов в разных источниках. Например, ἀκτῆμονες переводится то как «актимоны» (стр. 198), то как «неимущий» («безимотен»), то даже как «имущества нет» (стр. 187). Одно и то же выражение ἐξκομισθεσθαί переводится то как «освобождаться» (стр. 196), то как «быть экскуссированным» (стр. 197). Напрасно составители сняли деление на главы внутри отдельных отрывков, это лишило пользующихся сборником возможности делать точные ссылки. Хотелось бы видеть в конце книги подробный указатель всех имеющихся источников по истории Византии, подобно тому как это сделано в «Сборнике документов». Неубедителен отказ от предисловий перед каждым из основных разделов сборника. Такое предисловие не должно, конечно, превращаться в очерк по истории соответствующего периода, но оно позволило бы читателю ориентироваться в значении приведенных источников для данной эпохи. Не всегда достаточно удачно подобраны заголовки к приведенным документам (ср., например, заголовки документов 11, 12 и 13 на стр. 15—16). Есть и погрешности, не отмеченные в списке опечаток. Так, на стр. 246 и 360 путешествие Лиутпранда Кремонского в Константинополь датируется 868 г. вместо 968 г.

Но все эти замечания не колеблют основного нашего вывода: составителям рецензируемого издания, его переводчикам и редактору удалось успешно справиться со своей задачей и выпустить в свет книгу, необходимую для высшей школы и вполне добросовестно подготовленную в научном отношении.

М. М. Фрейденберг

¹⁹ G. Ostrogorsky. Die Chronologie des Theophanes im 7. und 8. Jahrhundert. Byzantinische-neugriechische Jahrbücher, Bd. 7, 1930, S. 1 ff.

²⁰ G. Ostrogorsky. History of the Byzantine state. Oxford, 1956, p. 79—80.

Н. МАВРОДИНОВ. ВИЗАНТИЙСКАТА АРХИТЕКТУРА

София, 1955, 180 стр.

Книга Н. Мавродинова представляет собой интересное исследование о формировании и развитии византийской архитектуры. Н. Мавродинов и ранее опубликовал ряд работ, посвященных вопросам развития византийской архитектуры, а также ее взаимоотношениям с архитектурой Болгарии. Рецензируемая книга является результатом длительного изучения автором этих проблем и обобщением лекций, прочитанных им на архитектурном факультете Инженерно-строительного института в г. София.

Определяя в предисловии к книге свою точку зрения на происхождение и формирование византийской архитектуры, Н. Мавродинов рассматривает ее не только как архитектуру Константинополя и главных греческих центров средиземноморского бассейна. Он трактует ее в широком плане как архитектуру многих народов и стран, в различные времена входивших в состав Византийской империи, которые, живя на ее территории, в дальнейшем образовали отдельные самостоятельные государства. Автор считает, что византийская архитектура есть также архитектура соседних с Византией стран и государств (которые в то время хотя и не входили в состав империи, но имели с ней многообразные материальные и культурные связи, в том числе общую идеологию — восточное христианство), т. е. что она является архитектурой всех восточнохристианских народов. «Полное исследование восточной христианской архитектуры потребовало бы охватить и строительное искусство Сирии, Северной Африки, Армении, Грузии, Болгарии, Сербии, Румынии. Тогда только можно правильно разрешить задачу», — говорит Н. Мавродинов (стр. 9). В то же время, однако, автор считает, что установление основных черт византийской архитектуры на примере главных византийских центров, т. е. на примере архитектурных памятников Константинополя и главных греческих центров средиземноморского бассейна, дает ключ к объяснению архитектуры остальных стран и народов.

Критикуя различные точки зрения буржуазных ученых на происхождение византийской архитектуры, Н. Мавродинов прежде всего отвергает теорию, выводящую ее формы только из раннехристианской архитектуры Сирии, Египта и Малой Азии. По его мнению, в период формирования архитектуры всех этих стран, входивших в состав Византийской империи, она не развивалась независимо от Константинополя, снабжая его готовыми формами и ничего не получая взамен. Факты показывают, что развитие шло параллельно и было взаимопроницающим. В настоящее время, указывает автор, сделано много открытий, уточнены датировки, выяснены новые факты. В результате многие памятники Месопотамии, Малой Азии и Сирии, которые прежде датировались IV в., отнесены к VI в., некоторые даже к VIII—IX вв.

Рассматривая развитие архитектуры исторически, в связи с различными общественными формациями, автор считает ошибочными также утверждения тех ученых, которые византийскую архитектуру производят от римской, а также и тех, которые доказывают, что византийская архитектура является прямым продолжением эллинистической. Рассматривая сущность феодального строя и связанную с ним идеологию, автор убедительно показывает, как архитектура, несомненно, должна была быть и была отражением новой общественной формации. Само собой разумеется, что, будучи принципиально новой, она унаследовала и впитала в себя

основные конструктивные и строительные достижения предшествовавших ей эпох.

Такая точка зрения на сущность византийской архитектуры, предпосланная автором всей последующей работе, представляет особый интерес. В самом деле, чрезвычайно важно установить отношение к существу византийской архитектуры. Несомненным представляется тот факт, что, складываясь в многочисленных центрах Восточной Римской империи, в состав которой в ранневизантийское время входили огромные территории как на Востоке, так и на Западе, населенные различными племенами и народностями, византийская архитектура впитала в себя их художественные и строительные традиции. Во время наивысшего расцвета империи, при Юстиниане, в Константинополь и в другие крупные центры свозились лучшие художественные произведения различных народов из всех подвластных ей областей. Тогда же началось постепенное стягивание в столицу лучших научных и художественных сил обширной империи. Формировавшаяся под влиянием новой идеологии — христианства — византийская архитектура развивалась на основе прогрессивных достижений малоазийских и сирийских зодчих, а также зодчих Закавказья. Их достижения сочетались с использованием античного наследия. Византийская архитектура отличается большим многообразием художественных направлений и типов, получивших в зависимости от местных традиций свои индивидуальные черты.

Формирование ранневизантийской архитектуры происходило в период перехода от рабовладельческого строя к феодализму, в условиях, когда государственная власть использовала самые лучшие художественные силы многочисленных областей империи. Этим была обусловлена возможность собирания в столичном зодчестве всего лучшего, что было создано в области архитектуры в Сирии, в Малой Азии, в Армении, Фракии, Риме, Греции и т. д. Этим же объясняется и обратный процесс — широкое проникновение архитектурного наследия, переработанного и развившегося в крупнейшей столице тогдашнего мира, в страны, либо находившиеся под властью могучей, централизованной державы, либо связанные с ней общей идеологией — восточным христианством.

Очевидно, современный исследователь восточно-христианской архитектуры этого периода, становясь на такую точку зрения, получает право рассматривать зодчество каждой отдельной страны не как чуждую ее национальному духу и навязанную ей извне архитектуру могучей империи — поработительницы, а как свое оригинальное наследие, по праву ей принадлежащее. Подобный взгляд на сущность византийской архитектуры позволяет сегодня сосредоточить внимание на исследовании и выявлении индивидуальных черт каждой отдельной страны, внесшей вклад в ее формирование. Это тем более важно, что выявление характерных особенностей искусства каждой страны имеет большое значение для развития в ее современной архитектуре прогрессивных традиций своего национального наследия. В то же время такое определение сущности византийской архитектуры позволяет отказаться и от другой крайности, т. е. от полного отрицания (как это делали некоторые ученые) взаимосвязей архитектуры некоторых восточно-христианских стран с византийским зодчеством в эпоху, когда развитие их шло параллельно.

Введение и первые три главы книги посвящены формированию и расцвету ранневизантийской архитектуры. Здесь автор включает в историю ее развития также архитектурные памятники, создававшиеся на территории нынешней Болгарии, во Фракии. Этим трем главам он отводит много места (107 стр.), тщательно анализируя социальные и идеологические

корни архитектуры этого времени. К сожалению, в последующих четырех главах, посвященных архитектуре с конца VI в. до гибели Византийской империи, которым отведено вдвое меньше места, автор изменяет принятому им методу показа пути развития византийской архитектуры при помощи включения в ее историю архитектурных памятников, принадлежащих различным областям империи, и сосредоточивает свое внимание на сохранившихся памятниках в Константинополе и в главных греческих центрах. Только в последней главе об архитектуре XIII—XIV вв. он вновь привлекает болгарские памятники.

Рассматривая византийскую архитектуру как архитектуру, сформировавшуюся на основе взаимообразующего ее зодчества множества отдельных стран, Н. Мавродинов смог по-новому поставить вопрос о фракийской школе в ранневизантийской архитектуре. Устанавливая факт существования в начале VI в. в селе Белово (Пазарджишко) сводчатой базилики с крестатыми столбами, более ранней, чем подобные ей базилики Малой Азии, Н. Мавродинов показывает роль Фракии (будущей Болгарии) в формировании византийского зодчества. Это же относится к базилике со столбами — «Старой митрополии» — в Месемврии, которую он датирует последней четвертью V в., к приводимому далее примеру базилики св. Софии в г. Софии и др. Автор показывает также, что византийские архитекторы заимствовали смешанную кладку из кирпича и камня (*opus mixtum*) от существовавшей на территории Фракии местной римской традиции, а отнюдь не из далекой архитектуры Двуречья, где, по мнению автора, ее никогда и не было. Можно добавить, что о существовании подобной кладки в памятниках поздней римской архитектуры свидетельствуют также сооружения римской эпохи в Херсонесе, в которых эта же кладка повторяется в более поздних по времени памятниках ранневизантийской архитектуры.

Вместе с тем, подчеркивая роль Фракии в формировании византийского зодчества и приводя ряд вновь выяснившихся в настоящее время датировок и фактов, Н. Мавродинов показывает, что средневековая болгарская архитектура является наследницей своей «предболгарской» архитектуры, которая с давних времен существовала на этой территории. В дальнейшем эта архитектура слилась с архитектурой славянских племен, населивших страну, и в ней создались новые принципы и формы. То же относится и к архитектуре средневековой Сербии.

Рассматривая центральные постройки с куполом особой конструкции на квадратном основании, автор приводит фракийские, малоазийские и другие памятники и показывает, что их конструкция предшествовала формированию типа центрального храма с куполом на тропях или пандантивах. Далее автор подробно останавливается на развитии церкви крестовидного плана с куполом над центром — предшественницы наиболее распространенного в восточно-христианской архитектуре типа крестовокупольной церкви. Здесь также важно отметить заслугу автора, показавшего начало формирования крестовокупольной церкви на территории современной Болгарии. В качестве одного из примеров автор приводит Софию в г. Софии, отмечая, что в V в. производились также опыты постановки купола на базилику, наиболее интересно решенные в этой церкви. Убедительно доказывая факт основания церкви в начале VI в., он еще раз подчеркивает, что область Фракии — творческая область в византийской архитектуре.

Чрезвычайно важным памятником, сыгравшим, по мнению Н. Мавродинова, выдающуюся роль в развитии византийской архитектуры, является «Красная церковь» в Перуштице (15 км западнее Пловдива).

Автор показывает формирование этого типа, начиная с церкви Лоренцо в Милане, Софии в Одрине и др. Датируя церковь в Перуштице началом VI в., он приходит к выводу, что в ней была предвосхищена будущая композиционная система храма Софии в Константинополе.

До настоящего времени в архитектурной науке чаще всего приходится сталкиваться с той точкой зрения, что храм Софии в Константинополе, гениальное создание зодчих Анфимия из Тралл и Исидора из Милета, если и имел своих предшественников, то имел их в Константинополе, в церкви Сергия и Вакха, возможно, выстроенной теми же архитекторами. Крупнейшие исследователи византийской архитектуры длительное время считали, что идея храма Софии в Константинополе возникла либо от сочетания купола с базиликой, либо от сочетания купола с октогоном или гектогоном. Распространенным является предположение, что в основе композиционного замысла Софии лежит идея постановки купола Пантеона на базилику Максенция, т. е. что прообразами ее являются только выдающиеся образцы римской архитектуры.

Автор отрицает возможность получения октогона или гектогона от соединения двух экседр. Он доказывает, что здесь получилась бы такая ротонда, которой вообще не существует в византийской архитектуре. Идея создания двух полукуполов в сочетании с центральным куполом, по его мнению, была уже осуществлена в четырехконховой церкви с обходным коридором, откуда она и могла быть заимствована. «Прототип св. Софии в Царьграде не «Сергий и Вакх», а «Красная церковь» в Перуштице. От Сергия и Вакха архитекторы заимствовали только полукруглые ниши. Корабль, покрытый куполом, корабль, образованный средним куполом, фланкированный двумя полукуполоми, существовал перед сооружением Софии, и мы его видим ориентированным в поперечном направлении в «Красной церкви» в Перуштице. . . Другой прототип плана св. Софии — купольная базилика, в которой купол лежит на четырех аркадах и четырех мощных столбах, боковые корабли которой разбиты на средние и угловые пространства. Такой план и конструкцию св. София получила от взаимного проникновения купольной базилики и церкви типа «Красной церкви» в Перуштице» (стр. 94).

Несомненно, что созданию новых типов предшествует длительный процесс их формирования и развития. Однако для таких памятников архитектуры, как храм Софии в Константинополе, который является одним из величайших созданий человеческого гения, вряд ли следует искать прямых аналогий, так как в появлении той или иной композиционной идеи принимают участие многообразные факторы. Думается, что ни одно из вышеуказанных сооружений не является прототипом храма Софии в Константинополе, но нельзя не согласиться с автором, что церкви типа Перуштицы также оказали свое влияние на ее композицию.

Хорошо и красочно описывая интерьеры храма Софии, автор показывает их функциональную оправданность, вызванную церковной иерархией и социальным неравенством. «Разделение церкви на отдельные пространства, которые взаимно проникают, не случайно. Оно необходимо. В его основе лежит, на первый взгляд, внешний, а в сущности классовый принцип» (стр. 100).

Неубедительна теория автора о «первом византийском ренессансе» в IX—XI вв. Н. Мавродинов ищет объяснение развитию форм, бурно выявившемуся в это время, в возвращении к принципам античной архитектуры. Он считает, что возникший в период иконоборчества интерес к античному искусству и античной литературе, в результате которого иконоборцы создали новое прогрессивное светское искусство, не исчез.

после 843 г., а продолжал существовать и дальше, т. е. в X в. «Это эпоха первого византийского ренессанса», — говорит автор (стр. 120). Указывая на то, что возвращение к античности уже было выявлено Н. Кондаковым и Д. Айналовым в области миниатюры, в ремесле и т. п., Н. Мавродинов видит «первый византийский ренессанс» также в архитектуре. «Он начался со времени императора иконоборца Феофила (829—842)... в X в. этот ренессанс продолжался по инерции, но в конце века он уже пришел в упадок...» (стр. 120). Анализируя архитектуру церкви Мирелийон (Будрум-Джами) в Константинополе и Богоматери (Казанджиляр-Джами) в Салониках, автор приходит к выводу, что в них ясно видно возвращение к принципам античной архитектуры, т. е. что здесь проявился «первый византийский ренессанс».

Думается, что такое проведение прямых аналогий между развитием архитектуры и развитием изобразительных искусств и литературы неправомерно. В архитектуре решающую роль играет ее материальная сторона; для того чтобы быть прогрессивным, строительство должно развиваться на базе новых потребностей или новых изменений в функциях сооружений, а также на основе новых конструктивно-технических достижений. Поэтому возникает вопрос, правомерно ли такое определение, основанное на формальном анализе только отдельных архитектурных форм, в отношении Византии и, в частности, той эпохи, когда окончательно сформировалась и получила широкое распространение крестово-купольная архитектурная система как новый скачок в развитии пространственной архитектуры во всем мире.

Среди архитектурных систем (под архитектурной системой следует понимать органическое соединение конструктивных, строительных и художественных приемов), развившихся в византийской архитектуре, чрезвычайно существенное значение для зодчества последующего времени имеет крестово-купольная система.

Византийские зодчие, которые поставили перед собою задачу увеличения, расширения, разнообразия внутреннего пространства, завершили искания Рима и Востока и создали истинно пространственную архитектуру. Широко используя купол, который они поставили на отдельные опоры в центре здания, продолжив этим внутреннее пространство помещения вверх, византийские зодчие разработали и довели до предельной ясности такую пространственную группу, в которой все составные элементы взаимно подчинены друг другу. Здесь в совершенстве осуществлен конструктивный принцип обеспечения устойчивости здания путем взаимоуничтожения усилий. «Византийские архитекторы в поисках такого взаимоотношения сводов, где усилия взаимно уничтожаются, нашли новый принцип равновесия в игре усилий»*, не прибегая к помощи дополнительных контрфорсов или аркбутанов, как это было потом в готике.

Византийская пространственная система крестово-купольного храма жила, развивалась, совершенствовалась в веках и была воспринята большинством европейских народов. Эта система послужила толчком к дальнейшему развитию пространственных композиций как в светских, так и в культовых зданиях и помогла созданию ряда выдающихся произведений мирового зодчества.

Применение в культовом здании крестово-купольной системы позволило сосредоточить массу молящихся в помещении, все отдельные части которого архитектурно подчинены центральному подкупольному простран-

* A. Choisy. L'art de bâtir chez les byzantins. Paris, 1884, p. 138.

ству, под которым происходило византийское богослужение. В то же время эта система отличалась большой гибкостью и экономичностью, позволяла применять различные строительные материалы и строить здания самых разнообразных размеров.

Именно на приведенных автором примерах церквей Будрум-Джами и Казанджияр-Джами можно видеть, что примененные в них новые архитектурные средства возникли в результате дальнейшего развития конструктивных и строительных достижений византийских архитекторов. Это не возврат к античности, а, наоборот, дальнейшее развитие архитектуры VI—VII вв., происходившее в эпоху уже сформировавшейся новой общественной формации, на новой материальной и культурно-идеологической основе. Точно так же замену толстых несущих подкупольных столбов тонкими колонками следует объяснять не эстетическими потребностями, а техническими достижениями, которые позволили сделать внутреннее пространство менее затесненным, что в свою очередь получило и эстетическое признание.

Можно согласиться с положением автора, что в широком распространении крестово-купольного храма большое значение имели новые функциональные потребности, возникшие во второй половине IX в., в связи с видоизменением культовых форм, однако определяющими в этом распространении были достижения строительного порядка. В этой связи следует отметить, что Н. Мавродинов, хотя и останавливается довольно подробно на описании крестово-купольной церкви, все же не дает исчерпывающего анализа ее конструктивной системы, больше уделяя внимания формальному анализу ее архитектуры.

Седьмая, завершающая глава книги посвящена архитектуре конца XIII—XIV в. Здесь автор вновь возвращается к роли Болгарии в появлении новых особенностей византийской архитектуры этого периода. Прежде всего изменился внешний облик здания благодаря применению различных вариантов комбинированной кирпичной кладки, которая задолго до этого уже широко распространилась в Болгарии, в частности в Месемврии. Кладка эта применялась еще в римских сооружениях на территории Фракии. До XIV в. эта кладка не применялась в строительстве константинопольских зданий.

В XIII—XIV вв. фасады византийских сооружений получают живописно-декоративное оформление. Забота о внешнем облике здания становится одной из главных задач, поставленных архитектурой того времени, при этом в некоторых случаях забота о внешнем облике здания подчиняет себе даже внутреннюю логику сооружения. В этом явлении, названном автором «вторым ренессансом», он вновь видит возрождение античного мировоззрения в византийской архитектуре и объясняет это явление сложными изменениями в общественном сознании этого периода. «Возвращение взгляда человека к действительности привело здесь, как в Италии в начале XV в., к изменениям в искусстве и особенно в архитектуре» (стр. 151). Рассматривая эти явления в науке, литературе и живописи, автор приходит к выводу, что «второй ренессанс» в силу социальных условий Византийской империи не привел ее архитектуру к такому скачку, какой произошел в это время в Италии.

Признавая наличие характерных для итальянского ренессанса черт в науке, литературе и изобразительном искусстве империи Палеологов, можно усомниться в их существовании в архитектуре этого времени. Известно, что отличительной чертой итальянской архитектуры эпохи Возрождения явилось обширное, повсеместное строительство, возникновение новых типов сооружений, появление новых конструктивных приемов,

создание новых материальных ценностей в архитектуре, т. е. все то, что почти полностью отсутствовало в византийской архитектуре XIII—XIV столетий. Сам по себе встречающийся в это время факт несоответствия между наружными формами и внутренними конструкциями, хотя бы и вызванный стремлением как можно лучше украсить здание, говорит не о прогрессе, а скорее о застое архитектурной мысли. Очевидно, что названная Н. Мавродиновым классической греческая архитектурная концепция, т. е. гармония внешнего облика сооружения, находилась там в строгом соответствии с тектонической и функциональной основой здания и именно благодаря этому и смогла стать образцом классического искусства.

Наоборот, кажутся более убедительными соображения автора о роли болгарской архитектуры в появлении у византийских зодчих заботы о внешнем украшении здания. Несомненно, что ослабленная и стоящая на краю гибели империя уже не могла создавать новых самостоятельных форм в архитектуре и впитывала в себя достижения соседних стран, уже не перерабатывая их критически, как это было во время ее расцвета.

В этой связи интересно было бы поставить вопрос о роли древнерусского зодчества в византийской архитектуре XIII—XIV вв. Приняв в IX в. от Византии христианство и вместе с ним взяв в основу каменного культового зодчества византийский крестово-купольный тип храма, зодчие древнерусского государства, в соответствии со своими функциональными и художественными потребностями, пошли по пути создания нового художественного облика здания, перерабатывая его план и видоизменяя его конструктивную систему. В архитектуре древней Руси выработались новые замечательные композиции культового здания, новые строительные и декоративные приемы, которые в дальнейшем отразились также на архитектуре Византии и южных славян. Дело советских исследователей выявить вклад древнерусского зодчества в византийскую архитектуру XIII—XIV вв., как это сделал Н. Мавродинов по отношению к архитектуре Болгарии.

Рассматривая историю развития византийского зодчества, его исследователи до настоящего времени мало уделяют внимания строительству гражданских сооружений, останавливая свое внимание почти исключительно на культовом зодчестве и лишь иногда на императорских дворцах. Не избежал этого и Н. Мавродинов, а между тем нельзя правильно понять сущность архитектуры той или иной эпохи, не проследив ее развития также и в строительстве гражданских и крепостных сооружений.

Подводя итоги, следует признать, что, несмотря на отмеченные недостатки, рецензируемая книга представляет серьезное исследование истории развития византийской архитектуры. Можно ожидать, что в дальнейшей работе автор обратит особое внимание на памятники гражданского и крепостного зодчества, подробно осветит на имеющемся у него обширном материале болгарских сооружений развитие крестово-купольного храма в IX—XI вв., а также ускорит выпуск в свет второй части своего труда, освещающего архитектуру восточно-христианских народов этой эпохи.

Р. А. Кацнельсон

ТРУДЫ И. ДЕНИСОВА О МАКСИМЕ ГРЕКЕ И ЕГО БИОГРАФАХ*

В 1943 г. вышло в свет большое исследование католического историка И. Денисова «Максим Грек и Запад», явившееся плодом многолетней работы автора¹. В последующие годы И. Денисов продолжал заниматься изучением литературного наследства Максима Грека и произведений русской письменности XVI в., посвященных этому деятелю. В 1944 г. Денисов опубликовал статью с разбором изданий трудов Максима Грека². Затем им была написана работа, характеризующая некоторые течения русской общественно-политической мысли рубежа XV—XVI вв.³ В результате послевоенных разысканий в архиве монастыря св. Марка во Флоренции Денисов нашел новые данные о тесных связях Максима Грека со школой Джироламо Савонаролы⁴. В статьях 1954—1956 гг. Денисов исследует вопрос об отношении к Максиму Греку в литературе XVI—XVIII вв.⁵ и, в частности, о принадлежности двух биографий Максима Грека писателям XVI в. — князю А. М. Курбскому⁶ и митрополиту Исае Копинскому⁷.

Деятельность Максима Грека в России И. Денисов рассматривает как одну из страниц истории «европеизации русской церкви» в конце XV—первой половине XVI столетия. Мыслью об этой «европеизации» проникнуты основные выводы автора, она определяет направленность всех его трудов. Но наиболее отчетливо общая концепция Денисова сформулирована им в статье «Aux origines de l'église russe autocéphale», на которой и следует остановиться в первую очередь.

Принципиальные соображения Денисова по поводу источников изменений в политической философии русской церкви середины XV—начала XVI в. исходят из идеалистического понимания развития России в период образования централизованного государства. Автор абстрагируется от внутренних процессов, составляющих главное содержание истории, и строит свои объяснения на теории внешних влияний. С его точки зрения, самым решающим событием для судеб русской идеологии оказывается завоевание Византии турками, которое породило «вдовство» русской церкви и создало обстановку, стимулировавшую рост идеологической борьбы⁸. Суть этой борьбы автор сводит к столкновению двух влияний — западного, латинско-католического, и византийского, староправославного. Такая постановка вопроса лишает Денисова возможности изучить социальную подоплеку развития русской идеологии, вскрыть внутреннюю

* См. также помещенную в настоящем томе статью А. И. Клибанова „К изучению биографии и литературного наследия Максима Грека“. — *Ред.*

¹ Elie Denissoff. *Maxime le Grec et l'Occident*. Paris—Louvain, 1943.

² E. Denissoff. *Les éditions de Maxime le Grec*. *Revue des études slaves*, t. 21, fasc. 1—4, Paris, 1944, p. 112—120.

³ E. Denissoff. *Aux origines de l'église russe autocéphale*. *Revue des études slaves*, t. 23, fasc. 1—4, Paris, 1947, p. 68—88.

⁴ E. Denissoff. *L'influence de Savonarole sur l'église russe expliquée par un Ms inconnu du couvent de St. Marc à Florence*. *Scriptorium*, vol. II, fasc. 2, 1948, p. 253—256.

⁵ E. Denissoff. *Maxime le Grec et ses vicissitudes au sein de l'église russe*. *Revue des études slaves*, t. 31, fasc. 1—4, Paris, 1954, p. 7—20.

⁶ E. Denissoff. *Une biographie de Maxime le Grec par Kourbski*. *Orientalia christiana periodica*, vol. XX, № 1—2, Roma, 1954, p. 44—84.

⁷ E. Denissoff. *Une biographie de Maxime le Grec par le métropolitaine Isaïe Kopinski*. *Orientalia christiana periodica*, vol. XXII, № 1—2, Roma, 1956. Мы пользовались подборкой всех этих статей, любезно подаренной Библиотеке им. В. И. Ленина А. Мазоном от имени И. Денисова.

⁸ E. Denissoff. *Aux origines...*, p. 87.

обусловленность богословско-политической полемики и антицерковной борьбы, разгоревшейся в России в конце XV—начале XVI в.

Особенно много противоречий и недомолвок допускает автор при характеристике западного влияния. По его мнению, оно было очень сильным и вызвало к жизни, с одной стороны, так называемую «ересь жидовствующих», а с другой — осифлянское направление в русской церкви. Источник «ереси» и осифлянства, по Денисову, — западный Ренессанс. Вместе с тем он подчеркивает, что осифлянство (включая сюда и политическую доктрину предшественника Иосифа Волоцкого — архиепископа новгородского Геннадия) представляло собой реакцию на «ересь», т. е. было резко противоположно ей. Но в чем заключается эта противоположность между осифлянством и «ересью» как течениями западной мысли, неясно, если не считать того, что первое являлось течением православным, а второе — неправославным (*hétérodox*). Исходя из идеалистического понимания истории, Денисов не вскрыл здесь классовых позиций осифлянства и разных направлений в «ереси жидовствующих». Будучи сторонником современной католической церкви, он включил в западный Ренессанс не только передовую идеологию, но и реакционную программу инквизицизма, попытавшись таким образом скрыть за вывеской Ренессанса реакционность идеологии католической церкви. Поэтому Денисов не стремится выяснить, в какой мере перекликалась политическая доктрина осифлян с классовыми установками католической церкви. Не ставит он вопроса и о том, можно ли сравнивать русские «ереси» с течениями антикатолической «еретической» мысли на Западе.

Денисов справедливо указывает на неправомерность объединения под расплывчатым термином «ересь жидовствующих» всех неправославных течений конца XV в.⁹ Однако факт наличия «еретиков» среди придворных и родственников Ивана III настолько дезориентирует автора, что он совершенно не в состоянии выделить в качестве основы движения антифеодальный и антицерковный протест широких плебейских масс. Денисов не замечает социальных корней «ереси», которая возникла, согласно его убеждениям, в результате какого-то психологического кризиса: разрыв с Византией, нарушение старых традиций поколебали веру в незыблемость православия, а из колебаний и неуверенности развилась «ересь»¹⁰. Более того, он прямо затушевывает социальное содержание «ереси»: все свободомыслие «еретиков» и продолжение ими западного Ренессанса он сводит к их увлечениям астрологией¹¹. Связь «ереси» с народной борьбой остается полностью скрытой. Поэтому неудивительно, что автор объявил «ересь жидовствующих» первым антихристианским движением в России¹², хотя в действительности история борьбы с феодальной церковью и ее идеологией уходит корнями к гораздо более раннему времени¹³.

Рождение осифлянства Денисов объясняет вставшей перед церковью задачей борьбы с «ересью»¹⁴. Это утверждение автора в какой-то мере соответствует историческим фактам. Но в его концепции роль «ереси» особо подчеркивается для того, чтобы придать западному Ренессансу («ересь» — проявление русифицированного Ренессанса) значение решающего толчка в развитии политической философии России. Само содержа-

⁹ E. Denisoff. *Aux origines...*, p. 75.

¹⁰ *Ibid.*, p. 73—74.

¹¹ *Ibid.*, p. 75.

¹² *Ibid.*, p. 74.

¹³ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.—Л., 1955.

¹⁴ E. Denisoff. *Aux origines...*, p. 75.

ние борьбы против «еретиков» Денисов суживает до крайности, считая, что «ересь» поставила на повестку дня чисто религиозные вопросы. По мнению Денисова, для избавления от «ереси» достаточно было или присоединиться к флорентийской унии, или вернуться к подчинению византийскому патриархату, или же создать независимую (автокефальную) русскую церковь¹⁵. Причины победы последней (осифлянской) точки зрения объяснены у Денисова поверхностно и малоудовлетворительно. Заявление о соответствии осифлянской идеи третьего Рима религиозным и национальным устремлениям русских¹⁶ затушевывает классовые и внутривластные цели, ставившиеся сторонниками теории «Москва — третий Рим».

Хотя Денисов в общем верно указывает, что осифляне должны были вести борьбу, во-первых, с «еретиками», во-вторых, с нестяжателями¹⁷, но, говоря о борьбе с «ересью», он ограничивается только указанием на то, что «ересь жидовствующих» представляла собой антитезу теории «Москва — третий Рим»¹⁸ (при этом Денисов, очевидно, имеет в виду придворную «ересь», смыкавшуюся с нестяжательством). Осифлян и нестяжателей Денисов рассматривает прежде всего с точки зрения религиозных течений, считая доктрину архиепископа Геннадия и Иосифа Волоцкого «новым православием», а мировоззрение заволжских старцев и их последователей — «старым православием»¹⁹. Из религиозных представлений осифлян и нестяжателей выводит Денисов различие в их политических доктринах. Так, по его мнению, развитие системы взглядов осифлян может быть изображено в виде следующей схемы: от признания автокефальности русской церкви к признанию исключительной роли Москвы в христианском мире («Москва — третий Рим»), от признания особой всемирной роли Москвы к признанию прав московского великого князя на подчинение себе удельных князей, от признания самодержавного характера власти московских государей к признанию за церковью роли советницы и сотрудницы великого князя. В аналогичной, тоже чисто формально-логической последовательности рисуется автором движение нестяжательской мысли: из отрицания «изрушения» греческой веры и автокефальности русской церкви вытекает отрицание исключительной роли Москвы в православном мире, отсюда — отрицание прав великого князя Московского на подчинение себе удельных князей и церкви, в отношении которой божественное право власти имел только византийский император, признание нарушением традиций вмешательство церкви в государственные дела, означавшее передачу привилегий боярства в руки монахов²⁰. Таким образом, обе концепции поставлены Денисовым с ног на голову. И такая методология не является индивидуальной особенностью Денисова. Внешняя логика богословско-полюемических аргументаций XV—XVI вв. в значительной мере соответствует формальному характеру научного мышления представителей реакционной буржуазной философии и историографии. Современная буржуазная литература обычно дает пересказ, а не раскрытие сути религиозно-политических дискуссий средневековья. У большинства авторов, в том числе и в работах Денисова, исследование истоков русской общественно-политической мысли «переориентировано» (выражаясь тер-

¹⁵ E. Denisoff. Aux origines... , p. 75.

¹⁶ Ibid., p. 77.

¹⁷ Ibid., p. 88.

¹⁸ Ibid., p. 77.

¹⁹ Ibid., p. 82—87.

²⁰ Ibid., p. 85—87.

мином некоторых западных историков) в область внешних событий и абстрактных догм, реальные же интересы определенных групп класса феодалов и угнетенных масс получают значение факторов второстепенного порядка по сравнению с догматами христианского вероучения, которые в действительности служили только богословским выражением вполне конкретных политических и экономических требований.

Отношение автора к осифлянам отличается двойственностью. С одной стороны, Денисов любит ими как западниками²¹, но — с другой, он всеми силами старается связать их идеологию с планами российского дворянско-буржуазного панславизма позднейшего времени. При этом автор употребляет антиисторический прием анализа явлений «вне рамок строго ограниченного периода» (*au delà d'une époque strictement limitée*), получая, на первый взгляд, очень широкие и оригинальные, а в действительности совершенно необоснованные выводы. Так, например, Денисов утверждает, что разница между славянофилами и западниками XIX в. иллюзорна, так как традиция, защищавшаяся во имя панславизма, была создана, по мнению автора, из элементов, тоже привнесенных с Запада в конце XV — в XVI в.²² В этих рассуждениях Денисова отразилась не только теория чистой филиации идей, не обусловленной никакими общественно-политическими факторами, но и определенная политическая тенденция автора, отнюдь, впрочем, не отличающаяся оригинальностью: большинство современных буржуазных исследователей русской средневековой идеологии, как правило, стремится подвести читателей через теорию «Москва — третий Рим» к вопросу о панславизме, т. е. к тому вопросу, который в менее «академической» литературе непосредственно служит предлогом для всякого рода антинаучных спекуляций. То, что Денисов, серьезный и весьма скрупулезный биограф Максима Грека, не остался в стороне от общего направления, лишний раз подтверждает отсутствие пресловутой «беспартийности» в трактовке древнерусской истории буржуазными учеными сегодняшнего Запада.

Противоречивостью отмечена и оценка Денисовым нестяжателей. Нестяжатели важны для Денисова как противники «панславистской» якобы теории «Москва — третий Рим». Вместе с тем его не удовлетворяет их ярко выраженная антипатия к западному миру. Поэтому-то главным героем Денисова и стал Максим Грек, оказавшийся в глазах автора именно той фигурой, в которой рафинированный западник, знаток и любитель европейской культуры, эрудит, воспитанный на античных писателях, сочетался с антагонистом идеи «третьего Рима». Фигура Максима Грека кажется Денисову тем более героической, что теорию «Москва — третий Рим» он считает официальной доктриной московских великих князей²³. Максим Грек дорог ему и как «законченный образец... безродного греко-латинского космополитизма греков-эмигрантов», космополитизма, привившегося к нему, по мнению автора, уже в период его первого пребывания во Флоренции и поездки в Рим²⁴.

Идеалистическая трактовка истории общественной мысли XV — XVI вв. и указанное специфическое понимание роли Максима Грека в идеологической борьбе этого времени наложили свой отпечаток на всю исследовательскую работу И. Денисова по восстановлению биографии Максима Грека.

²¹ E. Denissoff. Aux origines..., p. 88.

²² Ibidem.

²³ Ibid., p. 86.

²⁴ E. Denissoff. Maxime le Grec et l'Occident, p. 170.

В биографо-генеалогических разысканиях о Максиме Греке и состоит главная научная заслуга И. Денисова. До его монографии можно было лишь очень туманно представить себе жизнь Максима Грека в Западной Европе и на Афоне. Материалом для биографии Максима Грека раньше служили лишь сочинения последнего, свидетельства русских современников Грека и русская агиографическая литература. Денисов, обследовав самые разнообразные архивохранилища Западной Европы и Афона, подверг собранную им новую документацию весьма тщательному источниковедческому анализу, не лишенному, конечно, определенной тенденциозности, заключающейся в стремлении доказать то, что Максим Грек — ученик вождей западного Ренессанса. Вся монография Денисова делится на две части, из которых первая посвящена установлению личности Максима Грека («Identité de Maxime le Grec»), вторая характеризует его деятельность в юные и зрелые годы («Jeunesse et maturité de Maxime le Grec»). Изложение основного материала монографии заканчивается описанием событий, связанных с отъездом Максима Грека из Афона в Россию в 1516 г. Собственно источниковедческой является первая часть книги. В специальной главе подвергаются анализу русские источники, в другой — разбираются западные и афонские документы.

Источниковедческие очерки Денисова — это отнюдь не систематическая критика источников о Максиме Греке и произведений самого Грека. В центре внимания автора только те места в документах, которые дают материал для биографии Максима Грека в период с 70-х годов XV в. до 1516 г., т. е. ряд небольших отрывков из источников. Таким образом, во главу угла ставится проверка достоверности биографических сведений, касающихся определенного этапа жизни Максима Грека. Этот подход к источникам, несмотря на его целеустремленность, отличается некоторой односторонностью. В самом деле, источниковедческий анализ приобретает здесь слишком частичный характер, проблема происхождения источника отодвигается в большинстве случаев на второй план, смазывается связанная с ней проблема полноты сведений, требующая ответа на вопрос, почему в том или ином источнике помещены именно те, а не другие биографические сведения, и т. д.

Самыми интересными в источниковедческом отношении являются экскурсы, выясняющие генеалогию отдельных рукописных сборников. К сожалению, в них тоже отсутствует принципиальное объяснение причин возникновения источника. Из этих экскурсов следует отметить два. Оба они затрагивают русские материалы, что заслуживает особого внимания, так как автор мог пользоваться лишь опубликованными текстами и описаниями рукописей.

I. С целью доказать позднейшее происхождение термина «сын воеводы», которым определяется Максим Грек в рукописи № 13/753 Соловецкого собрания (ГПБ), автор занялся изучением истории ее текста. Первоисточник последнего Денисов усматривает в псалтыри с послесловием Нила Курлятева 1552—1558 гг. (№ 327 собрания Царского, ныне в собрании Уварова, ГИМ). Далее он предполагает существование утраченного сборника 1591 г., куда входили краткое предисловие Исаи Копинского, послесловие Нила Курлятева, псалтырь и «Канон духу Утешителю» Максима Грека. Из предисловия Исаи и были взяты, по мнению Денисова, слова «сын воеводы», которые в качестве интерполяции попали в послесловие Нила, включенное, наряду с псалтырью, в состав сборника конца XVI в. (№ 13/753 Соловецкого собрания). Автор считает, что сборник 1591 г. был скопирован в XVII в. (№ 62 Троицкого собрания, ГБЛ) и эта копия послужила основой для сборника XVIII в., где содержится в моди-

фицированном виде краткое предисловие Исаи и «Канон» Максима Грека (№ 850 Синодального собрания, ГИМ)²⁵.

II. Поставив перед собой задачу объяснить некоторые несообразности в записи о происхождении Максима Грека, имеющейся в сборнике его трудов конца XVI в. (№ 153 собрания МДА, ГБЛ), Денисов предпринял интересное исследование генеалогии сборников. По его мнению, в 1547 г. был составлен сборник трудов Максима Грека из 25 глав, в 1551 г. из него возник сборник, заключавший в себе 46 глав. Оба они утрачены. После 1563 г. сборник 1551 г. был скопирован (собрание Хлудова, № 73, ГИМ; ср. собрание Царского, № 241—242); но еще до 1555 г. он послужил основой для создания Иоасафовского сборника, включавшего в себя уже 52 главы (№ 42 собрания МДА). Иоасафовский сборник был скопирован в конце XVI в. (№ 153 собрания МДА). Запись о происхождении Максима Грека и его эпитафия на смерть Федора Тверского — два документа, тесно связанные между собой, по мнению Денисова, — появились только в сборнике конца XVI в., да и то в виде позднейших приписок на нумерованных и оставленных чистыми при создании сборника листах. Отсюда Денисов делает вывод, что запись о происхождении Максима Грека и эпитафия были найдены в Троице-Сергиевом монастыре (которому принадлежали сборники № 42 и 153 собрания МДА и где жил в свои последние годы Максим Грек) только в конце XVI в. Копировку их в сборник № 153 собрания МДА осуществил недостаточно образованный переписчик, неумело упростивший вычурные замечания Максима Грека о местоположении его родного города Арты. Свою датировку переписки этих двух документов в сборник автор подкрепляет ссылкой на отсутствие сведений, касающихся места рождения Максима Грека, в сочинениях его биографов XVI в. — князя Андрея Курбского и Исаи Копинского, из которых последний писал не позднее 1591 г.²⁶

Проделанное Денисовым сравнение состава перечисленных сборников бесспорно заслуживает серьезного внимания. Однако полную убедительность предположения Денисова могут получить лишь в случае дополнения анализа состава сборников текстологическим анализом их содержания.

С точки зрения методики источниковедения характеристика нерусских документов в работе Денисова представляет меньший интерес, чем его исследование некоторых русских сборников. Это в основном обзорный этюд с остроумными подчас доводами в пользу той или иной датировки документа, с интересными наблюдениями филологического порядка. Однако сопоставлением данных западных, афонских и русских источников Денисов очень убедительно доказал идентичность Михаила Триволиса, Максима Триволиса и Максима Грека. В цепи аргументов автора особенно сильным моментом кажется совпадение показаний русской записи о происхождении Максима Грека и латинской записи о пострижении Михаила, сына Эммануила, в доминиканском монастыре св. Марка во Флоренции в 1502 г.²⁷ Оба документа дают одинаковые сведения относительно родины и отца Михаила и Максима: местом его рождения назван город Арта, отцом — Эммануил (Мануил). Пребывание Михаила Триволиса во Фло-

²⁵ E. Denissoff. *Maxime le Grec et l'Occident*, p. 55—62.

²⁶ *Ibid.*, p. 66—78.

²⁷ *Ibid.*, p. 95. Вот текст латинской записи: „Frater Michael Emmanuelis de civitate Arta eodem nomine prius in seculo dictus, accepit habitum a venerabili Fratre Mattheo, die quartadecima Juni circa horam primam noctis anno Domini 1502“ (см. также: E. Denissoff. *L'influence de Savonarole sur l'église russe...*, *Scriptorium*, II, 2, p. 254).

ренции между 1502 и 1504 гг. подтверждается и другими источниками²⁸.

В пользу отождествления Максима Грека с Максимом Триволисом и Михаилом Триволисом очень веско говорит также наблюдение Денисова над хронологией появления в документах и исчезновения из них имен Михаила Триволиса и Максима Триволиса. Оказывается, Михаил Триволис фигурирует в источниках 1490/91—1504 гг. (копия протокола выборов на о. Корфу в 1490 г. или 1491 г., «Geoponicorum libri XX», скопированные М. Триволисом для Ласкариса, четыре письма М. Триволиса, написанные в период его пребывания у Джованни-Франческо Пико делла Мирандолы, письмо Урчео Кодро, письмо Джованни-Франческо Пико делла Мирандолы, Liber vestitionum монастыря св. Марка, два письма М. Триволиса из Флоренции). Имя Михаила Триволиса исчезает из документов с 1505 г., когда появляется афонский монах Максим Триволис, упоминающийся до 1515/16 г., т. е. до отъезда его в Москву и дальнейшего превращения в Максима Грека (эпитафия на смерть константинопольского патриарха Иоакима I, эпиграмма, посвященная Великому Ритору Мануилу, три эпитафии на смерть константинопольского патриарха Нифона II, копии канона Иоанну Крестителю).

Свое сопоставление фактов жизни Михаила Триволиса, Максима Триволиса и Максима Грека Денисов дополняет беглым показом сходства литературных особенностей и почерков произведений, авторство которых обозначено одним из этих трех имен.

Весьма полезна составленная Денисовым сравнительная таблица биографических данных о Максиме Греке, являющаяся наглядным результатом сопоставления русских и западных свидетельств²⁹. К сожалению, автор не делает никаких источниковедческих выводов, которые невольно напрашиваются при анализе этой таблицы. Оказывается, из русских источников выпал ряд сведений не случайно: в них нет как раз тех данных, которые могли бы наиболее сильно скомпрометировать Максима Грека в России (например, о неудачных для Максима Грека выборах на о. Корфу, где его кандидатура не прошла, о пострижении в доминиканском монастыре св. Марка во Флоренции). С другой стороны, в русских источниках нашли отражение почти все известные теперь по западным материалам связи Максима Грека с Грецией: рождение в Арте от православных родителей-греков, первоначальное обучение в Греции, занятия у Лас-

²⁸ E. Denissoff. *Maxime le Grec et l'Occident*, p. 95—96. Следует отметить, что латинскую запись о пострижении Михаила Денисов подверг специальному источниковедческому анализу уже после опубликования монографии. Пользуясь записью из вторых рук, автор сначала считал ее находящейся в составе „Анналов монастыря св. Марка“, в так называемой Хронике Убальдини, который являлся секретарем Савонаролы. Однако после войны Денисов выяснил, что в этом сборнике (Флоренция, библиотека монастыря св. Марка, MS. Laurent. 370), представляющем собой копию с древнего сборника, снятую в 1505—1509 гг. Роберто-Антонио Убальдини, записи о пострижении Михаила, сына Эммануила, нет. Она оказалась в сборнике без пагинации, хранящемся в монастыре св. Марка и носящем название Liber vestitionum, т. е. Книга пострижений. Эта книга велась в монастыре с 1491 г. по 1681 г. Liber vestitionum не дублирует реестр пострижений, который составляет третью часть Хроники Убальдини, а, наоборот, скорее может рассматриваться как дополнение к этой хронике. Палеографическое сравнение почерков записи о пострижении Михаила и Хроники Убальдини позволило Денисову признать их идентичность. Денисов придает, конечно, совершенно исключительное значение тому факту, что именно секретарь Савонаролы зафиксировал пострижение Максима Грека в доминиканском монастыре (E. Denissoff. *L'influence de Savonarole...*, *Scriptorium*, II, 2, p. 253—256).

²⁹ E. Denissoff. *Maxime le Grec et l'Occident*, p. 105—107 (см. также статью А. И. Клибанова в настоящем томе).

кариса, переводы греческих отцов церкви, важнейшие события афонского периода. Эти данные могли только повысить престиж Максима Грека среди нестяжателей-грекофилов, да и в более широких кругах русского общества. Такое же значение имело подчеркивание его близости к Савонароле, чьи проповеди нестяжательства и обличение роскоши папского двора должны были найти сочувственный отклик у русских нестяжателей.

Несомненно, Максим Грек замалчивал в России отдельные моменты своей биографии и стремился изобразить себя нестяжателем. В этой связи специального исследования заслуживает вопрос, почему Максим Грек ни словом не обмолвился о своих отношениях с Дж.-Ф. Пико дела Мирандолы, с Урчео Кодро. Возможно, что имя Мирандолы не импонировало русским нестяжателям, особенно тем из них, которые занимались астрологией, вследствие того, что Джованни Пико дела Мирандола (не Джованни-Франческо) был широко известен как противник астрологии. Что же касается умолчания об Урчео Кодро, то оно скорее всего объясняется тем, что Михаил Триволис, по его собственному признанию, любивший обильные гонорары, просто поссорился на этой почве со своим скуповатым учителем³⁰. Подобные сведения отнюдь не способствовали бы прославлению «нестяжательства» Максима Грека.

Во второй части книги Денисов, с одной стороны, устанавливает вехи жизни Максима Грека, факты общения его с теми или иными людьми и, с другой — пытается проследить становление мировоззрения Максима Грека. Эта сторона исследования, к сожалению, очень неубедительна, в основном гипотетична. Выводы об идеологии Максима Грека делаются в целом ряде случаев только на основании того, в какой среде он вращался.

Денисов дает небольшой, но насыщенный важными сведениями очерк семейных отношений Михаила Триволиса, находит он даже следы деятельности его отца Мануила, устанавливает, что Дмитрий Триволис был дядей Михаила. Правда, гуманизм Дмитрия Триволиса автор может доказать лишь фактом существования переводов Гомера, Платона и Плотина, сделанных Дмитрием. Показаны связи Триволисов с Палеологами. Весьма убедительно обосновывает Денисов дату рождения Максима Грека — 1470 год. После 1479 г., по мнению автора, Михаил покинул Арту и переехал к своему дяде Дмитрию на о. Корфу, где учился у Иоанна Москоса. В 1490/91 г. Михаил выставил свою кандидатуру в Большой Совет о. Корфу, принадлежавшего тогда Венецианской республике, но не был избран. Пытаясь воссоздать духовный облик Максима Грека этого периода, Денисов впадает в несомненную идеализацию своего героя. Казалось, все — и семейная обстановка, и обучение, — пишет автор, вело к тому, чтобы сделать из этого юноши избранника дела гуманизма, искателя истины и красоты. Вместе с тем Денисов правдоподобно объясняет легкость принятия в дальнейшем Максимом Греком западной цивилизации его первоначальным воспитанием в греческой среде, расположенной к унии с латинской церковью³¹.

90-е годы XV в. были для Михаила Триволиса, по определению Денисова, «школой гуманизма». Около 1492 г. Максим Грек переехал в Италию. В 1492—1495 гг. он жил во Флоренции и учился у византийского гуманиста Иоанна Ласкариса, у Анджео Полициано и неоплатоника Марсилио Фичино, посещал проповеди Савонаролы и здесь уже основательно познакомился с богатой литературой древней Греции (Платон, Аристотель и многие другие). Денисов полагает, что Максим Грек побывал

³⁰ E. Denissoff. *Maxime le Grec et l'Occident*, p. 174.

³¹ *Ibid.*, p. 145.

в Риме, и спорит по этому вопросу со своими предшественниками, в частности с Е. Голубинским, отрицавшим возможность поездки Максима Грека в Рим³².

Описание жизни и деятельности Максима Грека во второй половине 90-х годов дается Денисовым частично в главе «В школе гуманизма», частично в главе «На службе гуманизма», в результате чего изложение биографии Максима Грека в этот период получилось очень неконцентрированным и даже несколько запутанным.

В первой из этих глав автор старается прежде всего установить ту среду ученых, которая оказала непосредственное влияние на формирование мировоззрения Максима Грека в этот период. Широко привлекая западную документацию, касающуюся деятельности профессоров, имевших отношение к Максиму Греку, Денисов считает возможным приурочить к концу 90-х годов его знакомство с Августином Нифо, занимавшимся исследованием Аристотеля (Падуа), с астрологом, медиком и философом Амброзио Варезе де Розада (Милан и Павия), с частным преподавателем латыни Николо Лелио Козмико (Феррара). По мнению Денисова, гуманистической среде, окружавшей Максима Грека в 90-х годах XV в., были свойственны три черты: культ античности, увлечение естественными науками и астрологией³³ и отрицание христианской морали, в частности христианских правил быта³⁴. Подчеркивая, что Максим Грек разделял все эти взгляды, Денисов старается как бы «оправдать» своего героя, указывая, что он только внешне увлекался паганизмом (попытками возродить систему языческого многобожия древнеримского типа), в душе же его все время бродили ферменты христианской религиозности³⁵. В эллинистическом платонизме Максима Грека, пишет Денисов, «сок» (la sève) был уже христианским, а не языческим³⁶. Трактовка идеологических направлений, к которым примыкали учителя Максима Грека, отличается в книге Денисова известной поверхностностью. Совершенно неясно, например, как использовался ими Аристотель, бывший непререкаемым авторитетом и для церковных писателей средневековья. Характеристика идей Максима Грека становится тем более гипотетической, что неизвестно, кто из учителей сыграл определяющую роль в оформлении его мировоззрения.

В главе «На службе гуманизма» автор попытался показать практическую деятельность Максима Грека в конце 90-х годов XV в., выразившуюся в основном в переписке и издании произведений классической древности. Уйдя от Урчео Кодро, у которого М. Триволис учился и работал в качестве переводчика и переписчика в Болонье в 1496 г. и, возможно, некоторое время в 1497 г., молодой грек обосновался в Венеции. Венецианский период его жизни продолжался до 1498 г. В Венеции М. Триволис работал у известного издателя того времени Альда Мануция, но, как полагает автор, мог вполне свободно распоряжаться своим временем и выполнять в других городах литературные поручения различных издателей и меценатов. Из Венеции М. Триволис предпринимал поездки в соседний университетский город Падую и ряд других городов. Весной и летом 1497 г. он побывал в Ломбардии и Савойе, в частности в Верчелли, входившем в Савойское герцогство, и в Милане. В Милане он жил при дворе герцога Лодовико Сфорца, носившего прозвище Лодовико

³² E. Denissoff. *Maxime le Grec et l'Occident*, p. 165, note 1.

³³ Автор считает астрологию научным прогрессом для того времени (E. Denissoff. *Maxime le Grec et l'Occident*, p. 82).

³⁴ *Ibid.*, p. 181.

³⁵ *Ibid.*, p. 185.

³⁶ *Ibid.*, p. 170.

Моро. В Верчелли М. Триволис сотрудничал с поэтом Джованни Джорджо Триссино, работал для каноника Николо де Тарсия, грека, и имел общение с Лодовико Тиццони, графом Дечиано, любителем греческой письменности. Судя по монографии Денисова, круг знакомств М. Триволиса был весьма широким. Кроме Альда Мануция, Максим Грек находился в близких отношениях с другими венецианскими издателями, главным образом греками — Захарией Каллерджи и Николо Властосом. К 90-м годам относит Денисов тесную дружбу Максима Грека с тремя его сверстниками — Марком Музурусом, учившимся вместе с ним у Ласкариса, Сципионом Картеромахосом, учившимся с Михаилом Триволисом у Анджеоло Полициано, и самым младшим из них — Иоанном Григоропулосом, работавшим в издательстве Каллерджи и Властоса. В числе других друзей Максима Грека автор называет близкого к Альду Мануцию Пауло де Канальо и Франческо Розетто из Вероны.

Согласно Денисову, наивысшей зрелости гуманизм Максима Грека достиг в период его пребывания на службе у государя небольшого итальянского княжества Джованни-Франческо Пико делла Мирандолы³⁷, человека весьма образованного и чрезвычайно импониравшего молодому Триволису своей щедростью. Служба М. Триволиса у Дж.-Ф. Пико началась в марте 1498 г. и кончилась около 1502 г., когда замок Мирандолы был захвачен во время франко-миланской войны Луиджи Пико, братом Дж.-Ф. Пико и зятем французского маршала Тривульчио. В 1499 г. Максим Грек, получив отпуск, посетил о. Корфу, очевидно, с целью урегулирования каких-то личных дел, в обстановке назревавших военных конфликтов и, в частности, угрозы турецкого нападения на венецианские владения в Пелопоннесе³⁸. В 1501 г. Дж.-Ф. Пико уехал в Германию, встав под защиту императора Максимилиана. Автор считает вполне вероятным, что и Триволис ездил в Германию вместе с Дж.-Ф. Пико³⁹.

Характеристика времени пребывания М. Триволиса у Дж.-Ф. Пико делла Мирандолы как кульминационного пункта развития гуманизма Максима Грека вызывает серьезные возражения. Это был, наоборот, период его отхода от гуманистических увлечений, от паганизма и религиозного синкретизма, период утверждения на чисто христианских позициях и укрепления в мысли о правильности взглядов Савонаролы, культ которого царил в замке Дж.-Ф. Пико делла Мирандолы. Если Марсилио Фичино, сторонник религиозного синкретизма, пытался примирить Моисея и Пифагора, Плотина и Христа, а его ученик Джованни Пико делла Мирандола^{*} считал возможным соединение древнеиудейской, арабской религий, культа Зороастра и др., то Дж.-Ф. Пико делла Мирандола и Максим Грек стремились доказать правильность лишь христианского вероучения⁴⁰. Ведь сам же Денисов указывает, что культ Савонаролы и определил пострижение Максима Грека именно в монастыре св. Марка, где Савонарола некогда был настоятелем. Религиозному развитию М. Триволиса способствовал, по мнению Денисова, библиотекарь монастыря св. Марка Зиновий Аккъяччуолли, знавший Михаила еще в период его пребывания у Дж.-Ф. Пико. Чтение отцов церкви перешло у Максима Грека в культ томизма⁴¹, т. е. учения, в корне противоположного гуманизму. Согласно

³⁷ E. Denissoff. Maxime le Grec et l'Occident, p. 224.

³⁸ Ibid., p. 218.

³⁹ Ibid., p. 222.

⁴⁰ Ibid., p. 244—246.

⁴¹ Ibid., p. 254—260.

* Дядя Джованни-Франческо Пико делла Мирандолы.

признаниям самого Денисова, для Максима Грека, как и для Фомы Аквинского, философия стала всего-навсего служанкой богословия (*ancilla theologiae*)⁴². В России Максим Грек не решался цитировать Фому Аквинского, но, как полагает Денисов, использованием сочинений Иоанна Дамаскина, этого «Фомы Аквината Востока»⁴³, Максим Грек компенсировал замалчивание Аквината. Денисов считает, что в своих русских сочинениях против латинян Максим Грек выступал вовсе не с критикой томизма, а обрушивался лишь на схоластический номинализм XV—XVI вв., знаменовавший, по мнению автора, вырождение спекулятивной христианской мысли⁴⁴.

Пребывание Максима Грека в монастыре св. Марка Денисов датирует июнем 1502 г. — мартом 1504 г. Главную причину его ухода из монастыря автор видит в преследовании в монастыре культа Савонаролы, перед которым преклонялся Максим Грек.

Гораздо менее интересной является глава, посвященная жизни Максима Грека на Афоне. Здесь почти нет новых биографических сведений, за исключением самых отрывочных известий (например, о знакомстве Грека с лишенным патриаршего престола Нифоном⁴⁵). Главное внимание уделяется описанию умонастроений Максима Грека и уклада жизни афонских монастырей. Автор, как всегда, стремится показать закономерность действий Максима Грека (в данном случае его перехода из доминиканского монастыря на Афон) и целиком оправдать его. Все рассуждения Денисова относительно философии Максима Грека в это время очень неубедительны уже в силу того, что они почти целиком основываются на позднейших сочинениях Грека, созданных в совсем другой обстановке и с другими целями. Доказывая значительное превосходство Максима Грека над окружающей его в Афоне монашеской средой, Денисов по русским источникам исследует проблему неоплатонизма в концепции Максима Грека и подчеркивает его гуманизм. Путем противопоставления Максима Грека Лютеру и Эразму Роттердамскому автор приходит к выводу, что Максим Грек — «христианский гуманист», ибо он признавал искусства, философию, культуру вообще и рассматривал разум в качестве отпрыска веры⁴⁶.

В последней главе своей монографии Денисов показывает Максима Триволиса в качестве греческого миссионера. Сначала довольно неопределенно, без конкретных датировок говорится о его миссиях в Грецию, Валахию и Египет. Автору важно доказать, что Максим Грек умеренно враждебен по отношению к католической церкви. Не приводя достаточно веских доводов, Денисов утверждает, что цель миссий Грека состояла не столько в борьбе с латинизмом, сколько в попытках морального обновления христиан⁴⁷. Специально останавливается автор на задачах, вставших перед Максимом Греком в связи с наметившейся миссией в Москву. Он критикует тенденциозность греческих и русских источников, стремящихся представить миссию Максима Грека как дело маловажное. По мнению Денисова, византийский патриархат обязал своего посланца, во-первых, убедить русских вернуть русскую церковь в византийское лоно, во-вторых, инспирировать крестовый поход для отвоевания Константинополя у турок⁴⁸. Денисов считает, что и сам Максим Грек не по-

⁴² E. Denissoff. *Maxime le Grec et l'Occident*, p. 253.

⁴³ *Ibid.*, p. 259.

⁴⁴ *Ibid.*, p. 254.

⁴⁵ *Ibid.*, p. 284.

⁴⁶ *Ibid.*, p. 319.

⁴⁷ *Ibid.*, p. 327.

⁴⁸ *Ibid.*, p. 348, 352.

мышлял о другом объединении христиан, кроме объединения их вокруг Византии.

Основной смысл своей монографии Денисов видел в реконструкции подлинного образа Максима Грека, освобожденного от легендарного ореола одного из почтеннейших отцов русской церкви. Действительно, автор дал целый ряд новых интересных сведений, касающихся жизни Максима Грека. Однако материал его книги несколько не убеждает читателя в том, что в лице Максима Грека мы имеем последовательного гуманиста. Формула «христианский гуманист» остается лишь красивой оболочкой, прикрывающей чисто теологическую в основе своей концепцию Максима Грека. Образ, созданный Денисовым, — тоже идеализированный, но только идеализированный в другом плане. Византийский патриот и западник, воспитанный в католическом мире, смелый борец за свои идеи в России, жертва преданности Византии и Западу — так односторонне, а следовательно, и тенденциозно рисует Денисов образ Максима Грека.

Из других работ Денисова наиболее интересны его статьи, доказывающие принадлежность биографий Максима Грека XVI в. А. Курбскому⁴⁹ и Исае Копинскому⁵⁰. Они отличаются не только тонким текстологическим и филологическим анализом, но и тем также, что в них исследуется происхождение источников в связи с политическими событиями XVI в. Гораздо менее широко и обоснованно разобрано Денисовым отношение к Максиму Греку русских писателей XVII и XVIII вв.⁵¹, а проблему изучения взглядов Максима Грека в научной литературе XIX—XX вв. Денисов даже и не поставил, удовольствовавшись, очевидно, библиографией В. Иконникова.

Явной односторонностью страдает и статья Денисова об изданиях сочинений Максима Грека⁵². В ней, правда, имеется ряд полезных критических замечаний по поводу публикаций некоторых произведений Максима Грека, но совершенно отсутствует анализ социальных причин, обусловивших в свое время особый интерес к сочинениям этого деятеля. Так, Денисов даже не ставит вопроса о связи самого факта издания сочинений Максима Грека накануне и в годы реформы 1861 г. с активизацией русской исторической мысли в это время, с острой постановкой вопросов о путях исторического развития России и, в частности, проблемы «Россия и Запад».

Подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть, что значение трудов И. Денисова определяется прежде всего тем, что они вносят в науку ряд новых интересных материалов, относящихся к первому периоду биографии Максима Грека. Интересны также и источниковедческие этюды И. Денисова. Но его попытка показать историческое значение деятельности Максима Грека не увенчалась успехом главным образом из-за идеалистической методологии автора и его политической и конфессиональной тенденциозности.

С. М. Каушанов

⁴⁹ E. Denissoff. Une biographie de Maxime le Grec par Kourbski. *Orientalia cristiana periodica*, vol. XX, № 1—2, Roma, 1954, p. 44—84.

⁵⁰ E. Denissoff. Une biographie de Maxime le Grec par le métropolitaine Isaïe Kopinski. *Orientalia christiana periodica*, vol. XXII, № 1—2, Roma, 1956, p. 138—171.

⁵¹ E. Denissoff. Maxime le Grec et ses vicissitudes au sein de l'église russe. *Revue des études slaves*, t. 31, fasc. 1—4, Paris, 1954, p. 13—19.

⁵² E. Denissoff. Les éditions de Maxime le Grec. *Revue des études slaves*, t. 21, fasc. 1—4, Paris, 1944, p. 112—120.

THE ATHENIAN AGORA

Results of excavations conducted by the American School of Classical studies at Athens, vol. II. Coins from the Roman through the Venetian period by M. Thompson. Princeton, 1954.

Работа американской исследовательницы Маргарет Томсон представляет собой каталог римских и византийских монет, найденных во время систематических раскопок на афинской агоре в 1931—1949 гг. Книга начинается с таблицы, указывающей среднее количество монет, приходящееся на один год правления каждого императора (р. X); затем следует краткое введение (р. 1—7), в котором автор делает попытку использовать полученные им нумизматические данные для характеристики исторического развития Афин, преимущественно в период византийского господства. Основную часть труда составляет подробное описание найденных монет: сперва римских, затем византийских, причем к числу последних М. Томсон относит монеты, начиная от императора Анастасия (р. 67—75); последний император, монеты которого были найдены на агоре, — Андроник II. В списке византийских монет указано также некоторое количество таких, которые были чеканены никейскими, солунскими (эпирскими) и трапезундскими правителями (р. 75). Наконец, список завершается франкскими (р. 76—79) и итальянскими (р. 79—82) монетами. Все данные этого списка автор сводит затем в таблицу, где указано общее количество монет по царствованиям византийских императоров (р. 85f.). По данным М. Томсон, было обнаружено всего 11 240 византийских монет, которые могут быть распределены по периодам следующим образом:

Годы	Количество монет	Годы	Количество монет
491—602	394	976—1081	2536
602—685	1127	1081—1180	5186
685—867	109	1180—1203	252
867—976	454	Последующие	11

Кроме того, свыше тысячи монет не удалось идентифицировать¹.

Книга М. Томсон завершается детальным комментарием чисто нумизматического характера.

Данные о монетных находках на афинской агоре были уже частично опубликованы автором² и сразу же стали предметом внимательного исследования историков Византии³. Полная публикация всего нумизматического материала из Афин позволяет снова вернуться к вопросу о значении этих находок.

Рассмотрение изданных М. Томсон данных позволяет сделать два вывода. Прежде всего легко можно видеть, что с конца XII в. чеканка византийской монеты резко сокращается: как уже было сказано, в Афинах не обнаружено ни одной монеты византийских императоров после

¹ Не вкралась ли здесь какая-то опечатка? Наша попытка суммировать приводимые ею данные дала несколько иные результаты (11 226 монет).

² M. Thompson. Some unpublished bronze money of the early VIII century, *Hesperia*, vol. 9, 1940.

³ Е. Э. Липшиц. К вопросу о городе в Византии в VIII—IX вв. ВВ, VI, 1953, стр. 128; А. П. Каждан. Византийские города в VII—XI вв. СА, 21, 1954, стр. 170; ср. также К. М. Setton. The archaeology of medieval Athens. *Essays in Honor of A. P. Evans*, New York, 1955.

Андроника II (конечно, следует учитывать, что после Четвертого крестового похода Афины находились под властью латинских правителей) — византийская монета на Балканском полуострове вытесняется в это время итальянской (прежде всего венецианской), что несомненно связано с ухудшением чеканки византийской монеты⁴.

Другое наблюдение, которое мы можем сделать, состоит в следующем: с конца VII в. количество монет, имевших хождение в Афинах, резко сокращается. Почти двухсотлетний период от 685 до 867 г. дал всего лишь 109 монет, причем из них 61 монета относится к кратковременному правлению Филиппика Вардана. М. Томсон во введении справедливо отмечает уменьшение чеканки монеты в это время (р. 4). Мы можем вполне согласиться с автором, что число найденных монет в какой-то степени отражает положение города, его рост и процветание или, наоборот, упадок (р. 5). Поэтому следует констатировать, что с конца VII до конца IX в. Афины пережили трудный период, городское население значительно сократилось.

Таким образом, опубликованные М. Томсон данные имеют существенное значение для понимания социально-экономической истории Афин, а вместе с тем и всего Византийского государства. Однако исторический комментарий, который мы находим во введении к рецензируемой книге, весьма скуден и местами неточен. Да это и неудивительно, ибо М. Томсон, нумизмат по профессии, ни в коей мере не является специалистом-историком.

Прежде всего нумизматические материалы, относящиеся к афинской агоре, должны были быть увязаны с другими находками византийских монет как на территории самой империи, так и за ее пределами. Не только находки в Коринфе, но и нумизматический материал из Херсонеса, Пергама, Приены, Сард, Олинфа рисует точно такую же картину. И находки византийских монет в Венгрии, Болгарии, Румынии и других сопредельных странах давно уже позволили заметить это резкое сокращение чеканки в конце VII в. К сожалению, большинство исследователей рассматривали эти факты изолированно — каждый на «своей» территории и, не видя явления в целом, пытались объяснить уменьшение находок каждый раз специфическими конкретными политическими событиями⁵. Точно так же поступает и М. Томсон, которая не учитывает всей совокупности нумизматического материала и поэтому ищет объяснение констатированного ею явления в конкретной политической истории Афин VII—IX вв. В этом отношении несомненно более близок к истине П. Харанис, который связывает уменьшение чеканки византийской монеты с упадком средиземноморской торговли⁶.

Далее, нумизматические данные необходимо связать с другим материалом по археологии Афин, который также свидетельствует об экономическом упадке этого города начиная еще с VI в. В VII—IX вв. некоторые кварталы Афин совершенно запустели, и на месте некогда оживленного городского поселения возникли болота. При этом аналогичное явление мы можем наблюдать не только в Афинах, но и в ряде других

⁴ D. Zakythénos. Crise monétaire et crise économique à Byzance du XIIIe au XVe siècle. Athènes, 1948.

⁵ См., например, Д. Чаллань. Византийские монеты в аварских находках. Acta Archaeologica Acad. Scient. Hungaricae, t. II, 1952, p. 241 sq. Cp. C. Moisil. Sur les monnaies byzantines trouvées en Roumanie. Acad. Roum. Bulletin de la sect. historique, II, 1924, p. 209 sq.; E. Condurachi. Les trésors monétaires de la région carpato-danubienne et leur importance pour l'histoire des Roumains. „Balcania“, vol. 7, 1944, p. 38.

⁶ P. Charanis. The significance of coins as evidence for the history of Athens and Corinth in the VIIth and VIIIth centuries. Historia, vol. 4, 1955.

городских центров. Наоборот, с X, а особенно с XI в., мы можем проследить подъем Афин, Коринфа и многих других византийских городов. Сопоставление всех этих данных сделало бы введение к книге М. Томсон более убедительным.

В книге М. Томсон встречаются и некоторые необоснованные суждения, касающиеся тех или иных событий византийской истории. Так, она совершенно некритически принимает гипотезу К. Сеттона о вторжении протоболгар в Пелопоннес и о взятии ими Коринфа (р. 1, п. 1): на самом деле Коринф был осажден славянскими племенами, тогда как о появлении протоболгар на Пелопоннесе нет сведений ни в одном историческом памятнике⁷.

Указывая на неполноту и на неточность отдельных положений во вводной статье к рецензируемой книге, мы все же должны отметить, что полная публикация монет, найденных во время раскопок на афинской агоре, является очень полезным делом: нумизматические данные позволяют нам ставить и решать некоторые новые вопросы социально-экономической истории Византии. В этой связи следует указать, что давно уже назрела необходимость издания полного каталога византийских монет, поскольку справочник С. Моссера, изданный в 1935 г.⁸, теперь уже безнадежно устарел. Издание полного каталога позволит нам, в частности, яснее представить себе важнейшие торговые пути средневековой Европы.

А. П. Каждан

НОВОЕ В ИЗУЧЕНИИ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

(S. Runciman. A History of the Crusades, vol. I—III. Cambridge, 1951—1954)

За истекшее десятилетие зарубежная историческая наука дала значительное число работ по истории крестовых походов. Однако сводные труды, охватывающие события всего крестоносного движения, в наши дни появляются чрезвычайно редко. Научные интересы историков оказываются, как правило, прикованными к различным проблемам более или менее частного характера; именно поэтому результаты их исследований публикуются по большей части в виде статей, специальных докладов и пр. По образному и не лишнему известному основанию выражению Ст. Рэнсимена, современная историография (речь идет, разумеется, об историографии буржуазной) вступила в свой александрийский век — период всеподавляющего критицизма, когда историк, обзревающий с горных вершин науки мельчайшие детали прошлого, чаще всего находит прибежище в сугубо ученых статьях или диссертациях: это — своего рода крепостцы, из которых сравнительно легко отражать нападения бдительных-суровых коллег-специалистов (vol. I, р. XIII).

В самое последнее время на Западе предприняты три серьезные попытки систематизировать знания, накопленные в области изучения истории крестовых походов. Инициатором одной из них выступает группа американских

⁷ Критические замечания о гипотезе К. Сеттона см. А. П. Каждан. Современная буржуазная историография о славянских переселениях в Византию. Институт славяноведения. Краткие сообщения, вып. 11, 1953, стр. 72 и сл., и указанную там литературу.

⁸ S. Mc. A. Mosser. A bibliography of byzantine coin hoards. New York, 1935; см. дополнения V. Laurent. Bulletin de numismatique byzantine. Revue des Études byzantines, vol. 9, 1951 (1952).

ученых. Возглавляют ее Кеннет М. Сеттон и Маршалл У. Болдуин. В 1955 г. они приступили к изданию коллективного труда, давно уже задуманного в кругах медиевистов США, — «История крестовых походов»¹. Другая такая попытка принадлежит западногерманскому историку А. Ваасу^{1а}. Автором третьего обобщающего сочинения о крестовых походах является английский византинист Стивен Рэнсимен. В послевоенные годы этот хорошо известный византиноведам ученый интенсивно разрабатывал отдельные вопросы из истории крестоносного движения², а в 1951—1954 гг. он издал в Кембридже трехтомный труд под названием «История крестовых походов».

Первый том этой монографии («Первый крестовый поход и основание Иерусалимского королевства») содержит в себе очерк предистории крестоносного движения и подробное повествование о Первом крестовом походе (1096—1099 гг.). Изложение событий здесь доведено до момента завоевания Иерусалима крестоносцами и образования Иерусалимского королевства (в 1100 г.). «Триумф креста» — таково название одной из последних глав этого тома. Второй том («Иерусалимское королевство и франкский Восток в 1100—1187 гг.») посвящен главным образом истории сиро-палестинских государств крестоносцев в XII в.; в непосредственной связи с ней автор рассматривает события Второго крестового похода и последовавшее за его провалом наступление мусульман на франкские государства. «Триумф ислама» — так названа заключительная часть второго тома, рассказывающая о разгроме владений франков султаном Саладином (взятие Иерусалима в 1187 г.). Наконец, третий том («Королевство Акры и последние крестовые походы») обнимает историю Третьего крестового похода и крестоносных предприятий XIII в.; здесь же рассказывается о гибели франкских государств в конце XIII в. в условиях крупных политических потрясений на Востоке (монгольское нашествие). Заканчивается монография «Эпилогом», характеризующим последние предпринятые на Западе и оставшиеся безуспешными попытки возродить крестоносное движение в изменившейся исторической обстановке XIV—XV вв. Таким образом, в трех томах труда Рэнсимена дается систематическое, обстоятельное, строго последовательное в хронологическом отношении изложение истории того военно-колониационного движения из Западной Европы на Восток, которое обозначается именем крестовых походов.

На первый взгляд может показаться, что монография Рэнсимена, внушительная по своим размерам и сугубо академичная по своему оформлению (довольно обширный аппарат ссылок, детальнейшим образом составленная библиография, приложения, носящие в общем специальный характер: генеалогические таблицы, описания и разбор источников, этюды, посвященные анализу таких вопросов, как, например, численность участников Первого крестового похода, битва при Гаттине и т. п.), рассчитана на профессиональных историков. В действительности же она предназначалась автором для иного, гораздо более широкого круга читателей. Правда, ее нельзя назвать просто популяризаторской работой. Но

¹ K. M. Setton and M. W. Baldwin, edd. *A History of the Crusades, I; The First Hundred Years*. Philadelphia, 1955.

^{1а} A. Waas. *Geschichte der Kreuzzüge*. 2 Bde. Freiburg, 1956.

² St. Runciman. *The Byzantine „Protectorate“ in the Holy Land*. Byz., XVIII, 1948; *The First Crusaders Journey across the Balkan Peninsula*. Byz., vol. XIX, 1949; *The Holy Lance Found at Antioch*. *Analecta Bollandiana*, vol. LXVIII, 1950; *The Decline of Crusading Idea*. X Congresso Internazionale di Scienze Storiche, Relazioni, vol. III, Firenze, 1955, p. 637—652; *idem*. *The Byzantine Provincial Peoples and the Crusade*. *Ibid.*, p. 621—624.

в то же время это и не такое исследование, в котором бы заново ставились и разрешались хотя бы важнейшие проблемы истории крестовых походов.

Рэнсимен старательно использовал многообразные известия средневековых авторов, относящиеся к истории крестовых походов. При этом он черпает свои сведения не только из латинских хроник западноевропейских монахов и рыцарей: в отличие от многих медиевистов, занимавшихся этой темой, Рэнсимен широко обращается к произведениям византийских, а также восточных писателей (армянских, арабских, персидских, сирийских, еврейских). Впрочем, данные источников нередко берутся им из вторых рук.

Следует отдать должное и эрудиции Рэнсимена в области научной литературы по крестовым походам. Хотя в монографии отсутствует, к сожалению, особый историографический раздел (несколько беглых замечаний имеется лишь в «Предисловии» к первому тому), однако труд Рэнсимена обнаруживает основательную осведомленность его автора в существующей специальной литературе. В этой связи сто́ит особо отметить знакомство Рэнсимена с рядом исследований старых русских византинистов (В. Г. Васильевский, Ф. И. Успенский). Однако работы советских историков, затрагивающих крестоносные сюжеты, Рэнсимен игнорирует.

Повествуя о тех или иных событиях крестоносного движения, по-разному отразившихся в сочинениях современников, Рэнсимен при изложении фактической стороны дела почти всегда стремится опереться на специальные исследования историков XIX—XX вв. При этом как в самом повествовании, так и в своих оценках и выводах Рэнсимен в значительной степени основывается на новейших данных западноевропейской (преимущественно) и отчасти американской историографии³.

Важной особенностью труда английского ученого является чрезвычайно пристальное внимание, которое уделяется в нем конкретным, большим и малым фактам истории крестовых походов. Это проявляется как в тщательности проверки, и в частности датировки, каждого приводимого в исследовании факта, так и в стремлении по возможности расширить круг привлекаемых фактов. Эта особенность трехтомника обусловлена некоторыми принципиальными установками автора. Дело в том, что Рэнсимен, признавая ценность исследований отдельных сторон или вопросов той или иной темы, т. е. того типа исследований, которые преобладают в современной исторической литературе, полагает, однако, что высший долг историка, как он сам пишет, — «писать историю, т. е.

³ Некоторые важные работы остались все же вне поля зрения Рэнсимена. Так, в главах второго тома, посвященных Второму крестовому походу, совершенно не учтены работы В. Грюмеля и П. Э. Пфейфера; между тем первый в своем исследовании «На пороге II крестового похода» (V. Grumel. Au seuil de la IIe croisade. *Études byzantines*, t. III, 1945) разбирает некоторые моменты дипломатической предыстории крестоносного предприятия 1147—1149 гг., а второй трактует ряд немаловажных вопросов политики Бернара Клервского и возглавлявшегося им цистерцианского ордена в связи со Вторым крестовым походом (см. P. E. Pfeiffer. *Die Stellung des hl. Bernard zur Kreuzzugbewegung nach seinen Schriften. Cistercienser Chronik*, Bd. XLVI, 1934; *Die Cistercienser und der zweite Kreuzzug. Cistercienser Chronik*, Bd. XLVII, 1935). В главе, излагающей историю Четвертого крестового похода и его последствия, Рэнсимен упустил из виду, в частности, ценную работу болгарского историка Б. Примова о Виллардуэне и его записках „Завоевание Константинополя“ (1949) и ряд других исследований этого же ученого. В труде Рэнсимена совсем не приняты во внимание старые, но полезные разыскания Г. У. Престона и П. Кристена в области аграрных отношений в Иерусалимском королевстве (H. W. Preston. *Rural Conditions in the Kingdom of Jerusalem. Philadelphia, 1903*; P. Christin. *Les classes inférieures d'après les Assises de Jérusalem. Poitiers, 1912*).

пытаться сводить воедино широкую последовательность крупных событий и движений, которые определяли судьбы человечества» (I, р. XIII). Несомненно, сведение воедино в его объемистом труде большого числа фактов из истории крестовых походов, в таком масштабе произведенное впервые в английской историографии, само по себе уже составляет заслугу автора.

Знание источников дает автору возможность говорить о событиях очень конкретно, а отдельные подробности, порой чисто бытового характера, метко схваченные Рэнсименом, помогают отчетливее представить некоторые исторические процессы времени крестовых походов. Так, рассказывая о влиянии, которое мусульманский Восток оказал на быт, нравы, повседневный образ жизни европейских завоевателей, Рэнсимен отмечает случаи, когда знатные франки и арабы совместно отправлялись на охоту (II, 319); он указывает на усвоение многими сеньорами и особенно купцами, арабского языка. Таким образом, «каналы», через которые шло восточное влияние на Запад, вырисовываются благодаря этим, казалось бы, мелким деталям четче, рельефнее.

Исторические лица, упоминаемые в работе, выступают перед читателем отнюдь не в виде каких-то отвлеченных «символов» далекого прошлого: Рэнсимен, следуя показаниям летописцев, используя подчас средневековые миниатюры или изображения на монетах, рисует выразительные портреты многих деятелей эпохи. При этом он изображает не только их внешний облик, но и дает яркую (иногда, впрочем, спорную) психологическую характеристику государственных деятелей, дипломатов, военачальников и т. д.

Многие характеристики Рэнсимена отличаются меткостью и выразительностью. Таков, к примеру, портрет Иннокентия III, «законника, который, — по словам автора, — всегда подводил юридические основания под свои притязания» и в то же время был «политиком, готовым использовать любое средство, находившееся под рукой» (III, 107).

Однако пристрастие Рэнсимена к фактической истории крестовых походов имеет и свою серьезную теневую сторону, которая в весьма значительной степени умаляет положительные качества его работы. Дело в том, что внимание автора к фактам очень часто переходит в чрезмерное увлечение ими: описание фактов становится у Рэнсимена едва ли не единственной и главной задачей. В этом один из самых серьезных недостатков рецензируемой работы, отмечавшийся, кстати, и в зарубежных рецензиях⁴.

Фактографичность работы Рэнсимена является своеобразным отражением слабости основных методологических установок автора, нечеткости и непоследовательности его позиций по узловым проблемам истории крестовых походов, его — в конечном счете — эклектичности. В его труде имеются интересные и ценные мысли, верные наблюдения, реалистичные суждения. Но почти все они как-то не доведены до конца, не выдержаны с должной последовательностью; и почти всегда наряду с ними встречается немало ошибочных, откровенно идеалистических по существу положений и оценок, смещающих перспективу и искажающих подлинную историю крестоносного движения.

Покажем это на нескольких примерах.

Одной из кардинальных проблем истории крестовых походов является вопрос об их причинах.

⁴ „Многие страницы перегружены именами и датами“, — пишет, например, J. Prawer в *Byz.*, XXIV, 1955, р. 328.

В трактовке этого вопроса работа Рэнсимена стоит в одном ряду с сочинениями других современных буржуазных историков. Автор посвящает предыстории крестовых походов, которая, по его замыслу, видимо, и должна послужить объяснением их причин, более сотни страниц первого тома своего труда. Многие отдельные наблюдения Рэнсимена по этому вопросу носят довольно реалистический характер. Автор не разделяет предвзятых мнений католических историков о причинах крестовых походов. Рэнсимен признает, что церковь, санкционируя «священные войны» западного рыцарства, сперва — в Испании (реконкиста), затем — «на восточных границах христианского мира» (I, 91—92), преследовала собственные выводы. Рэнсимен подчеркивает, что, еще проводя курс на установление «божьего мира», католическая церковь особенно заботилась о том, чтобы оградить свою собственность от рыцарских грабежей и вымогательств (I, 85, 87). Но, не сумев охладить воинственного пыла западного рыцарства, она сочла более разумным использовать его, повернув рыцарей против язычников (I, 87). Война с «неверными» была провозглашена ею не только допустимой, но даже желательной (I, 84), несмотря на то, что, как считает необходимым добавить автор, христианская религия — религия мира (I, 83).

Подобная точка зрения, несомненно, не лишена определенного «рационального зерна». Она могла бы явиться исходным пунктом для дальнейшего углубленного исследования вопроса о социальных основах организации церковью «священных войн» XI в. Но такого исследования Рэнсимен не дает. При этом, касаясь крестоносной политики папства, он рассматривает ее в очень узком, церковно-политическом плане. Цель папства, по Рэнсиму, — расширение власти римской курии и установление супрематии Рима над Константинополем (I, 93—94)⁵. Автор, однако, не объясняет, какие причины заставляли пап стремиться хотя бы к тому же самому расширению своего владычества, что, в частности, побуждало Рим добиваться от Византии «стандартизации литургии и ритуала» (I, 94) по римско-католическому образцу, почему стремление «убедить воинственных рыцарей Запада использовать свое оружие для дальнего и более священного дела» сделалось «частью папской программы» (I, 104—105). Эти и подобные им вопросы, исследование которых помогло бы вскрыть социальные основы крестоносной политики Урбана II, остаются у Рэнсимена без ответа. Да, в сущности, он и не ставит их, удовлетворяясь наивными рассуждениями вроде того, что во второй половине XI в. речь шла будто бы о борьбе за сохранение «единства христианства» (I, 100), что Урбан II хотел устранить препятствия, на которые после сельджукских завоеваний стали наталкиваться христианские пилигримы в Малой Азии и Палестине (I, 107), и т. п.

Некоторые рассуждения Рэнсимена прямо свидетельствуют о полном непонимании им подлинного существа папской политики.

⁵ Кстати, Рэнсимен ошибочно полагает, будто „обширный и славный план священной войны“ возник у Урбана II во время его поездки в Северную Италию и Францию после Пьяченцкого собора 1094 г., где на папу якобы подействовало обращение византийских послов, которые обрисовали лишения восточных христиан под властью „неверных“ и пр. (I, 104—105). В действительности этот план, несомненно, складывался в римской курии задолго до 1094—1095 гг. и был связан с длительными усилиями папства организовать, начиная с 70-х годов XI в., широкое военно-колониционное движение на Восток. Рэнсиму, по-видимому, неизвестно исследование W. Holtzmann. Studien zur Orientpolitik des Reformpapstums und zur Entstehung des ersten Kreuzzuges. Historische Vierteljahrsschrift, Bd. XXII, 2—3. Heft, 1924, S. 167—199.

Так, говоря о бурной реакции крестьян, рыцарей, сеньоров на клермонскую речь Урбана II (26 ноября 1095 г.), который, в изображении Рэнсимена, преследовал исключительно благие цели, автор в тоне сожаления заявляет, что папа вызвал движение большее, чем то, возникновение которого можно было бы предполагать. Для судеб папского предприятия, заявляет автор, *было бы лучше* (I), если бы на призыв Урбана II откликнулось меньше крупных сеньоров: их распри из-за владений и соперничество создадут вскоре смуту, устранить которую не сможет контроль папского легата. «Еще менее поддающимся контролю оказалось движение простого народа во Франции, Фландрии и на Рейне» (I, 113). Иначе говоря, плачевный исход и похода бедноты, и вообще всех «священных войн», организованных папством, по Рэнсиму, является результатом лишь якобы плохого расчета курии, — того, что движение в «святую землю» просто, так сказать, перехлестнуло рамки, намечавшиеся папством для «блага христианства»: папа, оказывается, «не предупредил или не мог предупредить» не поддававшегося контролю энтузиазма бедноты (I, 115)! На самом деле верхи католической церкви с Урбаном II во главе менее всего думали о том, чтобы сузить размах поднятого ими движения. Вряд ли церковь рассчитывала, что ей удастся подчинить «контролю» Рима крестьянскую массу. Наоборот, речь папы в Клермоне ясно показывает, что папа взял курс на то, чтобы придать выступлению на Восток возможно более массовый характер: ведь одна из важнейших, с точки зрения папства, задач состояла именно в том, чтобы любой ценой удалить из Европы побольше недовольных феодальными порядками. В то же время папство заботилось о том, чтобы удовлетворить на Востоке захватнические стремления рыцарства и знати — класса, к которому и церковные сановники-землевладельцы принадлежали душой и телом⁶.

Подобно многим западноевропейским историкам, Рэнсимен не чужд трезвого понимания тех чисто «земных» обстоятельств, которые послужили главным стимулом для деревенской бедноты, а затем и рыцарства при отправлении их в поход как в 1096 г., так и в более поздние времена. Рэнсимен вовсе не склонен, как это делает, скажем, П. Руссэ, рисовать первых крестоносцев некими бескорыстными защитниками креста, носителями евангельского духа, воодушевленными одним лишь чистым желанием постоять за правую веру. Раскрывая причины успеха проповеди Петра Пустынника в Северной Франции, он пишет о тяжелом положении крестьян, отягощенных бесчисленными повинностями⁷, вследствие чего эмиграция казалась им привлекательной (I, 114—115). Характеризуя причины воинственности рыцарей, с легкостью откликавшихся на призывы к борьбе с «неверными», он обращает внимание на «земельный голод» во Франции (I, 92)⁸, вследствие чего для рыцарей становилась соблазнительной перспектива сочетать исполнение долга христианина с приобре-

⁶ См. М. А. Заборов. Папство и организация Первого крестового похода. Сб. „Средние века“, т. VII, М., 1955, стр. 274 сл.

⁷ Впрочем, описывая бедственное положение деревни, Рэнсимен делает акцент не на феодальной эксплуатации как основном источнике тягот крестьянской массы, а на всякого рода хотя и важных, но все таки побочных обстоятельствах: указывает на разорение крестьянства норманскими набегами, на его необеспеченность в связи с ростом населения, на губительное воздействие эпидемий (I, 114). При этом церковь, по его мнению, стремилась оказать покровительство беднякам, но часто безуспешно (там же).

⁸ Причину его, однако, Рэнсимен усматривает исключительно в праве первородства, которое требовало от младших сыновей баронов „самим ковать свое счастье“ (I, 92).

тением земли в южных странах. Более или менее верно указана Рэнсименом материальная подоплека движения рыцарства и там, где он подробно рассказывает о том, что заставило в конце XI в. «принять крест» наиболее видных западных сеньюров. Перед читателем ярко вырисовываются такие феодальные хищники, как Гуго Вермандуа, брат французского короля, надеявшийся приобрести на Востоке богатства и власть, «приличествующие его высокому титулу» (I, 142), жадный и развратный Балдуин (брат Готфрида Бульонского), который, не имея шансов получить владения у себя дома, стремился добыть королевство в «святой земле» (I, 147), жаждавший земель и власти нормандец Боэмунд Тарентский (I, 154) и др. В дальнейшем, при описании самого похода 1096—1099 гг., алчность и иные «христианские добродетели» этих и многих других сеньюров оттенены еще более резко.

И все же во всех главах, посвященных предыстории крестовых походов, явственно сказывается идеалистический по своему существу подход автора к оценке причин крестоносного движения. Так, говоря о пестром по составу ополчении бедняков, Рэнсимен пишет: «единственным, что их объединяло, была их страстная вера» (I, 121). И в другом месте: «народный крестовый поход» показал, что «одна только вера, без мудрого руководства, не откроет дорогу в Иерусалим» (I, 133). Относительно же мотивов отправления в поход крупных западных сеньюров мы читаем на стр. 133: «Самым сильным (мотивом) для всех, кроме Боэмунда, был подлинный религиозный пыл». Таким образом, во всех этих высказываниях Рэнсимен, в противоречие с самим собой и уже вполне в духе П. Русса, приписывает решающее значение идеологическим факторам, которые, что очень характерно, рассматриваются автором в полном отрыве от материальной основы крестовых походов. Рэнсимен нигде не пытается выяснить, на какой реальной базе именно в то время получили широкое распространение такие явления, как ожидание близкого конца мира, мистицизм, вера в искупительную силу подвига «во славу бога» и др. Он удовлетворяется схематическими рассуждениями о том, что «то был век видений» (I, 115), что средневековый человек вообще был убежден в близости второго пришествия и потому считал необходимым каяться в грехах (там же) и т. д.

Разумеется, такого рода «объяснения» по сути дела ничего не дают для понимания того, почему в конце XI в. — не раньше и не позже — церкви удалось собрать под религиозным знаменем огромные массы людей и двинуть их в «святую землю». Эклектическая «теория факторов» оказывается бессильной помочь уяснению подобных вопросов.

Но, пожалуй, полнее всего идеалистическая суть той концепции происхождения крестовых походов, которая пронизывает по видимости чисто фактологическое повествование Рэнсимена, проявляется в построении первых двух частей его работы. Оно целиком подчинено одной задаче — выяснению исторических корней самой идеи крестового похода. В том, что автор ставит на первый план решение именно этой задачи, он не одинок: поиски истоков идеи «священной войны» уже более двух десятков лет занимают многих западных исследователей крестовых походов (назовем хотя бы К. Эрдманна, М. Канара, Э. Деларюэля, В. Лорана, П. Альфандери и А. Дюпрона)⁹. Их идеалистическая концепция, открывающая широкий простор для фальсифицированного толкования крестовых похо-

⁹ Примечательно, что под углом зрения происхождения идеи крестовых походов были построены основные доклады по этому разделу средневековой истории на X Международном конгрессе историков (Рим, сентябрь 1955 г.). См. обзор этих докладов в сб. „Средние века“, VIII, 1956, стр. 396 сл. и в ВВ, XI, 1956, стр. 330 сл.

дов, оказала серьезное влияние и на Рэнсима. С целью установления истоков этой идеи «священной войны» Рэнсимен всю первую часть первого тома и посвящает истории... «святых мест христианства» (I, 3—79). Как будто эта история в какой бы то ни было степени может объяснить действительные причины крестовых походов или хотя бы только происхождение их «идеи»! Явно переоценивая значение религиозного «фактора», Рэнсимен на протяжении пяти глав этой части рассматривает те изменения, которые происходили между IV и XI вв. в положении христианского населения Палестины, Сирии, Египта (с точки зрения его религиозного статуса) в связи с различными жерипетиями политической истории этих стран. В этой связи целая глава отводится автором истории паломничеств в «святую землю» (I, 38—50), которые рисуются как «хождения» исключительно религиозного характера. Автор детально перечисляет различные паломничества, имевшие место на протяжении нескольких столетий, подробно описывает путь паломников по странам Европы и византийской территории. Что касается мотивов этих путешествий, то в явно одностороннем изображении Рэнсима единственной целью пилигримов было будто бы стремление вступить в Иерусалиме в некий мистический контакт с богом и его святыми (I, 44), помолиться, благоговейно осмотреть реликвии, «очиститься» и «укрепиться в вере» (I, 50). В действительности, как известно, паломничества далеко не всегда являлись только актами благочестия: энтузиазм, например, паломников-норманнов, о котором пишет Рэнсимен (I, 47), имел под собой достаточно земную основу, как это было показано еще П. Рианом¹⁰. Ошибочное, однобокое изображение паломничеств, данное Рэнсименом, входит органической частью в его общую, идеалистическую в своей основе концепцию происхождения крестоносного движения.

В самом деле, переходя к переменам на Востоке, вызванным с середины XI в. сельджукскими завоеваниями, Рэнсимен — в соответствии с традиционной схемой, берущей свое начало от Вильгельма Тирского, — указывает, что теперь, после того как Передняя Азия, в том числе и Иерусалим, подпала под власть «турок», паломничества в «святую землю» оказались сильно затрудненными (I, 78). Пилигримы, возвращаясь на родину, приносили с собой «страшные вести» (I, 79). О лишениях же восточных христиан под игом «неверных» Западу поведали и греки [имеется в виду выступление византийских послов на Пяченцком соборе 1094 г. (I, 105), речи которых, впрочем, как отмечает сам автор, не сохранились]. В такой обстановке, утверждает Рэнсимен, христиане встали лицом к лицу перед серьезной проблемой: следует ли им воевать «за свою страну» (I, 83)? На Западе решили, что следует: Византия, терявшая одну за другой свои позиции на Востоке, больше не могла выступать в роли «покровительницы христианства», а поэтому «Манцикерт оправдывал вмешательство Запада» (I, 64 — со ссылкой на Вильгельма Тирского!). Таким образом, всем построением этих разделов Рэнсимен как бы отстраняет многие высказанные им же реалистического порядка соображения по поводу причин крестовых походов: у читателя остается впечатление, будто в конечном счете, что бы там ни говорил автор о «земных» мотивах папства, князей и рыцарства, крестовые походы возникли все же прежде всего как ответ Запада на «утеснения христианства» сельджуками — старая схема, фактическая необоснованность которой была превосходно доказана К. Каэном.

¹⁰ P. Riant. Expéditions et pèlerinages des Scandinaves en Terre Sainte. Paris, 1865.

Следует добавить к этому, что у Рэнсимена нет ясности и при оценке существа крестовых походов XII—XIII вв. О причинах Второго крестового похода он пишет: «Падение Эдессы явилось ужасным ударом для западных христиан. Впервые они увидели, что дела на Востоке обстоят неблагоприятно. Тотчас возникло движение в пользу нового крестового похода» (II, 238). Из этого описания трудно понять действительные побуждения различных социальных групп феодального общества на Западе, которые вызвали Второй крестовый поход. Ведь эффект, который на самом деле произвело в Европе известие о падении Эдессы (1144 г.), не был столь значительным: даже французская знать на первых порах не выказала, по рассказу Одо Дейльского, особого энтузиазма, когда Людовик VII объявил в конце 1145 г. (на съезде в Бурже) о своем намерении взять крест и обратился с соответствующим предложением к своим вассалам. В конце концов захват Эдессы Имад-эд-дином Зенги мог явиться лишь поводом к новому завоевательному предприятию, причины же его лежали глубже: сам автор, показывая широкий отклик на крестоносные проповеди Бернара Клервоского в Германии, глухо упоминает о неурожае и голоде, царившем в стране в 1146 г. и «породившем мистическую экзальтацию» (II, 255—256). Еще в более искаженном виде характеризует Рэнсимен Второй крестовый поход, когда пишет о нем в таких выспренных словах: «Ни одно средневековое предприятие не начиналось со столь великими надеждами. Запланированное папой, проповедуемое и вдохновляемое блестящим красноречием св. Бернара, руководимое двумя могущественными государями Западной Европы, оно обещало так много для славы и спасения христианства» (II, 268). Факты, приводимые самим автором, показывают, что вовсе не «спасение христианства» было целью этого плохо организованного и еще более скверно проведенного авантюристического предприятия.

Безусловно, религиозные мотивы для крестоносцев, особенно на ранней стадии крестоносного движения, играли немалую роль. Но самое обострение «религиозного чувства» в XI—XII вв., о котором так много написано буржуазными авторами, было своеобразным выражением вполне реальных потребностей тех общественных слоев, из рядов которых вышли и участники крестовых походов. Поэтому совершенно неубедительными являются объяснения Рэнсимена относительно причин той религиозной экзальтации, которая так отчетливо обнаружилась в войске первых крестоносцев в момент пребывания его под Антиохией в 1097/98 г. Да, собственно, он и не дает никакого объяснения этому явлению, ограничиваясь подробнейшим пересказом известий хронистов о всякого рода «чудесах», «видениях» и «пророчествах», имевших место во время борьбы крестоносцев за Антиохию. Вместо объяснения всех этих фактов Рэнсимен довольствуется ссылкой на то, что «средневековый человек вообще не считал сверхъестественное невозможным», поскольку «не были известны современные идеи о природе подсознательного» и пр. (I, 241; ср. I, 245). Такие общие ссылки на мировоззрение эпохи средневековья — там, где необходимо конкретно раскрыть реальную подоснову «религиозной экзальтации», выступавшей с большой силой в критические моменты Первого крестового похода, — показывают лишь бессилие историка, стоящего на позициях идеализма, продвинутого вперед при разрешении проблем подобного рода. Очень показательна в этом отношении и беспомощность Рэнсимена в истолковании известной истории о «таинственной» находке (по «указанию» св. Андрея, привидевшегося крестьянину Гэстру Варфоломею) «святого копья» в Антиохии, находке, которая, как рассказывают хронисты, будто бы сыграла решающую роль в даль-

нейшем ходе событий. Рэнсимен допускает даже, что Петр Варфоломей мог обладать «чудесным даром, подсказавшим ему присутствие металла» («святого копья») в антиохийском соборе Петра (I, 245)! Это уже явная уступка какой-то мистике, вообще не свойственной Рэнсиму. А ведь данные хроник, в частности Раймунда Агильерского, позволяют без труда раскрыть инспирированность всех такого рода «чудес»!

Богатый фактический материал, собранный Рэнсиму о «деяниях» «христовой воинства» в «святой земле» и сопредельных областях, едва ли не лучше всего опровергает его собственные, подчас односторонние, суждения относительно действительного характера истинных целей крестоносного движения. В главе «Триумф креста» (5-я кн., I том) нарисована правдивая и выразительная картина жестокостей и разнузданности алчного рыцарства в завоеванном им Иерусалиме. По словам самого автора, крестоносцы тогда «ужаснули весь мир» (I, 286), и среди мусульман с этого времени «укрепилось ясное убеждение в том, что франки должны быть изгнаны» (I, 287).

Сцены, рисующие варварское поведение рыцарей — участников Четвертого крестового похода — в завоеванной ими византийской столице, Константинополе, в 1204 г. (III, 123), едва ли не самые реалистичные и яркие по своей впечатляющей силе. Грабеж крупнейшего «христианского» города мнимыми спасителями гроба господня, грабеж, который, по словам Рэнсима, «не имеет параллелей в истории» (там же), необычайно отчетливо обнаруживает истинный характер и цели крестоносного, грабительского в своей основе движения западных феодалов. И нельзя не согласиться с той трезвой, хотя, быть может, и преувеличенной оценкой этого разбойничьего акта рыцарства, которую дает ему сам Рэнсимен (III, 130).

Значительное место в работе Рэнсима занимают экскурсы в историю Византии XI—XIII вв.: ведь империя с самого начала крестоносного движения играла большую роль в его судьбах. И следует признать, что автору, давно уже работающему в области изучения византийской истории, удалось достаточно последовательно провести, на наш взгляд, правильную в целом точку зрения на византийскую политику в связи с крестоносным движением. Она весьма реалистична. Рэнсимен показывает на большом числе конкретных фактов, что несли с собой крестовые походы для Византии и какими, следовательно, обстоятельствами определялась политика Византийской империи по отношению к крестоносцам и основным ими государствам и по отношению к странам Запада, поставившим на Восток новые и новые отряды «воинства креста». В буржуазной историографии крестовых походов давно уже утвердилась традиция, которая не только всячески оправдывала агрессивные акты крестоносного рыцарства в отношении Византии, но и видела в неудачах крестовых походов плод «предательства» и «измен» «коварных греков» «общехристианскому делу». Стивен Рэнсимен с полным на то основанием порывает с этой антиисторической традицией. В рецензируемой работе он пытается восстановить картину действительного положения вещей, выявляя мотивы, которыми руководствовались различные византийские правительства в своей политике по отношению к крестоносцам. Особенно подробно рассматривается в этом плане политика Алексея I Комнина (1081—1118) в связи с Первым крестовым походом. Рэнсимен питает особую симпатию к этому императору и нередко просто идеализирует его (I, 100 и др.), однако общая картина деятельности правительства Алексея в связи с походом 1096—1099 гг., нарисованная Рэнсиму, представляется довольно точной. Историк справедливо подчеркивает опасность, которую продвижение кресто-

носной армии в 1096—1097 гг. несло для Византии и ее внешнеполитических устремлений: действительно, каковы бы ни были официальные мотивы крестового похода, Алексей I не мог не понимать истинных намерений франков, собиравшихся прежде всего обеспечить себе собственные княжества на Востоке (I, 145). В соответствии с этим и поступал глава Византийской империи, постаравшийся — и не без успеха — использовать Первый крестовый поход для восстановления позиций Византии в западной части Малой Азии (II, 8).

Реалистично рисует Рэнсимен перипетии византийской политики и во время последующих крестовых походов. Он с полным, как нам думается, основанием оправдывает заключение мира Мануилом Комниным с иконийским султаном весной 1147 г. — мира, за который на Западе императора прозвали «предателем христианства» и который на самом деле был лишь актом предосторожности перед лицом враждебно настроенных к Византии участников начинавшегося тогда Второго крестового похода (II, 266). При этом Рэнсимен по ходу изложения событий доказывает несостоятельность традиционных упреков Византии в «предательстве», изображаемом подчас чуть ли не в качестве решающей причины неудач крестоносцев в 1147—1148 гг. Читатель убеждается воочию в том, что трудности, вставшие перед участниками Второго похода, создавались зачастую ими самими, были прямым результатом грабежей крестоносцев в тех областях империи, через которые проходили войска немецких и французских рыцарей, взаимных раздоров, близорукой политики предводителей и т. д. Мануил Комнин, пишет Рэнсимен, не приглашал крестоносцев и не желал крестового похода; последний мог только повредить успехам политики Византии, достигнутым ею на Востоке. Рэнсимен поэтому полагает, что и вопрос о союзе Мануила с турками может быть правильно расценен только в том случае, если принять во внимание государственные интересы Византии (II, 274). Действительно, союз Византии с Иконийским султанатом был необходим в условиях, когда отряды крестоносцев вступали в настоящие сражения с войсками империи на ее территории, когда предводители игнорировали предписания константинопольского правительства относительно пути, по которому крестоносцы должны были продвигаться, а иные из них открыто заявляли, что нужно завладеть самим Константинополем, и когда к тому же Византия подверглась атакам со стороны сицилийского короля Рожера II. «Если уж Мануила считать изменником христианскому делу, — не без иронии заявляет Рэнсимен, — то приоритет в этом отношении нужно отдать не ему, а королю Рожеру» (II, 275).

В своих экскурсах в историю Византии Рэнсимен попутно касается различных сторон внутренней жизни империи, но в этом отношении его суждения не представляют большого интереса: они мало самостоятельны и сплошь да рядом повторяют распространенные в буржуазной историографии оценки. К тому же, затрагивая вопросы внутренней истории Византии, Рэнсимен концентрирует преимущественное внимание на событиях политического характера, да и то по большей части делает это довольно поверхностно: он освещает в основном лишь события, которые происходили при константинопольском дворе. Рэнсимен разделяет со многими западными византинистами такую принципиально неверную установку, как крайняя идеализация византийского государства и многих его коронованных деятелей. Византия, по его словам, управлялась лучше, чем какое-либо из современных ей государств (I, 51; ср. II, 274). Рэнсимен донельзя превозносит византийскую литературу и искусство того времени, вдаваясь при этом в довольно туманные, чисто умозрительные

рассуждения о своеобразном «характере» грека, якобы «то склонного к бизнесу, то готового отречься от мира ради монашеского созерцания» и т. п. (I, 52). В другом месте автор заявляет, будто история Византии не знала агрессивных войн, и даже войну Василия II с Болгарией он характеризует как такую, целью которой являлось будто бы возвращение имперских провинций и устранение опасности, грозившей Константинополю (I, 83).

Эта тенденция к идеализации всего византийского сказывается и на общей концепции труда Рэнсимена — именно в той ее части, где автор делает попытку показать историческое место Византии в крестовых походах, а также значение последних для судеб Византии и «христианского мира» в целом. Она особенно отчетливо выражена в двух последних томах его труда.

Так, подводя итоги результатам Второго крестового похода, Рэнсимен, в «оправдание» политики Византии во время этого похода, ставит перед читателем вопрос: что было в конце концов выгоднее для христианства — то ли, чтобы время от времени предпринимались отважные экспедиции на Восток, проводившиеся недальновидными идеалистами (!?) вкупе с алчными авантюристами в поддержку буферного государства, существование которого зависело от отсутствия единства у мусульман (Рэнсимен имеет в виду Иерусалимское королевство), или же, чтобы Византия — в качестве стража восточных границ христианства — продолжала выполнять эту свою роль, не встречая помех со стороны Запада? И отвечает: история Второго крестового похода в еще большей мере, чем история Первого, со всей очевидностью показывает, что эти две политики были не совместимы друг с другом. Только позднее, когда пал сам Константинополь, а турки грозили Вене, стало возможно определить, какая политика была верной (II, 277).

Еще более выразительно высказывается Рэнсимен по этому же поводу, заключая главу о Четвертом походе. Захват и разгром Константинополя, с его точки зрения, — не только преступление против цивилизации (в этом Рэнсимен безусловно прав), но и «акт огромной политической глупости» (III, 130). В чем же она состояла? Оказывается, в том, что вместо того, чтобы помочь христианам в Палестине (будто это было целью крестовых походов! — М. З.), поход 1202—1204 гг. лишил их «потенциального помощника» (Византии). Более того: «он уничтожил всю защиту христианства». Византия была стражем Европы против «неверных» Востока и «северных» варваров. Она оказывала им противодействие своими войсками и укрощала их своей цивилизацией. Теперь же, с гибелью Константинополя, «единство византийского мира» было разорвано навсегда. И когда появились новые, более могущественные, чем сельджуки, племена турок-османов, христианский Восток оказался слишком глубоко разрозненным, чтобы оказать им эффективное сопротивление. Руководящая роль в нем отныне перешла с берегов Средиземноморья — исконного очага европейской культуры — к далекому северо-востоку — обширным равнинам России. Второй Рим уступил место третьему Риму — Московии (III, 131). В этих рассуждениях — суть концепции Рэнсимена.

Конечно, признание Рэнсименом, хотя бы косвенное, той роли, которую Русь сыграла в борьбе с азиатскими кочевниками в XIII—XIV вв., само по себе заслуживает внимания. Тем не менее все построение автора относительно Константинополя как заслона христианства и роковой роли крестоносцев, которые так опрометчиво наносили удары Византии, не выдерживает критики. Автор не принимает в расчет того, что внутренне

слабая, феодально все более дробившаяся Византия ни в XII, ни — тем более — в XIII в. не в состоянии была служить (даже если допустить наличие у ее правителей соответствующих намерений) преградой для кочевников, надвигавшихся с Востока. Ведь если каким-нибудь трем десяткам тысяч рыцарей-авантюристов удалось без особенно большого труда овладеть в 1204 г. столицей Византии, то о каком же заслоне против «варваров», который будто бы имело «христианство» в ее лице, вообще может идти речь? Преувеличение Рэнсименом исторической роли Византии в эпоху крестовых походов для судеб и Запада и Востока несомненно.

Противоречивость и классовая ограниченность принципиальных позиций Рэнсимена обнаруживается в еще одной особенности его трактовки истории крестовых походов и франкских государств на Востоке в XII—XIII вв.: труд Рэнсимена — яркий образец того крайне преувеличенного представления о роли личности в общественной жизни, которое составляет одну из характерных черт почти всей новейшей буржуазной историографии крестовых походов. История крестоносных предприятий и государств крестоносцев на Востоке, вообще история Запада и Востока в XI—XIII вв. — это, по Рэнсимену, лишь история «великих» или, во всяком случае, титулованных личностей¹¹. В противоречие с им же самим выразительно нарисованным хищным обликом наиболее «выдающихся» крестоносцев (см. выше) Рэнсимен в то же время до крайности приукрашивает очень многих из этих «героев» крестоносного движения, в особенности представителей «первого поколения» франкских завоевателей. Часто Рэнсимен характеризует предводителей «христового воинства» в приподнято-панегирическом, эпически-торжественном тоне. Кажется, у всех из них без исключения он старается во что бы то ни стало отыскать какие-то положительные качества. Рэнсимен в ряде мест дает, например, весьма резкую характеристику графу Раймунду Тулузскому, пишет о его тщеславии, жадности, упрямстве, жестокостях, совершенных его отрядом при переходе через Далмацию (I, 160 и сл.), об отсутствии военных талантов, благодаря чему граф Сен-Жильский, особенно после неудачной экспедиции 1101 г., утратил всякий авторитет среди крестоносцев (II, 56), и т. д. И тем не менее, описывая кончину Раймунда, Рэнсимен словно не может воздержаться от дифирамба в честь этого «героя»: «Он скончался в замке Пилигрима 28 февраля 1105 г. Смелые подвиги последних лет полностью восстановили его былую славу. Он был оплакан как выдающийся христианский воин, который предпочитал лишения священной войны удовольствиям в родной стране» (II, 61). Рэнсимен возвеличивает даже таких реакционных деятелей, как Бернар Клервоский, который выглядит на страницах его работы более чем respectfully (II, 252—53). Рэнсимен не характеризует существо деятельности этого воинствующего мракобеса: для него он просто «виднейший теолог и полемист», игравший выдающуюся роль в политической и религиозной жизни на Западе (II, 252), красноречивый и искренний проповедник, человек непорочной жизни и пр. Вместе с тем Рэнсимен в идеализированном виде представляет и некоторых мусульманских правителей, например Саладина, «благородство» и «милосердие» которого при отвоевании Иерусалима (1187 г.) он без всякого на то основания противопоставляет крова-

¹¹ „Увлечение“ личными мотивами в политике государей не мешает, впрочем, Рэнсимену высказывать порой весьма здравые и реалистичные суждения по вопросам международных отношений. Так, объясняя успехи завоевательной политики Рожера II в Северной Африке в 40-х годах XII в., он придает большое значение зависимости североафриканских городов от ввоза сицилийского хлеба (II, 251).

вым делам крестоносных завоевателей «святого града» в конце XI в. (II, 466).

Оборотной стороной подчеркнутого интереса к «личности», которая будто бы является единственным творцом истории, оказывается в работе Рэнсимена пренебрежение к истории народных масс. Нельзя сказать, что народ совсем отсутствует в труде Рэнсимена. Но в первую голову его занимают все же судьбы «высших» классов. О феодальных склоках и «благочестивых деяниях» сеньюров или их супругов (II, 231 сл.), о матримониальных и даже альковных делах князей и прелатов (II, 425), о придворных скандалах, об интригах, связанных с борьбой за престолонаследие, и родственных отношениях коронованных особ Рэнсимен распространяется несравненно больше того, чем этого заслуживают подобного рода вопросы. В то же время положению непосредственных производителей в «Заморском королевстве» Рэнсимен уделяет в общем немногим более одной страницы (II, 296), всячески стараясь к тому же изобразить положение крепостных земледельцев на франкском Востоке в более привлекательном виде, чем оно было на самом деле, «смягчить» известия о помещиках, скупо, но достаточно выразительно рисующих тяжелую участь «сирийцев» под властью их новых сеньюров. Хотя Рэнсимен и вынужден признать, что с приходом западных завоевателей в Сирии и Палестине не осталось свободных деревень (II, 296), он тем не менее утверждает, что якобы, несмотря на это, в жизни крестьян мало что изменилось. Он пишет о введении десятины католическими иерархами, но тут же заявляет, будто, несмотря на многочисленные налоги, общий уровень обложения у франков был ниже, чем в мусульманских государствах (II, 299); это утверждение, однако, он не подкрепляет никакими доказательствами.

Тенденция к приукрашиванию положения местного населения в период франкского владычества явственно дает себя знать и там, где Рэнсимен касается вопроса о взаимоотношениях коренных жителей и завоевателей в «Заморском королевстве»: он пишет о справедливости управления франкских сеньюров (II, 323), о «спокойном» поведении «мусульманских подданных франков», о дружбе между теми и другими. Все это, однако, опровергается даже теми немногими фактами, свидетельствующими о сопротивлении мусульманского населения «христианским сеньюрам», которые приведены в различных местах второго тома рецензируемого труда и число которых источники позволяют значительно увеличить.

В этой связи следует заметить, что Рэнсимен, излагая историю франкского Востока, почти не интересуется проблемами социально-экономического характера. Читатель, правда, встретит у него немало довольно интересных конкретных наблюдений, касающихся, например, численности господствующего класса в «Заморском королевстве», положения итальянских торговых колоний, территориальной и хозяйственной структуры поместий крестоносных феодалов, особенностей владений церкви, деятельности духовно-рыцарских орденов. Однако преимущественное внимание автора сосредоточено на событиях и проблемах чисто политической истории, истории господствующих верхов феодального общества. Уделив зависимому крестьянству в Иерусалимском королевстве всего лишь несколько беглых замечаний, Рэнсимен со всеми подробностями описывает систему существовавших в королевстве вассальных связей между франкскими рыцарями и их сеньюрами (II, 297, в основном — по Ла Монту), обязанности и права вассалов (II, 297—298), порядок замещения королевского трона (II, 299 сл.), характер ограничений, налагава-

шихся на власть иерусалимского короля (II, 300), и тому подобные вопросы¹².

Естественно, что Рэнсимен, оттеняя внутреннюю слабость государств крестоносцев, может указать лишь отдельные, иногда более, иногда менее существенные причины ее (нехватка военных сил, моральная распушенность рыцарства, слабость королевской власти, соперничество орденов, конкуренция торговых городов), однако из его поля зрения выпадает один из главнейших факторов, обусловивших непрочность «Заморского королевства»: непрестанные социальные конфликты между покоренным, но не покорившимся местным населением и западными рыцарями.

Так, классово обусловленная направленность интересов историка ограничивает его возможности дать глубокое и всестороннее разрешение многих важнейших проблем истории крестоносного движения.

И все же нужно отдать должное «реализму» Рэнсимена, проявляющемуся как в целом ряде частных суждений, так и в общей оценке крестовых походов. В отличие от многих западноевропейских историков, придававших крестовым походам исключительное значение в истории человечества, Рэнсимен придерживается на этот счет иных, гораздо более скептических и трезвых взглядов. Он справедливо полагает, что нет оснований приписывать крестовым походам «прямое участие» в развитии западной цивилизации (III, 470)¹³, хотя и не разъясняет достаточно четко читателю, в чем же все-таки проявилась их «косвенная» роль в дальнейшем развитии феодальной Европы¹⁴.

Труд Рэнсимена соткан из противоречий, порожденных классовой и идейной ограниченностью автора. Но при этом нельзя не признать, что английский ученый создал работу, содержащую богатый и интересный фактический материал и отличающуюся реалистическим подходом к оценке многих вопросов в истории крестовых походов. Она привлекла к себе внимание большого числа историков за рубежом. Рецензии на трехтомник Рэнсимена были помещены не только в специальных изданиях¹⁵, но даже в общей периодической печати¹⁶.

Американский критик К. Рексрот, в частности, отметил в качестве достоинства труда Рэнсимена¹⁷ «объективность» автора (Рексрот характеризует его труд — в отличие от сочинений Груссе, пронизанных откровенным «шовинизмом», — как блестящий пример «уравновешенности»

¹² Преимущественный интерес Рэнсимена к политической истории крестовых походов и недостаточно высокий научный уровень разделов его труда, трактующих вопросы социально-экономической истории, отмечают и J. Prawer (см. *Byz.*, XXIV, 1955, p. 329) и A. S. Atiya (см. *Speculum*, vol. XXXI, № 2, 1956, p. 404).

¹³ Непосредственное влияние крестовых походов Рэнсимен усматривает лишь в области военной архитектуры (строительство замков), а также в процессе укрепления королевской власти в странах Западной Европы в XII—XIV вв. См. М. А. Заборов. *Крестовые походы*. М., 1956, стр. 269, примеч. 2.

¹⁴ Рецензент третьего тома труда Рэнсимена в „Byzantion“ J. Prawer преувеличивает „либерализм“ автора, называя заключительное резюме этого тома, содержащее выводы по вопросу об исторической роли крестовых походов, своеобразным „Я обвиняю“ в адрес крестоносного движения (см. *Byz.*, XXIV, 1955, p. 330).

¹⁵ См. *Speculum*, vol. XXVII, 1952, № 3 и vol. XXXI, 1955, № 2 (A. S. Atiya); *BZ*, 45, Heft 2, 1952 (F. Dölger); *Revue des études byzantines*, vol. XIII, 1955 (R. Janin); *Byz.*, XXIV, 1955 (J. Prawer).

¹⁶ Книга получила весьма похвальные отзывы в таких органах печати, как „The Economist“, „The Spectator“, „Manchester Guardian“, „Observer“, „Time and Tide“, „Birmingham Post“ (Англия), „Revue bénédictine“ (Франция), „New York Herald Tribune“ и „The Nation“ (США).

¹⁷ См. K. Rexroth. *The Unchristian Crusades*. *The Nation*, 10 September 1955, p. 226.

историка). Однако с такой оценкой рассматриваемой работы нельзя согласиться.

Конечно, Рэнсимен более беспристрастен, чем историки прокатолического направления или же протестанты; он более здраво судит о событиях и по сравнению с учеными, открыто идеализирующими крестовые походы в целях оправдания колониальных притязаний империализма (Груссэ). Но все же беспристрастие английского историка далеко не столь последовательно, как это представляется его американскому критику. Классово-политические симпатии и антипатии Рэнсимена, налагающие печать тенденциозности на его труд, проступают в последнем с достаточной рельефностью, хотя самая эта тенденциозность гораздо более завуалирована и смягчена, чем у таких историков, как Р. Груссэ или Ж. Лоньон. Несмотря на это, советские медиевисты, критически подойдя к работе Рэнсимена, сумеют воспользоваться тем фактическим материалом, подчас остро разоблачающим католические легенды о крестовых походах, который собран ее автором.

М. А. Заборов

F. LOT. NOUVELLES RECHERCHES SUR L'IMPÔT FONCIER ET LA CAPITATION PERSONNELLE SOUS LE BAS-EMPIRE

Bibliothèque de l'École des hautes études publiées sous les auspices du Ministère de l'éducation nationale.

Sciences historiques et philologiques. Paris, 1955, 195 p.

Рецензируемая книга — посмертно изданный труд известного французского историка Фердинанда Лота, специалиста по истории Римской империи последнего ее периода. Работа посвящена одному из наиболее сложных вопросов позднеримской истории — налоговой системе в эпоху Диоклетиана и в более позднее время. Интерес к данной проблеме у Ф. Лота возник давно. Об этом свидетельствует статья, опубликованная в 1925 г.¹, и изданная несколько позднее книга². Посмертно вышедший труд французского исследователя как бы подводит итог многолетним изысканиям автора в данной области.

Новая система налогового обложения, появившаяся в Римской империи в IV в., привлекала и продолжает привлекать самое пристальное внимание многих исследователей, и все же ряд вопросов, связанных с этой проблемой, остается до сих пор спорным.

Вплоть до конца 30-х годов XX в. в исторической литературе господствовала мысль о том, что в позднеримскую эпоху под названием «capitatio» существовал только поземельный налог, а подушный налог, известный ранее под таким же наименованием, исчез. Наиболее последовательно данную точку зрения проводит в своих работах А. Пиганьоль³. Но в 1928 г. немецкий ученый Герман Бот⁴ и независимо от него Фердинанд Лот в назван-

¹ F. Lot. De l'étendue et de la valeur du „caput“ fiscal sous le Bas-Empire. *Revue historique du droit français et étranger*, IV, 1925.

² F. Lot. *L'impôt foncier et la capitation personnelle sous le Bas-Empire et à l'époque franque*. Paris, 1928.

³ A. Piganiol. *L'impôt de la capitation sous le Bas-Empire romain*. Chambéry, 1916.

⁴ Hermann Bott. *Die Grundzüge der diokletianischen Steuerfassung*. Darmstadt, 1928.

ной выше книге выступили в защиту мысли, высказанной еще Савиньи⁵, о сосуществовании в позднеримском государстве подушного и поземельного налога под названием *capitatio*. Андре Делеаж⁶, написавший одну из лучших за последнее время работ по налоговой системе в позднеримской империи, не только указывает на правомерность такой постановки вопроса, но приводит множество конкретных примеров, подтверждающих наличие подушного налога под наименованием *capitatio* во всех областях Римской империи в IV—V вв. Работы Бота, Лота и Делеажа окончательно разрешили, на наш взгляд, один из сложных и запутанных вопросов римской налоговой системы: теперь вряд ли могут возникнуть сомнения в том, что в IV—V вв. наряду с поземельной *capitatio* продолжала существовать и подушная.

В центре внимания рецензируемой работы находится уже вопрос не о сосуществовании двух различных налогов под одним наименованием *capitatio*; Ф. Лот ставит здесь новый вопрос: правомерно ли считать, что именно Диоклетиан ввел новую налоговую систему под наименованием *jugatio-capitatio*?

По этому вопросу вплоть до настоящего времени высказывалась только одна точка зрения: Диоклетиан ввел новый поземельный налог *jugatio-capitatio*, при взимании которого учитывалось количество продуктов, получаемое одним земледельцем (*caput*) с участка земли, обрабатываемого парой волов (*jugum*)⁷. Подобной точки зрения придерживался и автор рецензируемой книги в 1928 г. В данной работе Ф. Лот пересматривает свои старые взгляды, отказывается от них и полемизирует с Систоном, Делеажем и Пиганьолем, так как именно они разворачивают широкую аргументацию в доказательство введения Диоклетианом *jugatio-capitatio*.

На основании новой интересной интерпретации многих широко известных текстов из кодексов Ф. Лот приходит к заключению, что ни о каких нововведениях Диоклетиана не может быть и речи. Ф. Лот утверждает, что при Диоклетиане поземельной *capitatio* не было, что он ввел только *jugum*. Лишь к 377 г., говорит Ф. Лот, ко времени правления Грациана и Валента, относится первый текст, в котором речь идет о *jugatio-capitatio* (стр. 17—38). Автор во многих случаях удачно показывает, что те сведения источников, которые обычно приводились в доказательство существования поземельной *capitatio* во времена Диоклетиана, неубедительны. Приведем пример. Ф. Лот безусловно прав, когда утверждает, что термин *capitatio* в рескрипте правителю Сирии Харисию от 290 г. (*Cod. Just.*, XI, 55, 1) не обязательно обозначает поземельный налог (стр. 24—25). Заслуживает внимания полемика Ф. Лота с Систоном и другими исследователями относительно связи поземельного налога с анноной. В противовес общепринятому мнению автор утверждает, что Диоклетиан ничего не изменил в сущности анноны (стр. 57) и что возникновение поземельного налога совсем не связано с анноной. Интересны доводы Ф. Лота в доказательство того, что *capitatio humana* — не поземельный, а подушный налог, который в основном платили горожане, а возможно, и свободные крестьяне (стр. 70—71).

⁵ F. C. v. Savigny. Über die römische Verfassung unter den Kaisern. Vermischte Schriften, II, 1850.

⁶ A. Déléage. La capitation du Bas-Empire. Mâcon, 1945.

⁷ W. Seston. Dioclétien et la tétrarchie. Paris, 1946; A. Piganiol. Op. cit.; O. Seek. Capitatio (RE, p. 1513—1521); Д. М. Петрушевский. Очерки по истории средневекового общества и государства. М., 1922; Всемирная история, т. II, М., 1956, стр. 741; Histoire universelle. Des origines de l'islam. Paris, 1956, p. 1067.

Однако некоторые выводы Ф. Лота недостаточно аргументированы и вызывают сомнение. Это относится прежде всего к одному из важнейших утверждений автора об отсутствии в эпоху Диоклетиана единого поземельного комбинированного налога *jugatio-capitatio*.

Можно предполагать, что основы новой налоговой политики были заложены все же Диоклетианом; именно при нем поземельный налог стал взиматься как под названием *jugatio*, так и под наименованием *capitatio*. Слияние *jugatio* и *capitatio* несколько позже в единый налог подтверждает, на наш взгляд, тождественность этих терминов при Диоклетиане. Отсутствие термина *jugatio-capitatio* в начале IV в. никоим образом не может служить доказательством того, что Диоклетиан не ввел ничего нового в налоговую систему.

Даже если допустить, что Ф. Лот прав и термин *jugatio-capitatio* не употреблялся до 377 г., это мало что изменит в существе дела. Термин мог возникнуть и позже, когда новая налоговая система окончательно оформилась. Но именно Диоклетиан заложил основы, фундамент новой налоговой политики. Налоговая политика Диоклетиана строилась на совершенно иных началах, чем это было в эпоху ранней империи. При взимании нового поземельного налога учитывалась не только и не столько земля (как это пытается доказать Ф. Лот), сколько люди, ее обрабатывающие. Уменьшение населения, запустение земель, прикрепление тружеников к земле, учет «голов» колонов и держателей при взимании поземельного налога — обычные явления для начала IV в. Лактанций в известной работе «*De mortibus persecutorum*» прямо указывает на то, что при взимании налога учитывались земля, скот и люди. В эдикте 297 года, адресованном префекту Египта, также речь идет о фиксации налога на землю и на «голову» земледельца (стр. 18). В панегирике Эвмена от 311 г. говорится о том, что в Галии также учитывалась при взимании налога не только земля, но и люди (стр. 64). В фрагментах кадастров прямо говорится о *χωροκεφαλαί* в Малой Азии. Попытку Ф. Лота доказать, что *capitatio* в эпоху Диоклетиана — это лишь подушный, а не поземельный налог, вряд ли можно считать удачной. Возможно, что в начале IV в. техника взимания поземельного налога была сложной и, в частности, существовало множество списков и терминов. Постепенно, очевидно, шло упрощение этой системы, устанавливалось большее единообразие. Попытки унифицировать взимание поземельного налога имели место и при Диоклетиане, но окончательно новая техника взимания налогов оформилась, возможно, несколько позже. Суть же явления оставалась прежней.

Помимо косвенных данных, свидетельствующих о том, что термин *capitatio* в эпоху Диоклетиана обозначал не только подушный, но и поземельный налог, имеются и прямые свидетельства источников. Эдикт от 17 июня 293 г. гласит: *Si minor a venditore sive sciente sive ignorante dicebatur capitatio praedii venditi et maior inventa sit, in tantum convenitur quanto, si scisset emptor ab initio, minus daret pretii* (Cod. Just., IV, 49, 9). Ф. Лот, приводя этот документ, выпускает слово «*capitatio*» (стр. 26) и ставит знак равенства между *functio* (о которой в распоряжении идет речь дальше) и *capitatio*. На наш взгляд, вряд ли могут быть сомнения в том, что здесь *capitatio* обозначает самостоятельный поземельный налог, налог на недвижимость. Далее, автор вовсе опускает важное свидетельство источника, относящегося к 340 г., где прямо говорится о *capitationes jugorum*. (Cod. Theod., XI, 12, 1). Ф. Лот утверждает, что в источниках не говорится о нововведениях Диоклетиана. Однако и это не совсем так. Есть основания полагать, что, когда Аврелий Виктор говорит о «*lex nova*» или когда в панегирике Эвмена речь идет о «новом цензе», имеется в виду нало-

говая реформа Диоклетиана. Мысль автора, что Диоклетиан не внес ничего нового в налоговую систему и его деятельность не представляет интереса в этой области, вряд ли может быть признана убедительной.

Не совсем убедительна аргументация Ф. Лота в параграфе, посвященном выяснению природы *jugatio-capitatio*. Автор исходит из наличия в конце IV в. владений, которые использовались различными способами. Часть владения часто обрабатывалась, по мнению Ф. Лота, самим хозяином, а часть земли сдавалась в аренду колонам. Та земля, которая обрабатывалась землевладельцем, будто бы была подчинена *jugatio*, а участки, сданные в аренду, — *capitatio* (стр. 41). Каждое утверждение автора вызывает множество вопросов и сомнений, так как те источники, которые использовал здесь Ф. Лот, остаются неясными.

Более чем спорным является стремление Ф. Лота рассматривать многие явления социально-экономической жизни в VI—XVII вв. как простое продолжение процессов, характерных для IV—V вв. Так, например, исследуя вопрос о численности населения в некоторых античных городах, он приводит данные, относящиеся к X в. (Александрия) и даже к XVII в. (Константинополь). Склонность автора преувеличивать влияние римских порядков на последующие события особенно ярко видна в главе пятой о происхождении манса в франкскую эпоху (стр. 78—89). По мнению автора, франкская эпоха не внесла ничего нового в систему эксплуатации владений; она только продолжила и развила то, что уже существовало раньше в римском государстве (стр. 89). Ф. Лот указывает на то, что с падением Западной Римской империи не исчезла *jugatio-capitatio*, продолжала существовать аннона; колонны платили те же налоги, что и в римскую эпоху, а римский раб, по мнению автора, начал с IV в. превращаться в держателя. Отличие франкского периода от позднеимперского состоит, как полагает Ф. Лот, лишь в том, что если раньше землевладелец вносил налог в фиск, то теперь стал присваивать его. С такими выводами Ф. Лота, конечно, нельзя согласиться.

Ф. Лот явно преувеличивает экономическое благосостояние западной части Римской империи в IV—V вв. Мысль о том, что Запад не только не беднее, но даже богаче Востока, не является новой в литературе. Но вряд ли этот тезис в настоящее время можно считать доказанным. Если на Западе в IV—V вв. наблюдается переход к натуральному хозяйству, замирание городской жизни, торговли и ремесла, то на Востоке можно наблюдать иную картину: развитие торговли и ремесла, расцвет многих городских центров. Ф. Лот утверждает, что незачем сравнивать численность населения городов восточной и западной частей империи, так как это сравнение иллюзорно, ибо все античные города жили за счет продуктов, поступавших из более плодородных областей империи (стр. 165). Однако вряд ли с подобными утверждениями Ф. Лота можно согласиться. Города, число жителей, проживающих в них, — один из важнейших показателей интенсивности экономической жизни в стране. Время расцвета античной культуры, античной цивилизации — это время роста и расцвета античных городов. Упадок городов, замирание городской жизни на Западе — симптом тяжелого социально-экономического кризиса, потрясшего римское государство.

Книга Ф. Лота очень неровная. Одни вопросы в ней анализируются глубоко и всесторонне, другие только затрагиваются. Внутренняя связь между главами отсутствует. В работе собраны статьи, посвященные различным сторонам экономической жизни римского государства. Случайной в книге является глава о происхождении манса в франкскую эпоху (стр. 78—90). Малопонятны страницы, на которых автор приводит сведе-

ния экономистов нашего времени о современном положении во Франции (стр. 90—102). Ф. Лот анализирует здесь вопрос о минимуме пахотной земли для крестьянской семьи. Непонятно, какое отношение имеет все рассуждение автора к IV—V вв.

Но по основной проблеме — налоговая система IV в. (стр. 1—72) — прекрасное знание источников и литературы дает автору возможность по-новому подойти к многим сложнейшим аспектам этой проблемы, дать свою интерпретацию ряду фактов, сообщаемых источниками, хотя, повторим, далеко не со всеми положениями и выводами автора можно согласиться, а некоторые из них требуют дополнительной аргументации.

Н. И. Голубцова

ПЕРЕВОДЫ И ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

ПРЕБЫВАНИЕ МАЗАРИСА В ПОДЗЕМНОМ ЦАРСТВЕ

Перевод С. П. Кондратьева,

Предисловие и комментарий Т. М. Соколовой

ПРЕДИСЛОВИЕ

Впервые предлагаемое русскому читателю «Пребывание Мазариса в подземном царстве» обычно относят к числу немногих произведений светской византийской прозы. Пробразом для него послужили сатирические диалоги Лукиана.

Это произведение, обнаруженное французским филологом Газе в одной из греческих рукописей Парижской национальной библиотеки и описанное им¹, было впервые издано Буассонадом в 1831 г. с подробным комментарием². В 1860 г. «Мазарис» был переиздан Эллисеном вместе с другим сатирическим диалогом «Тимарион»³. Он использовал для своего издания комментарий Буассонада, сделал перевод на немецкий язык и написал большую вводную статью к обоим сатирам. Позднее Макс Трой в Берлине нашел другую рукопись «Пребывания Мазариса в подземном царстве», совершенно независимую от парижской и не менее ценную, чем первая⁴. В берлинской рукописи, в отличие от парижской, имеется в конце письмо автора к императору, перевод которого прилагается к настоящему изданию.

В своих работах, посвященных «Мазарису», буржуазные ученые занимаются скрупулезной расшифровкой мельчайших намеков, содержащихся в сатире, стремятся к отождествлению с историческими лицами персонажей, выведенных в этом литературном памятнике. Не меньшей популярностью у зарубежных исследователей XIX—начала XX в. пользуется вопрос о зависимости авторов «Мазариса» и других подобных произведений от Лукиана⁵. В сходстве сюжетной схемы и сатирических приемов они видят доказательство несамостоятельности византийских писателей, подражательности и упадочничества всей византийской культуры, забывая, что эти приемы начали применяться задолго до Лукиана и являются неотъемлемой принадлежностью жанра сатирического диалога, у которого было много последователей и в древности, и в средние века, и в новое время. В византийских сатирах заслуживают внимания не черты сходства с великим сатириком древности, а их оригинальные особенности, приметы их времени, но-

¹ M. Hase. Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque impériale. Paris, 1813.

² Boissonade. Anecdota graeca, t. III. Paris, 1831.

³ A. Ellissen. Analekten der mittel- und neugriechischen Literatur, Bd. IV. Leipzig, 1860.

⁴ M. Treu. Mazaris und Holobolos. BZ, I, 1892.

⁵ Помимо названных уже ученых, этому вопросу уделял внимание и Н. Ф. Тоzer („Byzantine satire“. JHS, t. II, 1881) и в меньшей степени — I. Dräseke („Byzantinische Hadesfahrten“. Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Bd. XXIX, 1912).

вая жизнь и новые взгляды, выраженные в них при помощи традиционных художественных средств.

Социальное содержание произведения, его эпоха и взгляды его автора — вот что интересует советского читателя в первую очередь, а не детали, имеющие себе параллели у Лукиана, Аристофана или других авторов.

В советской исторической литературе вопросы, связанные с «Мазарисом», почти совсем не освещались, и лишь сравнительно недавно было положено начало детальному изучению византийской сатиры как литературного явления и как памятника идеологии⁶.

Как исторический источник «Мазарис» в целом тоже не изучался, хотя ценность некоторых конкретных сведений, содержащихся в нем, давно уже была признана⁷. Традиционной стала ссылка на сатиру при упоминании как о пестром этническом составе населения Пелопоннеса, так и об участии императора Мануила II в возведении укреплений на Истме. А между тем, если использовать все намеки, это произведение может помочь осветить гораздо большее число вопросов внутренней истории Византии в последний период ее существования, для которого вообще очень мало современных ему источников.

Краткое предисловие не может, конечно, дать всестороннего анализа предлагаемой здесь сатиры, исчерпывающей оценки всех исторических данных, заключенных в ней; мы вынуждены ограничиться лишь общими сведениями, необходимыми для оценки ее как литературного и исторического памятника.

Первая часть «Пребывания Мазариса в подземном царстве», несмотря на заголовок «Разговор мертвых» (*Διάλογος νεκρικών*), представляет собою по форме не диалог, а связный рассказ самого автора, в котором, как в ораторской речи, появляется иногда обращение к слушателям (*ὦ παρῶντες* или *ὦ ἄνδρες*). Однако действия в «Мазарисе» мало, и преобладает изложение разговоров Мазариса с различными лицами в загробном царстве. Во второй части, озаглавленной «Сновидение после возвращения на землю», передается разговор Мазариса с Голоболом, явившимся ему во сне. Третья часть содержит три письма: 1) Мазариса из Пелопоннеса Голоболу в Аид; 2) Голобола врачу Никифору Дуке Палеологу Калаке (по берлинской рукописи — Малаке) из Аида в Пелопоннес; 3) ответ последнего. Эта часть также лишь очень условно может быть названа диалогом.

Как большинство византийских сатир, это произведение анонимно, но, в отличие от многих других, время его создания не вызывает сомнений. О нем говорят совершенно точные указания в тексте в виде дат и намеков на известные события.

В «Пребывании Мазариса в подземном царстве» неоднократно упоминается (в гл. 6 и 19) путешествие императора «в Италию, Галлию и вплоть до самой Британии». Совершенно очевидно, что речь идет о путешествии 1399—1402 гг., так как ни до, ни после Мануила II византийские императоры так далеко не ездили. Да и к какому другому императору в последние века существования Византийской империи могли относиться следующие слова: «благороднейший и всевысочайший, непобедимый самодержец, ... заставивший взволноваться и

⁶ Е. Э. Липшиц. Предисловие к переводу византийской сатиры „Тимарийон“. ВВ, VI, 1953; В. С. Шандровская. Византийская басня „Рассказ о четвероногих“. ВВ, IX, 1956.

⁷ А. А. Васильев. Путешествие императора Мануила Палеолога. ЖМНП, ч. 39, 1912, май—июнь; D. A. Zakythinos. Le despotat grec de Morée. Paris, 1932; F. Gregorovius. Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter. Bd. 1—2. Stuttgart, 1889 и др.

дрожать души сатрапов от Востока до Запада, который своими деяниями навел страх и ужас на всех своих врагов?» (гл. 24). При всей неумеренности византийских риторических похвал только Мануил, на долю которого достался случайный и временный успех, мог быть назван «неусыпным стражем ромеев, Гераклом нынешнего времени» (гл. 23), и можно было говорить о «падении» только одного «проклятого сатрапа» — Баязида, и только после 1402 г. Таким образом, упомянутые в сатире 7 и 9 индикты соответствуют 1414 и 1415 гг. по нашему календарю⁸. Несмотря на то, что датируются здесь подчас такие совершенно фантастические события, как сошествие Мазариса живым в загробное царство (январь 7-го индикта, т. е. 1414 г.) или письмо Мазариса из Пелопоннеса в Аид Голоболу (21 сентября 9-го индикта, т. е. 1415 г.), эти даты не вызывают сомнений, так как вполне согласуются с теми реальными событиями, которые упоминаются в его «потусторонних» письмах и разговорах и находят себе подтверждение в других источниках. Например, об отъезде Мануила из Константинополя на о. Фасос 25 июля 7-го индикта (т. е. 1414 г.) говорится в хрониках того времени⁹. А о постройке оборонительных сооружений на Истме и о борьбе императора с местными топархами рассказывают Сфрандзи и Халкокондил¹⁰. Такая точность сразу вселяет в читателя доверие к характеристикам и мнениям писателя и проливает свет на его личность.

Произведение охватывает почти двухлетний период (с января 1414 г. по октябрь 1415 г.) и содержит упоминания о ряде событий предшествующих лет. Это был период временного затишья на востоке Европы.

В конце XIV в. турки-османы быстро продвигались на запад, завоевав всю Малую Азию и значительную часть Балканского полуострова и подступив к самым стенам Константинополя. Византийский император, в руках которого оставались только деспотат Мистры в Пелопоннесе, некоторые острова в северной части Эгейского моря и ближайшие к столице области, превратился в данника султана и подвергался различным унижениям. Например, Иоанн V Палеолог должен был скрыть воздвигнутые им новые укрепления Константинополя под угрозой ослепления его сына Мануила, находившегося при дворе султана Баязида в качестве заложника.

Первые семь лет своего царствования император Мануил II Палеолог (1391—1425 гг.) провел в заблокированном султаном Баязидом Константинополе. Ему пришлось просить помощи на Западе. Но после поражения крестоносцев во главе с венгерским королем Сигизмундом при Никополе (1396 г.), после того как турецкие полчища дошли до Штирии, потрясенная Европа могла оказать только незначительную помощь. При содействии небольшого отряда, присланного Францией, император Мануил мог лишь несколько отодвинуть турецкие войска от Константинополя. Но этого было слишком мало. Для того, чтобы побудить западных государей к более решительным действиям, в конце 1399 г. император Мануил отправился со свитой на Запад, оставив в Константинополе своим наместником племянника Иоанна. Он посетил Венецию, Милан, Лондон, дважды был в Париже, где ему была назначена ежегодная субсидия. «Он много видел торжеств в его честь, много выслушал обещаний, но собрал мало денег и людей»¹¹. Спасе-

⁸ В Византии год начинался 1 сентября. О датах „Мазариса“ см. М. Треу. Mazaris und Holobolos. BZ, 1, 1892, S. 88—89.

⁹ Phrantzes. Annales. Bonnae, 1838, p. 96; Ducas. Historia byzantina. Bonnae, 1834, p. 102.

¹⁰ Phrantzes, p. 107—108; Chalcocondylas. Historiarum libri X. Bonnae, 1843, p. 183—184.

¹¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III. М.—Л., 1948, стр. 760.

ние или, вернее, отсрочка полной гибели для Византии пришла неожиданно с Востока. В это время (июль 1402 г.) Тамерлан разбил под Анкарой османских турок, а султана Баязида взял в плен, где тот вскоре умер. И хотя Тамерлан не остался в Малой Азии, а ушел назад на Восток, Османское государство долго не могло окрепнуть. Сыновья Баязида вели между собой усобицы, чем и воспользовался византийский император, вернувшийся к тому времени в Константинополь. Получив временную передышку, он предпринял объезд империи в целях укрепления границ и усиления своей власти.

Вполне вероятно, что писался «Мазарис» в то же время, о котором речь идет в тексте сатиры. Промежуток в 14 месяцев, отделяющий первую часть от «Сновидения», очевидно, соответствовал перерыву в работе. Интересные данные содержит письмо, имеющееся только в берлинской рукописи. В нем автор просит императора познакомиться с его творением на корабле, чтобы скоротать время при скучном путешествии по морю и, главное, не показывать его пелопоннесцам, чтобы не навлечь их гнева на автора. Отсюда становится ясно, что сатира была вручена императору при отъезде его в Константинополь, автор же оставался в Пелопоннесе.

Кто же он был, этот творец поздневизантийской сатиры? Принято считать, что автор сатиры выводит себя под именем Мазариса. Если допустить, что имя автора совпадает с именем главного действующего лица, то, казалось бы, вопрос об авторе этой сатиры можно считать решенным. Но дело в том, что в истории византийской литературы известно несколько человек, носивших это имя, и, следовательно, пришлось всех их поочередно сопоставить с сатириком. Однако ни одного из них нельзя с полной уверенностью идентифицировать с нашим автором. Наиболее вероятным представляется предположение Спиридона Ламбрoса¹², что автором сатиры является монах Иверского монастыря на Афоне Максим Мазарис, который жил там между 1389 и 1403 гг. и которого Дюканж считает автором ряда алфавитных канонов. Но и оно отпадает, если вспомнить, что автор сатиры в 1414—1417 гг. был придворным чиновником и семейным человеком, считавшим женитьбу началом всех своих несчастий (гл. 12) и постоянно заботившимся о своем благосостоянии, что неудобно было делать (или во всяком случае говорить) монаху.

Вот что писатель сообщает о себе сам: он был жителем Константинополя; во время эпидемии, свирепствовавшей в столице, он, больной, был оставлен всеми близкими. Пока он спал, кто-то похитил его и доставил в Аид. Из его разговоров с покойниками выясняется, что ему известны в Константинополе многие лица из среды среднего чиновничества и интеллигенции (переводчик, певец-рапсод, музыкальный корифей и т. п.). Голобол, врач и императорский секретарь, давно уже пребывающий в загробном царстве, называет его своим товарищем, и сам Мазарис утверждает, что он весьма опытен в искусстве составления государственных документов. Он вполне образованный человек. На это указывает уже тот факт, что он взялся за перо и в своем произведении постоянно цитирует Гомера, Гесиода и Аристофана. Об этом же свидетельствует его чуткость к языку (он боится, что скоро начнет говорить «по-варварски», как говорят лаконцы, если дольше останется в Спарте).

Мазарис постоянно жалуется на бедность, несчастья, «недостаток во всем», бесславие, немилость владыки. Из загробного царства он, по совету Голобола, направляется в Морею, где якобы можно легко и быстро

¹² Sp. Lambros. Mazaris und seine Werke. BZ, 5, 1896.

21 Византийский временник, т. XIV

достичь богатства и почета, которых ему так недостает. Вполне вероятно, что и в действительности Мазарис переселился из Константинополя в Пелопоннес, но, конечно, минуя царство Аида. Но и там его ждало разочарование. Ему, очевидно, не удалось выполнить совет Голобола и «пристроиться около одного из тех, которые находятся при дворе Порфирородного» и от которых зависят «все блага». В случае неудачи на императорской службе он готов уехать из пределов империи и стать врачом или учителем где-нибудь в Кефалонии.

Все это дает основание считать, что автор сатиры принадлежал отнюдь не к высшему чиновничеству и сам знал нужду. По византийской табели о рангах он, очевидно, стоял ниже Голобола, который прибыл в Пелопоннес в свите императора и получал там большие деньги за составление высочайших приказов и «на остальное не обращал внимания» (гл. 20).

Мазарис, по признанию Голобола, оказался гораздо «более внимательным наблюдателем», чем он сам. Он может многое рассказать о жизни на Пелопоннесе, и в этих сведениях основная ценность произведения.

Интересно уже самое его внимание к Морее, где «Мануил и его современники рассчитывали создать себе последнее убежище на случай падения Константинополя»¹³. Это говорит о правильной оценке Мазарисом положения в империи. Разное отношение к пелопоннесским делам у него и у Голобола можно объяснить не только разницей в их социальном положении, но и тем, что посетили они Морею в разное время.

Голоболу Пелопоннес показался страной благоденствия, когда он «прибыл туда с благороднейшим самодержцем» (гл. 20). Из текста сатиры известно, что Голобол входил в состав свиты Мануила II Палеолога, когда тот отправился в Западную Европу. В какой же из приездов императора полуостров производил такое впечатление? Едва ли это могло быть в 1400 г. на пути в Италию, когда Морея не оправилась еще от потрясений предшествующих лет. После битвы под Никоплем турки появились в Морее. Здесь они разрушали города, угоняли тысячи пленных, заставили деспота Феодора и западных владетелей признать себя данниками султана. Гордый Палеолог, не добившись помощи от Венеции, которая не желала ссориться с турками, бежал на Родос к иоаннитам. Несколько иную картину застают император и его свита, остановившись в Пелопоннесе на обратном пути в Константинополь (весной 1403 г.).

Благодаря поражению турок при Анкаре улучшилось общее положение в Византии. Пользуясь этим, деспот Феодор, вернувшийся в Мистру, стал продолжать когда-то успешно начатое расширение своих владений. Полученный благодаря выгодному династическому браку Коринф он продал родосским рыцарям в момент страшной турецкой опасности, не будучи сам в состоянии защищать своих подданных. Теперь же он добивался его возвращения, подчинил себе мятежную Монемиасию, возобновил претензии на Навплию и Аргос, из-за которых шли постоянные споры с Венецией, совершал набеги и на другие владения Республики и на земли франков, используя усиливавшуюся в них феодальную раздробленность. Смерть в 1407 г. оборвала его активную внешнюю политику, целью которой было объединить весь Пелопоннес под своей властью.

Совершенно очевидно, что обстановка в Пелопоннесе во время второго приезда Мануила была более благоприятной. К тому же Голобол, как он сам рассказывает Мазарису, только в Италии стал единственным секретарем императора и, следовательно, лишь в этот приезд мог взимать высокую плату за составление грамот и пользоваться у них почетом (гл. 20).

¹³ Ф. И. Успенский. Ук. соч., стр. 763.

Мазарис встретился с императором в Морею в 1415—1416 гг., когда последний прибыл туда для строительства оборонительных сооружений. Положение дел на полуострове к тому времени опять ухудшилось. Отсутствие турецкой опасности отрицательно сказалось на отношениях с Венецией, усилило центробежные силы в деспотате. Способствовала этому и слабость малолетнего деспота Феодора II, сына Мануила II, занявшего престол своего дяди, умершего бездетным. Пелопоннес, наряду с Малой Азией, был центром крупного феодального землевладения в Византии и раньше, а сейчас политическая неустойчивость, влияние Латинской империи еще больше способствовали созданию огромных земельных наделов. Кантакузины, Софианы, Мелиссины (в Мессении), Мамона (в Монемавасии) чувствовали себя вполне независимыми сеньорами и далеко не всегда находились в хороших отношениях с центральным правительством. Венеция, боявшаяся создания крепкого государства в Пелопоннесе, своей политикой раздвигала противоречия между ними, ослабляла экономику деспотата, и без того подорванную турецкими набегами. Пользуясь привилегиями, она вытесняла с рынков греческих кушудов, торговавших местными продуктами: вином, шелком, виноградом, коряжкой. На венецианской территории находили убежище крестьяне, бежавшие от тягот византийской налоговой системы. Венеция, сама нуждавшаяся в рабочих руках, не выдавала их грекам, несмотря на дипломатические переговоры об их возвращении (1415—1418 гг.). Земли пустовали, повинности выполняло было некому.

Не удивительно, что Мазарису не понравилось в Пелопоннесе. Кроме того, ему не повезло и в его собственных делах в этой разоренной стране. Он так и не добился ни почета, ни богатства, но продолжал терпеть нужду во всем.

Отзывы многих современников сходны с оценкой Мазариса. Ритор Димитрий Кидонис из Фессалоники, удивляясь, как Плифон может жить в Спарте, писал ему: «Города и законы исчезли здесь, и добродетель стала позором»¹⁴. Итальянский гуманист Франческо Филельфо, проживший семь лет в Греции, тоже считает, что в Пелопоннесе не осталось «ничего достойного похвалы», что теперь полуостров «вследствие постоянных варварских нашествий и лености жителей» лишен прежних богатств и знаменитых мужей¹⁵. И даже великий византийский гуманист и утопист Георгий Гемист Плифон, современник Мазариса, предлагая императору Мануилу в 1415 г. во время посещения Мореи произвести социальные и политические реформы в деспотате, тем самым тоже признавал неблагоприятное положение дел в этой важнейшей части империи. Но его оценка местного населения резко отличается от оценки сатирика. С точки зрения филэллина Плифона самые великие и славные деяния совершались выходцами из Пелопоннеса, которым всегда владели греки, а сменявшие друг друга пришельцы так и не захватили полуостров¹⁶. При дворе морейского деспота Плифон сумел создать «культурный очаг, вокруг которого группировались образованные греки, ученые, софисты, придворные», он стал «духовным центром возрождавшегося эллинства»¹⁷.

Для характеристики взглядов Мазариса весьма интересен тот факт, что он умолчал о кружке Плифона и его настроениях. Автор сатиры, очевидно,

¹⁴ Цит. по K. Sathas. Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au moyen âge, t. IV. Paris. 1883, p. XXXV. Многочисленные высказывания Мазариса о Пелопоннесе и пелопоннесцах сосредоточены в основном в гл. 19 и 20.

¹⁵ Цитирую по статье С. Alexandre в книге Pléthon. Traité de lois. Paris, 1858, p. XX.

¹⁶ Pléthonis Oratio I, 2—3.

¹⁷ А. А. Васильев. Падение Византии. Л., 1925, стр. 63.

не принадлежал к этому избранному обществу. На тех ступенях социальной лестницы, где стоял он, ничего подобного не было. Окружающие кажутся ему грубыми, жестокими варварами, забывшими бога, не признающими законов, не умеющими даже правильно говорить по-гречески (гл. 19), неверными своему государю, преисполненными всяких пороков (гл. 21—22), одно перечисление которых занимает почти две страницы.

Этнический состав населения Пелопоннеса сатирик считает очень пестрым (в отличие от Плифона, по мнению которого пелопоннесцы — самый чистый тип греческого народа, прямые потомки древних спартанцев). На основании выводов современной науки необходимо признать, что ближе к истине стоит Мазарис, который насчитывает там семь основных народностей: *италийцы*, т. е. франки, осевшие там после IV крестового похода; *славяне*, начавшие заселять Пелопоннес в VI в., оказавшие сильное влияние на общественный строй Византии и еще в XV в. занимавшие там видное место — например, племя трибалов, как указывает Халкокондил¹⁸, жило в горах Тайгета и у Тенара, а венецианские документы называли некоторые районы Пелопоннеса *Zachonia vel Sclavonia*¹⁹; *иллирийцы*, т. е. албанцы, которых пригласил в Пелопоннес деспот Феодор I после падения державы Стефана Душана для заселения пустыющих земель и пополнения своей армии²⁰; *иудеи*; *египтяне*, т. е. цыгане; *пелопоннесцы*, которых вслед за А. А. Васильевым²¹ мы можем считать византийским (ромейским) населением городов и морского побережья, и *лакедемоняне*, которых Мазарис в другом месте (гл. 19) называет лаконцами или цакопцами. Такое пояснение самого автора помогает точнее понять термин «цакопонец», получивший много толкований в литературе. Под ним, очевидно, следует подразумевать не славян, а древнейшее население Лаконии.

Однако не всегда Мазарис так строго придерживался исторической правды. При описании оборонительных сооружений на Истме он, чрезмерно увлекшись восхвалением императора, утверждает, что до Мануила II «ни один император даже во сне не мечтал» об укреплении стенами этого «открытого и ставшего доступным для всех» перешейка (гл. 23). А между тем, по сведениям Сфрандзи²², на месте строительства была обнаружена мраморная плита, надпись на которой говорила, что уже император Юстиниан возводил здесь стены. Турецкая опасность в конце XIV в. заставила греков, иоаннитов и венецианцев позаботиться об укреплении Истма. Следовательно, Мануил II не был пионером в деле защиты Пелопоннеса от вражеских нашествий. Но ему удалось довести это дело до конца, причем в очень короткий срок. Цель этого строительства одобрялась всеми. Размах и темп его вызывали восхищение не только Мазариса, но и других современников²³. За 25 дней была построена стена «от моря до моря» в ширину всего Истмийского перешейка со 153 башнями и двумя крепостями²⁴. Называлась она Гексамилон. Венецианцы, ссылаясь на то, что война с турками истощила все их силы, фактически отказались принять участие в строительстве и даже в обороне стен, хотя они защищали и венецианские владения

¹⁸ Chalcocondylas, p. 35.

¹⁹ K. Sathas. Documents... t. I. Paris, 1880, p. 298.

²⁰ Manuelis Oratio funebris. PG, t. 156, col. 212—213.

²¹ А. А. Васильев. Славяне в Греции. ВВ, V, 1898, стр. 433.

²² Phrantzes, p. 107—108. Возведение Юстинианом стен подтверждается и у Халкокондила (p. 184).

²³ Кроме уже указанных, Plethonis Oratio I, 5.

²⁴ Phrantzes, p. 108; Chalcocondylas, p. 184.

в Морею. В этом проявилась обычная двойственность политики Венеции²⁵. При наличии нескольких суверенных владений в Пелопоннесе император вынужден был один производить затраты на оборону полуострова. В осуществлении этого огромного по тем временам строительства Мануил обязал принимать участие всех архонтов Мореи. Это послужило поводом для оппозиционных выступлений пелопоннесских топархов, которые, не будучи сами заинтересованы в укреплении и обороне государства, стали оказывать императору яростное сопротивление. Говоря о них, Мазарис применяет глагол *ἐπαιστήρι*, что не оставляет сомнения в характере их сопротивления. Это было самое настоящее восстание феодалов против императора, вынужденного также открыть военные действия. Упоминание, правда очень сухое, о таком весьма интересном в истории византийского феодализма факте есть и у Халкокондила, из произведения которого мы узнаем также, что это восстание кончилось поражением топархов и отправкой зачинщиков в Константинополь²⁶. Состав участников мятежа остается, к сожалению, неизвестным. Мазарис, правда, упоминает «вооруженного серпом» Геллеавурка, очевидно, вождя мятежников, но лишь вскользь, другие же источники совсем никаких сведений о мятежниках не дают.

Позиция самого Мазариса в этом деле не оставляет никаких сомнений. Он враг феодальной раздробленности, возмущающийся поведением этих «смертью дышащих топархов», «неверных по отношению к императору и деспотам». Эти топархи «радовались сражениям и беспорядкам» и «каждый из них заботился только о создании собственной тирании». Симпатии же его на стороне императора, его он, помимо обычных титулов и эпитетов, называет «благодетелем и спасителем», «вождем и хранителем». Его деяния он ставит выше подвигов Геракла, считает нужным «славить и возвеличивать» его. Автор сатиры негодует на сепаратизм и непокорность архонтов, которые не выполняют приказаний самодержца и даже покушаются на его жизнь. И это не простая лесть, но отчетливое понимание того, что государство может найти спасение только в усилении центрального правительства.

Приверженность Мазариса к крепкой императорской власти проявляется не только в том, что он возмущается неверностью коварных топархов. Он бесспорно одобряет все действия, направленные на восстановление единства империи и ее прежних границ. Ему импонирует, что император за три месяца подчинил себе «мятежный остров Фасос». Этот факт подтверждает и Сфрандзи²⁷. Однако почему императору пришлось подчинить себе этот остров, входивший всегда в состав империи, историк не объясняет. В 15-й главе сатиры упоминается покупка Фасоса неким Раулем Мирмеком, зятем константинопольского чиновника Мускарена, которого автор называет Иудой Искаротом, «склонным к латинству, противником символа веры». На основании этого можно заключить, что с точки зрения автора эта операция была предательством по отношению к империи. Другие источники о продаже Фасоса ничего не говорят, но купля-продажа городов и областей была обычным для того времени явлением. Деспот Феодор I продал иоаннитам в 1400 г. Коринф и Мистру, а старший сын императора Мануила Андроник, будучи правителем Фессалоники, продал ее венецианцам в 1423 г.²⁸ Известно, что продажа Мистры вызвала недоволь-

²⁵ Неволею венецианцы оказались самыми дальновидными. Стена не принесла пользы. Уже в мае 1423 г. янычары легко преодолели ее и ворвались в Морею. Греки напрасно надеялись, что, как и во времена персов, такая преграда сделает Пелопоннес недоступным для врагов.

²⁶ Chalcocondylas, p. 184.

²⁷ Phrantzes, p. 96.

²⁸ Ibid., p. 122.

ство ее жителей, которые фактически не допустили туда родосских рыцарей, отстаивая свою национальную самостоятельность²⁹. О народных волнениях Мазарис, конечно, умалчивает, но его замечания о войнах на Фасосе, эпитет «мятежный», применяемый к этому острову, позволяет предполагать, что и тамошнее население не пожелало склониться перед новым владыкой Франкского, как показывает его имя Рауль, происхождения. И император, опираясь на народ, смог силой сломить сопротивление сепаратистски настроенных феодалов.

Мазарис подчеркивает, что он всегда был последовательным сторонником императора Мануила. Даже в самые трудные годы он, в отличие от многих других столичных чиновников всех рангов, не использовал в своекорыстных целях вражду между Мануилом II и его племянником Иоанном, давно стремившимся к византийскому престолу при поддержке турок, надеявшимся на его сговорчивость. В Константинополе у Иоанна было немало сторонников из числа таких же, как он, соглашателей, готовых ценой уступок туркам купить себе освобождение от бедствий осады.

Некоторые эпизоды сатиры проливают дополнительный свет на взаимоотношения двух претендентов на престол, показывают, что их примирение, состоявшееся перед отъездом Мануила в Европу, было чисто внешним, что вражда продолжалась и влекла за собой раскол среди их приближенных. Эти внутренние раздоры увеличивали трудности внешнего положения империи, лишали ее твердой опоры среди других государств.

Официально Генуя и Венеция были союзниками византийского императора, но на деле Генуя из торгового соперничества с республикой св. Марка почти открыто поддерживала притязания Иоанна. Подеста генуэзской Галаты, как показывает Мазарис (гл. 15), был настолько неверен императору, что по внушению какого-то изменника из числа придворных сбросил на землю императорское знамя, торопясь использовать пошатнувшееся положение Мануила. Когда же его надежды на возвышение Иоанна не оправдались, он опять водворил знамя на прежнее место «с великой честью».

Во время путешествия императора Мануила в Европу, Мазарис сначала находился в его свите и доехал с императором до о. Лемноса, где был обменом брошен Голоболом, побоявшимся соперничества своего друга в должности императорского секретаря (гл. 19). Но даже и тогда Мазарис не нарушил присяги и не перешел на службу к сопернику императора, хотя, если судить по поведению другого бывшего секретаря, Падиата (гл. 10), на Лемнос (где после возвращения Мануила из Европы находился Иоанн³⁰) уезжали те, которые считали себя обиженными императором. Непокколебимая преданность Мазариса государю стала источником его несчастий: он лишился своего богатства и положения при дворе (гл. 11) по наговорам тех лиц, которые, как можно предположить, старались подслужиться к Иоанну, пользуясь отсутствием императора.

В первой части сатиры, содержание которой составляют бесчисленные встречи и разговоры Мазариса с его константинопольскими знакомыми, оказавшимися, как и он, в Аиде, мы видим другую сторону его монархических взглядов. Если в отношении к пелопоннесским топархам он показал себя идейным сторонником сильной императорской власти, то здесь в нем ощущается придворный, который выше всего ставит служение особе монарха, завидует его приближенным, не понимает тех, кто

²⁹ Phrantzes, p. 63; Chalcocondylas, p. 97—98.

³⁰ Ducas, p. 78.

отказывается от чести бывать во дворце. С презрением говорит он о сыне придворного певца Лампадария, который тоже мог бы услаждать своим пением особу императора, но предпочитает петь в кабаках дурацкие песни с рабами и пьяницами (гл. 17). Сочувственно выслушивая проклятия, посылаемые Голоболом в адрес его удачливого соперника Филомматея «из рода злых ангелов», он вместе с тем полностью приводит слова Падиата, характеризующего нового секретаря как образцового царедворца знатного происхождения, ловко владеющего оружием, умелого дипломата (он ездил с посольством к сатрапам), трудолюбивого секретаря, обласканного государем (гл. 8). Описание его занятий и образа жизни дает интересный штрих для характеристики быта того времени. Необходимо отметить, что Филомматей, очевидно, — лицо историческое. Сфрандзи³¹ называет γραμματικόν Ἄγγελον τὸν Φιλομμάτην в числе членов посольства, отправленного к султану Амурату в 1421 г. Мазарис упоминает, конечно, о каком-то другом, более раннем дипломатическом поручении.

Социальный состав персонажей сатиры показателен для воззрений ее автора, так же как и отношение его к разным общественным группам. Напрасно было бы искать на страницах этого произведения представителей народа. Автор с презрением говорит о низком происхождении Голобола. Высшие и особенно средние слои общества представлены здесь значительно полнее. Не вызывает сомнений его резко отрицательное отношение к монахам, чья ряса, по мнению сатирика, служит лишь для прикрытия пороков.

Среди нескольких десятков действующих или упомянутых в сатире лиц только четверо могут быть названы положительными героями. Все они занимают самое высокое положение. Если верить автору, то, кроме императора, деспота Мистры и его самого, в Византии оставался один честный и надежный человек — это самый могущественный и богатый из придворных деспота Эвдаймон. Документы и хроники того времени подтверждают, что в Морее была семья, носившая такое имя. Николай Эвдаймон, по документам Эвдаймонианни, между 1415 и 1420 гг. неоднократно ездил в Венецию по поручению деспота и императора. Софиан Эвдаймон Иоанн стал министром при деспоте Константине Палеологе³². Ни о ком другом из своих героев не сказал Мазарис ни единого доброго слова. По его наблюдениям, тела всех жителей Аида покрыты рубцами, свидетельствующими о количестве их прегрешений; у живых подданных императора духовные качества оказываются не лучше. Все они порочны или запятнаны преступлениями. Все же в этой черной краске, которой нарисованы почти все образы, есть оттенки. Основных действующих лиц можно разделить на две группы; из них пелопоннесские топархи изображены более зло и резко, чем константинопольские чиновники. Первые никак не дифференцируются, конкретных имен, выпуклых образов в той части сатиры, которая посвящена Морее, почти нет. Сатира получается обезличенной. Объяснение этому явлению мы находим в заключительном письме к императору: Мазарис, сам живя в Пелопоннесе, боится задеть его жителей и просит императора прочитать его произведение уже после отплытия в Константинополь. Естественно, что более всего он опасается вызвать гнев какого-нибудь лица, слишком прозрачно выведенного в сатире. В большинстве случаев автор не показывает морейских топархов, а только перечисляет их отрицательные качества, вызывающие его негодование. Среди этих качеств первое место занимают неверность императору, сепаратизм и стремление «к собственной тирании».

³¹ Phrantzes, p. 116.

³² Ibid., p. 200.

Константинопольская бюрократия представлена многими лицами, из которых одни уже пребывают в загробном мире и встречаются там с Мазарисом, других же только еще ожидают в Аиде их родственники и знакомые, а пока расспрашивают о них только что расставшегося с земной жизнью Мазариса. Образы и характеристики этой группы лиц даны значительно более ярко, разнообразно, черты их индивидуализированы. Есть даже подробное описание внешности (гл. 2).

Бесконечной вереницей проходят перед читателем ханжи, распутные монахи, несправедливые судьи, лживые чиновники, клязуники, доносчики, воры, как Стафидак или Алексей, обокравший своего дядю Голобола, стяжавший себе к тому же славу жестокого сборщика налогов, вероотступники, перешедшие из-за выгоды в магометанство, как сын Клавдиота Айтина, или склонные к латинству, как Мускаран (интересно, что автор ставит их на одну доску), врачи, подносящие больным яд вместо лекарства (Пепагомен, Конон), развратные старики, вроде Антиоха, даже в загробном мире одержимые эротоманией. Их эгоизм и корыстолюбие доходят до выражения пожелания погибели всему государству ромеев в случае личных неудач (гл. 13). Друг и коллега Мазариса «почтенный Голобол», собиравшийся стать логофетом, но пренебрегший своими служебными обязанностями императорского секретаря ради низменных удовольствий, — еще лучший среди остальных. Сыновья этих ушедших из мира насквозь разложившихся людей оказываются, по их описаниям, еще хуже: они несут черты вырождения. Даже случайно упоминаемых лиц автор спешит снабдить эпитетами вроде «подлец», «пьяница», «жулик», «живой мертвец», «свихнувшийся», «красноречивый в устной и письменной брани». Заканчивая первую часть, сатирик указывает на то, что зависть всех и ко всем определяет поведение людей, толкает их на те или иные поступки.

Никакое другое произведение не дает более зловещей картины упадка и глубокого маразма, пронизывающего византийское общество, свидетельствующего о неизбежности краха империи. Как крысы с тонущего корабля, бегут чиновники из Константинополя, поступают на службу к валашским господам, где надеются приобрести состояние (гл. 18).

В сатире мы встречаем много собственных имен, причем большинство персонажей названы даже не в завуалированной форме, а совершенно прямо. Как показывают исследования, многие из этих лиц — реальные.

Не говоря уже о более крупных исторических фигурах, таких, как император Мануил, его племянник Иоанн, Эвдаймон и др., установлена подлинность имен Филомматя (см. выше), Потамия, Маникаитая, Цамблакона, Булоты³³. В отношении некоторых других лиц, например Падиата, Голобола, существует неясность ввиду неопределенности данных источников. Для третьих вообще никаких параллелей установить не было возможности. Современники могли бы наверное узнать многих по отдельным штрихам, вспомнить собственные имена. Теперь же это сделать иногда совсем невозможно.

Но возникает вопрос, необходима ли кропотливая работа по расшифровке всех намеков и отождествлению всех персонажей с историческими лицами, как это делают Трой и некоторые другие буржуазные ученые. Большинство тех лиц, подлинность которых удалось установить по другим источникам, оставили столь незначительный след в истории, что они не могут ничего прибавить к нашим представлениям о взглядах Мазариса и о его среде. Очевидно, если будут расшифрованы и остальные мелкие детали, это не сможет внести принципиальных изменений в оценку сатиры.

³³ Ellissen. *Analekten der mittel- und neugriechischen Literatur*. Bd. IV. Anmerkungen zum „Mazaris“; M. Treu. Op. cit., p. 91—95.

Для стиля произведения характерны неумеренность в восхвалениях и порицаниях, повторы, многословие, хотя сам автор и заверяет, что он избегает «скучной многоречивости» (*μακρολογία*).

Мазарис обладает довольно скудным запасом художественных средств. Характеристики его односторонни, шутки однообразны, построены всегда на обыгрывании собственных имен, выражение чувств сводится к грубым потасовкам и брани, лишенной «аттической соли». «Мазарис» вышел, очевидно, из-под пера не очень искусного автора, не обладавшего тонким художественным вкусом. Это необходимо учитывать и при чтении русского перевода.

Композиция сатиры рыхлая. Она состоит из трех мало связанных между собою по сюжету и характеру изложения частей. Но это отчасти может зависеть и от различных целей, стоявших перед автором. Сам он по-разному определяет свои задачи. Первая часть сатиры заканчивается проникнутым искренним чувством заверением читателя, что написал он ее «более со слезами, чем ради смеха, больше для воспитания, чем для развлечения, более всерьез, чем в шутку». А в заключительном письме к императору он говорит, что написал «скорее для шутки, чем всерьез», выполняя «приказание твоего величества». Такое противоречие может быть объяснено тем, что, вручая императору свое произведение, Мазарис хотел смягчить суровость критики, хотя раньше надеялся, что резкий тон скорее поможет исправлению нравов, заставит людей острее почувствовать, как губительно для государства их своекорыстное и далекое от патриотизма поведение.

Трудно согласиться с Максом Трой³⁴, который считает, что Мазарис преследует чисто развлекательную цель, и с Тозером³⁵, полагающим, будто тон Мазариса определяется личной злобой и недоброжелательностью.

Жанр сатиры заставляет автора прибегать к некоторой гиперболизации, к тенденциозному подбору черт при характеристике действующих лиц, к перенесению места действия в фантастическую обстановку загробного мира. Но сопоставление с источниками показывает, что сатирик нигде не искажает действительности и в известной мере обогащает наши сведения по истории того времени некоторыми интересными деталями.

Основную ценность «Пребывания Мазариса в подземном царстве» мы видим в обличительном изображении византийского общества накануне падения империи.

Т. М. Соколова

РАЗГОВОР МЕРТВЫХ

Пребывание Мазариса в подземном царстве, или расспросы некоторых умерших о различных лицах, с которыми они встречались при императорском дворе

1. Недавно вторглась в Константинополь, уже не в первый раз, страшная болезнь, от которой не был предохранен ни один возраст, и только благодаря непрерывным молениям, возносимым святейшим первосвященником к богу, она, потеряв свою остроту, превратилась во флегмону легких; а если бы она в самом деле была моровой язвой, она уничтожила бы сплошь все население, подобно тому как раньше на островах она скосила всех.

³⁴ М. Трей. *Op. cit.*, 89, 90.

³⁵ Н. Тоzer. *Byzantine satire*. JHS, t. II, 1881, p. 262.

И вот, когда такая болезнь надвинулась со всех сторон и одинаково, как я только что сказал, обрушилась на всех, вместе с другими она напала, люди добрые, и на меня с самой жестокой яростью и, как внезапная гроза с громом и молнией, она била и терзала в течение двадцати одного дня мое тело то непрерывным лихорадочным жаром, то внезапными судорогами, то головокружением с обмороками, то расслаблением суставов; меня постигла одна за другой различные боли, и все члены тела моего стали, по пословице, добычей мисян¹. И после сильного приступа, как я сказал, едва эта болезнь отпустила меня и я, выздоравливая, встал, как она снова охватила меня с такой силой, что против моего желания толкнула меня к самому порогу Аида. То, что я, прибыв туда, услышал от некоторых покойников и что я сам увидел за время своего короткого пребывания там, я, насколько могу, расскажу, добрые люди, всем вообще, но особенно тем, которые встречаются друг с другом в царском дворце. А в какие беды эта убийственная болезнь ввергла меня, лежащего на своем одре, и что против меня замыслили и предсказывали (вещие) птицы, выслушайте, прошу, теперь, тем более что, я знаю, вам будет интересно все это узнать, и будет правильно сначала рассказать вам, что было еще при жизни, а затем, — что произошло в царстве мертвых.

Так вот, когда я лежал на своем одре, эта болезнь не позволила никому из моих друзей, кроме страданий, прийти ко мне повидаться; вместо моих друзей и родственников она посылала ко мне в качестве послов галок и воро́н, а вместо врачей — вестников смерти, воро́нов². Никто из всех моих друзей, как я сейчас сказал, не пришел навесить меня, пока я лежал в постели, так как и друзья и близкие мои, даже сами человекоубийцы³, лежали, закрывшись пятью косматыми шубами и тремя плащами, говоря словами комедии⁴, храпя, закутавшись и выпуская ветры, как и я сам этим же страдал, лежа у себя. И тут-то появились эти птицы, то предсказывая мне смерть, то алчно каркая, стремясь растерзать мое несчастное, покрытое язвами тело с вывернутыми и расслабленными суставами, и при этом раньше, чем я расстанусь с едва теплившимися жалкими остатками жизни. И когда так уже порешили галки и вороны, а воро́нами, увы, была предназначена мне тяжкая, крутая и мучительная дорога в Аид, на другой день во сне я был похищен, не знаю кем, нагой ли или завернутый в саван из тонкого индийского полотна, — об этом я тоже не имею представления. И пусть никто не усомнится в моих словах, когда я рассказываю, что я видел такие чудеса в январе текущего седьмого индикта⁵. А если кто не поверит (да и думаю, что многие отнесутся к этому недоверчиво), пусть он бегом отправится в Аид, и если он и после этого не убедится, что я очень точно рассказываю, пусть он обвинит меня во лжи перед Миносом, Эаком и Радамантом, и пусть они судят меня и, как обычно, назначат мне наказание.

2. И вот, когда я был похищен глубокой ночью, как только что сказал, а слуги мои храпели в доме на своих постелях и даже не заметили, что случилось (со мною), я попал в большую и глубокую лощину, полную бесчисленного множества людей, не молодых и не старых, бывших как бы одного возраста, различающихся только выражением их лиц; но у каждого сохранился на лице отпечаток, наложенный прожитой им жизнью. Все

¹ Т. е. все было предоставлено на произвол врагов. Эта пословица цитируется Аристотелем, Демосфеном и др.

² Игра слов: *χίρκαας* — вестников, *χόρακας* — воро́нов.

³ Обычное презрительное наименование врачей.

⁴ Ср. Аристофан. Облака, ст. 9—11.

⁵ Что соответствует 1414 году по нашему летосчислению.

они были нагими, одни — покрыты кровавыми рубцами и, по-моему, испещрены ими по числу их прегрешений, другие же были без этих рубцов, однако стояли не отдельно, а попеременно с ними. Когда я медленно продвигался с того места, куда я попал, мне повстречался человек в рубцах, поросший сзади черными волосами⁶, с большим и изогнутым, как у ястреба, носом, с остриженной головой и с окладистой бородой; он прилагал большое старание узнать все, что делается при дворе. Он, кажется, издали увидел, как я потихоньку шел прихрамывая, и бросился ко мне из толпы живших в этой долине, желая узнать, кто из служивших вместе с ним продолжает нести службу при императорском дворе, а кто вышел в отставку с наградой; он сгорал от честолюбия и зависти, его мысли были заняты только одним и направлены на то, чтобы узнать точно все, что делается среди живых. В этом я убедился по выражению его лица и по его вопросам, но особенно по его гневу и упрекам, по придирчивым расспросам, а также по тому, что он впоследствии сам рассказывал, чем интересовался и как выражал свое удивление по поводу услышанного.

Как только он со мной встретился, он прежде всего, смеясь, меня обнял, назвал по имени; затем, когда и я в свою очередь обнял его, он как бы с упреком спросил меня: «Чего ради, о несчастный, пришел ты в среду мертвых, в этот дол к воротам Аида, когда нить жизни еще не отрезана и Харон тебя сюда еще не позвал».

Он дает мне, в-третьих, хороший и полезный совет; ты не ошибся бы, назвав его советом Афины или Соломона. «Уходи, — сказал он, — дорогой мой, навверх к живым. Здесь никому нет дела до тебя, такого бедного и презренного человека, такого ничтожества; ведь сверх всего ты не предьявил и двух оболгов за переправу с поверхности земли сюда, нарушив тем закон. Или ты думаешь, что такие грязные бедняки, как ты, имеют тут право разговаривать? Когда же ты сделаешься таким, как Хремил в комедии⁷, после того, как тебя схватят, хочешь ты того или не хочешь, вот тогда ты сможешь тут свободно говорить. А в таком положении, как теперь, отправляйся-ка ты со всем своим добром в Морею, набивай себе брюхо мясом и маслом, пшеничной мукой и нектаром, свининой и панафинейской похлебкой; ты там легко добьешься и почестей от жителей Пелопоннеса и, естественно, очень прославишься; у них ты и денег приобретешь достаточно. Затем наряду со всеми другими благами там ты встретишься с человеком самым разумным и глубокомысленным, по имени Эвдаймон⁸. Имя это ему очень подходит. Он — человек сильный, безгранично богатый, владеец многих имений и могущественный, как никто другой из вращающихся с ним при дворе порфиророжденного. Встретив такого благороднейшего человека, прилепись к нему и повинуйся ему, как самодержцу, чтобы исполниться и тебе самому и близким твоим великими благами. Не колеблясь, скажи ему такое слово: немного времени пройдет, и он окажется самым счастливым и прекрасным, самым славным из всех живущих там. И это передай ему скрытно; и когда ты будешь осыпан всеми этими благами и другими еще большими, как я только что сказал, и станешь богатым, тогда ты легко придешь в Аид и совершенно явно, а вовсе не так тайно, не таким воровским способом, как теперь, с вызывающей удивление толпой провожающих и с величайшей славой. И вот тогда-то

⁶ Это считалось в древности признаком силы и мужества.

⁷ Персонаж из комедии Аристофана „Богатство“, неожиданно разбогатевший по воле бога богатства.

⁸ Εὐδαίμων (блаженный, счастливый) — историческое лицо. См. предисловие.

и друзья твои, и близкие, даже врачи, как только услышат, что ты хвораешь, придут к тебе без всякого приглашения; равным образом жена и дети, твои слуги, одним словом, почти все будут плакать и печалиться о твоей смерти. И тогда путешествие в Аид будет стоить тебе немного трудов и хлопот; так как ведь, как говорят, в Лаконии находится Тенар⁹, а он расположен вблизи от входа в Аид, через который, как рассказывают, все умершие уводятся из жизни и спускаются в Аид; приготовь только тогда и ты перевозчику свои два обола и тогда без труда и забот радостно и весело ты придешь в царство смерти¹⁰, покинув страну глупости¹¹, так как, по Гомеру, смерть для тебя непреодолима, и если даже ты запрешься в маленький домик, ее ты не избежешь».

3. Тут я, обрадованный и ошеломленный как тем, что он дал мне такой совет и сообщил мне такие новые и необычайные вещи, а также и тем, что, по его словам, я вновь воскресну и во второй раз умру, сказал ему: «Не ты ли тот чудесный Голобол, лучший секретарь великого и светлейшего императора, самый близкий мой сотоварищ, могучий оратор города Константина, прекраснейший из врачей, тот, о котором миртаит¹² Андроник пророчески говорил: «Э! Ты собираешься стать логофетом?»¹³.

И он, быстро кивнув, сказал мне: «Да».

И вот я вновь спросил его: «Почему, дорогой мой, ты стал таким? И как случилось, что ты живешь здесь нагой и покрытый кровавыми рубцами? Где все те блестящие шелковые белые одеяния, которыми недавно одарил тебя великий государь? Выступая в них, ты был подобен сыну государственного казначея».

При этих словах он опустил голову и, глубоко вздыхая при воспоминании о радостях прошлой жизни и кусая губы, пролил потоки слез. Затем, взяв меня за руку, он отвел меня в сторону; мы сели под тенистым лавром, так как я был утомлен длинной дорогой, а он задохнулся от стремительного бега, бросившись недавно мне навстречу; да он и побаивался, как бы кто-нибудь его не увидел. Прежде всего, прекратив свои слезы, он начал рассказывать вкратце о себе. Он рассказывал, как один из благородных при дворе, а именно рыцарь Цамблакон¹⁴, подло его обманул; как он, получив назначение, стал секретарем императора, а затем опять впал в прежнее свое несчастное положение; как это, по его словам, было злой судьбой для его больных (он, когда ему случалось лечить, многих спас от смерти), а теперь некоторые врачи не знают греческой медицинской науки, не считаются ни с Галеном, ни даже с Гиппократом, неосторожно и без должного внимания к своему искусству ведут лечение и, говоря словами Гомера, «многие души могучие славных героев [своих пациентов. — С. К.] низринул в мрачный Аид»¹⁵. Он рассказывает, как милостиво его принял святейший государь, как почтил его по заслугам, что и стало для него причиной несчастий. Он оставил свое врачебное искусство и, продолжая так жить, впал в прежнее бедственное состояние

⁹ Ныне мыс Матапан. Там находится пещера, сообщающаяся, по преданию, с Аидом. Через нее Геракл вывел Цербера. Упоминают о ней Павсаний (III, 25, 4) и Страбон (VIII, 5, 1).

¹⁰ Μῆρος, ὄ — смерть.

¹¹ Μωρός, — глупый. Здесь игра слов, так как средневековое название Пелопоннеса Μορέα или Μορεία, в этом тексте — Μωρα.

¹² Миртаит (или мирсаит) — высокий дворцовый чин.

¹³ Здесь, очевидно, имеется в виду великий логофет.

¹⁴ Τσαμπλάκωνες — известный в Пелопоннесе род, упоминаемый в документах XV в. и в „Хронике“ Георгия Сфрандзи (кн. IV, гл. 6). О каком именно представителе этого рода идет речь здесь, остается неизвестным.

¹⁵ „Илиада“, I, 3 (перевод Н. И. Гнедича).

(ведь государь стал тотчас же его, как и всякого вновь поступившего на службу, использовать для всякого рода услуг: и как опытного врача, и как искусного оратора, и как порядочного человека, и как умного и точного помощника секретаря, презренного болтуна Падиата). Затем он рассказал, как внезапно он стал богат благодаря составлению высочайших и важных хрисовулов и повелений; как, благодаря милостивому к нему отношению императора, он стал любим и почитаем и людьми знатными, и благонамеренными, и родственниками государя, а также людьми высокопоставленными, одним словом, — всеми; как он начал строить большой и очень красивый дом и как он его оставил неоконченным из-за одного случая; как он, мало-помалу проникнув в тайны государя, оказался в равном положении с придворными, удостоенный близости к императору и разговаривая с ним днем и ночью; он сопровождал его во время путешествия в Британию и Галлию и даже до самого океана; как он стал любим императором, а Падиат до тех пор полезный и пользовавшийся почетом, мало-помалу стал ненужным и даже вызывал неудовольствие; как он один имел право слушать и писать все бумаги, в том числе и секретные; как он одновременно стал и секретарем и советником, как он передавал тайные донесения и распоряжения; как он спустя немного времени стал надеяться, что он дойдет до звания великого логофета, если бы против него не повел тайных интриг Филомматей со сломанной ключицей.

4. Затем он стал говорить мне таинственно на ухо со слезами и стенаниями следующее: «Видишь, лучший из друзей, каким я был и каким я стал, в каком виде блуждаю я по Аиду». И я с сочувственным вздохом ответил ему: «Вижу».

И он, вновь начав свой рассказ, сказал приблизительно так: «Дорогой Мазарис, я расскажу тебе все это, как на исповеди, со всей откровенностью; но ты будь осторожен и сохрани все услышанное про себя». В ответ я сказал: «Ты скажешь это товарищу по несчастьям, который знает много тайн, друг мой; я сохранию и эту твою тайну, как свои».

И он так начал говорить: «И вот когда я собирался — горе мне! — там, во время земного пребывания, прожить свою жизнь полнее и лучше, чем я, несчастный, до сих пор жил, приобрести большое богатство, взять жену из высшей знати и закончить постройку своего блестящего и прекрасного дома, на меня свалились неожиданно и сразу четыре равно ужасных несчастья, которые и причинили мне тяжелую и страшную болезнь; как ты видишь, она-то и отравила меня до срока сюда, в царство Аида».

Тут я и сам вытер потоки слез из своих глаз и сказал ему: «Тебе не нужно было, бедный Голобол, бросаться мне навстречу, с первых же слов говорить мне об этом и перечислять свои беды, потому что все это я видел собственными глазами и слышал собственными ушами. Ведь я думал, что пребывание в Аиде должно быть лучше и менее печально, чем та жалкая жизнь, из которой я ушел и радостно последовал за тем, кто темною ночью до срока похитил меня. Но если и в Аиде положение дел такое же, как и в земной жизни, и ты испытал, как ты рассказываешь, много крупных неприятностей, то я опять хочу бежать на землю, ведь лучше там проводить время в безвестности и в бездействии, чем быть таким, каким я вижу тебя здесь перед собою. Но, кроме того, прошу тебя, раз ты дал мне полезный совет, подобно прорицателю из окруженного лавровой рощей святилища Аполлона, и побуждаешь меня идти в Морею, т. е. в Пелопоннес, расскажи мне, что представляют собою четыре причины, которые заставили тебя совершить это путешествие в Аид. Я очень хочу о них услышать».

Тогда он со стоном и бранью сказал мне: «Клянусь псом Кербером, проклятый обманщик и шпион, этого-то я и не хочу сделать из-за двух неприятностей; причем одна из них причинила бы мне еще больший вред, чем другая».

«Какие же неприятности или какой вред, — сказал я, — могут быть причинены тебе тут? Ведь ты уже мертв и пребываешь в пределах Аида. Я не могу представить себе, — прибавил я, — что бы это было такое».

«Эх ты, простофиля! Так значит ты этого не знаешь, ты, который раньше думал, что знаешь больше всех?»

«Так ты мне этого не скажешь, — снова заговорил я, — мне, любящему тебя и принимающему в тебе участие больше, чем в ком-либо другом? Именно это ты хочешь от меня скрыть?»

«Но ты знаешь, — продолжал он, — что если у тебя невольно вырвется хоть одно слово против твоих и моих товарищей, они все придут в волнение и будут меня проклинать, все те, кто совершил ужасные деяния».

«Не бойся этого, дорогой мой, — сказал я. — Я так буду хранить в себе все сказанное, как хранил ты сам это до сих пор. Но только посмотри, не скрывается ли кто в этих миртовых зарослях и не услышит ли он что-нибудь из сказанного тобою. Мне кажется, что они колеблются».

5. «Будь спокоен, — сказал он. — От толпы не отделился никто, кроме меня. Но выслушай от меня нечто еще более ужасное, чем раньше. Я лично, милый товарищ, очень боюсь великого Плутона и Персефоны; и горе мне, если они заметят, что я жалуясь на одну из этих четырех вещей; они в виде жестокого и тяжелого наказания не дадут мне выпить воды из Леты, реки забвения, как мне обещали 30 дней тому назад, с тем, чтобы я забыл обо всем хорошем, чем я наслаждался в прежней жизни. Ведь память об этом точит тело день и ночь, как ядовитый червяк, и язвит душу того, кто не получает этой воды. Ведь это тяжелая пытка — помнить о былых удовольствиях. Да, это несказанное мучение, этот приговор горше всякого другого приговора, всякого другого наказания; он не только все ребра переломает, но истощает и все душевные силы. Что, может быть, ты думаешь, что судья в Аиде судит так же, как те, которые творят суд и расправу там, на земле?»

«А как же, — сказал я, — они судят в Аиде?»

«По справедливости, — сказал он, — не взирая на лица, неподкупно, не в силу расположения, не ради выгоды. Им не нужно ни свидетелей, ни обвинителей, ни доказательств, ни улик, ни каких-либо письменных документов; но все, что было совершено, тут же они проводят перед глазами преступников. И тут не так делается, что за преступление, которое совершает один, судят другого, но каждого судят за то, что сам совершил. А там, на земле, друг мой, творят суд совершенно иначе. Там судят в силу расположения, и особенно поддаваясь лести, они получают подарки с обеих тяжущихся сторон; справедливый погибает, а желательный приговор получают наиболее состоятельные, заплатившие больше других, а особенно люди сильные, многовластные и обладающие огромным богатством».

И вот я, пораженный всем этим, стал просить его сказать мне, что это за четыре дела, а также подробнее сообщить о здешних судьях. Он же, понимая, что я взволнован и что сомнения наполняют мою душу (так как я видел, что он то был благодушным, то вслед за этим крайне расстроенным), сказал: «Что ты стремишься узнать об этих четырех делах и почему ты никак не можешь забыть о них, но все время возвращаешься к ним и постоянно напоминаешь, ежечасно меня беспокоя? А сверх этого ты стремишься узнать и имена судей, хотя тебе надо было бы узнать о них при жизни».

«Но ты мне недавно обещал все это сказать, — возразил я ему. — Почему же теперь ты хочешь скрыть это от меня, мой дорогой?»

«Я не скрываю, — ответил он. — Но, как я недавно сказал, я боюсь, а потому всяким способом я стараюсь привести в замешательство твои мысли, чтобы ты не расспрашивал и не вмешивался нескромно во все те дела, которые причинят мне немалый вред».

«Расскажи мне об этом, — сказал я, — ради бога, и сам ты — в этом будет мне поручительницей сама правда — не подвергнешься беде, а мне по-дружески окажешь немалую услугу».

И вот, хотя и неохотно, однако все же уступив моей просьбе, он сел прямо и стал рассказывать; сначала он назвал земные имена судей, так как в Аиде их зовут иначе: одного зовут пропойцей, а не сыном мира, другого — вместилищем бед, третьего — якорем преступников, а четвертого — хранителем невежества¹⁶. А затем он стал, наконец, говорить о своих четырех несчастьях.

6. «О ты, самый настойчивый вопрошатель! Узнай же: когда благодетельнейший император после падения того проклятого сатрапа¹⁷ вернулся в Константинополь из путешествия в Италию и Британию, жало разнужданности не позволило мне оставаться спокойным и сохранять благоразумие, оставаясь и дальше при императорском дворе, вращаясь в среде тех, которые пребывали в нем, выполняя, как раньше, приказания владыки; нечестивыми глазами посмотрел я на одну из монахинь, которую уже тысячи перещупали, мою старинную приятельницу; тут я опять воспыла к ней любовью или, правильное сказать, был ею околдован, и дни и ночи я валандался в ее грязном теле. Когда же светлейший государь велел искать меня неведомо сколько часов, чтобы я написал его приказы, и меня нигде нельзя было найти, он, рассердившись, наказал меня своею немилостью, сделав моим заместителем и соперником Филомматея из племени злых ангелов¹⁸. Как сильно всем этим был я огорчен и как я старался отстранить своего противника и при помощи людей, бывших в центре всех дел¹⁹, и людей, выдающихся своей добродетелью и живущих в благочестии, святых и родовитых, думаю, не стоит рассказывать во всех подробностях, так как и я сам избегаю скудной многоречивости, да и по времени надо торопиться. Я скажу только одно: раздражение и огорчение, причиняемые моим соперником, бесконечное уныние, которое мной владело и днем и ночью, очень рано, как ты видишь, направили меня в царство Аида. И из четырех бед это была первая, друг мой. Затем мне пришлось иметь дело с этими прославленными святошами, или, наоборот, с вонючим гноем под белым покровом²⁰, чтобы они меня вновь вернули владыке, каким я был прежде, без соперника (ведь государь, как никто другой, склонял к ним свой слух). Но один из них обжулил меня. Причем он был из рода, считавшегося непреложной честности и непреклонного благочестия, хотя и забирал себе имущество многих. Угощая меня каждый день диким салатом, цикорием и мятыми маслинами, он то плакал, как крокодил, то стонал, как хамелеон, то, как Протей, или скорее, как осьминог, показывался все в новых красках; и вот еще, подражая приманкам рыбаков, он завлек меня,

¹⁶ За этими прозвищами скрываются, конечно, неизвестные нам имена и титулы каких-то реальных лиц.

¹⁷ Султана Баязида.

¹⁸ Такой эпитет позволяет считать это лицо представителем знатной фамилии Ангелов (см. предисловие).

¹⁹ διὰ μεταβολῶν. См. Du Cange. Gloss., p. 209.

²⁰ ξαυτοῦς ὑπόλους; если выкинуть средние буквы, то получится Ξαντοπούλου — собственное имя Ксантопулов, одной из очень крупных и известных семей в Византии.

столь черствого (прежде) и непреклонного, и сделал меня мягче олова и даже воска. И мало-помалу я уступил его желаниям и назначил его письменно бдительным хранителем всех моих тайных и явных богатств. Я и теперь еще не могу думать обо всем этом без слез, воспоминание, как ядовитый червь, ежечасно терзает мое сердце. А вот третье: когда подлый вор, мой племянник, этот чортов Алексей²¹, увидел меня охваченным и обесиленным этой ужасной болезнью, он пришел ко мне в дом и, так как все хлопотали около меня, велел унести к себе конскую сбрую, верхние одеяния, книги, оружие, посуду, кресла, платье, ковры и много всяких других вещей вплоть до деревянных гвоздей. Если бы я мог его захватить, я бы откусил у него нос, чтобы сделать его явным и меченым воров для тех, кто живет в Аиде, чтобы не крал он, как гробокопатель, саваны у мертвых. А вот и четвертая неприятность: когда непобедимый самодержец услышал от запятнанных кровью человекоубийц²², что мне нет никакого спасения, опасаясь, как бы мой племянник, этот чортов Алексей, не украл и хрисовулы и высочайшие распоряжения, частью уже подпи- санные пурпурными буквами, частью же без этого, а также и шкатулку, находившуюся у меня на хранении, в которой были собраны высказы- вания обо всех, подобно тому как он украл мое имущество, император по- слал... — я не знаю, как и назвать этого человека, — и все это, о Геракл, он забрал, ничуть даже не покраснев, после крупного разговора и ссоры. О, как я только перенес такое насилие! Куда, дорогой мой, девалось мое благоразумие! Как только я не бросился в огонь или в пропасть! Почему я не вонзил нож в свои внутренности! Лучше было бы, если бы и их украл мой племянник, чортов Алексей, чем вынести такое их похищение. Если бы, мой милый, не унес их от меня так бесстыдно и нагло потребо- вавший их у меня и взявший их, то на утро же я тайно, без чьего-либо ведома хотел все их сжечь или, по крайней мере, поручил бы во всем меня слушавшемуся самому вороватому зятю, чтобы он, никому не говоря, похо- ронил это вместе со мною».

7. «Какую же выгоду, пустая ты голова, — сказал я, — или какую пользу думал ты получить, если б ты сделал это?»

«Большую, — сказал он мне, — и заслуживающую больших похвал, зло- дей!»

«Если бы ты сделал так, как рассказываешь, — сказал я, — разве ты, злопамятный, не боялся бы гробокопателей и того, что тебе два раза при- дется ложиться в могилу?»

«Пусть бы они это сделали, — сказал он, — лишь бы только мой сопер- ник не узнал искусства составлять бумаги и того, как ему научиться, а там пусть меня не дважды, а и сто раз выкапывают. Если бы все это сожгли со мною и если бы у меня от всего тела, буде огонь его истребил все цели- ком, остались, как говорят, одни только зубы, то и ими я бы защищался от своего проклятого соперника».

«Ты страдаешь разлитием желчи, друг мой, — сказал я ему. — Разве ты не знаешь, что как ты стал опытным писцом и секретарем, так и он может стать им без твоей помощи и указаний».

«Конечно нет, — сказал он, — никогда, хотя бы это утверждали все риторы и философы».

«Однако, если это, — возразил я ему, — не так, как я сказал, как же ты стал таким великим? Тот пустой болтун, исполненный насмешек, не- благодарный к своим благодетелям, одно говоривший великому государю,

²¹ Καχοαλέξιος.

²² Т. е. врачей.

другое писавший за подарки, тот самый Падиат, встречаясь со мной и беседуя ежедневно в течение четырех лет, давал мне советы и указания и сделал меня, как ты сам знаешь, таким опытным в этом искусстве».

8. Наш разговор еще не окончился, так как я видел, что он одержим гневом, и хотел его наказать и побранить, как вдруг появляется с той стороны, где были миртовые заросли, в которых он скрывался, некогда столь любезный и предупредительный, как я сказал раньше, а потом ставший негодным и презренным, всем известный Падиат.

С диким взором на раздраженном лице, с закатившимися, как у повешенного, глазами, держа толстую палку в обеих руках и прихрамывая, он говорит: «Ах ты, дурак, ах ты сплетник и с редькою в зад²³, негодный Голобол! Хороших вещей ты здесь наболтал кривоногому Мазарису!»

Сразу побледнев и криво улыбаясь, Голобол говорит Падиату: «А я и не думал, чтобы кто-нибудь мог быть там скрыт, Бандиат²⁴, как называл тебя миртаит Андроник. Поэтому я так беззаботно и попросту разговаривал, как ты слышал, с этим милым и дорогим нашим другом и рассказывал ему то, что меньше всего надо было тебе слышать. Но раз уж ты спрятался, чтобы подслушивать, как шпион, в миртовых зарослях и, незаметно двигаясь в них, как какая-нибудь водяная гидра, услышал то, что я сказал, я тебя прошу, и очень прошу: сохрани все это при себе и не говори ничего об этом остальным, а больше всего великому Плутону и Персефоне. Если твой преступный язык им сообщит об этом, они ввергнут меня, несчастного, в пасть Кербера».

«Будь спокоен, — сказал он, — и не трясись от страха. А вот попроси Мазариса, чтобы он не рассказывал этого тем, кто пребывает в императорских покоях».

«По многим основаниям, — сказал Голобол, — я спокоен за него. Я боюсь только тебя и трепещу за твой безбожный язык, чтобы ты и в Аиде не делал так, как ты привык действовать на земле скорее в шутку, чем серьезно, оскорбляя и браня с иронией каждый день всех мужчин и женщин».

Падиат, немного сдержавшись, но бросая взгляды свирепого льва, так сказал ему: «Разве ты не знаешь, негоднейший Голобол, что, говоря так, ты оскорбляешь и меня, так же как недавно вкривь и вкось перемывал косточки Филомматея из рода злых ангелов, которого исключительно любит великий государь по многим причинам, но особенно ради его деда, который, по словам того же миртаита Андроника, разрушил свой греческий дом и бежал из заключения, и за это его все по заслугам почитали и восхваляли. А ведь он был и моложе, и красивее, и здоровее тебя. Он вращался при дворе, был участником многих тайных государственных дел, умел применяться ко всем обстоятельствам, хорошо владел луком и холодным оружием, охотился на оленей и медведей, бил больше диких кабанов, чем зайцев; и в военном деле он был очень опытен, ездил с посольством к сатрапам, шил более неумоимо и красиво, чем ты; он не имел при себе ни сотоварища по письменной части, ни помощника, но ради выгоды явно хотел писать все сам, он дни и ночи проводил во дворце и всячески стремился, чтобы рядом с ним не было другого секретаря. И тут ты не стыдишься, несчастный, и не краснеешь, сопоставляя его действия с твоими; или ты забыл, что твой отец был кабатчиком, а тот, кто его произвел на свет, ходил в овчинах и выделывал шапки из шерсти?»

²³ По-видимому, подражание Аристофану („Облака“, ст. 1083). Это наказание применялось к лицам, пойманным с поличным при нарушении благопристойности.

²⁴ *Μπανδίατα* (вместо *Παδίατα*). Так как в новогреческом языке *μλ* звучит как „β“, то это слово может быть греческой формой французского *bandit*.

9. При этих словах Голобол прервал его и смеясь обратился ко мне: «Дорогой мой, — сказал он, — какой такой злой дух, настоящий Тельхин²⁵ явился сюда и принес нам нечестивого мучителя, этого нахала, всеми любимого не за правду, а за лесть и ложь, так грубо нарушившего наше уединение?»

Падиат же, скорчив коварную гримасу, говорит: «Какое уединение? Где же тут любовная парочка?» Я же, покраснев, сказал ему: «Хоть в Анде говори прилично, беззаконный, и брось бесполезную болтовню».

Тут он, схватив меня за руку, сказал: «Заклинаю тебя во имя истины, куманек²⁶, кто имеет больше права обижаться, он или я? Я, который покинул и родину, и славный род, дома и земли, и богатство, и многое другое, общество и политическое влияние, лучшее, чем я наслаждался во дворце, я, который много работал с великим государем и в Константинополе, и в Филиппополе, и в Анатолии, и на многопрославленном Лемносе, и во многих других местах. Или же этот грязный, с редькою в заду Голобол, который из нищих стал богачом, из неизвестных известным, который жил безвыездно на родине, а выстроил роскошные дома, которых он и во сне прежде не видал, стал одеваться в белые шелковые царственные одежды, хотя прежде, как и его дед, ходил в овчинах».

И взглядом, и кивком головы я дал понять: «Не иначе, как ты имеешь самое полное основание считать себя обиженным».

Тогда, вновь повернувшись к Голоболу, Падиат, как обычно, шутивным тоном говорит ему: «Ах ты, глупый и пустой хвостун, Голобол, если бы могучий и прозорливый самодержец поставил рядом с тобой соперника, хотя бы ты был налицо и тебя и днем и ночью можно было бы найти во дворце, то справедливо ты мог бы считать себя обиженным и законно потом, по словам Гомера, «скрытую злобу, доколе ее не исполнишь, в сердце хранить»²⁷ против своего соперника и жаловаться нашему милому и благородному товарищу Мазарису. Но после того как неоднократно, вернее сказать, — тысячу раз тебя искал государь и найти тебя никак не мог, когда вследствие этого важные государственные акты и сношения с иностранными правительствами оставались невыполненными и незаконченными, из-за чего происходил ущерб для ромеев, а тебя нигде нельзя было найти во дворце, разве не вполне законно государь назначил тебе заместителя? Ведь ты развратничал у роскошной и задорной бабы, да к тому же монахини, валандаясь с этой более чем легкомысленной женщиной все ночи и дни. После всего этого, Голобол, сердись и выходи из себя и называй меня самым скверным из людей, как ты сейчас меня называешь».

На это почтенный Голобол, как говорится, надев львиную шкуру и схватив меня за правую руку, трясая от злости (другой рукою он держался за колено), без всяких околичностей в бешенстве говорит ему: «У меня, Бандиат, и не было жены; и я не страдал ни подагрой, ни ломотой в руках, как ты; и если я иногда днем или ночью ходил повеселиться, по словам Феокрита²⁸, к более чем легкомысленной особе, то у меня был помощник, кургузый и безголовый, — чтоб его молнией убило — Кассиан, которому я велел оставаться во дворце вместо себя. Кроме того, у меня были Маникаитай с зарубцовавшимися ранами, живой мертвец Оким, одноименный с ним каллиграф Келиф и пьяница Цамамирей. Вслед-

²⁵ Τελχίνες — мифический род с о. Родос, чародей, враждебные людям и богам.

²⁶ κομπάρε — Газе видит в этом обращении французское *compère*. Ср. в словаре Дюканжа (стр. 731) *κομπάρι* = *compater*.

²⁷ „Илиада“, I, 82—83.

²⁸ Идиллии, III, 1, но у Феокрита глагол *κομάζω* (sq. *κομάσθω*) имеет иное значение: петь.

ствии этого нечего было искать заместителя как по многим другим причинам, так особенно потому, что во время моего пребывания в Италии, вместе со всеми другими, и я был облагодетельствован благочестивейшим самодержцем, издавшим священный приказ, чтобы отныне я был единственным секретарем по тайным и явным государственным делам, подобно тому как и министров он оставил пожизненно на их посту».

10. Тут я стал говорить ему по-дружески и с большой любовью, не то чтобы просто любезно. Я это делал для того, чтобы водворить мир между ними и прекратить их взаимную брань; я видел, что проклятый Падиат собирается дать ему по уху, подобно тому как среди площади он ударил друнгария²⁹ родом из Трапезунта: «Дорогой Голобол, не вспоминай об этом, успокойся, забудь, — так как сам ты был соперником нашего многоуважаемого Падиата». А он, вздрагивая еще, сказал: «Нет, я был его подчиненным».

На это Падиат: «Ни в коем случае, Голобол, трибол, или, вернее, трехоболовая дрянь³⁰, хулитель истины; ты был моим соперником, а не подчиненным». И, взяв меня сам за другую руку, он клятвенно уверил меня: «Клянусь нашей дружбой, брат, и своим желанием, чтобы всевышний, все создающий и изменяющий, освободил нас от ужасной боли в руках и ногах и от бедности, а особенно от отчаяния и оскорблений, которым каждый из нас подвергается, клянусь жизнью моего любимого сына, который на своем пути трясется и почти подавлен тяжелой, непосильной для него почестью, которому пашой³¹ Клавдиотом было дано прозвище Сеселкой, клянусь, что я из-за этого злодея, из-за его бесстыдства и соперничества, во всем поставленный на второе место, уехал на корабле в Лемнос, забыв обо всем другом. У меня поднялась ревность против него, и я не мог выносить его лица, как только я видел, что он исполняет секретарские обязанности и без меня и в моем присутствии и что во дворце ищут всегда только его».

«Не потому, — возразил ему Голобол, — кривоногий Падиат, уехал ты в Лемнос, а вот почему: испугавшись своего товарища по судьбе, у которого на лбу рана от рога³² Малакена, как бы он не пришел из пещер Фессалийского города и не поднялся на прославленную лестницу, у которой прелюбодейки грозно говорили своим мужьям: «Будьте осторожны, мужья! Не говорите о нас ничего плохого! Благодаря нам даже против вашего желания вы подниметесь по прославленной лестнице патриаршества, имеющей 72 ступени»³³. Так вот, как я сказал, боясь этого роконосца, ты бегом бросился бежать на Лемнос, не обращая больше ни на кого внимания; но, как будто убежав из какой-то тюрьмы или, скорее, от каната на ристалище, ты бежал, прихрамывая, часто оглядываясь назад, исполненный трусости и трепета, как бы кто-либо не стал преследовать тебя по пятам». А затем, обратившись ко мне, говорит: «Что, друг? Верить теперь его клятвам? Ты еще не знаешь, что тот, кого он называет сыном, является подкидышем известного Рифы Халкеопула».

Приведенный этими словами в ярость, а вернее, почти обезумев, нечестивый Падиат той палкой, на которую он опирался и которая была из

²⁹ Довольно высокий придворный чин.

³⁰ ὀλόβολε, ... τριβόλατε, ... τριωβόλατε... — обычная для Мазариса грубоватая шутка по поводу имени Голобола.

³¹ σοῦπασις — турецкое название должностного лица, обязанности которого тракуются в литературе по-разному.

³² Название „рогоносец“ было в большом ходу уже в древности.

³³ Намек на 72 ступени придворных званий. См. Ф. И. Успенский. Византийская табель о рангах. ИРАИК, т. III, 1898; J. Bury. The imperial administrative system. London, 1911.

крепкого кизиля, разбил голову честного Голобола, и мозг тотчас же, по Гомеру, «из носу полился»³⁴.

11. Вследствие этого поднялся тут страшный крик и великое смятение; со всех сторон все повыскакивали и стали сбегаться на этот шум. Так как несчастный Голобол лежал почти бездыханным и громко стонал, а из головы кровь лилась рекой, все закричали: «Позвать врача!» Вызванный из толпы врачей пришел тот прекраснейший Пепагомен, который дал выпить смертоносный яд, намешав его вместо целебного лекарства и для себя и для того Фокидия, который отцеживал вино, для помощника секретаря Эвмаранта, ровесника Иапета³⁵; он тотчас остановил кровотечение, приложив к голове Голобола целебную траву, называемую буфтальмос.

Увидав меня, он прежде всего обнял и поцеловал меня, а затем спросил: «Как, сын мой, попал ты в такое положение, откуда ты пришел такой оборванный, весь согнувшийся, бледный, с жалким видом? Твои пальцы на руках и ногах как будто вывихнуты. Как стал ты таким убогим и нищим, таким униженным и презренным? По какой причине ты все это испытал? Расскажи мне во имя нашей дружбы!»

И со стоном я сказал ему: «Что я таков, как ты видишь, я и сам не знаю; и по какой причине я стал таким, я тоже сам не знаю».

«Но я-то, — сказал он, — знаю причину; и что я по этому поводу думаю, я тебе скажу».

«Скажи мне, — воскликнул я, — ради бога, и ничего от меня не скрой!»

«Я уверен, — сказал он, — сын мой, что не из-за чего другого стал ты таким, какой ты сейчас, как из-за непоколебимой преданности, которую ты всегда проявлял к государю, так как даже во сне ты никогда не мыслил быть ему неверным, несмотря на то, что за это ты испытал все эти великие и разнообразные бедствия. Ведь если бы и ты нарушил свою присягу, когда ты находился на Лемносе, как и многие другие, совершенно так, как всем известный рогоносец Керанцес, у которого в кармане было всего только 70 серебряных монет, и если бы ты тогда последовал в Филиппополь за племянником нашего благороднейшего самодержца, носившего имя Иоанн, а ведь это значит милостивый, то тебя не оклеветал бы этот мошенник хиосец из Ливии, этот подлец счетовод, и не задумал бы против тебя и не сделал бы никакого зла этот «вороноглазый вор», как обозвал Клавдиот этого прославленного секретаря, который раньше занимался торговыми делами на Черном и Белом морях³⁶, а затем стал по божьему наитию, чтобы не сказать сойдя с ума, монахом-назареем; и ты бы имел достаточно денег, честь, славу и здоровье, управлял бы многими людьми, как Керанцес, с раной от рога, с мордой мулата, как такой же черноволосый Тарханейот, как с медно-оловянным лбом Махетас, как многие другие».

«Я и сам, — сказал я, — давно уж мог бы уразуметь, что это так, как ты сказал. Только я боялся это говорить, как бы и это вместе со многим другим не было поставлено мне на счет и не оказалось для меня причиной новых бедствий. Постоянное уныние, в котором я находился и день и ночь, гнев на меня владыки и все время его дурное обо мне мнение сделали меня таким, как ты видишь».

12. «Я испытываю, сын мой, — сказал он, — большой страх и тяжкую заботу, охвачен великой боязнью, подобно, по словам поэта³⁷, голубку

³⁴ Измененный 38-й стих XIX песни „Илиады“.

³⁵ *Ἰαπετός* — один из титанов, отец Прометей. Имя его употребляется как символ древности.

³⁶ В средние века стали применяться заимствованные у турок названия: Черное море — для древнего Понта Эвксинского и Белое море — для Эгейского.

³⁷ Софокл. Аякс, ст. 139.

с робким взглядом, за своих сыновей, твоих товарищей, как бы и с ними не случилось чего подобного, такого же, как с тобою. Я узнал от тех, которые пришли с земли, будто они собирались отправиться на север служить к всемилостивейшему воеводе, для того чтобы и им обогатиться, как, уйдя туда, внезапно обогатился певец Полос Аргирос³⁸, но что их дядя с материнской стороны, Акрагант, помешал им в этом и они находятся теперь в прежнем несчастном положении. Из них младший, «являющийся теперью ком Патрокла», Алусиан³⁹ находится при дворе в хоре низких льстецов, толкаясь там вместе с Лукием, или ослом⁴⁰, Кидонием⁴¹, чье имя напоминает и айву и овцу, Пигонитом, что подкалывает свою задницу⁴², Зоотиком, боящимся палки, с Андроником, этой обезьяной из Вероники. Кроме этих корифеев хора, там же находятся и Сирматфей⁴³ с золотым мозгом, который без исследования астрольбией не решается сходить даже в отхожее место, и грязный маленький Феодосий, который в сновидениях облачается в белые одеяния императора. Второй же, старший, носящий имя Пепагомена, а по прозвищу Савромат, числится по списку «гибельных человекоубийц», как и свихнувшийся Онокентий⁴⁴, если назвать его по-латыни, его родной брат, полное его подобие, Либистр, оглушенный и слабоумный Малакей, Петр, по словам Синезия, являющийся гордостью Пентаполя, и прежде всего этот кербер Конон, который вместо целебного напитка подносил больным коний (болиголов) и, наконец, Харсианит, который легко и бескровно препровождал к Харону больных».

«Будь спокоен, — сказал я, — не волнуйся; они ничего такого не испытывают, пока они останутся неженатыми; когда же они захотят заключить брак, тогда ты увидишь их такими же, как и я, и даже еще хуже. И я, пока жил один, пользовался достаточной славой и честью, какими только можно было пользоваться, наслаждался богатством и всем другим, что, как ты сам знаешь, считается благом. Но тотчас же, как только я женился (горе мне!), последовали за мною по пятам и несчастья, так как, по словам писателя, к достоинствам пристают и пороки. И вот я, как ты видишь, нахожусь в таком положении». «И таким, — сказал он, — ты хочешь пребывать и в Аиде?»

И тут я стал говорить ему: «Отнюдь нет; но после того как в моей несчастной жизни меня преследовали по пятам бедность и бесславие, изгнание и бесчестие, оскорбления, клевета и ложные обвинения, одна за другой всякие болезни и, что самое ужасное, страх перед царским гневом, и все это позорное обращение, выказываемое мне то в городах, то на островах, немалые потери и наказания, гибель детей и тысячи других бед. И самое тяжелое из всего это то, что всем этим бедствиям даже до сегодняшнего часа не поставлено никакого предела, но светлейший государь тем, которым он хочет внушить страх и ужас при предоставлении им служебных долж-

³⁸ Переделка очень известной в Византии фамилии Аргиропул.

³⁹ Это имя означает „неумытый“. Мазарис цитирует здесь отрывок стиха из Аристофана („Богатство“, 84), указывая, очевидно, на всем известную неряшливость этого лица.

⁴⁰ Этот герой Лукиана упоминается для насмешки над придворными.

⁴¹ Непереводимая игра слов. Двойное сравнение этого весьма распространенного в Византии имени основано на созвучии его с названием айвы: Κωδόνιον μήλον. Используя двойное значение слова μήλον (плод и овца) и заменяя каждое из них синонимами (τὸ πρόβατον — овца; ἡ ὄψα — плод), автор получает: τοῦ τῆς ὄψας Κωδόνιου ἢ προβάτου.

⁴² Πυγῆν νόστων Πυγώνιτης. Обычная для Мазариса игра слов.

⁴³ Σιρματδαίος — первый слог в этом имени представляет собой, очевидно, франкский титул *sigre*. Возможно, что речь идет о Матвее Ласкарисе, который позднее (в 1422 г.) был послом при султани Амурате II.

⁴⁴ Сознательное искажение латинского имени Иннокентий (гр. ὄνος — осел).

ностей, вспоминает меня, бедного, вместе с Меликнасаром и несчастным Булотой и, браня, ставит меня примером негодности, как какое-то пугало для предостережения других. И вот, когда все это, как сказано, я перенес с божьей помощью и поддержкой стойко и, если можно так выразиться, с некоторого рода великодушием и мужеством, я ожидаю, по словам божественных евангелий⁴⁵, вкусить всякое благо, заслужить беспечальную жизнь и все то, что обещано мужественно претерпевшим до конца все бедствия».

13. Когда я это говорил и не окончил еще своего рассказа, появился бегущий ко мне из миртовой рощи, как из своей спальни, тот старший бабник Антиох и, прежде чем он успел по своему обыкновению меня обнять и поцеловать, торопливо спросил меня: «Что подельывает, приятель, моя дорогая, горячо любимая возлюбленная, о которой я не могу забыть ни ночью, ни днем, везде, где бы я только ни был, в Галлии ли или в Британии, даже здесь, в пределах Аида; каждый час я все надеюсь и жду, что она придет сюда. Ведь для охваченных страстью, по словам поэта, день так же долог, как вся человеческая жизнь. И если длительность жизни (здесь) беспредельна, то ты можешь себе составить представление, друг мой, как я страдаю. Поэтому-то я и прошу тебя, дорогой мой, скажи мне все по правде, сохранилась ли ее красота и ее богатство? Я очень хочу, как только она придет сюда, жениться на ней».

«О ком ты говоришь, — спросил я его, — ты, несчастный, потерявший ум от женщин, воняющий от ожогов и нарывов?»

Он в ответ: «О той, которая живет близко от ворот святого мученика Романа, несчастный, у которой большие виноградники, которая кутит и роскошествует и в то же время блистает, как солнце при восходе, — я говорю об Анатолико».

«Ах ты, бабник, — ответил я. — Ее красота прошла, как цвет весенней лилии, а ее богатство растратил ее сын, которого звали, как вышедшего из могилы, Анатолием, мозги которого были в пятках».

«Горе мне, — воскликнул этот сластолюбец, — так как божественный государь запретил мне на ней жениться. Поэтому я надеюсь, что если судьба помешала мне получить такое счастье, то и дела и положение ромеев будут такими же».

«Ах ты, шут гороховый, — сказал я, — от старости впавший в детство, тройной болван! Ты и в Аиде все вспоминаешь о женщине. Харон давно уже дал тебе жетон!⁴⁶ Или ты забыл, что у тебя есть дочери, есть сын, чортов Алексей, бывший жестоким сборщиком податей, такой опытный в исполнении службы и наряду с этим вор и скряга, что даже тмин расщеплет».

Придя в себя и вспомнив все, он сказал: «Ну да, конечно. Но так как он не захотел идти той дорогой, какой я сам шел, то потому-то я и не люблю его и не хочу его знать. Ему выгоднее было бы иметь дело с теми людьми, в среде которых вращался я, чем собирать подати, обирая последние гроши, с теми, с кем он захотел так ужасно служить. И если он как вор будет уличен в мошенничестве, боюсь, как бы с ним не случилось того же несчастья, как и с тобой».

14. В это же время пришел с Млечного Пути Мельгуз, который и сам доил в прежнее время коз, узнать о сыновьях, остались ли они и теперь такими же доносчиками, каким был он сам. А за ним с реки явился

⁴⁵ Евангелие от Матфея, V, 10.

⁴⁶ *Εμβολον*. Он вручался в Афинах всем вновь избранным судьям и присяжным как знак их власти. Здесь Мазарис, перефразируя Аристофана („Плуто“, ст. 278), хочет сказать, что Антиоху пора уже перестать думать о земных делах.

старик Потамай, весьма красноречивый как в устной, так и в письменной брани; он пришел, чтобы узнать относительно бесчувственного Камиды, молодого паренька с Запада, все ли он и теперь удаляет волосы при помощи (пластырей из) смолы; и относительно Харсианита с коричневыми здоровенными зубами, развратника и пьяницы, имеет ли он и теперь ту же наложницу, пьет ли он цельное вино, как он его тянул и прежде.

Вместе с ним пришел и Клавдиот, поросячий паша, как его называл Падиат, окрасивший и бороду и волосы на голове вороньими яйцами; ведь, по уверению людей, которые мажутся этим составом, от яиц ворон получается черный цвет, как порфирный из сока улитки. И прежде чем меня обнять или поцеловать, он сказал скорее серьезно, чем шутя: «Разве я не говорил, мой милый кум с помазанными ушами, что все, что делает благодетельный Зосима для непостоянного и ничего не стоящего моего сына Айтины, все сделано напрасно, как бы брошено в пропасть. Впоследствии он опять перейдет к исмаилитам. Ведь кто раз обрезан, тот не держит слова и не является верным ни богу, ни государю, но всегда стремится мыслью к учению Магомета, к безумию мужеложства и всякой другой распущенности, как делал это и я все время, пока находился на Лемносе».

«Да, — сказал я, — ты это говорил, но я думал, что ты мог это говорить из зависти».

После них пришел заткнувший, как аспид, свои уши Аспиетей, который сладок на словах, в поступках же кусается, как змей, от укуса которого я до сегодняшнего дня смертельно болен. Ведь укушенный животным может, говорят, излечиться, приложив целебное лекарство, а от укуса злых людей нельзя даже сказать, сколько погибло и всяких городов, и отдельных лиц, и островов, и царей.

Издали увидав меня, он закричал: «я не забыл тех флоринов в Галлии, которые незаконно отнял для себя тот тощий, хромой, как Гефест, весь сморщенный Стафидак. Я помню о них и буду помнить, пью ли или не пью воду забвения. И как только он придет в эти места, я бегом брошусь, чтобы представить его перед судом Миноса, и буду обвинять его в этом».

15. После него пришел латинянин Варфоломей из Гасконии⁴⁷ и, приветствовав меня на латинском языке: *Vene venisti, amice*⁴⁸ (добро пожаловать, дружище), с улыбкой сказал мне: «Что подельвает, любезнейший, мой сын, а твой приятель при дворе императора? Состоит ли он, как прежде, в управлении по соляным варницам или он служит в качестве переводчика в сношениях между латинянами и греками?»

С трудом вспомнив этого человека, так как его голова и борода были обриты, я сказал ему: «Он прекрасно работает и там и здесь, благороднейший руководитель. Только теперь он занят подведением некоторых счетов по соляному делу».

Он покачал головой и, скрестив свои руки, глубоко вздохнув, сказал: «Кто же теперь наблюдает за счетами ромеев и должен подводить все итоги?»

«Не знаешь ли ты, — сказал я, — того, прибывшего из Вавилона⁴⁹ в Хрису, который затеял судебный процесс со стариком пелопоннесцем,

⁴⁷ В греческом тексте: *Ντελλαγάσκος*. Принимается расшифровка Газе: *de la Gascogne*.

⁴⁸ В греческом тексте: *Μπε[β]ένη|α μισέ*. Буассонад считает его латинским: *Ve(ne) veni(sti), amice!* Эллиссен, вслед за Газе, считал, что приветствие — на итальянском языке: *Ben venga, messer*.

⁴⁹ Т. е. Багдада.

неразумным Софианом⁵⁰ относительно посланного императором в Александрию груза дерева?»

«Ты говоришь о том паршивом Мисаиле Мускаране, злоязычном, гнусном и лукавом жулике и подлеце, который воображает, что он знает настоящее, будущее и прошедшее, а на самом деле ничего, кроме бесстыдства, не знает, об этом персидском звездочете, коверкающем греческий язык, склонном к латиномыслию обрезающе, не признающем божественной троицы, не питающем к императору неизменной верности, который ко всем своим остальным друзьям выказывает свою любовь не настоящую, а из-за лести, коварства и обмана? И этот-то грязный негодяй, глупый, несдержанный простофиля, говоришь ты, хочет, чтобы мой милый сын сидел за этими счетами?»

«Да, — ответил я ему, — я имел в виду этого тройного, скорее трехгрошевого негодяя».

А он, схватив меня за руку, дрожащим голосом говорит мне: «Я слышал от честного Голобола, что ты собираешься опять отправиться к живым людям; если это так, как я слышал, передай от меня тайно благороднейшему государю следующее предостережение: не следует этого проклятого, порочного, склонного к латинству, противника символа веры, этого (Иуду) Искарриота скорее, чем Мускарана, отправлять послом и подеста Галаты. Поистине как ветряная мельница⁵¹, этот подеста бесстыдно сбросил на землю императорское знамя по совету того субъекта; а затем тотчас же, когда он был отозван, как будто придя в себя после пьяного угара, подеста велел водворить его с удивительной помпой и великой честью на прежнее место. Так вот, если государь не пошлет его ко всем чертям, то завтра же он причинит царице городов много неприятностей, и все по совету этого хитрого злодея и развратника. Это он в великой церкви господней сеял плевелы; это он убедил советами и постоянными письмами своего зятя, несчастного Рауля Мирмека, купить известный остров ромеев Фасос».

16. Когда он так беседовал со мной, снова явился передо мной восставший из мертвых почтенный Голобол и, взяв меня за правую руку, отвел меня в сторону, где росли густолиственные вязаи и множество платанов, а на них распевали птицы на разные голоса; но к тому, что было сказано, он ничего больше не мог прибавить, как только: «О, дорогой друг!»

Затем при пении этих птичек напоследок явился и музыкальный корифей Лампадарий, этих в руке зажженный светильник, и прежде всего запел песню мертвых:

«Аид отпускает дрожащего от страха Мазариса».

Так, обычно он говорил мне при жизни. Затем он спросил меня: «Как поживают мои разнесчастные, ничего не понимающие и трижды жалкие сыновья, которые, отказавшись от отцовского призвания и искусства, навсегда отдались материнскому примеру? Ради нашей дружбы расскажи мне об их общественном положении и образе их жизни, потому что ведь многие приходящие из мира живых смутили мою душу и привели в беспорядок мои мысли, говоря, что мой старший, названный матерью Ласкарисом, возлюбил уединенную жизнь и, переменяв призвание, стал монахом,

⁵⁰ Σοφιανός — мудрый.

⁵¹ Эти слова ἀλοχόρπον δένδρον бессмысленны и требуют исправления. Эллисен, относя их к императорскому знамени, переводит: „как какое-то бесплодное дерево“; я думаю, что они относятся скорее к подеста, исходя из значения ἀλοχόρπον — „вращающийся во все стороны“, тем более, что у Мазариса довольно ярко ощущается нелюбовь к „латинянам“. Отсюда — наш перевод „ветряная мельница“. — Прим. пер. в.

но от своей подруги, уже многими перещупанной, родом из Скифии, с которой он баландался с самого детства, он не отказался, а присосался, как улитка, к этой распутной бабе. И на площади, и в собрании, на перекрестках и празднествах он не столько прокладывает ей дорогу, сколько плетется за ней, похрюкивая. И не стыдится он, несчастный, или скорее умалишенный, ни той одежды, в которую он облачился, ни рода матери, но рясу свою он носит, как дурак, будто осел в львиной шкуре. А второй, Драконтоним, получивший прозвище «Толстошекий», увидав певца Пола, вернувшегося в родной город из Валахии с большими деньгами, захотел и сам отправиться туда, чтобы обогатиться; он покинул родину, но позорно потерпел крушение и, вернувшись оттуда, трется без толку у императорского дворца».

«Что касается их, — сказал я, — дело обстоит именно так, как ты говоришь, великий музыкант; тот, кто рассказал тебе об их общественном положении, изложил тебе все правильно. И я очень прошу тебя, не ввергай меня в многоречие и подробные описания и не заставляй рассказывать или подробно передавать тебе, что они делают. Ты видишь, как многие стремятся ко мне с вопросами, и у меня уже голова заболела, пока я сам разговаривал и других выслушивал».

«Раз ты так неохотно, — сказал он мне, — ведешь разговоры и не хочешь подробно рассказывать, а мне же страшно хочется что-нибудь узнать, то прошу тебя, хоть выслушай, что рассказывал мне о них виновник всех бедствий первый настоятель монастыря».

«Скажи мне это, — ответил я ему, — но только кратко; ты видишь, что я спешу».

17. «Я так и сделаю, — сказал он. — Только ты слушай. Рассказывал мне этот от старости впавший в детство, весь согнувшийся старик, эта вышеназванная язва, который, по его словам, пришел в ад против своего желания. Он говорил, будто мой старший сын, постригаясь в монахи, прикрыл капюшоном и рясой не только свои младенческие мозги и невежество, свою глупость и леность, но и свое тщеславие, распущенность и разврат, чем он занимался еще с детства. Он стал долгополом и пребывает в монастыре Эвергета, лицемера и оставаясь поклонником Афродиты. Младший же живет, как живет молодость, т. е. распущенно, глупо, развратно, с большим самомнением, скорее как безумный и безрассудный. Обученный мною в совершенстве искусству музыки, так чтобы он мог жить в чести и достатке, как на земле жил и я сам, он отказался от этого занятия и выбрал другую жизнь — отвратительную, грубую, бесчестную и бесславную, в конце концов неприбыльную и позорную. Он не захотел состоять в клире святой императорской, великой и божественной церкви и называться церковнослужителем, чтобы петь победные и божественные гимны; но предпочитает петь дурацкие песни с мальчишками и рабами, с пьяницами и шутами, дурачащимися, делающими все и позволяющими над собой делать все. Он часто избегает во время праздников и торжеств петь среди церкви; а вот с развращенными нечестивцами он поет, танцует, ведет себя шутовски, дурачась, как обезумевший. Конечно, ему стыдно, и он краснеет, конфузится, приглашенный к благороднейшему самодержцу, чтобы петь под звуки кифары и передавать своим голосом гармоническую песнь древних или новых музыкантов, и отказывается от этого. А вот по всяким углам, на перекрестках дорог, по трактирам, в притонах развратных женщин он поет под кифару и пляшет и совершает другие непристойности иногда тайно, а иногда и явно, пренебрегая скрытностью. Часто его приглашают высокопоставленные люди, принадлежащие к императорскому дому, и заставляют пропеть для государя песню, мною положенную на

музыку для увеселения и удовольствия императора и деспотов; — так он прячется в угол, скрываясь за людьми, и конфузится, как маленький ребенок, и пищит тонким голосом, как какой-нибудь евнух. А вот когда его просят оборванцы и люди никчемные, он поет в пьяном виде, не краснея, фальшиво голосит, кричит надрываясь, пляшет, совершая неприличия, с глазами, налившимися кровью от пьянства и выпученными, как от удушья. Ввиду этого во славу Давида-многопевца он может выть, как собака, и скитаться по городу, и будет разорван плащ его, и должность его возьмет другой из-за того, что он не выполнил отцовские наставления, распоряжения и указания. А сваха, которая побудила меня жениться на матери их обоих, пусть попадет в пасть Кербера».

18. Вознегодовав на этот длинный рассказ, честный Голобол сказал мне: «Видишь ли ты этот глубокий, заросший кустарником источник?» Я ответил ему: «Вижу». — «Сделай вид, будто ты туда отошел в сторону, и, скрывшись в нем на короткое время, быстро возвращайся к жизни, радуясь и веселясь, на много дней под светом солнца. И прежде всего от моего имени передай приветствие и пожелание радости благороднейшему, исполненному всякой мудрости, искренне любимому дяде божественного и великого самодержца, Асану⁵². А затем не забудь сказать ему от меня следующее: «Я и в Аиде не забыл, красноречивейший из людей, твоих золотых поэм. Но как и в императорском дворце я вспоминал и читал ежечасно владыке и всем другим твои произведения, так и здесь я их помню. По ночам я рассказываю великому Плутону и Персефоне все то, что ты так ясно изложил о пробуждении ныне спящих. А днем я с удовольствием излагаю Миносу, Эаку и Радаманту содержание тех 69 сочинений, которые ты неутомимо писал в течение всей своей жизни, избегая варварских и искаженных выражений, не говоря уж об их мудрости и ясности. И театр я наполняю драматическими произведениями о риторках и философках, причем одни из слушателей скачут от удовольствия, другие сардонически усмеваются, а иные наполняют воздух криками и умоляют Клото до срока перерезать нить на веретене, назначенную для тебя, с тем чтобы ты скорее прибыл в Аид. Все охвачены страстным желанием увидеть тебя и из твоих уст услышать твои чудесные декламации. Затем сделай все так, как я тебе наказывал и советовал. И ради нашей дружбы никому не рассказывай о моих делах, но, как обещал, все сохрани про себя. Тут тебя спрашивают не только о блаженствующих в жизни, но по словам Гесиода: «Зависть питает гончар к гончару и к плотнику плотник; нищему нищий, певцу же певец соревнует усердно»⁵³.

И подобно тому, как при жизни наверху добрая слава, полученная даже близким человеком, вызывает зависть, по словам поэта, у завистника, так и здесь в Аиде счастливая жизнь, почтение тех, кому божьей волей живется хорошо, и блеск и наслаждение, предложенные им богами, являются «занозой в теле» тех, которые, по моему мнению, плохо вели свои дела в жизни. Поэтому старый священнослужитель завидует другому, архиерей — архиерею, монах — монаху, сатрап — сатрапу, министр — министру, вождь — вождю, начальник — начальнику, военачальник — другому военачальнику, адмирал — адмиралу, судья — судье, секретарь — секретарю, учитель — учителю, ритор — ритору, врач — врачу, брат — брату, отец — сыну, и, что особенно ужасно, страдающий подагрой рук и ног завидует подагрику только в ногах; одним словом, все не только за-

⁵² Буассонад считает, что здесь имеется в виду Михаил Асень, сын болгарского царя Александра Асеня.

⁵³ „Работы и дни“, ст. 25—26 (перевод В. В. Вересаева).

видуют, но злобно клеветуют и друг другу устраивают коварные штуки, всегда и ежечасно плетут ложные доносы и вследствие этого они и теперь и во веки веков будут нести наказание: одни попадают в пасть Кербера, другие на вечный огонь, иные в Тартар и к ядовитому червю, туда, где скрежет зубовой и вопли, иные же подвергаются другим, еще горшим и тягчайшим наказаниям. Прежде чем они узнают и услышат от проклятого, отвратительного, заплеванного, кровожадного Падиата, разрушающего чужие браки, что ты, похищенный на рассвете насильственно, так прибыл сюда, все их толпы в этой долине, которую ты, мой дорогой, видишь, бегом явятся к тебе голыми и постыдно обнаженными, и день и ночь будут расспрашивать тебя и выпытывать о тех, которые пребывают еще там наверху в живых, как каждый из них живет, что делает и какую должность занимает. Если это случится — да не будет этого, — ты никогда не уйдешь из ада, как и я сам, вплоть до того времени, как прозвучит труба последнего суда».

Все это, читатели, я написал по принуждению, больше со слезами, чем ради смеха, больше ради воспитания, чем ради развлечения, более всерьез, чем в шутку.

**Сновидение после возвращения на землю,
или
сообщение, посланное Голоболу из Пелопоннеса,
из Тенара, в Аид**

19. В чем дело, хитроумный Голобол? Неужели и в Аиде ты меня так же обманул, как некогда на Лемносе, когда ты с высокодержавным государем послешил из Константинополя в Италию и Галлию вплоть до самой Британии? И, может быть, тогда ты это сделал из ревности, чтобы я, плывя вместе с тобой, и сам не стал твоим соперником, как теперь в Константинополе оказался этот потомок злых ангелов? Даже в пределах Аида, где нет места ревности и зависти, раздору и коварству, шуму и беспорядку, где ни секретарь, ни министр, ни военачальник, ни адмирал и вообще никто не имеет права заниматься чем-либо подобным, но где каждый единственно за то, что он сделал при жизни, должен отдать отчет, ты, злодей, все-таки надул меня, говоря: «Уходи опять вверх к живым; никому нет дела до тебя, такого бедного и презренного человека, такого ничтожества». А еще хуже был твой коварный совет, когда ты сказал, чтобы я со всем достоянием отправился в Пелопоннес и что будто бы там я достигну великого почета и богатства. Среди других щедрых обещаний ты сказал, что я там вместе с моими близкими буду осыпан всякими благами, если я пристроюсь около одного из тех, которые находятся при дворе порфирородного⁵⁴. И смотри теперь, как я, уступая твоим частым, но полным обмана советам, прельщенный твоими высокопарными заявлениями, на словах такими выгодными, на деле оказавшимися пустыми, как я и к жизни вновь вернулся, и всем домом переселился в Пелопоннес. Из всего наобещанного тобой я не только ничего не получил, но в течение 14 месяцев живу в еще большей бедности и бесславии, чем прежде. Я боюсь, как бы при более длительном моем пребывании в Спарте со мной не случилось того же, что было в Константинополе с тем пелопоннесцем, Синадином из Кормей⁵⁵, а именно, чтобы я сам не заговорил по-вар-

⁵⁴ Деспот Феодор Палеолог. См. предисловие.

⁵⁵ Синадин из Кормей среди современников императора Мануила Палеолога нигде не упоминается. Эллисен предполагает, что здесь речь идет о Феодоре Синадине, принимавшем участие в борьбе между Иоанном V и Кантакузином

варски, как уже говорят лаконцы и называющиеся теперь цаконцами, употребляя много разных варварских слов...⁵⁶ А что мне теперь делать? Удрученный бедностью, пав духом, я помышляю о возвращении и не знаю, какой из двух путей мне избрать: вновь ли бежать мне в ад и выносить там тьму Тартара, лязг и скрежет зубовой⁵⁷, его червей и другие наказания, какие я там видел, — ведь если бы даже я (по словам оратора)⁵⁸ сидел запершись в своих четырех стенах, это все равно рано или поздно меня ожидает, — или продолжать жить, претерпевая несчастья, бедность, недостаток во всем необходимом и все остальные беды, которые я переносу ежедневно в Пелопоннесе.

Кто нуждается в самом необходимом, как говорится, приходит в уныние; став таким, он вызывает к себе ненависть, а чувствуя к себе ненависть, еще более огорчается, а огорчаясь, он уже не задумывается о пользе для себя и не принимает мер, чтобы для себя что-либо сделать полезное, как это и было со мной в Константинополе. Лишенный всего необходимого и особенно страдая от немилости владыки, я ничего не делал полезного для себя. Поэтому я и здесь боюсь той же участи, если погружусь в великое уныние. Посоветуй же, в какую из этих двух сторон мне податься. И ради нашей дружбы скажи правду и не обмани меня, как прежде. И я даю тебе вполне добросовестных поручителей, известного несчастного врача из Фессалоники Халазаса и угрюмого рехнувшегося писца из Константинополя, у которого ум за разум зашел, Экзакуста, что я не буду лечить ни одного подагрика и что я не буду помощником секретаря или каким-либо другим способом во веки веков не буду соперником стоять на твоей дороге.

20. «О я несчастный, — сказал он. — Своему лучшему другу я причинил такое несчастье. То, что я тебе посоветовал и что ты испытал, отнюдь не было, друг мой, с моей стороны завистью и коварством, как ты говоришь. Нет, клянусь головой моего любимого племянника, чертова Алексея. Но я сам обманулся, подобно тому как те, которые еще пользуются жизнью, всегда обманывают и обманываются, особенно когда в своих сновидениях видят себя богатыми; вот поэтому я и посоветовал моему самому дорогому другу отправиться к жителям Пелопоннеса. Я думал, что они будут по отношению к тебе такими же, как ко мне, когда я прибыл туда с благороднейшим самодержцем. Они доставляли всего в изобилии и сверх того дали мне в благодарность за те распоряжения, высочайшие приказы и хрисовулы, которые я писал для них, 700 золотых статеров. Из-за этого я побудил и тебя пойти туда, чтобы стать богатым, как обогатился внезапно и я сам и выстроил себе прекраснейший дом».

«Ты говоришь глупости, милый мой, клянусь нашей дружбой, — сказал я ему. — Где там в Пелопоннесе обретается богатство? Или щедрость, любовь, миролюбие, чувство расположения и справедливости, гостеприимство, воздержанность, или какие-либо другие добрые качества?»

«Но что же теперь там в ходу? — спросил он. — И какой образ жизни они теперь ведут, и как поступают эти жители «Пелопсова острова»? Я страстно хочу узнать об их житье-бытье».

«Ну, ну, — сказал я ему, — ты там обогатился, чернозадый, как ты сказал, и прожил там долгое время; и ты не узнал их житья-бытья. И те-

(середина XIV в.). Под Кормеей, родиной Синадина, тот же ученый понимает г. Корону вблизи Мессены.

⁵⁶ Дальше автор приводит образцы этих „варварских слов“, опускаемых в переводе.

⁵⁷ Ср. Евангелие от Матфея, VIII, 12.

⁵⁸ Демосфен, речь „О венке“, § 97.

перь ты говоришь, чтобы я рассказал тебе об образе жизни пелопоннесцев!»

«Да, — сказал хромоногий, — все это так, как ты говоришь; но ты обо всем этом знаешь точнее меня, будучи более внимательным наблюдателем и имея больше свободного времени, да и пробыл ты там дольше меня. Я лично был очень занят своим писанием и получением золотых; на все же остальное я не обращал внимания».

«Ты правду говоришь, — сказал я ему. — По словам комического поэта, «В золотые тянет влагу размышление»⁵⁹, поэтому ты ни на что уж и не обращал внимания. Но дело вот в чем: если бы я тебя послушался, как ты просишь, и рассказал бы тебе, как живут пелопоннесцы, то мне пришлось бы бояться и почти содрогаться перед этим поступком, раз я нахожусь еще в Спарте. Ведь если они заметят, что я рассказываю или описываю, какую жизнь они ведут и как они при этом действуют, и вообще сообщаю об их жите-бытье и их поведении, то они пристрелили бы меня или пронзили бы дротиками, которые они ни днем ни ночью не выпускают из рук, и так они поступают всегда не только со своими врагами, но и со своими друзьями и родственниками во время попок».

«Будь спокоен, — сказал он, — не бойся. Я могу указать тебе легкий и безопасный путь для сообщения мне, как обстоят дела у пелопоннесцев, и ты будешь в полной безопасности и не подвергнешься бедам, как подозреваешь».

«Какой же это способ, — сказал я ему, — о котором ты говоришь, что он легок и безопасен, чтобы мне не попасться, если я буду рассказывать о делах пелопоннесцев? Ради бога, скажи мне это по секрету».

«Я скажу с удовольствием и всю правду, — сказал мне он, — и ты не бойся. Как ты знаешь, вблизи Спарты в Лаконике, на расстоянии двух дней пути, есть Тенар; в этом Тенаре идут вверх и вниз легкие челноки, перевозящие, как говорят, души умерших. С одним из них напиши мне и объясни все, как там есть. Так вот, если ты так сделаешь, будь уверен, об этом никто не узнает».

«Ты говоришь, дорогой мой, чудесно, — ответил я, — но скажи, кому безо всякой боязни я мог бы вручить письмо, чтобы оно с полной безопасностью дошло до тебя и лично тебе, а не попало бы в руки кому-нибудь другому в Аиде».

«Отдай давно уже живущему в Спарте поэту Мосху⁶⁰, как он назван по контрасту, — сказал он, — весьма дряхлому и волочащему ноги, вот уже много лет обременяющему лакедемонян. Ему и вручи письмо. А он секретно и очень хорошо доставит его мне».

«Подожди еще немного, — сказал я, — пока я не обдумаю всего по этому поводу. Ведь тот, кто не обдумает всего, является, по словам Соломона⁶¹, своим собственным врагом. Обдумав все и разобравшись, я все по мере возможности расскажу, какой у них, лакедемонян, порядок, общественный строй и образ жизни».

21. «Прошу тебя, ты так и сделай, — сказал он, — я же уйду, чтобы лечить одного топарха, отъявленного негодяя, у которого болят ноги. А душа у него раздваивается, и он очень страдает от нерешительности, который из двух планов ему выполнять: продолжать ли ему проявлять

⁵⁹ Пародия на стих Аристофана: „В капусту влагу тянет размышление!“ („Облака“, ст. 236).

⁶⁰ *μωχος* — побег, бутон, молодое животное, дитя. Здесь имеется в виду какой-то неизвестный византийский поэт, а не буколический поэт II в. до н. э.

⁶¹ У Соломона такого изречения нет.

неизменную преданность государю, которую он теперь проявляет лживо, обманно, как хамелеон, или последовать и ему за другими топархами, ступив на путь мятежа и неверности».

«Кто же это такой, — спросил я его, — этот негодяй, страдающий болезнью ног, душа которого находится в смятении и раскололась на две части, который будет лечиться у тебя? Я хочу узнать его имя».

«Его имени я никак не могу сказать, — ответил он, — но по болезням, которыми он страдает, и по его образу действий ты легко мог бы его узнать».

«Да, я этого человека знаю, — сказал я, — и довольно: не делай его имени известным толпе. Но я нахожусь вот в каком недоумении, очень странном, необычном и трудно разрешимом. Ты только что сказал, что отправляешься исцелять как его ноги, так и его несправедливую изменчивую душу. Ах ты, нечистая сила! Есть ли для него излечение, для него, который чернее эфиопа, который слывет самым ничтожным, самым преступным? Конечно, его боль в ногах ты можешь уменьшить, дав ему напиток из терпентина; но переделаешь ли ты так скоро болезнь его души, его несправедливости и грабежи, которым он всегда предавался с самых детских лет?»

«Прошу тебя, — сказал он, — оставь свои многоречивые споры и недоумения и напиши мне, о чем я тебя просил и что ты мне обещал. Так как, если ты захочешь исследовать настроение пелопоннесцев, их души и поступки, которые они днем и ночью совершают друг против друга, и ту „верность“, которую они проявляют к императору, и все остальное, что они делают противозаконного, все их взаимные клятвы, обманы и убийства, то ты найдешь души их всех как бы окутанными густым туманом, дышащими убийствами, корыстолюбивыми, спесивыми и всегда стремящимися к спорам и дракам, верность их всегда порочной, полной обмана и коварства, а по отношению к другим поведение каждого из них раскололось на три части: одно у него на языке, другое на душе и в голове, а еще третье делает он на самом деле».

«Если так обстоят дела, друг мой, — сказал я, — как ты это высказал в одной этой фразе, что еще нужно тебе узнать от меня об их житье-бытье, о порядках и образе жизни? Чтобы составить себе ясное представление обо всем этом, вполне достаточно того, что ты сказал».

«Все это в общих чертах мне рассказали в аду многие, но на частных примерах мне это никто не объяснил. Потому-то я тебя прошу и умоляю, чтобы ты мне это описал пункт за пунктом, как мне это хочется».

Тут я его спросил: «Ты хочешь, чтобы я тебе это изложил в пространной форме или в лаконическом стиле?»

«Пиши, — ответил он мне, — обо всем этом подробно, и не опуская ничего; а излагай, как хочешь. Только пошли мне это в ад скорее и не откладывая на завтра, чтобы, по словам поэта⁶², и самому не попасть в беду».

«Ну так; я хотел бы уже сделать, как ты мне велишь. Но если бы этот певец, впавший в детство от старости, хотел бы крепко держаться за жизнь и не пожелал бы отправиться в ад, если ему еще было бы приятно проводить время в Спарте среди праздников и песнопений и вакхических пиршеств, кому другому велишь ты вручить мое письмо?»

«Только заставь свою руку приняться за письмо, — сказал он, — и если Клото не захочет обрезать нить жизни, которую она напряла этому столетнему негодяю, то Харон даст одному из благородных людей свой

⁶² Гесиод. Работы и дни, ст. 408—411.

знак, и не успеешь ты кончить порученное, как он без затруднений, распутный и ветреный, отнесет его Керберу; так вот ему и поручи письмо».

«Я так и сделаю, — сказал я. — Но, хотя я многократно просил тебя, чтобы ты сказал мне, какой из двух дорог мне идти, ты мне не сказал на это ни одного слова; ну скажи же мне, во имя нашей дружбы».

«Напиши мне письмо, которое ты мне обещал, — сказал он. — Относительно же того, о чем ты просишь, я скажу тебе завтра на рассвете⁶³, явившись к тебе во сне».

«А ты разве перед тем не сказал, — заметил я ему, — что откладывать дело во всяком случае не очень похвально? Так зачем же ты откладываешь ответ на завтра, а не говоришь сейчас?»

«Останься еще некоторое время в Пелопоннесе даже против своего желания, — сказал он, — и если светлейший и украшенный многочисленными великими милостями порфирородный деспот⁶⁴ не одарит тебя достаточным для жизни и достойным тебя содержанием, то уходи на Крит⁶⁵ или к деспоту Кефалонии⁶⁶, чтобы ты не скулил, как собака, не кружил по Спарте и не грелся на солнце с несчастнейшим Аканфопатеем. И там, неизвестный никому, ты можешь обучать наукам детей богатых родителей или стать человекоубийственным врачом, как объявившийся в акрополе Спарты Халиберас из рода Дук».

«Приношу тебе благодарность, — сказал я, — что ты дал мне такой полезный совет. А теперь и я со своей стороны охотно примусь за письмо».

Письмо

21-го сентября 9-го индикта⁶⁷

22. Раз уже ты, мой лучший друг, убедил меня не только написать и рассказать, но даже послать тебе в ад то, чего я не хотел говорить даже в закоулке, даже кому-нибудь из своих близких, я пускаю, насколько могу, в ход свою руку и тотчас же приступаю к писанию. В Пелопоннесе, как ты и сам знаешь, друг мой, живут вперемежку очень много разных племен, границы их областей теперь найти трудно, да это и не очень важно. Главнейшие из тех племен, языки которых ясно различаются всеми на слух, следующие: лакедемоняне, италийцы, пелопоннесцы, славяне (слабины), иллирийцы, египтяне и иудеи (среди них немало метисов и подкидышей); всего их насчитывается семь племен. Число «семь» в других случаях многократно является вполне благонадежным и чтимым, а у арифметиков оно называется «девственным», но по отношению к этому сброду оно является безбожным и проклятым⁶⁸. Если бы, конечно, это был один народ, или они составляли бы единый город, то зло было бы меньше и проще; вообще они жили бы там без жульничества, по-особенному, безо всяких происшествий, и во всем сохранился бы законный порядок и справедливость, согласно с чем они бы и действовали. Теперь же,

⁶³ Древние писатели (Гораций. Сатиры, I, 10, 33; Овидий. Героиды. Послание 19, ст. 195; Тибулл. Элегии, III, 4, 1 и др.) считали сновидения под утро пророческими.

⁶⁴ Деспот Феодор Палеолог. См. предисловие.

⁶⁵ Остров Крит находился под властью венецианцев.

⁶⁶ Деспотом Кефалонии был Карл II из дома Токко в Беневенте.

⁶⁷ Т. е. 21 сентября 1415 г. по нашему летосчислению.

⁶⁸ Учение о мистических числах зародилось в глубокой древности. В греческой философии оно связано с именами Платона и Пифагора, не чуждо оно христианской и иудейской религиям. Наиболее священными считаются простые числа, не разлагаемые на множители: 3, 5, 7 и 13.

когда они составляют какую-то пеструю смесь и живут, перемешавшись друг с другом, не может быть иначе, чтобы один не подражал другому в нравах, законах, в природных свойствах, в жите-бытье, особенно во всяких дурных поступках, которыми один народ превосходит другой, все равно как общающийся с хромыми неизбежно станет и сам припадать на одну ногу. Так как дело обстоит так и не может быть иным, расскажем же о каждом отдельном племени, о его обычаях, об их совершенствах и пороках, как пороки одних объединяются с пороками других. И вот одни из них взяли себе за образец тщеславие и лживость, готовность к клевете и доносам, надменность, пьянство и скряжничество во всем, одним словом, полную и законченную злобность. Иные подражают во властолюбии, жажде наживы, в мелочном корыстолюбии и ведут поэтому замкнутую жизнь, но не покидают своей взбалмошности и коварства. Другие позаимствовали непостоянство, неверность, чистейший обман, несправедливость, корыстолюбие, склонность к восстаниям, заговорам, мятежам, предательствам, клятвопреступлениям, к тирании. Иные взяли себе примером всю резкость других, их дикость, неукротимость, яростное стремление к убийствам, грубость, страсть к разбою, их варварство, беззаконие и безбожие. Есть и такие, что по примеру других занялись распространением лжи и шпионством; как дикие звери, они кидаются на всякое мошенничество, предаются попойкам, позволяют себе излишнюю роскошь в нарядах и в то же время занимаются отъявленным воровством, строят козни, проявляют хитрость и коварство; другие опять-таки взяли себе за образец бесстыдство и грубость, лживый и сумасбродный образ жизни, занимаются колдовством, всяким мошенничеством и срезают кошельки. Наконец, иные научились заводить шум и ссоры, научились взаимному подзуживанию и злословию, полному интриг; они усвоили себе враждебные выходы, глупость, бесчестность, развратность; они живут в нечестии, забыв бога. Что я буду говорить о тех, которые предаются грехам Содомы и Гоморры, кровосмешению и другим гнусностям! Ведь если бы я захотел подробно передать образ жизни всех их, мне понадобилось бы тогда и много слов, и длинный рассказ. Так вот, отказавшись от долгих речей, я хочу в одном слове представить и характер и образ жизни всех их. Один из великих людей сказал, что добродетель губится бесполезными речами⁶⁹. Если хорошее портится ненужным, то что же делается с плохим, когда оно возвращается и живет в среде еще более плохого, скорее сказать, с ним смешивается и воссуществует, все более сплетается и валется в нем, как свинья в грязи и навозе.

Если ты, ненасытнейший исследователь, убежден, что именно так, а не иначе складывается их образ жизни, как я тебе изложил сейчас в немногих словах, ты мог бы освободить меня от многословия и не очень приятных рассказов, и от меня не потребовалось бы дальнейших рассказов, чтобы изобразить их образ жизни. Если же ты не убедился и не веришь мне и у тебя есть другое мнение о них, ложное и вызывающее недоумение, которое ты имел, когда посоветовал мне отправиться в Пелопоннес, то выслушай ты, виновник всех моих бед, или скорее, чтобы мои слова имели более широкое распространение, слушайте же вы, живущие в Аиде. Ведь те, которые еще живут на земле, знают все то, что я сейчас скажу, а те, которые после них придут в последующие века, услышат об этом, и это будет памятником негодности, лучшим всех ранее воздвигнутых памятников, ко-

⁶⁹ Мазарис, вероятно, имел в виду первое послание апостола Павла к коринфянам (XV, 33). Но та же мысль встречается и у других писателей (у Диодора Сицилийского, Плавта).

торый заставит забыть все ужасные деяния на Лемносе и [бедствия] из песен «Илиады»⁷⁰.

23. Священный, преславный, высочайший самодержец 25-го июля 7-го индикта⁷¹ отплыл из Константинополя на одном большом корабле и на пяти галерах и прибыл к мятежному много раз воспетому острову Фасосу; там он пробыл три месяца и с помощью сильного войска и могучих камнеметательных машин подчинил себе весь этот остров, как это было в прежнее время, хотя раньше тут бывало часто много больших войн. Затем он прибыл в Фессалонику и, приведя там все в надлежащий порядок, радостно отправился с этим же войском дальше в Пелопоннес. Но ведь он прибыл туда не для пиров или охоты, не для разнузданных удовольствий или отдыха от трудов, от тех многих славных дел, которые он совершил на Фасосе и в Фессалонике; нет: на том, в течение веков открытым и ставшем доступным для всех перешейке Пелопоннеса⁷², об укреплении которого стенами и рвами даже во сне не мечтал ни один из императоров до него, он сверх всякого ожидания в течение 25 дней выстроил стену с зубцами и башнями и на обоих ее концах вновь восстановил две разрушенные крепости для охраны живущих за этой стеной и создал для живущих вне ее убежище от варварских нашествий и притеснений и безопасную гавань. Еще не был окончен этот прославленный труд, как люди, привыкшие перемешивать все снизу доверху и приводить все в смятение в течение всей своей жизни в Пелопоннесе, люди, которые всегда радовались сражениям и беспорядкам, эти всегда смертью дышащие топархи, исполненные обмана, коварства и лжи, погруженные в тьму варварства и напыщенные от пустого тщеславия, неустойчивые, клятвопреступные и неверные по отношению к императору и деспотам, бывшие всегда бесталанными, но мнящие себя выше Тантала, сущие Иры, но считающие себя героями⁷³, преисполненные десятков тысяч распутных и подлых поступков, эти люди — о земля, солнце и весь хоровод светил, к вам обращаюсь я! — позорно восстали против их благодетеля и спасителя. Каждый из них заботился только о создании собственной тирании, они давали друг другу клятвы и, составляя злобные заговоры, строили козни, злоумышляя против благороднейшего императора и востроенные с угрозами у работающих, чтобы они разрушили укрепление, выстроенное для спасения их самих и их близких. А этого создателя укрепления, благодетеля, вождя и хранителя, неусыпного стража ромеев, Геракла нынешнего времени, совершающего подвиги более героические, чем Геракл, который все свои интересы поставил на второе место ради того, чтобы построить стену и провести рвы около этого укрепления для охраны всех живущих за ним, непобедимого и благороднейшего самодержца они хвастались, что уберут или тайно, или при помощи оружия и войска. И вот, когда они проявили по отношению к нему такое предательство и мятежный дух, он, никем не превзойденный самодержец, перенес со всем благородством твердо и, можно сказать, с великодушием и решимостью, безо всякого страха всю эту подлую пустую болтовню этих негодяев, их выходки, коварство и нападения, так же как и их крокодиловы речи, полные обмана и преда-

⁷⁰ Это выражение является поговоркой, оно встречается у многих авторов. Событие на Лемносе — это убийство женщинами своих мужей (Геродот, VI, 138). Под бедствиями в „Илиаде“ разумеется гибель многих героев.

⁷¹ Т. е. 25 июля 1414 г.

⁷² Т. е. на Истме.

⁷³ Ир — нищий в доме Одиссея на Итаке, захотевший вступить с ним в борьбу, но быстро выброшенный им из дома. Очень возможно, что слово „Иры“ (Ἴροι) и слово „герои“ (ἥρωες) при византийском произношении звучали почти одинаково.

тельства, тщеславие вооруженного серпом Геллеавурка⁷⁴. Он двинулся против них со своим могучим войском, милостиво неся с собой, можно сказать, и дождь и солнце, радуясь и вместе с тем страдая: радуясь потому, что этими своими столь полезными и благостными делами он уличил не только их издревле воспитанные ими позорные стремления к предательству и злорадству, но он показал (всему миру) и их плутовство, лживость, фальшь, коварство, всю глубину их прочей низости, ко всему этому их предательство. Ведь их глупость и безумие не могли бы выясниться иначе, как в свете его прекрасных деяний, подобно тому как уличает безумца находящийся в твердом уме, лучше сказать, как пробный камень уличает фальшивое золото. Мучился же он тем, что славное и заслуживающее многих похвал дело, к которому он стремился и о котором возносил мольбы, он не окончил и принужден был тратить свое время на другие дела, неприятные и лежавшие вне пределов его желаний и планов, вроде войн, трудных походов, сражений, взятия укрепленных городов, договоров с некультурными народами, посольств к никчемным лицам, оказание благодеяний неблагодарным, сочувствие и выражение дружеских чувств по отношению к диким варварам, только и жаждущим войн и убийств, и больших денежных трат для изготовления осадных и стенобитных машин, недостатка в самом необходимом, пребывания в безводных диких местах, переходов по непроходимым горам, лагерных стоянок на голой земле, бессонных ночей, ворчания слуг, заговоров рабов, лености и медлительности близких, забот о конях и возни с тысячами других несчастий.

24. Вот какую, если не худшую, благодарность, друг мой, ныне воздают эти люди своему спасителю и благодетелю, общему стражу всех ромеев; следовало бы день и ночь молиться за него всемогущему господу, усердно возносить за него молитвы и прошения, с радостью слушаться и повиноваться его распоряжениям, охотно выполнять его приказания, славить и возвеличивать во всем подлунном⁷⁵ мире вот это его деяние и имя его записать и в своих мыслях, и в своих сердцах. Какими ты слышишь теперь от меня они проявили себя по отношению к нему, своему благодетелю — неблагодарными, к своему спасителю — непризнательными, к недремлющему стражу — отступниками, к готовому применить всякие средства для их спокойствия — мятежниками и заговорщиками, по отношению к своему передовому бойцу и охранителю от всех грозящих им бедствий — клятвopеступниками, убийцами, полными коварства и подлости. Если они так себя ведут по отношению к благороднейшему и высочайшему, непобедимому самодержцу, по слухам, только что заставившему взволноваться и дрожать души сатрапов от Востока до Запада, который своими деяниями навел страх и ужас на всех своих врагов, то что же такие люди сделают по отношению ко мне, бедному и несчастному, и к тем, которые, как я заметил, пелопоннесцы считают восточными?⁷⁶ Поэтому-то я и молюсь всемогущему, сотворившему из ничего все живое, чтобы замки этих мерзких, лживых, коварных, преподлых, никчемных топархов были уничтожены легко и быстро силою благороднейшего самодержца, а сами они чтобы расплавились, как воск от огня, как иней под лучами солнца, чтобы они почувствовали себя униженными, поработченными его строгой властью и господством, покорились бы игу самого лучшего, светлейшего, порфирородного нашего владыки. Молю подземного

⁷⁴ По-видимому, вождь пелопоннесских мятежных топархов. Его имя у византийских историков и хронистов не встречается.

⁷⁵ В тексте: под солнцем.

⁷⁶ Т. е. вообще иноземцами.

Гермеса и Персефону и самого великого Плутона, чтобы, раз уж ты мне коварно посоветовал или скорее соблазнил отправиться в Пелопоннес со всем скарбом, за это ты претерпевал бы в аду, ступая по чертополоху и акантам, чтобы иссякла для тебя вода Стикса, чтобы во веки веков ты не пил воды Леты, чтобы день и ночь сверлили тебе мозг отвратительные речи твоего соперника, чтобы ты лишился золотых флоринов, которые ты, обманутый, отдал скрывающимся под белым покровом⁷⁷. Пребывай в аду, мучаясь до последнего трубного гласа, и принимай нас радостных, когда и мы, если богу будет это угодно, придем к тебе.

**Письмо Мануила Голобола с товарищами
лучшему и славнейшему из врачей
господину Никифору Палеологу Калаке**

25. Думаю и до того нашего письма, о котором три дня тому назад я вел разговор во сне с моим лучшим другом Мазарисом, ты хотел узнать, лучший из врачей, как обстоит дело со мной, подобно тому как и я сам знаю с тех пор все в точности относительно тебя от врача Ангела, который перенес много мучений в Пелопоннесе при получении своих же денег и от отчаяния и упадка духа устремился в Аид. Поэтому нет нужды в длинных разговорах, чтобы написать тебе и утешить тебя во всем и особенно в несчастии и трудах, которые ты перенес, живя в Пелопоннесе. Уехавший из своей родины подобен получившему крылья муравью, и как тот погибает, летая вокруг и около, так гибнет и первый, переезжая с места на место. Но вот что я хочу тебе сказать кратко только в качестве утешения. Раз ты ушел из великой столицы, как я это узнал, и пришлось тебе жить в Пелопоннесе, и теперь, борясь с несчастиями, ты извелся, впад в отчаяние, почти лишился разума и по ночам проклинаешь тот день, в который ты покинул родину, днем же ты вечно вспоминаешь детей, дома, поля, деревья, плоды, цветы, лакомства, рыбу, богатства, пиры, зрелища, беседы с лучшими людьми и все другие удовольствия и наслаждения, я хочу предложить тебе лекарство, отвращающее эти мысли, так что оно даст тебе забвение всех благ, которыми ты наслаждался; я и сам в былое время выпил его в Аиде и забыл все неприятности, которые имел от своего соперника, и обо всем прекрасном, чем я наслаждался в жизни, и о тех золотых флоринах, которые я, обманутый, как простофиля, — о, Геракл! — отдал этим скрывающимся под белым покровом. Воспоминание обо всех наслаждениях, мой милый, является несказанным мучением, наказанием наиболее тяжким, страданием, что грызет не только тело, но истощает и душевные силы. Если бы ты только захотел хоть раз выпить это целебное средство, которое в аду называется «водой Леты», и только его одно, ты бы забыл обо всех этих вещах, и у тебя не будет памяти не только о родине и о всех удовольствиях, которыми ты наслаждался, но также и об этом зарытом золоте и большом нововозделанном поле, о хороших доходах, о спасительных⁷⁸ снадобьях, которые ты поручал делать честнейшему Севастьяну, а также и о взносах чужеземцев и о денежных подарках начальников Галаты. Будь здоров, лучший из врачей и самый счастливый, на многие дни под светом солнца.

Написано в Тенаре 16 октября и послано с Синадином из Кормеи.

⁷⁷ Опять намек на Ксантипулов. См. прим. 20.

⁷⁸ Ирония: вместо „губительных“.

Ответное письмо Палеолога Голоболу

26. Получил я твое письмо из Тенара, великолепнейший ритор, с жителем Пелопоннеса Синадином из Кормеи; это письмо стоило разорвать, а не читать, за то, что ты написал, будто у меня есть зарытое золото. Но что же делать, раз ты его послал, а я против своего желания его прочел и познакомился с написанным тобой рассказом и с твоей памятной запиской, а особенно с твоим советом, последовать которому ты мне рекомендуешь в Пелопоннесе. Я думал, что в письме ты мне напишешь, как идут дела в Аиде, какой жизнью живешь ты и в какой разряд попал ты там, числишься ли ты среди лучших врачей или находишься в числе многовлиятельных ораторов, или занимаешься там одновременно и тем и другим, как ты занимался при жизни, получая прибыль от обоих ремесел; что ты вместе с тем сообщишь, какое из этих занятий там больше уважают: искусство оратора или науку врача; а кроме того, опишешь мне те удовольствия, которыми ты наслаждался, придя туда, с тем чтобы и нас побудить бежать от здешних бедствий и поспешить в Аид. Ты же, судя по тому, о чем ты вспоминаешь и пишешь, еще не напился воды Леты: ведь те, которые вкусили ее, как говорят поэты, все забывают. Если же ты ее пил, как ты пишешь, но все еще имеешь воспоминание и о сопернике, и о золотых статерах, и о племяннике, и о других радостях и удовольствиях, то какое еще большее наказание ты мог бы понести, когда ты предстанешь перед судьей, которого нельзя обмануть? Ведь как ты сам сказал, воспоминание о минувших радостях равносильно десятку тысяч наказаний и взысканий. Если и я выпью воды Леты, как ты предлагаешь, и тем не менее не позабуду ни о чем, что у меня есть, но и в аду буду об этом помнить, так же как и в Пелопоннесе днем и ночью я терзаюсь этими мыслями, я не знаю, в чем тут будет для меня выгода? Поэтому я думаю, лучше мне оставаться на «острове Пелопса», хотя бы в одном нижнем одеянии, бросаемою то кверху, то книзу, лишенному всех радостей, чем в данный момент отправиться в ад. Ведь пребывающий еще в живых, если бы ему пришлось уйти до пределов вселенной, поздно, может быть, но все же смог бы опять вернуться на родину; находящийся же в аду (остается там) вплоть до последнего трубного гласа. Поэтому, пока дела обстоят как сейчас, я не хочу (последовать твоему совету). Мне очень хочется соединить два самых милых существа, ему дать невесту, а ей — жениха. Но тем не менее приготовь нам место по достоинству, потому что немного позже, хотим или не хотим мы, даже против нашей воли мы придем к вам. Пребывай же, красноречивый оратор, не подвергаясь наказаниям, в месте, покрытом зеленью, дающем отдохновение, вплоть до последнего трубного гласа. Это я написал в Спарте 21 октября и послал с безвременно умершим фессалийцем Хрисафом, не имеющим за душой даже кусочка свинца⁷⁹.

Произведение Мазариса в Берлинской рукописи заканчивается следующим письмом императору Мануилу II:

По приказу твоего величества, о преславнейший из всех государей, скорее для шутки, чем всерьез, написал я это, пользуясь постоянным общением с тобой, соединенным с твоими благодеяниями. И благодаря этому общению в течение (всего) времени с твоей мудростью и светлостью, если бы ты мне приказал сплясать, как плясал Терсит, то, слегка

⁷⁹ Имя Хрисафѳис происходит от слова Χρῑσός — золото. Здесь обычное для Мазариса обыгрывание собственного имени.

прихрамывая, я сделал бы это: так ты привлек меня, как бы замороженного волшебством, о светлейший и украшенный многими великими милостями. Однако, так как приказание твоего величества я выполнил охотно и без промедления, исполни и ты, о славнейший, следующую мою просьбу: а именно — не оглашай этого в театре (т. е. при большом собрании) и не читай здесь при тех, кого питает Пелопоннес, но когда будешь плыть по морю Эвбеи и Фессалии, чтобы обрадовать меня, что ты, как обещал, обратил внимание на мою болтовню.

И выполнив это, ты доставишь удовольствие тем, кто плывет с тобою; а пелопоннесцам, так как они не будут слушателями, ты меньше всего доставишь неприятности. Я передал это тебе как раб твоей святой царственности.

ХРОНИКА

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ ПО ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЮ В МОСКВЕ В 1951—1957 гг.

За последние семь лет в Москве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук защитили Е. Э. Липшиц и М. Я. Сюзюмов. Группа молодых исследователей получила ученые степени кандидатов исторических наук.

21 ноября 1951 г. на Ученом совете Института истории АН СССР состоялась защита докторской диссертации Е. Э. Липшиц «Византийское общество и его культура в VIII—IX вв.».

В диссертации последовательно освещаются проблемы общественно-политического и административного строя империи этого времени, общественные движения, законодательство и право, вопросы литературы, науки, просвещения и искусства.

В сфере социально-экономической истории Византии эти столетия характеризуются интенсивным развитием феодальных отношений. Об этом свидетельствуют развивающийся процесс разложения сельской общины, рост внеэкономического принуждения, закрепощение крестьянства, развитие различных феодальных институтов. В VIII в. наряду с общинным землевладением, бывшим господствующей формой аграрных отношений, в империи развивается крупное феодальное землевладение, наблюдается прогрессирующий рост феодальных форм эксплуатации. Византийское общество VIII—IX вв. пронизывают глубокие классовые противоречия.

В диссертации дан анализ трех крупнейших общественных движений VIII—IX вв. — движения павликиан, иконоборчества и восстания Фомы Славянина. Автор подчеркивает сложный характер иконоборчества: на отдельных этапах движения под флагом борьбы с иконопочитанием выступали весьма различные по своей социальной природе и целеустремленности группировки. Демократическая часть иконоборцев добивалась по существу коренной реформы церковного строя как одной из наиболее ненавистных форм угнетения эксплуатируемых масс. Иконоборцы из высшей светской военной знати, возглавлявшиеся правительством Льва III и Константина V, в реформах видели средство укрепления императорской власти и сохранения централизованного государства, а также надеялись поживиться за счет богатейших земельных владений церквей и монастырей. Важно отметить, что широкие демократические слои восточных провинций, и особенно крестьянство, шли не за иконоборцами, а за павликианами. Размах движения павликиан, масштабы распространения его в массах по существу определили ход развития и судьбы иконоборческого движения. Поэтому становятся понятными стимулы, побудившие императоров Исаврийской династии первоначально вступить на путь иконоборческих реформ, а затем — в условиях перехода павликиан к вооруженному восстанию — отказаться от иконоборчества.

В диссертации большое внимание уделено анализу влияний общественных движений на различные сферы идеологии. Автору удалось проследить развитие прогрессивных течений в формах общественного сознания, проявившихся не только в попытках обновления законодательства, но и в расширении наблюдений над явлениями природы, в первых шагах опытного исследования, в возрождении интереса к трудам ученых античного мира.

В византийской литературе VIII—IX вв. зарождается сатирический жанр, пробуждается интерес к басням, используется более разнообразный, чем прежде, сюжетный материал. В изобразительном искусстве новый дух дает себя знать в стремлении к освобождению от традиционных схем изображения фигур в фас, в распространении тенденций, которые можно было бы назвать натуралистическими, в музыке — в оживлении монотонных мотивов широкими песенными мелодиями.

Вся эта эпоха должна рассматриваться как прогрессивная в истории византийского феодального общества — таков общий вывод диссертации Е. Э. Липшиц.

В оживленной дискуссии по данной работе приняли участие академик Е. А. Косминский, члены-корреспонденты АН СССР Н. В. Пигулевская и В. Н. Лазарев, профессор М. В. Левченко.

В их выступлениях диссертация Е. Э. Липшиц получила единодушную высокую оценку. Было отмечено, что ни в советской, ни в русской дореволюционной, ни в зарубежной византиноведческой историографии эпоха иконоборчества не находила еще столь всеобъемлющего и глубокого освещения. Автор диссертации показал себя ученым обширной эрудиции, разносторонним исследователем, большим знатоком источников и литературы вопроса.

В выступлениях акад. Е. А. Косминского была подчеркнута большая заслуга Е. Э. Липшиц в изучении социально-экономической истории Византии VIII—IX вв. и в особенности в создании новой концепции славянской колонизации империи. В противоположность утверждениям некоторых буржуазных историков о том, что славяне будто бы лишь мирно «просачивались» в империю, Е. Э. Липшиц показала длительную и упорную вооруженную борьбу между империей и славянскими племенами и объединениями племен и завоевание славянами целых областей Византии. В диссертации прекрасно показана длительная борьба славян против попыток империи вновь распространить свою власть на всю территорию Балканского полуострова. Особенно убедительно доказано наличие глубоких внутренних противоречий и обострение классовый борьбы в византийском обществе VIII—IX вв. Однако всю совокупность народных движений этого периода хотелось бы более тесно и ясно связать с теми противоречиями, которые характеризуют предшествующий VII век и которые знаменуют падение рабовладельческого строя и начало феодального. По мнению Е. А. Косминского, Е. Э. Липшиц склонна несколько преувеличивать степень развития феодализма в Византии в VIII—IX вв.

Н. В. Пигулевская отметила большую научную ценность новой трактовки VIII—IX вв. — обычно именовавшихся «темными веками» в истории Византии — как периода прогрессивного. Е. Э. Липшиц справедливо связывает подъем во всех областях жизни Византии с социальными движениями, с глубокими изменениями в характере экономических отношений, с развитием нового общественного строя. Однако в работе такого масштаба должен быть более широко поставлен вопрос о переходе от рабовладельческого строя к феодализму. Е. Э. Липшиц не дает четкого ответа, когда и как произошел переход к феодализму, и фактически отка-

зывается от признания революционного момента в этом процессе. Слишком большое значение придается славянской колонизации, которая, бесспорно, сыграла значительную роль в формировании византийского феодализма, но не была единственным фактором в этом сложном процессе. В разделах, посвященных народным движениям, следовало провести параллели с такими социальными движениями на Востоке, как манихейство и маздакизм, которые оказали несомненное влияние на распространение и развитие павликианства. Характеристика иконоборчества затрагивает преимущественно лишь социальную и идеологическую стороны движения, а такие политические вопросы, как борьба высшей светской и духовной власти, отношения с папским престолом, с халифатом, не нашли отражения в диссертации. На протяжении всей работы Е. Э. Липшиц говорит о сохранении рабства в Византии. Было бы правильнее более точно определить роль рабства как уклада в раннефеодальной Византии и, таким образом, установить соотношение между распространением рабства и свободных крестьянских общин.

М. В. Левченко, как и Е. А. Косминский, отметил невнимание автора диссертации к вопросам классовой борьбы в Византии в VII в., борьбы, обусловившей, как известно, окончательный крах рабовладельческой империи. В диссертации же не показано, в результате чего возник тот социальный строй, развитие которого является темой исследования. Е. Э. Липшиц правильно подчеркивает прогрессивность изучаемой ею эпохи, но из ее положений можно заключить, что в Византии совершенно не было упадка культуры в VII—IX вв. по сравнению с IV—VI вв.

В выступлении В. Н. Лазарева были подвергнуты анализу разделы диссертации, освещающие вопросы византийской культуры VIII—IX вв., посвященные Иоанну Дамаскину, Никифору, Иоанну Грамматику, Касию и Льву Математику. Очень хорошо, подчеркнул он, охарактеризовано в исследовании народное направление в искусстве, представленное Хлудовской псалтырью. Однако анализ философских течений VIII—IX вв., в частности разбор философских основ спора иконоборцев с иконопочитателями, мог бы быть более обстоятельным. По мнению В. Н. Лазарева, Е. Э. Липшиц склонна несколько преувеличивать прогрессивные тенденции в политике императоров-иконоборцев.

В заключительном слове Е. Э. Липшиц, приняв ряд замечаний оппонентов, подчеркнула, что в диссертации сознательно были обойдены некоторые вопросы (проблема перехода от рабовладения к феодализму, классовая борьба в Византии в VII в.), поскольку они сами по себе заслуживают специальной исследовательской работы. Замечания Н. В. Пигулевской относительно связи павликианского движения с манихейством и маздакизмом, по мнению Е. Э. Липшиц, следует отклонить, ибо имеющийся материал источников не позволяет провести подобных параллелей. Диссертант не согласился и с замечаниями по поводу трактовки восстания Фомы Славянина: это движение было действительно народным, но в итоге оно было использовано другими социальными группами, в силу чего и оказалось разгромленным.

Ученый совет Института истории АН СССР единогласно присудил Е. Э. Липшиц ученую степень доктора исторических наук.

17 мая 1954 г. на заседании Ученого совета Института истории состоялась защита докторской диссертации М. Я. Сюзюмовым на тему «Производственные отношения в византийском городе-эмпории в период генезиса феодализма».

Оппоненты М. Я. Сюзюмова — акад. Е. А. Косминский, чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская, доктора ист. наук М. В. Левченко и Е. Э. Лип-

шиц, канд. ист. наук Э. В. Удадьцова единодушно отметили, что его работа является крупным вкладом в советскую историческую науку. В диссертации М. Я. Сюзюмова, основанной на тщательном изучении большого количества источников и литературы вопроса, собран богатый и исключительно интересный материал по социально-экономической истории византийского города. Но что особенно придает интерес работе М. Я. Сюзюмова, — это смелость постановки проблем, решительность в отстаивании своих мнений. Во многом работа М. Я. Сюзюмова может явиться образцом творческого применения марксистской теории к конкретно-историческому материалу столь сравнительно отдаленной эпохи.

По мнению М. В. Левченко, основной заслугой М. Я. Сюзюмова является постановка вопроса о специфике крупного византийского города и об особенностях византийского пути развития феодальных отношений. Поскольку развитие аграрных отношений в Византии протекало в целом так же, как и на Западе, своеобразие византийского пути развития феодализма следует объяснять не столько аграрным развитием, сколько сохранением в ней мощных торговых городов.

Такие крупные центры, как Константинополь, Фессалоника, возникли не в процессе отделения ремесла от сельского хозяйства, как это отмечается в отношении западноевропейских городов, но явились прямым продолжением античных городов. Они были центрами производства и торговли предметами роскоши как для Западной Европы, так и для самой Византии. М. Я. Сюзюмов делает ценное наблюдение, что в производстве предметов роскоши на внешний рынок труд рабов мог сохраняться, поскольку на внешнем рынке товары, как правило, продавались выше стоимости, в связи с чем нерентабельность рабского труда могла и не ощущаться так остро, как в производстве предметов для внутреннего рынка. Показывая процесс превращения старых эллинистических городов в города феодальные, М. Я. Сюзюмов правильно объясняет, почему византийский город не дорос в дальнейшем до капиталистических отношений, хотя в византийских городах-эмпориях и имелись элементы, необходимые для перехода к ранним формам капитализма (развитие частной собственности, отношения найма, зародыши рынка труда). Разбирая этот вопрос, автор в первую очередь останавливается на расставке классовых сил в Византии в период генезиса феодализма, на классовой борьбе на разных этапах византийской истории: в период иконоборчества, при Македонской династии, в период развитого феодализма в Византии. В исследовании М. Я. Сюзюмова правильно показано, что византийские торговые города использовали свое политическое влияние не на развитие общенациональных интересов, но противопоставляли узкие интересы городской знати интересам развития производства всей страны, а на поздних этапах феодализма фактически препятствовали развитию капиталистических отношений, развитию национального рынка и тем самым затрудняли начало процесса складывания нации.

Автор правильно объясняет, почему византийские цехи не имели такого сплочения, той относительной силы, которую имели средневековые цехи многих западноевропейских стран. Здесь прежде всего играло роль то, что византийские цехи не имели непосредственно связанных с цехом подмастерьев, использовали рабов и нанимали на определенный срок мистиев, не чувствовавших органической связи с цехом.

Давая в целом высокую оценку труду М. Я. Сюзюмова, М. В. Левченко оспаривает его предположения о наличии в Византии элементов капиталистической мануфактуры. М. В. Левченко считает также ошибочным утверждение автора, будто положение рабов не претерпело никаких изме-

нений к лучшему в византийское время по сравнению с античностью, т. е., что развитие феодальной формации никак не отразилось на положении рабов. Оппонентом были отмечены также и некоторые другие недостатки: неравномерное использование различных видов источников (в частности, автор мало использовал папирусы), погрешности в терминологии и т. д.

Доктор исторических наук Е. Э. Липшиц, подчеркнув общий высокий уровень диссертации М. Я. Сюзюмова, особо отметила убедительность его утверждения, что «в основном производительные силы византийского города-эмпории (в период генезиса феодализма) имели тот же характер, что и в последние века Римской империи». С этим положением связан и другой важный вывод автора диссертации, а именно, что производительные силы уже в последние века Римской империи переросли рабовладельческие отношения. Не вызывает возражения также утверждение автора о значительной роли рабовладельческого уклада в Византии VII—XI вв.

Но некоторые положения диссертации представляются Е. Э. Липшиц спорными. Прежде всего это касается принципа использования источников. Автор, как правило, не обращает внимания на хронологию привлекаемых им источников и использует их, совершенно не считаясь с временем и местом их возникновения. Спорной, по мнению Е. Э. Липшиц, является и периодизация, которой придерживается М. Я. Сюзюмов (М. Я. Сюзюмов считает период от IV по VII в. последними веками Римской империи, а VII—XI века — периодом генезиса феодальных отношений). Как и М. В. Левченко, Е. Э. Липшиц считает несостоятельной попытку М. Я. Сюзюмова отрицать наличие каких-либо существенных изменений в экономическом положении рабов в Византии, ссылаясь на то, что рабство юридически не было отменено. В действительности первоначальные законоположения, удерживавшиеся по традиции, существенно модифицировались, не говоря уже об изменении экономического положения раба в Византии. В силу коренным образом изменившихся условий общественной жизни, перешагнувшей из рабовладельческой формации в феодальную, между рабом средневековья и его античным собратом было, вероятно, меньше общего, чем между ним и средневековым крепостным. По мнению Е. Э. Липшиц, М. Я. Сюзюмов допускает некоторую тенденцию к модернизации в трактовке вопроса о мистиях и в употреблении некоторых терминов.

Член-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская отметила правильность утверждения автора о том, что в большом торговом и производственном центре, каким являлся Константинополь, развитие производственных отношений имело свои особенности. Здесь действительно существовали такие экономические условия, которые вытекали из своеобразия большого города с обширной территорией, как, например, внешняя торговля, активизировавшая производство, наличие морских гаваней и т. д. Однако нельзя согласиться с автором диссертации, когда он говорит о «нестественности» условий развития такого города-эмпории. Появление такого типа крупных городских центров в раннем средневековье может быть отмечено не только в Византии, но и в Иране, Армении и других государствах на Востоке, где торговля и ремесло вызывали их к жизни, несмотря на процесс феодализации. Это отнюдь не случайное явление, а закономерное, так как товарное производство существовало и обслуживало как рабовладельческое, так и феодальное общества.

Нельзя согласиться и с одним из основных положений диссертации — о единой линии развития от «упадка рабовладельческого общества на Западе» до «полного установления феодальных отношений в Византии». Производственные традиции действительно могли в известной мере сохра-

няться, однако между IV и XI вв. произошли в общественной жизни Византии глубокие перемены. Рабовладельческий строй был окончательно подорван и продолжал существовать лишь в форме уклада, в деревне энапографы и колонны с разной степенью прикрепления уступили место свободному крестьянству, а также парикам и мистиям. Такие социальные сдвиги не могли произойти без заметного влияния на производственные отношения в городе. Ремесло и торговля IV и X вв. имеют черты глубокого различия.

Не вполне убедительна и характеристика мистиев, которым М. Я. Сюзюмов приписывает черты, присущие наемным рабочим городов более позднего времени. Зависимость мистия, по мнению автора, особого рода и характерна для разных общественных формаций. Между тем известно, что мистии в условиях развития феодализма быстро попадали в положение феодально зависимых париков.

Вызывает возражение и постановка вопросов о монастырских мастерских, квалифицируемых автором как искусственное явление, о пекулии, о хозяйстве проаестив.

Однако некоторые недочеты не умаляют высоких качеств труда М. Я. Сюзюмова, заслуживающего в целом самой положительной оценки.

Кандидат исторических наук Э. В. Удальцова отметила новаторский дух работы М. Я. Сюзюмова, смело поднимающей многие спорные вопросы социально-экономической истории Византии. Автору успешно удалось показать характер производительных сил византийского города, наметить основные линии их развития в период генезиса феодализма, дать характеристику различных слоев населения византийского города. В диссертации раскрыты формы и методы эксплуатации трудового городского населения, рассмотрен вопрос об особенностях византийских торгово-промышленных корпораций и их внутренней структуры, показаны доходы городской знати Византии и ее роль в управлении городом. Спорным моментом диссертации является вопрос о рабовладельческом укладе. Центр тяжести исследования с изучения формирования феодальных отношений перемещен на углубленный анализ пережитков рабовладения в византийском городе. Такая направленность исследования ведет к преувеличению масштабов сохранения рабства и искажает общую историческую перспективу развития феодализма в Византии.

Неоспоримой заслугой автора является его критика взглядов буржуазных историков на проблему перехода от рабовладения к феодализму в Римской империи. Политический смысл и полная научная несостоятельность этих теорий хорошо вскрыты в диссертации.

Э. В. Удальцова согласна с другими оппонентами, критиковавшими тезис М. Я. Сюзюмова о неизменности правового положения рабов на протяжении всего существования Византийской империи. В работе следовало бы вскрыть серьезные изменения в реальном экономическом положении рабов, особо подчеркнуть вопрос о роли классовой борьбы в этом процессе.

К сожалению, вопросам классовой борьбы угнетенных масс городского населения автор не уделяет должного внимания, приводит мало фактов, явно недостаточно используя источники.

Кроме того, в диссертации следовало бы остановиться не только на городах, в той или иной степени сохранившихся от античности, но и на новых городах, на анализе их внутреннего строя.

Отвечая своим оппонентам, М. Я. Сюзюмов подтвердил свой вывод о сохранении рабовладельческого уклада в городе и в пригородном хозяйстве в противоположность сельским районам, где труд рабов не находил

большого применения. Правовое положение рабов оставалось прежним, ибо как и в Римской империи, так и в Византии раб не имел ни права собственности, ни права владения имуществом. Положение рабов изменилось лишь в том отношении, что в византийское время у рабов были несколько бóльшие возможности освобождения, чем у античных рабов.

Полемизируя с Е. Э. Липшиц по вопросу о мистиях, М. Я. Сюзюмов подчеркнул, что нельзя усмотреть элементов феодальной зависимости в статусе городских мистиев. Это было временное состояние, после чего мистий превращался или в люмпен-пролетария, или в монаха, или даже в свободного ремесленника. Но нельзя говорить и о том, что мистий был уже «наемным рабочим» — это было бы явной модернизацией.

Возражая оппонентам, М. Я. Сюзюмов отстаивал возможность использования источников разных эпох, когда речь идет об имущественных отношениях, сохраняющихся в течение длительного времени. Непрерывность действия ряда факторов в византийском городе с VI по XI век позволяет, по его мнению, учитывать данные и египетских папирусов VI в., и законодательства Юстиниана, и Василик, и Арменопола.

Ученый совет Института истории АН СССР единогласно присудил М. Я. Сюзюмову степень доктора исторических наук.

* *
*

За эти же годы в Москве было успешно защищено семь кандидатских диссертаций.

В Институте истории АН СССР 5 марта 1951 г. состоялась защита диссертации П. О. Карышковского (Одесса) на тему: «Политические взаимоотношения Византии, Болгарии и Руси в 967—971 гг.».

В этой источниковедческой по характеру работе автор, наряду с углубленным анализом большого числа исторических источников, трактующих о византийско-русских и русско-болгарских связях X в., останавливается на разрешении двух центральных проблем: пересмотре хронологии балканских походов русского князя Святослава и выяснении характера русско-болгарских отношений той эпохи. П. О. Карышковский дает новую хронологию походов Святослава, датируя первый поход летом 968 г., второй — концом лета 969 г. и окончание войны — 971 г. Автор показывает, что в ходе этой русско-византийской войны болгарский народ совместно с войсками князя Святослава принимал активное участие в борьбе против Византии. Военное содружество русских и болгар привело к созданию союза двух родственных славянских народов, который имел первостепенное политическое значение в развитии международных отношений того времени.

Автор диссертации рисует князя Святослава крупным политическим деятелем, а не «грубым и жестоким варваром», каким часто изображали Святослава некоторые реакционные буржуазные историки. В диссертации доказано, что русско-византийская война 968—971 гг. — боевое сотрудничество русских и болгар — была для своего времени крупнейшим событием международного значения. Активное участие Руси в балканских делах не было случайностью, но вызывалось естественным стремлением складывающегося русского государства к объединению восточнославянских земель и к установлению своего контроля в решающих пунктах торговых путей, соединяющих причерноморские страны. Такой державой все время пыталась стать Византия, и поэтому неустрашимым стало русско-византийское столкновение.

Оппоненты диссертанта М. В. Левченко и З. В. Удальцова указали

П. О. Карышковскому на необходимость привлечения материала по внутренней истории Болгарии и более глубокого изучения ее экономических, политических и культурных связей с Русью. Это дало бы возможность автору значительно углубить свои основные выводы и, в частности, с большей полнотой и четкостью показать расстановку классовых сил в Болгарии во время походов Святослава.

Работа П. О. Карышковского свидетельствует о прекрасном знакомстве автора с широким кругом греческих, славянских и восточных памятников. Однако характеристики политических взглядов и социальной направленности некоторых историков и хронистов несколько суммарны и не всегда достаточно отчетливы. Вызывают возражение склонность автора несколько преувеличивать значение хроники Иоанна Скилицы и неправомерная недооценка и противоречивость в характеристике «Истории» Льва Диакона, современника событий. Неоправданным выглядит нигилистическое отношение автора к такому источнику, как «Записка греческого топарха». Излишне много внимания уделяется разбору малозначительных источников (Манасси, Михаила Глика, Ефрем).

Вопросам аграрной истории Византии посвящены кандидатские диссертации аспирантов Института истории АН СССР М. М. Фрейденберга и К. А. Осиповой.

Диссертация М. М. Фрейденберга «Аграрные отношения в Византии XI—XII вв.», защита которой состоялась 5 января 1953 г., ставит своей задачей изучение процесса формирования феодальной собственности на землю и закрепощения крестьянства в Византии XI—XII вв.

Автор считает, что в Византии процессу закрепощения крестьянства феодалами предшествовал период подчинения сельской общины государством, в результате чего на общину был возложен тяжелый груз централизованной ренты. Анализируя процесс разложения сельской общины, автор отмечает ряд особенностей византийской общины, наиболее существенной из которых является сохранение в руках общинников значительных прав на надел их соседа. Эта особенность способствует тому, что византийская сельская община проявляет известную устойчивость в борьбе с крупным феодальным землевладением. В работе исследуется процесс вовлечения крестьянства в феодальную зависимость, причем особое внимание автора привлекают вопросы о развитии присельничества и роли имунитета в укреплении феодальной собственности в Византии XI—XII вв.

В работе дается характеристика различных типов византийской вотчины XI—XII вв. Автор рассматривает монастырскую вотчину, где право собственности на землю сосредоточено в руках вкладчиков и отдельных монахов и лишь внешне объединено общим титулом верховной собственности монастыря.

Другая разновидность вотчины — проастиий, хозяйство которого ведется в значительной мере руками мистиев и рабов, а также крестьян-присельников. Третий тип вотчины, по мнению автора, создается в результате передачи государством феодалу права на государственные налоги крестьян («деревня под патронатом»). Феодальная собственность на землю здесь вырастает в процессе длительного освоения крестьянской земли помещиком, а владельческие права крестьян отличаются большой устойчивостью. Как разновидность вотчины автор рассматривает и близкие к прони стратиотские держания XI—XII вв. Диссертация завершается разделом о классовой борьбе в Византии XI—XII вв.

В отзывах официальных оппонентов профессора М. В. Левченко и кандидата исторических наук А. П. Каждана была отмечена правильность основных положений диссертации. Одобрение оппонентов вызвали разделы

о борьбе за землю внутри класса феодалов, о положении мистиев. Удачно дан анализ иммунитетных прав византийского феодала, воплощающихся в понятии «экскуссия». Содержание экскуссии не исчерпывалось представлением прав податного иммунитета. Запрещая вход на территорию экскуссата податным чиновникам различных рангов, государство уступало феодалу всю сумму их административных и судебных прав, усиливая тем самым внеэкономическое принуждение, закрепляя власть феодала над крестьянами.

Предложенная автором классификация типов вотчины встретила некоторые возражения. Было отмечено отсутствие в работе единого принципа для классификации вотчин и неполнота в характеристике их отдельных типов. Спорными являются некоторые выводы автора относительно патроната, в частности, лишено убедительности противопоставление М. М. Фрейденбергом раннего и позднего патроната. Некоторая неясность и противоречивость свойственны концепциям автора по очень сложным и спорным вопросам об экскуссии и о развитии пронии.

2 июля 1953 г. состоялась защита диссертации К. А. Осиповой на тему: «Положение крестьянства в Византии в X в.».

Свою тему автор разработал в тесной связи с рядом общих вопросов аграрной истории Византии этого периода. В диссертации дан подробный анализ византийской сельской общины X в., причем особо акцентирован процесс ее интенсивного внутреннего разложения. Большое внимание уделено изучению государственной налоговой системы, выяснению роли аллеленгия как важнейшего орудия эксплуатации византийского общинного крестьянства. Исследуя формы вовлечения крестьян в феодальную зависимость, К. А. Осипова рассматривает модификацию арендных отношений, положение мистиев, вопрос о роли государственных пожалований париков и некоторые проблемы развития экскуссии. Анализ аграрного законодательства Македонской династии приводит автора к выводу об антинародном характере аграрной политики Византийского государства, защищавшего интересы тех или иных слоев господствующего класса. Последний раздел работы посвящен народным движениям в Византии X в.

Диссертация К. А. Осиповой была положительно оценена официальными оппонентами проф. М. В. Левченко, канд. ист. наук Э. В. Удальцовой, канд. фил. наук И. К. Кусикьяном. Наиболее интересной и ценной была признана первая глава работы, посвященная анализу внутреннего строя византийской общины. Вполне положительную оценку получила и попытка автора проследить эволюцию, которую византийская налоговая система претерпела к X в. В разделе о стратиотах хорошо показан процесс разложения системы стратиотского землевладения в X в.

Характеристика аграрного законодательства X в. в целом правильна, но нуждается в некоторых уточнениях. Так, необходимо было бы несколько подробнее остановиться на особенностях политики отдельных императоров Македонской династии. Это дало бы возможность избежать некоторого схематизма в анализе ожесточенной борьбы внутри господствующего класса Византии X в. Отмечалось также, что автор, по-видимому, несколько преувеличивает наличие пережитков более ранних форм общины в Византии X в., в частности, пережитков семейной общины. Следовало также в диссертации несколько расширить главу о народных движениях, включив в нее, в частности, материалы о павликианстве и богомилстве.

Кандидатская диссертация аспиранта исторического факультета МГУ Г. Г. Литаврина «Борьба болгарского народа против византийского ига (XI—XII вв.)» была защищена 27 октября 1954 г.

Г. Г. Литаврин поставил своей задачей изучение положения народных масс Болгарии в период византийского господства и их роли в освободительном движении против Византийской империи.

Используя широкий круг источников, автор дал очерк социально-экономического развития Болгарии в XI—XII вв.

В диссертации показано, что налоговый гнет в Болгарии был тяжелее, чем в других областях империи. Рента, выплачивавшаяся болгарским крестьянством феодалам и Византийскому государству, нередко включала не только прибавочный продукт, но и часть необходимого. Анализ формул обмеров крестьянской земли при обложении ее налогами дал возможность автору установить злоупотребления византийских налоговых чиновников, в результате которых крестьянские участки облагались налогами, значительно превосходившими суммы обложения, определяемые законом. Византийское господство принесло Болгарии нищету, разорение и замедление процесса экономического и культурного развития страны. Освещая ход и характер борьбы болгарского народа против византийского ига, Г. Г. Литаврин особо подчеркнул остроту и сложность социальных отношений среди участников освободительного движения, уделил внимание выявлению внутренних противоречий в их среде. Хорошо показано в диссертации участие в восстаниях XII в. валахов в качестве постоянных союзников болгар в борьбе против Византийского государства.

В ходе обсуждения диссертации были высказаны некоторые критические замечания. Проф. М. В. Левченко (официальный оппонент) отметил, что при изучении экономической истории Болгарии автор не всегда достаточно учитывает внешнеполитическое положение страны. Поэтому, по мнению М. В. Левченко, в диссертации несколько преувеличен уровень развития ремесла и торговли в Болгарии — стране, подвергавшейся постоянным опустошительным нашествиям со стороны внешних врагов. Второй официальный оппонент проф. С. А. Никитин счел неправомерной тенденцию автора диссертации к распространению данных источников местного значения на всю территорию Болгарии. В результате этого автору не в полной мере удастся выявить различия в положении отдельных районов страны. Были высказаны также пожелания о необходимости более тщательного обоснования некоторых других выводов и утверждений автора, в частности, его мнения об участии в освободительном движении болгарской феодальной знати.

Темой диссертации аспиранта Московского городского педагогического института А. М. Чипериса, защищенной 30 декабря 1954 г., является экономическое развитие и классовая борьба в крымских городах в 30—70-х годах XV в. В диссертации рассматриваются экономическое развитие крымских городов (преимущественно Каффы и Чембало), борьба местного населения против генуэзского господства и местной торгово-ростовщической верхушки.

В отзывах официальных оппонентов доктора исторических наук А. С. Самойло и кандидата исторических наук Э. В. Удальцовой были отмечены несомненные достоинства работы А. М. Чипериса. К их числу, в частности, относится то, что автор вполне аргументированно разоблачает созданные буржуазной историографией апологетические легенды о колонизаторской деятельности генуэзцев и опровергает фальсификаторские теории «о дикости» местного населения. К лучшим страницам диссертации относятся и те, на которых дан тщательный анализ экономического положения различных социальных групп населения Каффы. А. М. Чиперис на основании новых археологических материалов убедительно доказывает, что Каффа была не только торговым городом, поддерживавшим тесные связи

с Востоком и Западом, но и крупным центром ремесла с высоким уровнем производства. Хорошо показана в диссертации хищническая политика генуэзского патрициата по отношению к населению Каффы и борьба последнего против эксплуатации генуэзцев. Интересно трактуется вопрос о турецком завоевании Каффы: автор отмечает, что благодаря решительному сопротивлению народных масс города удалось отразить натиск турок в 1454 г. и падение Каффы было отсрочено до 1475 г. В то же время в диссертации приводятся данные о предательской политике генуэзского патрициата и торгово-ремесленной верхушки Каффы, пошедших во имя своих классовых интересов на соглашение с завоевателями.

Недостатком работы диссертанта является слишком широкая постановка вопросов, в результате чего изложение местами носит следы схематизма и социологизации. Автор иногда делает слишком смелые выводы и обобщения, не подкрепляя их вполне убедительными данными источников. Следовало резче подчеркнуть феодальный характер колонизаторской деятельности генуэзцев в Крыму и вообще сделать более четкие выводы об особенностях колонизаторской политики генуэзцев в Крыму.

26 октября 1955 г. на историческом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова состоялась защита кандидатской диссертации Е. Б. Веселаго «Византийский историк XV в. Лаоник Халкокондил как источник по истории средневековой Албании».

Значение Лаоника Халкокондила не исчерпывается его ценностью как историка Византии. Никто из современных ему византийских писателей не сохранил нам столько сведений о других странах — Албании, Венгрии, Италии, Франции, Боснии, Сербии, Руси, — сколько мы находим в его «Истории». Особое место Халкокондилу принадлежит еще и потому, что он единственный из византийских историков XV в. очень полно осветил борьбу народов за их самостоятельность и независимость от турок, уделив при этом особое внимание народам Юго-Восточной Европы, населяющим в настоящее время страны Народной демократии. Особенно большой интерес вызывают известия Халкокондила об Албании, поскольку источников по этой стране сравнительно мало.

В диссертации Е. Б. Веселаго рассматриваются важнейшие сведения, сообщаемые Халкокондилом о происхождении албанского народа, его появлении на Балканах, о расселении албанцев, росте их политического значения, деятельности их вождей, о методах организации сопротивления врагам. С особым вниманием автор исследует материалы Халкокондила о крупнейших восстаниях албанского народа против господства турок: о восстаниях Арианита Комнина, Депана, Зенемписа и о восстании пелопоннесских албанцев 1454 г.

В работе дан источниковедческий и литературный анализ «Истории» Лаоника Халкокондила. Памятник тщательно исследован с точки зрения критики текста. Приведены подробные сведения о рукописной традиции Халкокондила, охарактеризованы отдельные группы рукописей, их зависимость от оригинала. Большой интерес представляет разработка Е. Б. Веселаго вопросов композиции, изобразительных средств, языка, стиля Халкокондила. В диссертации уточняются некоторые спорные хронологические вопросы, полно и четко воссоздается биография Халкокондила, рассматривается его научная и политическая деятельность, его мировоззрение. Автор убедительно аргументировал свои выводы о патриотизме Халкокондила, показал несостоятельность теории о туркофильских склонностях Халкокондила, которая была довольно широко распространена в зарубежной историографии. Очень удачен анализ таких черт мировоззрения Халкокондила, которые допускают некоторые сопоставления

с идеями гуманистов: его интерес к вопросам естественной истории, географии, его стремление узнать как можно больше о жизни различных стран и народов. Для Халкокондила характерны безразличное отношение к религии, пренебрежение к папам, полное игнорирование монашества. Гуманистические мотивы проявляются у Халкокондила в высокой оценке греческого языка, в использовании некоторых характерных для гуманистов литературных приемов (вставные эпизоды — новеллы, приключенческие рассказы, описания различных стран и т. д.).

Критические замечания оппонентов чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевской и канд. ист. наук Э. В. Удальцовой вызвали разделы диссертации, посвященные внутренней истории средневековой Албании. В работе не дано четкого ответа на вопрос об особенностях развития феодализма в этой стране, о положении народных масс и их участии в освободительном движении (в частности, в движении Арианита). Полнее следовало бы аргументировать утверждения о македонском происхождении албанцев и о внутренних причинах становления и консолидации албанской народности. По мнению выступавших, диссертант как бы забывает иногда о противоречиях во взглядах Халкокондила, противоречиях, порожденных условиями того времени. Автору следовало шире применить сравнительный метод исследования для проверки известий Халкокондила.

Средневековая история Херсонеса, его взаимоотношения с Византией и Русью исследуются в кандидатской диссертации Д. Л. Талиса «Средневековый Херсонес», защищенной 7 июня 1956 г. в Институте истории материальной культуры АН СССР.

Главное внимание автор уделил выяснению особенностей исторического развития Херсонеса в раннее средневековье. В отличие от других городов, существовавших в Таврике в античную эпоху и к концу ее аграризировавшихся, Херсонес до середины VI в. сохранял свое экономическое и политическое значение. По мнению Д. Л. Талиса, в IV—VI вв. в Херсонесе не наблюдалось упадка в развитии ремесла, большое значение сохраняла торговля, составлявшая вместе с ремеслом основу экономики города. История Херсонеса в этот период еще тесно связана с предшествующей античной эпохой, о чем свидетельствует большая устойчивость социально-экономических институтов, существовавших в первые века новой эры, в частности, сохранение рабовладельческих отношений. Кризис назревает лишь на рубеже первой и второй половины VI в. Лишь тогда резко сокращаются масштабы ремесленного производства, натурализуется сельское хозяйство, проявляется упадок торговли, прекращается чеканка монеты, Херсонес теряет значение крупного экономического центра и превращается в военно-административный пункт и место пребывания епископа.

Новый подъем экономики Херсонеса, в значительной степени обусловленный развитием экономических связей города с Византией и Русью, происходит в IX—X вв.

В IX—X вв. Херсонес является форпостом Византии против Русского государства. Через Херсонес осуществлялось натравливание кочевников на Русь, к Херсонесу сходились нити всех политических интриг, которые задумывались и осуществлялись Византией с целью ослабления позиций Руси в Северном Причерноморье.

Поход князя Владимира на Херсонес, завершившийся взятием города и разрушением значительной его части, и резкое изменение экономической конъюнктуры в XI в. явились рубежом, завершившим историю Херсонеса в эпоху раннего средневековья.

Обсуждение диссертации Д. Л. Талиса вылилось в оживленную дис-

куссию, в которой наряду с официальными оппонентами проф. А. В. Арциховским и Э. В. Удальцовой приняли участие А. В. Банк, А. Л. Якобсон и проф. В. Д. Блаватский.

Было отмечено, что к числу несомненных достоинств работы Д. Л. Талиса следует отнести его стремление привлечь для разрешения основной задачи — изучения экономической и социальной истории Херсонеса — новейшие достижения советской археологии, широко использовать самые разнообразные памятники материальной культуры. Опираясь на этот материал, автор сделал ряд интересных наблюдений, особенно в отношении ремесла и, в частности, керамики, костерезного дела, обработки металлов. Интересна выдвинутая автором гипотеза о наличии в Херсонесе если не цеховой организации, то ее зачатков, например элементов регламентации в черепичном производстве.

Но не все утверждения автора диссертации достаточно убедительно подкреплены данными источников. Так, было отмечено, что мнение Д. Л. Талиса о времени перехода Херсонеса от рабовладельческого строя к феодальному (рубеж VI—VII вв.), по-видимому, правильно, но нуждается в дальнейшей аргументации, ибо автор приводит довольно ограниченные, единичные сведения о рабовладельческих отношениях в Херсонесе V—VI вв. и вовсе не сообщает данных, говорящих о зарождении феодализма. Нет еще достаточной ясности и в определении общественных отношений в Херсонесе в IX—X вв. Автор ограничился общей характеристикой товарного хозяйства, которое, как известно, в той или иной степени существует в условиях различных социально-экономических формаций и в связи с этим не может само по себе достаточно характеризовать общественный строй того или иного периода.

Ряд замечаний, очень ценных для дальнейшей работы над проблемой, был сделан выступавшими в прениях А. В. Банк и А. Л. Якобсоном.

К. А. Осипова

БЕРЛИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ВОПРОСАМ ВИЗАНТИЙСКОЙ И НОВОГРЕЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

С 15 по 19 апреля 1957 г. в Берлине (ГДР) проходила научная конференция по вопросам византийской и новогреческой литературы, созданная по инициативе Германской Академии наук. Организация конференции была осуществлена Берлинским институтом греко-римских древностей (директор проф. И. Ирмшер). Наиболее активное участие в подготовке и проведении конференции принимала группа византинистов, работающих в этом институте.

Идея организации конференции нашла широкую поддержку почти во всех странах, где ведется научное изучение истории византийской и новогреческой литературы. 52 человека выразили желание выступить с докладами и сообщениями. Уже один только этот факт явился ярким показателем того, насколько велико у ученых различных стран, работающих в одной и той же области, стремление установить научные связи и личные контакты. Можно сказать, что конференция приняла международный характер. В ее работе участвовали делегаты 15 европейских стран: Австрии, Англии, Болгарии, Венгрии, Германской Демократической Респуб-

лики, Федеративной Республики Германии, Дании, Польши, Румынии, СССР, Франции, Чехословакии, Швейцарии, Швеции и Югославии.

Делегация Советского Союза состояла из специалистов по византиноведению и истории византийской литературы — старшего научного сотрудника Института истории АН СССР Э. В. Удадьцовой и старшего научного сотрудника Государственного Эрмитажа В. С. Шандровской.

В работе конференции должна была принять участие большая группа греческих ученых, однако, к сожалению всех присутствующих, из Греции никто не смог приехать. Работа конференции проходила в дружественной обстановке, стремление понять друг друга, желание поделиться своими мыслями и научными планами помогало преодолеть многие трудности.

Заседания конференции — их было шесть — проходили с 16 по 18 апреля в здании Германской Академии наук. Все заседания конференции были пленарными, секционных заседаний не было. На заседаниях, кроме делегатов, обычно присутствовало значительное число ученых ГДР, специалистов по греческой филологии, византиноведению, античной и средневековой истории, преподавателей Берлинского университета имени Гумбольдта, а также много студенческой молодежи Берлина и журналистов.

Конференцию открыл вице-президент Германской Академии наук профессор доктор В. Фридрих, обратившийся к делегатам со словами приветствия. В своей речи профессор Фридрих определил задачи и цели конференции, подчеркнул ее большое научное значение.

На заседаниях было заслушано значительное число научных докладов ученых всех стран — участниц конференции. Тематика докладов была весьма разнообразной. Наряду с докладами на историко-литературные темы, немало докладов было посвящено чисто филологическим, а отчасти и лингвистическим вопросам.

Необходимо, однако, отметить несколько важнейших проблем, которым было посвящено большинство докладов и которые в своей совокупности характеризовали общее направление работ конференции.

Прежде всего следует особо подчеркнуть большой интерес участников конференции к проблемам народной литературы как византийской, так и новогреческой. Без преувеличения можно сказать, что изучение народного эпоса, народного греческого языка стояло в центре внимания конференции. Из докладов, связанных с этой проблематикой, наибольший научный интерес представляли доклады профессора И. Ирмшера (ГДР) о венецианских народных книгах и проф. Б. Кноса (Швеция) — «Византийские традиции в критской народной литературе эпохи позднего средневековья и Ренессанса».

В своем докладе профессор Ирмшер показал, что так называемые венецианские народные книги играли во время турецкого господства важную роль в духовной жизни греческого народа, чем и определяется их большое научное значение. Главная задача работы состоит в исследовании текстов этих литературных произведений, их издании и распространении. Известную трудность для исследователя представляет выяснение первоначального состава произведения и определения того, какие именно сочинения принадлежат к венецианским народным книгам. Поэтому чрезвычайно важным является скорейшее опубликование подготовленного проф. Ирмшером систематического указателя изданий венецианских народных книг.

В докладе профессора Б. Кноса был рассмотрен вопрос о роли византийской традиции в критской народной литературе позднего средневековья и Ренессанса. Как справедливо отметил автор доклада, нельзя рассматривать литературу изолированно, без учета той общественной среды, в которой она развивается. Поэтому, чтобы понять критскую

литературу, прежде всего нужно составить представление о политических и социальных отношениях Крита в различные эпохи его существования. Завоевание Крита Венецией не могло уничтожить византийскую традицию. Она продолжала жить и после середины XVI в., когда появилось влияние Запада, оказавшее, однако, только внешнее воздействие на критскую народную литературу.

Следует сказать, что доклад Б. Кноса, так же как и его предыдущие выступления в качестве председателя на первом заседании конференции, явился блестящим свидетельством обширной эрудиции ученого.

Вопросы, связанные с изучением новогреческой народной литературы, ставились и в ряде других докладов, прочитанных на конференции. Так, доклад молодого швейцарского ученого Б. Бувье (Женева) касался старейшего собрания греческих народных песен, текст которых по Афинской рукописи XVII в. был опубликован еще в 1914 г. Сп. Ламбросом. Сопоставление этих текстов песен с ныне бытующими в народной среде редакциями позволило докладчику поставить очень интересный вопрос о значении традиции в новогреческой народной поэзии.

На конференции выступил также известный народный поэт Кипра Ф. Пиридис. В своем докладе «Акритский цикл Кипра» он показал, что на Кипре акритский эпический цикл, проникнутый патриотизмом и прославляющий героическую борьбу против иноземных завоевателей, являлся и является выражением чувств народа, его дум и стремлений. Акритские песни звучат и поныне на Кипре, их поют на торжествах и народных праздниках. Народные певцы создают все новые творения, отражая в них дух своего времени. До наших дней живым остается и сказание о Дигенисе Акрите.

К докладам, посвященным изучению памятников народной византийской литературы, относится также и доклад советского ученого В. С. Шандровской «Византийские басни в рукописных фондах Ленинграда». Этот доклад явился отражением работы автора над рукописным материалом византийских басен в фондах Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Изучению подверглись три анонимные басни: «Рассказ о фруктах», «Рассказ о птицах» и «Рассказ о четвероногих», являющиеся выдающимися памятниками народной сатирической литературы Византии XIII—XIV вв. Сравнительный анализ ленинградских рукописей и сопоставление их с изданным ранее текстом басен позволяет определить место каждой данной рукописи в рукописной традиции литературного памятника. В докладе показано значение басен как источника для изучения социальных отношений и классовой борьбы в поздней Византии и как источника, обогащающего наши представления о византийской культуре того времени.

Исследованию некоторых вопросов развития народного новогреческого языка был посвящен доклад профессора П. П. Иоанну (Мюнхен). В своем докладе проф. П. П. Иоанну дал тщательный анализ одного неизданного перевода на народный новогреческий язык (критский диалект) известного произведения итальянского поэта конца XVI в. Джамбаттиста Гварини «Pastor fido». По мнению докладчика, свободный перевод, обладающий большими художественными достоинствами и ценный в языковом отношении, лучше, чем оригинал. Для критического издания его полного текста необходимо привлечение ряда других литературных произведений. Подобное издание подготавливается автором.

Д. Хатзис (Будапешт) остановил внимание присутствовавших на одном из романов времен франкского владычества, а именно, на романе о Бельтандре Ромейском. Докладчик убедительно показал византийско-

новогреческие элементы в этом произведении и, в частности, остановился на тех его особенностях, которые позволяют говорить о греческих источниках романа. Исследование Д. Хатзиса имеет большое значение для изучения влияния византийской литературной традиции на литературу эпохи латинского завоевания.

Наряду со значительным вниманием к вопросам народной литературы и народного греческого языка, участники конференции проявили большой интерес и к некоторым важным и малоизученным проблемам истории гуманизма и греческой гуманистической литературы. В первую очередь тут необходимо отметить доклад профессора Георга Хартманна (ГДР). Проф. Хартманн на основании изучения новых материалов пересмотрел вопрос о вкладе греков в развитие итальянского гуманизма и пришел к выводу, что влияние греческой культуры на развитие гуманистических идей в Италии было более значительным, чем это считалось ранее. По докладу Хартманна на конференции развернулась интересная дискуссия; ученые, принявшие в ней участие, отмечали необходимость изучения проблемы так называемого византийского гуманизма и пересмотра вопроса о влиянии греческой культуры не только на итальянский гуманизм, но и на гуманистическое движение в других странах (как, например, во Франции, Германии и т. д.). В этой дискуссии приняли участие и советские ученые (З. В. Удальцова), обратившие внимание на необходимость изучения социальной природы гуманизма и, в частности, так называемого византийского гуманизма.

Значительное место в работе Берлинской конференции заняло рассмотрение важных проблем, связанных с вопросом о времени возникновения новогреческой литературы и с ее современным развитием.

С докладом о начале новогреческой литературы выступил профессор Д. Папас (Прага). Докладчик показал, что вопрос о времени возникновения новогреческой литературы весьма сложен и спорен. Его сложностью обусловлено наличие в научной литературе двух направлений, различно оценивающих значение народной струи в формировании новогреческой литературы.

Различные мнения существуют и по вопросу о времени возникновения этой литературы. Некоторые ученые не проводят достаточно четкой грани между византийской литературой феодальной эпохи и новогреческой литературой, зарождающейся одновременно с развитием капитализма. А между тем, как это совершенно справедливо подчеркнул проф. Д. Папас, правильно наметить периодизацию истории литературы нельзя без учета изменений в социальной действительности. По мнению докладчика, в греческую литературу новые элементы начинают проникать уже с XIV—XVII вв., но только в XVIII в., по мере развития капиталистических отношений и в связи с национальным возрождением в Греции, эти новые черты выступают особенно рельефно. Свою точку зрения проф. Д. Папас иллюстрировал рядом примеров. Он остановился, в частности, на так называемых песнях клефтов и на патриотических песнях, в которых проявилось сильное влияние прогрессивных идей французской буржуазной революции.

К докладу Д. Папаса по своей тематике примыкал доклад И. Розенталь-Камаринеа (Марбург) «Проблемы и вопросы научного исследования новогреческой литературы». В докладе содержался обстоятельный обзор основных этапов изучения новогреческой литературы и освещалось современное состояние науки. Автором было выдвинуто очень ценное предложение о создании био-библиографического справочника по новогреческой литературе, который, будучи основан на строго

проверенных фактах, явился бы важным руководством для ее изучения.

Большое научное значение имели доклады, посвященные современной новогреческой литературе.

Так, характеристика ее основных течений была дана в докладе Э. Алексиу (Румыния). Считая, что наиболее значительные литературные течения возникают как следствие больших общенациональных потрясений, докладчик поставил своей целью показать, как отразились на характере и тематике современной греческой литературы первая и вторая мировые войны. Докладчик особо остановился на принявшем большие масштабы литературном движении Сопротивления, которое последовательно отражало сопротивление против оккупации и движение за освобождение Крита. Основные положения доклада Э. Алексиу были подтверждены многочисленными примерами, дающими представление о наиболее выдающихся произведениях греческих поэтов и прозаиков XX в.

Высоким гражданским чувством было насыщено эмоционально окрашенное выступление А. Спилиоса (Румыния), рассказавшего на конференции о греческой поэзии народного Сопротивления. А. Спилиос обрисовал борьбу народа в различные периоды, ярко показывая характер этой борьбы и героизм ее участников. Поэзия народного Сопротивления возродила новогреческую поэзию, она является прекрасной, оптимистической и устремленной в будущее поэзией. Ее основные черты — патриотизм, гуманизм, оптимизм и вера в жизнь и людей.

Анализу развития одного из важных жанров современной греческой литературы — романа — был посвящен доклад французского ученого профессора А. Мирамбеля (Париж) «Современные тенденции новогреческого романа». По мнению докладчика, в послевоенном греческом романе можно проследить новые черты как в содержании произведений, так и в изобразительных средствах. Выработаны определенные формы романа. Появились романы на военные и социальные темы, наметилась тенденция возрождения исторического, фантастического и философского романов. Значительно обогатился язык прозы.

М. Минееми (Берлин) избрала темой своего доклада современную детскую и юношескую литературу, рассматривая ее как составную часть всей новогреческой литературы. По мнению докладчицы, в современной Греции юношеской литературе уделяется мало внимания. Очень ценным в докладе было то, что рассмотрение греческой детской литературы сопровождалось рядом интересных сопоставлений с положением детской литературы в других странах: Германии, Англии, Америке, СССР. М. Минееми совершенно правильно решительно осудила литературу комиксов для детей и предупредила об опасности ее распространения.

М. Аксиоти (Варшава) в своем докладе остановилась на связи некоторых форм и жанров новогреческой литературы со стадиями исторического и общественного развития Греции. Основное свое внимание докладчица уделила анализу тех произведений, которые наиболее характерны (как с точки зрения их содержания, так и по языку) для Греции XX в. Многие из этих произведений были бы с интересом прочитаны и за пределами Греции, но, к сожалению, из-за отсутствия переводов они недоступны для всех тех, кто не владеет новогреческим языком.

Некоторые доклады на конференции были посвящены анализу отдельных произведений современной новогреческой литературы. Так, например, С. Тзиркас (Скандерея) рассматривал в своем докладе источники и обстоятельства появления поэмы К. Каβάδη «Περιμένοντας τους βαρβάρους» («Ожидающий варваров»). В поэме раскрываются переживания ма-

ленького чиновника Кабафиса, придавленного тяготами своей жизни, но вместе с тем осмеливающегося высмеивать английских оккупантов.

Интересный анализ некоторых произведений Паламаса и, в частности, его новеллы «Смерть юнака» сделал в своем докладе А. Салач (Чехословакия). Сопоставляя стремления Митроса — одного из героев Паламаса — со стремлениями Мересьева из «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого, докладчик показал, как влияет на идейную и художественную направленность произведения та социальная обстановка, в которой оно создается.

На конференции были заслушаны ценные в научном отношении доклады и на чисто источниковедческие темы, в которых обычно содержался анализ какого-либо вновь открытого или малоизученного памятника византийской и новогреческой литературы.

Так, например, предметом исследования профессора Рутберга (Упсала) является греческий кодекс № 8, находящийся в библиотеке Упсальского университета. Богатая по своему содержанию, имеющая в своем составе ряд неизданных анонимных произведений, представляющих, по мнению докладчика, значительный интерес, рукопись датируется XV в. В настоящее время проф. Рутберг занят составлением научного каталога упсальских греческих рукописей, необходимость которого и научная ценность, на наш взгляд, не вызывают сомнения.

Польский ученый профессор Я. Са й да к (Познань) доложил на конференции о результатах своего многолетнего исследования, посвященного схоластикам Григория Назианзина. Автор предполагает закончить свой труд в ближайшие годы.

Ценные сведения о неизданных рукописях Венской национальной библиотеки, содержащих новые данные по истории и культуре греков, живших в Австрии, сообщил в своем докладе доцент Венского университета П. Энепекидес («Новые источники и исследования по истории и культуре греков в Австрийской монархии»). Изучение находящихся в австрийских архивах актов и грамот, их интерпретация дали возможность реконструировать историю греков в старой Австрии и позднее в Австро-Венгерской монархии. На основании уже собранного материала возник том «Источников и исследований по истории греков в Австрии» (Афины, 1955). Подготовлен к изданию также второй том — «Дополнения к тайной политической и литературной деятельности греков в Австрии перед греческим восстанием».

Значительное число докладов на конференции носило информационный и историографический характер и ставило своей задачей подвести итоги изучения византийской и новогреческой литературы в различных странах за последние годы. Так, английская исследовательница Джоан К. Хассей в своем докладе охарактеризовала современное состояние византиноведения в Великобритании. Английских ученых привлекает главным образом позднеклассическое время. Их интересы лежат в области папирологии, археологии, ранней византистики. Над материалами поздневизантийского времени работает лишь несколько молодых ученых. Они, в частности, занимаются изучением крестовых походов, а также истории Византии XIV—XV вв.

Молодой польский ученый О. Юревич (Варшава) рассказал о современном положении польской грецистики, тесно связанной с византиноведением. Он охарактеризовал большую роль школ Эйзенберга и Л. Стернбаха в развитии новогреческой филологии и остановился также на том значении, которое имели для польской науки поездки польских филологов в Грецию. В послевоенное время польская наука лишилась ряда крупных

ученых, занимавшихся новой грецистикой, но исследования в этой области продолжаются, и интерес к ней не ослабевает.

Доклад болгарского ученого Веселина Бешева, имевший историографический характер, касался вопроса о роли греческой культуры в болгарском Возрождении. Докладчик показал, что турецкое завоевание задержало развитие духовной культуры болгарского народа. Лишь с XVI в. в Болгарии начинается возрождение культуры, немалую роль в котором сыграли греческие монахи-переводчики. В последующее время видное место в развитии национальной культуры Болгарии заняли болгары, получавшие образование в греческих высших школах в пределах Османской империи. Их просветительная деятельность в значительной мере способствовала пробуждению национального самосознания болгар. К началу прошлого века в Болгарии стало заметным греческое влияние как в области языка, так и в области литературы.

Историографический характер носил также доклад советского делегата Э. В. Удальцовой на тему «Основные проблемы изучения византийской литературы в советской исторической науке и задачи сборника „Византийский временник“». В докладе были намечены основные этапы развития советской науки в области изучения византийской литературы и дана характеристика наиболее выдающихся трудов советских ученых по истории византийской литературы и идеологии византийского общества. Кроме того, вниманию ученых была предложена периодизация истории византийской литературы, намечаемая советскими исследователями, а также выдвинут ряд проблем, разработка которых предполагает совместные усилия ученых различных стран. По докладу развернулись прения, в ходе которых выяснился большой интерес зарубежных ученых к проблеме византийского феодализма и его особенностей, к вопросу о периодизации истории византийской литературы и т. п. Многих делегатов интересовал также вопрос о том, какие существуют возможности для ознакомления зарубежных ученых с византийскими и греческими рукописями, хранящимися в архивах и библиотеках СССР, и высказывались пожелания о налаживании обмена микрофильмами и фотокопиями рукописей архивов всех стран.

Научный ассистент группы византистики Института греко-римских древностей Германской Академии наук Г. Диттен (Берлин) рассказал участникам конференции о работе ученых ГДР над составлением новогреческо-немецкого словаря, предназначенного для практического использования. Четко и ясно изложив принцип построения словаря, основой которого будет словарный запас новогреческого народного языка, докладчик подчеркнул, что словарь должен охватывать по возможности все слова из всех областей современной греческой жизни.

Сообщение Г. Диттена вызвало большой интерес. Ценность работы над созданием нового новогреческо-немецкого словаря несомненна, а труд, взятый на себя группой ученых, подготовляющей словарь, далеко не прост. Это подтвердилось в выступлениях участников конференции, касавшихся как характера словаря, так и его объема. Естественно, встал также вопрос об отражении в словаре диалектов, наиболее характерных диалектальных форм. В своем заключительном слове докладчик подчеркнул, что в первом издании словаря различные диалекты новогреческого языка еще не будут отражены, но в будущем подобная работа предусматривается, однако она потребует значительного времени.

Характеристике работ группы византистов Института греко-римских древностей по подготовке критического издания византийских текстов и публикации монографий по византийской истории, языку и литературе был

посвящен доклад научного ассистента группы Х. Кёпштейн (Берлин). Эта группа взялась за важное дело, готовя «Берлинские византийские тексты», что явится ценным вкладом в развитие византиноведческой науки.

Кроме указанных докладов, на конференции были заслушаны интересные сообщения по истории новогреческого театра теней, а также ряд докладов по вопросам изучения средне- и новогреческого языка.

Участники конференции с большим вниманием и интересом прослушали записанный на пленку доклад видного греческого ученого К. Бириса (Афины), в котором он дал характеристику различных образов греческого театра теней и в связи с этим поставил вопрос о возникновении нового типа героя в современной греческой драматургии. История возникновения и развития новогреческого театра теней была предметом сообщения Р. Досталовой-Енистовой (Прага) и Х. Енсена (Росток).

В докладе Р. Досталовой-Енистовой очень ценным было стремление автора рассматривать развитие новогреческого театра теней в тесной связи с историей новогреческой народной литературы. Всяческого внимания заслуживает и то, что, исследуя вопрос о возникновении и развитии греческого театра теней, молодая исследовательница широко использовала результаты новейших археологических изысканий, в частности, результаты археологических раскопок в Армении. В докладе, кроме того, содержался критический разбор исследований, касающихся главным образом соотношения греческого и турецкого театра теней. Характеризуя основные особенности греческого театра, Р. Досталова-Енистова подчеркивала его самобытность и оригинальность. Нельзя не согласиться с докладчицей, что на пути исследования театра теней стоит еще немало трудностей: необходимо провести соби́рание и разыскание новых текстов, подготовить их критическое издание, снабженное филологическим и реальным комментарием. Большого внимания заслуживает изучение народных истоков драматургии театра теней, сравнение ее сюжетов с мотивами народной поэзии.

Х. Енсен в своем сообщении, касающемся также истории новогреческого театра теней, приходит к заключению о наличии некоторых черт, сближающих греческий театр с аналогичными театрами теней Индии и Китая.

На конференции был представлен ряд докладов на чисто лингвистические темы.

Кр. Акселос (Фрейбург/Брейсгау) занимается новогреческой морфологией. Его интересует вопрос исчезновения дательного падежа в новогреческом языке. По мнению докладчика, для объяснения этого явления следует исходить не из фонетических изменений или синтаксических сопоставлений, а из самого характера дательного падежа, его функции и смыслового значения.

О различии между общенегреческим и южновосточными диалектами говорил на конференции Х. Зейлер (Гамбург). В противоположность общему новогреческому языку, который не знает сдвоенных согласных, в юго-восточных диалектах островов, так же как и в греческих диалектах Нижней Италии, имеется удвоение согласных. На основании диалектальных записей Зейлер пытается показать, что это удвоение связано с принципом закрытых слогов, а в особенности с «двойными» или долгими гласными, которые существуют в этих диалектах.

Югославский ученый И. Попович (Белград) прочел интересный доклад о влиянии греческого церковного языка на церковную католическую литературу в Югославии. Для подтверждения основных положений доклада были приведены многочисленные примеры.

Совершенно особняком стоял на конференции доклад проф. Ауфхаузера (ФРГ) об одном новом свидетельстве новогреческих источников,

якобы подтверждающем местонахождение гроба девы Марии близ Эфеса. По своей направленности этот доклад имел чисто конфессиональный характер.

На заключительном заседании проф. Ирмшер подвел итоги работы конференции и отметил ее большое значение для дальнейшего развития исследований в области византийской и новогреческой литературы. На этом заседании единодушно всеми делегатами было принято предложение о создании постоянной международной ассоциации по изучению византийской и новогреческой литературы и о периодическом созыве международных конгрессов по этим вопросам через каждые два-три года. Для организации последующих конгрессов было решено создать постоянный организационный комитет, в состав которого единогласно были избраны: И. Ирмшер (ГДР) — генеральный секретарь, А. Мирамбель (Франция), Э. В. Удальцова (СССР), Политис (Греция)*, Валетас (Греция), Криарас (Греция), Кнос (Швеция), Байб-Боос (Швейцария), А. Салач (Чехословакия). Кроме того, было принято решение об издании в Берлине трудов конференции.

Таковы были практические результаты конференции.

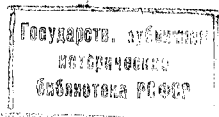
В промежутках между заседаниями участники конференции оживленно беседовали между собой, обменивались впечатлениями от докладов, о книгах, о событиях окружающей жизни, дарили и получали в дар отски научных работ, монографии, труды. Большая организационная работа, проведенная Бюро конференции, позволила участникам последней не только слушать доклады и обсуждать их, но и увидеть замечательные документальные фильмы о Греции, познакомиться со столицей Германской Демократической Республики и с достопримечательностями Потсдама.

За время пребывания в ГДР советская делегация была окружена большой заботой со стороны организаторов конференции. Многочисленные беседы советских делегатов с учеными ГДР, Чехословакии, Болгарии, Венгрии, Румынии, Польши, Югославии и других стран проходили в чрезвычайно дружественной атмосфере. Внимательное и дружелюбное отношение мы встречали со стороны делегатов Швеции, Франции, Швейцарии, Австрии и других стран. В целом на конференции создалась атмосфера взаимного доверия и понимания.

Конференция бесспорно содействовала дальнейшему укреплению научных связей советских ученых с учеными других стран и имела большое значение в научной разработке важных проблем истории византийской и новогреческой литературы.

* Греческие делегаты были избраны заочно, потому что, как уже упоминалось на конференции они не могли присутствовать.

*Э. В. Удальцова
В. С. Шандровская*

КНИГИ И ЖУРНАЛЫ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ

Книги

- Т. Я. Абрамишвили. Западногрузинские монеты XIII—XIV вв. (Копитнарский клад). Автореферат дисс. Тбилиси, 1951.
- Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана, перевод и послесловие М. В. Левченко. М.—Л., 1953.
- В. А. Акопян (сост.). Мелкие хроники XIII—XVIII вв. Ереван. Изд-во АН АрмССР, т. I—II. Ереван, 1951—1956 (на арм. яз.).
- Ш. Я. Амиранашвили. История грузинского искусства, т. I. М., «Искусство», 1950, 200 л. илл.
- Д. Ангелов. Богомилство в Болгарии. Перевод с болг., М., 1954.
- А. М. Апакадзе. Древнейшая культура Грузии в свете новых археологических исследований. Тбилиси, 1956 (на груз. яз.).
- «Армянский судебник Мхитара Гоша». Перевод с древнеарм. А. А. Паповяна. Редакция, вступительная статья и примечания Б. М. Арутюняна. Ереван, 1954.
- Д. Гвритишвили. Из истории социальных взаимоотношений в феодальной Грузии. Тбилиси, 1955 (на груз. яз.).
- Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1953.
- Грузино-персидские исторические документы. Текст подготовил, перевел и примеч. снабдил В. Путуридзе. Тбилиси, 1955 (на груз. и персид. яз.).
- И. Джавахишвили. История грузинского народа. Кн. I (с древнейших времен до VII в. н. э.), изд. 4-е. Тбилиси, 1951 (на груз. яз.).
- М. А. Заборов. Крестовые походы. М., 1956.
- «История армянского народа», ч. I. Под ред. Б. Н. Арапетяна и А. Р. Иоаннисяна. Ереван, 1951.
- «История Болгарии». Под ред. П. Н. Третьякова, С. А. Никитина, Л. Б. Валева, т. I—II, М., 1954—1955.
- «История греческой литературы», т. II. История философии. Ораторское искусство классического периода. М., 1956.
- А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии в XIII—XIV вв. М., 1952.
- Т. С. Каухчишвили (сост.). Греческие надписи Грузии. Тбилиси, 1951 (на груз. яз.).
- М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.
- Я. А. Манандян. Критический обзор истории армянского народа, т. 3. От XI в. до начала XV в. Ереван, 1952 (на арм. яз.).
- Я. А. Манандян. О некоторых спорных проблемах истории и географии древней Армении. Ереван, 1956.
- Я. А. Манандян. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н. э.—XV в. н. э.). Изд. 2-е, переработанное и дополненное. Ереван, 1954.
- Л. И. Маруашвили. Вахушти Багратиони, его предшественники и современники. Географические труды и путешествия. М., 1956.
- С. Т. Мелик-Бахсян. Павликианское движение в Армении. Ереван, 1956.
- Г. А. Меликишвили. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья, ч. I. Наирн Урарту. Тбилиси, 1954.
- Г. Г. Микаэлян. История Киликийского армянского государства. Ереван, 1952.
- «Памятные записи армянских рукописей XIV века». Составил Л. С. Хачикян. Ереван, 1950 (на арм. яз.).
- «Памятные записи армянских рукописей XV века», ч. I (1401—1450). Составил Л. С. Хачикян. Ереван, 1955 (на арм. яз.).
- «Персидские документы Матенадарана», вып. 1. Указы (XV—XVI вв.). Составил А. Д. Папазян. Ереван, 1956 (на русск., арм. и персид. яз.).

- Н. В. Пигулевская. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV—VI вв. М.—Л., 1951.
- Н. В. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956.
- С. П. Погосян. Закрепощение крестьян и крестьянские движения в Армении в IX—XIII вв. Ереван, 1956 (на арм. яз.).
- Прокопий из Кесарии. Война с готами. Перевод С. П. Кондратьева, вступительная статья Э. В. Удальцовой. М., 1950.
- Сборник «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия». М., 1952 (Статьи: Е. Э. Липшиц. Из истории славянских общин в Македонии в VI—IX вв. н. э.; Н. В. Пигулевская. Имя «Рус» в сирийском источнике VI века н. э.).
- «Сведения византийских писателей о Грузии», т. 4, вып. 2. Греч. текст с груз. переводом издал и снабдил примеч. С. Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1952 (на груз. яз.).
- П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953.
- Фавстос Бузанд. История Армении, перевод и комментарии М. А. Геворкяна, вступительная статья Л. С. Хачикяна. Ереван, 1953.
- Л. Хачикян. Из истории социальных движений в Малой Армении (IV век). Ереван, 1951 (на арм. яз.).
- К. Н. Юзбашян. Классовая борьба в Византии в 1180—1204 гг. и Четвертый крестьянский поход. Ереван, 1957.
- Д. Ангелов, М. Андреев. История на Българската държава и право. София, 1955.
- «Aus der Sowjetbyzantinistik». Hrsg. von J. Irmscher. Berlin, 1955.
- Ф. Баришић. Чуда Димитрија Солунског као историски извори. Београд, 1953.
- В. Белов. История на изучаванията на мадарските надписи. БАН, Археологически институт, София, 1956.
- Ђ. Бошковић. Архитектура Средњег века. Београд, 1957.
- В. Велков, Г. Михайлов и др. Мадарският конник (проучвания върху надписите и релефа). София, 1956.
- X Congresso Internazionale di Scienze Storiche. Roma, 4—11 Settembre 1955. Relazioni. Vol. III, Storia del Medioevo. Firenze, 1955.
- Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Greek text edited by Gy. Moravcsik. English translation by R. J. H. Jenkins. Budapest, 1949.
- Ch. Diehl. Byzantium: Greatness and Decline. New Brunswick, 1957.
- «Digenis Akritas», ed. with introd. and transl. by J. Mavrogordato. Oxford, 1956.
- F. Dölger. Byzantinische Diplomatik. 20 Aufsätze zum Urkundenwesen der Byzantiner. München, 1956.
- Ив. Дуйчев. Проучвания върху българското средновековие. Сборник на Българската академия на науките и изкуствата, кн. XLI, ч. 1. София, 1945.
- Dvornik. The Slavs, their Early History and Civilization. Boston, 1956.
- «Естествознанието в средновековна България». Сборник от исторически извори от Ив. Кристанов и Ив. Дуйчев. София, 1954.
- «The Fall of Constantinople». A symposium held at the School of Oriental and African Studies 29 May 1953. School of Oriental and African Studies. University of London, 1955.
- I. M. Hussey. The Byzantine World. London, 1957.
- Ἱακώβος Τριβώλης. Ποιήματα. hrsg., übers. und erkl. von J. Irmscher. Berlin, 1956.
- J. Irmscher. Praktische Einführung in das Studium der Altertumswissenschaften. Berlin, 1954.
- Ἱστορικὰ ἀρχεῖα Μακεδονίας, ἐπιμέλεια I. Κ. Βασδραβέλλη. Τ. Α'—Γ' (Μακεδονικὴ βιβλιοθήκη, 13, 19, 20). Θεσσαλονίκη, 1952, 1954, 1955.
- R. Jenkins. The Byzantine Empire on the Eve of the Crusades. London, 1953.
- M. Kos. Zgodovina Slovencev. Od naselitve do petnajstega stoletja. Ljubljana, 1955.
- Б. Крекић. Дубровник и Левант (1280—1460). Београд, 1956.
- Д. Крънджалов. Хуни ли сме ние, българите? София, 1947.
- Ἰ. Λ. Ευγγουπόπουλου Τέσσαρες μικροὶ ναοὶ τῆς Θεσσαλονίκης ἐκ τῶν χρόνων τῶν Παλαιολόγων. (Μακεδονικὴ βιβλιοθήκη, 15). Θεσσαλονίκη, 1952.
- «Leguirea caragea», editie critică. Editura academici Republicii Populare Romîne. București, 1955.
- E. E. Lipšic. Byzanz und die Slaven. Beiträge zur byzantinischen Geschichte des 6—9 Jahrhunderts. Weimar, 1951.
- С. Лишев. За стокото производство във феодална България. София, 1957.
- Н. Мавродинов. Византийската архитектура. София, 1955.
- Н. Мавродинов. Връзките между българското и руското изкуство. София, 1955.
- E. Mályusz. Thuróczy János krónikája. Budapest, 1944.
- Л. Мирковић. Мирославлево еванђеље (Посебна издања САН, кн. CLVI, Археолошки институт, кн. I.), Београд, 1950.
- «Monumenta musicae byzantinae», IV. Contacarium Ashburnhamense, ed. C. Hoeg. Copenhagen. 1956, tabl. 1r—265v.

- «Monumenta musicae byzantinae transcripta», vol. VIII. The Hymns of the Hirmologium. Part II, 2, transcribed by A. Ayoutanti. Copenhagen, 1956.
- «Monumenta musicae byzantinae transcripta», vol. IX. The Akathistos Hymn. Introd. and transcr. by E. Wellesz. Copenhagen, 1957.
- Гу. Моравсик. Ztand und Aufgaben der klassischen Philologie in Ungarn. Berlin, 1955.
- В. Мошин. Акти из светогорских архива. Споменик. Српска краљевска академија, ХСІ, други разред, Филозофско-филолошке друштвене и историске науке. Београд, 1939.
- В. Мошин. Ćirilski rukopisi Jugoslavenske akademije. I—II Dio. Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti, 1952—1955.
- В. Мошин in A. Sovre. Dodatki h grĳskim listinam Hilandarja. Ljubljana, 1948.
- В. Мошин. Македонско евангелие на поп Јована. Скопје, 1954.
- «Münchener Beiträge zur Slavenkunde». Festgabe für Paul Diels. (Veröffentlichungen des Osteuropa-Institutes, Bd. IV), München, 1953.
- «Nouvelles études d'histoire». Présentées au Xe congrès des sciences historiques. Rome, 1955. Editions de l'Académie de la République Populaire Roumaine. Bucarest, 1955.
- Α. Ορλάνδου Η φυλάσσετος παλαιοχριστιανική τῆς μεσοεραϊκῆς λεκανῆς, т. I—II (Βιβλιοθήκη τῆς ἐν Ἀθῆναις ἀρχαιολογικῆς ἐταιρείας, ἀριθ. 35). Ἀθῆναι, 1952—1954.
- С. Ostrogorsky. History of the Byzantine State. Transl. by J. Hussey. Oxford, 1956.
- С. Ostrogorskiĳ. Pour l'histoire de la féodalité buzantine. Bruxelles, 1954.
- С. Ostrogorskiĳ. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956.
- Г. Острогорски. Пронија. Прилог историји феудализма у Византији и у јужно-словенским земљама. Београд, 1951.
- С. Радојић. Мајстори старог српског сликарства (Посебна издања САН, ССXXXVI, Археолошки институт, књ. 3). Београд, 1955.
- «Подбрани извори за историјата на Византија». Под общ. ред. на проф. Д. Ангелов. Софија, 1956.
- F. Pringsheim. Zum Plan einer Ausgabe der Basiliken. Berlin, 1956.
- Κ. Α. Ρωμαίου Ὁ μακεδονικὸς τάφος τῆς Βεργίνας. (Μακεδονικὴ βιβλιοθήκη, 14). Ἀθῆναι, 1951.
- «Le roman de Callimaque et de Chrysorrhoe». Texte établi et trad. par M. Pichard. (Collection byzantine, publ. sous le patronage de l'assoc. Guillaume Budé). Paris, 1956.
- Γ. καὶ Μ. Σωτηρίου Η βασιλικὴ τοῦ ἁγίου Δημητρίου Θεσσαλονίκης. Λεύκωμα, κείμενον. (Βιβλιοθήκη τῆς ἐν Ἀθῆναις ἀρχαιολογικῆς ἐταιρείας, ἀριθ. 34). Ἐν Ἀθῆναις, 1952. Πιν. 102.
- Sh. Yeivin. Archaeological Activities in Israel 1948—1955. Ministry of Education and Culture Department of Antiquities. Jerusalem, 1955.
- «Зборник у част шесте стогодишњице Законика цара Душана I». Београд, 1951.

Периодические издания

- «Acta archaeologica Academiae scientiarum Hungariae», red. Gy. Moravcsik, t. VI, fasc. 1—4. Budapest, 1955.
- Ἀρχεῖον τῶν βυζαντινῶν μνημεῖων τῆς Ἑλλάδος, ἐκδ. ὑπὸ Ἀ. Ὀρλάνδου. т. II, III, IV, V, VI, VII, VIII (τεύχ. I). Ἀθῆναι, 1936; 1937; 1938; 1939—1940; 1948; 1951; 1956.
- Археолошки споменици и налазишта у Србији. I. Западна Србија; II. Централна Србија. Уредник Ђ. Бошковић. Београд, 1953; 1956.
- Bibliotheca Classica Orientalis. 1 Jhrg., Heft 1. Berlin, 1956.
- Buzantinoslavica, XVIII, 1, 2. Prague, 1956.
- Āeskoslovenská ethnografie, Ročník I, číslo 2—3. Praha, 1953.
- Годишник на филозофско-историческа факултет. Кн. II (история). Државен Университет, том XLVII. Софија, 1952.
- Исторически преглед № 1, Софија, 1957.
- The Journal of juristic papyrology, ed. by R. Taubenschlag, vol. VII—VIII; IX—X. Warszawa, 1954; 1956.
- Ljetopis Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti za godine 1951—1952. Knjiga 59. Zagreb, 1954.
- Revue des études byzantines, t. XIV. Paris, 1956.
- Ricerche slavistiche, vol. IV. Roma, 1955—1956.
- Slovo. 2. Casopis Staroslovenskog instituta. Zagreb, 1953.
- Старинар. Орган Археолошког института. Нова серија. Књига I; II; III—IV; V—VI. Београд, 1950; 1951; 1955; 1956.
- Studii și cercetări de istorie. 1—4; Anul VII. Ianuarie—Decembrie. 1956.
- Зборник радова САН. (књ. XXI, XXXVI, XLIV, XLIX). Византолошки институт, књ. 1—4. Београд, 1952—1956.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- AASS — Acta sanctorum Bollandiana
 AB — Analecta Bollandiana
 BB — Византийский временник
 ВДИ — Вестник древней истории
 ВИ — Вопросы истории
 BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique
 BC — Византийский сборник. М.—Л., 1945
 BS — Byzantinoslavica
 Byz — Byzantion
 BZ — Byzantinische Zeitschrift
 CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum
 Dig. — Digesta. Corpus Juris Civilis, recog. P. Krueger et Th. Mommsen
 FHG — Fragmenta Historicorum Graecorum
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 ЗАН — Записки Академии наук
 ЗИВ — Записки Института востоковедения
 ИЖ — Исторический журнал
 ИИАК — Известия Императорской Археологической комиссии
 ИИБИ — Известия на Института за българска история
 ИМ — Историк-марксист
 ИП — Исторически преглед
 ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе
 JHS — Journal of Hellenic Studies
 Jus — Jus Graeco-Romanum, ed. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1856—1881.
 КСИВ — Краткие сообщения Института востоковедения
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 КСИС — Краткие сообщения Института славяноведения
 MGH — Monumenta Germaniae Historica
 MM — Ed. F. Miklosich et J. Müller. Acta et diplomata Graeca aevi . . .
 Nov. Just. — Novellae Justiniani
 ОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
 PG — J. P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series Graeca
 PL — J. P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series Latina
 RE — Pauly—Wissowa—Kroll. Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft.
 СА — Советская археология
 СВ — Советское востоковедение
 СС — Славянский сборник
 СЭ — Советская этнография
 SBAW — Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften
 ТОДРА — Труды отдела древнерусской литературы

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

	Стр.
Г. Л. Курбатов (Ленинград). Восстание Прокопия (365—366 гг.)	3
Э. Кондураки (Бухарест). О натуральном и денежном обмене в Римской империи IV—V вв.	27
Р. Браунинг (Лондон). Рабство в Византийской империи (600—1200 гг.)	38
А. П. Каждан (Москва). Василики как исторический источник	56
М. Я. Сюзюмов (Свердловск). Василики как источник для внутренней истории Византии	67
Е. Э. Липшиц (Ленинград). Несколько замечаний о Василиках как источнике	76
Е. Э. Липшиц (Ленинград). К изучению экономики пригородов Константинополя в X в.	81
Б. Т. Горянов (Москва). К вопросу об общественно-политическом строе Латинской империи	85
<u>М. А. Шангин</u> , А. Ф. Вишнякова (Владивосток). Существовала ли „Внешняя Русь“?	97
<u>М. А. Шангин</u> , А. Ф. Вишнякова (Владивосток). Из комментария к „Аписке греческого топарха“	99
✓ Д. Л. Талис (Тула). Из истории русско-корсунских политических отношений в IX—X вв.	103
✓ А. Л. Якобсон (Ленинград). К истории русско-корсунских связей (XI—XIV вв.)	116
✓ Г. Ф. Корзухина (Ленинград). О памятниках „корсунского дела“ на Руси (По материалам медного литья)	129
Н. Я. Половой (Таганрог). О дате второго похода Игоря на греков и похода русских на Бердаа	138
А. И. Клибанов (Москва). К изучению биографии и литературного наследия Максима Грека	148
А. Ф. Грабский (Лодзь). По поводу польско-византийских отношений в начале XI в.	175
С. В. Полякова (Ленинград). Ἐγὼ διὰ τὸν Χριστὸν τοὺς τοίχους τῆρῶ (О некоторых особенностях раннемонашеской идеологии и быта согласно „Лавсаику“ Паллады и сочинениям Василия Великого)	185
Е. Б. Веселаго (Москва). Еще раз о Лаонике Халкокондиле и его историческом труде	190
С. А. Кауфман (Москва). Из истории Софии Константинопольской	200
А. В. Банк (Ленинград). Византийские серебряные изделия XI—XII вв. в собрании Эрмитажа	234

Критика и библиография

И. К. Кусикьян (Москва). Армянский судебник Мхитара Гоша. Перевод с древнеармянского <u>А. А. Паповяна</u> . Редакция, вступительная статья и примечания Б. М. Арутюняна. Памятники древнеармянской литературы, II. Ереван, 1954	243
--	-----

И. К. Кусикьян (Москва). И. А. Орбели. Басни средневековой Армении. М.—Л., 1956	245
Бястра А. Цветкова (София). Проблема падения Константинополя (Обзор статей, опубликованных в периодических изданиях СССР и стран народной демократии в связи с 500-летием завоевания Константинополя турками)	247
А. Я. Сыркин (Москва). „История и восхваление венценосцев“. Перевод, предисловие и примечания К. С. Кекелидзе. Тбилиси, 1954	259
О. Г. Чайковская (Москва). М. А. Заборов. Крестовые походы. М., 1956	262
М. М. Фрейденберг (Великие Луки). „Подбрани извори за историята на Византия“. София, 1956	272
Р. А. Кацнельсон (Москва). Н. Мавродинов. Византийската архитектура. София, 1955	277
С. М. Каштанов (Москва). Труды И. Денисова о Максиме Греке и его биографах	284
А. П. Каждан (Москва). М. Thompson. Athenian Agora, vol. II. Princeton, 1954	296
М. А. Заборов (Москва). Новое в изучении крестовых походов в зарубежной историографии (S. Runciman. A History of the Crusades, vol. I—III. Cambridge, 1951—1954)	298
Н. И. Голубцова (Москва). F. Lot. Nouvelles recherches sur l'impôt foncier et la capitation personnelle sous le Bas-Empire. Paris, 1955	313

Переводы и публикации источников

Пребывание Мазариса в подземном царстве. Перевод С. П. Кондратьева. Предисловие и комментарий Г. М. Соколовой	318
---	-----

Хроника

К. А. Осипова (Москва). Защита диссертаций по византиноведению в Москве в 1951—1957 гг.	358
З. В. Удадьцова, В. С. Шандровская (Москва—Ленинград). Берлинская конференция по вопросам византийской и новогреческой литературы	370
Книги и журналы, поступившие в редакцию	379
Список сокращений	382

Византийский временник, т. XIV

Утверждено к печати Институтом истории Академии наук СССР
 Редактор издательства Н. Н. Леман. Технический редактор Н. И. Москвичева
 Корректор В. К. Гарди

РИСО АН СССР № 18-74В. Сдано в набор 8/1 1958 г. Подписано к печати 15/IV 1958 г.
 Формат 70×108^{1/16}, 24 печ. л. 32,88 усл. печ. л. 34,6 уч.-издат. л. +7 вклеек.
 Тираж 1800 экз. Т-02850. Изд. № 2673. Тип. зак. № 504.

Цена 20 руб. 85 коп.

Издательство Академии наук СССР, Москва, Б-64, Подсосенский пер., 21

1-я типография АН СССР, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

6

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
16	21 св.	, легионов	легионов,
30	9 св.	denarius	denarius
67	13 св.	ακαθάρασις	ἀκαθάραις
81	5 св.	о времени	О времени
81	7 и 8 св.	Philopheos	Philotheos
81	23 св.	Byzantinae	Byzantini
88	2 св.	Λεξιός τοῦ	Λεξιός του
98	2 св.	Cod. Vindobon.	Lexicon Vindobonense
99	7 св.	μετατρεπόμενου	μετατροπομένου
100	6 св.	~~~~~	~~~~~
137	7 св.	6433	6453
151	11 св. (левая колонка)	Людовика	Лодовико
152	31 св. (правая колонка)	Басеараба	Бассараба
169	13 св. (правая колонка)	есть	ec
171	23 св.	Сеть	Cero
179	6 св.	Вус.,	Byz.,
199	17 св.	ἐντεῦθεν	ἐντεῦθεν
211	12 св.	dello VIII	dell'VIII
380	18 св.	Buzantine	Byzantine
381	20 св.		
380	24 св.	I. M. Hussey	J. M. Hussey
381	5 св.	Ztand	Stand
381	17 св.	Buzantinoslavica	Byzantinoslavica

ПОПРАВКА К XIII т.

На стр. 284 строку 15 св. следует читать:
 буквы IC, справа также под титлом XC — Ἰησοῦς Χριστός;